

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HW RRN3 0

KSF 458

893.105

V92

Columbia University 1895
in the City of New York 15

apr. - 1895

THE LIBRARIES

GIVEN BY

Mrs. R. Lukashok

WITHDRAWN

April 14th 1865
Dr. to the Hon. Secy of War

April 7th 1923-16

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Вольного Театра, 2.

1885.

Miss Rebecca L. Washburn
5/28/40

△
KSF 458

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUL 28 1960

Moyes

1100
1100
1100

11 В 11 1945 НВ 17

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНІЕ СААДІИ ГАОНА ¹.

Третій отдѣлъ, трактующій *о новелліахъ и запретахъ* (תוספות), имѣеть цѣлю показать, что сотворившее изъ ничего вселенную единое Божество явило милость свою, даровавъ людямъ то могучее средство, помощью котораго они сами въ состояніи снискать себѣ вѣчное блаженство. Средство это—откровеніе въ формѣ опредѣленнаго законодательства. Другими словами, Саадія задаетъ въ данномъ трактатѣ цѣлю философски обосновать *божественность* того источника, изъ котораго иудаизмъ тысячелѣтіями черпалъ силы въ борьбѣ за духовное свое существованіе.

«Тора была, есть и во вѣки будетъ (это—наше убѣжденіе, за которое мы готовы жизнь отдать) нерушимымъ, неприкосновеннымъ сокровищемъ Иараіля. Приобрѣли мы ее,² мы, племя купцовъ, какимъ мы теперь являемся, столь дорогою цѣною, цѣною крови сердца нашего, что сочтемъ всякую предлагаемую намъ за нее цѣну ничтожною. Вѣчность Торы (תורת משה) — положеніе, въ справедливости котораго никогда ни у одного еврея не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія. Подверглось ли бы племя наше безпримѣрному мученичеству за эту Тору, если бы относительно божественности ея въ еврейскихъ сердцахъ не царствовало полнѣйшаго единодушія? Если бы воды океана обратились въ чернила, а деревья въ поляхъ и лѣсахъ въ перья—да простятъ намъ это сравненіе!—то, развѣ и тогда были бы мы въ состояніи описать всё тѣ страданія, мученія, пытки огнемъ и водою, безумныя, возмущающія человечество притѣсненія, которымъ отцы и матери наши съ несокрушимомъ преданностью и вѣрою въ божествен-

¹ См. „Восходъ“ кн. III.

ность этой самой Торы нѣкогда добровольно предавали себя?» восклицаетъ раввинъ А. Шмидль, глубокий знатокъ исторіи еврейской философской мысли, во вступленіи къ отдѣлу о вѣчности и божественности закона (срв. I. с. р. 195). Если же принять во вниманіе, что Саадія является *первымъ* изъ цѣлаго ряда еврейскихъ мыслителей, которые задались цѣлью философски обосновать фактъ божественнаго происхожденія Св. Писанія и что Шмидль, именно съ Саадія и начиная историческій обзоръ этого вопроса, приходитъ къ приведенному возгласу, то нельзя не согласиться, что проповѣдь гаона на эту тему по меньшей мѣрѣ не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

«Подробно изложивъ, что Господь существовалъ вѣчно и что до міросотворенія не было ничего (кромя Него), мы естественно приходимъ къ выводу: актъ міросозданія является результатомъ божественнаго милосердія, какъ мы имѣли уже случай упомянуть въ концѣ перваго трактата при указаніи на поводъ къ сотворенію вселенной»—такъ начинается третій отдѣлъ книги *Eshuth*. Божество, движимое милосердіемъ и въ силу послѣдняго создавъ вселенную, даровало человѣчеству и то средство, помощью котораго оно само можетъ достигнуть высшаго блаженства. Средство это—божественное законодательство въ повелѣніяхъ и запрещеніяхъ, къ разсмотрѣнію которыхъ гаонъ и приглашаетъ читателя. Но тутъ на первыхъ же порахъ возникаютъ вопросы, еще до гаона поднятые мотавилитами: неужели Господу Богу необходимо было обставить достиженіе человѣкомъ вѣчнаго блаженства цѣлымъ рядомъ предписаній? Развѣ не проще было бы прямо даровать человѣчеству блаженство, не ставя послѣдняго въ зависимость отъ исполненія различныхъ повелѣній?

Одни мотавилиты готовы были признавать бесполезность такихъ предписаній, другіе же (и главнымъ образомъ знаменитый Аль-Джуббан и сынъ его Гашизмъ)¹ держались мнѣнія, что путемъ точнаго исполненія божественныхъ предначертаній человѣкъ самъ уготовляетъ себѣ загробное блаженство; другими словами, они столь высоко ставили свободу человѣческой личности, что не допускали и мысли о внимательствѣ Боже-

¹ Шарастани (ed. Haarbrücker, I, 86). Срв. *I. Guttman*, I. с. р. 132.

ства въ такого рода вопросъ. При этомъ они полагали, что чѣмъ труднѣе божественныя повелѣнія, тѣмъ болѣе отъ самого человѣка зависитъ рѣшить путемъ неукоснительнаго ихъ исполненія вопросъ о наградахъ въ загробной жизни.

Присоединяясь къ ученію Аль-Джуббан, Саадія тоже того мнѣнія, что тщательнымъ исполненіемъ божескихъ предписаній человѣкъ самъ рѣшаетъ свою будущую участь ¹. Но тутъ возникаетъ вопросъ: не могъ ли бы человѣкъ самостоятельно, безъ помощи Бога и Его предписаній, исключительно путемъ логическаго мышленія, дойти до сознанія необходимости вести жизнь нравственную и сдерживать свои дурныя наклонности? Рационалистъ Аль-Джуббан отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, Аль-Ашари же отрицательно. Мнѣніе Саадія занимаетъ среднее мѣсто между этими двумя крайностями, отдавая должное какъ Откровенію, такъ и разуму.

По убѣжденію гаона, всѣ повелѣнія могутъ быть распределены по четыремъ рубрикамъ: къ первымъ тремъ относятся тѣ предписанія, обязательность которыхъ аксіоматична; это такъ наз. *л'ауш л'ауш* (по арабск. *لأولئك لهم*) ², т. е. рациональныя постановленія; сюда относятся: 1) чувство благодарности къ Божеству и смиреніе предъ Нимъ ³; 2) запрещеніе недостойно выражаться (и конечно думать) о Богѣ, т. е. преклоняться кумирамъ, ложно влястись именемъ Его и прилагать къ Нему несоотвѣтствующіе Его сущности атрибуты; 3) не причинять зла ближнему, будь то развратъ, убійство, клевета, воровство или что-либо иное; напротивъ, чувство справедливости требуетъ отъ насъ—любить ближняго, какъ самого себя.

Къ четвертой группѣ принадлежатъ тѣ *обрядовые* законы (арабск. *л'ауш л'ауш*, евр. *למשל למש*), которые видимо, по соображеніямъ логическимъ, нисколько не обязательны, но которые тѣмъ не менѣе въ видѣ прямого слѣдствія вытекаютъ изъ данныхъ Св. Писанія.

Признавая повелѣнія чисто ритуальнаго характера логи-

¹ Срв. аналогію съ Аристотелемъ: *Ethic. Nikom. IX, 9.*

² Этотъ терминъ введенъ въ религиознофилософскую литературу впервые Саадіей. Срв. Комментарій на *Sepher Jezirah, I, § 1.*

³ По этому вопросу гаонъ (даже въ терминологіи) сходится опять съ Ал-Джуббан. Срв. *I. Guttmann* I. с. р. 134 и *A. Kaufmann*, I. с. р. 503.

чески необоснованными, гаонъ однако весьма категорически отрицаетъ ихъ якобы нелогичность: разумъ нашъ не возмущается ими, подсказывая намъ предположеніе, что мудрость Творца дала намъ ихъ по двумъ соображеніямъ: либо для того, чтобы путемъ точнаго ихъ исполненія мы были въ состояніи заслужить большую награду въ загробной жизни, либо для того, чтобы мы, соблюдая ихъ, служили Вождеству, выражая тѣмъ самымъ полную свою Ему покорность.

Во всякомъ случаѣ, какъ тѣ, такъ и другіе законы сообщены намъ Превѣчнымъ устами Его пророковъ. Если спросить, къ чему Ему было посылать ихъ, разъ люди сами додумались бы до необходимости рациональной нормировки своихъ взаимоотношеній и отношеній къ Богу, то этому дано уже было объясненіе въ концѣ введенія, гдѣ было указано, что для того, при полной гадательности результатовъ, потребовался бы огромный промежутокъ времени.

Послѣ этихъ общихъ положеній гаонъ подробнѣе останавливается на обоснованіи необходимости такъ назыв. рациональныхъ предписаній, послѣдовательно рассматривая различными преступленія: убійство, прелюбодѣяніе, воровство, ложное показаніе на судѣ и т. п. Любопытно соображеніе Саадія о недопустимости прелюбодѣянія.

«Равнымъ образомъ разумъ нашъ не можетъ разрѣшить блудъ, ибо иначе человекъ низвелъ бы себя на степень животнаго, никто не зналъ бы отца своего и не могъ бы выразить ему признательность не только за свое воспитаніе и содержаніе, но и за самый фактъ своего существованія, никто не имѣлъ бы настоящихъ родственниковъ, на которыхъ могъ бы распространить любовь свою и расположеніе» — такъ гласитъ объ этомъ нѣсколько одностороннее мнѣніе гаона.

Гораздо труднѣе логически обосновать законы ритуальные, относящіеся къ четвертой группѣ, т. е. предписанія о празднованіи субботы и различныхъ праздниковъ, о службѣ священниковъ и о жертвованіяхъ, о бракѣ, о пищѣ и т. п.

«Но и для постановленій этого рода, равно какъ для тѣхъ, которыя изъ нихъ вытекаютъ или находятся въ связи съ ними, мы большею частью можемъ найти нѣвѣстные рациональныя причины, хотя ихъ главнѣйшая цѣль и заключается въ

томъ, чтобы мы неукоснительно исполняли волю божью и тѣмъ самымъ стремились бы къ достиженію главной цѣли своего существованія. Мудрость же Превѣчнаго выше всего!»

Приведенныя слова Сааді очень знаменательны: тутъ у него на первый планъ выдвигается божественная воля Того, кто далъ намъ указанныя предписанія. Мы можемъ стараться умомъ постичь ихъ цѣль, можемъ больше или меньше близко подойти къ разрѣшенію занимающей насъ задачи, но не должны забывать, что можемъ ошибаться, такъ какъ знаніе человѣческое ничто въ сравненіи съ мудростью Превѣчнаго. По нашей логикѣ празднованіе субботы и извѣстныхъ дней въ году можетъ быть установлено для того, чтобы дать погрязшему въ житейскія дрязги человѣку возможность хоть иногда вознестись душою и мыслью къ Творцу своему. Рукоположеніе извѣстныхъ лицъ во священники вызвано, вѣроятно, желаніемъ Превѣчнаго, чтобы среди насъ были учителя и наставники въ добродѣтели и какъ ея достигнуть. Запрещеніе употреблять въ пищу тѣхъ или иныхъ животныхъ можетъ преслѣдовать ту цѣль, чтобы мы не вздумали поклоняться животнымъ, вмѣсто Бога, такъ какъ то не можетъ считаться нами божествомъ, что употребляется нами въ пищу. Запрещеніе вступать въ бракъ съ матерью, сестрою или дочерью мотивируется соображеніемъ, что въ противномъ случаѣ, благодаря тѣсному общенію членовъ семьи между собою, семья легко могла бы стать гнѣздомъ и расадникомъ разврата и т. п. Принимая же во вниманіе, что всѣ эти предписанія дошли до насъ путемъ божественнаго откровенія пророкамъ, мы, на основаніи вышеприведеннаго, вправѣ заключить, что это откровеніе было необходимо, какъ были необходимы и пророки. Хотя это и само собою вытекаетъ изъ сказаннаго, но, въ виду существованія многихъ лицъ, отвергающихъ необходимость пророковъ и пророчества вообще ¹, представляется нужнымъ удѣлать и этому вопросу долю вниманія.

«Къ такому подробному обсужденію вопроса о пророчествахъ и пророкахъ меня побудило то обстоятельство, что я встрѣ-

¹ По мнѣнію *J. Guttman's* 1. с. р. 139—140 здѣсь имѣются въ виду браминны, ученіе которыхъ было весьма распространено въ Иракѣ.

часть массу людей, которые въ размышленіяхъ своихъ объ этомъ пришли къ ложнымъ выводамъ. Одни считали характернымъ признакомъ пророковъ то, что они, въ противоположность прочимъ людямъ, бессмертны; другіе то, что пророкъ свободенъ отъ общечеловѣческихъ чувствованій, каковы голодъ и жажда, стремленіе къ половымъ сношеніямъ; третьи, наконецъ, не хотятъ допустить, чтобы пророка могло постичь какое-либо несчастіе, или чтобы онъ чувствовалъ физическую боль, или чтобы онъ чего-либо не зналъ. Но для меня ясно, что всѣ подобныя воззрѣнія грѣховны; во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что всемудрость Творца въ одинаковой степени проявляется какъ по отношенію къ пророкамъ, такъ и ко всему въ мірѣ существующему, на что указываютъ Псал. 33, 4 и Мих. 4, 12.

Пророки были нужны не только для ознакомленія людей съ обрядовыми законами, но и для возвѣщенія предписаній рациональнаго характера. Хотя умъ, человѣческій и самъ съ теченіемъ времени, какъ мы видѣли, дошелъ бы до сознанія необходимости такихъ предначертаній, однако безъ божественнаго Откровенія, безъ пророковъ мы были бы въ затрудненіи относительно *размѣра* налагаемыхъ на насъ Творцомъ обязательствъ¹, такъ какъ въ подобнаго рода вопросахъ людямъ трудно, да и просто невозможно, опираясь исключительно на собственные соображенія, придти къ сколько-нибудь полному соглашенію.

Установивъ такимъ образомъ фактъ *необходимости* пророковъ, гаонъ переходитъ къ вопросу о томъ, какими средствами обладаемъ мы для *опредѣленія достоверности* и божественности миссіи тѣхъ лицъ, которые выступаютъ передъ народами въ качествѣ пророковъ, и почему Божество избираетъ провозвѣстниками воли Своей людей, а не ангеловъ, какъ, напр., учили брамины. По мнѣнію Саадія, находящемъ себѣ подтвержденіе не только въ Св. Писаніи (Исходъ, 33, 8, 9; Псал. 39, 7. Исх. 7, 11 и др.), но и въ данныхъ нашего разума, степень божественности пророковъ опредѣляется ихъ чудесами при про-

¹ Съ этимъ согласны и Аль-Джуббай и Гашимъ, какъ видно изъ Шарат-Исвати), 82). Ср. *J. Guttman*, l. c. p. 141 app.

рочествованіи. Этими чудесами они доказываютъ людямъ божественность своей миссиі, и по окончаніи послѣдней даръ творить чудеса у нихъ пропадаетъ. Такимъ возвращеніемъ въ общечеловѣческое, немощное относительно явленій природы состояніе пророки, по мнѣнію гаона, наиболѣе наглядно и доказываютъ фактъ именно ихъ избранія Божествомъ для обнародованія Его воли. Этимъ объясняется и то обстоятельство, почему Превѣчный входитъ въ общеніе съ людьми при посредствѣ избранныхъ людей же, а не избранниковъ изъ числа ангеловъ: если бы ангель или пророкъ, навсегда одаренный присущими ему сверхъестественными качествами, сталъ творить чудеса, то все-таки можно было бы сомнѣваться въ божественности его миссиі, объясняя вызываемыя имъ знаменія характеромъ его природы, а не специально въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ волею Творца видѣть предначертанія Свои сообщенными людямъ ¹.

Такъ какъ божественное Откровеніе отражается въ книгахъ Св. Писанія, то не лишнимъ является опредѣлить и характеръ данныхъ, входящихъ въ составъ этихъ книгъ. По мнѣнію Саадія, ихъ три рода: 1) историческія, освѣщающія давнее прошлое повѣтствованія, которыя по сущности содержанія своего побуждаютъ насъ къ богопочитанію; 2) предписанія и запрещенія; и 3) обѣщанія наградъ или возмездія за исполненіе или нарушеніе данныхъ повелѣній. Такое дѣленіе на три составныхъ части замѣчается во всѣхъ религиозныхъ кодексахъ всѣхъ временъ и народовъ.

Относительно двухъ послѣднихъ пунктовъ мы указали уже на средства, какими обладаютъ люди для опредѣленія степени ихъ божественности ². Подлинность и, слѣдовательно, божественность историческихъ сообщеній подтверждается *преданіями*, опирающимися на свою внутреннюю логичность и подтверждаю-

¹ Все это разсужденіе очевидно направлено противъ браминовъ, отвергавшихъ, какъ извѣстно, возможность общенія Божества съ людьми при помощи посланцевъ изъ людей же, но допускавшихъ въ такихъ случаяхъ посредничество ангеловъ.

² Тутъ имѣются въ виду чудеса пророковъ, не обладающихъ, до божественной миссиі своей, даромъ творить ихъ и теряющихъ затѣмъ эту способность.

щимся массою очевидцевъ, которые были при совершеніи того или другого чуда и сообщили объ этомъ опять-таки не отдѣльнымъ личностямъ, а цѣлому обществу. «Преданія нашихъ израильскихъ предковъ, виждущіяся на указанныхъ основаніяхъ, ты поэтому и признаешь достовѣрными» восклицаетъ по этому поводу гаонъ ¹.

Въ виду того, что представители различныхъ вѣроученій отвергали обязательность библейскихъ повелѣній, которыя-де отмѣнены послѣдующими Откровеніями (срв., напр., ученіе ислама), Саадія считаетъ здѣсь умѣстнымъ заступиться за невыблемуемую божественность и вѣчную обязательность Торы.

Мусульмане и христіане выставляли въ пользу отмѣны ветховавѣстныхъ постановленій различныя цитаты изъ самого В. Завета (напр., Второз. 33, 5; Обад. 1, 1; Иерем. 31, 31). Поэтому и Саадія опирается на данныя того же рода и, исходя изъ нихъ, подкрѣпляетъ ихъ соображеніями формальнаго характера ². Изъ Второз. 33, 4 онъ выводитъ, что израильское преданіе устанавливаетъ неотмѣняемость божественныхъ предписаній. Существеннымъ образомъ это мнѣніе подкрѣпляется, по мнѣнію гаона, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что *последній* изъ пророковъ, Малахія (3, 22—23) увѣщаетъ израильтянъ держаться Торы до пришествія Иліи наканунѣ страшнаго суда, т. е. до скончанія міра.

Съ философской точки зрѣнія возможность отмѣны библейскихъ предписаній также не выдерживаетъ критики: допуская такую отмѣняемость, поневолѣ приходится признать и переменчивость Того, Кто далъ намъ эти предписанія, а это противорѣчитъ представленію нашему о Божествѣ, неизмѣнно вѣчную сущность котораго мы познали во второмъ трактатѣ этой книги. Хотя среди мусульманъ и отщепенцевъ іудаизма (каковымъ является, напр., Альбальхи) и

¹ Эти данныя направлены, вѣроятно, противъ отвергшихъ традицію каравковъ и шитовъ. Нельзя не признать, что при отсутствіи болѣе детальнаго разсужденія, мнѣніе Саадія выражено довольно слабо.

² Этотъ методъ гаона—разсмотрѣвъ мнѣнія противниковъ и обнаруживъ ихъ несостоятельность, переходитъ къ изложенію собственныхъ взглядовъ по данному вопросу — очень напоминаетъ аналогичный приемъ Аристотеля. Ср. А. Schmiedl, l. c. p. 196—197.

находились люди, выставившія семь аргументовъ въ пользу отиѣняемости библейскихъ повелѣній¹, однако доказательства эти таковы, что Саадія не представляется особенно затруднительнымъ опроверженіе ихъ.

Не вдаваясь здѣсь въ подробное разсмотрѣніе его на этотъ счетъ соображеній, отмѣтимъ лишь, что попутно гаонъ особенно подчеркиваетъ слѣдующую выставляемую имъ мысль первостепенной культурно-исторической важности:

«Многіе полагаютъ, что вѣря Моисею исключительно вслѣдствіе совершенныхъ имъ чудесъ и знаменій, мы тѣмъ самымъ обязаны вѣрить въ божественность (миссію) и другихъ лицъ, если только они творятъ чудеса. Я не мало изумлялся такому взгляду: какъ извѣстно, насъ вѣдь побуждаютъ вѣрить словамъ Моисея не только его чудеса и знаменія; мы готовы вѣрить и всякому другому пророку, но лишь при условіи, что онъ призываетъ насъ къ дѣяніямъ хорошимъ, нравственнымъ...» Поясняя свое положеніе далѣе цѣлымъ рядомъ довольно удачно подобранныхъ соображеній практическаго характера и взятыхъ изъ обыденной жизни, Саадія приходитъ къ окончательному выводу, что на первомъ планѣ только *философско-этическое* содержаніе ученія въ состояніи опредѣлить степень его достовѣрности, его божественности и его необходимости. То ученіе, которое не обладаетъ этими главнѣйшими признаками достовѣрности (философскою и нравственною содержательностью), тѣмъ самымъ уже не можетъ и не должно претендовать на распространеніе и бессмертіе.

Четвертый трактатъ, озаглавленный въ еврейскомъ переводѣ *תורת משה על התורה* (т. е. о повиновеніи и неслушаніи, о принужденіи и благочестіи), посвященъ выясненію одного изъ наиболѣе жгучихъ религиозно-философскихъ вопросовъ, именно вопросу о свободѣ человѣческой воли.

Выше мы уже коснулись отношенія мусульманскихъ сектъ

¹ Таковы, напр., слѣдующіе: Божество вызываетъ людей къ жизни, а затѣмъ само же отнимаетъ ее у нихъ, заставляя ихъ умирать; значитъ, оно непоследовательно и можетъ оказаться таковымъ же и по отношенію къ собственнымъ своимъ предписаніямъ и запретамъ; или: законъ противорѣчитъ самъ себя, такъ какъ одновременно въ одни дни (будни) допускаетъ работу, а въ другіе (напр., субботы, праздники) запрещаетъ ее, и т. п.

къ ученію Корана и сунны о предопредѣленіи. У Саадін находимъ по этому вопросу нѣкоторую аналогію съ выводами мотазилитовъ, и считаемъ умѣстнымъ дополнить вышеприведенное еще слѣдующимъ: приверженцы догмата *‘азм*, т. н. джабариты, понимали соответственныя кораническія изреченія буквально. По ихъ ученію, человѣкъ—лишь посаушное, ничтожное орудіе въ рукахъ Божества, все предвидящаго и все предрѣшающаго. Такимъ образомъ человѣкъ не обладаетъ ни малѣйшею самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ и мысляхъ: все, что онъ дѣлаетъ или думаетъ, все это заранѣе предопредѣлено Божествомъ. Несмотря на то, что подобный фатализмъ неизбѣжно повелъ къ самымъ ужаснымъ и для монотеизма прямо убійственнымъ выводамъ (вродѣ: бесполезность божественнаго законодательства, произволъ и прямо несправедливость Божества), джабариты имѣли сотни приверженцевъ среди мусульманскихъ богослововъ, что объясняется совнаніемъ необходимости реагировать на ученіе мотазилитовъ, получавшее все большее и большее распространеніе. Впрочемъ, нѣкоторые джабариты (напр., Аль-Ашари и его послѣдователи, выдѣлившіеся затѣмъ въ особую секту ашаритовъ) старались по возможности смягчить безобразное по своимъ выводамъ ученіе джабаритовъ; такъ, они допустили хотя бы частичное сознательное участіе человѣка въ своихъ дѣйствіяхъ (арабск. *دور*, евр. *מור*) въ томъ смыслѣ, что иногда человѣкъ можетъ отказать отъ свышепредписаннаго ему дѣйствія.—Діаметрально противоположны ученію джабаритовъ и ашаритовъ были положенія кадаритовъ или мотазилитовъ. Проповѣдая безусловную свободу воли и отвѣтственность человѣка за его поступки, они однако тоже не совсѣмъ отрицали наличность нормирующаго жизнь человѣка Провидѣнія, но признавали, въ противоположность джабаритамъ, вмѣсто произвола Божества, Его *справедливость*. «Невозможно—такъ передаетъ Шарастани (I. с. р. 45—46) ученіе основателя мотазилитизма Василія-ибнъ-Аты, — чтобы человѣку было повелѣно извѣстное дѣйствіе, но при этомъ не дана возможность приведенія его въ исполненіе; напротивъ, человѣкъ въ самомъ себѣ черпаетъ для того силы. Отрицающій это отрицаетъ естественность. Эти положенія подкрѣпляются изреченіями Корана». Такимъ обра-

зомъ мотивилиты думали примирить положенія религиозныя съ данными разума и выводами философской науки ¹.

Въ видѣ вступленія Саадія выясняетъ на конкретныхъ примѣрахъ, что центръ мірозданія—земля, а цѣль міросозданія—человѣкъ, который является наиболѣе совершеннымъ изъ всѣхъ твореній. Высшимъ показателемъ этого совершенства, подтверждаемаго также данными Св. Писанія (Быт. I, 28; Втор. 30, 19; Псалм. 8, 6—9; 94, 10), служатъ не только его властвованіе надъ всѣми животными и многими силами природы, которыми онъ пользуется въ своихъ интересахъ, но и дарованное ему Творцомъ сознаніе, въ силу котораго онъ помнитъ прошлое, имѣя возможность, на основаніи его, заключать о будущемъ.

«Мы твердо убѣждены,—воскликаетъ гаонъ,—что Премудрый только для того и одарилъ человѣка такими преимуществами, чтобы, какъ указываетъ и Св. Писаніе (Иовъ, 28, 28), имѣть къ кому во вселенной обращаться съ повелѣніями и запрещеніями».

Но если мы так. обр. констатировали совершенство человѣка и выяснили причины этого совершенства, почему однако же, спрашивается, люди являются существами физически далеко несовершенными? Почему намъ сразу бросается въ глаза ничтожество и брѣнность ихъ тѣлъ? Въмѣсто отвѣта, Саадія ограничивается указаніемъ на силу и мощь присущаго человѣку духа, того духа, которому не трудно вознестись къ самому Божеству и объять необъятное. (Псалм. 139, 14).

Другими возраженіями противъ человѣческаго совершенства являются слѣдующія соображенія:

Почему человѣкъ, если онъ такъ совершененъ, не обладаетъ бессмертіемъ? Почему тѣло его состоитъ изъ крови, слизи, желчи и т. п. низменныхъ и грязныхъ ингредиентов? Почему родъ людской подверженъ болѣзнямъ? Почему онъ чувствуетъ физическую боль, результаты отравленія и т. п.? Почему онъ обураваемъ различными нечистыми вожделѣніями и страстями?

Ссылаясь въ своихъ поясненіяхъ на разныя цитаты изъ книгъ Св. Писанія, гаонъ устраняетъ всѣ эти возраженія безъ

¹ Срв. *M. Guttman*, *Das relig. Syst. etc.* p. 54—57. *L. Knoller*, *Das Problem der Willensfreiheit.*, p. 9—13; *A. Krcmer*, l. c. p. 9—29. *A. Schmiedl*, l. c. p. 24. *J. Guttman*, l. c. p. 158, 159.

особаго труда. Такъ, напр., смертность людская объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что еслибы ея не было, человѣкъ не могъ бы стать причастнымъ вѣчной жизни, вѣчнаго загробнаго блаженства. Если бы тѣло человѣка состояло изъ болѣе чистыхъ и болѣе компактныхъ ингредиентовъ, то человѣкъ пересталъ бы быть таковымъ, а былъ бы ангеломъ или звѣздою.

Во всякомъ же случаѣ кровь и желчь благороднѣе составныхъ частей, напр., земли, камня и песку. Болѣзни посылаются людямъ для обращенія ихъ помысловъ къ Богу, для того, чтобы вызвать въ нихъ смиреніе и раскаяніе въ грѣхахъ. Физическая же боль должна напомнить людямъ о мученіяхъ загробныхъ, ожидающихъ закоренѣлаго грѣшника. Стремленіе къ воспріятію пищи (но не чревоугодіе) необходимо для поддержанія жизни въ каждомъ отдѣльномъ существѣ, половая же страсть, при умѣренномъ удовлетвореніи ея, ведетъ лишь къ необходимому поддержанію рода человѣческаго и т. д.¹

Итакъ, мы видѣли, что человѣкъ—наиболѣе совершенное существо на землѣ, этомъ центрѣ мірозданія. Главнѣйшій же признакъ его совершенства—его личная свобода, свобода его воли, и въ этомъ, дарованномъ человѣку свыше качествѣ и называется вся *справедливость* Божества. Вотъ знаменательныя слова гаона по этому поводу:

«Послѣ такихъ подробныхъ объясненій о различныхъ признакахъ (совершенства человѣка), мнѣ приходится упомянуть здѣсь еще о томъ, что составляетъ особенно характерную черту *справедливости* Творца и его снисходительно-любовнаго отношенія къ человѣку, именно о томъ, что Онъ даровалъ послѣднему силу воли исполнять Его повелѣнія, избѣгать запрещеннаго и остерегаться его. Это становится намъ яснымъ какъ изъ данныхъ нашего разума, такъ и изъ Св. Писанія». Первое потому, что Божество не стало бы требовать отъ человѣка исполненія невозможнаго, непосильнаго¹, второе—при наличности сказаннаго у Мих. 6, 3, и въ Второз. 40, 31.

«Я же того мнѣнія,—продолжаетъ Саадія развивать свою теорію о безусловной свободѣ воли,—что возможность (дѣйстви-

¹ У Аль-Джуббаи и у „братьевъ чистоты“ мы находимъ нѣчто аналогичное этому. Срв. *У. Guttman*, l. c. p. 162—163 app.

вать такъ или иначе) предшествуетъ самому дѣйствованію, т. е. что человѣку предоставляется выборъ между дѣйствованіемъ и недѣйствованіемъ. Ибо, еслибы возможность (дѣйствовать) являлась у человѣка одновременно съ самимъ дѣйствованіемъ, то это повело бы къ необходимости признать одно изъ двухъ: либо оба (возможность самостоятельнаго дѣйствованія и само дѣйствіе) были бы въ причинной другъ съ другомъ связи, или они были бы совершенно независимы другъ отъ друга.

«А если бы возможность (дѣйствовать) возникла у человѣка уже послѣ самаго дѣйствованія, то онъ могъ бы тѣмъ самымъ (если бы захотѣлъ) уничтожить въ послѣдствіи то, что онъ раньше (по необходимости) долженъ былъ сдѣлать. Но такъ какъ оба эти предположенія оказываются абсурдными, то поневогѣ приходится склоняться въ пользу того положенія, что *способность человека (самостоятельно) дѣйствовать предшествуетъ приведенію ея въ исполненіе, чѣмъ человеку и дается возможность исполнять (сознательно) заповѣди Творца своего* ..... Къ этому я долженъ присоветовать еще, что безъ собственнаго почина человѣкъ не можетъ дѣйствовать разумно, такъ какъ безъ свободы воли нѣтъ и не можетъ быть (самостоятельнаго) дѣйствованія и такъ какъ несвободный—инертенъ». Въ виду этого божественное Откровеніе освобождаетъ грѣшника по невѣдѣнію отъ заслуженной кары и въ этомъ еще одно доказательство неизмѣримаго милосердія и справедливости Творца».

Установивъ так. обр., по примѣру мотазилитовъ, принципъ свободы человѣческой воли, Саадія идетъ дальше, утверждая, «что Творецъ вселенной не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства въ сознательную дѣятельность людей и что послѣдніе поэтому насильно не принуждаются Имъ ни къ повиновенію, ни къ сопротивленію. Доказательства такого положенія мы находимъ какъ въ области нашихъ чувственныхъ воспріятій, такъ и въ разумѣ нашемъ, а равно и въ Писаніи и традиціи».

Чувственныя воспріятія удостовѣряютъ намъ, что мы можемъ, по собственному желанію, безъ видимой побудительной, внѣ

¹ Между тѣмъ джабариты прямо заявляли, что Богъ можетъ требовать отъ людей даже и невозможнаго. Это—одна изъ прямыхъ выводовъ основнаго ихъ ученія. Срв. *M. Gultmann*, I. с. р. 55.

насть находящейся причины, напр., одинаково говорить или молчать; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мы свободны ¹.

Изъ доказательствъ формальнаго характера можно упомянуть между прочимъ о слѣдующемъ: какое нибудь одно дѣйствіе не можетъ быть одновременно вызываемо двумя дѣйствующими лицами. Если бы Господь заставлялъ насъ дѣйствовать такъ или иначе, то дѣйствующими лицами являлись бы тутъ двое—Господь и мы. Но послѣднее противорѣчитъ нашему основному положенію, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ мы не были бы отвѣтственны за наши дѣянія, и все даннаго намъ Богомъ предписанія и повелѣнія являлись бы совершенно лишними, причемъ, къ тому же, дурные люди могли бы имѣть отличное оправданіе своихъ безобразій: имъ пришлось бы только ссылаться на волю Творца ².

Въ Св. Писаніи и традиціи прямо указывается на свободу, предоставленную Богомъ людямъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть лишь на Второз. 30, 19; Мал. 1, 9; Исаія, 30, 1; 23, 21; 18, 23; 33, 11; Іезек. 18, 13, а въ вавилонскомъ Талмудѣ (тр. Нидда, л. 16 б., Верахотъ, 33 б.—срв. тр. Мегила, л. 25а ³) читаемъ: *עושה פיתו וכן עושה ח'ת לזל*—«все въ рукахъ Вождихъ, кромѣ богобоязни», т. е. кромѣ того, чтобы заставить человека дѣйствовать богобоязненно, сообразно повелѣніямъ Господнимъ.

Слѣдовательно все заставляеть насъ признать безусловную свободу человѣческой воли. Хотя Саадія и достигъ теперь этого вывода путемъ разносторонняго и тщательнаго разсмотрѣнія всехъ доводовъ въ пользу защищаемаго имъ тезиса, однако его изслѣдованіе страдало бы односторонностью, если бы онъ не удѣлилъ вниманія тѣмъ соображеніямъ, которыя могли бы быть

¹ Психологическая сторона вопроса, т. е. какимъ образомъ возможно представить себѣ полную свободу человѣческой личности при неизбѣжно оказывающей на наши рѣшенія известное давленіе строго послѣдовательной причинности явленій, была Саадія еще недоступна. Впервые выдвинули ее Іегуда Галеви и Маймонидъ, указавъ на зависимость нашей воли отъ внутреннихъ побужденій, отъ склада характера и душевныхъ данныхъ. Срв. *L. Kroller*, p. 20.

² Передъ этимъ, какъ мы видѣли выше, джабариты не отступали.

³ Еще за семь вѣковъ до Саадія известный талнай, р. Акиба, задаетъ вопросъ: *למה ליתן ח'ת לזל*; Срв. *M. Eiler*, Vorles. I. c. p. 30.

выдвинуты противъ него приверженцами обратнаго ученія, и если бы онъ оставилъ безъ разсмотрѣнія массу цитатъ Св. Писанія, гдѣ видимо есть данныя, говорящія противъ него.

Такъ, напр., можетъ возникнуть недоумѣніе, насколько со-вмѣстимо представленіе о свободѣ человѣческой воли съ основными положеніями о всемогуществѣ и мудрости, т. е. всевѣдѣніи Творца? ¹ Какъ допускаетъ Господь возникновеніе зла, если Онъ всемогущъ и знаетъ впередъ событія до ихъ совершенія?

Оба вопроса безъ затрудненія разрѣшаются гаономъ, который по первому пункту указываетъ на то, что совершеніе зла вредитъ лишь намъ, людямъ, но никакъ не Божеству, остающемуся вѣчно неизмѣннымъ; а по второму Саадія говоритъ: «Событія происходятъ не потому, что Господь ихъ заранее знаетъ, но Господь ихъ потому-то и знаетъ, что они должны случиться», и поясняетъ это слѣдующимъ образомъ: весь вопросъ сводится къ тому, что задающій его считаетъ знаніе Богомъ чего-либо идентичнымъ съ возникновеніемъ его. Такимъ образомъ знаніе Богомъ впередъ всѣхъ дѣйствій людей еще вовсе не является причиной этихъ дѣйствій, потому что иначе, такъ какъ Божество всегда знало впередъ все совершающееся и имѣющее совершиться, мы должны были бы допустить и вѣчность всего существующаго и долженствующаго еще возникнуть, а это абсурдъ. Напротивъ, Господь знаетъ все въ томъ порядкѣ, какъ оно должно окончательно осуществиться, Онъ знаетъ *конечный результатъ* всего (срв. Псалм. 94, 11 и Второз. 31, 21). ²

Въ тѣснѣйшей связи съ возбужденными вопросами находятся также другихъ два замѣчанія: зачѣмъ Господь, при Его всевѣдѣніи, обращается съ повелѣніями къ благочестивымъ, и почему посылаетъ Онъ пророковъ своихъ къ нечестивцамъ?

Но и это—затрудненія лишь кажущіяся. Между прочими доводами въ пользу необходимости божественнаго Откровенія благочестивымъ гаонъ приводитъ слѣдующія: и праведникъ дол-

¹ Этотъ вопросъ поднимался и мутаазилитами. Срв. Scharastani, I, 53, 60.

² Противъ этого очень возставалъ р. Иосифъ Альбо (Iskarim, IV, 1—3). Хотя Йегуда Галеви (Kisari, V, 20) и говоритъ аналогично Саадіи: „Знаніе впередъ Богомъ того, что еще должно совершиться, настолько же мало можетъ быть разсматриваемо какъ причина его, насколько можно считать причиною

женъ знать, чего требуетъ отъ него Господь, равно какъ долженъ знать, что ему за его благочестивую земную жизнь предстоитъ загробное блаженство. Изъ возраженій на второй вопросъ выдѣляется по оригинальности своей то, что сообщеніе пророками нечестивцамъ воли Господней лишаетъ ихъ возможности отговориться на страшномъ судѣ невѣдніемъ. Переходя затѣмъ къ экзегетической части трактата, къ выясненію истиннаго смысла тѣхъ цитатъ, которыя съ перваго взгляда могли-бы служить опорой приверженцамъ фаталистическаго ученія, Саадія касается еще двухъ возраженій своихъ противниковъ:

«Если мы видимъ, что созданіе Божье, человѣкъ, погибаетъ насильственною смертію, будь то въ видѣ наказанія за проступокъ или для испытанія, если онъ падаетъ отъ руки нечестивцевъ (напр., Іезавель повелѣла зарѣзать многихъ пророковъ), то что намъ думать о такомъ дѣяніи и на кого падаетъ за него отвѣтственность?»

На это мы должны отвѣтить, что хотя (въ такомъ случаѣ) смерть и исходитъ отъ желанія Творца, но здѣсь убійство— все таки результатъ (человѣческой) грѣховности, такъ какъ, если Всемудрый уже постановилъ погибнуть жертвѣ, то послѣд-

всего ранѣе совершившагося извѣстность его Богу“. Маймонида устанавливаетъ 5 пунктовъ различія между знаніемъ божественнымъ и людскимъ: 1) Божество одновременно охватываетъ мысль самые разнородные предметы. 2) Его свѣдѣніе распространяется и на еще не существующее. 3) Оно объимаетъ безконечное. 4) При этомъ Божество не претерпѣваетъ никакихъ личныхъ наміреній. 5) Знаніе Божества не исключаетъ возможности двухъ разновидностей по одному и тому же вопросу. Итакъ Божество разумно не *in potentia*, какъ человѣкъ, но *in actu*. (Срв. *A. Schmiedl*, I. с. р. 26—27). Это повело къ знаменитому, принятому всю средневѣковую какъ арабскую, такъ и схоластическую философію, изреченію: „*Богъ—мысль, полмышлѣніе и полмысль*“ (Аристот. *Met.* 12,9 *νόησις νόησεως νόησις*, которое у Ибнъ-Эзры, *Comm. Exod.* 34,6 получило видъ *וְיָדַעַתּוּ עֲלֵי כָל דָּבָר וְיָדַעַתּוּ עֲלֵי כָל דָּבָר*, а у Маймонида, *Mora*, I, 68, варіировалось въ *וְיָדַעַתּוּ עֲלֵי כָל דָּבָר וְיָדַעַתּוּ עֲלֵי כָל דָּבָר*. — Знаменитый итальянскій поэтъ Leone Hebraeo говоритъ, основываясь на томъ же: *Dio è l'unità dell'amore, dell'amante e dell'amato*. Срв. *S. Munk*, *Mélanges de philosophie*, p. 526). Несмотря на крайнюю популярность этого вывода, Саадія остался чуждъ ему, показавъ въ этомъ свою самостоятельность и оригинальность. Срв. *A. Schmiedl*, *Saadia Al-fajumi und die negativen Vorzüge seiner Religionsphilosophie*, pp. 8—12, гдѣ, кромѣ того, приведено еще нѣсколько вопросовъ, очень волновавшихъ средневѣковыхъ мыслителей, но оставшихся на Саадію безъ вліянія (но не безъ протеста).

няя и безъ грѣха (второго лица) погибла бы отъ какихъ либо иныхъ причинъ». Такимъ образомъ понятно, почему личности вроде Сеннахериба или Навуходоносора названы въ Св. Писаніи (Ис. 10, 5; Іезек. 30, 24) бичемъ или мечемъ божіимъ.

Равнымъ образомъ человекъ, согравшій по необходимости, не можетъ оправдываться извѣстнымъ образомъ сложившимися обстоятельствами. Ложь сама по себѣ всегда грѣховна и обстоятельствами она навиняема быть не можетъ, такъ какъ всякій самъ воленъ очутиться въ положеніи, неизбѣжно вызывающемъ ложь. Обыкновенно отвѣтственность тутъ всецѣло падаетъ на самого лжца, который по собственной винѣ и, слѣдовательно, за собственною отвѣтственностью попадаетъ въ нечеловеческое положеніе ¹.

Всѣ ветхозавѣтныя цитаты (каковы, напр., Быт. 20, 6; Второз. 28, 29; Іовъ 5, 13; Исх. 7, 3) видимо фаталистическаго характера гаонъ разбиваетъ на восемь группъ, сообразно съ цѣлью ихъ появленія въ контекстѣ, и безъ труда убѣждаетъ насъ въ необходимости понимать ихъ иносказательно. При этомъ слѣдуетъ обратить кстати вниманіе и на тотъ приемъ, которымъ пользуется Саадія для объясненія Псалм. 51, 6, указывая, что лишь относя слова וְעַל־רִגְלֵי־רַבְּעִי къ предшествующему предложенію, все мѣсто получаетъ нежеланный смыслъ, а ссылаясь на другой аналогичный примѣръ (Псалм. 34, 16—18), онъ требуетъ раздѣленія предложеній и отнесенія указанныхъ словъ къ послѣдующему періоду (во второмъ случаѣ онъ соединяетъ стихи 18-ый съ 16-мъ).

Это одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ свободнаго научнаго отношенія гаона къ интересующимъ его вопросамъ, и помимо констатированія факта большой свободы взглядовъ, не связанныхъ узкою педантичною рутинной, свидѣтельствуетъ о той полнотѣ изслѣдованія, которую Саадія считалъ необходимою въ столь важномъ вопросѣ, какъ ученіе о свободѣ чело-вѣческой воли. Только путемъ независимаго, ничѣмъ внѣш-

¹ Очень странно звучитъ, рядомъ съ этою высоконравственною мыслью, разрѣшеніе Саадія выражаться въ извѣстныхъ случаяхъ двусмысленно, неясно, и тѣмъ самымъ вводить ближняго въ заблужденіе.

нимъ нестѣсеннаго изслѣдованія—этого краеугольнаго камня религіозной философіи, и можно было добиться тѣхъ результатовъ, которыми по справедливости можетъ гордиться Альфакюми. Впрочемъ, при этомъ нельзя упускать изъ вида вѣскаго замѣчанія Л. Кноллера ¹: «Арабы положили въ основаніе своихъ изслѣдованій о свободѣ воли ученіе Корана и особенно въ этомъ вопросѣ насадили философію на богословіе; еврейскіе же мыслители лишь дополнили этотъ философскій вопросъ ученіемъ библейскимъ, въ качествѣ религіознаго элемента».

Г. Г.

(Продолженіе будетъ).

---

¹ л. с. р. 15.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ¹.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, къ которымъ переходу теперь, столица Юго-западнаго края въ смыслѣ промышленнаго центра, доживала свои послѣдніе дни. Что же касается ея внутренней, бытовой жизни, то она больше жила уже воспоминаніями и отличалась крайними противоположностями. Въ памяти всѣхъ жилъ еще образъ покойнаго раввина Левин-Ицхока, религиознаго энтузіаста, который, по сохранившейся о немъ легендѣ, начиналъ молитву въ одномъ углу и кончалъ ее въ третьемъ, или четвертомъ. Ученіе этого раввина, переданное въ исторіи хасидизма г. Дубнова, въ памяти народа, конечно, не сохранилось. Его мѣсто въ наше время занималъ мало-извѣстный раввинъ ребе Йозекаль, который занимался больше практическими дѣлами, чѣмъ отвлеченными, философскими теоріями старыхъ раввиновъ, и очень мало заботился объ ихъ распространеніи. Рядомъ уживались самыя крайнія противоположности: ортодоксальное еврейство—Бесъ-Гамедриша, хасидизмъ—въ Клаузѣ и глухое броженіе въ кружкѣ образованныхъ евреевъ. Въ то самое время, какъ одни изъ еврейской общины совершенно были погружены въ мракъ невѣжества, предаваясь чудотворнымъ иллюзіямъ хасидизма, другіе бредили Гейне, Верне и съ энтузіазмомъ читали Гете и Шиллера. Длиннопольный еврей, похожій на клаузника, наизусть зналъ Шиллера, а другіе, на него похожіе, говорили фразами изъ Гейне и Верне и крайне удивлялись, если кто-нибудь не зналъ произнесенныхъ фразъ. Первоначальная грамота начиналась по «Namenbüchlein», а русскій языкъ изучался по «Выписи» (родъ христоматіи), которая отличалась тѣмъ, что надъ словами обозначены были ударенія. Въ этой Выписи всѣхъ занималъ рассказъ о Фролѣ-Силинѣ. Начало его: «Пусть

¹ См. „Восходъ“ кн. II 1895 г.

Виргиліи прославляютъ Августовъ, пусть краснорѣчивые льстецы и т. д.» было на языкѣ у всѣхъ. Въ то время, какъ по нѣмецкому языку отъ «Namenbüchlein» прямо переходили къ Шиллеру и Гете, по русскому языку дальше Выписи никто не шелъ, а потому всѣхъ руссофиловъ нашей столицы, получившихъ поверхностное образованіе по Выписи, мѣтко называли «*Пусть-Виргиліями*». Круглое невѣжество съ одной стороны и стремленіе къ знакомству съ западно-европейской литературой съ другой,—вотъ первая противоположность, которая характеризуетъ жизнь нашей столицы въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Это была противоположность Старь-города съ Новь-городомъ, Китая—съ Европою. На одной сторонѣ—крайняя скученность населенія, бѣдная лачужки, тѣсно-сometerные лавки и магазины, которые назывались «*мрачмыми*», отсутствіе свѣта и воздуха, а съ другой—разрѣженное населеніе, болѣе или менѣе приличныя постройки, просторныя лавки и приличный книжный магазинъ, огромныя площади и сады на такъ называемой «Юридикѣ», масса воздуха и свѣта. Эти внѣшнія условія вполне соответствовали и внутреннему настроенію населенія, обитавшаго въ Старомъ, или Новомъ городѣ.

Другая противоположность—системы воспитанія. Въ Старомъ городѣ старая прагѣдовская система хедеровъ съ меламедами во главѣ и страшилищемъ дѣтей — ферулами; въ Новомъ городѣ — образцовый хедеръ Анипольскаго и Милкиса, гдѣ преподавались языки русскій и нѣмецкій, учились чистописанію и Талмуду. Порядоки здѣсь были вполне еврейскій, который поражалъ всѣхъ дѣтей своею необычайностью. На представителя этой школы дѣти смотрѣли какъ на человѣка высшей породы. Онъ ихъ смущалъ только тѣмъ, что по субботамъ куритъ папирсы. Они были убѣждены, что это поступокъ безбожный, но не могли допустить, чтобы человѣкъ, котораго они такъ обожали, могъ обидѣть Господа Бога. Это недоумѣніе ихъ долго мучило, и они не разъ избирали этотъ вопросъ предметомъ своихъ дѣтскихъ сужденій. Я также воспитывался въ этомъ хедерѣ и до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, которое произвели на меня новые порядки: чистыя, свѣтлыя комнаты, правильно разставленные столы, появленіе каждый разъ новаго учителя, преподаваніе еврейской грамматики, которое составляло новизну *suī generis*, и въ особенности складная и умная рѣчь представителя школы Анипольскаго. Какая разница между этими разумными порядками,

сознанными на раздѣленіи труда между слѣпцами, и безпорядочнымъ, систематическимъ преподаваніемъ Меламеда. До вступленія въ школу Ашкеназскаго я былъ тоже мученикомъ мелемедскаго кедера. Начиная отъ неурядкаго, гнѣвнаго пола съ повелѣніями и пониженіями, отъ тѣсной, смрадной комнаты, въ которой помѣщались дѣтская меламеда и кухня, и нелюбимымъ преподаваніемъ,—все происходило на ровненько удручающее впечатлѣніе. Меня обучали тогда уже Талмуду, но мать, что ни я, ни меламедъ въ немъ ровню ничего не понимали. Если бы онъ понималъ его, то и я что-нибудь могъ бы понять. Но удивительно, что, ничего не понимая, я однако выучивалъ цѣлыя листы Талмуда съ комментаріями, иногда довольно замысловатыми, и передавалъ наученные другиму, не понимая ни одного слова изъ того, что проходило чрезъ мои уста какъ чрезъ трубу, бессовѣстно пропускаящую чужіе звуки. Но какое это было мучительное мученіе для мамы, мать я изъ за этого долго, долго ненавидѣлъ Талмудъ единственно потому, что меламедомъ было сказано все, чтобы внушить къ нему полное отвращеніе! Помню, что разъ мой меламедъ хотѣлъ щегольнуть моими познаніями по Талмуду и повелъ меня къ дѣдушкѣ экзаменоваться. Я всю дорогу занять былъ мыслію, какъ я поражу дѣдушку разными словопреніями и комментаріями, вопросами, которые я самъ же долженъ былъ задавать и разрѣшать своимъ и чужимъ умомъ. Я представлялъ себя возвращающимся съ побѣдой, сіяющимъ отъ лавровъ, которыми украсилъ меня дѣдушка и которые я хотѣлъ поднести матери, главной зачинщице этого субботнеча экзамена. Но какое же было мое удивленіе, когда дѣдушка, завидѣвъ меня съ меламедомъ чрезъ стеклянныя двери, прикинулъ бабушкѣ такъ, что намъ было сказано: «Вѣдьма, вынеси имъ на улицу субботнее угощеніе, и пусть они уйдутъ вмѣстѣ съ Гемарою», которую я несъ подъ мышкой какъ будущій трофей. Гемара чуть не выпала изъ моихъ рукъ отъ такой встрѣчи, я и мать моя очень недовольны остались дѣдушкой и его поведеніемъ. Но дѣдушка передавалъ вселѣ отцу, что это безуміе желать увѣрить его, что меламедъ знаетъ Талмудъ и что такой малолѣтній, какъ я, могу вынимать изъ тобкоости вопросы, которые занимали умы нашихъ законоучителей. Я понималъ тогда, что дѣдушка, должно быть, очень умная человекъ, когда знала все, еще раньше, чѣмъ насъ увидѣлъ. Я то зналъ хорошо, что я ничего не знаю,

я то догадывался, что меламадь тоже не знаетъ, но откуда могъ объ этомъ знать дѣдушка, который насъ вовсе не выслушалъ, — это моему дѣтскому уму было совершенно непонятно, и я рѣшилъ, что онъ пророкъ. Можно себѣ представить, какъ рѣзокъ долженъ былъ казаться мнѣ переходъ отъ меламедскаго хедера въ школу Анипольскаго, которая многихъ дѣтей подняла на ноги, сообщивъ имъ толчекъ къ дальнѣйшему образованію. Какъ появился Анипольскій въ столицѣ Юго-западнаго края, почему именно онъ избралъ эту столицу для распространенія просвѣщенія между евреями, — это неизвѣстно мнѣ и по настоящее время. Школа эта, однако, не долго существовала, лишь до открытія казенныхъ еврейскихъ училищъ. Тогда Анипольскій сошелъ со сцены, и уже во время пребыванія моего въ университетѣ его фигура воскресла вновь предо мною въ поднесенномъ мнѣ сочиненіи его на древне-еврейскомъ языкѣ. Изъ уваженія къ памяти этого перваго учителя, который заронилъ въ мою душу первый просвѣтительный лучъ и впервые возбудилъ во мнѣ чувство красоты и изящнаго, я написалъ тогда разборъ его сочиненія въ первой издававшейся тогда въ Кіевѣ газетѣ «Кіевскій Телеграфъ». Самого автора уже не было въ живыхъ, но я исполнилъ свой долгъ по отношенію къ нему по внутреннему побужденію души.

Еще не мало противоположностей можно отмѣтить въ родномъ моемъ городѣ. Тогда уже было въ немъ около 60000 жителей, въ томъ числѣ болѣе 40000 евреевъ; но богачей было всего нѣсколько, средняго достатка людей можно было по пальцамъ перечесть, а все остальное населеніе — переметная голытьба. Когда вспоминаю, какимъ путемъ добывались значительнымъ большинствомъ средства къ жизни, въ какихъ лачужкахъ прозябала вся масса евреевъ, какимъ тяжелымъ занятіямъ она передавалась, — мнѣ и теперь становится страшно. Одна «Каченовка», гдѣ положительно можно шагать по крышамъ безъ всякихъ препятствій; однѣ «Тески», гдѣ люди стали терять уже человѣческій образъ, вызывали столько мучительнаго состраданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и столько-же горькаго сознанія о бевсиліи помочь имъ, что побывать въ этихъ уллицахъ начинало испытывать поистинѣ адскія муки. Всѣ безчисленные братства, которыя существовали въ этой столицѣ подъ разными наименованіями, не могли, конечно, оказать радикальной помощи несчастнымъ. Дѣло велось безъ правильной организаціи и системы, безъ правильнаго распредѣленія добытыхъ пожер-

твованій между терпѣвшими чужду, голодь и холодь. Вотъ почему всеобщія бѣдствія въ этомъ городѣ всегда принимали ужасающіе размѣры; каковой-нибудь пожаръ, начавшійся при неблагоприятныхъ условіяхъ, истреблялъ цѣлыя улицы. Я въ дѣтствѣ былъ свидѣтелемъ пожара, который продолжался нѣсколько дней и превратилъ въ пепелище цѣлые городскіе кварталы, чрезъ которые долгое время нельзя было проходить такъ какъ они были загромождены грудями тлѣвшихъ огней. Погорѣльцы съ маленькими дѣтьми валялись по улицамъ, и ни въ какія оказываема возможная помощь. Но, Боже мой, сколько погибло въ пожарѣ и послѣ пожара, сколько семействъ впало въ безысходную нищету, — и сколько объ этомъ было разговоровъ!... Но дѣтскій умъ не былъ способенъ объять весь ужасъ пожарныхъ послѣдствій.

Я именно также грозную холеру, должно быть, 1848 года. Я самъ въ то время заболѣлъ ею, и когда я чрезъ недѣли три, четыре, выздоровѣвъ, отправился отъ дѣдушки, жившаго на Новомъ городѣ, къ родителямъ — въ Старъ-городъ, я по дорогѣ пришелъ въ такой ужасъ, что хотѣлъ вернуться назадъ. Цѣлыя улицы опустѣли; люди исчезли. Рядъ лавокъ подъ названіемъ «мрачныхъ», тянувшійся по довольно большой улицѣ, похожъ былъ на рядъ могилъ, недавно воздвигнутыхъ. Крутомъ никакихъ признаковъ жизни. Рундуки, стоявшіе обыкновенно по сторонамъ, цѣлыми массами врасовались въ живописномъ безпорядкѣ, опрокинутые, развалившіеся, и нигдѣ живой души. Не видно было даже собакъ, которыхъ тамъ обыкновенно, какъ въ Константинополѣ, было всегда великое множество; дикихъ коней, этихъ завсегдашнихъ рундучнаго базара, также не видно было ни одной. Все вымерло, какъ будто прошелъ по улицамъ грозный непріятель, который все уничтожилъ, разрушилъ и опустошилъ. И вправду сказать, какой-же можетъ быть болѣе грозный непріятель, чѣмъ свирѣпствующая холера, которая встрѣтила самую благодатную для себя почву неопрятности, нечистоты и грязи, этихъ неизмѣнныхъ спутниковъ скученности и нищеты населенія. Проходя чрезъ ряды, я чувствовалъ, въ чьихъ мочкахъ находился и откуда меня вырвала заботливая рука дѣдушки, и я въ душѣ поблагодарилъ Бога за спасеніе. Массы жертвъ пала, но что, спрашивается, было для нихъ лучше: прозябаніе въ нищетѣ, постоянныя муки отъ холода и голода, вѣчныя униженія предъ подобными себѣ и вѣчныя преслѣдованія судьбы, или-же отдохновеніе отъ всего этого въ объятіяхъ

смерти? Не оста-ли это дѣло Провидѣнія—разомъ исслѣдовать вообще Сѣдства, чтобы попомогать помощи кунамъ и страдающимъ многимъ и нѣмко облегчить горе другимъ, какъ это есть послѣдствіе той дѣли жизненнакъ условій, которая и называетъ слово-мвасвотоя силею роковыякъ обстоятельство, все такъ канонизмакннѣя собою провидѣнія? Трудно рѣшить такіе вопросы, но думается, что страданіе, нищета, голодъ и голодъ предпосла-таются самой смерти человѣкомъ, нравственно мало развитымъ; что сдѣлываніе роковыякъ обстоятельство является результатомъ случайности рожденія, какъ главнаго основанія, на которомъ складывается дальнѣйшая судьба человѣка, и обстановки, въ ко-тую человекъ бываетъ поставленъ силою рожденія, и что лишь особе одаренные люди въ состоянии уйти отъ судьбы, предназначенной рожденіемъ.

Въ старомъ городѣ сосредоточиваясь всѣ каменныя зда-нія трехъ господствовавшихъ тамъ церквей. Выше всѣхъ рас-положенъ былъ православный соборъ, близка въ мѣстѣ между двумя главными частями города; но еще не успѣлъ на себѣ слѣдовъ древности: сама архитектура и чистота ея судилии свидѣтельствовали о недавномъ происхожденіи. За то католи-ческая церковь и главная синагога какъ по архитектурѣ, такъ и по всѣхъ части носили на себѣ явные слѣды древности. Католи-ческая церковь была также на возвышенномъ мѣстѣ надъ рѣ-кой Гниломатной и окружена валомъ, имѣющимъ историче-ское значеніе. Синагога, хотя и была расположена въ до-линѣ, но также вышлася надъ всѣми окружающими ее зда-ніями. Мой отецъ былъ прихожанномъ этой синагоги, и я до сихъ поръ не могу забыть того сильнаго впечатлѣнія, какое оказывалъ на меня Судный день въ этомъ храмѣ; въ особенности канунъ этого дня, когда евреи, послѣ окончанія трапезы со всѣхъ сторонъ массама спѣвывая въ синагогу, по-крытые саваанами и танцъ за собою дѣвой и держа въ рукахъ большаго и малаго размѣра восковыя свѣчи. Точно волны моряма, гонимаго вѣтромъ, эти массы какъ-бы стихійно несуться къ цен-тру зданія, которое громовидно надъ всѣми окружающими его давленіемъ пространствомъ. Лица всѣхъ какъ будто чѣмъ-то себе-челны, на челѣ печать глубокой мысли, — мысли о предочн-щемъ отчетѣ въ своихъ поступкахъ, о раскаяніи, о имперности предъ Богомъ; въ памяти быстро пролетѣтъ все, что со-вершено каждымъ по отношенію къ самому себѣ, по отноше-нію къ Богу, по отношенію къ ближнему. Затаенная совесть

приходить въ возбужденное состояніе: гражданскій годъ закончился, все счеты сведены; матеріальный результатъ выясненъ и каждый знаетъ, что у него есть. Но надобно подвести итогъ и нравственному своему чувству, надобно подвергнуть анализу свою душу, надобно отдать отчетъ Господу и въ дѣятельности ума и сердца. Десять дней отъ Новаго года до Суднаго дня человѣкъ проводитъ въ размышленіи, въ духовной борьбѣ съ самимъ собою, въ раскаяніи, а въ Судный день онъ приходитъ съ подводнымъ итогомъ въ синагогу и въ тихой молитвѣ исповѣдывается предъ Господомъ. Вотъ синагога биткомъ набита, негдѣ яблоку упасть; во всѣхъ углахъ дымятся восковыя свѣчи, блескъ невѣроятный; все въ саванахъ ждетъ начала молитвы; въ верхнемъ отдѣленіи, закрытой занавѣскою, слышится легкій шелестъ женскаго платья; все проникнуто глубокимъ благоговѣніемъ; взоры всѣхъ устремлены къ амвону, гдѣ долженъ появиться канторъ и предстать предъ Господомъ—въ качествѣ чрезвычайнаго посла общины. Вотъ послышался внизу и наверху всеобщій шорохъ, который, какъ тихій вѣтерокъ, облетѣлъ всю синагогу; наступила гробовая тишина: показался канторъ, весь покрытый поверхъ головы бѣлымъ саваномъ. Тишина продолжается непрерываемо минуты двѣ, три; все уходитъ въ себя,—и раздается заунывный, проникающій въ душу напѣвъ молитвы «Коль-Нидре». Этотъ напѣвъ съ своими трогательными звуками, при этой торжественной обстановкѣ, среди тысячной массы людей, похожихъ на мертвецовъ, среди безчисленнаго множества огней и яркаго освѣщенія, оказываетъ на дѣтей такое глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, такъ подымаетъ релігіозный духъ человѣка, что онъ чувствуетъ себя выше всѣхъ тѣсныхъ интересовъ земли, чувствуетъ себя какъ бы ближе къ Богу. Я бы теперь еще отдалъ очень многое за то, чтобы могъ воскресить живость дѣтскаго впечатлѣнія и видѣть себя вновь среди той же обстановки, гдѣ слышится искреннее, благоговѣйное слово Божіе. Какъ ни стараюсь теперь вызывать въ себѣ то же чувство, но передѣлка на новый ладъ мотива молитвы, молчаливыя, безучастныя фигуры, отсутствіе восковыхъ свѣчей и цѣлаго сборища дѣтей совершенно уничтожаютъ мысль о душевномъ настроеніи молящагося и не въ состояніи вызвать въ немъ того обаятельно-чуднаго возвышенія внутренняго духовнаго міра, которое переноситъ человѣка въ фантастическую область идеально-непостижимаго. Таково было настроеніе

моей дѣтской души въ нашей столичной синагогѣ. Могу себя представить поэтому то неотразимое впечатлѣніе, какое могло произвести на такимъ образомъ настроенную толпу слова, приписываемыя легендой раввину Левви-Ицхону и произнесенныя имъ до начала молитвы «Коль-Нидре». «О, Господи, да благословенно будетъ Твое имя,—воскликнулъ онъ среди гробового молчанія тысячной толпы,—еслибы другому какому либо народу до наступающаго поста вмѣнено было въ обязанность ѣсть и пить, сколько пожелаетъ, то имѣлъ ли бы ты такое множество людей въ своей синагогѣ. Будь же милостивъ, Господи, къ Твоему народу»,—и тутъ же раздались потрясающіе душу звуки «Коль-Нидре».

Какъ бы бѣдно ни было населеніе столицы, но въ субботу все какъ будто оживаетъ. Каждый бѣднякъ не забываетъ припасти копѣйку на этотъ день, чтобы имѣть кусочекъ блага хлѣба, рыбы и мяса; каждый бѣднякъ прячетъ на субботній день платье, которое у него можетъ считаться наилучшимъ, чтобы въ этотъ день быть похожимъ на человѣка и сдѣлаться достойнымъ встрѣтить эту милую невѣсту, какою величается суббота въ вечерней молитвѣ. Не могу забыть одного эпизода изъ жизни нашей столицы, случившагося въ субботу, когда еврей на цѣлый день забываетъ свое будничное горе. Въ началѣ 50-ыхъ годовъ, долженъ былъ проѣхать императоръ Николай I. Разумѣется, всѣ евреи, отъ мала до велика, высыпали за рогатку, возлѣ Моравитокъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ красовался лѣсъ. Погода стояла благоприятная. Послѣ субботней трапезы къ этому мѣсту евреевъ прибывало все болѣе и болѣе. Всѣ были весело настроены. Шутка ли, государь прѣзжаетъ въ субботній день, когда евреи отдыхаютъ отъ занятій и когда можно будетъ произнести обязательную молитву: «Да благословенъ будетъ царь Вселенной надѣлившій Своимъ величіемъ плоть и кровь (земного царя)». Всѣ повторяли вслухъ молитву, чтобы правильно произнести ее при видѣ царя. Безъ переувеличенія, на площади, отдѣляющей лѣсъ отъ рогатки, собралось болѣе 20000 чел. Какъ волны переливаются, стремясь къ берегу и ударяясь о скалы, такъ евреи тысячными толпами переходили съ мѣста на мѣсто, и гулъ стоялъ въ воздухѣ какъ бы отъ стотысячнаго войска, которому дана на время воля. Въ такую торжественную минуту ожиданія государя, столичный городничій К—въ, похожій не то на калмыка, не то на татарина, возымѣлъ

счастливую мысль водворить порядокъ въ тысячной толпѣ. Евреи этого городничаго ненавидѣли отъ души. Онъ имѣлъ всѣ достоинства Гоголевскаго городничаго, и когда, будучи ученикомъ, я впервые увидѣлъ на сценѣ «Ревизора» Гоголя, то былъ вполне убѣжденъ, что въ немъ появился не кто иной, какъ нашъ столичный городничій К—въ, или, по крайней мѣрѣ, что Гоголь съ него срисовалъ своего городничаго. Можно заранѣе себѣ представить, къ чему могло повести такое безумное желаніе городничаго. Гнаться за евреемъ на дрожкахъ по всей улицѣ, чтобы ваставить его бросить папиросу, въ предупрежденіе и пресѣченіе пожаровъ; опрокинуть корзину съ фруктами и топтать ее ногами въ интересахъ гигиеническихъ; посадить еврея подъ арестъ за неснаніе ермолки, отрѣзывать ему пейсы или нелу длиннаго зинуна, или даже выѣзъ его предъ полиціей, — еще куда ни шло. Но когда евреевъ на лицо больше 20000, когда эти еврей собираются встрѣтить государя и произнести при видѣ его молитву, — то что значить у нихъ тогда городничій К—въ и тотъ квартальный съ двумя городовыми, при помощи которыхъ онъ собирается усмирить ихъ. Когда К—въ началъ прибѣгать къ своимъ обыкновеннымъ замашкамъ, то еврей его подняли на ура; когда же онъ не обыкновенію, сталъ пускаться въ ходъ кулаки, то навстрѣчу стали показываться кулаки въ такомъ множествѣ, котораго никогда въ жизни К—въ не видѣлъ и видѣть не могъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что городничій долженъ былъ бросить поле битвы и оставить вмѣсто себя городского голову Ц—ва, передавъ ему свои обязанности. Волненіе немедленно утихло. Это всегда такъ бываетъ. Гдѣ много людей, тамъ они сами будутъ заботиться о порядкѣ, когда наступитъ надлежащій моментъ. Когда же преждевременно начинаютъ приводить все въ порядокъ, то этимъ производятъ безпорядокъ. Къ городскому головѣ всѣ относились съ уваженіемъ, и какъ только удалился К—въ, все само собою пришло въ порядокъ. Долго, однако, еврей ждали своего государя. Уже начало вечерѣть, и многіе стали расходиться. Но осталось еще порядочное количество народа — евреевъ и неевреевъ. Вдругъ пронеслась вѣсть о томъ, что государь ѣдетъ. Освѣщенія не было никакого. Когда же экипажъ вѣхалъ въ толпу, и нужно было приступить къ перепряжкѣ лошадей, тысячная толпа стала наступать, — и такъ какъ дорога была ровная, исполненная рытвинъ и косогуровъ, а толпа свади

въ темнотѣ не отличала людей отъ экипажа, то случилось то, чего никто ожидать не могъ: экипажъ нагнулся, и Государь, а за нимъ графъ А-гъ, извоили выйти изъ экипажа. Отвѣтъ предъ графомъ держалъ городской голова Ц-въ, а Государь извоили приказать безъ перепряжки отправиться далѣе. Весь народъ былъ крайне опечаленъ прискорбнымъ событіемъ, котораго, къ сожалѣнію, предупредить не могъ. Оказалось, что онъ цѣлый день простоялъ, готовился совершить молитву, имѣлъ благоговѣнное желаніе видѣть Царя, и неблагоприятно лишился себя этого удовольствія. Весь городъ повергнутъ былъ въ уныніе и долго не могъ опомниться отъ этого роковаго стеченія обстоятельствъ. Какъ во многихъ случаяхъ, евреи и теперь утѣшали себя тѣмъ, что это случилось «вслѣдствіе ихъ многогрѣшія», но вмѣстѣ съ тѣмъ опасались какой-нибудь новой гвѣйры, а потому то и дѣлали, что читали Мишну и молились.

Немного раньше этого событія въ столицѣ открыты были казенныя еврейскія училища. Это было торжество друзей просвѣщенія, о которыхъ я писалъ въ статьяхъ своихъ объ исторіи образованія евреевъ, а потому теперь на этомъ останавливаться не буду. Въ моей семьѣ, изъ которыхъ одна, по матери, была отчасти привержена къ хасидизму, а другая по отцу, отличалась крайнимъ либерализмомъ, началась борьба, которая касалась меня. Вопросъ шелъ о томъ, помѣстить-ли меня въ казенное училище, или нѣтъ. Я, конечно, всею душою желалъ этого, въ особенности потому, что тогда уже слышно было объ открытіи въ Житомирѣ, очень близко отстоявшемъ отъ нашей столицы, раввинскаго училища. На каникулы уже пріѣзжали воспитанники раввинскаго училища, которые распространяли о немъ много благопріятныхъ слуховъ. Хотя я еще былъ мальчикомъ, но меня очень интересовали эти слухи. Имена русскихъ поэтовъ Пушкина, Жуковскаго и рассказы объ ихъ произведеніяхъ; новыя науки, о которыхъ впервые приходилось слышать — географія, исторія и др.; новыя еврейскія имена, окруженныя ореоломъ особеннаго блеска, каковы Эйхенбаумъ, Сухоставеръ, Ровенскій раввинъ Сегаль и пр.,—все это было такъ заманчиво, что хотѣлось пристать къ новому теченію и унести въ бурномъ потокѣ зарождавшейся новой жизни. Чутье мое мнѣ подсказывало, что сразу въ это теченіе не попадешь, а надобно стать у верховьевъ, однимъ изъ которыхъ было вновь открывшееся въ столицѣ училище.

Я судорожно прислушивался къ сужденіямъ обо мнѣ по поводу занимавшаго меня вопроса, но вѣсы наклонялись то въ одну, то въ другую сторону. Наконецъ рѣшено было отдать меня въ училище. Никто не могъ знать, что происходило тогда въ душѣ моей, когда мнѣ объ этомъ объявили: сердце прыгало отъ радости, и я уже мечталъ о чтеніи Пушкина, Жуковского (о Лермонтовѣ въ столицѣ не было слышно) и обо всемъ другомъ, о чемъ имѣлъ очень смутное понятіе. Никогда я не забуду, какъ я испугался, когда отецъ пошелъ со мною къ смотрителю училища Вербицкому, къ первому гою, который долженъ былъ вступить со мною въ непосредственныя сношенія. Не скрою, что я ужасно его испугался. Это былъ человѣкъ высокаго роста, плотно сложенный лицо у него было суровое на видъ, брови густыя, тянувшіяся вверхъ, поступь важная, весь бритый, безъ усовъ. Я затрясся всѣмъ тѣломъ при видѣ этого высокаго, плечистаго гоа, который послѣ оказался очень порядочнымъ и милымъ человѣкомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ жену, что она обо мнѣ скажетъ. Я понялъ, что она, повидимому, отзывалась одобрительно. Смотритель сказалъ отцу: «потрудитесь его повести внизъ, въ классы, тамъ учитель его проэкзаменуетъ и потомъ мнѣ скажетъ». Привыкаться, когда я съ отцомъ спускался внизъ по гѣбницѣ, я хотѣлъ сказать ему, чтобы онъ повелъ меня домой: такъ мнѣ смотритель не нравился. Но мнѣ стыдно было, и я шелъ въ раздумьи. Двери училища распахнулись: я увидѣлъ громаднѣйшій залъ, отличавшійся необычайной чистотою, всѣ стѣны и потолокъ были красиво разрисованы; въ всю длину зала стояли скамейки, на которыхъ сидѣли мальчики моего возраста. Водворилась тишина, и я увидѣлъ молодого человѣка симпатичной наружности, который былъ одѣтъ въ студенческой мундиръ. Я думалъ, что это учительская форма, потому что студентовъ никогда въ столицѣ не видѣлъ. Послѣ оказалось, что онъ былъ назначенъ въ учителя тотчасъ по окончаніи университета и, за неимѣніемъ средствъ, донашивалъ студенческой мундиръ. Этотъ учитель, по названію Ильченко, оказалъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Я приободрился и сталъ смѣлѣе. Я былъ приглашенъ къ доскѣ, на которой началъ писать по диктовкѣ учителя. Я писалъ каллиграфически и правильно; этимъ я былъ обязанъ хедеру Анипельскаго. Учитель остался мною доволенъ и сказалъ отцу, что можетъ отправиться домой, такъ какъ я принятъ. Отецъ ушелъ, мнѣ учитель ука-

залъ первую скамейку, гдѣ и усадилъ меня. Я началъ оглядываться по сторонамъ: глаза блуждали по стѣнамъ, по потолку, по каедрѣ, по доскѣ и поминутно останавливались на учителѣ, который все болѣе и болѣе мнѣ сталъ нравиться. До него я зналъ только квартальнаго, частнаго пристава (въ столицѣ его называли честнымъ приставомъ, покуда какой-то шутникъ замѣтилъ, что честныхъ приставовъ нѣтъ, а есть только частные), городничаго К-ва и городовыхъ. Всѣ они внушали мнѣ страхъ, и я естественно думалъ, что всѣ гон—точно такіе-же. Какъ-же я былъ удивленъ, когда я увидѣлъ гоа, который ласково относится къ евреямъ. Моя дѣтская душа была ему очень благодарна за то, что внушаетъ мнѣ довѣріе вмѣсто страха и зароняетъ во мнѣ мысль о томъ, что есть хорошіе христіане. Учитель, однако, замѣтилъ мое замѣшательство и, подойдя ко мнѣ, началъ меня гладить по головѣ, приговаривая: «не бойся, все будетъ ладно!» Особенно онъ очень много выигралъ въ моихъ глазахъ, когда, ошупывая мои волосы, сказалъ: «волосы мягкіе, должно быть добрый мальчикъ». Я никогда не думалъ, чтобы по волосамъ можно было опредѣлить характеръ человѣка, и это заключеніе его вызвало во мнѣ мысль о томъ, что онъ умный учитель, т. е. не простой, заурядный, а высшаго полета. И дѣйствительно, этотъ учитель, хотя и преподавалъ только ариметику, но много содѣйствовалъ развитію учениковъ и правильною, чисторусскою рѣчью возбуждалъ въ нихъ рвеніе говорить между собою по русски, что въ то время считалось для еврейскихъ мальчиковъ особымъ щегольствомъ. Этотъ учитель впоследствии сталъ преподавать также бухгалтерію. Дѣло въ томъ, что по основнымъ правиламъ о второразрядныхъ казенныхъ училищахъ, какъ вышихъ, слѣдовало преподавать нѣкоторые техническіе предметы, въ томъ числѣ и бухгалтерію. На первый разъ въ Кіевѣ рѣшили ввести только послѣднюю. Но Ильченко, окончивъ историко-филологическій факультетъ, очень смутно зналъ бухгалтерію. Когда на него возложено было преподаваніе этого предмета, онъ отказывался подъ тѣмъ простымъ предлогомъ, что ничего не знаетъ; но изъ Кіева полученъ былъ приказъ «быть по сему»,—и нечего было разсуждать. Филологъ до-сталъ руководство по бухгалтеріи и сталъ ее преподавать. Онъ учился вмѣстѣ съ нами, и мы кое-какъ пробирались общими усиліями по этой наукѣ.

Смотритель училища Вербицкій, густыя брови котораго съ

торчащими вверхъ волосами продолжали меня тревожить, тоже валъ свое дѣло хорошо. Онъ преподавалъ русскій языкъ и преподавалъ очень хорошо. Вообще онъ серьезно и сердечно относился къ судьбѣ заведенія, авторитетъ котораго надобно было поддерживать въ глазахъ столичныхъ евреевъ. Онъ умѣлъ импортировать Гальперину, а это значило очень много, потому что послѣдній держался свысока по отношенію къ людямъ, которые не имѣли высокихъ чиновъ. Уваженіе-же Гальперина къ нему было уваженіемъ всѣхъ евреевъ, а это для училища было полезно уже въ томъ отношеніи, что никто не смѣлъ противо-дѣйствовать его интересамъ. Каждый годъ этотъ смотритель устраивалъ публичные акты съ самой торжественною обстановкою, приглашая представителей всѣхъ партій—ортодоксальной и прогрессивной и много почетныхъ официальныхъ лицъ. Эти торжественные акты сопровождались также публичнымъ испытаніемъ учениковъ по общимъ и еврейскимъ предметамъ. На этихъ экзаменахъ, кромѣ Гальперина, присутствіе котораго имѣло весьма важное значеніе для училища, всегда находились еще три лица, которые въ городѣ играли весьма видную роль. Первый—это Громека, который былъ назначенъ городничимъ послѣ удаленнаго за храбрость К—ва. Молодой корнетъ красивой наружности, который не только въ противоположность азіату К—ву, но и самъ по себѣ былъ вполне европейцемъ, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Его эполеты, султанъ и шпоры оказывали на толпу магическое вліяніе. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ экзаменѣ по русскому языку, его веселая, звонкая рѣчь, столь же пластичная какъ и формы его тѣла, его стройная, подвижная фигура и оживленное лицо придавали большой эффектъ всему торжеству. Евреи, присутствовавшіе въ залѣ, большею частью родители учениковъ, были очень рады, что есть, наконецъ, такой городничій, который, кромѣ пожаровъ и базаровъ, интересуется также знаніемъ и при томъ еще еврейскихъ мальчиковъ.

Другое лицо—это увѣдный судья, человѣкъ съ серьезнымъ лицомъ, на которомъ просвѣчивалось сердечное добродушіе. Это не былъ судья, о которомъ Крыловъ говорилъ, что быть ему въ раю, а судья настоящій. Удивительно только, какимъ образомъ въ то блаженное время могъ удержаться такой судья. Честный, прамодушный, не знающій никакой кривды—такой человѣкъ въ то время цѣнился на вѣсъ золота, и всѣ знали ему цѣну. Онъ всегда экзаменовалъ по географіи и большою

частью на глубокѣ, который тутъ-же стоялъ на столѣ. Для евреевъ эти торжественные акты имѣли большое воспитательное значеніе и во многомъ содѣйствовали перемѣнѣ ихъ взглядовъ на христіанъ.

Третій — это Ковловъ, который былъ представителемъ медицинскаго вѣдомства, но не помню, какую онъ занималъ должность. Онъ тоже отличался очень пріятною наружностью, но что было замѣчательнаго въ немъ, это — его русская рѣчь, которая отличалась особымъ московскимъ акцентомъ и при томъ была настолько мелодична, что ее было пріятно слушать. Впечатлѣніе этой рѣчи было на столько глубоко, что сохранялось до слѣдующаго года, и я отлично помню, что, когда я смотрѣлъ въ лицо Ковлову, мнѣ ужасно хотѣлось, чтобы онъ открылъ ротъ и заговорилъ. Эта рѣчь его дѣлала русскимъ между русскими, и я бы ее назвалъ рѣчью соловьиною. Съ тѣхъ поръ по настоящее время мнѣ не удавалось слышать такую рѣчь. Для такой рѣчи надобно имѣть гениальное сочетаніе гортани, зубовъ, челюстей, языка и голосовыхъ связокъ, которое бываетъ столь же рѣдко, какъ гениальный умъ, гениальный голосъ, гениальная фантазія и т. п.

Такіе хорошіе люди находились тогда въ нашей столицѣ и просто очаровывали всѣхъ.

Кромѣ зрителя и Ильченко, былъ еще учитель по еврейскимъ предметамъ — Поличинецкій. Онъ преподавалъ Библію, законъ Божій и еврейскую грамматику. Между избранными гоями онъ былъ избраннымъ евреемъ. Съ какою любовью онъ преподавалъ эти предметы на нѣмецкомъ языкѣ, какъ онъ относился къ своимъ ученикамъ, которыхъ онъ называлъ своими дѣтьми (у него дѣтей не было, хотя онъ былъ женатъ), — объ этомъ трудно передать. Онъ просто священнодѣйствовалъ. Мы съ этимъ учителемъ еще встрѣтимся, въ раввинскомъ училищѣ, куда онъ былъ переведенъ во вниманіе къ его заслугамъ.

Съ этимъ училищемъ соединено еще одно, но тяжелое воспоминаніе, которое оставило глубокіе сдѣды. Одно время мы всѣ ночевали въ самомъ училищѣ, проводили ночи въ темнотѣ, и намъ туда доставляли изъ дому пищу и все необходимое. Смотритель, изъ любви къ намъ, долженъ былъ допустить превращеніе школы въ ночлежный пріютъ единственно для того, чтобы не подвергать насъ угрожавшей опасности. Несмотря на грустное время и на то, что мы хорошо понимали свое положеніе, мы, однако, въ темнотѣ вытворюли Богъ знаетъ

какія шалости. Разъ мы до того шумѣли, что училищ-
ный курьеръ Павлуша, принимавшій теплое участіе въ на-
шей судьбѣ, вбѣжалъ самъ не свой: «Господа,—сказалъ онъ
шопотомъ,—что вы дѣлаете! Въ сосѣдней комнатѣ играютъ въ
карты у смотрителя городничій и флигель-адъютантъ, которые
удивляются шуму, поднятому вами: Неужели вы хотите, чтобы
смотритель изъ-за васъ пострадалъ». Слово флигель-адъютантъ
заставило насъ вздрогнуть; воцарилась мертвая тишина, и всѣ
шалости были забыты. Мы перешли въ отдаленные классы и
тамъ переговаривались шопотомъ. Долго-ли мы проводили такъ
время въ ночлежномъ приютѣ, объ этомъ скажу ниже.

М. Моргулицъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕНДЕРЪ ГЛАТЕЙЗЪ.

РОМАНЪ К. Э. ФРАНЦОЗА.

Переводъ съ рукописи.

III ¹.

Равнина тянется на сотни верстъ на востокъ, и поэтому вѣтеръ съ этой стороны бываетъ такъ силенъ, что разыгрывается въ настоящую бурю. Человѣкъ и животныя прячутся отъ его смертоноснаго дыханія и выходятъ изъ своихъ норъ или жилищъ, только когда онъ совершенно стихнетъ. „Противъ Бога, чорта и восточнаго вѣтра никто не пойдетъ“, — говорятъ галичане. Отъ него стынетъ кровь въ жилахъ, человѣка онъ перебрасываетъ, словно соломенку, и заваливаетъ грудami снѣга вышиною въ домъ. Если ураганъ разыграется во всю, то никакая сила не можетъ устоять противъ него, и все живое задыхается и гибнетъ.

Въ эту ночь, „опустошитель“, — какъ его называютъ мѣстные жители, — не достигъ еще полной своей силы, но разбушевался настолько, что Сендеръ понялъ все свое безразсудство. Однако, онъ серьезной опасности не предполагалъ, хотя порывы вѣтра по временамъ были такъ сильны, что онъ вынужденъ былъ поварачиваться къ нему спиной и, широко разставивъ ноги, выжидать, пока онъ стихнетъ. Тогда онъ снова медленно пускался въ путь; ноги его вязли въ глубокомъ снѣгу и ледяной воздухъ затруднялъ дыханіе. Но не даромъ онъ ѣздилъ нѣсколько лѣтъ подрядъ по большимъ дорогамъ. „Ночью едва-ли вѣтеръ сильнѣе разбушуетса, — думалъ онъ, — а къ утру навѣрное станетъ тише“. Правда, до

---

¹ См. „Восходъ“, кн. III, 1895 г.

деревни Мисковской оставалась еще добрая верста, но лишь бы добраться до пѣшеходной тропинки, сворачивающей на поль-пути въ сторону отъ большой дороги, а тамъ будетъ легче. Эта тропинка укорачивала разстоянiе и вела черезъ оврагъ, гдѣ вѣтеръ былъ менѣе чувствителенъ.

И онъ продолжалъ съ трудомъ двигаться впередъ, переходя отъ тополя къ тополю, которыми была окаймлена дорога. Его бросало въ потъ, когда онъ шелъ, и въ холодъ, какъ только онъ останавливался, чтобы перевести духъ. Однако онъ не терялъ мужества.

Внезапно разыгравшiйся жестокий порывъ вѣтра стихъ, словно гигантская рука зажала глотку „опустошителя“. Водарилась тишина, только-что крутившiйся вихремъ снѣгъ сталъ тихо падать на землю, въ воздухѣ прояснилось, такъ что дорога видна была далеко впереди.

— Боже милосердiй, смаялся вѣдо мною!—простоналъ Сендеръ, въ ужасѣ остановившись, какъ вкопанный. Онъ зналъ, что означала эта зловѣщая тишина. Вура собиралась съ новинки слезами и затѣмъ должна была разыгратъ въ всеокружающей ураганъ.—Назадъ!—подумалъ онъ.—До дому-то я еще доберусь; на тропинку въ оврагу нѣтъ уже не попасть.

Онъ уже повернуть назадъ. Но тутъ у него мелькнула мысль, что онъ самъ себѣ отрѣзалъ нуть: безъ пейсовъ и въ короткомъ кафтанѣ онъ не могъ показаться на глаза ни матери, ни барновскихъ обывателей. Тогда вѣдь обшаружится, что онъ хотѣлъ сдѣлаться „нѣщомъ“. — Впередъ! — и онъ поспѣшно зашагалъ, словно могъ спастись бѣгствомъ отъ опустошителя.

Но чудовище снова разбушевалось. Послышался протяжный шумъ, словно вой, сопровождаемый глухимъ свистомъ и скрипомъ, трескомъ сучьевъ и деревьевъ. Снова стемнѣло, и съ страшною силой закружились вихри снѣга. Сендеръ опустился на землю, опасаясь, чтобы ураганъ не поднялъ его и не отбросилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону. Растянувшись во весь ростъ и отвер-

нубъ голову отъ вѣтра, чтобы легче дышать, лежалъ онъ, зарывшись въ снѣгъ. Однако снѣгъ все сильнѣе забрасывалъ его, такъ что онъ могъ задохнуться... Онъ попробовалъ встать, но разнугравшійся ураганъ снова повалилъ его. Тогда онъ собралъ всѣ силы и поползъ на четверенькахъ впередъ, нога не добрался до ближайшаго тополя. Здѣсь онъ немного перевалъ духъ, но чувствовалъ, какъ холодъ все болѣе и болѣе его пронизываетъ. Онъ еще можетъ двигаться, разминать члены, но скоро совсѣмъ обоченѣтъ...

Внезапно опять наступила мертвая тишина; только подымавшіяся облака снѣга съ легкимъ шумомъ осаждались на землю, а далеко, далеко что-то словно стонало, — можетъ быть, еукъ, отдѣлившійся отъ замеднѣвшаго ствола, можетъ быть, умирающее животное. Сендеръ оглянулся вокругъ себя, съ трудомъ подымавшійся на ноги. Въ полѣ направо виднѣлся складъ снѣгъ крестъ; онъ зналъ, что этотъ крестъ находился на полѣ-нуги между городомъ и тропинкой, ведущей къ оврагу. Стало быть, онъ все-таки отошелъ четверть версты. Однако, наступившее затишье служило зловѣщимъ признакомъ. Пока ураганъ не достигъ высшаго напряженія, надо пользоваться всякой секундой и идти впередъ.

И Сендеръ снова пустился въ нутъ по снѣжнымъ сугробамъ. Ноги его вязли въ снѣгу, въ груди слышалось дыханіе, онъ обливался потомъ, но все-таки подвигался впередъ... Скоро справа, по полевой дорогѣ къ Бѣлой, должна была показаться часовенка. Можетъ быть, ему удастся добрести до нея прежде, чѣмъ ураганъ снова разыграется. И дѣйствительно, онъ скоро увидѣлъ вблизи часовенку и напрягъ всѣ силы, чтобы добраться до нея.

Но въ ту же минуту разыгрался опять ураганъ, небо и земля застонали, въ воздухѣ закружились и завертѣлись въ дикомъ безпорядкѣ снѣжные вихри, и съ быстротою молніи, прежде чѣмъ Сендеръ успѣлъ опомниться, его рвануло съ мѣста, понесло и бросило на земь съ такою силой, что онъ лишился чувствъ.

Черезъ минуту, когда онъ очнулся, нигъ овладѣлъ смертельнымъ страхъ. Онъ чувствовалъ на лицѣ словно тяжелую, ледяную

руку, зажимавшую ему ротъ такъ, что онъ задыхался. Ураганъ отбросилъ его въ канаву и засыпалъ снѣгомъ. Онъ зашевелился и прохрипѣлъ: „Помогите! Помогите!“ Онъ съ трудомъ перевелъ духъ, медленно высвободился изъ-подъ снѣга и побрелъ къ часовенькѣ, окруженной цѣлыми облаками снѣга.

Въ часовнѣ онъ поведенъ отъ изнеможенія. „Не надо ослабѣвать, не надо терять разсудка“, — пробормоталъ онъ и, схвативъ горсть снѣгу, принялся терѣть имъ нылавшій лобъ. Но вдругъ онъ вскочилъ. Изъ угла часовни донесся до него какой-то неопредѣленный звукъ, а затѣмъ тихій вой. Должно быть, здѣсь укрилось животное. Оно медленно стало приближаться къ нему... волкъ или собака?

Не помня себя отъ страха, онъ отыскалъ палку и вскочилъ. Животное припало къ землѣ, жалобно простонало и завлило хвостомъ. Сендеръ теперь убѣдился, что это была собака.

— Москаль, — позвалъ онъ ее, на-удачу прибравъ кличку, наиболѣе распространенную въ той мѣстности.

Собака приближалась къ нему, лизнула ему руку и прилегла, плотно прижавшись къ нему. Сендеръ не отгонялъ и погладилъ ее. Животное и человѣкъ утѣшались и грѣли другъ друга; оба въ эту минуту подчинились всецѣло одному чувству, — страху передъ разбушевавшимся стихією.

Наконецъ Сендеръ сталъ соображать. Наибольшая опасность миновала. Хотя ураганъ еще свирѣпствовалъ съ прежнею силою, но Сендеръ зналъ, что это не можетъ продолжаться долго. Ома урагана должна была ослабѣть или надо было ожидать новаго затишья, и въ обоихъ случаяхъ Сендеръ рассчитывалъ дойти до оврага, откуда уже легче было добраться до деревни. Оставаться въ часовнѣ до утра было совершенно невозможно: это значило бы обречь себя на вѣрную смерть. Холодъ здѣсь былъ нестерпимъ: ноги и руки у него коченѣли. Онъ старался страхнуть овладѣвшее имъ оцѣпенѣніе, приподнимался, прижималъ собаку ближе къ себѣ. Но движенія его становились все медленнѣе, силы покидали

его... Сонъ овладѣлъ имъ. Онъ сомкнулъ глаза. Но тотчасъ у него мелькнула мысль: „вѣдь это значитъ умереть“. И онъ со страхомъ выпрямился; но встать уже онъ былъ не въ силахъ. Отяжелѣвшія вѣки его снова сомкнулись.

Собака однако не дремала: она сильнѣе чувствовала опасность то и дѣло встряхивалась и лаяла, лизала Сендера въ лицо, терла его за платье. Сендеръ приходилъ въ себя, старался ободриться, дѣлать то или другое движеніе. При этомъ что-то выпало у него изъ кармана. Это былъ молитвенникъ. Онъ поднялъ его и схватилъ обѣими руками. Ему казалось, что онъ придаетъ ему новыя силы, словно это было оживленіе Божіе. Слова молитвы сорвались у него съ устъ. „Владыко живота моего и смерти, даруй мнѣ жизнь“. Звукъ его собственнаго голоса придалъ ему новыя силы. Онъ снова усѣлся, положилъ книгу вовлѣ себя, а на нее — правую руку. Собака приползла къ нему.

Потомъ наступила внезапная тишина.

Сендеръ всталъ и тутъ только, когда вынулъ изъ часовни, замѣтилъ, что порывомъ вѣтра у него снесло шапку, быть можетъ, куда-нибудь за нѣсколько миль въ сторону. Онъ повязалъ голову платкомъ и двинулся въ путь. Собака пошла за нимъ.

И опять до него донесся тотъ стонъ, который онъ уже раньше слышалъ. Это былъ протяжный, хриплый, какъ бы надтреснутый звукъ. Сендеръ оцѣпенѣлъ отъ ужаса: это были волки. Собака также остановилась въ ужасѣ, поджала хвостъ и испустила близкий вой.

— Ничего тутъ не подѣлаешь, — пробормоталъ Сендеръ. — Впередъ! Вой доносится какъ будто съ большой дороги; а пойду къ врагу. Съ Богомъ! — И онъ ощущалъ молитвенникъ.

Но книжки онъ не нашелъ. Онъ пошарилъ въ карманахъ, — ея не было. Тогда ему пришло въ голову, что онъ ее оставилъ въ часовнѣ. Онъ оглянулся назадъ. Онъ отошелъ отъ часовни не болѣе двухсотъ шаговъ; но и до врага разстояніе не больше, а затишь будетъ продолжаться не долго. Однако, шапку онъ могъ

замѣнить платкомъ, но молитвенника нечѣмъ замѣнить. И онъ то-ропливо направился назадъ. Собака послѣдовала за нимъ, выра-жая свое удовольствіе радостными прыжками.

Онъ дѣйствительно нашелъ книжку у подножія креста. Онъ поднялъ ее. Въ эту минуту пронесся новый порывъ урагана. Сен-деръ снова укрылся въ часовнѣ, и опять началась борьба съ хо-лодомъ. Однако, несмотря на то, что онъ чувствовалъ сильное утомленіе, мужество его не покидало: онъ держалъ въ рукахъ книгу, одѣяніе Бога, а буря въ концѣ концовъ стихнетъ! На вос-токѣ заалѣлъ клочекъ неба, начинало свѣтать, наступалъ день,— сѣрый и непривѣтливый, но все-же день.

Около семи часовъ ураганъ стихъ. Сендеръ всталъ, но тот-часъ зашатался. Онъ такъ ослабѣлъ, что ноги отказывались ему служить. Онъ попробовалъ еще разъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, но тщетно. Надо было выжидать въ часовнѣ, пока по дорогѣ не пройдетъ кто-нибудь и не захватитъ его съ собою. Къ счастью, вѣстѣ съ ураганомъ ослабѣла и стужа. Вѣтеръ повернулъ къ западу, и въ воздухѣ повѣяло тепломъ. Часъ спустя, когда уже совершенно разсвѣло, по дорогѣ изъ Барнова показались сани. Въ нихъ лежала женщина, а лошадьми правилъ мужикъ.

Собака залаяла. Сендеръ вышелъ изъ часовни и махнулъ ру-кою мужику. Это былъ судья изъ села Мясковскаго.

— Святые угодники! — воскликнулъ онъ. — Сендерко, какъ тебя занесло сюда? Неужто ты провелъ ночь подъ открытымъ не-бомъ, такую ночь?

Сендеръ кивнулъ ему головой.

— Возьмите меня съ собою въ деревню,—попросилъ онъ.

Судья изъявилъ согласіе. Только помѣститься въ саняхъ Сен-деру было трудно.—Ты видишь, жена моя пьяна. Но мы ее положили въ сторонку.

Они такъ и сдѣлали, и Сендеръ нашелъ мѣсто въ саняхъ, а собака прыгнула за нимъ.

— Этотъ песь принадлежитъ тебѣ?—спросилъ судья.—Хорошее животное, нечего сказать.

Сендеръ любовно погладилъ собаку окоченѣлой рукою и отвѣтилъ: Да, онъ принадлежитъ мнѣ... Побѣжайте, г-нъ судья.

— Ты мнѣ еще не рассказалъ, какъ ты попалъ сюда,—обратился мужикъ къ Сендеру, когда лошади тронули.—Боже великій! Какой у тебя страшный видъ! Да гдѣ же твоя шапка?

Сендеръ отвѣтилъ, что онъ намѣревался попасть въ Мясковское раннимъ утромъ, но поблизости отъ оврага его застигла буря.

Мужикъ широко раскрылъ глаза.

— Ты хотѣлъ идти черезъ оврагъ? Въ такомъ случаѣ благодарн буря, что она тебя спасла. Вѣдь оврагъ весь занесенъ снѣгомъ и тамъ пріютились волки. Тебѣ оттуда не выдти бы живымъ... Ну, чего ты, жидъ, скорчилъ такую рожу?

И въ самомъ дѣлѣ, немудрено, что лицо у Сендера было взволнованное. „Спасла меня книжочка, спасъ меня Богъ,—думалъ онъ.—Если бы я не вернулся за нею въ часовню“...

Онъ закрылъ глаза, и губы его беззвучно прошептали молитву, а по всему тѣлу пробѣжала дрожь.

Судья заговорилъ опять: Что за безуміе пускаться въ такую ночь въ Мясковскую! И что тебѣ тамъ понадобилось?

— У меня дѣло къ кабатчику,—отвѣтилъ Сендеръ, чувствованній сильное утомленіе.—Затѣмъ я поѣду дальше, въ Глусть. Хотите меня свести туда? Я хорошо заплачу.

Судья гордо покачалъ головой.

— Я этикъ не занимаюсь,—отвѣтилъ онъ съ достоинствомъ.— Затѣмъ, въ раздумьи почесавъ у себя за ухомъ, онъ прибавилъ:— Впрочемъ, въ видѣ исключенія... пожалуй. Вчера на ярмаркѣ мы пропили всѣ деньги. Какъ мы тамъ угостились, ты можешь судить по моей женѣ. Знаете ли вы, проклятые жиды, высасывающіе изъ насъ соки, какую тяжелую жизнь ведемъ мы, мужики? Безъ лоттерон ничче не прожить. Но вѣдь ты же мнѣ общалъ...

— Разумѣется, — съ трудомъ проговорилъ Сендеръ: ночь,

проведенная ночь открытымъ небомъ въ непогоду оказывала свое дѣйствіе, — ему трудно было говорить.

Шатаясь промалъ онъ въ комнату, отведенную ему шинкаремъ, когда они прибыли въ деревню, и потребовалъ себѣ чаю. Но, не допивъ своего стакана, онъ погрузился въ свицовый сонъ.

Онъ проснулся съ сильною головою болью; при этомъ онъ ощущалъ щекотанье въ носу и горлѣ, но колотье въ легкихъ уменьшилось. А такъ какъ при этомъ онъ почувствовалъ, что сильно проголодался, то вывелъ изъ этого заключеніе, что отдѣлялся еще дешево за свое ночное приключеніе. Въ комнатѣ было темно, и онъ поднялъ стору; но пока онъ одѣвался, темнота усилилась: онъ проспалъ цѣлый день.

Шинкаръ принесъ ему все, что нашлось въ его небогатомъ домѣ. Онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Но вдругъ что-то мокрое и холодное тнулось ему въ руку: это Москаль давалъ знать о себѣ. „Вѣдний песь, — прошепталъ Сендеръ: — вѣдь ты также цѣлый день не ѣлъ!“ И онъ честно подѣлилъ съ нимъ трапезу.

Шинкаръ подѣлъ къ нему. — Извини меня, Сендеръ, — сказалъ онъ, — во я сгораю отъ любопытства: зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Куда дѣвались нейси? Что вы сдѣлали съ вашимъ кафтаномъ?

Сендеръ призадумался. — Ладно, — сказалъ онъ шепотомъ, — вамъ я ужъ признаюсь, если вы общаете мнѣ никому не говорить. По порученію рабби Манассе, я ѣду въ Глусть, и тамъ меня должны принять за христіанина. Это дѣло касается всей общины. Если объ этомъ узнаютъ раньше иѣсяца, то равви пропасть. Вы видите, мнѣ въ вашихъ рукахъ.

— Надо надѣяться, что будетъ держать языкъ за зубами, — подумалъ онъ. Судьѣ онъ назначилъ пріѣхать на слѣдующее утро. Онъ опять улегся спать и проспалъ безъ просыпа и безъ всякихъ сновъ десять часовъ подрядъ. Утромъ онъ проснулся съ такимъ насморкомъ, что у него глаза слезились, но въ общемъ онъ чувствовалъ себя почти хорошо. „Слава Богу, — подумалъ онъ: — захворать теперь было бы слишкомъ ужасно“. Почувствовавъ же

нѣкоторую боль въ груди, онъ почти принудилъ себя не думать о ней. „Я долженъ быть здоровъ“,—подумалъ онъ. Съ радостнымъ чувствомъ пустился онъ въ путь, запасшись предварительно нѣховой мужицкой шапкой и еще разъ строго наказавъ шинкаря не разглашать о порученіи рабби Манассе.

День былъ сѣрый и почти теплый. Дулъ западный вѣтеръ.

— Везалаберная погода,—говорилъ судья.—Давно ужъ не было такой бури и такого жокряка! Со вчерашняго дня жокрый вѣтеръ дуется собѣ безъ перерыва! Пожалуй, и рѣка вскрыется. Тогда будутъ и несчастія. И что за дорога!

И въ самомъ дѣлѣ, лошади съ трудомъ двигались по рыхлому снѣгу. Они пріѣхали въ Глусть уже къ вечеру. У въѣзда въ мѣстечко имъ на встрѣчу попались большія сани, биткомъ набитыя евреями. Сендеръ поспѣшно отвернулся, узнавъ въ одномъ изъ нихъ своего бывшего учителя, Шломе Розенталя. „Кажется, онъ меня не узналъ“,—подумалъ Сендеръ,—иначе завтра же утромъ всѣ барновцы узнаютъ, по какой дорогѣ я уѣхалъ“.

Онъ остановился въ трактирѣ, хозяинна котораго не зналъ. Но какъ только тотъ поставилъ передъ нимъ миску супу и взглянулъ на него, то тотчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы вѣдь Сендеръ—паяць? Скажите, пожалуйста, почему вы одѣты по нѣмецки, безъ пейсовъ, да вдобавокъ у васъ мужицкая шапка и при васъ собака?

Сендеръ задумался. Хозяинъ не производилъ впечатлѣнія правовѣрнаго еврея, и поэтому онъ не могъ довѣрить ему тайну рабби.

— Но вы не выдадите меня,—сказалъ онъ ему:—мнѣ хочется сыграть одну штучку.

— Воже сохрани!—воскликнулъ хозяинъ.—Вѣдь всѣ ваши шуточки такъ хороши. Я животикъ собѣ надрывалъ, когда мнѣ рассказывали о вашей поѣздкѣ къ мельницею невѣстѣ.

„Превосходно,—подумалъ Сендеръ:—этотъ человекъ поможетъ мнѣ“. И, взявъ съ него слово молчать, онъ сказалъ: „Теперь будетъ въ томъ же родѣ, но, пожалуй, еще почище. Моя мать

настаивать, чтобы я женился на дочери хасенда въ Садагорѣ. Вотъ я и ѣду представиться ей въ этомъ видѣ.

Хозяинъ такъ и прыгнулъ со смѣху и съ этого момента сталъ еще привѣтливѣе къ своему постояльцу. Онъ нашелъ ему даже фурмана изъ Черновицъ, который взялъ съ него очень дешево, такъ какъ возвращался пороженъ домой. Правда, что они не могли прѣхать туда раньше понедѣльника, потому что должны были провести субботу въ Залещикахъ; но Сендеръ не особенно сожалѣлъ объ этомъ. „Тамъ я увижу по крайней мѣрѣ знаменитую труппу Стиклера, — подумалъ онъ, — да къ тому же и отдохну“. По опыту онъ зналъ, что отъ его расположенія духа въ значительной степени зависѣло и состояніе его здоровья; боль въ груди все-таки давала себя чувствовать. Ночь, проведенная подъ открытымъ небомъ въ бурю, оставила болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ онъ предполагалъ. Теперь его утѣшала только теплая погода.

Въ пятницу, когда они выѣхали изъ Тлуста по направленію къ долинѣ Днѣстра, къ югу, стало еще теплѣе; западный вѣтеръ вершелъ въ южный, и въ воздухѣ даже парило, такъ что Сендеръ снялъ свой плащъ. Снѣгъ таялъ, а ледъ становился очень рыхлымъ. Дорога была покрыта грязью, смѣшанною съ снѣгомъ, и сани съ трудомъ тащились по ней. Съ полей стекала сѣрая снѣговая вода, наполняя канавы. Маленькіе ручейки вздувались въ настоящія рѣчки. Кругомъ все разлилось и шумѣло, и въ воздухѣ слышалось непрерывное журчанье ручейковъ.

— Такой оттепели я не запомню, — сказалъ фурманъ. — Сегодня ночью или завтра утромъ Днѣстръ вскрыется. Въ Залещикахъ не придется провести субботы. Надо сегодня же переѣхать черезъ плашкотный мостъ, а иначе вода унесетъ его.

— Гдѣ же мы проведемъ субботу? — спросилъ Сендеръ.

— На постояломъ дворѣ по ту сторону рѣки. Правда, что тамъ очень неважно, но дальше намъ сегодня не добраться.

Это не особенно улыбалось Сендеру: онъ такъ рассчитывалъ на представленіе и хорошій ночлегъ въ Залещикахъ!

— Посмотришь еще, понадобится ли это,—отвѣтилъ онъ.

Фурманы, попадавшіеся имъ по дорогѣ, высказывали различныя мнѣнія. „Ледъ во многихъ мѣстахъ на поверхности уже далъ трещины,—говорилъ одинъ.—Въ понедѣльникъ рѣка пройдетъ“. „Нѣтъ, ледъ пойдетъ уже сегодня ночью“,—возражалъ второй. Третій же говорилъ: „До середины нечего опасаться. Если даже ледъ пойдетъ, то онъ ничего не можетъ сдѣлать мосту“.

Усердиѣе всѣхъ однако завѣрjala, что лѣтъ никакой опасности, хозяйка гостиницы, въ которой Сендеръ остановился въ Залещикахъ.—Ледъ стоитъ крѣпко, какъ стѣна,—божилась она.—Онъ недѣлю еще простоятъ. А если бы даже онъ тронулся,—что за бѣда! Пять лѣтъ тому назадъ напоромъ льда разбило мостъ, но съ тѣхъ поръ ни разу. Теперь же у насъ мостъ новыи и на цѣпяхъ, такихъ же толстыхъ, какъ я.

Цѣпи, должно быть, были основательныя, потому что хозяйка была толста, какъ бочка; тѣмъ не менѣе фурманъ недоувѣрчиво покачалъ головою.—Вамъ хочется залучить постояльцевъ на субботній день,—сказалъ онъ,—а намъ—доѣхать до дому. Такого страшнаго ледохода, какой будетъ теперь, давно уже не бывало. Мостъ не уцѣлѣетъ.

Сендеръ уже соглашался ѣхать дальше, какъ вдругъ увидѣлъ громадную красную вывѣску на воротахъ: „Театръ въ Залещикахъ“, и въ то же время изъ калитки вышелъ высокій, блѣдный мужчина въ потертомъ плащѣ, громадной поярковой шапкѣ, надѣтой на бекрень и, зѣвая, бросилъ взглядъ вокругъ себя. Помытое его лицо было гладко выбрито. „Навѣрное, актеръ“,—подумалъ Сендеръ, и сердце его начало усиленно биться.

— Театръ здѣсь, въ вашемъ домѣ?—спросилъ онъ хозяйку.

— Да,—отвѣтила она услужливо,—въ моей залѣ. Такихъ актеровъ вы и не видывали. А послѣ представленія всѣ собираются у меня въ столовой. Между ними есть хорошеньшія дѣвушки,—прибавила она съ пошлой усмѣшкой.—Такой пріятной компаніи вамъ еще не случалось встрѣчать.

Сендеръ колебался. Хорошенькія дѣвушки его не прельщали, но на представленіе ему хотѣлось попасть. Это было для него закончивше, чѣмъ провести субботу на какомъ-то скучномъ постояломъ дворѣ. Но съ другой стороны въ понедѣльникъ уже первое марта, и онъ долженъ явиться въ Черновицы... Онъ обратился къ фурману и, указывая по направленію къ рѣкѣ, сказалъ:

— Пойдите къ рѣкѣ и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Они пошли внизъ по улицѣ къ маленькой искусственной насыпи, представлявшей собою нѣчто въ родѣ бастиона возлѣ самаго моста. Отсюда ихъ взору представился на далекомъ протяженіи Днѣстръ, казавшійся теперь гигантской, сѣрой, широкой змѣей, извивавшейся среди бѣлыхъ полей. У ихъ ногъ видѣлся мостъ, — рядъ плоскихъ лодокъ съ положенными на нихъ досками между двумя исполнинскими чугунными цѣплями, прирѣзанными къ каменнымъ быкамъ. По мосту двигались пѣшеходы и экипажи, и опасности, казалось, не было никакой.

— Я здѣсь не останусь, — заявилъ, однако, фурманъ. — Приглядитесь къ цвѣту рѣки. Ледъ еще держится, но его покрываетъ вода почти на футъ; иначе поверхность Днѣстра не казалась бы такою грязною. Ледъ еле просвѣчиваетъ. Видали вы это!

— Вода покрываетъ ледъ, это правда, — согласился Сендеръ: — но вѣдь не слышно ни малѣйшаго звука, ледъ не даетъ трещинъ, а трещины бывають задолго до вскрытія рѣки.

— Въ такомъ случаѣ оставайтесь.

Нетерпѣливо оглядываясь Сендеръ вокругъ себя, не увидитъ ли онъ кого нибудь изъ мѣстныхъ обывателей, кто могъ бы убѣдить этого упрянца, что опасности никакой нѣтъ. И дѣйствительно, на одномъ углу бастиона онъ замѣтилъ молодого человѣка въ солдатской шинели, копаншаго яму. Шинель была вся въ лохмотьяхъ, а лицо человѣка необыкновенно глупо, но на его шапкѣ видѣлась бляха городского полицейскаго.

— Какъ ты полагаешь, — обратился къ нему Сендеръ по русски, — надеженъ мостъ?

— Ко мнѣ слѣдуетъ обращаться на „вы“,—отвѣтилъ съ достоинствомъ человѣкъ въ лохмотьяхъ: — я полицейскій. Но вы спрашиваете о мостѣ? Почему ему не быть надежнымъ?

— Да вѣдь рѣка можетъ вскрыться.

— Рѣка ему ничего не сдѣлаетъ. Господинъ бургомистръ не велитъ. Я самъ слышалъ, какъ онъ сказалъ: „На этотъ разъ ледъ не долженъ портить моста,—не то убытки будутъ большіе“.

— Ну, вы успокоились?—презрительно засмѣялся фурманъ.

Но Сендеръ опять обратился къ полицейскому:

— А не говорилъ ли бургомистръ, когда пойдетъ ледъ?

— Нѣтъ. Но онъ сказалъ: „Не такъ скоро, потому что я еще не получалъ телеграмм“.

— Нешто ледъ ему телеграфируетъ?—спросилъ фурманъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ полицейскій.—Но сначала должны придти денешни изъ Миколаева, изъ Балича, изъ Іезуполя, и тогда только ледъ можетъ придти сюда. Раньше средн не будетъ.

— Почему?

— Вотъ изъ-за этого самого. — И онъ указалъ на яму. — „Сегодня, Гринцо,—сказалъ мнѣ г. бургомистръ,—ты выкопаешь яму для мортирн, завтра мы ее привеземъ, а во вторникъ зарядимъ“. Поэтому,—важно закончилъ онъ,—до средн ничего не будетъ; городъ оповѣстятъ выстрѣлами изъ мортирн.

— Ну, такъ мы можемъ сповойно спать,—засмѣялся фурманъ.

Сендеръ дѣйствительно успокоился. „Да,—подумалъ онъ,—еслибы не театръ, я самъ охотно уѣхалъ бы отсюда. Но предствленіе?..“ Фурманъ однако стоялъ на своемъ; поэтому онъ съ нимъ рассчитался въ трактирѣ, и они разстались.

IV.

Сендеръ заказалъ себѣ комнату на ночь и велѣлъ подать обѣдъ въ общую столовую. Мешуресь, слава Богу, не зналъ его и поэтому не спрашивалъ объ его пейзажъ, но предложилъ ему пойти вечеромъ въ театръ и услужливо вынулъ изъ кармана билетъ

и положилъ его передъ нимъ. На немъ значилось: „Партеръ, первый рядъ, 40 крѣйцеровъ. № 6, 1-я скамейка. Съ этого мѣста видно лучше всего“.

— Нѣтъ ли у васъ дешевле? — спросилъ Сендеръ.

— Для такого господина, какъ вы? Для „нѣнца“, который уже не носить пейсовъ и ходить въ короткомъ сюртукѣ! Во второмъ ряду стоитъ 30 или 20 крѣйцеровъ, не знаю хорошенько. Тамъ публика для васъ не подходящая. Но на этомъ мѣстѣ сидѣлъ третьяго дня г. начальникъ округа, а вчера — г. полковникъ. Да во второмъ ряду ничего не видно.

Это былъ основательный доводъ, и Сендеръ выплатилъ ему 40 крѣйцеровъ. — Нѣтъ ли у васъ и афиши? — спросилъ онъ.

— Афиши нѣтъ; на воротахъ приклеена. Ихъ изготовляютъ всего шесть, потому что мы здѣсь очень отстаемъ: афиши у насъ лишутся. Развѣ въ нашихъ Залешикахъ есть типографія? Однако, постойте... У кассы виситъ афиша, я вамъ ее сейчасъ принесу.

Онъ бросился изъ столовой и тотчасъ же вернулся съ афишей. Это былъ громадный листъ, сложенный изъ нѣсколькихъ мелкихъ листовъ красной бумаги и разрисованный кистью. Страница была раздѣлена на двѣ половины толстой чертой: на правой сторонѣ виднѣлись еврейскія буквы, а на лѣвой латинскія, хотя самый текстъ былъ нѣмецкій и приблизительно тотъ же, но именно приблизительно. Текстъ, предназначенный для нѣмецкой публики, начинался воззваніемъ къ „благородному дворянству, высокочтимымъ офицерамъ, къ всемогущему чиновничеству и къ лицамъ съ тонкимъ художественнымъ вкусомъ“. До ихъ свѣдѣнія доводилось, что по единодушному желанію мѣстной и пригородной публики труппа Стиклера, бывшая Надлера, дастъ самое послѣднее, безповоротное послѣднее, никогда еще небывалое представленіе въ большой залѣ отеля фрау Ганны Гуркенсалатъ. Дана будетъ: „Дебора, проклинающая и проклятая жидовка“, или: „Христіанская и еврейская любовь“, или: „Проклятіе жида — благословіе для христіанина“, — сочиненіе д-ра проф. Сигмунда Генриха Мозенталя,

знаменитаго и извѣстнаго во всемъ свѣтѣ драматурга, родомъ изъ Берлина, но приглашеннаго Его августейшимъ Величествомъ императоромъ Францомъ Іосифомъ въ Вѣну и награжденнаго высшимъ орденомъ (всѣхъ орденовъ у него 17). Прадѣдъ автора былъ еврей, самъ же онъ родился католикомъ, но хорошо знаетъ евреевъ“. Перечень дѣйствующихъ лицъ сопровождался соответственными комментаріями, при чемъ все, что касалось евреевъ, выставлялось въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ, какъ напримѣръ: „Дебора сначала постыдно проклинающая, но потомъ сама проклятая еврейка, впрочемъ, самая красивая дѣвушка“; „еврейская женщина, жадная къ деньгамъ и совершенно грубая“; „Рубенъ, сумасшедшій еврей; въ счастью увѣзаетъ въ Америку и увозитъ съ собою многихъ другихъ евреевъ“. Затѣмъ объявлялось, что гастроли исполнять: г. Грицко Томащизъ, полицейскій, съ дозволенія мѣстныхъ властей; г-жа Клотильда Шенау, артистка львовскаго театра. Наконецъ, упоминалось еще, что дѣйствіе происходитъ въ 1780 году. Въ текстѣ, предназначенномъ для еврейской публики, значилось: „Дебора—самая благородная и самая красивая еврейка въ свѣтѣ!!!“ „Ты, честное еврейское дитя!!! Не связывайся съ христіаниномъ!!! а иначе тебѣ будетъ плохо!!!!!!“ „Большая побѣда евреевъ надъ всѣми ихъ врагами, которые ихъ въ концѣ концовъ благословляютъ“. „Комедія для богатаго и бѣднаго, для взрослога и малаго въ девяти длинныхъ, прекрасныхъ частяхъ, сочиненіе Шломе Гирша Мозенталя изъ Тарнова въ Галиціи, правовѣрнаго еврея, всегда защищающаго своихъ единовѣрцевъ и потому любимого всѣми евреями на свѣтѣ. Кто не захочетъ увидѣть этой драмы, тотъ неблагодаренъ и не заслуживаетъ имѣть такого единовѣрнаго брата, какъ знаменитый Шломе Гиршъ. Онъ состоитъ секретаремъ при его величествѣ императорѣ и имѣетъ 170 орденовъ“. „Дебора—еврейская женщина съ маленькимъ мальчикомъ и съ прекраснымъ сердцемъ“; „Рубенъ—благородный еврей, выводитъ евреевъ изъ страны изгнанія въ обѣтованную землю“; „Грицко — вашъ полицейскій, которому г. бургомистръ позволялъ

играть“. „Гастролируетъ фрейлейнъ Клотильда Шенау, артистка вѣнскаго императорскаго театра“. „Дѣйствіе происходитъ во время царствованія великаго императора Госифа“.

Афиша оканчивалась словами: „дешево, дешево, дешево“, снабженными множествомъ восклицательныхъ знаковъ.

Пока Сендеръ просматривалъ эту громадную афишу, жаркое его остыло. Къ тому же реклама привела его въ сильнѣйшее негодованіе, такъ что онъ не былъ въ состояніи ѣсть. Обѣдъ достался Москалю, который конечно не былъ за это въ претензіи.

„Мошенники,—ворчалъ Сендеръ:—они хотятъ угодить и нашимъ, и вашимъ и лгутъ на пропалю. И еще называются они артистами. Развѣ вы научились у г. Надлера составлять такіа афиши, подлецы?“ Больше всего его однако злило, что они злоупотребляли именемъ Надлера. „Подождите, задастъ онъ вамъ!“

Многое въ афишѣ было для него загадочно и возбуждало его любопытство, но онъ не могъ преодолѣть себя, чтобы еще разъ заглянуть въ нее. „Сволочь! На ваше представленіе мнѣ хочется посмотреть. Но о васъ самихъ и думать не стоитъ“.

Онъ заплатилъ по счету и пошелъ осматривать городъ, который онъ видѣлъ раньше только проѣздомъ, когда служилъ у фургана. Когда онъ вышелъ изъ воротъ, его что-то вдругъ окликнуло:

— Пялецъ! Ты здѣсь?—это былъ хозяинъ постоялаго двора, въ которомъ онъ останавливался проѣздомъ.—Почему же ты не остановился у меня? И гдѣ же твои...

— Мои пейсы?—раздраженно воскликнулъ Сендеръ.—Чортъ утащилъ сначала мои, а скоро явится и за вашими.—И оставивъ хозяина въ совершенномъ недоумѣніи, онъ бѣгомъ удался.

„Нехорошо поступилъ я;—подумалъ онъ:—но всѣ эти разспросы просто выводятъ меня изъ терпѣнія. Надо съ этимъ покончить. Здѣсь-ли я превращусь окончателно въ нѣмца или въ Черновцаха,—не все-ли равно? По крайней мѣрѣ не такъ легко будутъ меня узнавать“. И онъ вошелъ въ первую циркульню и велѣлъ

пригладить себѣ волосы и сбрить усы и бавенбарды. Цирюльничъ, еврей, исполнилъ приказаніе, покачивая головою.

— Это по-актерски, — сказалъ онъ: — ни одинъ еврей еще не обращался ко мнѣ за этимъ: сначала только сръзають пейсы...

Сендеръ бросилъ ему деньги и выбѣжалъ вонъ. Пoblзости находилась лавка готоваго платья. Хозяинъ, также еврей, вытаращилъ на него глаза, когда Сендеръ попросилъ обмѣнять ему старое пальто и кафтанъ на нѣмецкое платье и модную шинель съ небольшою приплатою.

— Посмотримъ, сколько вы приплатите, — проговорилъ онъ наконецъ протяжно и принесъ ему товаръ.

Сендеръ долго прииѣрлялъ платье, пока наконецъ не нашлось подходящее, и еще дольше торговался, потому что торговецъ запросилъ безсовѣстно дорого.

— Вѣдь кафтанъ ничего не стоитъ, — пояснилъ онъ: — его подрѣзываютъ не портной.

Только когда Сендеръ собирался выйти изъ лавки, онъ согласился взять съ него двадцать гульденовъ. Сендеръ вошелъ въ заднюю часть магазина и прииѣрлялъ платье передъ зеркаломъ. Онъ самъ себя не узналъ въ новомъ костюмѣ, и даже собака, глядя на него, залаяла, какъ будто потому, что не узнала его или потому что желала выразить свое удивленіе.

Со вздохомъ отсчиталъ Сендеръ двадцать гульденовъ; у него оставалось всего тринадцать. Вы — настоящий грабитель, — сказалъ онъ торговцу: — вѣдь платье не новое.

— Но оно съ графскаго плеча, — отвѣтилъ тотъ. — Впрочемъ не стану лгать: знайте, что всякому христіанину я отдалъ бы его дешевле. Но помогать человѣку въ вѣроотступничествѣ — грѣшно, и поэтому я хочу взять за это что-нибудь. Съ которыхъ это поръ ваши пейсы...

— Молчите, — прогремѣлъ Сендеръ. — Теперь этому по крайней мѣрѣ конецъ — подумалъ онъ тутъ же.

И въ самомъ дѣлѣ въ сосѣдней лавкѣ, гдѣ продавались

шляпы, къ нему обратились съ зипитомъ „господинъ“, слѣдовательно, не признали въ немъ еврея. Мало того, ему безъ требованія съ его стороны, предложили громадную мягкую войлочную шляпу со словами: „Такую же купилъ и г. актеръ Гогенейхъ“. Стало быть, онъ уже смахивалъ на актера.

Сендеръ нашелъ, что шляпа очень идетъ къ нему и послѣ долгаго торга купилъ ее за три гульдена, отдавъ въ придачу свою мужицкую шапку. При видѣ денегъ торговецъ просилъ. — Не соблаговолите-ли, — сказалъ онъ, — напомнить также вашему товарищу, г-ну Гогенейху...

— Я его не знаю, — гордо отвѣтилъ Сендеръ. — Я хотя также актеръ, но не изъ здѣшняго сброда, а членъ городского театра въ Черновцахъ, управляемаго *настоящимъ* Надлеромъ...

— Я такъ и думалъ, — отвѣтилъ торговецъ подобострастно, но печально: — здѣшніе актеры не платятъ.

Онъ почтительно раскрылъ дверь передъ покупателемъ, и Сендеръ вышелъ на улицу съ высоко поднятой головой.

Наступили сумерки, но погода стала какъ будто еще теплѣе: увеличилась и духота, Сендеръ чувствовалъ какую-то вялость и ему было тяжело въ новомъ плащѣ, хетя онъ былъ гораздо легче его стараго, служившаго ему зимой и въ непогоду. Непривѣтливо было на грязныхъ улицахъ, и Сендеръ собирался уже войти въ свою гостиницу, какъ у самаго его уха раздались слова:

— Вода поднимается, и ледъ уже даетъ трещины.

Эти слова громкимъ голосомъ крикнулъ какой-то господинъ. и они оба торопливо направились къ Днѣстру.

„Вотъ такъ штука! — подумалъ Сендеръ, поспѣшивъ въ нунгъ за ними: — У меня осталось 10 гульденовъ, и ихъ едва хватить до завтрашняго вечера и на наемъ лошадей. Въ Черновицы я и безъ того приѣду почти безъ гроша, а если еще снесть мостъ“...

Но на Днѣстрѣ не было такъ страшно. Мостъ былъ освѣщенъ факелами; на бастіонѣ виднѣлась толпа любопытныхъ, явив-

нихся поглазѣть на рѣдкое зрѣлище. Опасеній повидимому никто никакихъ не имѣлъ. Вода поднялась, но и цѣпи были подняты, такъ что досчатый мостъ лежалъ поверхъ воды. Движеніе на мосту не прекращалось и прерывалось лишь по временамъ, когда этого требовали производившіяся саперами работы. Зловѣщигъ казался только трескъ льда, раздававшійся сначала глухо, потомъ все явственнѣе и громче.

Среди безмолвно наблюдавшей толпы стоялъ толстый старикъ и оживленно ораторствовалъ. Только не бойтесь ничего,—говорилъ онъ:—Съ верховьевъ рѣки еще нѣтъ депеши. И вы видите, я еще не приказалъ выставить мортиру. Раньше поведѣльника рѣка не вскрыется. Расходитесь: я здѣсь бодрствую.

Въ эту минуту сквозь толпу протиснулся старикъ, еврей, въ шелковомъ кафтанѣ,—должно быть, человѣкъ съ вѣсомъ.

— Господинъ бургомистръ, — воскликнулъ онъ, съ трудомъ перевода дыханіе.—Я получилъ депешу...

— Откуда?

— Изъ Барнова.

— Ха-ха-ха! — засмѣялся бургомистръ. — Съ которыхъ поръ Барновъ находится на Днѣстрѣ?

Въ толпѣ также послышался смѣхъ.

— Депеша очень важная, — прошепталъ старикъ на ухо бургомистру.

Тотъ, однако, едва слушалъ его: Въ другой разъ, господинъ Зильберштейнъ. Теперь нѣтъ до вашихъ еврейскихъ дѣлъ.

„Что бы такое это могло быть?“ — подумалъ Сендеръ, не столько озабоченный, сколько заинтригованный. Его это едва-ли могло касаться: вѣдь онъ не воръ, котораго размыскивать по телеграфу; на счетъ своего отъѣзда въ воскресенье онъ также нисколько не безпокоился.

Онъ направился къ трактиру. У воротъ стояла толстуха хозяйка. Она его удержала: — Куда вы желаете?

— Въ № 9, — отвѣтилъ онъ лаконически.

Тутъ она вытаращила на него глаза и всплеснула руками:
— Такъ это вы!.. Стало бытъ вамъ угодно... сдѣлаться актеромъ?

Точно такъ же встрѣтилъ его и мещуресъ. Сендеръ словно въпросъ въ собственныхъ глазахъ: не подлежитъ сомнѣнiю, что онъ въ самомъ дѣлѣ похожъ на актера. Но ему скоро пришлось познакомиться и съ обратной стороны медали. Когда мещуресъ принесъ ему бутылку молдавскаго, онъ тутъ же обратился къ нему:—Извините, сударь... Но у насъ платять тотчасъ же.

Сендеръ съ усмѣшкой вынулъ бумажникъ и досталъ бумажку въ 10 гульденовъ. Это произвело сильное впечатлѣнiе.

Мещуресъ принесъ сдачу.

— Извините, господишь,—сказалъ онъ,—но здѣшнiе актеры...

— Вѣрю,—произнесъ Сендеръ развязно:—мы, актеры черно-вицеаго городского театра, хорошо знакомы съ этой шушерой.

Мещуресъ незамѣтно вышелъ и, должно быть, тотчасъ же оповѣстилъ всѣхъ объ этомъ обстоятельстве: хозяйка немедленно же явилась къ Сендеру и предложила приготовить для него получше комнату; явился худощавый блондинъ, котораго Сендеръ уже видѣлъ, когда подъѣхалъ въ трактиру; онъ бросился съ распростертыми руками къ Сендеру, какъ будто собирался обнять его. Но Москаль грозно выпрямился и злобно заворчалъ. Поэтому онъ могъ только на нѣкоторомъ разстоянiи воскликнуть:—Товарищъ!.. Проѣздомъ?.. Какъ прiятно...

— Бушь! — крикнулъ Сендеръ собакѣ и затѣмъ, обращаясь къ блондину, отвѣтилъ очень холодно:—Да, я актеръ.— „Только не товарищъ тебѣ“,—прибавилъ онъ мысленно.

Блондинъ приблизился, но уже опустивъ руки.—Германъ Дагобертъ фонъ-Гогенейхенъ,—отрекомендовался онъ.—Первый любовникъ, герой, актеръ на характерныя роли, весельчакъ.

Сендеръ приподнялся на стулѣ: Александръ Курлендеръ.

„Что бы такое прибавить,—подумалъ онъ. Миѣ кажется, изъ меня выйдетъ актеръ на характерныя роли, но это долженъ рѣшить Надлеръ“. Поэтому онъ ничего не прибавилъ.

— Бурлэндеръ?—воскликнулъ Германнъ Дагоберъ фонъ-Гогенъйхенъ:—въ самомъ дѣлѣ? И Александръ? Знаменитый Бурлэндеръ? О, какъ я счастливъ.—И онъ схватилъ руку Сендера.— Я о васъ много слыхалъ. Вы — стоишь, вы гордость нѣмецкаго искусства. Бурлэндеръ въ Залещибахъ. — Онъ провелъ рукою по лбу, какъ будто готовъ былъ потерять рассудокъ отъ радости.— О, какой счастливый случай.

Съ миануту Сендеръ сидѣлъ, какъ ошеложенный. Дѣйствительно-ли существуетъ знаменитый Бурлэндеръ — подумалъ онъ. Но когда его собесѣдникъ съ воодушевленіемъ воскликнулъ: „Я долженъ вспрыснуть свою радость. Эй! кельнеръ!..“—то онъ рѣшилъ быть сдержаннымъ. Вы ошибаетесь, — сказалъ онъ. — Я вовсе не знаменитость. Я...

— Какая скромность! — воскликнулъ Гогенъйхенъ, подсаживаясь къ Сендеру. — Но таковъ всегда великій талантъ. Я не могу идти съ вами въ сравненіе, но я также скромнень. Однако, все должно имѣть свои границы. Вы — не знаменитость! Въ такомъ случаѣ кто же знаменитъ? Вѣдь васъ называютъ вторымъ Дависономъ. Кто это мнѣ говорилъ... Да, это—Сафиръ. А вѣдь онъ ругательски всѣхъ ругаетъ. Правда, онъ и меня хвалилъ, очень хвалилъ. Ну, а васъ, товарищъ, онъ провозносилъ до небесъ. — Гогенъйхенъ говорилъ торопливо, нервисто, высококииъ, хриплымъ теноромъ и слегка причмокивалъ языкомъ. — А развѣ я не былъ самъ въ театрѣ, когда вы всѣхъ привели въ такой восторгъ, что домъ дрожалъ отъ рукоплесканій? Я самъ аплодировалъ, какъ сумасшедшій. Но только гдѣ это было? Въ Вѣнѣ? Въ Берлинѣ? Впрочемъ, это безразлично. Кельнеръ! Куда это онъ запропастился?

Кельнеръ стремительно вбѣжалъ въ комнату.

— Подай и мнѣ такую бутылку, — приказалъ Гогенъйхенъ.

Кельнеръ вопросительно взглянулъ на Сендера. Тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Вы ошибаетесь, — повторилъ онъ съ удареніемъ:— а ни-

когда еще не выступалъ на сценѣ. Правда, что мы уже видались, но этого вы помнить не можете. Это было два года тому назадъ, въ Черновницахъ, послѣ. представленія „Венеціанскаго купца“, когда вы играли Антонио. Вы сидѣли за столомъ съ господиномъ Надлеромъ и, глядя на меня, смѣялись до слезъ. Я тогда разсказывалъ директору, какъ мнѣ понравилось представленіе.

— Такъ это были вы? — воскликнулъ Гогенейхенъ, схвативъ Сендера за руку и потрясая ее, какъ рукоятку насоса. — Тотъ молодой блѣднолицый студентъ были вы? Какъ вы съ тѣхъ поръ развились! Это удивительно! Впрочемъ, что тутъ удивительнаго? Это только подтверждаетъ то, что я всегда говорилъ. „Господа, — говорю я, — преклоняйтесь предъ университетскимъ образованіемъ“. Да, это не пустая мечта. Мы, старые студенты, также дѣлали самые быстрые успѣхи на сценѣ, оставляя позади разныхъ брадобрѣвъ и портныхъ. Ура!.. Да здравствуетъ университетъ!.. Кальнеръ, гдѣ же мое вино?

Кальнеръ не трогался съ мѣста. Сендеръ также оставался непреклоненъ. — Вы опять ошибаетесь, — отвѣтилъ онъ. — Я въ то время былъ не студентомъ, а простымъ фурманомъ...

— Что вы сказали? — на минуту запылулся Гогенейхенъ, но только на минуту. — О, это также прекрасное занятіе! Тѣмъ больше для васъ чести, что вы такъ быстро подвинулись впередъ.

— Ну, это еще вопросъ; но я вѣрю господину Надлеру; онъ хорошій человѣкъ и знаетъ свое дѣло.

— Совершенно справедливо! — воскликнулъ Гогенейхенъ. — Онъ порядочный человѣкъ съ головы до ногъ. То-есть у него есть также недостатки, какъ у всякаго человѣка. Товарищъ, вы молоды, неопытны; позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно. Надлеръ очень снисходителенъ къ начинающимъ, но по отношенію къ актерамъ уже законченнымъ онъ суровъ; онъ имъ завидуетъ. Чѣмъ таинливѣе членъ его труппы, тѣмъ рѣже даетъ онъ ему играть. Мнѣ кое-что на этотъ счетъ извѣстно. Что онъ давалъ мнѣ играть годъ конецъ, хотя я былъ любимцемъ публики въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ,

Верлинь? Вотъ почему я и ушелъ отъ него, — впрочемъ не только изъ-за этого. Онъ вѣдь и мошенникъ: общается извѣстную плату и не платитъ ни гроша. Въ прошломъ году онъ прогорѣлъ и насъ посадилъ. Позвольте мнѣ рассказать вамъ это, товарищъ; это будетъ для васъ очень интересно и полезно. Очень полезно, — и онъ поднялъ указательный палецъ. — Моя обязанность предохранить васъ отъ этого мошенника. Но только я долженъ предварительно смочить глотку. Выпейте виѣсть бутылочку, и не все-ли равно, между товарищами, кто за нее заплатитъ.

— Между товарищами, конечно; но тотъ, кто такъ клеветаетъ на Надлера и такъ ругаетъ его, мнѣ не товарищъ. Вы сами его подвели, потому что Стиклеръ сманилъ васъ уйти виѣсть съ нимъ, но, кажется, это вамъ въ прокъ не пошло. Виѣсто того, чтобы пенять на себя, вы клеветаете на Надлера.

Актеръ вскочилъ; Сендеръ также. „Ну, теперь произойдетъ сцена. Но все равно, я долженъ былъ такъ поступить“, — подумалъ онъ. Но дѣло разыгралось иначе. Актеръ дѣйствительно протянулъ руки по направленію къ Сендеру, но только для того, чтобы съ чувствомъ опустить ихъ ему на плечи.

— Вы правы, товарищъ, — сказалъ онъ: — во всемъ правы. Я ужъ цѣнить благородство, съ какими вы вступаетесь за вашего директора. Но вѣдь и я также человекъ съ характеромъ, а не только талантъ. Къ счастью, между нашими возрѣвѣніями нѣтъ уже слишкомъ существенной разницы. Мы можемъ придти къ соглашенію, не поступившись ничѣмъ. „Порядочный человекъ съ голловы до ногъ“, — таково было мое сужденіе о Надлерѣ. Прошу васъ согласиться съ нимъ. Я съ своей стороны готовъ согласиться съ вами, что безрасудно было съ моей стороны слушать подстрекательства этого жалкаго Стиклера и нарушить ангажементъ. Кроме того вы правы, что мнѣ приходится теперь расканваться въ этомъ. — И онъ безсильно опустился на стулъ. — Вѣдь это собачья жизнь! Человекъ аристократическаго происхожденія, Гогенейхонъ. Знаете-ли, что это значить? Габсбурги въ сравненіи съ ними про-

стие выскочки! Гогенѣхенъ былъ въ третьемъ столѣтїи германскихъ императоромъ.

— Извините, пожалуйста,—прервалъ его Сендеръ:—вы опять ошибаетесь. Я знаю всеобщую исторїю. Но я вполне вѣрю, что вамъ здѣсь плохо живется.

— Въ такомъ случаѣ мы согласны во всѣхъ главныхъ пунктахъ,—воскликнулъ съ жаромъ Гогенѣхенъ, протягивая ему руку.— Мы должны быть друзьями, любезный Курлэндеръ: сама судьба этого требуетъ. Какъ вы читаете въ моей душѣ! Да, это собачья жизнь. Еслибы не любовь къ искусству, то хотъ петлю на шею. Что это за общество для артиста, котораго Зейдельманъ вывелъ въ люди, которому Ларошъ покровительствовалъ, котораго Девриенъ поощрялъ, которому Дерингъ завидовалъ, котораго Дависонъ преслѣдовалъ. Пьяный Стиклеръ, развратный Биркъ, жалкій Бененъ и въ придачу три бабенки, ха-ха-ха! Я готовъ былъ бы надъ собою плакать, еслибы все это не было смѣшно. Мнѣ рукоплещутъ; но что значатъ эти рукоплесканія для человѣка, привыкшаго вызывать восторгъ во всѣхъ столицахъ, — эти рукоплесканія обывателей какого то Хоросткова или Залещиковъ? Знаете, почему я немножко туго на правое ухо? Отъ бѣшеннаго восторга, вызваннаго среди вѣнской публики моимъ исполненїемъ Франца Моора; у меня лопнула барабанная перепонка.

— У васъ вѣроятно, къ счастью, въ это время въ лѣвомъ ухѣ была вата?—спросилъ Сендеръ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ Гогенѣхенъ.—Вѣдь объ этомъ говорили всѣ газеты... Но это пониженіе платы! Это конечно не главное для артиста, но все таки очень существенно. Въ то время мнѣ платили сто гульденовъ въ день, а теперь?—Онъ съ минуту помолчалъ и затѣмъ продолжалъ дрожащимъ голосомъ:— Я не могу вамъ этого сказать, любезный Курлэндеръ, потому что вы меня жалѣете. Ваше сердце обольется кровью.

Онъ снова умолъ и смотрѣлъ на Сендера съ выраженїемъ

ожиданія. Но такъ какъ тотъ оставался равнодушнымъ, то онъ махнулъ рукою кельнеру.

— Рубень,—прошепталъ онъ:—скажи этому знаменитому артисту, въ какомъ положеніи находится его товарищъ.

— Вамъ дѣйствительно плохо приходится,—отвѣтилъ кельнеръ:—двадцать крейцеровъ въ день при готовомъ содержаніи. Вы всѣмъ задолжали. Теперь,—и онъ взглянулъ на часы, показывавшіе половину седьмого, — вы вѣроятно сильно проголодались, потому что получаете обѣдъ въ двѣнадцать часовъ. А ужинъ дадутъ послѣ представленія.

— Остановись! — воскликнулъ Гогенѣхенъ, когда кельнеръ уже кончилъ говорить:—я сгораю отъ стыда...

— Подайте господину бутербродъ и бутылочку молдавскаго,—сказалъ Сендеръ, такъ какъ половому онъ вѣрилъ, и, хотя потомокъ германскаго императора и не былъ его „товарищемъ“, однако принадлежалъ къ той же корпораціи, къ которой и онъ будетъ впредь принадлежать.

— Братъ!—восторженно воскликнулъ Гогенѣхенъ.—Никогда не забуду твоей услуги... Вѣдь мы будемъ на „тн“,—не правда ли?

— Впослѣдствіи,—отвѣтилъ Сендеръ.—Но что васъ удерживаетъ здѣсь? Вѣдь вы были на лучшей сценѣ?

— Я былъ гордостью вѣнскаго Бургтеатра. Но безъ гроша въ карманѣ я не могу отсюда уѣхать. Съ голоду околѣю. Къ тому же, тебѣ я довѣрюсь, вѣрный другъ: меня удерживаетъ здѣсь любовь. Шенау—моя невѣста. И эта жалкая жизнь озаряется проблесками свѣта,—продолжалъ онъ, жадно набросившись на бутербродъ.—Я остаюсь здѣсь на зло моему жалкому врагу. О, этотъ Кенненъ! Проклятый хочетъ все у меня отнять: и невѣсту, и роли. На дняхъ ему чуть-чуть не удалось выступить въ роли Франца Моора. Вообще роли Карла и Франца играю разувѣтся я и какъ играю! Амадеусъ Кенненъ въ роли Франца Моора, ха-ха-ха! Но его зовутъ вовсе не Амадеусъ, а Авронъ Кенненъ и онъ раньше былъ писцомъ у одного тарновскаго адвоката.

— И я былъ писцомъ въ конторѣ въ Барновѣ,—возразилъ Сендеръ.—Это не мѣшаетъ быть порядочнымъ человѣкомъ.

— Ты!—воскликнулъ Гогенѣхенъ.—Ты могъ бы хоть навозъ возить. Ты отмѣченъ печатью генія. Но этотъ Кенненъ.

— Тсс...—прошепталъ кельнеръ.

Въ дверяхъ показался маленькій, худощавый человѣчекъ, плохо одѣтый, настоящей типъ бѣднаго приниженаго еврея. Понуривъ голову, онъ прокрадывался на своихъ короткихъ ножкахъ къ столу, стоявшему въ уголѣ. Въ правой рукѣ у него былъ горшечекъ съ клейстеромъ, а въ лѣвой—огромный свертокъ красной бумаги.

Нехотя кельнеръ по его просьбѣ снялъ со стола скатерть, и маленькій человѣчекъ разложилъ на него бумагу и началъ приклеивать одинъ листъ къ другому.

— Афиши на завтрашній день уже готовы. Къ чему же вы пачкаете мнѣ столъ?—спросилъ кельнеръ.

— Это афиши для понедѣльника: первое представленіе въ Борщовѣ,—смирненно отвѣтилъ человѣчекъ.—Господинъ директоръ приказалъ мнѣ ихъ приготовить, потому что въ воскресенье мы пустимся въ дорогу, а въ понедѣльникъ я буду скачаливать сцену.

— Развѣ завтра будетъ еще спектакль?—спросилъ Сендеръ съ удивленіемъ.

— Разумѣется, —отвѣтилъ Гогенѣхенъ.—Всѣ билеты распроданы. Ни одного мѣста свободнаго. Бенефисъ моей невѣсты. Ты вѣдь возьмешь у нея билетъ?

— Но вѣдь на сегодняшней афишѣ сказано, что это самое послѣднее представленіе!

Гогенѣхенъ расхохотался.—Объ этомъ спрости того мошенника,—отвѣтилъ онъ шепотомъ. — Онъ всякую ложь замажетъ. Однако, прощай: эта лягушка заражаетъ воздухъ. Къ тому же мнѣ нужно еще разъ прочесть свою роль.—Онъ всталъ.—Прощай, братецъ. Увидимся здѣсь послѣ спектакля, неправда-ли?

Онъ вышелъ. Мешуресъ послѣдовать за нимъ. Сендеръ остался наединѣ съ человѣкомъ, который усердно занимался своей рабо-

той, но время отъ времени украдкой бросалъ на него взглядъ. Сендеръ также невольно поглядывалъ на него: это былъ замѣчательно безобразный человѣкъ. Подъ низкимъ, отлогимъ лбомъ, обрамленнымъ черными, какъ смоль, курчавыми волосами, виднѣлись маленькіе глазки съ меланхолическимъ выраженіемъ; между ними смѣло выдвигался громадный носъ, словно желая вытянуться въ аршинъ, но затѣмъ, какъ будто испугавшись своего безразсуднаго намѣренія, смиренно скрючился надъ губами; но зато подбородокъ опять сильно выдавался. „Еслибъ Францъ Мооръ былъ еврей, то я охотно выбралъ бы эту маску для него“,—подумалъ Сендеръ.

Человѣчекъ все чаще поглядывалъ на него. „Навѣрное заговорить со мной“, подумалъ Сендеръ съ неудовольствіемъ. Гогенейхонъ ему рѣшительно не понравился, да и съ этимъ составителемъ афишъ ему не хотѣлось вступать въ общеніе. Но когда человѣчекъ послѣ нѣкотораго колебанія дѣйствительно проскользнулъ къ нему, онъ не могъ уклониться отъ разговора съ нимъ. Онъ только постарался придать своему лицу самое равнодушное выраженіе. Человѣчекъ замѣтилъ это и остановился на полъ-дорогѣ.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ онъ смиренно, сдѣлавъ медленно еще нѣсколько шаговъ впередъ.—Мнѣ хотѣлось васъ только спросить... Меня зовутъ Кенненъ, я состою при трушпѣ. Такъ вы тотъ барновець, отъ котораго Надлеръ такъ много ожидаетъ? Я по его порученію покупалъ книги, которыя онъ вамъ выслалъ въ январѣ прошлаго года.

— Да, дѣйствительно, это я.

— Извините, пожалуйста: пригласилъ-ли васъ самъ Надлеръ или вы ѣдете на свой рискъ и страхъ?

— Это собственно васъ не касается,—отвѣтилъ Сендеръ:—но онъ самъ звалъ меня.

— Въ такомъ случаѣ это хорошо,—отвѣтилъ Кенненъ, кивнувъ головою:—очень хорошо, извините.

И онъ отошелъ опять къ своей работѣ. Сендеръ съ недоумѣ-

нѣтъ посмотрѣлъ на него. — Почему вы меня объ этомъ спрашивали?—крикнулъ онъ ему минутой спустя.

Маленькій человѣчекъ снова подошелъ.

— Почему? Вы правы: это меня не касается. Но если вы видите человѣка, который не умѣетъ плавать и собирается броситься въ быстрое теченіе, то вы спросите его: „есть-ли у него канатъ, за который онъ могъ бы держаться?“ Если онъ отвѣтитъ отрицательно, то вы его предостережете. У васъ, слава Богу, есть канатъ, и объ этомъ нечего толковать. Что Адольфъ Надлеръ посоветуетъ человѣку, то онъ и долженъ дѣлать.

— Развѣ онъ совѣтовалъ вамъ сбѣжать отъ него?

— Мнѣ?—воскликнулъ маленький человѣкъ въ испугѣ.—Другіе сбѣжали, но меня онъ самъ отпустилъ. Онъ три года меня таскалъ съ собой... такъ изъ состраданія и потому, что я могъ служить за мѣсто секретаря. Но въ апрѣлѣ онъ мнѣ говоритъ „Бонъ, говоритъ онъ—это мое настоящее имя, а онъ меня всегда называлъ моимъ настоящимъ именемъ—у васъ прекрасный почеркъ, вы полезный человѣкъ и приличный человѣкъ“.—Маленькій человѣкъ выпрямился.—Да, такъ сказалъ мнѣ господинъ Надлеръ... но для сцены у васъ нѣтъ ни таланта, ни виѣшности. Поступайте вы къ какому-нибудь адвокату или сдѣлайтесь купцомъ. Вамъ вездѣ будетъ лучше, чѣмъ при театрѣ“. Но была и другая причина, почему господинъ Надлеръ говорилъ такъ со мною...

Маленькій человѣчекъ покраснѣлъ.

— Я послѣдовалъ этому совѣту и поступилъ въ качествѣ писца къ д-ру Максу Зальменфельду. Онъ и его сынъ, молодой докторъ Бергардъ, были мною очень довольны. Мнѣ было хорошо, но тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя очень несчастнымъ: мнѣ недоставало театра. Кто разъ побывалъ въ немъ...—Онъ глубоко вздохнулъ.—А тутъ въ началѣ мая приходитъ ко мнѣ Стиклеръ и говоритъ: „Переходи ко мнѣ, Кенненъ; ты будешь играть характерныя роли и состоять секретаремъ при театрѣ. Ты будешь играть Франца Моора, говоритъ онъ, и Вурма, и Марти-

нелли, и Шейлока, и Мефистофеля^а. Пустилъ онъ въ ходъ еще одну приманку,—человѣчекъ опять покраснѣлъ,—и это была самая сильная приманка: я и попался.. Извините, пожалуйста, но вы сами заговорили о томъ, что отъ господина Надлера сбѣжали. Я бы охотно остался у него до самой смерти.

И онъ снова отошелъ къ своему столу.

Сендера растрогали не столько слова, сколько печальный тонъ говорившаго. Это былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ онъ сначала предполагалъ.

— Если у васъ не слишкомъ спѣшная работа,—сказалъ онъ ему,—то не посидите-ли вы со мною одну минутку.

— Къ сожалѣнію, работа спѣшная. Я долженъ склеить листки до представленія, чтобы они поскорѣ высохли и чтобы я могъ сегодня ночью и раннимъ утромъ разрисовать. Но еслибы вы подѣли ко мнѣ, то оказали бы мнѣ большую честь.

Сендеръ перешелъ къ его столу, хотя воспоминаніе объ афишѣ нѣсколько охладило его.

— Давно-ли вы при театрѣ?—спросилъ онъ.

— Шесть лѣтъ. Я уже поздно посвящалъ себя этому призванію: мнѣ было уже двадцать пять лѣтъ.

У Сендера невольно вырвался возгласъ удивленія.

— Вы полагали, что я гораздо старше?—спросилъ маленькій человѣчекъ съ грустной улыбкой.—Я кажусь старше сорока! Но, дорогой господинъ, что это за жизнь!

— Что-же васъ собственно натолкнуло на этотъ путь?

— Только собственное желаніе. Уже съ дѣтства у меня была страсть къ театру. Я вѣдь изъ хорошей, богатой семьи,—это конечно трудно предположить. Отецъ мой Шломе Коэнъ былъ первый виноторговецъ въ Тарновѣ и при этомъ самый набожный хасидъ. Старшій мой братъ долженъ былъ послѣ него сдѣлаться главою фирмы, а я—раввиномъ. Съ пятилѣтняго возраста меня пичкали елико-возможно Талмудомъ и Торой. Но не знаю почему: было-ли здѣсь—онъ указалъ на лобъ—вообще мало мѣста или

только для такихъ вещей, но оно впрямъ не пошло. Одно мнѣ впрочемъ легко давалось, и я охотно ихъ училъ: это стихи, конечно еврейскіе. Въ восемь лѣтъ я зналъ наизусть—ха-ха—половину Іогуды-та-Левы. Волѣ всего мнѣ доставляли удовольствіе игры въ пуримъ и хануку; за нѣсколько мѣсяцевъ до ихъ наступленія я ни о чемъ не могъ больше думать, но въ играхъ я участія не принималъ: я былъ слишкомъ робокъ. А когда я пытался участвовать въ нихъ, другіе мальчики меня не допускали, потому что я такъ безобразенъ и малъ ростомъ. Наконецъ, когда я добился своего, ничего не вышло. Уже въ тринадцать лѣтъ, дорогой господинъ, мое несчастіе было подписано. Я былъ нѣсколько разъ въ Краковѣ у моихъ родственниковъ, и они водили меня въ театръ. Вотъ я и опалѣлъ. Ни о чемъ больше не могъ я думать днемъ, ни о чемъ мечтать ночью даже и тогда, когда я снова былъ въ Тарновѣ. И вотъ однажды, когда я отправился утромъ въ свою іешиву, у меня мелькнула мысль: „тебѣ надо въ Краковъ, въ театръ“. И какъ я былъ на улицѣ, тринадцатилѣтній мальчишка, съ двумя крестцерами въ карманѣ, сбѣгу, нобиравсь по дорогѣ излостыней до самаго Кракова, а вечеромъ прокрадываюсь въ театръ, пританцовываюсь въ галлерей. Представленіе я видѣлъ, но по окончаніи его меня выгнали вонъ, а ночью я отъ голода лишился чувствъ на улицѣ. Полиція меня подобрала и препроводила обратно въ Тарновъ. Тутъ меня жестоко избили, но что это ни къ чему не повело, — вы легко можете себѣ представить...

Сендеръ кивнулъ головой.

— Это засѣло во мнѣ крѣпко и на долгіе годы. Но надо было приняться за дѣло умнѣе. Надо было выучиться нѣмецкому языку, и я научился ему тайкомъ, благодаря тому, что мой старшій братъ, въ качествѣ будущаго дѣловаго человека, имѣлъ нѣмецкаго учителя. Надо было заручиться еще деньгами, и я—онъ тяжело вздохнулъ—украсть у моего отца сто гульденовъ и поѣхать въ Львовъ. Мнѣ было семнадцать лѣтъ. Я отправился во Львовъ къ директору театра и предложилъ ему взять меня въ актеры.

Онъ раскохотался до слезъ и выгналъ меня. Я бѣгу къ актерамъ. Одни поднимаютъ меня на смѣхъ, другіе стараются урезонить. Въ то время какъ я бѣгалъ такимъ образомъ въ полномъ отчаяніи, я встрѣчаюсь съ гладко выбритымъ господиномъ. „Вы актеръ?“ — спрашиваю я. — „Директоръ Тальгеймъ“, — отвѣчаетъ онъ мнѣ. Онъ какъ разъ вербовалъ труппу. За мои девяносто гульденовъ онъ доставилъ меня въ Стрнъ и позволилъ мнѣ играть лакея, которому приходится говорить только: „Графиня проситъ васъ къ себѣ“. Какъ только я появляюсь на сценѣ, публика осмѣиваетъ меня, какъ оглашенная. Я не произнесъ ни слова. Негодяи меня тотчасъ прогоняютъ и изъ „состраданія“ возвращаютъ мнѣ одинъ гульденъ. Въ эту ночь—голосъ его дрогнулъ—я бросился въ рѣку, но лодочники спасли меня. Я пошелъ въ больницу, а оттуда мой отецъ велѣлъ доставить меня къ себѣ.

— Ужасно,—прошепталъ Сендеръ.

Маленькій человѣчекъ кивнулъ головой.

— Но ужаснѣе всего то, что я не излѣчился отъ своего безумія. Нанъ домашній врачъ былъ человѣкъ умный. „Мальчикъ — фантазеръ, — сказалъ онъ про меня. — Изъ него актера не выйдетъ, но писателемъ онъ, пожалуй, можетъ сдѣлаться“. По его совѣту отецъ, скрѣпя сердце и вопреки своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, отдалъ меня въ гимназію. Мнѣ давалось ученье легко, но я учился неохотно. Въ чему латынь и греческій языкъ для актера? По прошествіи трехъ лѣтъ отецъ взялъ меня изъ гимназіи и отдалъ меня къ адвокату, чтобъ я могъ впоследствии открыть контору, и въ то же время заставилъ меня жениться. Это былъ ужасный бракъ. Съ перваго же дня я возненавидѣлъ свою жену, которая служила теперь препятствіемъ для осуществленія моихъ плановъ; а она съ теченіемъ времени возненавидѣла меня еще сильнѣе. Къ несчастію, родился ребенокъ, такой же жалкій червь, какъ и я. По прошествіи четырехъ лѣтъ умираетъ мой отецъ, а вскорѣ затѣмъ и мой мальчикъ. Я развожусь съ женой и даю ей за это половину всего моего состоянія, полученнаго по наслѣдству отъ отца. Съ другой

половиной я отправляюсь въ Вѣну и беру тамъ уроки драматическаго искусства. Всѣ мнѣ отговѣтываютъ, но я стою на своемъ и рѣшаюсь изучить дѣло практически. Я набираю труппу, разъѣзжаю по Моравіи и Силезіи и въ два года спускаю всѣ свои восемь тысячъ. Почему? Потому что я вездѣ хочу играть первыя роли, а публика бѣжитъ изъ театра. Когда я сталъ нищимъ, Надлеръ принялъ во мнѣ участіе. Остальное вамъ извѣстно.

Огъ глубоко вздохнулъ и, склонивъ голову надъ столомъ, сталъ водить висточкой съ клейстеромъ по бумагѣ.

— Но если вы это такъ ясно сознаете...—началъ Сендеръ.

— Почему я не уйду? Потому что я сумасшедшій! — воскликнулъ съ отчаяніемъ маленькій человѣчекъ.—Потому что во мнѣ сидитъ чортъ. Теперь мною овладѣла одна неотвязчивая мысль: я долженъ опять играть Франца Моора...

Часы пробили восемь.

— Господи, Боже мой,—воскликнулъ онъ въ тревогѣ и принялся расшпательствовать листки, чтобы они скорѣе высохли.—А мнѣ надо выходить уже въ первомъ актѣ... И я придумалъ себѣ на сегодняшній вечеръ гримъ... тонкій гримъ; но для этого требуется много времени... И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

К. Французъ.

(Продолженіе будетъ).

НЕВЕСНАЯ ТРАВА ¹.

ЮЖНОРУССКОЕ ПРЕДАНИЕ.

(Окончаніе).

Малка была уже второй годъ замужемъ за Занвелемъ. Красивая пригожая дѣвушка изъ важиточной почтенной семьи и съ приданнымъ въ сто рублей, Малка конечно не имѣла недостатка въ предложеніяхъ, но красивый, рослый Занвель понравился ей больше всѣхъ, а такъ какъ родные Занвеля, почтенные шинкари изъ потомства Халкелей, имѣли счастье понравиться родителямъ Малки, то голосъ невѣсты былъ принятъ во вниманіе и Малка сдѣлалась счастливѣйшей изъ женщинъ.

Счастье ея нѣсколько омрачилось, когда Занвель, проживъ съ полгода въ семьѣ своей жены, объявилъ, что онъ не хочетъ быть городскимъ жителемъ, а желаетъ идти по стопамъ своихъ родоначальниковъ, т. е. идти въ свою родную Петровку, гдѣ онъ родился и гдѣ его ожидалъ прилавокъ шинка, доставшагося ему въ наслѣдство отъ родителей.

Привыкшая къ городской жизни, Малка сначала не могла мириться съ незнакомыми ей условіями жизни, но вскорѣ, однако-же, акклиматизировалась въ новой средѣ и сдѣлала въ этомъ отношеніи такіе блестящіе успѣхи, что самъ Занвель сталъ ей завидовать въ ея умѣнны обходиться съ потребителями и потребительницами ихъ товара. Занвель гордился своей Малкой, а Малка обожала Занвеля, хотя конечно никто изъ нихъ никогда ни словомъ не намекалъ другому о своихъ чув-

¹ См. „Восходъ“, кн. III.

ствахъ. За то предъ другими каждый изъ нихъ наперерывъ хвалилъ и восторгался другимъ.

— Моя Малка—такая женщина, что хоть весь свѣтъ изъѣди,—такой не найдешь,—говорилъ Занвель, когда въ кругу интимныхъ друзей рѣчь заходила о томъ, хороши-ли вообще жены и у кого онѣ лучше.

— А мой Занвель меня не бьетъ,—съ гордостью и само-довольствомъ говорила Малка въ кругу своихъ сосѣдовъ, различныхъ Катеринъ и Парасокъ, которые жаловались на черезъ чуръ жесткіе кулаки своихъ мужей.

— Я даже не знаю, какъ можетъ мужъ поднять руку на свою жену... И этой простой безхитростной фразой она хотѣла сказать, что это одно изъ самыхъ обыкновенныхъ качествъ ея мужа а что есть у него и другія повыше, не она ни Катеринѣ, ни Параскѣ этого не скажетъ, потому что онѣ все равно ничего не поймутъ...

Такъ жили Занвель и Малка, довольные другъ другомъ, своимъ положеніемъ и своими окружающими, которыхъ они считали своими друзьями, хотя конечно съ нѣкоторыми ограничениями, что впрочемъ вымывалось существованіемъ подобныхъ ограниченій и со стороны ихъ друзей.

— Иванъ очень хорошій мужикъ,—не разъ говорилъ Занвель въ интимной бесѣдѣ съ Малкой:—я его очень люблю за его доброту... Онъ не обидитъ ближняго...

— Да, онъ добрый,—соглашалась Малка...—А все же, я тебѣ скажу, онъ хамъ... Какъ онъ терзаетъ свою Катерину!.. Еще вчера она прибѣжала ко мнѣ вся въ синякахъ... Я просто содрогнулась...

— Хороша и Катерина!—взялся защищать Занвель своего друга.—Зачѣмъ она къ писарю бѣгаетъ...

— Все же, такъ безбожно колотить!—настаивала на своемъ Малка.

— Занвель такой шинкаръ, что и на небѣ лучшаго не нужно,—въ свою очередь атестовалъ Занвеля Иванъ въ кругу своихъ единомышленниковъ.

— Это правда, — соглашались другіе: — онъ какъ и его батюга, тотъ тоже такой... Ужъ коли дастъ горилку, такъ это горилка. А то другіе шинкари одну воду даютъ.

— И гроши, шельма, мае, — поставитъ ему какъ достоинство Иванъ. — Только все же не крещеная душа. — И этимъ заканчивалась характеристика Занвеля.

Итакъ, Занвель и Малка во всѣхъ отношеніяхъ были счастливы, за исключеніемъ только одного обстоятельства: у нихъ еще дѣтей не было.

Но это обстоятельство, какъ оно ни важно вообще въ еврейской семьѣ, въ частности не могло разстроить счастья молодой четы, на томъ простомъ основаніи, что они всего второй годъ были женаты, а если прародительница Сара родила своего Исаака на девяносто первомъ году отъ роду, то почему бы Малкѣ не подождать хоть до двадцати лѣтняго возраста... Къ тому-же они оба были еще такъ молоды, что и не допускали мысли о бездѣтности...

Но вотъ въ одно прекрасное утро Иванъ явился къ Занвелю. Казалось въ этомъ визитѣ ничего страннаго не было; но выраженіе его лица и таинственность, съ которыми сопровождалось его появленіе не на шутку смутили Занвеля.

— Ты точно съ кражей пришелъ ко мнѣ, — сказалъ ему Занвель, осматривая его съ головы до ногъ и заглядывая ему въ руки.

— Цыцъ, халамей, — сказалъ ему таинственно Иванъ. — Гдѣ твоя Малка?

— Она ка кухнѣ.

Иванъ оглянулся кругомъ, потомъ прибавилъ: — все же лучше пойдемъ въ другую горницу, тамъ никто не подслушаетъ.

Занвель какъ то недовѣрчиво посмотрѣлъ на Ивана, но все таки послѣдовалъ за нимъ, затворивъ на всякій случай дверь, ведущую въ кухню.

Когда они минутъ черезъ десять опять вышли, Занвель имѣлъ озабоченный видъ, на лицѣ-же Ивана ничего нельзя

было прочесть, кромѣ какого-то общаго чувства полноты и широкаго разгула.

— Гдѣ же твоя горилка, поганый?—крикнулъ онъ Занвелью такимъ тономъ, точно это говорить не Иванъ, а самъ панъ-исправникъ.

Занвель засуетился.

Въ эту ночь Занвель и Иванъ отправились въ лѣсъ. Съ этой ночи и счастье Малки какъ будто улетѣло куда-то, оставивъ бѣдной женщинѣ только одни воспоминанія.

— Гдѣ твой хвостъ, чортова вѣдьма? Покажи! Убью, коли не покажешь.

Съ этими словами, произнесенными отяжелѣвшимъ языкомъ и сопровождавшимися довольно внушительными жестиками, Иванъ ввалился въ свою хату.

Катерина въ одной рубахѣ и запаскѣ (родъ юбки, которую носятъ малороссіянки) стояла у печки и возилась съ горшками.

Увидя мужа въ такомъ видѣ, она подалась нѣсколько въ сторону, продолжая свою работу. Не первый разъ Иванъ приходилъ въ такомъ видѣ домой и это ей было не въ диковинку.

Но Иванъ подступилъ къ ней ближе съ поднятыми кулаками.

— Ты думаешь, я побоясь тебя!—кричалъ онъ, топая ногами.—Иванъ не такой. Скажи, гдѣ трава... скажи, а то убью!—И онъ дѣйствительно схватилъ ее за волосы.

— Вырву хвостъ, якъ не скажешь, вѣдьма поганая!—кричалъ онъ, мыкая ее за растрепанную косу.—Ивана не обманешь... ты вѣдьма, а не Катерина...

Катерина заголосила и рванулась отъ него изо всѣхъ силъ.

Иванъ на мгновенье подался впередъ и вдругъ шлепнулся на землю, держа въ рукахъ прядь волосъ.

— Отдай траву!—продолжалъ онъ кричать хриплымъ голосомъ, стараясь подняться на ноги: отдай, не то...

— На тебѣ, чортовъ сынъ! на!..

И Катерина стала наносить ему удары въ лицо, въ грудь,

въ бока.—Яку тебѣ траву дать? что я накосила? А ты въ шинокъ! На—вотъ трава!—продолжала она тузить пьянаго Ивана, безъ движенія лежавшаго на полу и шептавшаго хриплымъ голосомъ:—Вѣдьма! уйди! отдай траву! покажи хвостъ!

— Вотъ тебѣ хвостъ!—кричала взбѣшенная Катерина, нанося послѣдній ударъ своему благовѣрному:—тутъ ты у меня издохнешь, окаанный! Тьфу!..—и плюнувъ ему прямо въ лицо, выбѣжала изъ комнаты и заперла за собою дверь, оставивъ на полу бормотавшаго себѣ что то въ носъ Ивана.

Вскорѣ эти звуки исчезли и замѣнились зычнымъ храпомъ, оглашавшимъ всю избу.

Поправивъ свои растрепанные волосы, накинувъ на голову платокъ, Катерина выбѣжала на улицу. Нѣсколько мгновений она стояла въ раздумьи—куда ей бѣжать. Она намѣрена была идти къ шинкарю Занвелю, упасть ему въ ноги и умолять его, чтобы онъ больше не давалъ горилки Ивану, потому что ей житья нѣтъ отъ него. Еще ничего, еслибы онъ ее только колотилъ, а то послѣдніе гроши пропиваетъ, а теперь хочетъ пропить траву, которую она вчера накосила и которая ей нужна для скотины. А если Занвель ее не послушаетъ, она плюнетъ ему прямо въ некрещенную харю... Съ этимъ намѣреніемъ она и отправилась.

Занвель не было дома; за стойкой сидѣла одна Малка.

— Шинкаря нѣтъ?—спросила взволнованнымъ голосомъ Катерина.

Но не успѣла ей Малка отвѣтить на вопросъ, какъ она продолжала:—А ты моему Ивану не давай горилки. Онъ все изъ хаты выноситъ и пропиваетъ въ шинкѣ, теперь и траву хотѣлъ отвезти тебѣ, которую я накосила. Развѣ можно такъ. Человѣкъ отъ рукъ отбился. Все у тебя въ шинкѣ пропадаетъ. Меня колотить, не работаетъ.

— Чѣмъ же мы виноваты,—возразила Малка.—На то и шинокъ, чтобы горилки давать. Мужикъ приходитъ, нельзя отказать. Не мы просимъ пить.

— Что же ты чванишься, что не вы просите,—съ раздра-

жаниемъ проговорила Катерина:—кто же просить какъ не вы. Васъ бы не было, намъ больше житья бы было.

Малка вспыхнула.—А ты бы хотѣла, чтобы тебѣ даромъ горилку,—я знаю.

— Даромъ сама пей и человеку своему дай,—обидѣлась Катерина—а у насъ, слава Богу, есть на что купить. Мы не послѣдніе въ деревнѣ. И тебѣ на бѣдность подаримъ.

— Не дожدهшься, хохлушка ты поганая,—вся дрожа отъ гнѣва, проговорила Малка:—не даромъ Иванъ тебя колотить.

— И ты бита будешь, подожди,—съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ, проговорила Катерина.

— Я!—закричала Малка.

— Будешь бита, будешь, отродѣ дьявольское! поганная!...

Съ тяжелой головою и болью во всѣхъ членахъ проснулся Иванъ. Кругомъ было темно и тихо. Онъ сталъ шарить вокругъ себя руками, какъ бы желая удостовѣриться, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается. Онъ ничего не помнилъ, что происходило утромъ, и былъ крайне удивленъ, когда вмѣсто полатей, онъ почувствовалъ подъ собою сырой земляной полъ. Онъ быстро вскочилъ и сталъ отыскивать полати; но на полатахъ никого не было.

— Катерина!—позвалъ онъ тихо.—Катерина! да гдѣ же ты, чортова баба?—крикнулъ онъ уже громче.

Но въ хатѣ было по прежнему тихо.

Онъ подошелъ къ двери. Но дверь была заперта снаружи.

— Ага!—глубокомысленно промычалъ Иванъ, точно онъ теперь все понялъ, и онъ сильнѣе налегъ на дверь. Дверь скрипнула и отворилась.

Онъ вышелъ во дворъ и сталъ осматриваться кругомъ. На дворѣ, какъ и въ хатѣ, было темно и тихо. На деревнѣ уже всѣ спали, нигдѣ не видно было ни огонька, только звѣзды мерцали своимъ блѣднымъ свѣтомъ на темномъ высокомъ небѣ.

Нѣсколько мгновений Иванъ стоялъ, какъ бы соображая что то.

— Пстой же, баба паскудная! дамъ я тебѣ по чужимъ бѣгать — пробормоталъ онъ про себя; съ этими словами онъ вышелъ за ворота.

Но тутъ онъ вдругъ снова остановился и, какъ бы озаренный блестящей мыслью, онъ повернулъ въ другую сторону и быстро направился по дорожкѣ, ведущей къ лѣсу.

Онъ шагалъ быстро и бодро, да и на душѣ у него теперь было такъ легко, такъ пріятно, что онъ готовъ былъ простить Катеринѣ ея вѣтренный поступокъ.

— Да нехай себѣ... Что она мнѣ...—бормоталъ онъ про себя, продолжая шибко шагать. Но не успѣлъ онъ пройти и полдороги, какъ внезапно столкнулся съ другимъ человѣкомъ, перерѣзывавшимъ ему дорогу.

Иванъ сталъ, какъ вкопанный.

— Это ты—Занвель?—спросилъ онъ изумленный.

— А это ты, Иванъ?—въ свою очередь спросилъ не менѣе изумленный Занвель.

— Ты куда?—спросилъ Иванъ.

— А ты?—спросилъ Занвель.

Иванъ не отвѣчалъ.

И оба пошли рядомъ по знакомой тропинкѣ, не сказавъ болѣе другъ другу ни слова.

Малка сильно измѣнилась за послѣдніе дни. Она значительно похудѣла, лицо поблѣднѣло, блестящіе, черные глаза ея потускнѣли. Пыжкая, живая, она теперь вся ушла въ себя, мало говорила и только по вспыхивавшему иногда лихорадочному блеску глазъ, по порывистымъ движеніямъ, можно было узнать прежнюю Малку. Никто не зналъ причины такой перемѣны въ бѣдной женщинѣ, но стоило только посмотреть на нее въ присутствіи Занвеля, чтобы угадать причину. Къ счастью, въ послѣднее время Занвель такъ рѣдко бывалъ дома, что почти никто изъ обычныхъ посѣтителей шинка не видалъ уже его въ теченіе нѣсколькихъ дней.

— Гдѣ шинкаръ? Гдѣ Занвель?—приставали къ ней съ вопросами. И бѣдная женщина съ улыбкой на устахъ должна была отвѣчать каждому одинъ и тотъ же выдуманный ею отвѣтъ о дѣлахъ Занвеля, въ то время какъ сердце ея сжималось отъ боли, а лицо ея покрывалось густой краской стыда, потому что она столько же знала, гдѣ по цѣлымъ днямъ пропадаетъ Занвель, какъ и тѣ, которые ее допрашивали. Одно она только знала, что Занвель ее больше не любитъ. Это открытіе объяснило ей все остальное.

И это все случилось со дня ссоры ея съ Катериной.

«Это она околдовала моего Занвеля, это она испортила мое счастье», шептала она, ни на минуты не смыкая глазъ въ ожиданіи прихода Занвеля. Но Занвель не приходилъ, а когда онъ съ зарею и приходилъ на часъ, то онъ имѣлъ такой странный, почти ужасный видъ, что Малка отъ страха закрывала глаза, притворяясь спящей. Когда же она снова открывала глаза, Занвеля опять уже не было въ комнатѣ.

Вмѣстительство Катерины въ ея сердечныя дѣла приняло еще больше правдоподобія съ того момента, какъ она узнала, что Катерина сбѣжала къ сельскому писарю.

— Она заворожила его, чтобы отомстить мнѣ,—не переставала твердить себѣ Малка и наконецъ до того увѣрилась въ эту мысль, что перестала искать другую причину для объясненія охлажденія къ ней Занвеля.

И было ли развѣ что нибудь непонятное въ томъ, что Катерина заворожила Занвеля. Вѣдь заворожила же она писаря, который изъ-за нея бросилъ свою жену. То же говорили ей нѣкоторыя старухи, къ которымъ Малка успѣла обратиться за совѣтомъ и получить уже нѣсколько наставленій, какъ дѣйствовать и что предпринять.

Она теперь обсуждала эти наставленія, лежа въ постели въ ожиданіи прихода Занвеля.

Прежде чѣмъ начать свои дѣйствія, она твердо рѣшилась теперь поговорить съ мужемъ, хотя бы это и стоило ей жизни. Прислушиваясь къ малѣйшему шуму, къ каждому пороку,

раздававшемуся среди тишины ночи, она мысленно повторяла себѣ то, что она намѣрена была сказать Занвелю. Долго она пролежала въ напрасномъ ожиданіи, съ мужествомъ борясь со сномъ, который какъ бы нарочно сковывалъ ея отяжелѣвшія вѣки. Наконецъ раздался легкій шорохъ, послышался осторожный скрипъ двери и въ комнату вошелъ Занвель.

Малка вся замерла; она хотѣла приподняться, но не могла, точно кто то приковалъ ее къ кровати крѣпкими цѣпями. Однако на этотъ разъ она поборола свой страхъ и не притворилась спящей.

При блѣдномъ свѣтѣ мерцающаго утра, она быстрымъ взглядомъ окинула Занвеля и сердце ея сжалось отъ сильной боли. Въ этомъ блѣдномъ исхудаломъ лицѣ, въ этихъ впалыхъ, но горящихъ какимъ то лихорадочнымъ огнемъ глазахъ, въ этихъ сомкнутыхъ сжатыхъ губахъ выражалось такое глубокое, необъятное страданіе, что блѣдная Малка чуть не вскрикнула отъ ужаса. Всѣ муки, всѣ душевныя страданія, перенесенныя ею за послѣднее время и причиной которыхъ былъ Занвель, все теперь исчезло изъ ея груди и замѣнилось чувствомъ безпредѣльнаго состраданія.

Съ глазами полными слезъ, съ голосомъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія, она быстро вскочила съ постели и бросилась къ Занвелю.

Но Занвель отстранилъ ее отъ себя и окинулъ ее такимъ взглядомъ, что у нея волосы дыбомъ стали.

— Малка! — сказалъ онъ глухимъ страдальческимъ голосомъ: — я больше не люблю тебя.

Эти слова, точно острый ножъ, пронзили сердце Малки. Она хотѣла что то сказать, но слезы заглушили ея голосъ.

А Занвель, какъ бы не замѣчая этихъ слезъ, продолжалъ: — Мы должны разойтись... Такъ Богу, вѣроятно, угодно.

Малка не выдержала. Сквозь слезы ова стала упрекать Занвеля въ невѣрности, въ измѣнѣ супружескому долгу, въ томъ что онъ забылъ своего Бога и законъ. Онъ замѣнилъ ее какой-то потаскушкой, незнающей ни истиннаго Бога, ни чис-

той вѣры... Она наслала на него злого духа, который находится у нея въ услуженіи, и онъ его поведетъ въ адъ.

Сначала Занвель слушалъ разсѣянно, но потомъ, когда Малка заговорила о зломъ духѣ, объ адѣ, о темной нечистой силѣ, захватившей его въ свои руки, онъ на минуту почувствовалъ себя виновнымъ предъ этой плачущей и несчастной женщиной. Но образъ другой женщины—свѣтлой, лучезарной и прекрасной, какъ солнечный лучъ—предсталъ предъ его глазами. Въ ея улыбкѣ было его счастье, въ блескѣ ея глазъ все его будущее...

«Во мнѣ твое спасеніе,—раздавался ея чудный божественный голосъ:—я дамъ тебѣ все, что есть самаго лучшаго въ мірѣ; обратись ко мнѣ, будь мой».

Нѣсколько мгновеній онъ находился въ какомъ то забытій, какъ бы прислушиваясь къ чудному голосу, долетавшему до него издали; потомъ онъ вдругъ очнулся и, взглянувъ на свою жену, твердо и рѣшительно промолвилъ:

— Слушай, Малка,—я не могу долго говорить съ тобою, да и разговоръ нашъ ни къ чему не поведетъ, потому что ты меня не поймешь. Повторяю тебѣ, что я больше не люблю тебя, мы должны развестись и это будетъ завтра же!—Съ этими словами Занвель быстро вышелъ изъ комнаты.

Малка бросилась вслѣдъ за нимъ, но на порогѣ она упала безъ чувствъ.

Отношенія между Иваномъ и Занвелемъ приняли весьма загадочный характеръ. Прежняя дружба исчезла, точно ея и не было. Дошло даже до того, что Иванъ пересталъ посѣщать шиннокъ, что удивило не только Занвеля, но и всю деревню. Любители сплетенъ объясняли такое охлажденіе Ивана къ шинку размолвкой между нимъ и Занвелемъ изъ за Катерины, про которую Малка и ея подруги распространяли всевозможныя небылицы. Разсказывали, что Катерина прилетѣла къ Занвелю на кочергѣ, но Малка поймала ее и выдала ее Ивану, который отколотилъ ее и прогналъ къ писарю, а Занвелю

приказавъ не принимать больше Катерины, въ противномъ случаѣ будетъ плохо. Однако истинной причины никто не зналъ; не подозрѣвали ее ни Занвель, ни Иванъ; все таки это охлажденіе, даже замѣтное для другихъ, случилось, и оба друга это хорошо знали, хотя не желали сознаться въ этомъ.

Когда они встрѣчались гдѣнибудь днемъ, они старались какъ можно меньше говорить между собою и поспѣшно расходились, отговариваясь каждый отсутствіемъ времени.

Тѣмъ менѣе они говорили о дѣлѣ, равно интересовавшемъ ихъ обоихъ. Перекинутся двумя, тремя невзначайными словами, постоять точно на иголкахъ другъ противъ друга, а потомъ уже, когда каждый повернетъ въ противоположную сторону, ктонибудь изъ нихъ остановитъ другого вопросомъ:

— А сегодня ночью?...

— Развѣ что?—отвѣтитъ другой.

— Придешь?

— Не знаю. А ты?

— Тоже не знаю.

Но какъ только послѣдній огонекъ погаснетъ въ деревнѣ, оба на перерывъ спѣшили туда, въ лѣсъ, стараясь прийти раньше другого.

— А ты ужъ тутъ?—удивится запоздавшій.

— Ты сказалъ, что не придешь, я и не ждалъ тебя.

— И ты сказалъ, что не придешь... И послѣ этого никто изъ нихъ не промолвитъ ни слова, погруженный каждый въ свою думу.

О чемъ они думали, они другъ другу не сообщали. Но видно было, что у каждаго изъ нихъ вѣтветъ какой то планъ, осуществленіе котораго не заставитъ себя долго ждать. Объ этихъ планахъ они ничего другъ другу не говорили.

Они точно соперничали между собою; каждый съ тайной гордостью думалъ о томъ, какъ онъ побѣдитъ другого, получивъ предпочтеніе...

Планы Занвеля были ясны; планы Ивана очень запутаны. Сначала Иванъ думалъ о томъ, какъ бы достать золото помимо

этой чудной женщины, и зная, что нечистая сила дѣйствуетъ только ночью, онъ пришелъ разъ днемъ въ лѣсъ и, спустившись въ оврагъ, хотѣлъ пробраться въ пещеру. Но къ величайшему своему изумленію, онъ не нашелъ входа въ нее. Нѣсколько часовъ онъ напрасно бился, перебирая каждый кустикъ, каждую травку и наконецъ вернулся домой въ самомъ скверномъ расположеніи духа.

Въ эту же ночь онъ явился въ пещеру съ топоромъ за пазухой. Но лучезарная женщина на этотъ разъ не явилась вовсе. Прождавъ напрасно всю ночь въ пещерѣ, онъ ушелъ съ чувствомъ жестокаго озлобленія въ душѣ. Онъ залился на себя, но еще больше на лучезарную женщину...

Злился онъ также на Занвеля.

— Ты что же мертвецомъ смотришь? Золото на мѣстѣ, не бойся,—иронически замѣтилъ онъ Занвелю.

Занвель долго не отвѣчалъ; наконецъ онъ обратился къ Ивану:—Ты завтра придешь?

— Не знаю,—сказалъ Иванъ уклончиво.

— А я приду,—сказалъ Занвель такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что даже малодогадливый Иванъ понялъ въ чемъ дѣло.

— Ну такъ и я приду,—сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія.

Нѣсколько мгновеній оба товарища смотрѣли другъ на друга, точно каждый изъ нихъ желалъ прочесть на лицѣ другого его сокровенныя думы; потомъ они разошлись, мысленно готовясь къ предстоящему бою.

Занвель съ разсвѣтомъ уѣхалъ въ городъ, а Иванъ заперся въ своей хатѣ на цѣлый день. Мысль, соврѣвшая въ его головѣ, не давала ему покоя. Онъ былъ золъ на себя, отчего онъ до сихъ поръ ничего не дѣлалъ, тогда какъ было столько удобныхъ моментовъ для выполненія его плана. Еще вчера только Катерина вновь приходила къ нему и предлагала помириться. Тогда былъ самый удобный случай... И Иванъ чуть не рвалъ

на себѣ волосы за свою оплошность, совершенно забывъ при этомъ, что вчера еще и помину не было о томъ планѣ, который теперь его такъ сильно занималъ и удобное выполнение котораго дать ему все то, чего онъ такъ домогался. «Но Катерина можетъ быть и сегодня придеть» — утѣшалъ онъ себя и съ этой надеждой онъ занялся приготовленіемъ всего, что необходимо было для ея приѣма.

Но время проходило, а Катерина не являлась.

Тогда у него мелькнула мысль отправиться къ ней. Времени оставалось немного, а онъ хотѣлъ предупредить Занвеля и явиться раньше его. Нѣсколько мгновеній онъ обдумывалъ, какъ это все устроить. Онъ припомнилъ теперь, что писарь еще вчера уѣхалъ въ сосѣднюю деревню и что Катерина одна. Это разомъ подвинуло его рѣшеніе. Мысль о томъ, что сегодня ночью рѣшится вопросъ, кому обладать небасной травой, вытѣснила все остальное изъ его внутренняго міра и все, что онъ теперь ни дѣлалъ, было только приготовленіемъ къ великому торжеству. Катерина только мѣшала ему...

И то, что вчера казалось ему невозможнымъ, о чемъ онъ боялся и подумать, то теперь сдѣлалось вдругъ необходимымъ... И это такъ легко сдѣлать... Иванъ удивился, какъ это онъ раньше не дошелъ до этого.

О томъ, что сдѣлаетъ Занвель, онъ и не думалъ. Занвель для него и не существовалъ, онъ теперь было одинъ и ему стоять только выполнить задуманное, чтобы все очутилось въ его рукахъ. Онъ собралъ все нужное для выполнения своего плана и оставилъ свою избу...

Быстро, не оглядываясь бѣжалъ Иванъ по знакомой тропинкѣ. Посреди царствовавшей кругомъ тишины глубокой ночи, при блѣдномъ мерцающимъ блескѣ безчисленныхъ звѣздъ, ласково смотрѣвшихъ съ высокаго темнаго неба и какъ бы охранявшихъ уснувшую природу, Иванъ казался какимъ то страннымъ исключеніемъ, движущимся пятномъ, затемнявшимъ чистый ясный обликъ природы...

Его длинныя ноги шагали по мягкой душистой травѣ, его руки размахивали по воздуху, наполненному тончайшимъ ароматомъ цвѣтовъ. Иванъ глоталъ этотъ воздухъ, но не чувствовалъ его аромата, онъ топталъ траву, но не чувствовалъ ея нѣжной мягкости подъ ногами. Онъ смотрѣлъ на мерцающія звѣзды, но не чувствовалъ ихъ нѣжного блеска, онъ глядѣлъ на темно-голубое небо, но его лазурный цвѣтъ не успокаивалъ его. Онъ бѣжалъ впередъ, точно подгоняемый какой то невидимой силой и какъ бы боясь опоздать.

Лѣсъ былъ въ двухъ шагахъ. Онъ уже привѣтствовалъ его, покачивая своими высокими верхушками. Иванъ прибавилъ шагу. Его сердце билось не то радостно, не то тревожно. Еще минута—и онъ тамъ. Она ему подносить небесную траву и золотой дождь сыпнется къ его ногамъ.

Вдругъ вблизи что-то зашуршало.

— Постой, Иванъ!—окликнулъ его кто-то.

Иванъ вздрогнулъ. Предъ нимъ, весь сіяющій, съ сверкающими глазами, стоялъ Занвель.

— Я теперь свободенъ,—воскликнулъ онъ восторженнымъ голосомъ.—Малка уже не моя жена.

У Ивана волосы дыбомъ встали.

— Ты тоже убилъ свою жену!—вырвалось у него.

— Нѣтъ, я далъ ей разводъ.

— Но она жива?

— Да.

Одно время Иванъ стоялъ въ какомъ-то раздумьи, потому лицо его покрылось широкой, не то радостной, не то иронической улыбкой. Онъ опустилъ сжатые кулаки и поспѣшно сталъ спускаться въ оврагъ.

Занвель послѣдовалъ за нимъ.

Роскошный снопъ лучезарнаго свѣта обдалъ ихъ, когда они очутились въ пещерѣ. Мягкое сіяніе золотыхъ горъ, смѣшанное съ радужными цвѣтами драгоценныхъ камней, валявшихся у ногъ ихъ, привелъ Занвеля и Ивана въ нѣмой, неописан-

ный восторгъ. Секровищамъ конца не было. Отъ этой массы у нихъ зарыбило въ глазахъ.

Когда же они опомнились, то увидѣли лучезарную женщину, увѣнчанную короной изъ лучистаго свѣта.

Занвель замеръ отъ нѣмого восторга.

У Ивана морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— Небесная трава принадлежитъ моему жениху, — раздался ея мягкій, мелодичный голосъ.

И она претянула руку, которая держала небесную травку.

Иванъ и Занвель бросились къ ней.

— Я люблю тебя, — прошептала, задыхаясь, Занвель.

— Отдай мнѣ, — закричалъ Иванъ.

Красавица, казалось, колебалась.

Вдругъ кто-то отчаянно застоналъ и въ то же время Занвель, обливаясь кровью, упалъ къ ногамъ лучезарной женщины.

Съ чувствомъ глубокаго укора посмотрѣла Любовь на Ивана, стоявшаго предъ ней съ окровавленными руками; потомъ она, утопая въ лучахъ свѣта, поднялась вверхъ...

Въ пещерѣ вдругъ разомъ потемнѣло.

Въ ужасѣ Иванъ бросился въ выходу. Но выхода не было... А темнота все усиливалась, да усиливалась...

Давно все это было, — такъ что даже старожилы деревни, рассказывая эту исторію, обыкновенно прибавляютъ:

— Все это было, да не при насъ...

Но и до сихъ поръ каждую ночь въ лѣсу слышатся словно чьи-то стоны: то стонетъ Иванъ, тщетно ища выходы изъ заколдованной пещеры.

Я. С.

САУЛЬ и ДАВИДЪ.

(Изъ Августа Платена).

Угрюмый царь сидитъ на тронѣ золотомъ
Съ поникшей головой, въ раздумье погруженный...
Но вотъ онъ знакъ даетъ,—и съ арфой предъ царемъ
Иессей сынъ предсталъ, колѣнопреклоненный.

«Великъ Иегова нашъ!—раздался гимнъ святой:—
Прекрасенъ Божій миръ... взгляни, какъ все ликуетъ!
Вотъ утро занялось за дальнею горой,
И солнце съ высоты улыбкою чаруетъ».

«Освободи чело отъ бремени вѣнца
И выйди на просторъ,—тамъ нѣжною струею
Проникнетъ въ грудь твою дыханіе Творца,
Тамъ скорбь разсѣется, какъ сонъ передъ зарею».

«Пусть я невѣдомый, убогій пастушокъ,
Но въ небо возношусь и я мечтой крылатой...
Какъ долженъ быть восторгъ твоей души глубока,
Какъ долженъ ты,—мой царь,—чтить Саваова свято!»

«Зачѣмъ же долу ты склонилъ свое чело?—
Привѣтствуй Господа восторженной хвалою,—

Вгляни—въ моей груди, какъ въ небесахъ, свѣтло,
И льется пѣснь моя широкою волною»...

Вдругъ страшный, какъ гроза, воспрянулъ царь Саулъ,
И мощною рукой копье свое сжимая,
Онъ злобно въ отрока-пѣвца его метнулъ,—
И отрокъ задрожалъ, въ испугѣ отступая...

Х. Зингеръ.

ИЗЪ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ.

Гл. XXVII, ст. 17.

Два ножа неутомимо
Другъ о друга я точу.
Что мнѣ жалобный ихъ скрежетъ?
Заострить ихъ я хочу.

Ужъ они блестятъ зеркально,
Истончились острія,—
И съ размаху тонкій волюсь
На вѣсу разрѣвалъ я...

Такъ, встрѣчая взоры друга,
Изоощремъ мы свой взглядъ,—
И глаза въ чужую душу
Проницательнѣй глядятъ.

Федоръ Сологубъ.

ПОЛОЖЕНІЕ О Евреяхъ 1804 года.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОСНОВАНІЙ И МОТИВОВЪ
ЭТОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПАМЯТНИКА.

На основаніи источниковъ ¹.

Замѣчаніе на 2-й пунктъ.

О духовенствѣ.

Въ мнѣніяхъ своихъ повѣтовые маршалы Литовской губерніи касательно духовенства не заключаютъ ничего особеннаго, чтобы показывало нужду въ исправленіи сего состоянія. Опыты однакожь свидѣтельствуютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по приходамъ, кои большею частію наполнены священствомъ менѣе образованнымъ, дѣлаются излишнія при отправленіи обрядовъ церковныхъ, а особливо въ требахъ христіанскихъ, вымогательства, отягочающія состояніе прихожанъ; и хотя строго сіе отъ духовнаго начальства возбраняется, но по неограниченію здѣсь закономъ, какъ въ прочіихъ Всероссийской Имперіи губерніяхъ, что должно быть отплачиваемо духовенству за всякое поровнь требованіе по христіанскимъ обрядамъ, нерѣдко власть духовная лишается удобства воспрепятствовать во всей силѣ притѣсненію со стороны приходскихъ священниковъ. Прихожанинъ, не зная опредѣлительнаго платежа, принужденнымъ находится въ крайнихъ необходимостяхъ, не убѣдя о снисхожденіи къ себѣ, давать ксензу все то, что отъ него требуется. Въ пресѣченіе таковыхъ злоупотребленій нужно непремѣнно и здѣсь положить извѣстную плату за удо-

¹ См. „Восходъ“, кн. III.

влетвореніе народнымъ христіанскимъ требамъ, сообразно указу Правительствующаго Сената отъ 18-го апрѣля 1766 года, съ нѣкоторою развѣ весьма небольшою надбавкою, и то въ уваженіи существующей повсемѣстно въ Литвѣ всему дороговизнѣ; и о томъ для всенароднаго извѣстія въ административной губерніи опубликовать, дабы корыстолюбивые ксензы, унижающіе сребролюбіемъ достоинство своего званія, не могли воспользоваться невѣдѣніемъ простаго народа. Я полагаю нужнымъ назначить плату для тѣхъ токмо духовныхъ, которые не имѣютъ для содержанія своего достаточныхъ имѣній; прочимъ же, поелику многіе имѣютъ недвижимыя имѣнія и капиталы, называемыя здѣсь фундушами, слѣдуетъ, по мнѣнію моему, совѣмъ запретить требовать воздаянія за отправленіе всякихъ церковныхъ обрядовъ, не воспрещая однакожъ принимать имъ награду за труды ихъ отъ тѣхъ, кто оную дастъ по собственному произволію.

Замѣчаніе на 3-й пунктъ

О крестьянахъ.

Не можно по справедливости не признать того, что состояніе здѣшнихъ крестьянъ требуетъ во многихъ частяхъ нужнаго исправленія, *поелику оныя, не имѣя попечительнаго о благи своемъ надзора, остаются крайне угнетаемы.* Но какъ приведеніе въ дѣйствіе сего намѣренія можетъ иногда сей непросвѣщенной части народа внушить болѣе покушеній искать себѣ свободы, нежели дозволить ему можно пользоваться оною, въ такомъ случаѣ нужно поступить со всею осторожностію, чтобъ выгоды крестьянамъ и все то, что служить можетъ къ облегченію ихъ жребія, не одновременно, но частями доставляемо было. Облегчить нужно состояніе ихъ наипервѣе и наипаче въ селеніяхъ, на границѣ лежащихъ, потому, что въ Австріи, а особливо въ Пруссіи, правительства тамошнія употребляютъ всѣ средства на переселеніе къ себѣ здѣшнихъ крестьянъ, коихъ чувствительное уменьшеніе испытываютъ пограничныя владѣльцы.

Разсуждая о семъ предметѣ и полагая на грядущее время основать благосостояніе крестьянъ ограниченіемъ до какихъ предѣловъ простираться должна надъ ними власть ихъ госпо-

дѣла, надлежало бы предварительно предписать необходимыя правила: Во первыхъ, обезпечить собственность *каждаго крестьянина* такъ, чтобы по выполненіи имъ крестьянскихъ повинностей, каковыми онъ обязанъ своему владѣльцу, и по оплатѣ слѣдующихъ отъ него податей, никто не имѣлъ особенной власти надъ его имѣніемъ, кромѣ надвора господскаго, дабы оное не могло быть промотано и крестьянинъ распутностію своею не довелъ бы себя до убожества.—Во вторыхъ, для благосостоянія крестьянъ и пресѣченія злоупотребленій со стороны владѣльцевъ въ непосредственномъ распоряженіи судьбою оныхъ, нужно также по мнѣнію моему предписать, буде то не противно государственнымъ учрежденіямъ, чтобъ *отнюдь не продавать людей безъ земли по одиночкѣ*. Сіе завоснѣлое обыкновеніе помѣщиковъ, не пекущихся о прямомъ добрѣ крестьянъ своихъ, но ослѣпляющихся столь вредною корыстію по однѣмъ прихотямъ, бываетъ нерѣдко причиною не только многихъ слезъ семейству, лишаящемуся иногда весьма нужной поддержки въ проданномъ и выбывающемъ изъ онаго человѣкѣ, но даже причиняетъ совершенное разстройство цѣлаго хозяйства; да и по существу своему есть противно Высочайшей власти, поелику жребій *каждаго ея* десницею управляется, а не состоитъ въ волѣ частнаго владѣльца, которому законъ даруетъ то токмо право, чтобъ пристойнымъ образомъ довольствоваться прибытками, какія земля производитъ, и какія обитающія на ней хлѣбопашцы трудами своими принести могутъ.—Въ третьихъ, извѣстно, что по мѣрѣ *прибытковъ*, труды вознаграждающихъ, у всякаго возрастаетъ охота рачительнѣе упражняться въ промыслѣ, пользу желаемую приносящемъ. Но крестьяне здѣшніе чужды сего пробужденія. Они не имѣютъ полной свободы сбывать хлѣбъ и прочіе продукты, руками ихъ собираемые, по своей волѣ. Бывъ стѣснены въ промыслѣ по торговлѣ, принуждены оплачивать подати помѣщичьи, чиншемъ называемыя, тѣми же самыми продуктами, въ такой цѣнѣ, какую самъ владѣлецъ произвольно устанавливаетъ. Посему, для приведенія въ лучшее состояніе хлѣбопашцевъ, надлежало бы, по мнѣнію моему, *запретить помѣщикамъ собирать съ крестьянъ подати продуктами*, какъ то: льномъ, пенькою и тому подобнымъ; но

предоставить полную имъ свободу продавать все то, идѣ крестьянинъ пожелаетъ и идѣ выгоды свои наитить онъ можетъ. Дозволить тогда можно владѣльцу получать продукты въ уплату слѣдующихъ отъ крестьянина податей, ежели общее и взаимное ихъ на то будетъ согласіе, или ежели крестьянинъ, не имѣя способности къ продажѣ своихъ продуктовъ, не будетъ имѣть иной возможности оплатить помѣщику свою принадлежность. — Въ четвертыхъ, весьма также несправедливо поступаютъ нѣкоторые здѣшніе владѣльцы съ своими крестьянами и доводятъ ихъ до разворенія, заставляя покупать у себя соль, сельди и желѣзо, вещи крайне крестьянину необходимыя, за такую цѣну, какую они сами собою устанавляютъ, не взирая на то, что крестьянинъ все сіе могъ бы достать въ другомъ мѣстѣ гораздо дешевле. А потому нужно, чтобъ и сей способъ, ради корыстныхъ видовъ одного помѣщика, въ сущее угнетеніе поселянъ употребляемый, былъ равномерно запрещенъ, съ тѣмъ токмо исключеніемъ, что развѣ бы самъ крестьянинъ за умѣренную цѣну пожелалъ что либо купить у своего господина, *распространя такое запрещеніе принужденной покупки и въ шинкахъ,* къ которымъ вообще обязаны бывають крестьяне, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, если въ другомъ мѣстѣ стали бы доставать себѣ напитки. — Въ пятыхъ: распространеніе хлѣбопашества, зависящее всегда отъ умноженія числа хлѣбопашцевъ, составляя важный предметъ хозяйственныхъ попеченій, требуетъ само по себѣ рачительныхъ наблюденій и изысканія всевозможныхъ средствъ о пресѣченіи способовъ къ побѣгамъ крестьянъ, кои въ здѣшней губерніи, яко пограничной, не рѣдко обольщаяся лѣстящами ихъ воображенію выгодами въ чужихъ предѣлахъ, удаляются туда для переселенія, оставляя здѣсь свои дома, земли и хозяйственные даже заведенія безъ сожалѣнія, въ полномъ упованіи, что они сыщутъ на новомъ мѣстѣ свободу и лучшее состояніе. Сосѣдственные жители, австрійцы и пруссаки, даютъ имъ съ крайними ласками покровительство, тажъ что сіи бѣглецы, по вступленіи въ ихъ области дѣлаясь тотчасъ свободными и ни отъ кого независящими, получаютъ даже и отъ правительствъ тамошнихъ въ нуждахъ своихъ вспомошествованіе, освобождаясь на нѣсколько лѣтъ и отъ рекрутскихъ

наборовъ. Къ вознагражденію потери такимъ образомъ выбывающихъ нѣкотораго числа нашихъ работниковъ, всеконечно справедливость самая оправдываетъ, чтобъ, сверхъ пресѣченія путей къ побѣгамъ здѣшнихъ крестьянъ, принимать взаимно такія мѣры, посредствомъ коихъ поширился бы и заграничные жители къ переселенію въ Россійскіе предѣлы. На сей конецъ, по мнѣнію моему, весьма необходимо, чтобъ принимая выходцевъ изъ заграницы съ равномѣрною благосклонностію, предоставить имъ: Во 1-хъ, извѣстное число лѣтъ пользоваться льготою и прискивать исподволь родъ жизни, по своимъ способностямъ, не принуждая къ тому до истеченія того срока. Во 2-хъ, отводить имъ мѣста и земли въ казенныхъ дачахъ для заселенія, ежели кто изъ тѣхъ пришельцевъ требовать станетъ. Также позволить по желаніямъ въ помѣстьяхъ владѣльческихъ поселяться и приписываться, и напоследокъ, въ 3-хъ, оставя ихъ пользоваться извѣстное число лѣтъ льготою, оставить свободными во все сіе время отъ платежа податей и наборовъ рекрутскихъ. Кто же изъ таковыхъ выходцевъ во зло употребитъ сіи дарованныя имъ выгоды и станетъ, не заботясь о благѣ своемъ, обращаться въ правдоности, своевольствахъ и всякаго рода продерзости, таковой да лишится своихъ преимуществъ. По послѣдовавшему въ прошедшемъ году отъ бывшаго литовскаго генераль-губернатора господина генерала отъ инфантеріи де-Лассія распоряженію, наступившему по случаю сильной тогда отъ границы деверціи воинскихъ нижнихъ чиновъ, въ подговорѣ коихъ къ побѣгу подозрѣвались нѣкоторымъ образомъ прибѣгающіе сюда изъ заграницы выходцы, нынѣ таковымъ выходцамъ не позволено оставаться на жительство въ повѣтахъ надъ границею лежащихъ, но лишь только явятся у передовой пограничной стражи, отправляются посредствомъ земской полиціи въ губернское правленіе, которое по приводѣ ихъ въ оное, по учиненіи имъ допросовъ, снабжаетъ ихъ двумѣсячными паспортами для избранія себѣ рода жизни и пребыванію до того въ тѣхъ только повѣтахъ Литовской губерніи, которые не есть пограничные. Принужденіе такое, выходцамъ налагаемое, крайне отвращаетъ многихъ изъ нихъ отъ перехода сюда, ибо люди сіи наиболѣе стремятся къ тому, чтобъ оставаться на жительство въ по-

границныхъ повѣтахъ, имѣя давныя связи и знакомство съ пограничными здѣшними жителями, бывъ прежде имъ единоплеменными. Весьма потому желательно, чтобъ верховное правительство, уваживъ сіе обстоятельство, разрѣшило выходцамъ позволять оставаться на жительство и въ пограничныхъ повѣтахъ. По присовокупленіи сей выгоды къ другимъ, въ пользу ихъ выше сего представляемымъ, можно быть увѣреннымъ, что число выходящихъ сюда гораздо умножится.— Въ шестыхъ, что же принадлежитъ до мѣстнаго маршаловъ литовской губерніи въ разсужденіи уничтоженія неравенства крестьянъ, раздѣляющихся на классы и право имѣвшихъ переходить съ одного мѣста на другое, то оное нахожу и я крайне необходимымъ и полезнымъ, поелику личныя сіи выгоды, различіе между ими дѣлающія, болѣе во вредъ служатъ крестьянину, нежели пользу приносятъ. Крестьянинъ, обольщающійся надеждою перемѣнить мѣсто своего жительства для чаемыхъ себѣ лучшихъ выгодъ въ неволѣ, старается всегда переходить изъ одного мѣста на другое, не примѣчая отнюдь того, что таковое его движеніе разрушаетъ основаніе его хозяйства.

Замѣчаніе на 4 пунктъ.

Относительно лѣсовъ.

Статья о лѣсахъ, въ Литовской губерніи состоящихъ, не требуетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, поелику исключая казенныхъ пущъ въ Бржесткой и Гродненской экономіяхъ находящихся, также нѣкоторыхъ малолѣтнему князю Доминику Радзивилу принадлежащихъ, нѣтъ почти совсѣмъ здѣсь такихъ лѣсовъ, изъ которыхъ бы сплавлялись корабельныя деревья и производилась бы ими знатная торговля: а ежели въ нѣкоторыхъ старостинскихъ или помѣщичьихъ имѣніяхъ и есть строевой лѣсъ, но по дальнему положенію отъ рѣкъ, сплавлять его неудобно, почему и остается онъ безъ всякаго употребленія. Тѣ же лѣса, которые лежатъ при рѣкахъ и къ сплаву удобны, при польскомъ еще правленіи весьма опустошены. Вообще промыселъ лѣсомъ нынѣ здѣсь совсѣмъ оставленъ, потому что лѣсъ за границу вывозить запрещено; къ Россійскимъ же портамъ, по неимѣнію текущихъ туда рѣкъ, не

сплавляется. И такимъ образомъ, оставаясь безъ всякаго употребленія, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ цѣли правительства, которое, при запрещеніи выпуска онаго за границу, предполагало хранить для внутреннихъ государственныхъ надобностей; напротивъ, оный по симъ причинамъ долженъ здѣсь оставаться безъ всякаго употребленія. Въ лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбопашество скудно и недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждъ поселянина, крестьяне принуждены бывають для вознагражденія сего недостатка промышленнѣе лѣсомъ, сплавляя его въ разные мѣста, или дѣлая изъ него на мѣстѣ поташъ; и симъ способомъ производять торговлю лѣснымъ товаромъ. Запрещеніе употреблять для продажи лѣсъ, неспособный даже къ корабельному строенію, чувствительно лишаетъ способу вознагражденія онымъ недостатокъ хлѣбопашества. Разсмотрѣвъ мнѣнія дворянскихъ маршаловъ Минской губерніи, полагающихъ нужнымъ учинить между крестьянами раздѣлъ лѣсу, я согласно съ маршалами Литовской губерніи думаю, что не всѣ помѣстья находятся въ одинакомъ положеніи, и не всѣ они такъ изобильны лѣсомъ, чтобы владѣлецъ могъ каждому крестьянину отдѣлить извѣстную часть онаго. Изъ сего и явствуетъ, что нѣтъ возможности привести сего предположенія въ исполненіе. Гдѣ есть лѣсъ въ изобиліи, тамъ быть не можетъ, чтобы порядочный владѣлецъ, коего собственная польза заставляетъ пецнися о благоденствіи его крестьянъ, запрещать имъ онымъ пользоваться; гдѣ же лѣсу нѣтъ и владѣлецъ самъ его покупаетъ для своихъ надобностей, тамъ нѣтъ нужды предлагать выдѣлъ. Сверхъ того, находятся и такіе лѣса, даже и казенные, въ которые многіе помѣщики имѣють токмо дозволенные привилегіями вѣады; дѣлить же ихъ между своими крестьянами не имѣють ни малѣйшаго права.

Замѣчаніе на 5 пунктѣ.

О контрактахъ.

Что же касается до контрактовъ по закладамъ и арендамъ, то Литовскіе маршалы въ мнѣніяхъ своихъ объяснили сію статью весьма обстоятельно. Причины, ими представленныя, что гораздо полезнѣе каждому обывателю предоставить рас-

полагать его собственностью, по своей волѣ, суть довольно убѣдительно. Но какъ при расчетахъ по закладамъ выходить весьма многіе споры, то для скорѣйшаго оныхъ рѣшенія, не обременяя разборомъ ихъ судебныя мѣста, которыя наполнены множествомъ другихъ дѣлъ, нужно весьма учредить, чтобы сего рода дѣла разбираемы были компромиссами или полюбовными судами, которые для самыхъ обывателей гораздо полезнѣе и чувствительно уменьшали бы число тяжбныхъ дѣлъ. Если вышнему начальству будетъ угодно сіе утвердить, то неважно бы также было установить притомъ, чтобы тѣ, кои избираются въ судьи компромиссарскихъ судовъ, избираемы всегда были съ ихъ согласія и обязывались бы подписками рѣшить предлагаемый имъ споръ надлежащимъ образомъ. Всего бы лучше, чтобы таковые компромиссары, долженствующіе рѣшить происшедшіе споры по контрактамъ, были при самомъ заключеніи оныхъ назначаемы съ общаго согласія въ числѣ нѣсколькихъ особъ, не менѣе однакожъ трехъ, рѣшителями всякихъ встрѣтиться могущихъ распрей, со внесеніемъ ихъ именъ въ окончаніи тѣхъ контрактовъ. Сіе сколько для того по мнѣнію моему нужно, чтобъ своевременно положить совершенную преграду сторонамъ, обязавшимся взаимнымъ договоромъ, отрицаться постѣ таго отъ полюбовнаго рѣшенія по происшедшимъ между ними спорамъ, столько и потому, чтобъ и избранные предварительно посредниками не имѣли уже повода отговариваться отъ рѣшенія дѣла, наравнъ которой либо сторонѣ или избѣгая разбирательства чужихъ распрей, къ чему безъ сей временной предосторожности принуждать быть компромиссаромъ въ частныхъ спорахъ никого не можно; напротивъ, всякій, какъ часто случается, есть ли будетъ избираемъ въ компромиссары во время происшедшихъ уже споровъ, безъ его вѣдѣнія и согласія, имѣеть причину отговариваться отъ разбора дѣла, на него возлагаемаго.

Наконецъ, имѣю честь присовокупить мое замѣчаніе и на послѣднія двѣ статьи въ окончаніи мнѣній маршаловъ Литовской губерніи особо помѣщенные: Касательно необходимости, во 1-хъ, въ генеральномъ разграниченіи всѣхъ помѣщичьихъ земель. а во вторыхъ, въ разрѣшеніи вывоза изъ заграницы въ

предѣлы здѣшніе желѣза для облегченія обитателей Литовской губерніи, которые по невтеченію сюда рѣкъ, по коимъ бы вѣдою могли они доставить оное изъ предѣловъ Россіи, претерпѣваютъ крайній въ немъ недостатокъ. Мнѣніе маршаловъ по симъ двумъ предметамъ нахожу я довольно убѣдительнымъ. Весьма необходимо и то и другое. Отъ разграниченія зависитъ совершенно общее спокойствіе, поелику безъ онаго каждый владѣлецъ, не зная предѣловъ своей дачи, часто и по невѣдѣнію занимаетъ чужую собственность; а отъ сего, какъ и отъ особо вымышленныхъ претензій, происходитъ безчисленное множество раздоровъ, обременяющихъ судебныя мѣста, случаются даже и смертоубиства на спорныхъ земляхъ. Если наступитъ генеральное размежеваніе и всѣ владѣльцы разграничены будутъ, то весьма уменьшится и число дѣлъ судилища здѣшнія наполняющихъ; не будетъ вобудительныхъ причинъ въ распрямъ, и слѣдовательно пресѣкнутся способы раздоровъ и несогласія. Отъ дозволенія же ввоза желѣза многіе обыватели губерніи Литовской почувствуютъ облегченіе въ своемъ состояніи; ободрится упражненіе хлѣбопашцевъ, нуждающихся желѣзомъ для нужныхъ орудій, и возникнутъ прочія части хозяйства безъ онаго не столь дѣйствующія.—Литовскій гражданскій губернаторъ Фризель. Апрѣля 5 дня 1800 года. Въ Вильнѣ.

Въ 1800 г., декабря 17, сенатъ, на основаніи Высочайшаго именинаго указа, предписалъ управляющимъ губерніями представить, сверхъ мнѣній маршаловъ, и мнѣнія казенныхъ палатъ со «всѣми нужными свѣдѣніями какъ объ устройствіи хозяйственной части, такъ и о сирѣяхъ».

Результатомъ всѣхъ распоряженій сената явилось представленіе какъ приведенныхъ выше, такъ и нѣкоторыхъ, не сохранившихся мнѣній маршаловъ и замѣчаній на нихъ управляющихъ губерніями, такъ равно и мнѣній казенныхъ палатъ всѣхъ, вновь присоединенныхъ къ Россіи отъ Польши, губерній¹.

¹ Приводимъ здѣсь этотъ списокъ какъ сохранившихся, такъ и не дошедшихъ къ намъ документовъ, а именно: мнѣнія поступившія 1799 года января 2-го отъ бывшаго Волынскаго гражданскаго губернатора Гревса, апрѣля 25-го бывшаго же военнаго губернатора графа Гудовича, 1801 г. января 18-го, Мяскаго граж-

Имѣя въ своемъ распоряженіи такой обширный матеріалъ, сенатъ въ 1802 г. собирався уже приступить, согласно Высочайше ему даннымъ предписаніямъ, къ разработкѣ законопроекта относительно евреевъ.

Между же тѣмъ при Высочайшемъ именномъ указѣ прислано въ сенатъ мнѣніе сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Гаврилы Романовича Державина, объ устройствѣ вообще еврейскаго состоянія, учиненное во время бытности его по Высочайшему повелѣнію въ Бѣлоруссіи.

Въ виду этого сенатъ постановилъ: «Какъ по разсмотрѣніи всѣхъ вышеназванныхъ собранныхъ по предписаніямъ сената свѣдѣній, по существенности заключающихся въ нихъ обстоятельствъ относительно устройства еврейскаго состоянія, слѣдуютъ они къ общему и генеральному постановленію вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ поступившаго въ сенатъ мнѣнія отъ сенатора и кавалера Гаврилы Романовича Державина, почему *естъ отныя собранныя свѣдѣнія и приобщить къ тому мнѣнію, и за таковымъ приобщеніемъ ихъ особенно, по статьямъ, нерѣшенными по реестрамъ канцеляріи, къ одному напрасному умноженію счета нерѣшенныхъ дѣлъ, не почитать, и о томъ для исполненія дать въ экспедицію съ сей статьи журнала копію*».

Такимъ образомъ опредѣленіемъ 25 іюня 1802 г. третій департаментъ, придавая первенствующее значеніе среди всѣхъ матеріаловъ, находившихся въ его распоряженіи, мнѣнію Г. Р. Державина, распорядился приобщить всѣ упомянутые матеріалы къ этому мнѣнію и заняться его разработкою. Но случилось иначе: Девятаго ноября 1802 г. сенатъ получилъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе императора Александра I.

«По Высочайшему повелѣнію въ Возѣ почивающаго блаженной памяти Государа родителя Нашего, объявленному бывшимъ генераль-прокуроромъ Обольяниновымъ, въ 1800 году внесено правительствующаго Сената въ Третій департаментъ мнѣніе

данскаго губернатора Карнѣва; 21-го января и 11-го февраля Мниской казенной палаты; 25 января Кіевской казенной палаты; марта 10-го Малороссійскаго гражданскаго губернатора и Малороссійской казенной палаты; марта 12-го и октября 12-го бывшаго Волынскаго гражданскаго губернатора Куриса; августа 20-го Волынской и Бѣлорусской казенныхъ палатъ; декабря 13-го, Подольской казенной палаты; 1802 года, января 13-го, Бѣлорусскаго гражданскаго губернатора Тарбѣва; 27 марта Кіевской казенной палаты.

сенатора, что нынѣ министръ юстиціи Державина, объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка въ хлѣбѣ и объ устройствѣ евреевъ на пользу государственную и ихъ собственную, въ томъ краю обитающихъ. По занятію того департамента производствомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, Мы удобнѣйшимъ находимъ поручить разсмотрѣть оное мнѣніе и все дѣло особому комитету, вслѣдствіе чего повелѣваемъ: Генералу отъ инфантеріи графу Зубову, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ: Министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею и министру юстиціи Державину и съ ними тайнымъ совѣтникамъ: Сенатору графу Северину Потоцкому и товарищу министра иностранныхъ дѣлъ князю Адаму Черторыскому, состава изъ себя комитетъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе и соображеніе всѣхъ предметовъ, въ томъ мнѣніи заключающихся, распространя благоустройство евреевъ и въ прочихъ пріобрѣтенныхъ отъ Польши, а равно и полуденныхъ губерніяхъ. И обо всемъ взнести къ Намъ докладъ на утвержденіе».

Въ силу этого Высочайшаго повелѣнія какъ выработка законопроекта относительно реформы евреевъ, такъ и всѣ матеріалы, находившіеся въ распоряженіи сената, поступили въ особый Высочайше учрежденный комитетъ, который, находя необходимо нужнымъ пополнить существующіе матеріалы а равнымъ образомъ выслушать мнѣнія наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, предпринялъ рядъ новыхъ работъ, результатомъ которыхъ явилось «*Положеніе о евреяхъ 1804*».

Случая «Мнѣніе» Державина съ «Положеніемъ для евреевъ 1804 г.» нельзя не замѣтить, что наряду со многими постановленіями, заимствованными изъ труда Державина, «Положеніе» содержитъ рядъ новыхъ статей, опредѣляющихъ разныя стороны юридическихъ и общественныхъ отношеній евреевъ, не затронутыя во «Мнѣніи» Державина. Присматриваясь въ то же время къ ходу законодательныхъ работъ того времени по еврейскому вопросу, мы видимъ, что тѣ или иныя законоположенія были принимаемы не въ силу отвлеченныхъ теоретическихъ соображеній, а въ силу изданныхъ ранѣе указовъ и установившейся по этимъ предметамъ административной практики, такъ что и «Положеніе 1804 г.», несмотря на то, что оно является какъ бы совершенно новымъ зако-

номъ о евреяхъ, есть не что иное какъ сводъ существующихъ законодательныхъ и административныхъ актовъ о евреяхъ, такъ напр. въ основу § 42 и 49 «Положенія», въ силу которыхъ евреи въ Россіи *суть свободны* и состоятъ подъ полнымъ покровительствомъ законовъ наравнѣ со всеми другими Россійскими подданными, а потому помѣщики, на земляхъ коихъ они живутъ, не имѣютъ надъ ними правъ суда ни въ тяжбныхъ дѣлахъ, ни въ уголовныхъ,—положенъ докладъ прав. сената императору Павлу I по дѣлу извѣстнаго генералъ-лейтенанта Зорича, владѣтеля Шклова, со шкловскими евреями.—Докладъ сената, получившій Высочайшее утверженіе, а слѣдовательно и силу закона, важенъ еще и потому, что нагляднымъ образомъ показываетъ рядъ измѣненій въ положеніи евреевъ, въ силу перехода ихъ изъ подъ господства польскихъ и литовскихъ законовъ и обычаевъ подъ владычество нныхъ началъ.

Въ виду важнаго значенія этого доклада, мы приведемъ его цѣликомъ:

«Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему, Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому.

Отъ Сената всеподданнѣйшій докладъ.—

Въ исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія поступившее въ Сенатъ дѣло о Генералъ-Лейтенантѣ Зоричѣ, которой уже умре, выслушавъ Сенатъ во всей подробности, находить:

Первое, въ Бѣлорусской губерніи, на земляхъ его Зорича, въ мѣстечкѣ Шкловѣ, съ позволенія прежнихъ того мѣстечка владѣльцевъ, какъ и самого его Зорича, поселились евреи, построили тутъ свои дома и общественныя зданія, производятъ торговлю и другіе промыслы. Въ прежнія времена, въ которыя Бѣлоруссія была подъ польскимъ владѣніемъ, евреи столько же подвластны были помѣщику, на земляхъ котораго живутъ, какъ и самыя помѣщичьи крестьяне, и всегда помѣщикъ имѣлъ одинаковую надъ тѣми и другими власть и расправу. Подобнымъ образомъ изъ представленнаго къ дѣлу отъ самихъ шкловскихъ евреевъ документа, даннаго имъ въ 1668-мъ году отъ прежняго Шкловскаго владѣльца Графа Сенявскаго и по которому позволено было имъ въ Шкловѣ строиться, именно зна-

чится, что они во всякихъ дѣлахъ судиться имѣютъ предъ намѣстникомъ его, Графа Сенявскаго, апелляцію же на опредѣленія намѣстника имѣть къ нему самому, Сенявскому, а особливо въ дѣлахъ важнѣйшихъ, гдѣ бы происходило о лишеніи жизни. По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россійской Имперіи и когда евреямъ поведѣно было записаться по городамъ въ купечество и мѣщанство, то евреи перемѣнили родъ своего состоянія, вступя въ равныя права съ прочимъ купечествомъ и мѣщанствомъ. Съ сего времени должны бы были переселиться въ города, но большею частію остались въ прежнихъ ихъ жилищахъ, а помѣщики, слѣдуя прежнимъ же въ Польшѣ обыкновеніямъ, удерживали надъ ними нѣкоторымъ образомъ свою власть, да и сами евреи попускали на то помѣщиковъ; изъ сего оказывается, что оставаясь евреямъ жить на помѣщичьихъ земляхъ побуждаютъ собственныя ихъ выгоды и причины. По таковымъ, издавна введеннымъ, обыкновеніямъ и Генераль-Лейтенантъ Зоричъ, какъ изъ его показаній видно, оставался въ томъ мнѣніи, что онъ съ евреями, на его земляхъ живущими, въ разсужденіи суда и расправы, между его экономіею и его крестьянами случающимися, можетъ употреблять власть помѣщичью надъ тѣми и другими, кромѣ уголовныхъ преступленій, по которымъ виновные отсылаются уже въ учрежденія правительства. Сія власть наипаче состоитъ въ томъ, что онъ налагалъ на тѣхъ евреевъ экономическіе въ свою пользу сборы, по своей волѣ взыскивалъ оныя чрезъ свою экзекуцію, а тѣхъ, кои не желаютъ подвергаться сему, высылалъ съ своихъ земель. Сколько съ одной стороны не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ узаконеніямъ, чтобы купцы и мѣщане, въ какомъ бы то случаѣ ни было, могли подвержены быть иной власти суду и расправѣ кромѣ учрежденныхъ градскихъ и земскихъ чиновъ, также судебныхъ мѣстъ, столько съ другой стороны не можно и помѣщика лишить права, дабы безъ надлежащаго платежа, противу воли его, оставались они въ жительствѣ на его земляхъ.

Второе. Шкловскіе евреи, какъ показываетъ дѣло 1798 года, жили на вышеписанномъ положеніи, все, съ нихъ требуемое Зоричемъ, платили, жалобъ до того года отъ лица всѣхъ ихъ не было, и хотя съ сего времени ни налоги на нихъ про-

тву предшедшихъ до того годовъ не прибавлены, ни прибавленія въ разсужденіи ихъ личности со стороны Зорича не послѣдовало, ибо онъ по прежнимъ польскимъ установленіямъ считалъ себя вправѣ какъ прежде того, такъ и въ семъ году одинаковымъ образомъ властвовать надъ ними, но тѣ евреи въ томъ 1798 году Вашему Императорскому Величеству подали чрезъ повѣреннаго два прошенія на притѣсненія, насилія и побой отъ Генераль-Лейтенанта Зорича, имъ причиняемыхъ. Генераль рекетмейстеръ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію отъ 9 Августа 1798 года сообщилъ Бѣлорусскому Губернатору, чтобы просители просьбу свою напередъ принесли по порядку въ надлежащихъ присутственныхъ мѣстахъ, и обидимымъ бы, по разсмотрѣніи, оказано было защищеніе. По новоду сего Бѣлорусскій Губернаторъ къ приведенію въ ясность дѣла сего отправилъ изъ Бѣлорусскаго Главнаго Суда засѣдателя Гольмскаго, который отобралъ отъ обѣихъ сторонъ показанія, а изъ нихъ открывається, что въ 1798 году произошло: 1) Евреи показываютъ, что въ одно время Зоричъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ евреевъ и изъ нихъ билъ самъ трехъ человекъ.—Зоричъ отвѣтствовалъ, что одинъ изъ нихъ оказалъ столько грубости, что при всемъ его терпѣніи принужденъ былъ ударить его нѣсколько разъ, а какъ пришелъ сего еврея сынъ съ толикою же грубостію, то онъ его велѣлъ вытолкать изъ комнату. 2) Евреи показываютъ, что въ 1798 году Зоричъ у одного еврея приказалъ изъ погреба, отѣмъ замки, заграбить напитки, и тогда взята одна бочка рому, а другая французской водки. Напротивъ Зоричъ говорилъ, что на того еврея вышелъ доносъ, что онъ, въ подрывъ его экономіи, подвозилъ постоянно горячее вино подъ именемъ французской водки, почему и взято у него изъ погреба нѣсколько не французской, а обыкновенной водки до изслѣдованія на него доносовъ. 3) Евреи показываютъ, что Зоричъ насильно выселилъ нѣсколькихъ евреевъ изъ Шклова, а другихъ принуждалъ выѣхать въ 24 часа, при чемъ двухъ евреевъ лишилъ имѣнія и у двухъ еще евреевъ отобралъ ихъ дома.—Зоричъ противу того защищался, что имѣнія не отнималъ и еслибъ тѣ двое евреи считали себя обиженными, то сами бы просили. У двухъ евреевъ дома взяты за долгъ, а

нѣкоторые евреи высланы отъ него изъ селеній, потому что онъ, яко помѣщикъ, всегда имѣлъ право банкротовъ и наносящихъ вредъ доходамъ его высылать изъ имѣнія своего.

4) Евреи показываютъ, что у нѣсколькихъ изъ нихъ ограблено, привезеннаго на четырехъ лодкахъ, товару на 100 рублей и у одного еврея карета. — Зоричъ отвѣтствовалъ, что товары не разграблены, но по просьбѣ одного Шкловскаго еврея, имѣющаго на нихъ претензію, арестованы и отосланы до окончанія между ними евреями дѣла. Какъ же между ними товарами оказалось нѣсколько стекла, на которое не было претензіи, то оное велѣно было отдать, и по согласію ховяина куплено оное стекло отъ него и заплачены ему деньги; у одного же еврея не карета, а колясочка, стоющая 25 рублей, взята и отдана купившему оную, а деньги внесены въ контору его, Зорича, потому что изъ барышей за сію коляску требовали у еврея по условію доли факторы и споръ между ними въ томъ не рѣшенъ былъ. — 5) Евреи показываютъ, что трое изъ нихъ содержаны были подъ карауломъ, одинъ въ колодахъ, а двое въ желѣзахъ до двухъ недѣль и употреблялись въ работу. — На сіе Зоричъ отозвался, что тѣ трое евреевъ оказались въ воровствѣ и дурныхъ поступкахъ, а велику право тамошнее позволяетъ помѣщикамъ таковыхъ брать подъ караулъ и по изслѣдованіи, если окажутся достойны важнаго штрафа, отсылаются въ судъ, то и помянутые евреи содержались подъ карауломъ и, можетъ быть, употребляемы были въ работу, все же они, трое евреевъ, меньше, нежели у ховяевъ слуги. — 6) Евреи показываютъ, что, во время прохожденія чрезъ Шкловъ четырехъ рекрутскихъ партій, квартиры для нихъ Зоричъ расположилъ у однихъ евреевъ и бралъ лошадей подъ свои обозы и фуража. — Зоричъ на сіе отвѣчалъ, что онъ, живущихъ въ Шкловѣ, евреевъ не иначе считалъ, какъ подвластными ему, повуда на землѣ его проживаютъ; тѣ части общественныя распредѣлены отъ него и на евреевъ, хотя ихъ и въдесятеро больше предъ крестьянами его, однако же на нихъ положено двѣ части, а на крестьянъ, въ Шкловѣ живущихъ, одна часть, а какъ, отъ хитрости евреевъ, крестьяне всегда несли болѣе тѣхъ частей, нежели еврей, то онъ сдѣлалъ на каждомъ домѣ росписаніе, по сколько у кого

постоя быть. Но и тутъ евреи проворствомъ своимъ избѣгали отъ постоя и тѣ части обращались на его крестьянъ, то отъ него, Зорича, велѣно уже было квартиры назначить по однимъ еврейскимъ домамъ, ибо всѣ еврейскіе дома, кои не имѣютъ особеннаго на каждый изъ нихъ отъ предмѣстника его и отъ него, Зорича, права, принадлежатъ ему, Зоричу. — 7) Кромѣ сего, изъ особливаго прошенія видно, что Зоричъ одного еврея за то, что онъ пришелъ къ нему должныхъ денегъ просить, прежде приказалъ къ себѣ не допускать, а потомъ велѣлъ посадить въ тюрьму; напоследокъ, выведя на улицу, при собраніи народа, билъ его своеручно палкою до тѣхъ поръ, пока онъ не упалъ, послѣ чего приказалъ отвезти его за 5 версты отъ Шклова. — Но Зоричъ противъ сего показалъ, что сей еврей, нарочно на улицѣ повстрѣчавшись съ нимъ, сталъ ему дѣлать грубости, за что онъ нѣсколько разъ слегка ударилъ его тростью.

Третье. — Прочія отъ евреевъ на Зорича показанія о притѣсненіяхъ и побояхъ относятся къ бывшему до 1798 года времени, какъ то: 1) Евреи показываютъ, что въ 1784 году одинъ портной наказыванъ шпиць-рутенами, въ 1788 г. одинъ сѣчень плетми, въ 1789 г. — двое, въ 1796 г. — одинъ и въ 1797 г. — одинъ же, а всего четыре еврея высѣчены, въ 1796 г. одинъ еврей былъ подъ карауломъ въ желѣзахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а сколько именно лѣтъ не показано, мясники, 6 человекъ, содержаны подъ карауломъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. — На сіе Зоричъ отвѣтствовалъ, что евреи за вины свои подлежали его и управителя его разбирательству, но чтобы портной наказыванъ былъ шпиць-рутенами, сіе несправедливо, и ежели онъ и прочіе евреи наказываемы были, то конечно за вины ихъ, и последовало сіе большею частию въ небытность его, Зорича, и онъ самъ не припомнить того. — 2) Евреи показываютъ, что Зоричъ нѣсколько разъ чрезъ экзекуцію принуждалъ къ дачѣ ему въ заемъ денегъ, а въ 1791 г., собравъ важиточныхъ евреевъ въ кагалномъ домѣ, содержалъ безъ выпуска, а къ другимъ изъ сихъ евреевъ въ дома поставлена была экзекуція, и чрезъ то вынудилъ отъ нихъ 12,000 рублей, на что и росписки его имѣлись, но оныя отъ евреевъ, по полученіи малыми частями, не соотвѣтствующей

займу, заплата возвращены. — На сіе Зоричъ отвѣтствовалъ что понужденій къ выбору, сверхъ надлежащаго, дохода никогда не было, а въ 1791 г., имѣя надобность въ 12,000 р., объявилъ о томъ евреямъ, и всѣ, кои имѣли съ экономіею его торгъ, съ охотою къ раскладкѣ между собою приступили, и, можетъ быть, за нимъ нѣсколько въ кагалѣ прибыли; экзекуціи ставить къ нимъ приказано не было, и евреи, кои согласились дать деньги, тотъ же день получили росписки, по вторымъ и заплата учинена. 3) Евреи показываютъ, что безчисленное принужденіе во всякій годъ, съ самаго начала вступленія Зорича во владѣніе мѣстечка Шклова, происходило наиболѣе портнымъ къ безденежной работѣ платья на шкловскихъ кадетовъ и на людей его, Зорича, да и въ 1797 году тѣ же портные работали для кадетовъ платья, но за платье денегъ не получили. — Зоричъ отозвался, что всякая евреевъ-портныхъ работа уплачиваема была, кромѣ работы за 1797 годъ, котораго еще не совѣтъ уплачены затѣмъ, что много они испортили платья и расчетъ между ними не оконченъ, и хотя по точности даннаго имъ позволенія на жительство въ Шкловѣ, могъ онъ ихъ употребить копать землю и при крѣпости Шкловской работать, имъ однако же сего онъ не дѣлалъ, а желалъ доставлять имъ способы къ зарабатыванію хлѣба.

Четвертое. — Поборы и налоги, генераль-лейтенантомъ Зоричемъ съ евреевъ получаемые, по показанію ихъ, отягощаютъ и разоряютъ ихъ, вмѣсто того, чтобы, согласно съ давними шкловскихъ владѣльцевъ положеніями, съ cadaго дома получать по червонному, обременяетъ онъ, Зоричъ, ихъ податями: 1) Отъ продажи вина, солода, варенья медовъ и потомъ хлѣба, зачалъ брать противъ прежняго вдвое. — Зоричъ отвѣтствовалъ, что изъ тѣхъ бумагъ, коими евреи защищаются, видно, что власть помѣщика всегда была прибавлять и убавлять доходы, смотря по обстоятельствамъ и времени, и если бы, при умноженіи доходовъ, увидѣли тягость, то въ ихъ волѣ оставалось выѣхать изъ Шклова а какъ донинѣ они тутъ проживаютъ и изъ другихъ мѣсть пріѣзжаютъ, испрашиваютъ дозволенія селиться, то изъ сего оказывается, что притѣсненій нѣтъ, да и прибавки налоговъ не сдѣлано, ибо прежде платили они серебромъ, а при немъ, Зоричѣ, платежъ происходитъ мѣдною

монетою и ассигнаціями. 2) Евреи показываютъ, что на 1786 г. выискивалъ съ домовъ подати по 15 и до 50 рублей въ годъ, а того года, оставя сей сборъ, началъ липать изъ общественной ихъ складки, до 12,000 р. въ каждый годъ собирающейся, которая установлена ими на платежъ за бѣдныхъ государственныхъ податей, на содержаніе школъ и на воспитаніе бѣдныхъ. Сія складка называется Коробкою. Получается отъ убитаго на продажу скота и птицъ. Зоричъ отвѣтствовалъ, что нѣсколько лѣтъ не собиралъ онъ подати съ домовъ, хотя имѣлъ власть; и не въ бытность его, управлявшій имѣніемъ, видя, что отъ евреевъ прибыли помѣщику нѣтъ, расписалъ на 12 классовъ, смотря по состоянію, къ выгодамъ каждаго, сколько кому платить съ дома и сей платежъ былъ отъ 50 р. до 1 рубля въ годъ, продолжался оный платежъ нѣсколько только времени. Что же касается до Коробки, то она не служила въ пользу бѣдныхъ, но обращалась въ пользу нѣсколькихъ еврейскихъ фамилій, и когда въ 1786 г. просили его многіе евреи, чтобы онъ вмѣсто сбора классныхъ съ домовъ денегъ, коихъ собиралось болѣе 5,000 р., причислилъ бы къ доходамъ своимъ Коробку, приносившую тогда въ годъ до 2,050 руб., что онъ, Зоричъ, и учинилъ, а платежъ классныхъ денегъ оставилъ; сей въ Коробку сборъ происходитъ отъ тѣхъ, кто употребляетъ въ нищу мясо и пьетъ горячее вино, на другихъ же онъ не падаетъ. Умножился же нынѣ сей доходъ единственно отъ хозяйственнаго его, Зорича, присмотра. 3) Евреи показываютъ, что собираетъ съ покупаемыхъ дворовъ пошлинъ по 25 процентовъ.—Зоричъ отвѣтствовалъ, что въ Шкловѣ строенія такъ расположены были, чтобы одна половина занимаема была христіанами, а другая—евреями. Но какъ современемъ сего не наблюдалось, то онъ установилъ, чтобы еврей, купившій домъ въ крестьянской улицѣ, вносилъ 25 процентовъ съ суммы, за какую домъ будетъ купленъ, равнымъ образомъ и съ крестьянъ, которые у евреевъ покупаютъ домъ, собираетъ онъ указанный процентъ, дабы чрезъ то отвести тѣхъ и другихъ отъ близкаго сосѣдства.—4) Евреи показываютъ, что собирается подать съ привозимыхъ въ Шкловъ товаровъ, продуктовъ, съѣстныхъ припасовъ, напитковъ и прочаго. При прежнихъ владѣльцахъ хотя и положена была на про-

дукты подать, но весьма малая, а Зоричъ оставилъ безъ платежа одинъ только воздухъ.—Зоричъ отвѣтствовалъ, что прибавки на товары, съѣстные припасы и прочее вновь не было, а собирается по прежнему установленію.—5) Евреи показываютъ, что Зоричъ въ 1794 г. приневоливать началъ еврейскихъ шинкарей брать у него хлѣбное вино въ каждый годъ 16,000 ведеръ и выскиваетъ съ нихъ по 3 р. 15 к. за ведро, а когда таковые отозвались, что не могутъ такого числа ведеръ распродать и стоитъ оно третью только долю противъ, положенной имъ, Зоричемъ, цѣны, то онъ для продажи вина помѣстилъ въ дома тѣхъ шинкарей собственныхъ своихъ крестьянъ, конхъ тѣ шинкари, по приказанію его, Зорича, и принуждены были, къ крайнему своему раззоренію, довольствоваться свѣчами и дровами цѣлый годъ безденежно. Но какъ крестьяне его не могли продать означенной пропорціи, тогда они сведены, а вмѣсто усиленнымъ образомъ стали вино свозить въ шинки, а иногда, отбивая двери, вкатывать бочки и, не смотря на то, продается ли оное или нѣтъ, выскиваются съ шинкарей деньги чрезъ экзекуцію, которую, сверхъ того, содержатъ принуждены евреи на своемъ коштѣ.—Зоричъ отвѣтствовалъ, что по изысканію найдено, что въ Шкловѣ можетъ выпинковаться вина болѣе 20,000 ведеръ, почему онъ и положилъ пропорцію въ 16,000 ведеръ и цѣна оному назначена соразмѣрная тамошней продажѣ; какъ же сначала не хотѣли евреи сей пропорціи принять на распродажу, то и употреблены были крестьяне его по шинковымъ домамъ, безъ всякаго раззоренія и притѣсненія, а по праву помѣщицью и съ снисхожденіемъ.

Пятая. Когда такимъ образомъ посланный отъ Вѣлорусскаго губернатора изъ тамошняго главнаго суда засѣдатель Голынский отобралъ отъ евреевъ и Зорича объясненія, то о всемъ ономъ представилъ губернатору съ тѣмъ, что дальнѣйшаго изысканія по обостороннимъ несогласнымъ показаніямъ сдѣлать онъ не можетъ, ибо свидѣтели, одни померли, другіе гдѣ находятся неизвѣстно, а третьи сами участіе имѣютъ съ той или другой стороны въ семь дѣлъ. Между тѣмъ отъ Вѣлорусскаго губернатора, къ защищенію евреевъ противъ Зорича, откомандированъ былъ Могилевскаго нижняго земскаго суда засѣдатель Дециньскій. Сей вступился за евреевъ, требовалъ отъ Зорича,

чтобы они освобождены были отъ продажи вина и наглостей отъ его крестьянъ и людей, при томъ евреевъ бываемыхъ, и представлялъ о семъ начальству своему; а Зоричъ отъ себя жаловался, что сей засѣдатель отнял отъ него помѣщичью власть и дѣлаетъ на него несправедливыя доносенія и черезъ повѣреннаго своего просилъ губернатора, чтобы евреямъ шкловскимъ приказалъ, если они не хотятъ быть ему подвластны, чтобы, оставя землю его, выѣхали изъ Шклова; а засѣдателю Децинскому, наконецъ, отозвался, что въ семъ дѣлѣ какъ онъ, такъ и начальствующіе надъ нимъ интересованы, чтобы онъ, Децинскій, изъ Шклова удалился, и что онъ, Зоричъ, приказалъ отъ насилія его, Децинскаго, обороняться.

Шестое. За симъ, по дошедшимъ вновь отъ евреевъ на Генераль-Лейтенанта Зорича къ Вашему Императорскому Величеству жалобамъ, Ваше Величество именнымъ указомъ 1799 года, іюня 15 числа, повелѣть соизволили: послать въ Бѣлорусскую губернію, отъ лица Сената, господина сенатора Державина для прекращенія поступковъ, происходящихъ отъ Зорича противъ евреевъ и прочихъ въ Бѣлорусской губерніи обитающихъ, которому, взявъ себѣ въ единый предметъ судъ безпристрастный, на точнѣйшимъ образомъ войти во всѣ обстоятельства, до дѣла его посылки относящіяся, и совершенно въ истинѣ удостовѣрясь, безъ всякаго лицепріятія предать законному сужденію всѣхъ тѣхъ, кои виновными приличатся. Во исполненіе сего Высочайшаго указа, господинъ сенаторъ Державинъ, по пріѣздѣ своемъ въ Шкловъ, 28-го іюня, обвѣстилъ, чтобы просители съ претензіями своими явились къ нему, а между тѣмъ собиралъ начавшееся по тому дѣлу производство отъ господина генераль-рекетмейстера и отъ Бѣлорусскаго начальства.

Седьмое. По такому обвѣщенію, многія поданы къ сенатору Державину просьбы, изъ которыхъ одна о долгахъ на господинѣ Зоричѣ съ прошеніемъ, чтобы оныя съ него были взыскаемы, другія по тяжбымъ спорамъ, а прочія на притѣсненія, насилія и побои, отъ него, Зорича, причиненныя. По испрошеніи сенаторомъ Державинымъ чрезъ господина генераль-прокурора разрѣшенія, что ему съ претензіями долговыми дѣлать, когда послѣдовало Высочайшее Вашего Императорскаго

Величества отъ 31 іюля 1799 года повелѣніе, чтобы онъ единственныи предметомъ поставилъ изслѣдованіе жалобъ, приносимыхъ отъ евреевъ на притѣсненія Зорича: въ проііа же жалобы и просьбы, къ прямой цѣли его посланія не относящіяся, не иначе входилъ какъ по уваженіи ихъ, отсылалъ бы къ разбору присутственныхъ мѣстъ узаконеннымъ порядкомъ, то онъ, сенаторъ, большую часть тѣхъ просьбъ препроводилъ въ Вѣдо-русское губернское правленіе для поступленія по законамъ; по оставшимся прошеніямъ, касательно показываемыхъ притѣсненій, потребовалъ отъ Зорича объясненій и затѣмъ, по волѣ Вашего Императорскаго Величества, прибылъ въ С.-Петербургъ и дѣло помянутое представилъ сенату, а Зоричъ, съ своей стороны, прислалъ прошеніе, что онъ, за болѣзнію своею и по давности нѣкоторыхъ происшествій, не можетъ скоро отыскать хранящихся у него противу евреевъ доказательствъ, зачѣмъ и отвѣтовъ своихъ въ желаемой скорости представить находится въ невозможности, прося притомъ доходъ, такъ называемой, Коробки, неправильно отобранной отъ него засѣдателемъ Децинскимъ, ему возвратить, а евреевъ зачинщиковъ на него жалобъ отъ него изъ селенія выслать. — А потомъ Вѣдо-русское губернское правленіе сенату представило, что онъ, Зоричъ, 1800 года, ноября 6 числа скончался.

Восьмое. Сенатъ, сообразя вышеписанныя обстоятельства сего дѣла, усматриваетъ въ семъ ономъ одинъ почти источникъ, именно, что генераль-лейтенантъ Зоричъ мыслилъ, что онъ яко помѣщикъ, могъ, по прежнимъ польскимъ установленіямъ, простираетъ власть надъ евреями, въ его селеніи и на его земляхъ живущими, а какъ по законамъ *Вашего Императорскаго Величества купцы и мѣщане, каковы суть и помянутые евреи, должны судомъ и расправою вѣдомы быть подъ магистратами и ратушами, почему и присвоеніе Зоричемъ надъ тѣми евреями помѣщичьяго распоряженія мѣста имѣть не должно было.* Что же слѣдуетъ до, показываемыхъ евреями и другими людьми притѣсненій, насилій и обидъ, то по узаконеніямъ слѣдовало обиженнымъ просить по порядку въ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ каждое дѣйствіе подлежащимъ судо-производствомъ могло бы приведено быть въ ясность и получить надлежащее рѣшеніе, но генераль-лейтенантъ Зоричъ умеръ, а

потому, что касается единственно до личныхъ кому-либо на- силій, побой и обидъ, отъ него, Зорича, причиненныхъ, за смер- тию его изыскивать и судить объ нихъ не можно; но ежели изъ тѣхъ обиженныхъ окажутся такіе, кои имѣютъ право требовать удовлетворенія себѣ денежнаго съ наслѣдниковъ, имѣніе Зорича послушавшихъ, то на основаніи вышеписаннаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, чрезъ генераль-рекетмейстера къ Вѣлорусскому губернатору сообщеннаго, предоставить имъ удовлетворенія своего на на- слѣдникахъ его, Зорича, отыскивать по порядку въ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ. Поелику же изъ дѣла видно, что евреи на земляхъ шкловскихъ поселились и знатныя строенія сдѣлали не самовольно, а по дозволеніямъ шкловскихъ вла- дѣльцевъ, къ чему побуждали тогда собственныя тѣхъ и дру- гихъ выгоды, то и ссылатъ евреевъ, а паче безвременно, съ земель шкловскихъ и тѣмъ лишать ихъ употребленныхъ на означенныя строенія капиталовъ, было бы несправедливо, и такъ, до будущаго впредь о всѣхъ евреяхъ генеральнаго по- становленія, Сенатъ всеподданиѣйшимъ своимъ мнѣніемъ поа- гаетъ: Остаться тѣмъ евреямъ въ Шкловѣ въ своихъ строе- ніяхъ по прежнему; а дабы въ разсужденіи полученія съ нихъ доходовъ прекратить происходящіе раздоры, то Вѣлорусскому губернскому правленію, чрезъ кого надлежитъ, изыскать по ин- вентарямъ и другимъ документамъ, сколько предъ начатиемъ въ 1798 году споровъ, въ теченіе предъидущихъ трехъ годовъ какъ то въ 1795, 1796 и 1797 годахъ получено было шклов- скими помѣщиками съ евреевъ, въ Шкловѣ живущихъ, дохо- довъ, кромѣ продажи питей и сбора Коробкою называемаго, и по сложности изъ сихъ годовъ опредѣлить, сколько евреи, до буду- щаго объ нихъ постановленія, платить должны и какихъ именно по званіямъ статей тѣмъ, кто шкловскимъ имѣніемъ управлять будетъ. Продажу же питей предоставить управляющимъ тѣмъ имѣніемъ, коимъ распорядить оную, какъ они выгоднѣе най- дутъ, а евреевъ къ такой продажѣ питей не принуждать, развѣ особыя между помѣщиками и евреями сдѣланы или будутъ вновь учинены управляющими на сей случай условія; что же касается до сбора, Коробкою называемаго, то слѣдуетъ ли тѣмъ пользоваться шкловскимъ владѣльцамъ, или оный дол-

жанъ остаться за евреями на ихъ употребленія, а вмѣсто того замѣниться поземельнымъ съ евреевъ въ выгоду владѣльцевъ шкловскихъ доходомъ, о томъ предоставить обѣимъ сторонамъ развѣдаться по порядку въ нижнихъ судебныхъ мѣстахъ надлежащимъ судопроизводствомъ, а какъ сей доходъ, Коробкою называемый, состоитъ въ наличныхъ деньгахъ малою только частию, прочее же заключается въ сырыхъ продуктахъ, каковые требуютъ сохраненія отъ всякихъ поврежденій и продажи въ свое время, и нынѣ сей доходъ находится въ управленіи евреевъ, то и оставить оный въ собственномъ тѣхъ евреевъ распоряженіи, съ тѣмъ, чтобы они, въ обезпеченіе сего дохода, до разрѣшенія кому оный принадлежать будетъ, при наступленіи каждаго года представляли бы впередъ отъ себя залогъ, соотвѣтственный годовому доходу Коробки, каковой годовой доходъ изчислить Бѣлорусскому Губернскому Правленію чрезъ кого слѣдуетъ по сложности изъ вышеописанныхъ трехъ, то есть 1795, 1796 и 1797 годовъ; буде же еврей залога когда не представятъ, то въ то время взять упомянутой Коробки доходъ въ казенный прісмотръ, въ прочемъ подтвердить евреямъ, чтобы они вышеозначенный, положенный Сенатомъ, съ нихъ платежъ податей производили бездоимочно; а ежели еврей тѣхъ, опредѣленныхъ съ нихъ, доходовъ платить управляющимъ шкловскимъ имѣніемъ бездоимочно въ свое время не будутъ, въ такомъ случаѣ таковыя неплательщики, яко неисполнители и ослушающіе Указа Правительствующаго Сената, должны съ земель Шкловскихъ высылаться и для того управляющимъ Шкловомъ о тѣхъ евреяхъ, кои не заплатятъ доходовъ, объявить письменно въ нижній земскій судъ, которому, самымъ кратчайшимъ образомъ удостовѣрясь въ истинѣ, объявляемаго, тотчасъ оныхъ неплатящихъ податей евреевъ изъ Шклова выслать и землю послѣ таковыхъ высланныхъ велѣть прочимъ евреямъ очистить, а управляющимъ Шкловомъ объявить, дабы они ни въ какой судъ и расправу надъ евреями, яко не подвластными шкловскимъ помѣщикамъ, не входили, а относились бы съ просьбами и жалобами своими къ учрежденнымъ присутственнымъ мѣстамъ и чинамъ, куда по порядку слѣдуетъ, равнымъ образомъ, и никакихъ новыхъ поборовъ и накладокъ кромѣ тѣхъ, которыя по сложности изъ трехлѣтнихъ доходовъ будутъ уста-

новлены, съ тѣхъ евреевъ не требовать; что же касается до внутренняго между евреями въ Шкловѣ живущими благосостоянія и полицейскихъ надзираній, въ томъ имѣть распоряженіемъ, кто шкловскимъ имѣніемъ распорядитъ и управлять будетъ. Но ежели который либо еврей нарушитъ въ другихъ въ Шкловѣ живущихъ спокойствіе или какіе либо учинитъ непорядки, такихъ управляющимъ Шкловомъ подъ своимъ присмотромъ препроводитъ въ нижній Земскій Судъ для поступленія по законамъ. А какъ Сенатъ полагаетъ учинить по сему о евреяхъ дѣлу вышесказанныя новыя положенія, коихъ самъ собою привести въ исполненіе не можетъ, для того сіе всеподданнѣйшее свое мнѣніе передаетъ Высококомонаршему Вашего Императорскаго Величества благоизволенію и проситъ на то Высочайшаго Указа; Бѣлорусскому же Губернскому Правленію предписать, что по именному 1795 года, Сентября 27 дня, Указу записавшимися въ Бѣлоруссіи въ мѣщанство евреямъ, предположено жить въ городахъ, гдѣ оныя приписаны, и упражняться въ разныхъ ремеслахъ, мастерствахъ и руководѣліяхъ, то оному Бѣлорусскому Губернскому Правленію стараться пріохотить евреевъ и подать имъ возможные способы, дабы они переселились въ города, а между тѣмъ, доколѣ современемъ еврей могутъ переселиться въ города, нужно сдѣлать положеніе на какомъ основаніи оставаться, жительствующимъ нынѣ въ помѣщичьихъ Бѣлорусской губерніи имѣніяхъ евреямъ, и для того оному Губернскому Правленію объявить Бѣлорусской губерніи маршаламъ, дабы они собравшись сдѣлали объ ономъ какъ наискорѣе свое положеніе, а потомъ Губернскому Правленію вмѣстѣ съ Казенною Палатою, рассмотрѣвъ оное и по предварительномъ истребованіи заключенія отъ Губернскаго Прокурора, сообразить все то съ законами, также съ выгодами какъ общими такъ и частными и съ своимъ мнѣніемъ представить Сенату безъ всякаго продолженія времени ибо прочимъ губерніямъ таковыя мнѣнія въ Сенатѣ уже получены,

Подлинный подписали Гг. Сенаторы: Графъ *Левъ Ворцель*.
Осипъ Козодавлевъ. *Игнатій Теиельсъ*.

На подлинномъ Собственною Ею Императ. Величества рукою написано такъ: «Вѣтъ по сему». С. Бернадскій.

(Продолженіе будетъ).

ВИБЛІЯ И АНТИСЕМИТЫ.

„Влюдите, да никто-же васъ прельститъ“. (Мате. 24, 4).

Нападенія на Библию повторяются періодически уже съ давнихъ временъ, приурочиваясь къ періодамъ усиленія антисемитическихъ тенденцій въ интеллигентныхъ слояхъ общества ¹. Разрушительное значеніе проводимыхъ при этомъ подъ сурдинкою атеистическихъ теорій также давно оцѣнено было по достоинству истинными хранителями церковныхъ традицій и блюстителями правильного пониманія и толкованія догматовъ христіанской вѣры, между прочимъ, и нашими знаменитѣйшими архипастырями и богословами.

По поводу такихъ появляющихся и теперь отъ времени до времени замѣтокъ и статей въ нашей антисемитической прессѣ, мы вспомнили о напечатанной въ 1887 году въ одной одесской газетѣ статьѣ г. Неручева «Евреи и Библия». Статья эта проникнута такой же тенденціей, какъ и всѣ такого рода статьи: въ ней проводится мысль, что мораль Пятикнижія узко-національно-исключительная и лишена какихъ бы то ни было широкихъ нравственныхъ предписавій, какъ-то любви къ человѣчеству вообще, а не только къ соплеменнику, единовѣрцу и т. п.

Мы рады, что можемъ по этому серьезному и важному для христіанскаго общества вопросу отказаться отъ всякихъ пререканій и споровъ съ такими quasi-богословами, какъ Неручевъ и

---

¹ Въ газетахъ и журналахъ, посвятившихъ себя пропагандѣ антисемитизма, появляются тогда подписанныя разными псевдонимами и анонимами замѣтки, статьи и статьи, печатаются и цѣлыя quasi-научныя сочиненія, въ которыхъ подъ видомъ критики еврейской религіи подвергается критикѣ и осужденію священное для всѣхъ христіанъ Пятикнижіе Моисея.

ему подобные, предоставивъ слово покойному книгъ архіепископу херсонскому и одесскому, высокопреосвященному Никанору, который въ одной изъ замѣчательнѣйшихъ бесѣдъ своихъ далъ отповѣдь всѣмъ подобнымъ хулителямъ Пятикнижія ¹.

«... Воображаетъ оный мудрецъ (Неручевъ), будто онъ дѣлаетъ открытіе, взнося хулы на законъ Моисеевъ... Это все до тонкости уже выставлено было на видъ кристіанству съ отрицательной стороны не только Юліаномъ-отступникомъ, но уже Цельсомъ-измичникомъ, и освѣщено съ противоположной положительной стороны правымъ свѣтомъ Божественной истины, св. апостоломъ Павломъ и самимъ Іисусомъ Христомъ». «Господь Іисусъ даетъ наставленіе»,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ бесѣды:—*«большая ея законъ заповѣди: возлюбимъ Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбимъ ближняго твоего, яко сама себе. На сихъ основахъ заповѣдяхъ всея законъ и пророки писаша (Мат. 22, 36—40)»*.

«Не желаетъ знать или не знаетъ оный мудрецъ, что Моисей даетъ такіа тончайшія, такіа трогательнѣйшія по глубочайшей гуманности предписанія, о которыхъ пока не снилось еще современнымъ народамъ, предписанія относительно людей, животныхъ, даже растений. Не говоримъ о томъ, что законъ Моисеевъ переполненъ предписаніями глубочайшей заботы о беззащитныхъ людяхъ, о вдовахъ, сиротахъ, рабахъ, объ иноплеменикахъ...»
«А въ томъ смѣемъ увѣрить нашего самолюбиваго мудреца, что Моисей не допускаетъ еврейскъ обманывать ни единоплеменниковъ своихъ, ни иноплемениковъ. Совсѣмъ напротивъ. По изреченію *коренной* относительно любви къ пришельцамъ (иноплеменикамъ) заповѣди: *и возлюбимъ пришельца, яко самъ себе: Азъ Господь Богъ свихъ*,—Господь едѣсь же присвокумляетъ заповѣди: *не дѣлайте неправды въ судѣ* (въ отношеніи къ пришельцу и во всякоу), *съ женою, съ вѣстою и съ измѣреніемъ. Да будутъ у васъ*

¹ См. «Прибавленіе къ херсонскимъ епарціальнымъ вѣдомостямъ», 1869 г., № 18, стр. 517 и сл.: «Бесѣда въ храмовой день св. Благочестиваго Великаго Князя Александра Невскаго и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, въ церкви Новороссійскаго университета». Напечатана также въ «Собраніи бесѣдъ и поученій высокопреосвященнаго Никанора».

отсы стирные, шри стирня, и шри праведна да будетъ въ васъ: Азъ Господь Богъ вашъ, изведый васъ изъ земли Египетскія. (Лев. 19, 34—36). Это повторяется многократно».

«Удивительна отвага нѣкоторыхъ людей. Пигмеи, безвѣстности, чуть не ничтожества, они смѣютъ разбѣгать хульными уста на величайшаго изъ мировыхъ гигантовъ, гигантовъ духа и смысла... Незучивъ, не зная подробностей, ни гигантскаго созданія Моисеева, ни безчисленныхъ толкованій на него; ни цѣлой горы болѣе или менѣ научныхъ возраженій противъ него, они сразу вынадаютъ противъ всей цѣльности его системы, противъ самозамкнутой цѣльности его духа. Самымъ легковѣснымъ приѣмомъ повторяютъ зады прежнихъ критиковъ его, зады, оставленные и забытые всѣми.

«Вѣдь Моисей—фактъ громаднѣйшаго значенія. Его не вычеркнешь изъ исторіи небрежнымъ взмахомъ тупого гусиного пера. Вѣдь писанія Моисея не нуждаются въ доказательствахъ своихъ высшихъ качествъ и, во-первыхъ, своей подлинности.

«Писаніе Моисея — можно сказать словами апостола Павла (II Кор. 3, 2—3) — вы есте, все цивилизованное общество, еврейское и христіанское. Это писаніе, начертанное чернилами на доскахъ или же на скрижаляхъ сердца всего образованнаго человѣчества, на скрижаляхъ жизни его и исторіи житейскаго строя и всѣхъ законодательствъ... Если какіе-либо мировые дѣятели были водимы Духомъ Божиимъ, то, конечно, во-первыхъ, Моисей, которому принадлежитъ первоосновное вліяніе на судьбы всего человѣчества. Гдѣ теперь законы Лакурга? Гдѣ законы Солона? Какое имѣютъ вліяніе на развитіе исторической вселенной законы Конфуція или Ману?... А нравственные Законы Моисея не отиѣнили и Самъ Безжественный Провозвѣстникъ новозавѣтнаго Закона благодати...

«Моисей былъ законодатель Боговдохновенный, раскрывавшій въ озареніи свѣтомъ ума Божию основы жизни общечеловѣческой, съ ея основными заповѣдями о беззавѣтной любви къ Богу и о любви къ ближнему какъ самому себѣ...»

«Въ существѣ дѣла» — читаемъ мы въ другомъ поученіи того же архипастыря ¹ — «ветхозавѣтный законъ имѣлъ своимъ виновникомъ Бога любви, также какъ и законъ Христовъ. Глубо-

¹ „Уфимскія Епарх. Вѣдомости“, 1882 г., № 17, стр. 541.

чайшая основа у того и другого законовъ—одна и та же любовь: *возлюбимъ Господа Бога своего отъ всего сердца и ближнему своему, яко самъ себе.* Высшая цѣль одна—смягченіе, возвышеніе, очищеніе духа и спасеніе вѣчное. Есть и у Моисея самыя возвышенныя предписанія о любви, о любви не только къ братіямъ, но и къ чужероднымъ, даже къ врагамъ, съ запрещеніемъ мести...» «Законъ Божій и у Моисея, — поучалъ высокопреосвященный Никаноръ¹⁾, — имѣя одну и ту же глубочайшую основу для себя въ коренной заповѣди любви къ Богу и ближнимъ, какъ и законъ новозавѣтный, ставилъ для себя внутреннѣйшею цѣлью не ожесточать, а смягчать сердца людей, не воспитать, а искоренить между ними мстительность, и утвердить между ними не вражду и взаимное другъ къ другу ожесточеніе, а любовь, благодать и всепрощеніе... Въ существѣ Евангельскій совѣтъ: любите враги ваши, благостовите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, въ нагорной проповѣди Христа Спасителя, представляетъ только высшее раскрытіе того же истекающаго изъ любви безконечной духа и вѣтхозавѣтной заповѣди о любви къ ближнему и устраненія ненависти и ко врагу. Такъ и апостолъ Павелъ, въ посланіи къ римлянамъ, внушая, чтобы христіане не были побѣждаемы зломъ, но побѣждали зло, чтобы не мстили за себя, но давали мѣсто гнѣву Божію, въ подтвержденіе словъ своихъ приводить изреченія Вѣтнаго Завѣта: *Ибо написано* (Второзаконіе 32, 35): *«Мѣ отмщениіе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь. И* (изъ притчей Соломона 25, 22—23): *«еще алчеть братъ твой, углѣби его: еще ли жаждеть, напои его».*

Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ поученія архіепископа Никанора, сказаннаго его высокопреосвященствомъ при освященіи церкви одесскаго коммерческаго училища²⁾. Эпиграфомъ къ этой рѣчи преосвященный Никаноръ избралъ слѣдующее мѣсто изъ книги Царей и Паралипомена: *«Даже и иноплеменики, который не отъ народа Твоего Израиля, когда онъ придетъ изъ земли далекой, ради имени Твоего великаго, и будетъ молиться у храма сего, Ты, Господи Боже Израилевъ, услышь съ Неба, съ мѣста обитанія Твоего, и сотлай все, о чемъ будетъ звать»*

¹ „Уфимскія Епарх. Вѣдомости“, 1883 г., № 20, стр. 689.

² „Прибавленіе къ херсонскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ“, 1884 г., № 8, стр. 229 и сл.

къ Тебѣ иноплеменикъ, чтобы всѣ народы узнали имя Твое и чтобы боялись Тебя, какъ народъ Твой Израиль, и знали, что Теоимъ именемъ называется домъ сей, который построилъ я. (II Парал. 6, 32—33; 1 Цар. 8, 41—43).

«При освященіи сего храма, въ построеніи котораго участвовало усердіе русскихъ не только христіанскаго, но и Моисеева закона, въ заведеніи, въ которомъ воспитываются дѣти обѣихъ законовъ, скажемъ нѣсколько словъ о родословномъ происхожденіи храма новозавѣтнаго отъ ветхозавѣтнаго...

«Что мы, христіане, братья Израилю по духу, это ясно. Иисусъ Христосъ предалъ своей церкви ветхо-завѣтную исторію какъ священную. Предалъ и ветхо-завѣтную догму, какъ истину Божественную, раскрывъ только особенно ученіе о Троицѣ, для котораго, впрочемъ, въ ветхозавѣтномъ откровеніи имѣется множество основаній. Предалъ церкви и все ветхо-завѣтное правоученіе, какъ святѣйшее, уяснивъ только особенно ветхо-завѣтное же Божественное ученіе о любви и чистотѣ сердечной и показавъ его безпрѣдѣльную высоту. Иисусъ Христосъ не только самъ соблюдалъ всѣ обряды ветхо-завѣтной вѣры, но и своей ново-завѣтной церкви предалъ на соблюденіе весьма многое изъ обрядословія ветхо-завѣтнаго; предалъ гораздо болѣе, чѣмъ многіе изъ насъ думаютъ. Такъ, всѣ ветхо-завѣтныя священныя книги чтутся и читаются и въ ново-завѣтной церкви такъ же, какъ священныя. Святые псалмы, какъ и прочія священныя ветхо-завѣтныя пѣсни, поются въ нашихъ храмахъ, какъ пѣлись и въ ветхо-завѣтномъ іерусалимскомъ храмѣ. Ветхо-завѣтныя псалмы и пѣсни, молитвы и пророчества стали основой всѣхъ пѣсней и молитвъ нашего христіанскаго Богослуженія...».

Привода далѣе различныя доказательства обнаружившагося въ послѣднее время сближенія евреевъ съ христіанскимъ обществомъ, преосвященный Никаноръ указываетъ своимъ слушателямъ, что «на средства, между прочимъ, и сыновъ Израилля, русскихъ Моисеева закона, созданъ и святой храмъ сей, въ честь и память благословеннаго царя-мученика, царя освободителя, великаго Императора Александра II го, во славу единаго и общаго нашего Бога Вседержителя, для нравственно-религіознаго воспитанія, въ духѣ христіанства, христіанскихъ дѣтей, для воспоминанія и чадамъ Израилля о Богѣ, о вѣрѣ истинно святыхъ отцевъ, о чистой нрав-

ственности, жаждущих благо и каждого человека и счастье народов и взаимную между ними братскую любовь. Это сближение между нами видно и изъ того, что при единствѣ, какъ у нихъ, такъ и у насъ, первоначальной священной исторіи о происхожденіи и судьбѣ истинной церкви до времени пришествія Христова, при единствѣ исповѣданія основныхъ догматовъ вѣры, при единствѣ основнаго обрядословія, при единствѣ и правоученія не только въ основахъ, но и въ подробностяхъ раскрытія, современные израильтяне начинаютъ сближаться съ нами и въ тѣхъ поднебесныхъ высотахъ современнѣйшаго правоученія, которыя разъяснены Іисусомъ Христомъ въ нагорной проповѣди о блаженствахъ и вообще въ Евангеліи. Лучшіе изъ современныхъ израильтянъ, каковъ и духовный глава ихъ и учитель въ нашемъ градѣ¹, заговорили нынѣ о равноправности съ ними и христіанъ на наслѣдіе царства небеснаго, о братствѣ всѣхъ народовъ, какъ чадъ единаго Отца небеснаго, о братской между ними любви, обязательной для израильтянъ также, какъ и для христіанъ».

Такъ говорилъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ нашихъ, архіепископъ Никаноръ. Духъ Пятиенижія понималъ и толковалъ онъ совсѣмъ иначе, чѣмъ разные антисемиты. Въ основѣ Пятиенижія Моисея, такъ поучалъ пресвященный Никаноръ, лежитъ та же всеобъемлющая любовь къ природѣ и человѣку, какой проникнуто ученіе Христа. И даже въ современномъ еврействѣ онъ усматривалъ, вопреки утвержденіямъ гг. антисемитовъ, не злобу и отчужденіе отъ христіанскаго общества, а напротивъ, явные признаки сближенія и стремленія къ единенію.

Послушаемъ теперь другого уважаемаго архипастыря, не проповѣдника, а глубокаго мыслителя и ученаго богослова, епископа Нижегородскаго Хрисанова. Его обширный и замѣчательный въ своемъ родѣ трудъ «Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству» мы рекомендуемъ вниманію всѣхъ тѣхъ, кто интересуется вопросами объ историческомъ развитіи и взаимной связи различныхъ религіозныхъ міровоззрѣній. Для нашей цѣли мы ограничимся нѣсколькими, наиболѣе существенными выдержками изъ III-го тома его изслѣдованія.

«Библиейское ученіе, читаемъ мы въ вступленіи къ этому тому,

¹ Рѣчь идетъ тутъ о покойномъ одесскомъ раввинѣ, дрѣ Швабахерѣ.

излагающее истины той и другой религiи—и древне-иудейской или ветхозавѣтной и христіанской или новозавѣтной, было исходомъ въ нашемъ изслѣдованiи; оно же должно быть и его концомъ. Какъ единственное истинное вѣроученіе и какъ норма религiи, оно служило для насъ основаніемъ при изложенiи религіозныхъ системъ древности... Намъ нужно теперь доказать полнѣе и обстоятельнѣе, что оно дѣйствительно отличается, и притомъ существенно, отъ всѣхъ религіозныхъ воззрѣній древности. Это тѣмъ необходимѣе, что издавна существуютъ и особенно распространены нѣкiи рационалистическіе взгляды, которые совершенно отождествляютъ воззрѣніе библейское съ языческимъ или отрицаютъ его важность и значеніе въ исторiи религiи». (стр. 1—2).

«Но значеніе еврейскаго народа въ исторiи религiи не въ томъ только, или не въ томъ главнымъ образомъ, что онъ жилъ исключительно религіей и для религiи, а въ томъ, что религiя его была не похожа на религiи всѣхъ другихъ народовъ древняго міра... Только одна еврейская религiя среди всѣхъ религiй, которыми жили древніе народы, была религіей духа... Отъ начала до конца, отъ самой глубокой древности и до позднѣйшихъ временъ, еврейская религiя имѣла и сохранила особый характеръ, отличный отъ воззрѣній древности. *Всегда она содержала высокое ученіе о Богѣ, мирѣ и челоѣкѣ*». (стр. 4—6).

«Въ этомъ отношенiи, т. е., въ смыслѣ сознанiя повинности предъ Богомъ, еврейская религiя, скажемъ еще разъ словами Шаффа, «была среди другихъ религiй древняго міра то же, что въ насъ совѣсть, этотъ тихій, незамѣтный, но немолчный и постоянный свидѣтель нашихъ поступковъ». Стоя одинокъ въ древнемъ мірѣ, почти вовсе неизвѣстная ему, она не переставала проповѣдывать о покаянiи въ то время, какъ весь или почти весь языческій міръ въ шумныхъ оргiяхъ и развратѣ праздновалъ свой мнимый союзъ и дружбу съ богами. Съ этой точки зрѣнiя Библия есть самая скорбная въ мірѣ книга; но скорбь, какую она возбуждаетъ не та, которую проповѣдывали браминство и буддизмъ. Эта скорбь чисто нравственнаго характера; она призывала къ покаянiю, требовала исправленiя и оттого не была безотраднa, какъ тамъ, но ободряла душу». (стр. 161—162).

«Высокое происхожденіе и душевно-нравственное достоинство религiя евреевъ приписываетъ всѣмъ людямъ и народамъ безъ

исключенія. Только она одна ясно и опредѣленно говорить о происхожденіи всѣхъ людей отъ одного общаго праотца. Эта идея единства въ происхожденіи людей и народовъ, неизвѣстная древнему міру или не сознанныя имъ... имѣеть великое, социальное нравственное значеніе для человѣческой жизни. Она необходимо даетъ мысль о единствѣ задачи и цѣлей жизни всего человѣческаго рода и проливаетъ свѣтъ на всю исторію человечества». (стр. 168).

«*Нравственное ученіе* еврейской религіи сравнительно съ возрѣвнiями другихъ древнихъ религіи такъ-же высоко и чисто, какъ и ея культъ и ученіе догматическое». (стр. 260).

«Въ законодательствѣ Моисей явились и особенныя нравственныя правила жизни, которыми опредѣляются взаимныя отношенія людей. вмѣстѣ съ заповѣдями объ отношеніи людей къ Богу они составляютъ такъ называемое *десятисловіе* (Исх. XXIV, 28)... Это только основныя заповѣди, направленныя противъ выдающихся и болѣе грубыхъ порочныхъ стремленій. Ими одними и ихъ отрицательною формою не ограничивается законъ Моисеевъ; въ немъ всюду разсѣяны болѣе ясныя и широкія требованія мягкости, уваженія къ ближнему и состраданія (Лев. XIX, 9 — 19, 33 — 36), болѣе высокія запрещенія вражды, злобы и мести, и притомъ не явной только, но и скрытной; наконецъ онъ требуетъ чистоты самыхъ помышленій (ст. 17, 18)... На ряду съ этими немногими частными предписаніями десятисловія Моисей указываетъ для нравственнаго развитія и безпредѣльно широкій идеалъ въ самомъ всевышнемъ Богѣ. *Святъ будете, ибо святъ Я Господь Богъ вашъ*, говорится въ законѣ (Лев. XIX, 2). Избранный Богомъ народъ былъ призванъ къ нравственному освященію по образу неприступнаго *Святаго Израилева*». (стр. 283—285).

«Идея внутреннего обновленія человѣческой природы, о которой не имѣли понятія ни аскеты брамаизма, ни адепты Митры, ни мечтатели о перерожденіяхъ у буддистовъ, составляетъ отличительную черту нравственнаго возрѣвнiя пророковъ... Ни одинъ носитель жезла Діонисова не доходилъ до того высокаго нравственнаго идеала, какой представлялся взорамъ еврейскихъ пророковъ, когда они изображали времена Мессіи! Вся земля наполнится боговѣднiями; духовное, незаходящее свѣтило правды Божьей будетъ царствовать у всѣхъ народовъ; водворится всеобщій миръ во вселенной: таковы черты, которыми, какъ мы видѣли уже, описы-

вается эта желанная пророками эпоха нравственного преобразования человѣчества. И какъ далеко въ этомъ отношеніи проникало ихъ вдохновенное чувство; какъ далеко прозрѣвала ихъ мысль, озаренная Божьимъ Духомъ! Народы все еще не расковали мечей на орала и копей на серпы, и все еще не развучились воевать...» (стр. 287—288).

«Бываютъ эпохи, когда сознаниемъ народа особенно чувствуется недостаточность тѣхъ нравственныхъ и общественныхъ началъ, которыми онъ жилъ до нынѣ, когда все прошедшее и настоящее невольно вызываетъ мысль о будущемъ; но такого, какое мы видѣли въ еврейскомъ народѣ, чрезъ рядъ вѣковъ продолжающагося напряженія мысли и чувства, устремленныхъ въ будущее, еще не было ни у одного изъ другихъ народовъ и его пока не знаетъ исторія. Чрезвычайность этого факта еще увеличивается, когда представимъ, что будущее, къ которому устремлена мысль пророковъ, касается не одного еврейскаго народа, а всего человечества, всѣхъ народовъ міра, что идеалъ лучшихъ временъ, которымъ озарено было ихъ вдохновенное сознание, заключается въ нравственномъ обновленіи и перерожденіи человѣка и его дѣятельности и что нинѣшняя жизнь человѣческихъ обществъ все еще не достигла этого идеала, все еще ниже его, даже по истеченіи болѣе двухъ тысячелѣтій со времени ихъ пророчества» (стр. 296—297).

«Отъ религіи съ такимъ чистымъ, возвышеннымъ ученіемъ естественно ожидать и благотворнаго вліянія на общественную жизнь избраннаго народа. Дѣйствительно, и въ этомъ отношеніи еврей возвышался надъ другими народами... Дѣйствительно, ни въ одномъ древнемъ законодательствѣ мы не находимъ такого правительнаго и такого высокаго взгляда на человѣческую личность и ея права, какъ въ законѣ еврейскомъ...» (стр. 306—307).

«Короче, всю общественную жизнь евреевъ законъ стремился подчинить началу взаимнаго уваженія, мягкости и сочувствія. *Правды, правды ищи*, говорилъ онъ еврею; *не истребляй закона и не бери даровъ*. (Втор. XVI, 19, 20). Не должно быть *неправды ни съ судъ, ни съ мртв, ни съ тѣсь* при куплѣ и продажѣ. (Лев. XIX, 35, 36, Втор. I, 16, 17). *Проклятъ, кто нарушаетъ законъ справедливости, похищаетъ права своего ближняго*. (Втор. XXVII, 17)». (стр. 324).

«Въ религіи, которая одна среди всѣхъ религій имѣла ясное

сознание о происхождении всѣхъ народовъ отъ одного праотца, которая учила о высшемъ достоинствѣ человѣка, не могло быть мѣста для мысли о существенномъ различіи между народами и племенами, о расѣхъ благородныхъ и низкихъ, или варварскихъ и не варварскихъ по природѣ. Евреи были единственнымъ народомъ въ древнемъ мірѣ съ истиннымъ, всеобъемлющимъ историческимъ взглядомъ на жизнь человѣка и человѣческихъ обществъ—взглядомъ, котораго лишены были и самъ грекъ, этотъ первенецъ между народами языческими. Они никогда не могли утратить сознание о единствѣ всѣхъ племенъ и о высшихъ, общихъ дѣлахъ бытія всего человѣческаго рода. Самозаклученность ихъ имѣла временное значеніе и вела къ дѣламъ совершенно противоположнымъ. Дѣйствительно самый законъ Моисеевъ предписываетъ въ отношеніи къ иноземцамъ мягкость и сочувствіе, какихъ не находимъ въ древнихъ законодательствахъ язычниковъ... *Не мущайся, говоритъ онъ, иудеяниномъ. ибо онъ братъ твой*¹; *не мущайся египтяниномъ ибо ты былъ пришельцемъ въ земли его.* (Втор. XXIII, 8). Ко всѣмъ вообще пришельцамъ онъ требуетъ той же доброты и снисходительности, какія устанавливаетъ въ отношеніи къ бѣднымъ изъ среды еврейскаго народа, не дѣлая различія между тѣми и другими; одинаково и тѣхъ и другихъ имѣть въ виду, предписывая оставлять колосья на полѣ, не дожидать жатвы до конца, не возвращаться къ забытымъ снопамъ и въ садахъ не подбирать остатковъ. (Лев. XXIII, 22; Втор. XIV, 29; XXIV, 19—21). Иного рода благотворительности при тогдашнихъ несложныхъ формахъ жизни не могло и быть. Законъ дѣлалъ для иноземныхъ пришельцевъ все, что могъ, и имѣлъ въ виду возбудить въ евреяхъ нравственныя чувства справедливости и состраданія къ нимъ, не разъ внушая: *не притискивай пришельца и не унижай, не обижай его* (Исх. XXII, 21; XXIII, 9), заповѣдая любить его какъ себя. (Лев. XIX, 34; Втор. X, 19). Онъ представляетъ особенное побужденіе и къ этой внимательности относительно иноземцевъ... Онъ требуетъ, наконецъ, чтобы однимъ судомъ судился и еврей и пришелецъ въ землѣ его, чтобы одинъ законъ правды былъ для всѣхъ безъ исклю-

¹ Очевидно, братъ имѣть здѣсь самый широкій общечеловѣческій смыслъ, такъ какъ иудеянинъ не былъ ни соплеменникомъ, ни единовѣрцемъ. Какъ это мало согласуется съ утвержденіемъ псевдоученыхъ антисемитовъ, что подъ словомъ „братъ“ Библия разумѣетъ только еврея.

ченія. (Исх. XII, 49; Лев. XXIV, 22; Чис. XV, 29; Втор. XXVII, 19). Вообще, несмотря на обособленность еврейскаго народа, чувство свободы и братства всегда было въ немъ живо». (стр. 326—327).

Къ этимъ выдержкамъ изъ книги преосвященнаго Хрисанеа мы прибавимъ еще одно мѣсто изъ сочиненій Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго:

«Въ сочиненіяхъ раввиновъ, кои большею частью держались фарисейства, часто встрѣчаются нѣянныя правила нравственности... Чтеніе книгъ Ветхаго Завѣта, коимъ постоянно занимались въ фарисейскихъ школахъ, способствовало къ обогащенію памяти Савловой лучшими правилами нравственности и высокими образцами благочестія»¹.

Въ заключеніе не можемъ не привести взгляда того же архипастыря Хрисанеа на отношеніе современныхъ евреевъ къ христіанству².

«Въ концѣ прошедшаго столѣтія еврейскіе государи стали заботиться о сравненіи евреевъ въ гражданскихъ правахъ съ христіанскими подданными. Съ этого времени сами евреи вышли изъ своей прежней замкнутости и національной исключительности и съ ревностью начали усвоить себѣ европейское образованіе. Не беремъ судить, насколько близокъ или далекъ ожидаемый евреями исходъ начавшейся перемѣны въ ихъ общественномъ положеніи, но можемъ снова замѣтить, по поводу этихъ ожиданій, что *современные евреи дѣйствительно проникнуты сильными и единодушными стремленіемъ къ обмѣненію съ христіанами*, что это стремленіе — съ каждымъ днемъ — высказывается рѣшительнѣе и рѣшительнѣе. Не такъ давно — въ виду всей Европы — отправлялись богатая пожертвованія въ пользу сирийскихъ христіанъ отъ еврейскихъ общинъ — изъ Франціи, Германіи, Америки, Россіи».

Обнародованный въ 1893 г. манифестъ 216 германскихъ раввиновъ, то есть представителей громаднаго большинства германскихъ евреевъ, служитъ новымъ нагляднымъ подтвержденіемъ, что между евреями не исчезло стремленіе къ сближенію съ христіанскимъ обществомъ, и никакимъ антисемитамъ своими выходками противъ Библии не остановитъ неизбежнаго историческаго процесса объеди-

¹ Сочиненія Иннокентія. С.-Петербургъ, 1872. т. IX, стр. 361—362.

² См. статью его въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1861.. т. III стр. 1—3.

ненія всѣхъ національностей въ одну братскую семью. Ни текстами, выхваченными изъ великаго цѣльнаго творенія, ни разными лже-толкованіями духа и смысла его не подорвать имъ значенія объединяющей все человѣчество религіозной основы, и не имъ, безвѣстными анонимамъ, опровергнуть великія мысли и руководственныя толкованія священныхъ книгъ, преподаванныя замѣчательнѣйшими пастырями православной церкви.

Г. Волько.

ВНУКИ ГЕТТО.

РОМАНЪ И. ЗАГВИЛЛЯ.

Переводъ съ англійскаго.

ГЛАВА II¹.

Рафаэль Леонъ.

Когда мужчины опять присоединились къ дамамъ, то Рафаэль, какъ бы инстинктивно, направился къ молодой дѣвушкѣ, бывшей его сосѣдкой во время обѣда, которая, несмотря на ее застѣнчивость и молчаливость, показала ему очень симпатичной. Ему пришло въ голову еще въ то время, когда онъ пилъ кофе и курилъ съ прочими мужчинами, что она, вѣроятно, была не совсѣмъ здорова, и что, быть можетъ, онъ недостаточно былъ внимателенъ къ ней, какъ къ своей дамѣ; поэтому, подойдя теперь къ ней, онъ съ участіемъ спросилъ ее, не болитъ ли у нея голова?

— Нѣтъ, ничего. По крайней мѣрѣ не больше обыкновеннаго,—съ дружеской улыбкой отвѣтила маленькая брюнетка.

Эта милая, нѣсколько меланхолическая, улыбка совершенно преобразила ее смуглое личико, которое могло бы показаться, пожалуй, совсѣмъ некрасивымъ, если бы на немъ не лежалъ отпечатокъ внутренней жизни и дѣятельной работы мысли, виднѣвшійся въ ее большихъ, пристально и серьезно смотрѣвшихъ глазахъ. Профиль этого оригинальнаго личика, напоминавшій нѣсколько польскій типъ, не отличался строгой правильностью линий и никакъ не могъ назваться безукоризненнымъ; но *en face*

¹ См. „Восходъ“, кн. III.

оно казалось чрезвычайно многовиднымъ, благодаря яркому, чисто восточному, колориту его смуглой кожи, сверкающимъ бѣлымъ зубамъ и мечтательному взгляду кроткихъ и въ то же время строгихъ черныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилась каждая то затаенная думка. Одѣта она была въ шелковое платье, цвѣта слоновой кости, отдѣланное кружевами и плотно охватывавшее ея граціозную фигурку; и единственнымъ украшеніемъ этого, хотя и изящнаго, но совершенно простаго наряда служила вѣточка неаполитанскихъ фіалокъ, приколотая у ворота высокаго корсажа. Молодые люди расположились въ нишѣ просторной и съ артистическими вкусами убранной гостиной, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ Хануковнхъ свѣчель,—и начали вполголоса разговаривать, подъ звуки одной изъ мелодій Шопена, которую играла Адди.

Убранство салона м-съ Генри Гольдсмитъ выказывало въ самомъ выгодномъ свѣтѣ ея изящный вкусъ, благодаря которому салонъ этотъ представлялъ художественное сочетаніе персидской роскоши съ персидской граціей. Тутъ было все, что располагаетъ въ нѣгѣ и цѣлнваетъ зрѣніе—и комфортабельныя кушетки, и качалки, и книги, и картины, и дорогія вазы, и бронза, и цвѣты. Мужъ ея также былъ знатокомъ въ прозаведеніяхъ искусства, потому что какъ собственное его состояніе, такъ и капиталъ, доставшійся ему послѣ отца, были нажиты посредствомъ удачной торговли разными рѣдкостями и антиками, которые цѣнились старымъ Аарономъ Гольдсмитомъ, разумеется, только со стороны ихъ доходности, что, однако, не мѣшало ему отличатъ съ гениальностью истиннаго художника даже самыя удачныя поддѣлки подъ кисть Корреджіо и подъ стиль Людовика XIV.

— А развѣ вы подвержены головнымъ болямъ?—говорилъ между тѣмъ Рафазъ, продолжая съ прежнимъ участіемъ смотрѣть на свою симпатичную собесѣдницу.

— Да, отчасти,—отвѣтила она.—Докторъ говоритъ, что я ужъ слишкомъ много училась и изнурила себя работой въ дѣтствѣ. Такъ наказывается усердіе и прилежаніе,—жизнь, должно

быть, не совсѣмъ похожа на проницъ съ нравственными изрече-
ніями.

— Но зачѣмъ же ваши родители позволили вамъ доводить
себя до переутомленія?

На губахъ молодой дѣвушки мелькнула грустная улыбка. —
Мнѣ пришлось самой себя воспитывать и руководить въ дѣтствѣ, —
возразила она. — Васъ какъ будто удивляетъ это? Ахъ, да! Вы,
вѣдь, вѣроятно, принимаете меня за миссъ Гольдсмитъ?

— А развѣ вы... не... записываясь, пробормоталъ Рафаэль.

— Нѣтъ, мое имя — Есфирь Ансель.

— Извините, пожалуйста, — я такой разсѣянный, что всегда
смѣшиваю фамиліи. Къ тому же, я только что вернулся изъ
Оксфорда и ни разу еще не былъ здѣсь. Поэтому, увидавъ васъ
безъ кавалера, я и предположилъ, что вы живете тутъ.

— Я дѣйствительно живу тутъ, — отвѣтила Есфирь и не-
волью засмѣялась, замѣтивъ выраженіе недоумѣнія на лицѣ сво-
его собесѣдника.

— Какъ это странно, что я ни слова не слыхалъ о васъ
отъ Сиднея, — съ озадаченнымъ видомъ промолвилъ Рафаэль.

— Вы говорите про и-ра Грагама? — слегка краснѣя, пере-
спросила Есфирь.

— Да, — вѣдь, онъ не разъ бывалъ здѣсь.

— Но онъ, какъ художникъ, обращаетъ вниманіе только на
то, что поражаетъ его своей красотой, — съ живостью возразила
Есфирь, но вдругъ смутилась и еще сильнѣе покраснѣла.

— Вы не совсѣмъ справедливы къ нему, если считаете его
такимъ пустымъ, — замѣтилъ Рафаэль. — Увѣрю васъ, что онъ
смотреть на вещи съ болѣе широкой точки зрѣнія.

— Какъ я рада, что вы не сказали мнѣ того избытка ком-
плимента, какіе обыкновенно говорятъ дѣвушкамъ, и на который
я, какъ будто, сама напрашивалась, — весело сказала Есфирь. —
Но я такая безтактная, что иногда невольно говорю глупости.

Рафаэль вопросительно взглянулъ на нее.

— Въ стиду моему, я долженъ сознаться, что я ужасно не сообразителенъ, и никакъ не могу досаждать, какого комплимента я не сказалъ вамъ, — чистосердечно отвѣтилъ онъ.

— Тѣмъ лучше и тѣмъ больше это говорить въ вашу пользу. А знаете, я очень внимательно слѣдила по газетамъ за вашими блестящими успѣхами въ оxfordскомъ университетѣ.

— Неужели еврейскія газеты сочли нужнымъ упоминать о такихъ пустякахъ?

— Я читала объ этомъ въ „Times'ъ“, гдѣ было сказано, что вы получили первыя награды по двумъ предметамъ, награду за поэзію и удостоились многихъ другихъ отличій. Но я обратила особенное вниманіе на награду за поэзію, потому что между евреями такъ рѣдко встрѣчаются люди съ поэтическимъ дарованіемъ.

— Получить награду за поэзію можно и безъ поэтическаго дарованія; но мнѣ кажется страннымъ, что вы не признаете за евреями способности къ поэтическому вдохновенію, тогда какъ въ нашей Библии есть образцы такой возвышенной поэзіи, которые по справедливости могутъ назваться неподражаемыми.

— Чтожь распространяться о библейской поэзіи! Я говорю о современныхъ, а не о древнихъ евреяхъ, съ которыми у насъ почти ничего нѣтъ общаго. Скажите, кто изъ насъ интересуется теперь поэзіей?

— Вспомните, однако, длинный рядъ нашихъ поэтовъ, непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ во весь періодъ среднихъ вѣковъ. Случайный феноменъ, усматриваемый въ наше время, не долженъ вводить насъ въ заблужденіе относительно природныхъ задатковъ нашей расы.

— Но мы не можемъ тоже добровольно закрывать глаза, какъ на этотъ случайный феноменъ, такъ и на тотъ печальный фактъ, что у насъ нѣтъ никакихъ идеаловъ.

— Я вижу, что Сидней успѣлъ ужъ заразить васъ своимъ pessimизмомъ, — съ сожалѣніемъ проговорилъ Рафаэль.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не думайте этого! — съ отгѣн-

комъ раздраженія прибавила Есфирь. — Увѣрю васъ, что я давно уже присматривалась къ нѣкоторымъ явленіямъ нашей общественной жизни и размышляю о нихъ именно такъ, какъ Св. Писаніе предписываетъ намъ размышлять о законѣ — „И день и ночь, и во снѣ и на яву, и сидя и стоя“.

— Ну, значить, вы размышляли объ этомъ, не отрѣшившись совершенно отъ своихъ предубѣжденій и предвзятыхъ взглядовъ, если утверждаете, что у насъ нѣтъ никакихъ идеаловъ.

— Но, вѣдь, вы почти ничего не внесли въ сокровищницу истинной поэзіи. У насъ нѣтъ ни одного такого поэта, какъ Броунингъ, напримѣръ.

— Я не согласенъ съ вами. Замѣьте, во первыхъ, что Англія не много дала міру Броунинговъ, и у насъ ихъ, пожалуй, оказалось бы больше, если бы мы начали перечислять ихъ; а во вторыхъ, взгляды, высказываемые Броунингомъ въ его философіи религіи, совершенно тождественны съ принципами, проповѣдуемыми нашей религіей, такъ какъ евреи уже цѣлыя сотни лѣтъ повторяютъ, въ субботніе вечера, воззрѣніе на жизнь и на PROVIDĒNІE, изложенное въ Pisgah Sights:

„Въ жизни ничто не дается даромъ:
Добро переплетается со зломъ,
Радость чередуется съ горемъ,
Ангель сочетается съ демономъ.“

Не содержится-ли въ этихъ словахъ философскій совѣтъ бодро переходить отъ субботняго покоя къ злобѣ трудового дня, отъ возвышенныхъ къ мелочнымъ, отъ свѣтлыхъ къ мрачнымъ условіямъ человѣческаго бытія?

— А развѣ эти слова приведены въ нашей молитвенникѣ? — съ удивленіемъ спросила Есфирь.

— Конечно. Вотъ видите, вы восхищаетесь всѣмъ иностраннымъ, а съ обрядами собственной вѣры не считаете нужнымъ ознакомиться, какъ слѣдуетъ. Простите меня за откровенность, миссъ Ансель, но мнѣ кажется очень страннымъ, что между нами

есть люди, бредящіе итальянскими древностями и не видящіе ничего поэтического въ еврейской старинѣ, зачитывающіеся Дантомъ и съ пренебреженіемъ отвертывающіеся отъ произведеній царя Давида.

— Миѣ, дѣйствительно, не жѣлаетъ получше ознакомиться съ литургіей, — возразила Есфирь. — Но едва ли это измѣнитъ мой взглядъ. Какъ-бы ни были возвышенны истины, проповѣдуемая нашей религіей, но въ глазахъ еврея онѣ имѣютъ только значеніе поэтического напѣва хорошо знакомой имъ пѣсни. Да, я припоминаю теперь по еврейски этотъ отрывокъ изъ молитвенника, — какъ сейчасъ вижу моего отца, совершающаго Havdalah и произносящаго на распѣвъ эти строчки; но я никогда не вдумывалась въ настоящій ихъ смыслъ. Какъ ни странно это покажется, но, признаюсь, болѣе или менѣе сознательное увлеченіе религиознымъ ученіемъ было навязано на меня, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, чтеніемъ Новаго Завѣта.

— Это незнаніе должно было причинить вамъ несомнѣнный вредъ. Знаете, публичное совершеніе молитвы и религиозныхъ обрядовъ имѣетъ назидательное значеніе даже и въ томъ случаѣ, если смыслъ ихъ кажется тѣмнымъ и непонятнымъ. Вспомните латинскія молитвы бѣдныхъ католіковъ. Конечно, евреи далеко не достигаютъ той нравственной высоты, на которой стоитъ еврейская религія; но, вѣдь, то же самое можно сказать и о послѣдователяхъ другихъ религій. Если же нація, подарившая міру такое произведеніе, какъ Библія, недостаточно...

Молодой человѣкъ вдругъ запнулся и умолкъ, не кончивъ фразы, какъ бы смущенный тѣмъ, что громкіе звуки Шопена, оглашавшіе залу, внезапно оборвались, перейдя въ нѣжное *pianissimo*, и хотя Ади была ему родная сестра, но ему почему то не хотѣлось, чтобъ она догадалась, о чемъ онъ бесѣдуетъ съ своей новой знакомой.

— Можетъ быть и такъ, — продолжала Есфирь, когда Шопень опять заговорилъ громче. — Но во всякомъ случаѣ, нашъ

молитвенникъ слѣдовало бы подвергнуть такому же тщательному пересмотру въ какомъ, по словамъ Венделя Гольмса, нуждается и наша Библия.

— Съ этимъ я совершенно согласенъ, — возразилъ Рафаэль. — Да, намъ необходимо основательно познакомиться съ сокровищами нашей литературы. Зачѣмъ намъ обращаться къ Броунингу за выясненіемъ идеи деизма, когда слова его „Раввина бенъ Ездры“ служатъ только повтореніемъ достопамятнаго еврейскаго аргумента —

„Я вижу дивный планъ Твой, Господи!
Проникаюсь сознаниемъ силы Твоей
И, постигнувъ всю любовь Твою къ человѣчеству,
Благодарю Тебя, что Ты и меня создалъ человѣкомъ“.

Не правда-ли, что это напоминаетъ стиль Вахша? Что міромъ управляетъ великая, хотя и невидимая, сила — этого никто не станетъ отрицать, а что дѣйствія этой [силы] проникнуты мудростью и направлены къ нашему благу — это тоже сдѣлается вполне очевиднымъ для насъ, если мы взвѣсимъ, съ одной стороны, ощущаемые, а съ другой — видимые нами факты. Сила, любовь и мудрость — таковы основныя черты великаго еврейскаго Бога. И мы вѣримъ въ этого Бога, какъ ни кажутся намъ подъ часъ непостижимы Его дѣйствія и самое Его бытіе. „Твои пути — не мои пути и Твои мысли — не мои мысли“. Какъ же не гордиться намъ тѣмъ, что этотъ грозный и невѣдомый Богъ, этотъ великій Творецъ вселенной, избралъ нашъ народъ для объявленія Своей воли всему міру? Да, мы предназначены на служеніе Ему, и исторія тоже свидѣтельствуетъ, что наша миссія, дѣйствительно, состояла въ томъ, чтобы научить человѣчество религіи, точно такъ же, какъ на древнихъ грековъ возложена была задача развить въ немъ любовь къ наукамъ и во всему прекрасному. А что миссія наша еще не окончена — это ясно видно изъ того, что наша раса нашла въ себѣ достаточный запасъ силы, чтобы пережить всѣ ужасы темныхъ временъ, и продолжаетъ существовать до сихъ поръ.

Соната смолгла, но тотчасъ же сгѣнилась воиической пѣсней,

которую заиграл Перси Севилль подъ собственный аккомпаниментъ. Въ счастью, пѣніе и музыка сопровождались такимъ шумомъ, что молодые люди могли совершенно свободно продолжать начатый разговоръ.

— И вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что мы посвящены на служеніе Богу? — спросила Есфирь, устремивъ меланхолическій взглядъ на фізіономію немилосердно кривлявшася Перси Севилля.

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, — съ жаромъ отозвался Рафаэль. — Богъ избралъ насъ между всѣми народами и возложилъ на насъ миссію Своихъ посланниковъ и апостоловъ, которые должны быть готовы принять даже вѣнецъ мученичества для прославленія Его Имени. И мы должны считать это за величайшее счастье для себя, — прибавилъ онъ, совсѣмъ не замѣчая въ своемъ увлеченіи, какъ рѣзко противорѣчила его восторженныи рѣчамъ окружающая его обстановка, несоотвѣтственность которой такъ живо чувствовала Есфирь. А между тѣмъ, въ нею гораздо сильнѣе развита была юмористическая жилка, чѣмъ въ ней, что ничуть не умаляло его идеализма, а дѣлало его только снисходительнѣе къ своимъ ближнимъ. Есфирь же, несмотря на всю ея проникательность, не обладала завидной способностью смотрѣть на вещи съ юмористической точки зрѣнія, что въ значительной степени расширяетъ кругозоръ наблюдателя. Быть можетъ, грубыя перипетіи житейской комедіи такъ болѣзненно поражали ее оттого, что она, какъ женщина, была слишкомъ чувствительна, и у нея не доставало терпѣнія прослѣдить ее до конца. Какъ бы то ни было, но въ той же самой мелодіи, которая привела бы въ восторгъ Рафаэля, Есфирь непремѣнно уловила бы нѣкоторые диссонансы, нарушающіе гармонию цѣлаго.

— А не находите вы, что это нѣсколько односторонній взглядъ на божественное отервеніе? — спросила она.

— Нисколько. Почему же Богъ не могъ возложить известную миссію на всю великую націю, какъ и на одного великаго человѣка?

— И вы твердо убѣждены въ томъ, что еврейство не умерло— въ духовномъ смыслѣ слова?

— Но развѣ оно можетъ умереть? Истинны, проповѣданныя имъ, неизблenny и вѣчны, потому что онѣ вытекаютъ изъ глубокаго знанія, какъ челоуѣческаго сердца, такъ и всего существующаго въ мірѣ. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы ознакомились съ воззрѣніями нѣкоторыхъ изъ нашихъ мыслителей и ученыхъ раввиновъ, — вы навѣрно пореѣвнили бы тогда языкъ пессимистическій взглядъ на челоуѣческую жизнь, потому что наша религія, указывая намъ на наши обязанности служителей Воинныхъ, учитъ насъ въ то же время смотрѣть на жизнь, какъ на самый драгоценный даръ, которымъ челоуѣкъ имѣетъ полное право наслаждаться съ спокойной совѣстью, потому что въ ней все свято и все естественно—и рожденіе, и бракъ, и смерть, и добро, и зло. Въ Воинномъ мірѣ нѣтъ ничего лишняго, или безцѣльнаго, и все, живущее въ немъ, громко и неумолимо славословитъ Творца вселенной. „Утреннія звѣзды хоромъ поютъ хвалебный гимнъ Богу“, ежедневно повторяемъ мы за ранней молитвой.

Увлеченіе молодого челоуѣка произвело такое глубокое впечатленіе на Есфирь, что у нея выступили даже слезы на глазахъ. Энтузіазмъ всегда дѣйствовалъ на нее заразительно, и ей показалось въ эту минуту, что то безотрадное представленіе, которое сложилось у нея о жизни, вдругъ разомъ разсѣялось и замѣнилось самой свѣтлой перспективой, полной и разумныхъ цѣлей, и возвышенныхъ радостей. Мысли ея витали такъ далеко отъ внѣшняго міра, что она невольно вздрогнула, когда въ залѣ раздался громъ рукоплесканій по окончаніи шансонетки Перси Севилля. М-ръ Монтегю Сампдальсъ видимо былъ въ восторгѣ отъ коническаго таланта своего брата. Затѣмъ, послѣ небольшого перерыва, началась какая-то общая игра, въ которой и Есфири съ Рафаэлемъ пришлось принять участіе. Но игра обоимъ показалась до нельзя скучной, и они были очень рады, когда имъ удалось опять сойтись вмѣстѣ.

— Да, хорошо было бы, если бы еврейская религія, дѣйствительно, была такъ возвышена, какъ вы изображаете ее, — съ отъѣнкомъ грусти проговорила Есфирь, возобновляя прежній разговоръ съ того мѣста, на которомъ онъ оборвался. — На самомъ же дѣлѣ, это религія омовенія чашъ и разной посуды. А главное, она не трогаетъ такъ душу человѣка, какъ христіанская религія.

— Тутъ вся суть состоитъ въ томъ, съ какой стороны мы будемъ смотрѣть на этотъ сложный вопросъ, — возразилъ Рафаэль. — Съ практической точки зрѣнія, нашъ церемоніализмъ имѣетъ то преимущество, что приучаетъ насъ къ извѣстнаго рода выдержкѣ и въ то же время образуетъ неразрывную цѣпь между поколѣніями, какъ бы скрѣпляя нашу духовную связь другъ съ другомъ посредствомъ традиціонной набожности и соединяя вмѣстѣ наши атомы, разсѣянные по всѣмъ четыремъ концамъ земли, какъ ничто другое не могло бы соединить ихъ. Въ теоретическомъ же отношеніи, онъ является только развитіемъ того принципа, о которомъ я упоминалъ уже раньше, и въ силу котораго употребленіе пищи, питье и удовлетвореніе всѣхъ потребностей человѣческой природы считается освященнымъ нашей религіей и самимъ небомъ. Всѣ наши жизненные отправления болѣе или менѣе тѣсно связаны съ нашей религіей, которая предоставляетъ одинаковое право, какъ главному раввину, такъ и всякому еврею, прямо и свободно обращаться къ Богу. Она не признаетъ ни дьявола, ни прирожденнаго грѣха, поэтому не признаетъ тоже и необходимости искупленія отъ этого грѣха. Она не предъявляетъ людямъ никакихъ требованій, имѣющихъ цѣлью преждевременно превращать ихъ въ ангеловъ. При совершеніи же брачныхъ церемоній, мы прославляемъ Царя вселенной, создавшаго жениха и невѣсту, радость и веселіе, миръ и любовь, братство и дружество между людьми.

— Да, конечно, въ теоріи это выходитъ прекрасно и разумно, — задумчиво отвѣтила Есфирь. — Но, вѣдь, то же самое можно сва-

затѣ и о христіанской религіи, на которую никакъ не слѣдуетъ взваливать всѣ историческіе промахи и ошибки, въ родѣ стремленія пересоздать человѣческую природу. Но не безпокойтесь, пожалуйста, я все таки остаюсь еврейкой въ душѣ, хотя и признаю тѣсную связь между нѣкоторыми христіанскими догматами и житейскими истинами, и хотя, откровенно говоря, я желала бы вѣровать въ Христа, — прибавила она съ своей меланхолической улыбкой. — Но я должна замѣтить вамъ, что вы не совсѣмъ послѣдовательны. Когда вы сказали, что отрицаете существованіе дьявола, то, признаюсь, я подумала, что вы принадлежите къ числу современныхъ евреевъ, отрѣшнвшихся отъ старыхъ вѣрованій, но придерживающихся еще старыхъ терминовъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, вы должны были бы знать, что если мы утратимъ нашу наввную вѣру въ существованіе ада, — настоящаго старомоднаго ада, съ кипящей смолой и скрежетомъ зубовъ, — то даже самое ярое наше еврейство зачоченѣетъ отъ холода и выскретъ, такъ какъ оно заимствуетъ весь свой пылъ отъ представленія себѣ неугасимаго адскаго пламени.

— Я никакъ не думалъ этого, — сказалъ Рафаэль. — Но я тоже долженъ замѣтить вамъ, что вы ошиблись на мой счетъ, потому что я причисляю себя не къ современнымъ, а къ такъ называемымъ правовѣрнымъ евреямъ.

Есфирь невольно улыбнулась.

— Вамъ, вѣроятно, кажется страннымъ, что ваши слова заставили меня улыбнуться, — возразила она. — Но я мысленно сравниваю васъ съ тѣми правовѣрными евреями, которыхъ я знавала когда то, и которые каждое утро надѣвали себѣ на руки и на лобъ филактеріи.

— Чтожъ, и я тоже каждое утро надѣваю филактеріи на руки и на лобъ, — съ простодушнымъ видомъ отозвался Рафаэль.

— Вы! Образованный оксфордъецъ! — проговорила до нельзя озадаченная Есфирь.

— Васъ, кажется, очень удивляетъ это?

— Да, признаюсь, я въ первый разъ встрѣчаю интеллигентнаго еврея, придающаго значеніе подобнымъ...

— Пустякамъ, хотите вы сказать? А я знаю сотни такихъ евреевъ.

Есфирь только покачала головой. — А я могу указать развѣ только на достопочтеннаго Іосифа Стрелицкаго, который, разувѣется, соблюдаетъ всякія обрядности; но, вѣдь, ему платятъ за это, — небрежно замѣтила она.

— Напрасно вы смѣетесь надъ Стрелицкимъ, — съ жаромъ сказалъ Рафаэль. — Увѣряю васъ, что это одинъ изъ самыхъ благородныхъ нашихъ, собратьевъ. Разговоры съ нимъ выяснили для меня многіе принципы нашей религіи.

— Знаете, — въ раздумьи проговорила Есфирь, — я никакъ не могла понять, почему тѣ же самые аргументы, которые я уже слыхала отъ Стрелицкаго, показались мнѣ гораздо болѣе убѣдительными, когда вы повторяли ихъ мнѣ, и я только сейчасъ сообразила, что эта странность объясняется просто тѣмъ, что онъ носить бѣлый таларъ при видѣ котораго у меня является невольное недовѣріе къ его словамъ и желаніе дать ему самый энергичный отпоръ.

— Но и я тоже ношу бѣлый таларъ — возразилъ Рафаэль, съ дружеской улыбкой взглянувъ на свою собесѣдницу.

— У васъ это не торговая вывѣска, — горячо замѣтила Есфирь. — Но я все забываю, что Стрелицкій вамъ другъ; теперь же общаю вамъ не задѣвать его больше. Проповѣди его, дѣйствительно, неподражаемы, и надо отдать ему справедливость въ томъ, что онъ употребляетъ все, зависящее отъ него, къ одухотворенію еврейства.

— Въ одухотворенію еврейства! — повторилъ Рафаэль, видимо задѣтый за живое. — Но, вѣдь, теоретическая его задача всегда состояла и состоитъ до сихъ поръ въ одухотвореніи матеріи.

— А практическая его задача всегда состояла и состоитъ въ матеріализаціи духа.

Молодой человекъ ничего не отвѣтилъ и въ какомъ то грустномъ раздумьи опустилъ голову внизъ.

— Вы жили въ возвышенномъ мѣрѣ науки, а мнѣ приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу съ самыми возмутительными фактами грубой дѣйствительности,—продолжала Есфирь. — Видите ли, я родилась въ гетто, гдѣ я была окружена картинами самой сирадной и принижающей нищеты; поэтому, когда вы заговорили сегодня о возвышенной миссиі израильскаго народа, то ваши слова, вмѣсто сочувствія, возбудили во мнѣ что то въ родѣ ироническаго смѣха и безсильнаго озлобленія.

— Повѣрьте мнѣ, что Богъ не безъ дѣла посылаетъ людямъ страданія,—чуть слышно проговорилъ Рафаэль. — Пути Его мудры, хотя и испостижны для насъ.

— Трудно судить на сколько они мудры,—съ горечью возразила Есфирь. — Но увольте меня, пожалуйста, отъ избитыхъ фразъ à la Стрелицкій. Я видѣла такъ много горя вокругъ себя.

— И сами, вѣроятно, ужъ испытали его?—спросилъ Рафаэль, съ кроткой грустью взглянувъ на свою собесѣдницу.

Есфирь утвердительно кивнула головой.

— Если бы вы знали только всю мою жизнь! — порывисто отвѣтила она.

— Расскажите мнѣ ее, пожалуйста,—съ сердечнымъ участіемъ сказалъ Рафаэль. Его прямая и любящая душа, видимо стремившаяся на встрѣчу къ ея душѣ, пыталась разрушить преграду условныхъ приличій, отдѣлявшую ихъ другъ отъ друга.

— Нѣтъ, право, не могу,—въ волненіи прошептала Есфирь. — Лучше когда-нибудь въ другой разъ. Это такая длинная исторія.

— Ну, расскажите хоть немножко, хоть что-нибудь изъ вашей жизни,—упрашивалъ Рафаэль.

Есфирь принялась такъ просто и довѣрчиво рассказывать грустную повѣсть своихъ дѣтскихъ лѣтъ, какъ будто слушатель ея былъ не посторонній, но самый близкій ей человекъ. Въ чемъ

заключалась тайна той задумчивости, которая такъ быстро возникла и установилась между молодыми людьми? Въ расовой-ли славности, или же въ неудержимомъ влеченіи двухъ родныхъ душъ, сближающихся, несмотря ни на какія кажущіяся различія? Трудно рѣшить.

— Ну, слушайте же, — начала Есфирь. — Только вы, какъ человѣкъ, родившійся и выросшій при совершенно другихъ условіяхъ, пожалуй, не въ состояніи будете даже и представить себѣ той мрачной обстановки, при которой протекло мое дѣтство. Я рано лишилась матери, а отецъ мой былъ чужій выходецъ изъ Россіи, постоянно гонимый за работой, которую благое Провидѣніе очень рѣдко посылало ему. Старшій мой братъ, мальчишескія блестящія способности, умеръ на тринадцатомъ году, но на насъ попоченіи остались еще младшіе братья и сестры и больная бабушка. И всѣ мы почти постоянно голодали и мерзли въ нѣжной желтой кофурѣ, находившейся на самомъ чердакѣ.

Лицо молодой дѣвушки отуманилось глубокой грустью отъ этихъ мрачныхъ воспоминаній, и она невольно оглянулась кругомъ, какъ бы мысленно сравнивая прежнее свое жилище съ просторной и свѣтлой гостиной, въ которой она сидѣла теперь и которая поражала низкканной роскошью своего убранства.

— Воображаю себѣ, что выстрадали вы тогда! — прошепталъ Рафаэль.

— Стрѣльчикъ тоже жилъ тогда на нашей улицѣ и зарабатывалъ себѣ средства въ жизни, служа комиссіонеромъ при какой-то табачной фабрикѣ, — продолжала Есфирь. — Мнѣ казалось иногда, что онъ умышленно избѣгаетъ встрѣчаться со мной глазами, потому что помнить меня, и знаетъ, что и я тоже хорошо помню его; а въ другой разъ мнѣ приходило въ голову, что онъ, должно быть, инстинктивно чувствуетъ, что я не совсѣмъ довѣряю искренности того, что онъ проповѣдуетъ съ кафедръ. Но вы такъ горячо заступаетесь за него, что мнѣ приходится отказать отъ своихъ предположеній, хотя мнѣ все-таки кажется страннымъ,

что онъ какъ будто боится смотрѣть мнѣ въ лицо. Время между тѣмъ шло, и я подросла, хохляничая въ домѣ и ежедневно посѣщая школу, гдѣ мнѣ удалось, наконецъ, получить денежную награду за прилежаніе и успѣхи, назначенную м-сье Генри Гольдсмитъ, которая съ тѣхъ поръ начала обращать на меня особенное вниманіе. Въ тринадцать лѣтъ я сдѣлалась школьной учительницей, что давно уже было самой завѣтной моею мечтой; но когда она осуществилась, то я почувствовала себя еще болѣе несчастной, потому что ясно увидала, что мнѣ никогда не удастся избавиться отъ тисковъ нужды. Я лишена была всякой возможности одѣваться такъ прилично, какъ то необходимо было, чтобы внушить къ себѣ подобающее уваженіе моихъ ученицамъ и товарицамъ по профессіи. Занятія съ ученицами были до нелзя скучны и утомительны. Востольковыя школьницы были, въ добавокъ, лѣнивы и непослушны. Мнѣ пришлось преподавать ветхозавѣтную исторію, а я не вѣрила ни въ одно изъ тѣхъ чудесъ, о которыхъ повѣствуется въ ней. Да и никто изъ насъ не вѣрилъ ни въ говорящаго змія, ни въ казни египетскія, ни въ геркулесовскіе подвиги Самсона, ни въ баснословныя приключенія пророка Іоны, поглощеннаго китомъ. Все, окружавшее меня, было какъ-то бессмысленно и ничтожно, тогда какъ я жаждала разумнаго и полезнаго труда и страстно желала учиться. Однимъ словомъ, я была невыразимо несчастна. Дома дѣла шли все хуже и хуже; мнѣ зачастую приходилось служить единственной опорой для всей нашей семьи и пребывать все какъ на тѣ нѣсколько шиллинговъ въ недѣлю, которые я получала въ школѣ. Второй мой братъ, Соломонъ, хотя былъ ужъ большимъ мальчикомъ, но не могъ пристроиться ни къ какому дѣлу безъ нарушенія субботняго дня. Если бы вы знали только, какинъ тяжелнмъ бременемъ тяготѣетъ этотъ субботній Молдохъ надъ судьбой нашей молодежи, то навѣрно не стали бы такъ горячо отстаивать идею о нашемъ отчужденіи отъ прочихъ націй. Трудно передать также, съ какинъ негодованіемъ я смотрѣла, какъ мой отецъ ежедневно возмалалъ

свои смиренные молитвы къ небесамъ, не взирая на то, что голосъ его всегда оставался—голосомъ возмущеннѣ въ пустынѣ.

Рассказъ молодой дѣвушки такъ поразилъ ея слушателя, что онъ не рѣшился уже возвращать ей, и когда она остановилась, то она порывисто произнесла только:

— Продолжайте, пожалуйста.

— Больше мнѣ нечего рассказывать. М-съ Генри Гольдсмитъ была для меня настоящей благодѣтельной феей и произвела полный переворотъ въ моей судьбѣ. Не имѣя собственныхъ дѣтей, она рѣшилась сдѣлать меня своей пріемной дочерью. Я, разумеется, была просто ослѣплена такимъ счастьемъ, и меня мучила только мысль бросить на произволъ судьбы моихъ братьевъ и сестеръ. Но м-съ Генри Гольдсмитъ повела дѣло очень энергично и, вступивъ въ переговоры съ моими отцомъ, убѣдила его переселиться въ Америку со всей семьей, вызвавшись доставить ему тамъ работу у одного изъ ея родственниковъ, проживающаго въ Чикаго. Она опасалась, должно быть, слишкомъ частыхъ посѣщеній членовъ моей многочисленной семьи. Сначала я, конечно, была очень огорчена разлукой съ ними, но потомъ успокоилась и была даже очень рада, что избавилась отъ нихъ, въ особенности отъ отца. Я знала, что это далеко не говоритъ въ мою пользу, но теперь я могу покаяться въ прежнемъ моемъ малодушіи и мелочности, потому что познала, что въ жизни все суета суетъ. Мнѣ казалось, что передо мной открылись двери рая; я училась у лучшихъ учителей и имѣю аттестатъ на ученую степень отъ лондонскаго университета; я путешествовала по континенту и любовалась красотами природы и произведеніями искусства; однимъ словомъ, судьба дала мнѣ не мало минутъ эстетическаго наслажденія и осуществила всѣ мои ребяческія иллюзіи; но, увы, я все таки далеко не считаю себя счастливой. Мнѣ завидуютъ всѣ мои школьныя подружки, а мнѣ кажется иногда, что я, пожалуй, безъ сожалѣнія отказалась бы отъ своего привилегированнаго положенія и вернулась бы къ прежней трудовой и голодной жизни.

— Значитъ, въ вашей жизни все таки есть нѣкоторые пробѣлы и недочеты?—съ дружескимъ участіемъ спросилъ Рафаэль.

— Нѣтъ, я просто, должно быть, жалкая и ничѣмъ недовольная мечтательница,—съ грустной усмѣшкой проговорила Есфирь.— Смотрите на меня, какъ на ходячій психологическій парадоксъ, который могъ бы послужить прекрасной темой для преподѣлника.

— А Голдсмитъ знаетъ о вашемъ недовольствѣ жизнью?

— Унаси Богъ! Я очень цѣню ихъ доброту ко мнѣ и захожусь въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ ними. Вѣдь, мы никогда не вступаемъ въ разсужденіе о религіи и только изрѣдка обмѣниваемся замѣчаніями о богослуженіи и о преподѣлкахъ.

— Ну, а какъ же устроились ваши родные въ Америкѣ?

— Ихъ, кажется, не дурно живетъ тамъ. Соломонъ, несмотря на свою молодость, занимается уже торговыми предпріятіями и обнаруживаетъ удивительную расторопность и практическую сметливость. Папа сдѣлался столпомъ еврейской общины въ Чикаго; во онъ и въ Америкѣ не научился нѣстному нарѣчію и до сихъ поръ продолжаетъ объясняться на томъ же самомъ жаргонѣ, на какомъ говорилъ и въ Англій. Я жарочно подкидываю иногда старинныя еврейскія книжки, чтобы послать ихъ въ подарокъ ему, зная, какъ дорого онъ цѣнитъ такіе пріятные сюрпризы. Одна изъ моихъ сестранокъ пишетъ очерки съ натуры, а другая только что вышла изъ школы и ведетъ теперь все хозяйство. У меня все чаще и чаще является желаніе повидаться съ ними и поѣхать къ нимъ въ гости.

— И бабушка ваша тоже переселилась въ Америку?

— Нѣтъ, она, бѣдняжка, умерла ровно за годъ до счастливой переѣзды въ нашей судьбѣ и была погребена на счетъ благотворительнаго общества. Она была очень больна и ослаблена, но какъ ни доказывалъ ей докторъ, что ей не слѣдуетъ постыться въ День Очищенія, она ни за что не хотѣла отстунить отъ своего правила и не соглашалась омочить даже каплей холодной воды свои запекшіяся губы. Умирая, она закликала пану остерегаться

супружескихъ съѣтъ, разставляемыхъ ему, будто бы, нашей сосѣдской, и-съ Симонъ, и непременно жениться на богобогазешной польской еврейкѣ.

— Чтожь, исполнилъ онъ ея благой совѣтъ?

— Нѣтъ, я такъ и осталась сиротой... Поправьте бантъ на вашемъ таларѣ,—онъ съѣхалъ совсѣмъ на сторону.

— Онъ постоянно съѣзжаетъ съ своего мѣста, — отвѣтилъ Рафаэль, небрежно передергивая плечомъ и еще больше сдвигая бантъ на сторону.

— Нѣтъ, ужъ лучше я сама поправлю его. Такъ, кажется, хорошо. Ну, теперь ваша очередь разсказывать мнѣ свои приключенія.

— Въ сожалѣнiю, я долженъ предупредить васъ, что мои приключенія далеко не такъ интересны и романчны, какъ ваши,— съ улыбкой отозвался Рафаэль.—Я родился въ богатой и почтенной семьѣ, предки которой давно уже выселились въ Англiю. Дѣтство мое прошло, разумѣется, при самыхъ счастливыхъ условiяхъ, и я своевременно поступилъ сначала въ колледжъ, а потомъ въ оксфордскiй университетъ. Вотъ и все, что я могу разсказать о себѣ. Я еще мальчишкой бывалъ иногда въ гетто, гдѣ жилъ тогда одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ ученыхъ, Габриэль Гамбургъ, переселившiйся теперь въ Стокгольмъ. Я завелъ съ нимъ переписку о еврейской литературѣ еще до знакомства съ нимъ, а по выходѣ изъ колледжа, послѣшилъ завязать съ нимъ и личныя сношенiя. Благодаря ему, мнѣ удалось даже присутствовать при основанiи лиги Св. Земли, председателемъ которой состоитъ теперь Гедсонъ, нашъ представитель въ парламентѣ. Я въ первый разъ увидалъ тогда Стрелицаго, который прованесъ на этомъ митингѣ такую патристическую рѣчь, что растрепалъ меня просто до слезъ. Тутъ же я познакомился еще съ однимъ изъ нашихъ поэтовъ, Пинхасомъ, талантъ котораго, въ сожалѣнiю, загубленъ былъ нищетой. У меня до сихъ поръ хранится сборникъ его стихотворенiй, только что появившiйся тогда

въ печати, подъ заглавіемъ—*Пламя Мематрона*. А вы еще увѣряете, будто у насъ нѣтъ и не можетъ быть людей съ поэтическимъ дарованіемъ,—вотъ вамъ живое опроверженіе вашего мнѣнія. Съ тѣхъ поръ я не прерывалъ своихъ сношеній съ гетто, а въ послѣднее время очень часто бывалъ тамъ.

— Но вѣдь вы, надѣясь, не принадлежите къ числу нашихъ патриотовъ, мечтающихъ о возвращеніи евреевъ въ Палестину?

— Напротивъ, это самое завѣтное мое желаніе. Почему же мы обречены на существованіе безпріютныхъ скитальцевъ?

— Но вы представьте себѣ только, какой хаосъ произошелъ бы въ Палестинѣ, если бы наши разнохарактерныя гетто стеклись туда со всѣхъ концовъ вселенной. Всѣ, по старой поговоркѣ, „захотѣли бы быть посланниками въ Парижъ“.

— Такія сложныя задачи предоставляются обыкновенно на разрѣшеніе государственныхъ людей, которыя, разумеется, нашлись бы и у насъ. Вѣдь и протестантская Англія тоже состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ—изъ диссидентовъ, клерикаловъ, атеистовъ, простолюдиновъ, аристократовъ, философовъ и пр. А такъ какъ публика совершенно игнорируетъ тотъ фактъ, что типы англійскихъ евреевъ такъ же разнообразны, какъ и типы англійскихъ протестантовъ, то такія одностороннія произведенія, какъ *Мардохей Джозефсъ*, дѣйствительно, причиняютъ намъ существенный вредъ.

— Но, вѣдь, авторъ этого произведенія, вѣроятно, не задавался такой сложной задачей, какъ воспроизведеніе еврейской жизни во всѣхъ ея видахъ, а хотѣлъ изобразить только частицу ея. Неужели же евреи въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что они представляютъ какое то исключеніе изъ общаго правила, и что имъ совершенно чужды такіе пороки, какъ лицемеріе, чванство, мелочность и прочія некрасивыя черты, свойственныя даже самымъ цивилизованнымъ націямъ. Нѣтъ, англійское общество гораздо разумнѣе нашего въ этомъ отношеніи, потому что оно не только

не претендовало на Теккерея за то, что онъ безошибочно осмѣивалъ его недостатки, но оказывало ему напротивъ величайшее уваженіе.

— Въ литературномъ произведеніи нельзя игнорировать совершенно чувство читателя, а тамъ, гдѣ царятъ закоренѣлыя предразсудки, отъ самой ничтожной причины можетъ произойти переполохъ. Кроме того, англійское общество находится въ такомъ положеніи, что можетъ безопасно смѣяться надъ тѣмъ, что у еврейскаго общества вызоветъ, пожалуй, слезы. Поэтому то наши газеты и выражаютъ такъ горячо свою благодарность христіанамъ, когда они отзываются о насъ съ похвалою. Конечно наше общество было бы не въ правѣ претендовать на автора *Мордохея Джозефса*, если бы онъ воспронизвалъ въ своей книгѣ обыкновенныхъ евреевъ—и дурныхъ и хорошихъ, — но такъ какъ онъ вывелъ на сцену только дурныхъ, то христіанская публика можетъ принять ихъ за преобладающій у насъ типъ.

— Значить, вы тоже раздѣляете общее мнѣніе объ этой книгѣ?—тономъ наивнаго сожалѣнія спросила Есфирь.

— Я говорю вообще, такъ какъ не читала ея и не могъ составить о ней никакого опредѣленнаго мнѣнія. А вы читали ее?

— Да, читала.

— Какое же впечатлѣніе она произвела на васъ? Вы почему то ни слова не сказали объ этомъ за обѣдомъ.

Молодая дѣвушка съ сосредоточеннымъ видомъ опустела голову внизъ.

— Я прочла ее съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтила она, наконецъ,—и признаюсь вамъ, была о ней самаго выгоднаго мнѣнія до тѣхъ поръ...

И она, не кончивъ фразы, вдругъ замолчала. Рафаэль продолжалъ молча и вопросительно смотрѣть на интеллигентное лицо своей собесѣдницы, на которомъ виднѣлись слѣды какаго то внутренняго колебанія.

— До тѣхъ поръ, — съ внезапной рѣшимостью повторила Есфирь, — пока не встрѣтилась съ вами.

На открытомъ и симпатичномъ лицѣ молодого человѣка мелькнуло чувство самой искренней и живой радости.

— Вы серьезно говорите это? — робко спросилъ онъ.

— Совершенно серьезно. Разговоръ съ вами выяснилъ для меня то, до чего я сама не могла додуматься, и навелъ меня на новыя мысли.

— Но я не сказала, кажется, ровно ничего интереснаго, — простодушно замѣтилъ Рафаэль, — и нахожу, что скорѣе вы навели меня на новыя мысли.

Смутное личико молодой дѣвушки покрылось яркимъ румянцемъ, большіе глаза ея какъ то особенно оживились и засверкали, на губахъ появилась улыбка, и она вдругъ сдѣлалась такая хорошенькая, что на нее можно было просто залюбоваться.

— Ну, ужъ этого никакъ не можно быть, — весело проговорила она. — Вѣдь, вы читали и думали навѣрно вдвое больше меня.

— Въ такомъ случаѣ, васъ никакъ нельзя назвать черезъ чуръ начитанной и глубокомысленной особой, — шутиливо возразилъ Рафаэль. — Но я могу сказать только то, что я очень и очень радъ, что мнѣ удалось познакомиться съ вами. Мнѣ предлагать редактировать новую еврейскую газету, и разговоръ съ вами выяснилъ для меня отчасти вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ повести это дѣло, чтобы оно принесло хотя частицу пользы. Право, я отъ души благодаренъ вамъ за это.

— Вы собираетесь издавать новую газету? — переспросила сильно заинтересованная Есфирь. — Но у насъ, кажется, и такъ довольно ихъ. Съ какою же именно цѣлью вы хотите издавать ея?

— Чтобы обратить васъ въ еврейство, — полушутливо, полусерьезно отвѣтилъ Рафаэль.

— Значить, вы намѣреваетесь заставить молотомъ, чтобы

расколоть орѣхъ, или хотите уподобиться нѣбесному чудачу, снанившему свой домъ, чтобы изжарить синицы. Чтожь—это дѣло! А если я не стану даже и заглядывать въ вашу газету, то вы съ горы, вѣроятно, сейчас же запросте се!

Рафаэль весело засмѣялся.

— О какой это новой газетѣ вы тутъ рассуждаете?—съ благодушной улыбкой спросила миссъ Генри Гельденитъ, неожиданно подойдя въ молодой парочкѣ.—Ужь не стовариваетесь ли вы издавать вѣстѣй какую-нибудь газету? Я замѣчаю, что вы дѣлаете вечеръ секретничать тутъ, въ углахъ. Впрочемъ, птицы одного полета всегда щебечутъ и перкаютъ вѣстѣй. Знаете, м-ръ Леонъ, вѣдь моя Есфирь настоящая ученая женщина, — у нея нѣбось аттестатъ на ученую степень отъ лондонскаго университета. Мнѣ хотѣлось, чтобы она не останавливалась бы на этомъ, а продолжала бы идти все впередъ и впередъ на поприщѣ науки; но докторъ сказалъ, что ей необходимо отдохнуть немножко. — И мнѣ ласково погладила свою воспитанницу по головѣ.

Есфирь въ смущеніи опустила глаза внизъ.

— Значитъ, миссъ Ансель состоитъ въ званіи бакалавра?—съ улыбкой спросилъ Рафаэль, выслушавъ съ почтительнымъ вниманіемъ любезную хозяйку дома.

— Да, но я надѣюсь, что мы не останемся на этомъ, — возразила миссъ. — Кстати, душа моя, спой намъ одну изъ твоихъ прелестныхъ пѣсенокъ: наши гости умирають отъ желанія послушать твое пѣніе.

— Ну, умирать отъ желанія послушать такую пѣвицу, какъ я, пожалуй, не стоитъ,—съ усмѣшкой протворила Есфирь.—Я, вѣдь, пою только для собственнаго развлеченія.

— А теперь спойте, чтобы доставить удовольствіе всемъ вообще, а мнѣ въ особенности,—упрашивалъ Рафаэль.

— Вѣрите, чтобы доставить вамъ случай посмѣяться,—отозвалась Есфирь.—Я увѣрена, что вы невольно засмѣетесь, когда

услышите, какъ я аккомпанирую себя. Вѣдь, музыка требуетъ упражненія съ дѣтскихъ лѣтъ...

...А вы знаете, что мнѣ было не до музыкальныхъ упражненій въ дѣтствѣ,—досказала ея краснорѣчивый взглядъ, который отично понять былъ ея новымъ другомъ.

Она подошла къ фортепiano и заигла какую то балладу свонитъ, хотя и не звучнымъ, но очень пріятнымъ и хорошо обработаннымъ сопрапо. Незатѣйливая, но глубоко трогательная мелодія, проникнутая какой то невыраимой грустью, чрезвычайно понравилась Рафаэлю, которому никогда еще не приходилось слышать такого надрывающаго душу пѣнія, какъ скорбно поелии сыновъ завѣта, или зауивные мотивы Фани Бельковичъ. Имъ овладѣло чувство какой то безотечной сладостной грусти, и ему ничего не хотѣлось такъ въ эту минуту, какъ остаться наединѣ съ своими думами; но м-съ Генри Гольдсмитъ, въ качествѣ любезной и внимательной хозяйки, не допустила его до этого и, занявъ освободившееся возлѣ него мѣсто, начала развлекать его пріятной бесѣдой.

— Не правда ли, какъ мило поеть моя Есфирь? — вполголоса говорила она. — И замѣтите, какъ музыка, такъ и слова пѣсни—собственного ея сочиненія. Мнѣ хотѣлось, чтобы это было напечатано,—она у меня такая застѣнчивая и скромная. Ну, можно ли подумать, что эта интеллигентная и талантливая дѣвушка — дочь нищаго эмигранта? Право, это настоящая жемчужина, которую мнѣ посчастливилось найти въ сору. Кстати, если вы дѣйствительно предполагаете издавать газету, то она можетъ быть чрезвычайно полезна для васъ. Кроме того, вы можете рассчитывать также на сотрудничество миссъ Сиззи Левинъ. Это замѣчательно даровитая писательница, и я просто зачитываюсь ея прелестными повѣстями для семейнаго чтенія. Да, намъ очень и очень нуженъ новый печатный органъ, и я смотрю на васъ, какъ на единственнаго человѣка изъ всей нашей общины, который смѣло можетъ взять на себя роль руководителя своихъ единовѣрцевъ.

Видь вы, не правдѣ сказать, только кричите о нашей образованности, но въ сущности, всё до насъ неизвѣстности и ровно ничего не знаете ни о нашей религіи, ни о нашей литературѣ.

— Очень радъ, что вы сознаете одну изъ самыхъ существенныхъ потребностей нашего общества, — отвѣтилъ Рафаэль, который вдругъ встревожился и, схваченный радостнымъ сознаніемъ, что ему встрѣтился живая душа, жаждущая свѣта и истины, съобщи́тъ подробности о Каффи.

— Да, я глубоко сознаю эту потребность, — съ жаромъ продолжала Инвяди. — Каково же направленіе вы будете держаться — либеральнаго?

Рафаэль съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, это будетъ органъ правобѣрной партіи, на сунки которой онъ и будетъ издаваться, — сдержанно проговорилъ онъ.

Выразительно глаза Инвяди еще больше сжались и за-сверкали:

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! — съ увлеченіемъ повторила она. — Дѣло, видите ли, въ томъ, что такъ какъ враждебная намъ партія забрала всю прессу въ свои руки, то у меня явилось опасеніе, какъ бы и вы, по примѣру нашей передовой молодежи, не заразились бы современными тенденціями и не задумали проводить такія же идеи, какія проповѣдуются въ нашихъ либеральныхъ газетахъ, и отъ души рада, что ошиблась въ этомъ отношеніи. Наконецъ то и наша смиренная партія правобѣрныхъ евреевъ будетъ имѣть собственный голосъ. А на какомъ же языкѣ будетъ издаваться эта газета — на англійскомъ?

— Я полагаю, что такъ, если только я сбуду вести газету на этомъ языкѣ, — съ вѣжливой улыбкой стовался Рафаэль.

— Вы не поняли меня. Я спросила объ этомъ только потому, что наши народныя изданія печатаются обыкновенно на жаргонѣ, такъ какъ большинство нашихъ правобѣрныхъ евреевъ, кажется, не умѣетъ даже и читать по англійски. А можно ли надѣяться на успѣшное распространеніе проектируемой газеты?

... — Между истъ-свѣдѣннѣмъ извѣстнѣмъ можно насчитать цѣлыя тысячи еврейскихъ семействъ, свободно читающихъ не англійски, а вечернія газеты: расходятся тамъ въ немалыя количества, чѣмъ въ другихъ частяхъ Лондона.

— Bravo! — вскричала младая, восторженно закрывъ руками.

Есфирь какъ разъ въ эту минуту допѣла свою пѣсенку, и Рафаэль снова вспомнилъ о ней; но она не вернулась на прежнее свое мѣсто, а присѣла на табуретъ, возлѣ Адди, которая то смѣялась, то слегка хмурилась, прилуниваясь въ парадоксальныя обротанъ и шутканъ своего наугомоннаго кузена.

Взглянувъ на свою новую знакомую, Рафаэль былъ такъ пораженъ какими то страдальческими и разъяренными выраженіями ея лица, что у него несколько мелькнула мысль, ужъ не усилится ли ея головная боль. Теперь она совсѣмъ не казалась хорошею и походила на слабенькое, робкое созданіе, съ грустными и задумчивыми глазами, не имѣющее ровно ничего общаго съ тѣмъ веролюбимъ обществомъ, въ которомъ оно находилось. — „Вѣднѣжка!“ — подумалъ Рафаэль, продолжая слѣдить за ней съ такимъ теплымъ участіемъ, какъ будто они были знакомы цѣлыя годы. Но она казалась до такой степени чуждой всему, что окружало ее, что онъ начиналъ сомнѣваться даже въ томъ, что онъ самъ можетъ проникать въ ея внутренній міръ. Онъ горячо желалъ быть хоть чѣмъ нибудь полезнымъ ей, и давалъ себѣ слово употребить все зависящее отъ него къ тому, чтобы измѣнить ея ирраціи взглядъ на жизнь, направивъ ея мысли въ болѣе свѣтлую сторону.

Передъ развѣдомъ гостей, буфетчикъ внесъ въ комнату подносъ съ разставленными на немъ стаканами глинтвейна. Рафаэль не безъ удовольствія вынулъ стаканъ этого живительнаго напитка, который долженъ былъ предохранить его отъ ночного холода. Онъ чувствовалъ также потребность выкурить трубку, которую онъ всегда носилъ въ карманѣ своего пальто, и рассчитывалъ удовлетворить свое желаніе тотчасъ же, какъ очутится на улицѣ. Про-

жалась съ Есофиромъ, оны друженно помагъ ей руку, и съ добръчивою улыбкой сказало:

— Надѣйся, что ны часто будемъ встрѣчаться теперѣ!

— Разуиѣтся, — возразила Есофиръ. — Катати, занесите меня, пожалуйста, въ число гостиницъ на вашу будущую гасету.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — горячо отвѣчала Рафаэль.

— Что такое? — съ любознательномъ спросилъ его Сидней. — Да ты, кажется, ужъ вербуешь подиличниковъ на свою гасету? Ну, другъ мой, ты обнаруживаешь такіе практичскіе таланты, какіхъ я и не подозрѣвалъ въ тебѣ.

Тавъ какъ Адди заявила, что она рѣшительно не въ состояніи идти пѣшкомъ, то ей кавалеръ вывезался довести ее до дома на извозникѣ.

— Я просто умиравъ отъ усталости, — жаловалась молодая дѣвушка, усаживаясь въ экипажъ. — Вѣдь, я всю ночь протанковала иксамуиѣ и почти весь день была на ногахъ. Рафаэлю, конечно, все не почемъ, потому что онъ, кажется, и не чувствуетъ даже, на чемъ онъ ходитъ — на ногахъ, или на головѣ. Да приподними же воротникъ у пальто, Рафаэль.. Нѣтъ, не такъ — ахъ, какой ты, право, неловкій! Отчего ты не надѣлъ шарфа, который я нарочно связала для тебя, чтобы ты не простужалъ себѣ горло? Сидней, дай ужъ ему хоть твой шарфъ дойти до дома.

— Какъ это мило! — проворчалъ Сидней, прикидываясь обиженимъ. — А если я схвачу воспаленіе легкихъ, которое унесетъ меня къ праотцамъ, то, по твоему, туда нѣтъ и дорога? Мнѣ, вѣдь, придется еще сегодня отличиться на танцевальномъ вечерѣ, на который я отправлюсь сейчасъ же, какъ доведу тебя до дому. Ну, да ужъ Богъ съ тобой! Лови мой шарфъ, Рафаэль, а то онъ, пожалуй, упадетъ въ грязь... Или, садись ка лучше къ намъ въ кабриолетъ, тутъ и для тебя найдется мѣсто, — Адди можетъ сѣсть ко мнѣ на волѣни. А превеселое у насъ нынче Рождество. Тра-ла-ла!

Рифазиль, молча, закуривъ трубку и быстро зашагалъ по тротуару своими длинными ногами. Ночь была холодна и морозная, но тихая, и отсутствіе лондонскія улицы и скверы казались точно посеребренными фосфорическимъ свѣтомъ луны.

— Тебѣ нѣра спать, дума моя, — ласково замѣтила Эдфиги и-съ Генри Гольдсмитъ, проводивъ своихъ гостей и подойдя къ молодой дѣвушкѣ, которая все еще сидѣла въ загѣ, погруженная въ глубокое раздумье. — У тебя такой усталый и болѣзненный видъ.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, и-съ Генри Гольдсмитъ подарилъ ея самой милой улыбкой, разсѣлавшей воѣ его сомнѣнія на счетъ того, не провинился ли онъ какъ нибудь, хотя бы: противъ кодекса свѣтскихъ приличій, и убѣдившей его, что на этотъ разъ поведеніе его признано вполне безупречнымъ.

— Ну, кажется, все было, какъ слѣдуетъ, — самодовольнымъ тономъ проговорила миссиди, которая была такъ эффектна въ этотъ вечеръ въ своемъ декольтированномъ нарядѣ, позволявшемъ любоваться ея античнымъ бюстомъ, что ее можно было назвать настоящей красавицей.

— Еще бы! Надѣюсь, что нашъ обѣдъ былъ вполне достоинъ нашихъ гостей, — весело отозвался и-ръ Генри Гольдсмитъ, поворачиваясь спиной къ растолченному камню и съ благодушнымъ видомъ приподнимая фалды своего фрака передъ его живительнымъ пламенемъ. Невзрачное его лицо, обтянутое грубой и жесткой кожей, такъ засияло и сіяло отъ счастья, какъ хорошо вычищенная лампа. — Клецки и прочія кушанья были превосходно приготовлены. Право, наша Мери стряпцаетъ лучше всякаго французскаго повара.

— Да, я просто не понимаю, какъ это она ухитряется такъ мастерски готовить обѣдъ безъ масла, — замѣтила и-съ Генри Гольдсмитъ. — Но я, впрочемъ, думаю не объ обѣдѣ и не о гостяхъ, которые присутствовали на немъ, — меня занимаетъ въ эту минуту гораздо болѣе важный вопросъ, — съ многозначительнымъ видомъ продолжала миссиди. Мужъ вопросительно взглянулъ на

нос.— Скажи немедленно, Генри, хотѣлось ли бы тебѣ сдѣлаться членомъ парламента?

— Членомъ парламента! — проборнотала и-ръ Генри Гольд-смитъ, съ изумленіемъ взглянувъ на жену.

— Ну, да. Я давно уже подумываю объ этомъ.

Лицо почтеннаго джентльмена омрачилось.

— По моему, это непрактично, — проговорилъ онъ, уныло опуская внизъ свою искоренную голову, съ непомерно длинными ушами.

— Непрактично! — съ отънесенъ раздраженія повторила иже-людя. — Право, Генри, я не могу понять твоей апатичности. Неужели же ты, съ твоими способностями, остановившись на полдорогѣ къ той блестящей карьерѣ, которая открывалась передъ тобой? Непрактично! Не то же ли самое ты повторялъ цѣлые годы тому назадъ, когда мы жили еще въ провинціи, и когда я доказывала тебѣ, что ты долженъ непременно сдѣлаться председателемъ тамошней синагоги? Ты увѣрялъ тогда, что старикъ Финкельштейнъ такъ долго занималъ предсѣдательскій постъ, что конгрегациа ни въ какомъ случаѣ не рѣшится смѣнить его. Я же, напротивъ, была твердо убѣждена, что ты, какъ англійскій еврей, отлично владѣющій этимъ языкомъ, имѣлъ полное право занимать самое видное мѣсто въ провинціальной конгрегации, состоявшей изъ какой то жалкой смѣси иностранныхъ евреевъ. А потомъ, когда этотъ бѣднякъ, Финкельштейнъ, такъ отличился, сказавъ, вмѣсто годовщины исхода — университетъ исхода (*university* вмѣсто *anniversary*), и когда я подвела его на смѣхъ во всѣхъ высшихъ кругахъ, — то и вышло по моему. Наконецъ, и въ послѣдніе годы, когда мы, переселившись въ Лондонъ, превратились вдругъ изъ провинціальныхъ магнатовъ въ самыхъ маленькихъ столичныхъ буржуа, — развѣ ты не опускалъ руки въ малодушномъ уныніи и не говорилъ, что намъ не удастся больше подняться на вершину общественной лѣстницы?

— Это казалось тогда совершенно невозможнымъ, — робко замѣтилъ м-ръ Генри Гольдсмитъ.

— Можетъ быть, и я, пожалуй, допускаю, что твои шансы попасть въ палату общинъ, дѣйствительно могутъ показаться теперь сомнительными. Но замѣть, что прежде тебѣ еще труднѣе было прокладывать себѣ дорогу къ общественнымъ почестямъ, потому что синагогальные посты все были заняты, и для тебя закрыты были, повидимому, всякіе доступы въ совѣтъ, гдѣ ты могъ встрѣчаться съ нашими магнатами.

— Но ты забываешь, душа моя, что я могъ безъ особеннаго труда доказать представителямъ соединенной синагоги, что открытіе новой синагоги составляло одну изъ самыхъ вошедшихъ потребностей Бенсингтонскаго населенія; доказать же англійскому правительству, что назначеніе въ парламентъ новаго члена необходимо для благополучія страны, — немисленно.

Въ голосѣ почтеннаго совѣтника слышалось сдерживаемое раздраженіе. Вообще, онъ хотя и не чуждъ былъ честолюбивыхъ стремленій, но какъ человекъ крайне осторожный и даже робкій отъ природы, нуждался, чтобы эти стремленія поддерживались въ немъ болѣе сильной волей.

— Разумѣется. Но можно будетъ придумать какую нибудь другую комбинацію, — съ загадочной улыбкой проговорилъ м-съ Генри Гольдсмитъ. — Ужъ ты положи се во всея на меня, Генри, и главное — не теряй надежды на успѣхъ. Вспомни, какихъ блестящихъ результатовъ мы достигли въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ при самыхъ незначительныхъ денежныхъ затратахъ. Ты сдѣлался всѣми уважаемымъ представителемъ Бенсингтонской синагоги, съ присвоеннымъ твоему званію титуломъ „сера“, — главой самой феменобельной конгрегациі въ Лондонѣ, членомъ совѣта англо-еврейской ассоціациі и однимъ изъ почетныхъ сотрудниковъ общества *Schechitah* (скотобоевъ). Я тоже занимаю не послѣднее мѣсто въ нашихъ филантропическихъ учрежденіяхъ и учебныхъ комитетахъ; не говоря уже о томъ, что мнѣ посчастливилось отга-

даже задати талантливой натуре въ одной дѣвочкѣ, общающей составить себѣ имя въ литературномъ или въ музыкальномъ мѣрѣ. Мы пользуемся въ обществѣ репутаціей богатыхъ, просвѣщенныхъ и гостеприимныхъ людей, навивающихъ ровно ничего общаго съ тѣмъ жалкимъ и тонкимъ людомъ, вторичъ воспроизведенъ въ повѣсти Армитэджа. Къ какому кругу принадлежатъ наши друзья и знакомые? Ну, вотъ, хотя бы сегодня — кто былъ у насъ на обѣдѣ? Даровитый художникъ и блестящій ексфордецъ, оба представители одной изъ самыхъ почтенныхъ и богатыхъ еврейскихъ фамилій; затѣмъ, известная писательница, посвящающая свои произведения (съ предварительнаго, впрочемъ, разрѣшенія) самымъ вліятельнымъ семействамъ нашей общины, и наконецъ, Монтгоу Самюэльсъ съ Перси Селвилломъ, возвращающіеся постоянно въ свѣтлыхъ высшихъ сферахъ. Гдѣ же можно встрѣтить болѣе избранное еврейское общество?

— Я ничего не говорю противъ нашихъ знакомыхъ и вполне сознаю, что общество, окружающее насъ теперь, выше того, котораго намъ приходилось довольствоваться въ провинціи, — нѣрвительнымъ тономъ отвѣтилъ м-ръ Генри Гольдсмитъ. — Но развѣ нами знакомые могутъ отворить для меня двери англійскаго парламента?

— Конечно, нѣтъ. Но я все-таки не теряю надежды видѣть тебя представителемъ Уайтчепела.

— Да, вѣдь этотъ постъ занятъ Гедсономъ.

— Ну, да, и онъ отлично выполняетъ принятыя имъ на себя обязательства, какъ по крайней мѣрѣ увѣрляетъ Сидней. Но популярность его сильно понатнулася въ послѣднее время, потому что его имя фигурировало во всѣхъ газетахъ въ числѣ прочихъ лицъ, присутствовавшихъ на банкетахъ въ Сити, на которыхъ гостямъ подавались, ужъ конечно, не *кошерныя* кушанья. Этимъ онъ навѣрно вооружилъ противъ себя всѣхъ прежнихъ своихъ приверженцевъ.

— Ну, такъ что же? — съ надменнымъ недоумѣніемъ спросила загадливый совѣтникъ...

— Да то же, что, по моему, ты могъ бы теперь совершенно смѣло подставить ему ногу, — возразила бойкая и отчаянная совѣтница. — Рафаэль Леонъ собирается издавать новую еврейскую газету. Я ошиблась гдѣ-то въ его счетъ. Помнишь, я говорила тебѣ, что, несмотря на его блестящее образованіе, въ обществѣ его считаютъ гдѣ-то эксцентричнымъ и даже отчасти помѣшаннымъ на релігиозныхъ вопросахъ. Но я думала, что его эксцентричность ограничивается только спиритуалистическими иллюзіями, и мнѣ показалось, что его разсужденія за обѣдомъ вполне подтверждали мои предположенія. Но изъ дальнѣйшаго моего разговора съ нимъ я убѣдилась, что онъ страдаетъ гораздо болѣе серьезной навіей. Представь себѣ, бѣднякъ просто негѣманъ на еврейскомъ правовѣрн! Ну, слыхано ли это, чтобы молодой человекъ, блестящимъ образомъ окончившій курсъ сначала въ колледжѣ, а потомъ въ оxfordскомъ университетѣ, придавалъ серьезное значеніе всякимъ мелочнымъ обрядамъ. Вѣдь, это просто ни съ чѣмъ не сообразно! Воображаю себѣ, какъ должны быть оскорблены его бѣдные родители.

Миледи замолчала, и ея оживленное лицо приняло сосредоточенное выраженіе.

— Но Розетта, я право не понимаю, какое отношеніе имѣеть Рафаэль Леонъ къ плану о моемъ вступленіи въ парламентъ? — спросилъ м-ръ Генри Гольдсмитъ.

— Какой ты безтолковый, Генри! Вѣдь я же говорила тебѣ, что Леонъ собирается издавать правовѣрную газету, читателями которой будутъ исключительно твои будущіе избиратели. Я такъ рада теперь, что мы придерживались всѣхъ предписаній нашей религіи, благодаря чему мы пользуемся самой безупрочной репутацией правовѣрныхъ евреевъ. Съ Леономъ мы находимся въ прекрасныхъ отношеніяхъ, и мнѣ не трудно будетъ устроить, чтобы Есфирь сдѣлалась сотрудницей въ его газетѣ, — онъ же,

нать итѣ казалось, только уже заинтересоваться ей. Съ по-
мощью этой книги, нравственно «еврейству» можно будетъ по-
стоянно напоминать о тебѣ и о твоихъ строгихъ благочестіи. А
ты, видя, знаешь, что эти «блудяки» питають такое благоговѣніе
къ своимъ богочинамъ единобрачнѣ, соблюдающимъ предписанія
о *кошмарной* пищи, что у нихъ навѣрно закушаютъ голени отъ
восторга при одной мысли о томъ, что ихъ представителемъ въ
парламентѣ будетъ прикованный еврей, украшающій свой лобъ
счастливыми фиакторами.

И на губахъ милоды, вѣроятно, отъ той же приятной мысли,
написавъ одва изъ самыхъ прѣзрительныхъ ей умиловъ, произве-
дшихъ такое чарующее дѣйствіе на Дарси Финкли.

— Ты у меня просто гениальная женщина, Розетта!— всемо
пресговорилъ м-ръ Генри, привлекая къ себѣ свою преледную
жену и съ горячей любовью цѣлуя ее въ губы.

М-съ Генри Гольдсмитъ съ меньшей нѣжностью отыскала
на ласку мужа, и счастливая чета переселила одну изъ тѣхъ бла-
женныхъ комнатъ, которыя являются результатомъ сердечной при-
вязанности и полного довѣрія между супругами.

— Не прикажете-ли сдѣлать еще что-нибудь для васъ, мумъ
(надамъ)?— раздался вдругъ у дверей почтительный голосъ Мери
Орейн.

Это была высокая и еще бодрая на видъ старуха, считава-
вшая самымъ привилегированнымъ лицомъ въ домѣ и не бояв-
шаяся не только своихъ добродушныхъ господъ, но даже и ихъ
грознаго мажордома. Не итѣя ни близкихъ, ни дальнихъ род-
ственниковъ, она никогда и никуда не отлучалась, кромѣ католи-
ческой капеллы.

— Нѣтъ, благодарствуйте, Мери, — сказала м-съ Генри
Гольдсмитъ. — Обѣдъ былъ приготовленъ великолепно. Покойной
ночи, голубушка,— да встаетъ, поздравляю васъ съ праздниками.

— И васъ также, мумъ, — отозвалась невольная виновница
будущаго торжества своего господина. Только что она вышла за

дверь, какъ раздакъ веселый звонъ рождественскихъ колоколовъ, доносившійся до ушей и Рафаэля Леона, погруженного въ глубокую думу и все еще шагавшего по замерзлой и поблѣвшей мостовой, и предострой Адди, сидѣвшей въ свѣтъ будуаря, перекрѣсьдомъ, и мечтавшей о кузенѣ Сиднеѣ, беснечно ичавшемся на танцевальный вечеръ, и Есфирь беспокойно водравлавшая на своей комфортабельной и мягкой, какъ пухъ, постели и тичтно старавшейся прогнать отъ себя мрачныя картины вѣковыхъ страданій ея народа, мелькавшія передъ ней, какъ въ панорамахъ, одна за другой. Въ часы ночной бессонницы, когда она бывала взволнована чѣмъ-нибудь, ея разгоряченное воображеніе всегда представляло ей въ самыхъ яркихъ образахъ те, чѣмъ были заняты ея мысли. Такъ было и теперь, и замѣлательно, что лица всѣхъ мучениковъ, которыхъ она совершенно ясно видѣла восходящими на мостры и на эшафоты, имѣли большее или меньшее сходство съ лицомъ Рафаэля Леона.

„Израильская иносія!—повторяла она про себя.—Какая жестокая пропія звучитъ въ этихъ словахъ! Вотъ и еще человѣческая жизнь, которой суждено развиться въ безплодной потогѣ за обманчивыми призраками“.

Туть ей вдругъ представились, какъ двѣ поразительныя противоположности, фигуры ея отца и Рафаэля Леона, и вслѣдъ за горькой усмѣшкой, скользнувшей при этомъ видѣніи по ея лицу, изъ глазъ ея ручьемъ полились неудержимыя и жгучія слезы.

Пер. С. Федоровичъ.

(Продолженіе будетъ).

Судъ надъ р. Элизеромъ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА).

Новѣйшія изслѣдованія въ области исторіи первоначальнаго христіанства проливаютъ свѣтъ на одно темное мѣсто Талмуда, останавливавшее на себѣ вниманіе всѣхъ каслѣдователей. Разсказъ о судѣ надъ р. Элизеромъ встрѣчается въ древне-раввинской письменности три раза: въ Kohelet Rabba (I, 8), въ вавилонскомъ Талмудѣ (Aboda Zara 16^b—17^a) и въ Тосефтѣ (Chullin II, 24, ed. Zuckerma. p. 508) ¹. Наибольше полнымъ наше извѣстіе является въ Мидрашъ-Рабба, откуда мы и выпишемъ нашъ текстъ съ весьма незначительными измѣненіями, согласно остальнымъ источникамъ.

מעשה ברבי אליעזר שנעלם לשום טעם , נפלדו אהו הגמון והעלו על הכיכר
לדון אהו . אמר לו : זקן כמותך ישעק ברברים במלים הללו ! —
— אמר לו : נאמן עלי הדיין !

כסכת אהו הגמון שנשבילו אמר זהו לא אמר אלא כנגד אביו שנשפט .
— אמר לו : מימד שהאמתני עליך אף אני הייתי סבד ואמר : שש
שישבות הללו מעות הן ברברים במלים הללו . דימס , פעד גמל...!

«Однажды р. Элизеръ былъ арестованъ по обвиненію въ исповѣданіи христіанства. Игемонъ потребовалъ его къ себѣ въ трибуналъ на судъ.

Игемонъ. Такой старикъ, а занимается пустяками!

Р. Элизеръ. Признаю надъ собою власть Судьи!

Игемонъ подумалъ, что подъ Судьей подразумѣвается онъ, но Р. Элизеръ разумѣлъ Отца Небеснаго.

Игемонъ. Такъ какъ ты призналъ надъ собою мою власть, то и я сообщу, что уже давно думалъ: можетъ быть тѣ общества занимаютъ тѣми пустыми вещами. Ты—свободенъ!..»

¹ Параллели: Jalkut Proverb, 937, Jalk. Micha, 551.

Р. Элизверъ, зять Раббанъ Гамлиэля, президента Ямнйской академіи, жилъ въ концѣ перваго и началѣ второго вѣка. Какъ и другіе члены академіи, онъ, несмотря на близкое родство, не ладилъ съ президентомъ, былъ наконецъ преданъ отлученію и послѣдніе годы своей жизни провелъ одиноко вдали отъ центра еврейской мысли. Въ Сепфорисѣ онъ встрѣчался съ извѣстнымъ Яковомъ-милеемъ, послѣдователемъ Иисуса Христа, повидимому, одобрительно отнесся къ новому ученію, и, когда римское правительство стало тѣснить христіанъ, въ числѣ обвиненныхъ оказался и р. Элизверъ.

Приведенное мѣсто есть единственное еврейское извѣстіе о гоненіи на христіанъ и, какъ увидимъ, носитъ печать полной достовѣрности.

Извѣстный англійскій ученый Rawson, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи, *The Church in the Roman Empire before A. D. 170* (London 1893), на основаніи подробнаго изслѣдованія извѣстной переписки Плінія, правителя Визинніи, съ императоромъ Траяномъ, (особенно 96-го и 97-го писма, гдѣ рѣчь идетъ о христіанахъ) приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Пліній спрашиваетъ:

- 1) Нужно-ли при осужденіи христіанъ принимать во вниманіе смягчающія обстоятельства (напр. жестокость обвиняемаго)?
- 2) Нужно-ли прощать раскаявающихся?
- 3) Нужно-ли карать самое исповѣданіе христіанства за отрицательное отношеніе къ римской религіи (отождествлявшейся, какъ извѣстно, съ римскимъ патриотизмомъ), или же карѣ подлежитъ собственно определенное преступленіе, сопряженное, какъ думали римляне, съ этимъ исповѣданіемъ (дѣтубійство, людоедство, равные омерзительные обряды и пр.)?

Траянъ отвѣчаетъ:

- 1) Смягчающія вину обстоятельства принимать слѣдуетъ.
- 2) Раскаяніе заслуживаетъ прощенія, если оно будетъ фактически доказано (совершеніемъ обрядовъ государственной религіи).
- 3) Наказанію подлежитъ самое имя «христіанинъ».
- 4) Не слѣдуетъ правителямъ самимъ разыскивать христіанъ, ни же обвинять по анонимнымъ доносамъ.

Изъ этой-же переписки, относящейся къ 112 г., а также

нѣ такъ называемыя «Акты Мучениковъ»¹ и нѣкоторѣя Тартуляна; ни можно видѣть форму обычной процедуры въ такомъ случаѣ. Это даетъ намъ ключъ къ объясненію нашего кста.

Послѣ употребленія янваса обвиняемаго римскій чиновникъ старается возмездить его старость. «Велюми свою молодость», «погоди свое старость», «обрадуемся», «consula aetati tuae» — обычныя увѣщанія судьи. Затѣмъ онъ обыкновенно свѣтуетъ поклясться геніемъ императора, такъ какъ однимъ изъ самыхъ важныхъ переводовъ къ обвиненію было *agimen laesae majestatis*. Христіане отказывались говорить *Каре Катоге, Домине*² *Сасага* (Господинъ Императоръ), и проконсулъ приговаривалъ ихъ къ смерти. Въ случаѣ же благопріятнаго отвѣта со стороны обвиняемаго проконсулъ провозноситъ: *dimitto*, и обвиняемый отпускался.

На основаніи всего империальнаго мы можемъ возстановить слѣдующую картину процесса еврейскаго ученаго.

Р. Элизеръ привлеченъ къ суду по обвиненію въ христіанствѣ въ Кесаріи, гдѣ онъ деживалъ свои послѣдніе дни. Процессъ происходитъ послѣ 115 г., когда была обнаружена переписка Пиннія съ императоромъ. Проконсулъ не вѣрнть въ преступленія, возводившіяся на христіанъ. Для него, какъ и для Пиннія, христіанство — не бодѣ какъ *superstitio, суевѣріе, гъизмъ*.

Прежде всего онъ старается смлонить р. Элизера указаніемъ на его возрастъ: *Consula aetati tuae!* Р. Элизеръ, прекрасно понимая, въ чемъ дѣло, и, съ одной стороны, не видя необходимости бравировать опасностью, а съ другой, не желая называть императора — Господомъ, выходитъ изъ затрудненія благодаря двусмысленному слову — судья, и этимъ спасаетъ свою жизнь. Послѣ такого отвѣта р. Элизера проконсулъ припоминаетъ, что и раньше уже замѣтилъ нѣкоторую разницу между

¹ Edmund Le Blant, Les Acta Martyrum et leurs sources въ *Nouvelle revue historique du droit français et étranger*, 1879. Его же Acta sincera Martyrum, въ 30 томѣ *Mémoires de l'Institut national de France*.

² Dominus — господинъ, Господь. Это слово въ примѣненіи къ императору избѣгалось и евреями, такъ какъ Dominus-Deus, Богъ. Ср. Jos. Bel. jud. VII, 10, 1.

нимъ и тѣми обществами. Подъ словомъ *magi*, какъ Degenbourg ¹ совершенно вѣрно замѣтилъ, слѣдуетъ разумѣть братства (*collegia, sodalitates*), весьма частыя въ то время даже между язычниками и запрещавшіяся правительствомъ. Христіане представляли одно изъ таиникъ запрещенныхъ братствъ, на что и намекаетъ проконсулъ. Вердиктъ заключается въ словахъ *sententia, dimissus*, столь затрудняющемъ комментаторовъ, несмотря на то, что оно тутъ же снабжено еврейскимъ переводомъ: *травъ свободенъ*.

Такимъ образомъ, наше мѣсто вполне подтверждаетъ результаты новѣйшей науки.

1. Христіане, привлекаясь къ суду въ силу одной принадлежности къ христіанству, какъ *hostes publici*, враги государственнаго порядка, отпускались однако на свободу тотчасъ по произнесеніи ими извѣстной формулы.

2. Преступленія, вводимыяся народной молвой на христіанъ (кошунство, похищенія дѣтей, *φιστελαφαισικα, Ο'δικόβιοι ρίξτες*) ² не встрѣчали вѣры въ образованныхъ слояхъ общества, такъ какъ въ противномъ случаѣ раскаяніе могло бы повлечь развѣ уменьшеніе степени наказанія, но никакъ не полное прощеніе.

3. Христіане такъ мало отличались по внѣшнему виду, образу жизни и религиознымъ обрядамъ отъ евреевъ, что аресту могъ быть подвергнутъ даже пользовавшійся широкой извѣстностью Кесарійскій раввинъ. Дѣйствительную разницу между нимъ и тѣсно сплоченными христіанами римлянинъ могъ замѣтить лишь по произнесеніи имъ сакраментальной формулы, тогда какъ для отличія еврея отъ язычника въ римской судебной практикѣ существовалъ весьма простой и наглядный способъ...

4. Евреи не только не принимали активнаго участія въ доносахъ на христіанъ, какъ это любилъ и любятъ расписывать извѣстные «историки», но и сами, въ случаѣ обвиненія, не могли выполнять всѣхъ требованій римскаго судьи.

И. Пересерковичъ.

¹ Essai sur l'histoire et la géographie de la Palestine, I, p. 359.

² Euseb., Hist. Eccl. V, 1.

ЛЕГЕНДЫ ВОСТОКА.

Созданье человека.

(По «Bereshit Rabba», XII).

Воспоминанья дѣтскихъ лѣтъ
И юныхъ дней мечты и сказки, —
Какой отрадной полною ласки
Ихъ тихій свѣтъ, ихъ кроткій свѣтъ!..
Страницы хартии священной,
Гдѣ сказки первыя вселенной,
Гдѣ міра дѣтскія мечты
Персты Господни начертали, —
Душѣ моею сродни вы стали.
И отъ бездушной суеты,
Отъ нужды и недуговъ житейскихъ —
Восторга дѣтскаго полна —
Въ блаженный міръ легендъ библейскихъ
Стремится радостно она...

Въ первый день и твердь, и воды
Въ шаръ земной Господь соменуль;
Въ день второй Онъ небосводы
Надъ землею развернуль.
Въ третій грудь земли покрыла
И листвы, и злаковъ сѣнь,
И небесныя свѣтила
Онъ зажегъ въ четвертый день;

Въ пятый всякому творенью
 Повелѣлъ Онъ въ міръ жить.
 Оставалось въ заключенье
 Человѣка сотворить. —
 И предъ юдою вселенной,
 Сонмомъ духовъ окружень,
 У земли Онъ прахъ взялъ тлѣнный,
 Възялъ у неба душу Онъ:
 Чтобъ въ гармоніи разумной,
 Чтобъ союзомъ вѣковымъ
 Сочеталось въ жизни шумной
 Въ немъ небесное съ земнымъ...
 Но столѣтья проходили, —
 Населяя божій свѣтъ,
 Люди жалкіе забыли
 Этотъ благостный завѣтъ:
 — «Все для плоти! Все для хлѣба!» —
 На землѣ одни твердятъ,
 — «Все для рая! Все для неба!» —
 Имъ другіе говорятъ...
 И встаетъ на брата братъ:
 Тотъ — насилью и хищенью
 Духъ и мысль поработить;
 Этотъ — райскому спасенью
 Тѣло въ жертву приносить...
 И теперь на Божьемъ свѣтѣ
 Горе слабымъ! Горе вамъ,
 О, заблудшія дѣти,
 Кто хоть разъ не въ силахъ самъ
 Заглушить могучимъ словомъ
 Святотатственную рѣчь
 И мечемъ въ бою суровомъ
 Отразить враждебный мечъ!...

КОЛОНИЗАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ РУС- СКИХЪ ЕВРЕЕВЪ

ВЪ ПАЛЕСТИНУ И АРГЕНТИНУ.

ГЛАВА I.

Въ колонизаціонныхъ стремленіяхъ евреевъ послѣднихъ 15 лѣтъ должно отличать двѣ стороны—стремленія націоналистическія, стремленія еврейскаго народа возродиться, подняться, какъ бы окрѣпнуть, какъ народность, и во 2-хъ, стремленія экономическія, стремленія голодающаго люда найти себѣ новые пути въ борьбѣ за насущный хлѣбъ. Пробужденіе стремленій перваго рода, пробужденіе національнаго самосознанія евреевъ аналогично подобнымъ же увѣнчавшимся успѣхомъ стремленіямъ грековъ, до известной степени выходящимъ національнымъ стремленіямъ итальянцевъ въ объединенію или такіа-же стремленія нѣмцевъ. Быть можетъ, это національное пробужденіе евреевъ и вызвано аналогичными стремленіями итальянцевъ и нѣмцевъ, такъ какъ такіа національнныя тенденціи явились у передовыхъ людей изъ евреевъ еще за долго до появленія германскаго антисемитизма послѣднихъ десятилѣтій, еще за долго до начала событій въ еврейской жизни въ Россіи послѣднихъ 15 лѣтъ. Они и зародились въ Германіи и какъ разъ въ періодъ объединительныхъ увлеченій германцевъ въ 60-хъ годахъ. Между русскими евреями такихъ тенденцій не было вовсе, но крайней мѣрѣ между передовыми мыслящими людьми изъ евреевъ. Тяготѣніе къ Святой Землѣ, если и существовало и раньше, то лишь въ самой массѣ народной. Въ этомъ тяготѣніи рядомъ съ чисто религіознымъ стремленіемъ туда, какъ въ Землю Святую, подобно стремленіямъ христіанъ сюда же или магометанъ въ Мекку—существовало безусловно съ давнихъ поръ и стремленіе національное: Святая Земля была дорога, какъ «Земля Израиль», какъ земля Израіля, а не только какъ страна святинь еврейскихъ. Это народное стремленіе въ Святую Землю привело къ основанію благотворительныхъ сборовъ

для желающихъ отправиться туда, чтобы тамъ поселиться, остаться на вѣки. Начало въ дѣлѣ основанія специальной кассы для такихъ сборовъ положено еще въ концѣ прошлаго вѣка учениками великаго Виленскаго Гаона, переселившимися въ Святую Землю, вѣроятно, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій въ царствованіе Павла I. Ученики Гаона издали циркуляръ, призывающій къ пожертвованіямъ, и разослали его по всему міру, гдѣ только существуютъ евреи. Основанную кассу они посвятили памяти Меера Чудотворца (Мееръ баал-ганесъ—талмуд. личность), почему касса и получила названіе «купасъ гарамбанъ» (сокращ. «купасъ бреб-Мееръ баал-ганесъ»). Поступавшія въ кассу пожертвованія назначались главнымъ образомъ на субсидіи для переселяющихся сюда съ цѣлью изученія Талмуда или же съ цѣлью быть похороненными, когда дойдетъ очередь, въ Иосафатовой долинѣ. Но особенно интересно то, что уже изъ циркуляра учениковъ Гаона ясно, что эти основатели кассы рѣшили часть поступающихъ суммъ опредѣлять для покупки земель «для цѣлей, которыя укажутъ мѣсто и время». Вотъ эта то касса существуетъ и нынѣ; распредѣленіе поступающихъ суммъ носитъ названіе «халука». Касса эта стала получать значительные капиталы и пропорціонально увеличенію послѣднихъ шло увеличеніе числа иммигрантовъ. За 100 приблизительно лѣтъ, прошедшихъ послѣ начала этихъ сборовъ и этой «халуко»—число евреевъ обитателей Палестины увеличилось значительно: сначала появились евреи въ Іерусалимѣ, затѣмъ въ нѣсколькихъ другихъ городахъ Палестины—Сафетѣ, Тиверіадѣ и Хевронѣ. Отъ иммигрантовъ не требовалось ничего: подразумевалось, что это благочестивые люди, пожелавшіе посвятить себя Богу. Эти иммигранты явились такимъ образомъ питомцами всего народа; для своего существованія они получали средства прямо отъ народа. Святая Земля сдѣлалась своего рода еврейскимъ монастыремъ. Главная часть поступавшихъ для «халуко» капиталовъ составлялась не изъ крупныхъ одновременныхъ пожертвованій, а изъ копѣчнаго, кружковаго сбора въ самой массѣ народной; даже нищій, бросающій копѣйку въ свою кружку для Святой Земли, никогда не трогалъ ее въ дни и дѣйствительнаго голода.

Теперь, подводя итоги этой «халуко», мы должны сказать, что задачу свою она выполняла. Она безусловно создала связь между евреями Палестины и евреями всего земного шара. Въ Палестинѣ появилось ядро еврейскаго населенія, и нынѣ мы имѣемъ въ Іерусалимѣ до 30.000 евреевъ, въ Яфѣ до 5.000, въ Сафетѣ до 15.000, а въ Тиверіадѣ до 4.000. Е ли такимъ образомъ въ самомъ народѣ уже давно пылали стремленія къ своей землѣ, къ своему центру, изъ вовсе не было въ передовой средѣ евреевъ Россіи. Когда въ

60 г. национальннх стреленнх, какъ я упомянулъ выше, появились среди евреевъ Западной Европы, они не нашли отговора въ Россн. Русскнх евреевъ тогда только что допускали были къ образованнх, къ университетамъ и они со всѣмъ жаромъ бросались въ открывшнхся имъ двери науки и просвѣщеннх. Первые поколѣннх русско - еврейской интеллигенцнн еще зывали послѣдннх перюдъ свѣтлой реформенной эпохи 60-хъ годовъ, къ томъ унсть охватывшнх всю интеллигентную Росснх порывъ къ прогрессу. Они совершенно забыли (объ этомъ и стыдно было помнить) о своемъ еврействѣ, о своемъ собственномъ народѣ, они стремились скорѣе и скорѣе окупиться въ общнх потокъ, охватывшнх Росснх. Когда въ 70-хъ годахъ пошли народническнх движеннх въ русской интеллигенцнн, разнаго рода увлеченнх молодежи, евреи шли рука объ руку со своими русскими товарищами, но вотъ начались 80-не года и вмѣстѣ съ ними грянули погромы; своей неожиданностью они поразили еврейскую молодежь и еврейскую интеллигенцнн Росснх, которая вовсе не была подготовлена къ такому ошеломляющему факту, какнх были эти погромы. Тотъ народъ, для котораго увлеклся, стремился, о которомъ только и думать увлекшнхся юноша-еврей, тотъ народъ ограбилъ его семью, разорилъ его отца. Начавшнхся вслѣдъ за этнми погромами официальные ограниченнх окончательно сбнли съ толку молодежь. Она поняла, что стояла на ложномъ пути, что увлеклась. Не еще больше поразило отношеннх вчерашнхх товарищей, старавшнхся не то чтобы оправдать, но объяснить погромы... и еврей интеллигентъ потерялъ почву подъ ногами; онъ понялъ, что то, о чемъ мечталъ, о чемъ хлопоталъ, все это не «то». И вотъ тутъ начинаются его собственные национальннх еврейскнх стремленнх, легшнх въ основу послѣдннх эмиграционнаго движеннх изъ Росснх.

Но я сказалъ, что рядомъ съ этнми чисто национальнми стремленнми въ послѣднемъ движеннх евреевъ должно отличать и чисто экономическую сторону: часть народа устремилась изъ Росснх лишь въ желаннх улучшить свой экономическнх бытъ, безъ всякихъ высшихъ мечтаннх и задачъ. Конечно, и это движеннх вызвано выселеннми изъ селъ и деревень, изъ 50-верстной полосы, изъ Москвы и др. внутреннихъ губерннх, что вызвало разореннх многихъ и многихъ семействъ. Этнмъ семьямъ предлагали переселиться въ мѣста имъ прислски, въ которнх нынѣ часто и вовсе никогда не были или не были уже по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Ни для кого изъ ннх, конечно, не было тайной, что и безъ ннх душно и тѣсно въ чертѣ осѣлости. И вотъ наиболѣе энергичныя семьи изъ выселенныхъ рѣшаются эмигрировать. Въ то же время вслѣдствнх усилившейся борьбы за

существованіе въ чертѣ осѣдлости, именно, вслѣдствіе появленія выселенныхъ изнутри Россіи, рѣшились эмигрировать и семьи, которыя раньше спокойно голодали въ равнинахъ Шкловахъ и Оршахъ. Занялось зарево эмиграціоннаго пожара, охватившее всю черту осѣдлости и достигшее апогея въ 1891-92 г.

Однимъ изъ главныхъ толчковъ къ усиленію этого зла въ 1891-92 г. дало основаніе въ Москвѣ комитета для вспоможенія выселеннымъ. Подъ влияніемъ суровыхъ мѣръ при выселеніи, въ родѣ высылки этапныхъ порядковъ и пр.—естественно, явилась потребность въ самопомощи. Быстро стали собираться довольно значительныя суммы для помощи выселенныхъ. Къ сожалѣнію, скоро обнаружилось, что вся помощь состояла въ томъ, что выселеннымъ давали билеты на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ для избѣжанія высылки этапныхъ порядковъ. Тратились тысячи, чтобъ помочь полиціи скорѣе выслать евреевъ и избѣгнуть необходимыхъ при этомъ затратъ. Еще въ то тяжелое время явились голоса, рекомендовавшіе лучше отдать затрачиваемыя деньги выселеннымъ на руки и предложить имъ отправиться этапныхъ порядковъ; тогда выселенныя семьи не пріѣзди на мѣсто высылки по крайней мѣрѣ имѣли бы въ своемъ распоряженіи сотню—другую рублей, что затрачивалось комитетомъ на ихъ добровольную отправку. Чувство состраданія и особаго рода щепетильность однако не позволяли дѣлать то, что въ нѣмкихъ случаяхъ прямо рекомендовалъ дѣлать умъ,—и члены комитета усердно наполняли вагоны выселенными, не давая имъ ни копѣйки на дорогу. Сочувствіе къ московскимъ переселенцамъ возбуждено было не только по всей Россіи, но и за границей. Въ Германіи стали дѣлать сборы для русскихъ евреевъ и тамъ тоже основались комитеты, собравшіе быстро миллионы марокъ. Сначала перебравшись черезъ границу нѣкоторые изъ выселенныхъ изъ Москвы. Въ Германіи имъ оказали помощь и они могли двинуться дальше въ С. Америку. Слухи о комитетахъ быстро распространились по чертѣ осѣдлости, и, какъ я сказалъ, голодавшіе спокойно раньше въ нѣсточкахъ теперь спѣшили скорѣе бросить опостылѣвшіе угли и разомъ рѣшили двинуться въ путь. Быстро стали распродавать хлѣбъ въ нѣсточкахъ; на собраныя гроши добирались до границы, съ кучами своихъ дѣтей, полупустыми ченоданами, но всегда съ грудой «беттевандъ» (подушекъ и перинъ) и съ самоваромъ; и вотъ двинулись истощенные евреи черезъ прусскую границу. Многими семьями прибывали они въ Берлинъ въ особыхъ поѣздахъ. Берлинская полиція неохотно встрѣчала этихъ мекудальныхъ пришельцевъ, боясь, какъ бы эти нищія не вздумали остаться въ пышиномъ Берлинѣ. Переселенцевъ и не впускали въ Берлинъ, ихъ отправляли въ Шарлоттенбургъ. Здѣсь Берлинскій комитетъ уже сямъ громадное помѣщеніе. Сюда прямо отводили эмигрантовъ. Имъ прежде всего

предлагали умыться и переодѣться; тутъ же собраны были запасы стараго вѣтля, бѣлья, обуви, пожертвованные берлинцами въ пользу эмигрантовъ. Все это тутъ же раздавалось тѣмъ изъ эмигрантовъ, у кого явно замѣчалась нужда въ томъ или другомъ предметѣ туалета. Рядомъ съ стигъ скандонъ платья устроена была кухня, здѣсь еще до прихода поѣзда съ эмигрантами готовились для нихъ завтракъ; прислуживали эмигрантамъ потому дамы и барышни изъ лучшихъ еврейскихъ семействъ Берлина. За длинными столами усаживались эмигранты, имъ обносили хлѣбъ, яйца, кофе, шококо и т. д.

Послѣ завтрака эмигрантовъ поочередно принимали представители комитета. Крайне тяжелыя сцены приходилось тутъ наблюдать. Шелъ допросъ эмигранта и свѣдѣнія заносились тутъ же на особые листочки: откуда, кто, какова семья, тѣмъ занимался, куда ѣдетъ, откуда выселенъ и т. д. Самый роковой вопросъ былъ вопросъ, сколько денегъ везетъ эмигрантъ. Рѣдко оказывалось, что у эмигранта достаточно денегъ, чтобы купить у тутъ же находившагося агента пароходной компаніи билеты до Америки для себя и семьи. Обыкновенно оказывалось, что у эмигранта лишь нѣсколько рублей. Ему не вѣрили, спорили, торговались; убѣждали его и урезонивали на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ, котораго эмигрантъ не понималъ; зашугивали, даже обыскивали, пока наконецъ добивались, что онъ откуда то вытаскивалъ свои послѣдніе гроши, за него, сколько приходилось доплачивать и покупали у агента билеты, или же, если убѣждались, что эмигрантъ въ самомъ дѣлѣ голый нищій, ему выдавали билеты на счетъ комитета.

Сколько слезъ, упрековъ слышалось здѣсь. Члены комитета уставали до невозможности, дѣлались нервыни, а эмигрантъ долго не открывалъ о присутствіи своихъ грошей, предпочитая итти ихъ при прѣздѣ въ невѣдомую страну. Члены комитета точно не хотѣли и понимать, что лучше итти отправить сотню людей и оставить ихъ при себѣ ихъ гроши, тѣмъ отправлять двѣсти да безъ гроша. Они радовались побѣдѣ, когда послѣ долгихъ споровъ эмигрантъ дрожащей рукой вытаскивалъ глубоко спрятанные рубли,—и комитету приходилось добавлять сравнительно мало для покупки билета.

На печальныхъ встрѣчи приходилось тутъ наталкиваться.

— Куда ѣдете?—спрашиваю я почтеннаго еврея въ шляпѣ.

— Въ Іерусалимъ, меланхолически отвѣчаетъ тотъ, угрюмо смотря на «работавшій» комитетъ и дожидаясь своей очереди.

— Какъ въ Іерусалимъ? Зачѣмъ же вы поехали въ Берлинъ? Откуда вы сами?

Оказывалось, что онъ съ Юга и ѣдетъ въ Берлинъ, затѣмъ, чтобы попасть въ Иерусалимъ, и именно потому, что «гдѣ же онъ другой комитетъ найдетъ».

Еще грустнѣе было встрѣтить тутъ людей, возвращающихся уже изъ Америки назадъ въ Россію.

Куда же ѣдутъ эти тысячи несчастныхъ, когда тутъ же рядомъ съ ними стоятъ уже нанучавшіеся и тамъ въ «Америку» и хлопотуть о возвращеніи ихъ тѣмъ же комитетомъ назадъ домой?

Еще печальнѣе были сцены въ Гамбургѣ, откуда отправлялись комитетомъ пароходы съ тысячами этихъ несчастныхъ. Я никогда не забуду сценъ при отходѣ пароходовъ. Раздался уже третій звонокъ и третій гудокъ, заиграла обычная музыка, зашатали уже платканы съ палубы 1 и 2 класса, уже стали тащить трапъ,—и въ этотъ моментъ бѣжить къ трапу еврей, бѣжить назадъ на берегъ. Въ самую послѣднюю минуту онъ не выдержалъ давившей его дуны, «куда я ѣду, что, что буду тамъ дѣлать?..» и сбѣжалъ назадъ съ парохода. Тысячи людей съ парохода и съ берега расхотѣлись надъ этииъ нученикомъ. Еще моментъ,—и онъ слома голову, сбѣжалъ опять на пароходъ. Онъ рѣшился, онъ ѣдетъ «туда».

И пароходы увозятъ тысячу страдальцевъ. Комитеты съ нихъ отдѣленіями въ пограничныхъ съ Россіей городахъ Германіи и Австро-Венгріи отправляли такимъ образомъ тысячи эмигрантовъ, совершенно не задумываясь о томъ, куда и затѣмъ ѣдутъ эти эмигранты, что будутъ тамъ дѣлать. Комитеты работали, какъ фабрики, и продолжали бы свою дѣятельность и дальше, еслибы не окончились денежные средства. Фактъ, что есть комитеты, дающіе «писемки» или помогающіе ѣхать — служилъ не малымъ стимуломъ двинуться вонъ изъ Россіи даже для многихъ такихъ, которые могли бы кое-какъ перебиваться у себя въ иѣсточкахъ. Не долго думая, такіе люди распродалаи все за безцѣнокъ и отправлялись въ нуть. Когда я расспрашивалъ такихъ, куда они ѣдутъ,—я слышалъ одинъ отвѣтъ: «на фортъ»—(а вотъ ѣдутъ!)... Пожиманіе плечами и особая нишкана лица договаривали: «а что и какъ—сами не знаемъ; тамъ видно будетъ».

Этотъ легкій подъемъ цѣлой семьи, эта готовность ѣхать Богъ вѣсть куда,—на край свѣта,—одинъ изъ самыхъ печальныхъ признаковъ эпохи, переживаемой евреями. Съ такой отчаянной неосновательностью, такъ, зря, двинуться всей семьей безъ надеждъ, безъ средствъ, безо всего—не способенъ ни одинъ народъ въ мірѣ, и это является самымъ грустнымъ послѣдствіемъ съ одной стороны ограничительныхъ мѣръ, а съ другой—неосторожной благотворительности самихъ евреевъ.

Эмиграція, можетъ быть, является однимъ изъ немногихъ моментовъ, въ которыхъ рѣшающійся на нее долженъ быть предоставляеть исключительно самому себѣ, и гдѣ помощь также вредна, чѣмъ полезна. Часто, именно, чтобы не потерять такую даровую помощь, чтобы не потерять возможности, которая, быть можетъ, позднѣе не повторится, — эмигрантъ и рѣшается эмигрировать. И когда надежды на лучшую жизнь не оправдались, за всѣ свои страданія, за всякую неудачу несчастный винить того, кто ему помогъ. Не мало проклятій слышалъ я на адресу разныхъ комитетовъ отъ тѣхъ, кто въ Америкѣ, Аліи или Африкѣ не нашелъ и того, что оставилъ дома. Совсѣмъ другое, если общественная благотворительность направляется на оказаніе помощи эмигранту на повозъ мѣстѣ его поселенія, въ особенности если эта помощь разумно направлена и облегчаетъ эмигранту устроиться такъ или иначе на новой родинѣ. Самый совершенный видъ помощи, какой можетъ быть оказанъ, это тотъ, когда эмигрантскую семью колонизируютъ на мѣстѣ ея прибытія, т. е. когда ее устраиваютъ на повозъ мѣстѣ такъ, что ей надо только работать, — а тогда она уже во всякомъ случаѣ будетъ сыта и по крайней мѣрѣ усилѣтъ оглянуться въ новой странѣ.

ГЛАВА II.

Идея о колонизаціи евреевъ росла вмѣстѣ съ возрожденіемъ ихъ народнаго самосознанія. Для дѣятелей народныхъ очень скоро стало ясно, что для возрожденія народа прежде всего нужна почва, нужна та привязанность къ землѣ, которая въ особенности крѣпка у земледѣльца; для возрожденія евреевъ, какъ національности, прежде всего нужно отучить ихъ отъ той роли, которую гоненія и стѣсненія имъ навязали; они должны показать міру, что и имъ не чужда продуктивная сила, нужно лишить міръ права называть ихъ паразитами производительныхъ силъ того народа, среди котораго они живутъ; только прикрѣпленный плодами рукъ своихъ къ тѣлу или другому углу земли, еврей бодрѣ подниметь голову.

Такъ родилась мысль о земледѣліи для евреевъ. Само стремленіе евреевъ къ землѣ не ново, — оно появилось еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія подъ влияніемъ мѣръ русскаго правительства къ основанію еврейскихъ колоній. Но тѣ стремленія ничего общаго съ народными идеями не имѣли. Еврей, набросившійся на земледѣліе при основаніи колоній въ Россіи, ни надъ чѣмъ не задумывался, — онъ шелъ на приневъ русскаго правительства потому, что другія его занятія, очевидно, не только не

были легче, но и не удовлетворяли его потребностей и оставляли его полуголоднымъ.

Ведь дѣло основанія въ Россіи еврейскихъ колоній съ разумной послѣдовательностью, явилось въ то время хорошіе руководители такого крайне труднаго предпріятія,—дѣло можно бы внести и процвѣтало бы и понынѣ. Именно теперь, когда нѣтъ собственнаго чисто еврейскаго опыта въ Палестинѣ, Аргентинѣ и другихъ странахъ,—можно особенно хорошо понять, какъ важна была при основаніи колоній въ Россіи послѣдовательность, разумность дѣйствій и предпріятій и присутствіе хорошихъ руководителей.

Итакъ, если бы опыты русскаго правительства и удались,—въ дѣлѣ основанія и существованія колоній, не было бы, конечно, особенныхъ идеальныхъ, народническихъ стремленій. Но то въ новѣйшихъ стремленіяхъ воссоздать дѣло еврейскаго земледѣвства: тутъ уже въ основу положена идея, тутъ въ основѣ лежитъ мысль о возрожденіи народнаго самосознанія. Потому то ареною своей дѣятельности эти народные дѣятели на первыхъ порахъ избрали Палестину; земледѣвство, да еще на землѣ Израиля, что лучше могло содѣйствовать возрожденію народному, гдѣ лучше могло быть созданъ центръ еврейскихъ стремленій. Эти народные дѣятели, конечно, понимали, что грекамъ, напр., борьба за свое возрожденіе не удалась бы никогда, если бы они были заброшены далеко отъ ихъ Эллады. Еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія появились сочиненія, пропагандировавшія идею о колонизаціи, но какъ мы уже видѣли, особенно энергично эта идея стала пропагандироваться въ Германіи въ 60-хъ годахъ. Достаточно вспомнить труды Гирша Калишера и Моисея Гесса «Rom und Jerusalem», нѣблизкія въ свое время не малое значеніе для возрожденія народной идеи. Образовался даже уже въ 1850 г. въ Франкфуртѣ на Одерѣ «колонизаціонный комитетъ», поддерживавшіеся нѣкоторыми выдающимися людьми Франціи, Голландіи и Германіи. Отголосокъ этого движенія мы находимъ даже въ Австраліи, гдѣ въ Мельбурнѣ въ началѣ 1862 г. созванъ былъ митингъ съ цѣлью основанія комитета для сбора пожертвованій въ пользу осуществленія Палестинской идеи. Первые практическіе шаги къ осуществленію идеи воссозданія еврейскаго земледѣвства, да еще на почвѣ Палестины, принадлежать извѣстному французскому еврею Неттеру. Въ концѣ 1869 г. явился въ Палестину Неттеръ и уже въ слѣдующемъ 1870 г. положилъ начало нынѣ цвѣтущаго еврейскаго агрономическаго института Микве-Израиль на средства парижскаго «Alliance Israélite». Съ беззаветной любовью, съ неутомимой энергіей взялся этотъ горячій

народный дѣлающъ за трудное дѣло. Выключивъ спеціальнаго султанаскіа фирмана, онъ быстро приобретаетъ прекрасный участокъ земли близъ Яффы, набираетъ учениковъ и шагъ за шагомъ создаетъ прекрасное хозяйство. Онъ является и устроителемъ, и учителемъ, и директоромъ — душой новаго дѣла. Долгое время онъ вѣсть съ своими учениками жить въ палатѣ, есть съ ними, вѣтъ съ ними, учитъ ихъ, внушаетъ имъ любовь къ школѣ, къ дѣлу, къ своей идѣ; создаетъ съ ними эти сады, виноградники, огороды, пашни, представляющіе нынѣ красу палестинскаго сельскаго хозяйства.

Онъ всё свои свои, все имущество свое, всё лучшее свои годы отдалъ на созданное имъ дѣло, пока оно не окрѣпло. Онъ тутъ же и умеръ среди созданныхъ имъ садовъ, окруженный пледой воспитанныхъ имъ еврейскихъ земледельцевъ, учениковъ его.

Когда, благодаря неутомимымъ трудамъ Нетзера, окрѣпло дѣло его дѣтница — земледѣльческой школы, Рубинковъ еврейскаго земледѣлія въ Святую Землю былъ порожденъ, и теперь уже значительно легче возможно было шагъ къ осуществленію идеи еврейской колонизаціи. Первыя попытки въ этомъ направленіи принадлежатъ раввину Калишеру, одному изъ первыхъ проповѣдниковъ Палестинской идеи въ 60-хъ годахъ. Возлѣ Хотина, близъ Тиверіадскаго озера, онъ приобрѣлъ въ 1875—1876 г. для этой цѣли участокъ земли. Дѣлу однако дальше не суждено было подвинуться.

Дальнѣйшія попытки были сдѣланы черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого М. Соломоновъ изъ Іерусалима, Гутмановъ изъ Вѣны, Штрамферонъ изъ Венгрии. Они не только были приобретены значительный участокъ земли, на которомъ нынѣ находится колонія Пейсахъ-Тикво, — но сдѣлава попытка къ действительному заселенію этого участка. Колонисты были набраны въ самомъ Іерусалимѣ. Къ сожалѣнію, и эта попытка была совершенно безуспѣшна: купленный участокъ окруженъ былъ болотами; колонисты уже съ самаго начала стали сильно страдать отъ лихорадокъ; сильный подборъ колонистовъ изъ людей, воспитанныхъ на идеяхъ «халуво», тоже былъ врядъ ли удаченъ; умѣлость и опытность въ колонизационныхъ дѣлахъ предпринимателей тоже едва ли была велика, судя по крайне неудачному выбору мѣста и людей для колоніи, — и послѣдшіеся тутъ іерусалимцы скоро почти всё вернулись въ Іерусалимъ къ «халуво». Этому скорому оставленію колоніи способствовалъ еще случившійся пожаръ, который уничтожилъ значительную часть построекъ.

Нынѣ уже приходится упомянуть, что русскіе евреи безучастно относились къ мечтаніямъ и начинаніямъ своихъ западныхъ соплеменниковъ.

Нуженъ былъ такой сильный ударъ, какъ погромы 80-тъ годовъ, чтобы пробудить въ нихъ «еврейское чувство», чтобы вызвать на свѣтъ Новій идею о національномъ возрожденіи. Какъ пѣкогда въ Германіи, — очень скоро дошли до сознанія, что для такого возрожденія прежде всего нужна почва, очень скоро поняли, что не въ вѣстечкахъ Россіи должно искать такую почву; очень скоро ясно стало, что, когда найдется эта подходящая почва, надо заставить себя полюбить ее, привязаться къ ней, нужно воссоздать на данной почвѣ классъ земледѣльцевъ.

«Идея возрожденія» быстро распространилась между евреями Россіи. Особенно сильно набросилось на нее молодежь, такъ обманутая въ своихъ вчерашнихъ увлеченіяхъ. Между еврейскими студентами всѣхъ русскихъ университетовъ быстро пошли толки объ образованіи кружковъ, обществъ. Съ увлеченіемъ набросились на книжки еврейской исторіи, литературы, — о которыхъ еще вчера считалось смѣшнымъ и вспоминать; пошло чтеніе рефератовъ, статей и т. п.

Сильное впечатлѣніе произвела извѣстная статья «Autoemancipation» д-ра Пинскера, ставшаго, какъ мы увидимъ, видную роль въ названномъ движеніи. Вслѣдъ за ней появились рядъ статей выходящихъ въ активнымъ натамъ для осуществленія только что возрождавшейся идеи возрожденія. Ареной для еврейской дѣятельности авторы рекомендуютъ берега Миссисипи. Тамъ вдали, на свободныхъ поляхъ и на свободѣ, возродится еврейская національность. Студенты Харькова однако замѣлили о большой утилитности для національнаго дѣла выбрать «Эрецъ Исраэль», и новая статья уже очень скоро кивнула въ берегамъ Миссисипи и зоветь молодежь на берега «Иордана».

Подъ влияніемъ національнаго одушевленія, охватившаго еврейское общество Россіи послѣ погромовъ, за этия статьи въ журналахъ и рефератахъ въ кружкахъ Одессы, Харькова, Кіева и Варшавы, очень скоро началось дѣло. Молодежь соединилась со стариками. Стали составляться группы студентовъ, бросившихъ университеты, свою науку и прежнія надежды, и стали собираться въ нуть. Оставилась группа, собравшаяся преимущественно въ Кіевѣ и скоро взаправду отправившаяся въ С. Америку. Вслѣдъ за ними двинулась группа одесситовъ, а потомъ и знаменитыхъ «Валуцковъ» изъ Харькова. Одесситы и харьковцы, не задумываясь, двинулись въ Святую Землю.

«Они поѣдутъ, составятъ кооперативныя товарищества, будутъ заниматься только землей, будутъ работать на самыхъ строгихъ социалистическихъ началахъ; за ними потянется народъ». Харьковцы пошли даже дальше:

«они создадутъ социальную колонію, отдадутъ ее появившемуся народу, а сами уйдутъ дальше, создадутъ новую колонію, опять отдадутъ народу и т. д. и т. д.»

Группа, отправившаяся въ Америку, встрѣтила самое горячее сочувствіе въ еврейскомъ обществѣ Западной Европы и С. Америки. Они были приступили къ созиданію колоніи, но очень скоро ихъ социалистическія идеи разбились о практическую дѣйствительность, и группа распалась.

Иначе пошло дѣло одесситовъ и харьковцевъ. Конечно, и ихъ, этихъ дѣятель-пионеровъ, и не пришла и не могла придти въ голову необходимость предварительнаго тщательнаго изученія климатическихъ, почвенныхъ и другихъ естественныхъ условій страны, необходимость изучить условія вѣстнаго хозяйства и условія сбыта продуктовъ, торговли. Никто и не думалъ, какъ полезно было бы, раньше чѣмъ приступить къ дѣлу, предварительно ознакомиться съ предшествовавшими попытками колонизаціи въ этой странѣ и вообще съ необходимыми условіями всякой колонизаціи въ любой странѣ. Даже не подумали о томъ, что для осуществленія всякаго практическаго предпріятія, а тѣмъ болѣе такого новаго, труднаго—нужны средства и средства большія. Результаты увлеченій сказались скоро, они привели къ созданію цѣлаго ряда колоній въ Святой Землѣ, они дали направленіе всему колонизаціонному дѣлу евреевъ въ Палестинѣ и—надолго испортили (если не совсѣмъ погубили) еврейское дѣло въ Святой Землѣ.

ГЛАВА III.

Первыми двинулись въ Палестину одесситы, и во главѣ ихъ Фейнбергъ и ваводой Левонтина. Интересно, что послѣднему, этой «горячей головѣ», какъ его называютъ въ Палестинѣ, удалось убѣдить и склонить къ «подъсуму» дядю своего, Левонтина-старшаго, «изъ Николаева, считавшагоса капиталистомъ и солиднымъ человекомъ. Къ нимъ присоединились нѣкоторыми лицами, еще раньше прибывшія въ Палестину безъ особыхъ плановъ.

Обсудить предварительно, въ какой части Палестины основываться, считалось, конечно, излишнимъ. Очевидно, надо основываться въ Иудей, поближе къ Иерусалиму. Никому и въ голову не приходило, что слѣдуетъ обязательно послать предварительно опытнаго человека присмотрѣться и прискаать землю, которая была бы хороша и удобна для затѣваемаго дѣла, какъ это сдѣлали въ Палестинѣ же вѣнцы при основаніи своихъ колоній. Собрались, тотчасъ же по приѣздѣ купили землю, и вслѣдъ затѣмъ въ походныхъ палаткахъ на ослѣхъ и мулахъ двинулись къ ней. «Здѣсь

ны должны положить основаніе нашему дѣлу, пусть это мѣсто отнынѣ называется «Ришонъ-Леціонъ», произнесъ одинъ изъ пионеровъ, — и колонія была готова.

Какъ и слѣдовало ожидать, худшей земли нельзя было подыскать для колоній. Въ значительной части участка въ почвѣ было до 96 проц., а мѣстами до 98 проц., песку. Куплены были просто морскія дюны. Арабы, продавшіе эти дюны, не считали возможнымъ пользоваться ими даже какъ выгономъ для скота. Климатъ въ этихъ дюнахъ тоже крайне не хорошъ; достаточно сказать, что и въ настоящее время, чрезъ 13 лѣтъ, когда тутъ появилась масса зелени, — въ колоніи этой, вѣющей, если не ошибаюсь, до 500 душъ, по утверженію врача колоніи Г. Мавин, только одну дѣвчушку можно считать вполне здоровой, всѣ остальные обитатели колоніи въ большей или меньшей степени больны. Между тѣмъ, если прочесть корреспонденціи того времени, напр., ст. Манаше-бенъ-Цви въ сборникѣ «Палестина», то узнаемъ, «что колонія располагаетъ еще однимъ благодѣтельнымъ качествомъ — прекраснымъ, здоровымъ во всѣхъ отношеніяхъ климатомъ».

Солидность новопоселенцевъ при началѣ собственнаго дѣла земледѣлія, конечно, не могла быть выше обнаруженной ими основательности при выборѣ мѣста и при покупкѣ земли. Никто не имѣлъ представленія о томъ, что такое земледѣліе, хозяйство, что для него нужно. Знали только одно, что надо вспахать, засеять, снять жатву и продать продукты. Много ли для этого нужно? Конечно, этихъ, чуть ли не нѣсколько десятковъ рублей, что у каждаго есть, хватить. А тамъ продадутъ продукты и т. д. Нечего и говорить о томъ, что молодежь желала имѣть общинное устройство, но присутствіе въ ней средѣ пожилыхъ людей, вродѣ старшаго Левонтина, дало «общинному устройству» какой то неясный титъ. Каждый членъ имѣлъ собственную землю и въ далекомъ не равномъ количествѣ: старшему Левонтину принадлежала цѣлая половина купленной земли, остальные одиннадцать членовъ владѣли почти равными долями и наконецъ 850 дунамовъ были уступлены старшимъ Левонтиномъ для 6-ти несостоятельныхъ семействъ съ расрочкой платежа на 5 лѣтъ. Рядомъ съ этими учреждена общинная касса для общинныхъ работъ и надобностей. Каждый членъ обязался внести въ общинную кассу по одному франку съ каждаго дунама (приблизъ $\frac{1}{11}$ гектара) своей земли. Прежде всего и взялись за общинныя работы: копаніе колодца, проложеніе дорогъ и т. д. Былъ выбранъ общій распорядитель работъ г. Ханкинъ — еще совершенно молодой человекъ, игравшій позднѣе цѣлую роль въ спекулятивной горячкѣ, охватившей переселенческое дѣло въ срединѣ 80-хъ гг. Съ какой опытностью взялись на

дѣло, видно хотя бы напр. изъ того, что колодезь стали рыть на самомъ высокомъ мѣстѣ волнистой поверхности колоніи.

Когда взялись за постройку доковъ, съ самаго начала стали строить относительно роскошные большіе дома въ 3, 4, 5 и болѣе комнатъ; мы увидимъ, что этотъ фактъ послужилъ прецедентомъ для всѣхъ позднѣе образовавшихся колоній, гдѣ на постройки доковъ тратилось до 10 тысячъ и болѣе франковъ на семью. Скота съ самаго начала куплено въ недостаточномъ количествѣ; даже орудія обезавелись пионеры въ количествѣ далеко недостаточномъ и одними плугомъ иногда пользовались нѣсколько семействъ. Приступили къ работѣ; само собой разувѣется, что взялись за культуру самую неподходящую; завели то, что называютъ *grande culture*, засѣяли пшеницу. Нечего и говорить, что дѣло кончилось полнымъ неуражаемъ.

Тѣмъ временемъ въ общинной кассѣ уже давно ничего не было. Десятки рублей, съ которыми большинство членовъ взялось за дѣло, уже давно иссякли; всю тяжесть общинныхъ расходовъ пришлось нести нѣсколькимъ болѣе состоятельнымъ лицамъ; конечно, эти нѣсколько лицъ выпавшей имъ ролью благотворителей всей общины особенно довольны не были; помимо недовольства, ропотъ, дразни между самими членами. Скоро оказалось, что менѣе состоятельные уже остались и безъ хлѣба, и питались одними арбузами. Воды—и той въ достаточномъ количествѣ не было, такъ какъ въ заложенномъ колодезѣ, дорытомъ уже до 18 метровъ, ея еще не оказывалось, а средствъ копать дальше не было. Приходилось возить воду изъ сосѣднихъ арабскихъ деревень или изъ Микве-Исроэль.—Къ тому же все сильнѣе стала свирѣпствовать въ колоніи лихорадка. Это произошло отъ неумѣлаго, неудачнаго расположенія селенія въ колоніи. Селеніе помѣщено позади пахотныхъ полей такъ, что вѣтры, дующіе съ моря, раньше проносятся надъ пашнями, насыщаются испареніями и лихорадочными микроорганизмами и затѣмъ проходятъ надъ селеніемъ, оставляя въ немъ вѣстѣ съ пылью и дождемъ заразу лихорадки. Но уже въ самомъ началѣ колонизационнаго дѣла должны были чувствоваться слѣдствія другого зла, волей судьбы легшаго въ основу колонизаціи Палестины: на это не обратили однако никакого вниманія. Зло это заключалось въ томъ, что въ колонисты шли либо совершенно одинокіе люди, либо въ большинствѣ случаевъ крайне слабыя семьи съ однимъ работникомъ. Стоило колонисту заболѣть,—и все хозяйство должно было остановиться. Да и вообще одному человѣку трудно было исполнить всю массу труда и обязанностей, неизбѣжныхъ въ хозяйствѣ всегда, въ особенности же въ началѣ, при его за-

рожденіи. Болѣе богатые уже съ самаго начала стали брать рабочихъ, а глядя на нихъ, стали искать дешевыхъ арабовъ и болѣе бѣдные. Въ виду этого расходы, конечно, должны были возрасти,—а денегъ не было. Пионеры рѣшили, что всё сѣди только этии недостаткомъ денегъ и объясняются; они стали умолять чрезъ посредство газетъ и журналовъ о помощи. Моваше-бенъ-Цанъ указываетъ, что все русское еврейство прислало 381 р., а еврейство всего міра 621 р.

Рѣшили отправить делегата въ Европу. Выборъ удачно остановился на Г. О. Фейнбергѣ, утѣшающаго недурно и съ увлеченіемъ говорить. Въ Германіи, однако, краснорѣчіе его не привело ни къ чему, и Фейнбергъ отправился въ Парижъ. Добрый г. Цадокъ-Исаиъ внимательно выслушалъ его и повелъ къ барону Э. Ротшильду. Г. Фейнбергъ своимъ рассказомъ о страданіяхъ этой интересной группы мечтателей увлекъ барона и заставилъ его проронить слезу.

Эта «слеза» сдѣлала много...

Оставимъ на время Ринонтъ-Леціонъ и вернемся къ харьковцамъ, составляющимъ главный элементъ кружка «Буи»; поздне къ тому же кружку присоединилось нѣсколько варшавянъ. Главный контингентъ этихъ «Буиуцевъ» составляли студенты, бросившіе гимназію гимназисты, реалісты, къ нимъ присоединились молодые люди, и вовсе не испробовавшіе ни латыни, ни реальныхъ наукъ, но не менѣе студентовъ увлекшихся и національными дѣломъ, в важныхъ послѣдствіяхъ ихъ новыхъ стремленій. Немногіе изъ нихъ перешли за двадцатилѣтній возрастъ, но все это были симпатичные, молодые, сильные и здоровые люди, совершенно еще не знавшіе ни жизни, ни жи.

Наэлектризованные навесенными на ихъ глазахъ обидами ихъ народу, оскорбленіями не столько погромани, которыхъ они были свидѣтелями, сколько отношеніемъ къ этимъ народнымъ страстямъ со стороны такъ называемаго общества, со стороны ихъ друзей, они рѣшили бросить все, что ихъ привязывало къ родинѣ, къ дому, и двинуться «туда», куда, имъ казалось, звалъ ихъ теперь долгъ, честь еврейскаго имени. Все, что они знали о Палестинѣ и условіяхъ жизни въ этой странѣ, ограничивалось тѣмъ, что они слышали отъ референтовъ въ засѣданіяхъ ихъ кружка, т. е. нѣсколько красныхъ словъ и великихъ идей. Какъ они устроятся, что они сдѣлаютъ,—объ этомъ они въ тонкостяхъ не раздумывали; они рѣшили одно: они создадутъ земледѣльческіе центры, при томъ на чисто социальныхъ основахъ. Чтобъ во всѣхъ отношеніяхъ

быть равными, они рѣшили семейнымъ людям не принимать вовсе въ члены колоніи, но приняли въ члены дѣвушку для ведения домашнего хозяйства въ ихъ будущей «общинѣ». О денежныхъ средствахъ они не думали и не думали, а тѣмъ средства, которые они взяли съ собой, едва хватало на самый проездъ. Когда у нихъ здоровыя руки и силы, къ чему имъ гроши! А если эти гроши понадобятся,—то, вѣдь, въ Россіи еще остался весь народъ, и среди ихъ друзей есть уже покладные люди съ солидными средствами,—о чемъ же еще хлопотать?

Рѣшено было разбится на двѣ партіи; одна должна была немедленно отправиться въ Палестину и вѣстаться за подготовительныя работы; другая должна была остаться въ Константинополѣ хлопотать.

Надо замѣтить, что въ Константинополѣ въ это время происходилъ интересный моментъ исторіи еврейства. Въ это время Высокая Порта занималась интересными проектами покойнаго Казалетта, желавшаго открыть Святую Землю канальми и желѣзными дорогами, соединить ее съ помощью этихъ желѣзныхъ дорогъ съ Месопотаміей и чуть ли не съ Индіей. Обновленную Палестину онъ затѣялъ долженъ былъ колонизировать,—и лучшимъ элементомъ для колонизаціи онъ признавалъ русскихъ евреевъ. Утверждаютъ, что концессія уже совсѣмъ была одобрена Высокой Портой и ждала только подписи султана,—но накануне назначенной для этого аудіенціи у султана, Казалетта поражаютъ ударъ, онъ умираетъ, и весь планъ рушится. Въ то же время въ Константинополѣ находился и дѣйствовалъ знаменитый сэръ Лауренсъ Олифантъ, мечтавшій сдѣлать для евреевъ то же, что некогда Вайровъ для грековъ. Еврейскіе погромы до глубины души потрясли эту высокую душу, и, пользуясь поддержкой своихъ сильныхъ друзей въ Америкѣ и Англій, этотъ мечтатель-поэтъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, добился бы чего либо для обездоленнаго еврейства,—не случилось какъ разъ въ это время восстаніе Араби-наши въ Египтѣ. Бомбардировка Александріи и оккупація Египта англійскими войсками озлобили султана и Высокую Парту противъ всѣхъ англичанъ и какихъ бы то ни было ихъ затѣй. И вотъ почти одновременно съ Казалеттомъ и Олифантомъ явилась въ Константинополь партія Вилуйцевъ.

Они прежде всего рѣшили сторониться Олифантъ, подговаривая во всѣхъ его затѣяхъ лишь миссіонерскую подкладку. Они надѣялись лишь на себя, на правоту своихъ хлопотъ и, наконецъ, на рекомендательное письмо къ Осману-пашѣ отъ нѣсколькихъ близко познакомившихся съ нимъ лицъ въ Харьковѣ, во время нахождения его тамъ въ русскомъ плѣну. Хлопотать

они должны были объ официальном разрѣшеніи еврейской колонизаціи и объ отводѣ эмигрантамъ надѣловъ казенной земли.

Османъ-паша заинтересовался ими, внимательно выслушалъ ихъ незамысловитый рассказъ и обѣщалъ имъ всякую помощь. Онъ посоветывалъ имъ написать прошение на имя султана и взялся хлопотать о специальномъ приказѣ послѣдняго. Онъ дѣйствительно выполнилъ свое обѣщаніе и вскорѣ наши «Вилуйцы» были вызваны и нѣсколько разъ приняты великимъ визиремъ. Послѣдній тоже серьезно отнесся къ ихъ ходатайству, обѣщалъ сдѣлать многое, но при этомъ, желая избѣгнуть возможныхъ осложненій со стороны Россіи, настоятельно условіемъ для удовлетворенія ходатайства поставилъ, чтобы ему было доставлено удостовѣреніе изъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, что молодые люди эти не оставили неисполненными никакія либо обязательства предъ русскимъ правительствомъ, ничѣмъ не провинились въ Россіи и т. д.

Такого свидѣтельства бывшіе студенты получить не рассчитывали, и должны были, ничего не добившись въ Константинополѣ, присоединиться къ своимъ товарищамъ, уже давно прибывшимъ въ Палестину. Послѣдніе уже нѣсколько пробыли въ Святой Землѣ. Осмотрѣвшись въ Яфѣ и окрестностяхъ, они очень скоро убѣдились, что для дѣла недостаточно имѣть хорошія желанія, молодые силы и надежды на сочувствіе, — а нужны денежные средства и значительныя средства. Немногіе рубли, которыми владѣлъ кружокъ, уже давно ушли и главнымъ образомъ на содержаніе «дипломатической миссіи» въ Константинополѣ. Рѣшено было, пока что, искать работы, простой полевой работы. И дѣйствительно, всѣ члены «дѣйствующей партіи» поступаютъ скоро поделничками въ агрономическій институтъ Микве-Исроэль, гдѣ, очень скоро пріучившись къ тяжелому труду распаханія киркой и лопатой почвы подъ виноградники и къ другимъ работамъ въ садахъ и на поляхъ, обратили на себя вниманіе директора института г. Герша, съ крайнимъ недоумѣніемъ относявагося къ стремленіямъ молодыхъ ех-студентовъ. Нѣкоторые, впрочемъ, изъ членовъ «общины» перешли поодиноку въ Рамонъ-Леціонъ, гдѣ принимали самое дѣятельное участіе въ копаніи колодца, прокладываніи дороги и другихъ предпріятіяхъ создававшейся колоніи.

Когда члены дипломатической миссіи прибыли въ Палестину, они были не совсѣмъ довольны своими товарищами, почти совсѣмъ позабывшими о первоначальныхъ своихъ намѣреніяхъ и ограничившимися ролью простыхъ поделничковъ. Началась агитація, которая окончилась тѣмъ, что Вилуйцы распались на двѣ фракціи: одни остались въ колоніи Рамонъ-Леціонъ и

впоследствии сдѣлались простыми колонистами этой колоніи; другіе, временно оставшись въ Минскѣ-Исроэль, скоро получили въ самомъ дѣлѣ возможность основать собственную колонію «Гдеиро» (въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Ришонъ-Леціона, хотя уже въ другомъ округѣ, Гасскомъ, а не Яфскомъ, къ которому принадлежить Ришонъ).

ГЛАВА IV.

Основаніе Ришона и шаги, предпринятые Вилуйцами, имѣли важное значеніе для дальнѣйшаго развитія палестинскаго движенія. Само собою разумеется, что объ этихъ фактахъ тотчасъ же заговорили въ еврейской печати. Какъ это всегда у насъ бываетъ, прокричали и напугали болыно; чѣмъ стало дѣло. Въ другое, болѣе спокойное время, можетъ быть, отнеслись бы съ болышей критикой къ газетнымъ статьямъ, но въ то время моментъ былъ какъ нельзя болѣе благоприятенъ для близорукой довѣрчивости и восторженности извѣстій. Погромы еще продолжались; уже одинъ страхъ передъ разбушевавшейся чернью многихъ гналъ изъ Россіи, и началось интенсивное выселеніе цѣлыми массами. Въ пограничныхъ городахъ Германіи и Австро-Венгрии собрались тысячи бѣглецовъ; особенно много скопилось ихъ въ Бродяхъ. Это было ужасное скопленіе. Основанный тамъ комитетъ, во главѣ котораго были: Ис. Лебъ, Неттеръ — основатель Минск-Исроэль, Венеціани — секретарь бар. Гирша и др., тысячами отправлялъ несчастныхъ въ С. Америку.

Можно ли себѣ представить моментъ болѣе удобный, чтобы обратить взоры еврейскаго народа на Палестину. Въ такой моментъ нечего было ожидать осторожныхъ шаговъ, которыми должно идти трудное переселенческое дѣло. Въ Палестину устренились отовсюду. Движеніе перешло далеко за предѣлы Россіи. Во всѣхъ центрахъ Европы, — въ Берлинѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ — основался цѣлый рядъ обществъ, кружковъ съ разнообразными воззваніями, рефератами, статьями и т. д.

Интересно, что наиболѣе интенсивный, острый движеніе сдѣлалось въ Руминіи. Основалась цѣлая сеть палестинскихъ кружковъ и комитетовъ, а въ Галацѣ образованъ былъ центральный комитетъ, которому удалось собрать нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ. Считая себя востому достаточно богатымъ, комитетъ, надѣясь на обѣщанія нѣсколькихъ руминскихъ евреевъ-богачей, рѣшилъ безъ дальнихъ разсужденій приступить къ дѣлу.

Комитетъ, быть можетъ, замѣтилъ проскользнувшее гдѣ-то извѣстіе,

что земля Ринона негодна и представляеть голые камни, и дѣйствовалъ въ дѣлѣ покупки земля нѣсколько осмотрительнѣе. Прежде всего для цѣлей колонизаціи румыны совершенно основательно предпочли Іудей Галилею, болѣе богатую плодородными площадями и болѣе удобную уже по одному тому, что она дальше отъ Іерусалима. Имъ поздне увидишь все неудобство близости Іерусалима для еврейскихъ колонизаціонныхъ цѣлей. Далѣе комитетъ вступилъ въ сношеніе съ нѣкоторыми почтенными евреями, уже давно обитавшими въ Сиріи и Палестинѣ, основательно предполагая, что послѣдніе, вѣроятно, лучше знакомы съ порядками страны. Къ сожалѣнію, галацкій комитетъ слышалъ знаніе порядковъ съ пониманіемъ земледѣлія и его требованій и поручилъ въ срединѣ 1882 г. одному изъ такихъ уважаемыхъ обитателей Вейрута, г. Франку, первую покупку 6000 дун. (500 дес.) земли для затѣваемой колоніи. Куплена земля Саммаринъ въ 3—4 часахъ ѣзды отъ города Хайфы на отрогахъ горной цѣпи Кармель, почти на самомъ берегу Средиземнаго моря.

Видѣсто песковъ Ринона поверхность представляеть здѣсь либо сплошной голый известнякъ, либо тощую глинисто-известковую почву, почти сплошь усыпанную обломками известковыхъ камней. Корреспондентъ того времени впрочемъ утѣняетъ насъ, что «почва, хотя и каменистая, но чрезвычайно плодородная, и что вообще почва производитъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ у насъ (въ Россіи) черноземъ».

Вслѣдъ за покупкой земли Галацкій комитетъ, ободренный заявленіемъ сэра Олифанта, посѣтившаго Яссы, что онъ получилъ обѣщаніе самого султана опредѣлить для цѣлей еврейской колонизаціи дарованъ земля, а также обѣщаніе лордовъ Англій дать для той же цѣли комитету чуть ли не милліоны, сталъ вербовать и эмигрантовъ. Охотниковъ оказалось очень много. Комитетъ не давалъ себѣ отчета, чего собственно должно требовать отъ земледѣльца и какого рода семья должно выбирать. Выбирали опять таки почти исключительно малыя семьи, далеко не способныя вынести всю тяжесть работъ при обезваденіи хозяйства на новомъ мѣстѣ. Вѣроятно, какъ это всегда въ аналогичныхъ случаяхъ бываеть, не малую роль играла протекція, рекомендація или желаніе того или другого изъ членовъ оудѣляться отъ бѣднаго родственника, — словомъ, подборъ колонистовъ, изъ которыхъ состояли первые присланные комитетомъ 70 семействъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Нечего и говорить о томъ, что представленія членовъ Галацкаго комитета о расходахъ, необходимыхъ для устройства земледѣльческой семьи въ Палестинѣ, были тоже весьма

спутны. Они расчитывали устроить въ 70 семействъ, тратя на все максимумомъ по 2000 фр. въ отсутствіе.

Приглашенныя эмигранты не получали достаточныхъ средствъ для перваго обезпеченія. Построили нѣсколько домовъ, — но въ нихъ не могли помѣститься и одни лишь работя члены прибывшихъ семействъ: жены, дѣти и старшии остались потому въ Хайфѣ, а мужья и сыновья ушли въ основанную колонію, поданіе названную «Зихронъ-Яковъ». Впрочемъ, было не мало и такихъ, которые сами не жили ни гроша и не получили отъ комитета на самое необходимое и чуть ли не съ первыми днями по прибытіи стали голодать и нищенствовать въ Хайфѣ. Скоро впрочемъ въ такомъ же положеніи оказались и всѣ прочіе пришельцы, такъ какъ средства Галацкаго комитета совсѣмъ изсякли, и отъ совсѣмъ прекратилъ выдачу пособій. Первые опыты на поприщѣ земледѣлія кончились полной неудачей, такъ какъ выжили за неподходящую культуру пшеницы, какъ это раньше сдѣлали въ Руминіи. Вотъ видите, чѣмъ бы все это кончилось, если бы къ колонистамъ, благодаря визиту г. Эрмлинера, на помощь не явился уже заинтересовавшійся Палестиной баронъ Ф. Ротшильдъ.

Отъѣздъ «зихронцевъ», какъ въ Палестинѣ называютъ теперь переселенцевъ, основанныхъ нѣмѣшкіи Зихронъ-Яковъ, — встревожилъ умы въ городишкѣ Руминіи. Нѣсколько увеличившея фантазеровъ еще болѣе возбуждали и безъ того встревоженныхъ бѣдняковъ. Однимъ изъ наиболѣе ярыхъ тактикъ «вобудителен» явился г. Шубъ, занимавшійся раньше отчасти учительствомъ, отчасти торговлей въ городишкѣ Мейлестѣ въ Руминіи. Пламенными рѣчи Шуба увлекли его земляковъ, и вотъ около 25 семействъ этого городишки рѣшаются эмигрировать на своей страхъ и рискъ, почти безъ всякихъ надеждъ на помощь родныхъ комитетовъ. Они даже не обращаются къ комитетамъ для покупки земли, а рѣшаются для этой цѣли командировать въ Палестину самого г. Шуба и еще одного земляка, еще дона занимавшагося земледѣліемъ. Ни г. Шубъ, ни этотъ руминскій еврей-земледѣлецъ, конечно, не знали ничуть никакого представленія о странѣ, о которой такъ пламенно распространялся г. Шубъ въ своихъ рѣчахъ. Сейчасъ же по прибытіи они наткнулись на одного еврей-мажора, который свезъ ихъ въ городъ Сафетъ, находящійся на сѣверо-востокѣ Галилеи близъ Иордана и Генсаретскаго озера, а тутъ указалъ имъ на продававшійся участокъ земли въ 1 1/2 час. ѣзды отъ этого озера. Не долге размышляя, такъ какъ размышлять было некогда, г. Шубъ покупаетъ этотъ участокъ въ 2100 дунамовъ (около 200 дес.) за 8000 фр. Хотя земледѣлецъ, прибавившій вѣсть съ г. Шубомъ, выискалъ землю подходящей, покупка эта была, пожалуй, еще болѣе

неудачной, тѣмъ покупши земель Ринтона и Зигрена. Последнія по крайней мѣрѣ находятся на берегу моря близъ портовъ Яффы и Хайфы; земля же, купленная г. Шубомъ, и этиги удобствою не пользуются; она едва доступна, проѣзжихъ дорогъ къ ней нѣтъ никакихъ, и доставка продуктовъ къ ближайшимъ портамъ Бейрута или Акки должна обойтись чрезвычайно дорого; вкладные расходы по производству пестому столь значительны, что рассчитывать на вывозъ здѣшнихъ продуктовъ, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ не возможно. Почва купленной земли тоже не особенно хороша: она сильно усыяна камнями и, какъ можно было предвидѣть, очистка земли отъ этихъ камней должна была стоить немалыя труды и расходовать.

Не прошло и нѣсколькихъ нѣслицъ, какъ 24 семейства или 150 душъ уже явились для того, чтобы вступить во владѣнiе своей землей. Семьи помѣстились въ близкомъ Сафетѣ; впрочемъ 8 семействъ помѣстились въ двухъ арабскихъ домишкахъ, оставленныхъ прежними обитателями земли. Вскорѣ построили еще нѣсколько домишковъ, — и въ колонiю, названную Ромъ-Шино, перѣехали всѣ 24 семейства. Само собою разумеется, что тѣснота была страшная; особенно сильно страдали переселенцы во время дождей, такъ какъ соломенные крыши домишковъ протекала. Пришлось поэтому на зиму большинство семействъ перевести въ Сафетъ. Какъ только устроившись, колонисты купили воловъ, арабскiе плуги, сѣмена и стали работать. Не умѣя работать, они обратились къ арабамъ, нанявъ ихъ не то въ работники, не то въ учителя, и по отзывамъ всѣхъ работали нѣтъ съ своими учителями очень усердно.

Землю они между собой подѣлили пропорціонально капиталамъ, высланнымъ каждымъ г. Шубу на покупку земли. Для управленiя всѣми дѣлами, касавшимися всей общины, они выбрали изъ своей среды комитетъ изъ 3-хъ лицъ съ однимъ председателемъ, и составленiя комитета строго исполнялись всѣми колонистами. Вольничье хлѣбъ стоить комитету и всей общинѣ немалый контингентъ бѣдныхъ, оказавшихся въ колонiи уже въ самомъ началѣ ея существованiя; община поддерживала ихъ, сколько могла. Такъ прошелъ годъ, другой. На второмъ году колонисты обомлели уже безъ арабовъ, — но урожаи оба года были, какъ всегда въ Палестинѣ, не блестящiе, и показали, что при тѣхъ незначительныхъ надѣлахъ, какiе были у каждого, едва по шести десятинъ, въ Палестинѣ жить нельзя. Тѣмъ временемъ средства истощились, стало плохо.

Рѣшились писать повсюду, «по киру» просить помощи. Написали Ца-

докъ-Каву въ Парижъ, Могилеверу въ Вѣлостокъ, Гиндестейнеру въ Берлинъ и др.

Отвѣта не было. Позднѣе они узнали, что Могилеверъ обратился для нихъ за помощью къ бар. Ротшильду. О томъ-же просилъ барона Цадокъ-Кана, — и вотъ прошло уже болѣе полугода съ тѣхъ поръ, какъ комитетъ колоніи разослалъ письма, — какъ получился отвѣтъ Цадокъ-Кана, «чтобы потерпѣли еще немного, придетъ человѣкъ помочь имъ».

И въ самомъ дѣлѣ прѣехалъ посланный бар. Ротшильдъ г. Шейдъ.

Съ основаніемъ «Зихрона» и «Рошъ-Пино» движеніе въ Палестину разгорѣлось еще сильнѣе, какъ въ Румыніи, такъ въ особенности въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, гдѣ за палестинскую идею стали дѣйствовать высокопоставленный раввинъ Вѣлостока, г. Могилеверъ.

Мѣстечки стали посылать въ Святую Землю ходоковъ, рыскавшихъ безъ толку въ Палестинѣ, въ поискахъ земли для своихъ довѣрителей. Наиболѣе нетерпѣливые, не дождавшись результатовъ этихъ поисковъ, — сами двинулись со всѣмъ своимъ скарбомъ и хланомъ. Понаѣхали разомъ сотни семействъ, что не на шутку наугало турецкихъ чиновниковъ. Какой то, не то сумасшедшій, не то изувѣръ палестинской идеи изъ одесскихъ интеллигентовъ, сынъ богатого отца, сталъ раздѣлывать верхомъ по Іудей въ богатомъ арабскомъ костюмѣ и со знаменемъ, чуть ли не съ вышитымъ на немъ «Щитомъ Давида», въ рукахъ и въ сопровожденіи ватаги мальчишекъ. Арабы приняли его за еврейскаго «короля» и многіе не на шутку стали пугаться, рѣшивъ, что «пришло время возвратить Іудеямъ ихъ землю». Турецкія власти тоже серьезно взглянули на это стремительное движеніе евреевъ въ Палестину и, подозревая самое ужасное, стали дѣлать не малыя затрудненія при высадкѣ иммигрантовъ; стоило много труда усюконтъ турецкихъ чиновниковъ. Сотни семействъ разомъ хлынули въ Палестину и по всей странѣ разсыпались въ поискахъ земли. Естественно, искали землю поближе къ уже существующимъ колоніямъ; искали не удобныхъ земель, а лишь близкихъ либо къ Рашону, либо къ Зихрону, либо къ Рошъ-Пино. Цѣны росли немнѣе, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ полунищими переселенцами земли искались разными агентами, маклерами и т. п. лицами для разныхъ богатѣе изъ Россіи, рѣшившихъ, что покупкой клочка земли они содѣйствуютъ дѣлу «ишувъ Эрецъ-Исроэль», т. е. заселенію евреями Святой Земли.

Группа въ 13 семействъ купила землю близъ Рошъ-Пино, — на самомъ берегу Меронскаго озера. Основалась новая колонія, получившая названіе

Исодъ-Ганаало. Земля тутъ много лучше, чѣмъ въ соседней Ротъ-Шино, — но и она, конечно, столь же мало доступна, какъ послѣдняя. Участки, купленные каждою семьей, были столь же малы, какъ и въ Ротъ-Шино. Будежно было всего 2.200 дунамовъ или около 185 дес. Вся земля раздѣлена на 24 участка по 93 дунама каждый; изъ этихъ участковъ лишь около половины принадлежали поселившимся семьямъ; другая половина куплена или для семействъ, еще оставшихся въ Мемштръчахъ, или также для разныхъ богатыхъ лицъ изъ Россіи (г. А. Гринбергъ). Такимъ образомъ надѣлы каждой семьи едва превышали 6—7 дес. Укажу, встаети, что купчая крѣпость, по вѣстному «купчая», была сдѣлана на имя какого то невѣдоваго еврея изъ Іерусалима, что поздѣе причинило не мало неприятностей переселенцамъ.

Разрѣшеніе строить дома, полученіе котораго въ Турціи обязательно при основаніи новаго поселенія, тоже было получено не скоро и ушло дѣлныхъ 8 лѣтъ, покуда его удалось выхлопотать.

Несмотря на все это, поселенцы немедленно по пріѣздѣ взялись энергично за работу: стали пахать подъ пшеницу, копать рыи, сажать деревья, засадили огороды, устроили плантаціи эсрогивъ, оливковыхъ деревьевъ, яблонь, абрикосовъ и т. д. Замѣчательно, что выборъ культуръ они вели исключительно на основаніи своихъ свѣдѣній изъ Св. Писанія и Талмуда. Работали очень усердно и старательно, но скоро уже обнаружилось, что результатовъ работы, плодовъ всѣхъ этихъ культуръ ждать придется долго; между тѣмъ средства уже стали истощаться. Оказались в результаты маловолезелья, такъ какъ жить доходами съ участка въ нѣсколько десятинъ и тутъ оказалось невозможнымъ. Кое какую помощь колонисты стали получать извнѣ. Посылали изъ Россіи, посылали даже изъ Нью-Йорка (50 ф. ст.).

Натерпѣться колонистамъ пришлось болѣе, чѣмъ вдвои, а надежды на успѣшныя результаты ихъ дѣла у нихъ стали уже пропадать, когда, наконецъ, и имъ удалось обратить на себя вниманіе явившагося уже въ Палестину г. Шейда.

Такъ обосновалась группа изъ семействъ, съѣхавшихся въ Палестину изъ Северо-Западнаго края. Семья этой группы происходила изъ одного русскаго вѣстечка, вѣстѣ пріѣхали и держались всѣ вѣстѣ по пріѣздѣ. Гораздо труднѣе было семьямъ, которыя стали пріѣзжать порознь, а такихъ тоже было не мало. Если дѣлныя группы семействъ, какъ ны

видѣли, старались держаться поближе къ уже основаннымъ колоніямъ, то, естественно, такія отдѣльныя семьи считали совершенно невозможнымъ удалиться отъ уже созданныхъ центровъ и старались такъ или иначе пристроиться къ этимъ центрамъ. Это было однако неудобно уже по одному тому, что почти во всѣхъ колоніяхъ и безъ этихъ новыхъ семействъ ощущался сильнѣйшій недостатокъ въ землѣ. Вотъ тутъ то вспомнили о колоніи Пейсахъ-Тикво, основанной, какъ мы видѣли, еще въ 1878 году. Земли тутъ было относительно очень много: до 14.000 дубаковъ или около 1.200 дес. Мы уже знаемъ, что на этой землѣ поселены были 35 іерусалимскихъ семействъ, которые очень скоро вернулись почти всё навсѣдь въ Іерусалимъ. Осталось тутъ нѣсколько семействъ, но и эти занимались больше благоточіемъ, чѣмъ тѣмъ дѣломъ, для котораго поселены. Естественно, что въ этой колоніи особенно охотно устранились семьи толпы ортодоксальныя, которые обыкновенно оказывались мало способными къ труду. Первыя 25 въ приселенныхъ семействъ почти всё были выходцы изъ Вѣзостока и Пелеша. Изъ и въ голову не приходило подумать о томъ, что кругомъ тутъ болота, что климатъ крайне нездоровъ, и лихорадка свирѣпствуетъ чрезвычайно. Что плохонная земля приходится слишкомъ далеко отъ мѣста поселенія, выбраннаго подальше отъ болотистыхъ береговъ рѣчки Негаръ-эль-Одже, это ихъ нисколько не занимало, такъ какъ и они заботились больше о сохраненіи за Пейсахъ-Тикво славы благоточія, чѣмъ о земледѣліи. Они то, кажется, и являются первыми представителями типа посессионеровъ или вѣнскихъ помѣщиковъ, которыми теперь такъ, къ сожалѣнію, богаты всѣ еврейскія колоніи въ Палестинѣ. А что арабу поденщику придется пройти подальше до пашши,—стоитъ ли объ этомъ думать и хлопотать.

Всѣхъ участковъ въ колоніи было 157 и всѣ постепенно были раскуплены преимущественно такими господами. Нѣсколько участковъ были куплены для разныхъ богачей изъ Россіи и Германіи, какъ это сдѣлано было въ Исодъ-Гамалло. Семейства сильныхъ, способныхъ, дѣйствительно желавшихъ работать и годныхъ на тяжелую работу было относительно мало, да и тѣ были большей частью столь бѣдны, что не могли толкомъ заняться своимъ хозяйствомъ. Изъ отчасти стали помогать извнѣ, но помощь эта не была достаточна. Такія семьи положили начало появленію другого типа евреевъ въ Святой Землѣ,—типа рабочихъ, поденщиковъ. Мы увидимъ позднѣе, что послѣдній типъ получилъ преобладаніе въ Пейсахъ-Тикво, тоже въ большей своей части сдѣлавшейся собственностью барона Ротшильда.

ГЛАВА V.

Мы видѣли, что пламенная рѣчь делегата изъ Ришонъ-Национъ, г. Фейнберга, тронула бар. Ротшильда, и онъ рѣшилъ оказать помощь риповскимъ пионерамъ; баронъ, основываясь на показаніяхъ ихъ делегата, обѣщавъ все, а этотъ делегатъ показавъ, что на всё нужды, на полное устройство колоніи требуется всего 80,000 фр. Изъ бесѣды съ Фейнбергомъ баронъ выяснилъ себѣ, что уже на первыхъ порахъ пионеры чувствуютъ весь вредъ своего невѣжества въ хозяйствѣ, сказавшагося хотя бы въ томъ, что они взяли за самую неподходящую для риповскихъ песковъ культуру пше-ници. И вотъ баронъ уже, такъ сказать, *sur sponte* рѣшаетъ, что рипопцамъ кромя денежной помощи необходима и другая помощь, и онъ обѣщаетъ Фейнбергу выслать немедленно въ Палестину специалиста-садовника.

Фейнбергъ изъ Парижа тотчасъ же возвратился въ Ришонъ и обрадовалъ своихъ товарищей, что они и ихъ дѣло спасены, и помощь ихъ идетъ не отъ кого другого, какъ отъ бар. Ротшильда. Влагородный баронъ, конечно, немедленно исполнилъ свои обѣщанія: вскорѣ, вѣроятно по его просьбѣ, Палестину вообще и колонію Ришонъ въ частности посѣтилъ известный еврейскій дѣятель въ Парижѣ покойный Эранжеръ. Пионеры Ришона прозвали на него хорошее впечатлѣніе и онъ еще разъ именемъ барона Ротшильда подтвердилъ, что колоніи немедленно будетъ оказана помощь для полного обезпеченія и устройства. Скоро барономъ черезъ посредство Alliance Israélite была переведена необходимая сумма для колоніи на имя директора Макве-Исроаля г. Гирша, назначеннаго сюда еще при жизни основателя школы Карла Неттера. Одновременно съ этимъ выѣхалъ изъ Парижа обѣщанный барономъ садовникъ г. Дигуръ.

Распределеніе присланной суммы денегъ и вѣстѣ съ тѣмъ наблюденіе, чтобы сумма была, именно, употреблена на тѣ цѣли, для которыхъ она предназначалась,—было тоже поручено г. Гиршу. Послѣдній сдѣлалъ такимъ образомъ главнымъ вершителемъ судебъ колонистовъ и притомъ совершенно безответственнымъ, такъ какъ онъ не являлся служащимъ барона, какими являются всѣ дальнѣйшіе дѣятели бароновскихъ начинаній въ Палестинѣ. Г. Гиршъ, такъ сказать, почти изъ одной любезности принялъ на себя порученіе барона, специальнымъ же его дѣломъ оставалось управленіе школой «Alliance Israélite».

Извѣстно, какъ отнеслась Alliance Israélite къ вопросу о колонизаціи Палестины уже съ самыхъ первыхъ моментовъ возбужденія этого вопроса послѣ еврейскихъ погромовъ 80 годовъ. Она отнеслась къ колонизаціи

Палестина далеко несочувственно и считала ее несущественной фантазией, на томъ основаніи, что Палестина—дняя и бѣдная страна, безъ торговли и промышленности, а къ чистой земледѣльческой колонизаціи евреи не способны¹. Для того, чтобы понять, какъ долженъ былъ вліять этотъ взглядъ Alliance'a на образъ дѣятелій ея представителя въ Палестинѣ г. Гирша, необходимо нѣсколько ознакомиться съ внутренней жизнью этого лучшаго, наиболѣе основательнаго еврейскаго учрежденія въ мірѣ. Главный совѣтъ Alliance'a въ Парижѣ—это особаго рода идеальное министерство, въ настоящее время наиболѣе наивысшаго каменъ нибудь министерство народнаго просвѣщенія. Онъ имѣетъ цѣлый кадръ закаленныхъ дѣятелей, чаще всего и состоящихъ изъ бывшихъ питомцевъ школъ Alliance'a на Востокахъ и докончившихъ свое образованіе въ Парижѣ на средства того же Alliance'a. Какъ люди, которые всѣмъ своимъ образованіемъ и положеніемъ обязаны Alliance'у, съ которыми, Богъ вѣсть, что было бы въ глухихъ мѣстечкахъ Азіатской Турціи, Марокко, Туниса и т. д., не будь этихъ благодѣтельныхъ аліансовыхъ школъ на Востокахъ, лица эти готовы по первому зову Alliance'a идти на любой конецъ міра исполнять его порученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди этихъ дѣятелей, питомцевъ Alliance'a, въ теченіе 30—35 лѣтъ его существованія, установились извѣстные традиціи, нормирующія какъ дѣятвія отдѣльныхъ дѣятелей, такъ и связь ихъ между собой и отношенія всѣхъ ихъ къ своей alma mater. Задача Alliance'a это—цѣль ихъ жизни; мнѣніе и воля Alliance'a—это ихъ законъ. Г. С. Гиршъ въ значительной степени представляетъ собой общій типъ дѣятелей Alliance'a, хотя онъ не получилъ своего образованія въ школахъ Alliance'a. Онъ уже много лѣтъ пробылъ на службѣ Alliance'a и уже, конечно, проникся ея традиціями; къ тому же, онъ въ значительной степени интересный типъ еврей-чиновника, честнаго, аккуратнаго, строгаго и, какъ всѣ чиновники, до извѣстной степени узкаго. Онъ, конечно, зналъ взгляды своего начальства на колонизацію въ Палестинѣ; эти взгляды совершенно независимо отъ его воли сдѣлались безусловно и его собственными взглядами. Онъ не имѣлъ представленія о русскомъ еврейѣ, не чувствовалъ его страданій и не могъ понимать его стремленій. И Гиршъ съ первыхъ моментовъ появленія русскихъ евреевъ въ Палестинѣ, пионеромъ ихъ колонизаціонныхъ стремленій, отнесся несочувственно къ ихъ дѣлу, подобно самому Alliance'у. Однако же, какъ и этотъ послѣдній, онъ не могъ отказаться въ услугахъ бар. Ротшильду, когда тому въ невѣ-

¹ Сборникъ „Палестина“, страница 113, ст. Ромбро.

домой Палестинъ для еврейскаго дѣла понадобилось лицо, которому можно бы вѣрить хотя бы только одніе деньги. Вѣроятно, по вѣдыванію своего начальства изъ Париза, г. Гиршъ и принялъ на себя посредничество въ дѣлѣ барона Ротшильда и маркиза Ришоа, въ дѣлѣ, которому онъ не сочувствовалъ по существу. Въ то же самое время барону Ротшильду болѣе всего было поручить это посредничество, такъ какъ болѣе вѣрное чело-
 вѣка въ денежныхъ отношеніяхъ, чѣмъ представитель Alliance'a, и притомъ еще находящагося въ непосредственной сѣдѣннѣ съ колоніей, и предумать было нельзя, — а что кромѣ честности для завѣдыванія колони-
 зационнаго дѣломъ нужно нѣчто болѣе широкое — объ этомъ, вѣроятно, баронъ не имѣлъ и понятія.

А. Беркенгеймъ.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ.

О романѣ г. Ясинскаго: „Юрьева могила“.—Романъ какъ справочный указатель по вопросамъ исторіи, археологіи, политической экономіи и пр.—Еврейскіе характеры и типы.—Жидовствующіе и ихъ потомки.—Памяти Н. С. Яснова.—Отношенія его къ вопросу объ индѣрцахъ.—Очеркъ его: „Владычій судъ“.

Въ прошлой нашей бесѣдѣ¹ мы изложили историческую часть новаго романа г. Ясинскаго—«Юрьева могила», посвященнаго изображенію русскаго еврейства въ его прошломъ и настоящемъ.

Однако, исторія, хотя бы и тенденціозно освѣщенная, не по душѣ романисту и главное свое вниманіе онъ посвящаетъ современному быту.

Рядомъ съ романомъ Клены Коричкой и профессора Кленовича идутъ параллельно еще два, ничѣмъ другъ съ другомъ несвязанныхъ, романа: молодой ученый Николай Коричкій влюбленъ въ Сарру—дочь богатаго еврей-землевлдѣльца Запшевича, а хромоногій пророкъ и проповѣдникъ Тарновецъ, обучавшійся въ раввинскомъ училищѣ, любитъ дочь еврей-колониста Нохима Волькенмана.

Профессорскій романъ, какъ солидный и законовѣрный, идетъ безъ всякихъ препятствій, а потому нрядно скученъ, но за то интересъ изложенія искупается русско-еврейскою любовью. Мы давно замѣтили, что евреи идутъ на пользу почтенному балетристу.

Въ самомъ дѣлѣ, интересная ситуація:

Сарра любитъ Николая; Николай обожаетъ Сарру, но отецъ Николая ненавидитъ евреевъ, а отецъ Сарры платитъ тѣмъ же чувствомъ русскимъ.

Молодые люди тоскуютъ, устраиваютъ тайныя свиданія подъ дубомъ. Многолѣвное дерево,—живописуетъ романистъ,—дружески простирало надъ ними свои вѣтви и въ ведро, и въ ненастье; оно было безмолвнымъ свидѣтелемъ ихъ взаимныхъ клятвъ, поцѣлуевъ, объятій и маленькихъ разволокъ. Дубъ этотъ также служилъ посредникомъ для переписки влюб-

¹ См. „Восходъ“ кн. 2.

ленныхъ. Словно, пушкинская барышня-крестьянка, она клала записочки въ дуло дуба. Но такъ какъ отвлеченныя радости,—по нѣтъю знающаго женщины всѣхъ націй романиста, — недоступны сердцу еврейской женщины, то Сарра всегда присоединяла къ хорошенькому конвертику что нибудь сладкое и приписывала: «съѣшьте немедленно прилагаемую зачѣтательную конфекту, но, кушая, непременно думайте обо мнѣ».

Николай Корицкій конфектъ къ своимъ письмамъ не прилагалъ, но также былъ, повидимому, мало склоненъ къ отвлеченнымъ радостямъ, такъ какъ часто вздыхалъ и обращалъ къ своему нечу слѣдующія рѣчи: «Выпелъ! дорогой мой пестъ! Можно быть съ характеромъ, но не имѣть силы воли. Я двадцать лѣтъ буду собираться сдѣлать то, что я долженъ сдѣлать... а ты все будешь смотрѣть на меня и улыбаться». Но воинствующіе родители нѣшали счастьемъ молодыхъ людей.

Кондратій Захарычъ бранилъ Николая, жалѣлъ, что прошла пора, когда непокорныхъ дѣтей можно было драть, но утѣшалъ себя надеждою, что сынъ его никогда не женится на жидовкѣ, а лишь «попользуется» ею. «Никогда не простилъ бы я сына—норализировалъ онъ—соблазвившаго дѣвушку. Но тутъ благословляю: подѣломъ, не вѣшайся на шею, если ты жидовка!»

Соломонъ Борисовичъ Запшевичъ, по малокультурности своей, находилъ мало интереса въ томъ, что его дочь соблазнить христіанина, а потому Сарра была подвергнута строжайшему надзору и опекѣ. Но она такъ быстро стала худѣть и блѣднѣть, не дотрогивалась до блюдъ, и такъ плакала по ночамъ, что Соломонъ Борисовичъ махнулъ на все рукою и возвратилъ ей прежнюю свободу.

Этою свободою молодые люди пользовались довольно однообразно, не доводя дѣла до возжелѣннаго конца, но за то ею воспользовался не безъ выгоды для себя почтенный романистъ.

Устроивъ наскоро вторую, то бишь, третью пару—Соню Волькеншатъ и раввиниста Тарновца, онъ посвящаетъ большую часть своего романа разнообразнымъ ученымъ диспутамъ.

Николай Корицкій, полюбивъ Сарру, возлюбилъ виѣствъ съ нею и еврейство. Онъ сильно печется объ его интересахъ и все свободное отъ любви время проводить въ томъ, что старается убѣдить профессора Кленовича въ великихъ достоинствахъ этой національности. Съ этою цѣлью онъ затѣваетъ безконечныя диспуты по набившимъ ужъ давнымъ-давно оскомину вопросамъ.

По щучьему велѣнію, по хотѣнію г. Ясинскаго, Николай Кондрато-

вить, безъ всякаго повода, налегать за обѣдомъ на корректнаго профессора съ назойливыми требованіемъ отвѣтить ему, — вѣрять ли г. профессоръ въ употребленіе еврейми христіанской крови?

Профессоръ Клеповичъ вѣрять и до такой степени поглощенъ этимъ важнымъ вопросомъ, что, несмотря на свою индрессированность, прочитываетъ тутъ же за столомъ длянѣйшую лекцію. Профессоръ говоритъ гладко и убедительно, цитируетъ историческія событія, хронологическія даты, — да и какъ же иначе, когда услужливый романистъ суфлируетъ ему, держа въ рукахъ книгу Лютостанскаго. Побѣда остается, конечно, за Клеповичемъ: такъ рѣшаютъ всѣ невольные слушатели, очутившіеся неваркомъ за ученикъ обѣдомъ. Казалось бы, чего еще желать?

Однако, многоопытный романистъ не довольствуется лекціей почтеннаго профессора. Онъ устраиваетъ диспутъ между Клеповичемъ и вполногнѣ Тарновичемъ — и это даетъ ему возможность, съ одной стороны, обнаружить свое знакомство съ литературой вопроса, а съ другой — заполнить двѣ главы, въ шестнадцать страницъ, силошными выписками изъ книгъ Хвольсона и Лютостанскаго. Единственно самостоятельный штрихъ представляетъ собою реплика служащаго у Корницкихъ прикащикомъ кохна Вовтуна. Неожиданно вышнвается онъ въ ученый диспутъ: «какъ же не жечь позволте замѣтить, и равными ихъ подлинно знаютъ таинство крови. Имъ христіанская кровь нужна, съ позволенія сказать, если жидовки родить. А главное, для синоптического средства — иначе Израиль истребится. Его званія не останется на землѣ. Имъ одинъ монахъ изъ евреевъ клялся и божился. Онъ имъ и таинство крови объяснилъ. Оно заключается въ слѣдующемъ. Евреи черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ распятія Спасителя, увидѣвъ, что вѣра христіанская сильно распространяется, въ ужасѣ обратились къ старѣйшему іерусалимскому раввину Равонѣ, что имъ дѣлать? Равнинъ Равонѣ сейчасъ порылся въ книгахъ — геръ-геръ, геръ-геръ! и нашелъ въ одной изъ нихъ, которая называется «Раббанъ», такія слова, что всякая зловерная вещь можетъ быть уничтожена не иначе, какъ черезъ синоптическое приложеніе другой вещи того же рода. А именно, на томъ мѣстѣ въ Іерусалимскомъ храмѣ, гдѣ былъ убитъ пророкъ Захарія, кровь его кипѣла и ничѣмъ не могла быть стерта. Князь Палузарданъ изумленъ былъ такимъ явленіемъ и спросилъ, отчего кипитъ кровь. Первосвященники отвѣчали, что то была кровь закланныхъ животныхъ. Тутъ, по приказанію князя, умертвили животныхъ, но кровь ихъ никакого кипѣнія не производила. Тогда первосвященники признались, что они убили пророка Захарія» и т. д. въ томъ же негѣномъ родѣ. Вся эта длинная рація заканчивается слѣ-

думаютъ авторитетною ссылкой: «объ этомъ было напечатано также въ знаменитой газетѣ «Гражданинъ», я самъ читалъ»... Однако, и эта фигура неистоватаго теоретика идеофобія давно уже набилъ оскомину: почтенный романистъ уже не разъ ее эксплуатировалъ; новизнѣ въ этомъ произведеніи, пожалуй, можно признать прирѣзъ, по которому цитаты изъ сочиненія Хвольсона проносятся обязательно на исковерканномъ языкѣ; впрочемъ эти ужасники и крайности, усвоенныя отъ рассказчиковъ увеселительныхъ заведеній, составляютъ единственное условіе, при наличности котораго можно признать за Ясинскаго право собственности на чужія шестнадцать страницъ.

Однако, и этотъ специфическій признакъ литературной собственности практичнаго романиста присущъ далеко не всѣмъ позаимствованіямъ его изъ области исторіи и публицистики. Въ новомъ произведеніи Ясинскаго мы встрѣчаемъ множество главъ, представляющихъ сплошную выписку изъ разныхъ историческихъ монографій и учебниковъ. Способъ вылетенія чужихъ страницъ въ романъ, хотя и оригинальнѣе по названію приема, но по существу своему примитивнѣе до наивности.

Въ XXIX главѣ авторъ навязываетъ Кондратію Захаровичу ревнивое желаніе прослѣдить, что дѣлаетъ его дочь по ночамъ во флигелѣ профессора-женика. Одѣвъ пальто, калоши и запасшись зонтикомъ, онъ пробирается нешривѣтно во флигель и, притаившись въ сѣняхъ, заглядываетъ въ приотворенную дверь—и что же?

Елена Кондратьевна сидѣла у стола и, положивъ подбородокъ на обѣ сложенныхъ руки, смотрѣла на профессора, а онъ ходилъ по комнатѣ или вдвугъ останавливался и говорилъ, отчеканивая каждое слово:

«Положеніе евреевъ въ Польшѣ было очень недурное—вы заблуждаетесь, Елена Кондратьевна. Страшный и жестокій выводъ, но на Западѣ гоненія способствовали тому, что тамошніе евреи культурно сравнялись съ мѣстными наседоніемъ и могутъ, наконецъ, пользоваться равноправностью. Въ Польшѣ же ихъ никогда не гнали, и за частныя преступленія никогда не подвергалась преслѣдованію вся нація. Евреи сами виноваты, что вызвали противъ себя озлобленіе народа въ украинскихъ областяхъ Польши. Съ одной стороны, они являлись пособниками польскихъ пановъ въ дѣлѣ реакціознаго угнетенія крестьянъ, а съ другой—экономическими вампирами края». Затѣмъ слѣдуютъ четыре страницы, посвященныя подробному изложенію «вампирства» евреевъ того времени, при чемъ приводятся подробныя исчисленія сколько, и въ какихъ городахъ было вырѣзано казаками вапировъ; счетъ получается весьма солидный. Такою же художественною

обоснованностью огулчаются главы о социализмѣ, о еврейскихъ сектахъ Франка и Саббата Цви.

Гуляя вблизи со своей невестой, Кленовичъ самъ предложилъ ей разсказать вторично объ одной изъ характернѣйшихъ еврейскихъ пророковъ рабинскаго періода. Вѣдь, къ чему это? — спроситъ читатель. О, г. Янинскаго не захватить врасплохъ! У него на все припасены несокрушимые аргументы: «Во мнѣ все больше и больше, — заявляетъ своей невестѣ профессоръ, — преобладаетъ потребность читать лекціи. Приняться мнѣ не нравятъ, скучновато бездѣйствіе». — *Сдѣлайте милость!* отвѣчаетъ она ему. — Аудиториумъ готовъ. Итакъ, кто былъ такой Саббата Цви? Мотивировка, какъ видите, наиважнѣйшая: сдѣлайте милость!. Правда, она сильно расходится съ эстетической теоріею почтеннаго романиста, но не надо забывать, что теорія эта была создана въ инку литературнымъ противникомъ, а отнюдь не въ ущербъ себѣ.

Витовой элементъ представленъ не менѣе научно и состоитъ изъ перевернутой quasi-научной враньи о поноженіи еврейскихъ колоній и неспособности евреевъ къ земледѣлію. Съ этой цѣлью авторъ останавливается на описаніи колоніи Глубокой.

Живущіе тамъ еврей-земледѣльцы оказываются поголовно бездѣльниками, эксплуататорами и насильни обманщиками. Обманываютъ они не только людей, но и лошадей. Въ подтвержденіе этого тезиса приведена особая «художественная» сцена: колониетская лошадка плохо плетется; ее пощипываютъ ударами — не помогаютъ; тогда съ вова соскакиваетъ мальчишка и бѣжитъ съ клокотъ сѣна впереди лошади; лошадь тавается за сѣномъ и пускается въ галопъ: мальчишка вскакиваетъ на возъ и бережно прячетъ клокъ сѣна. Мораль ясна: евреи совершенно неспособны къ земледѣлію и заслуживаютъ особаго надзора со стороны членовъ «общества покровительства животнымъ».

Въ этой нищенской колоніи пріютился хромой еврейскій ученый, юноша Тарновичъ. Дѣятельность его состоитъ въ томъ, что онъ соблазняетъ доль панаида Волькенмана и потакаетъ нѣтъ съ Николаемъ Кондратьевичемъ объ основаніи секты социализмъ жидовствующаго толка. Либерализмъ и любовь къ свининѣ не мешаетъ враньешному пророку придерживаться мелочей ритуала и носить установленныя «щипотъ». Это вызываетъ распри между главариами секты.

— А вы знаете, Тарновичъ, — кроговоритъ Николай Кондратьевичъ, вставая и одѣваясь; — обрядовыя мелочи, все таки, слѣдовало бы уничтожить. Нашъ союзъ никогда не будетъ имѣть много членовъ, если изъ

придется носить цыцесъ и покрываться талесами. Отчего же и не обрѣзаться?

— Я ничего не имѣю противъ обрѣзанія—отвѣчалъ Тарновницъ:—но, конечно, для младенческихъ субъектовъ и при томъ иудейскаго происхожденія. Я даже имѣю право настаивать... Глупо ссориться съ Моисеемъ, ну а что касается до талесовъ и цыцесовъ и еврейскаго языка, то бывшіе православныя христіанскія, которые вступили до нашего библейскаго совеса, ничего подобнаго рѣшительно не надо; бывшіе раввинисты пусть молчатъ, какъ имъ заповѣдано, а бывшіе христіане могутъ превращаться въ наивныхъ первобытныхъ людей, благовоющихъ передъ сильными ударами грома, предъ высокими деревьями, предъ могущественными силачами и прочими продуктами устраниннаго воображенія. Всякій молодецъ на своей образцѣ, лишь бы были выработаны принципы терпимости за уничтоженной чертой осѣдлости.

— Я бы не хотѣлъ такого раздѣленія нашихъ единомышленниковъ на обрѣзанныхъ послѣдователей Моисеевой обрядности и на...

— На рационалистовъ? — подхватилъ Тарновницъ.—Ну, ну, что же дальше. Надо добиваться слиянія и взаимныхъ уступокъ. Что? Уступокъ? Какихъ? Если два друга подаютъ взаимныя руки, то одинъ изъ нихъ отрываетъ ли себѣ носъ, чтобъ угодить другому? Нисколько. Они остаются съ своими индивидуальными носами, какъ двѣ птицы, летящія въ далекую теплую страну для одной цѣли, но принадлежащія къ разнымъ породамъ. Развѣ дѣлается ласточка воробьемъ, когда она улетаетъ съ нимъ въ центральную Африку?

— Воробей совсѣмъ не улетаетъ,—загѣтилъ зоологъ.

— Я прикѣрно говорю. Ну, а гусь? Уже громаднаго затрудненія представляетъ разрѣшеніе талмудическихъ авторитетовъ и возвращеніе въ Пятикнижію. Гораздо легче ожидать христіанъ, чѣмъ охристіанивать нашего упрямаго лассердечнаго племени. Но нѣтъ, фэ! ни того ни другого. Просто подадимъ другъ другу пожинаемыя руки и го! «впередъ безъ страха и сомнѣнія!» Позвольте маленькую секундочку, это мое стихотвореніе или такъ повезалося мнѣ, что будто что-то чужое? А, вспомнилъ! Я немножко передѣлывалъ его, въ прикѣненіи къ еврейскому народу. Впередъ безъ страха и сомнѣнія! Въ лучахъ зарницы искупленія!

Покончивъ съ организаціею соціанской секты, какъ и со многими иными головоломными вопросами, г. Яслискій вспоминаетъ, что пора кончить романтическую часть своего предлиннаго романа.

Николай Кондратьевичъ рѣшается, наконецъ, переговорить съ отцомъ

Сарра и торжественно просить у него руку дочери. Соломонъ Борисовичъ приходитъ въ ужасъ при одной мысли о крещеніи Сарры. Но влюбленный юноша успокаиваетъ его выраженіемъ готовности принять иудейство. Кажется бы, все разрѣшается къ общему благополучію, однако, жестокой романтикъ продолжаетъ мучить уступчиваго Николая Кондратьевича, заставляя Соломона Борисовича молоть несуразный вадоръ: «По нашимъ еврейскимъ понятіямъ, если бы вы стали даже прозелитомъ, намъ унизительно сѣвшивать кровь. У насъ есть гордость, о которой вы представленія не имѣете. Но неужели я сдѣлаю уступку современному духу на иверъ гѣнскихъ и румынскихъ евреевъ. Развѣ я сумасшедшій? Развѣ не сказано, что пускай лучше погибаетъ твое дитя, чѣмъ спасется иноплеменикъ? Вы же—иноплеменикъ, Николай Кондратьичъ, поймите. Я же терплю васъ оттого, что вы сильнѣе меня. Я долженъ презирать васъ и предать васъ смерти за одно ваше намѣреніе жениться на моей дочери!» Однако, страшенъ сонъ—да илюстрилъ Богъ: Соломонъ Борисовичъ въ концѣ монолога объявляетъ свое согласіе на бракъ и снабжаетъ Николая Кондратьевича письмомъ къ «одному гѣнскому раввину бенъ-Каену», который обратитъ его въ иудейство. На радостяхъ, вся семья Залшевичей вѣстѣ съ женихомъ собрались на ужинъ въ библиотекѣ каменнобродскаго замка. Со стѣн глядѣли на нихъ портреты древнихъ пановъ и паней и, казалось, выражали негодованіе Николаю Корицкому: «И ты, потомокъ исконныхъ владѣльцевъ края, что ты задумалъ. Въ особенности былъ выразителемъ портретъ смуглаго длинноносаго господина, у котораго на плечѣхъ поверхъ кунтуша былъ надѣтъ плащъ, въ родѣ талеса. Необыкновенно грустная мысль оживляла выпуклые глаза и жилистая рука судорожно сжимала книгу. Сарра давно уже замѣтила, что портретъ похожъ на Николая. Но сегодня въ его глазахъ стало мелькать беспокойство, котораго прежде не было, и сходство съ портретомъ усилилось».

Вскорѣ Сарра и Николай Кондратьевичъ уѣхали за границу.

Итакъ, въ новомъ произведеніи г. Яснискаго можно найти все, чего душа просить.

Тутъ—археологія и статистика, исторія и бытъ, любовь, сектанство, экономическія замѣтки и новизна... Не обошлось дѣло и безъ демонстративнаго приложенія моднаго закона «наслѣдственности». Во всемъ Зола уподобляясь, онъ окуталъ свой романъ легкой дымкой научнаго тумана. Въ складѣ характеровъ членовъ семейства Корицкихъ онъ отиѣчаетъ съ торжествомъ черты агагизма.

Рассказавъ исторію «Каменнаго Врода», романтикъ, съ одной стороны,

старательно подчеркиваетъ сходство жидовствующаго сочинителя Николая Кондратьевича Корицкаго съ его предкомъ княземъ Юріемъ, принявшимъ иудейство и женившимся на еврейкѣ; съ другой стороны, устанавливаетъ тождество характеровъ Кондратія Захаровича съ героемъ Гайдамачины, сыномъ князя Юрія, полковникомъ Пилоу, отличившимся неукротимой ненавистью ко всему еврейскому.

По этому поводу почтенный романистъ даже морализируетъ: князь Юрій, — говоритъ онъ, — мученикъ еврейства, а сынъ его Андрей Пилоу — мучитель. Въ совершенно обратномъ отношеніи состоятъ Кондратій Корицкій и его сынъ Николай: первый — преслѣдователь евреевъ, второй — ихъ покровитель.

Однако, кромѣ этихъ готовыхъ выводовъ, свидѣтельствующихъ о торжествѣ закона «наслѣдственности», въ романѣ заключается несомнѣнный матеріалъ еще для одного вывода.

Излагая ученіе Франка и его послѣдователей, г. Ясинскій сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующіе достовѣрные факты: «Франкъ назначилъ нѣкоего Лейбу Хотовича, принявшаго фамилію Лабанецкаго, варшавскій вице-патріархонъ, а самъ въ сопровожденіи жидка, принявшаго фамилію Ясинскаго, отправился проповѣдывать свое ученіе въ Австрію». Не скрою, что, читая про юркаго жидка «Ясинскаго», я невольно подумалъ: не сродни ли онъ доблестному романисту. Не сказанъ ли въ характерѣ І. І. Ясинскаго тотъ же законъ наслѣдственности съ его капризною сибію-сиппатай и антипатай?

Подождемъ: быть можетъ, въ своемъ ближайшемъ «научномъ» романѣ почтенный беллетристъ подтвердитъ нашу догадку. Это гнѣтъ вѣроятно, что ни одинъ изъ болѣе или менѣе примѣтныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей не избѣгъ своеобразнаго фотографическаго аппарата г. Ясинскаго; теперь ему остается живописать съ обычною злобой себя самого и своихъ присныхъ...

Разобранный сейчасъ романъ, — думается намъ, — вполне подтверждаетъ наше мнѣніе, что паденіе великаго дарованія романиста исключительно обуславливается его погоней за «успѣхомъ» и неизнепоклобствомъ передъ низменными истинами толпы.

Совсѣмъ иномъ представляется литературная дѣятельность недавно скончавшагося крупнаго художника; какъ бы впрочито употребившаго всѣ усилія, чтобы отвратить отъ себя благосклонные взоры читающей публики. А между тѣмъ, у его ногамъ сошлись люди самыхъ разнообразныхъ на-

правлений въ согласной оценкѣ его выдающагося значенія и единодушному признаніи серьезныхъ литературныхъ заслугъ.

Мы говоримъ о Н. С. Лѣсковѣ.

Было время, когда имя его произносилось съ острою ненавистью. Долгое время Стебницкій (псевдонимъ Лѣскова) считался непримиримымъ врагомъ всего прогрессивнаго, новаго и представлялся усерднымъ поклонникомъ прака и застоя. Въ эпоху беззабѣтныхъ увлеченій, безплатной лонки и движенія впередъ, когда къ глубоко симпатичному общественному настроенію принадалось столько нечистоплотныхъ и своекорыстныхъ лонакъ и шуугарей, Н. Лѣсковъ пошелъ наперекоръ господствующему теченію, уперно и самонадѣнно вызывая на бой всѣхъ, кто прикрывалъ чужини выстраданными досугами неправду и пакость дѣлъ своихъ. Въ боевомъ увлеченіи, въ своей истеричности убѣжденнаго отщепенца, онъ снѣвалъ благородное знамя и его честныхъ борцовъ съ тѣни, кто сражались, безъ всякаго риска, въ послѣднихъ рядахъ, а торжествовали побѣду среди первыхъ.

Въ этотъ заключалась политическая ошибка покойнаго писателя, досадная близорукость, скрывшая надолго отъ его пытливаго ума и чуткой совѣсти истинную правду и трогательное величіе столь сурово оснѣяннаго имъ историческаго момента.

Послѣдовавшія вскорѣ событія, быстраа и влчѣмъ не оправдываемая снѣва общественнаго настроенія, беззабѣчивое отреченіе интеллигенціи отъ своего прошлаго доказали, что въ пресловутомъ «Мараво» не все было заблужденіемъ. И вотъ, когда многіе изъ тѣхъ, кто вчера еще кормились около либеральнаго знамени, оставили его для болѣе прибыльныхъ доскутковъ, Лѣсковъ всталъ на защиту старыхъ, заброшенныхъ «словъ».

Конечно, и этотъ переходъ не могъ понравиться большой публикѣ, поклоняющейся лишь тѣмъ пророкамъ, которые угнѣютъ прислужиться къ господствующей модѣ. А Лѣсковъ, по всему складу своей независимой и своеобразной натуры, былъ человекъ старомодный.

Какъ бы на зло дѣйствительности сталъ онъ твердить забытыя слова—и самый видъ этого мнимаго ренегата долженъ былъ приводить въ немалое смущеніе такъ недавно клявшихъ его дѣйствительныхъ ренегатовъ. Среди ослѣдннана инонни новальнаго ненавистничества къ чужини обычаямъ, вѣрѣ и языку, тѣмъ рѣче и сильнѣе должна была звучать его мощная, выраженная при томъ въ глубоко художественныхъ образахъ, проповѣдь любви и примиренія. Исключительно ей, проповѣди, посвящены его произведенія послѣднана десятилѣтія—и въ каждой словѣ ихъ звучитъ глубокая искрен-

ность ищущаго правды и зовущаго къ ней писателя-учителя. Въ любви изъ этихъ разсказовъ или очерковъ прямо или косвенно отводится мѣсто указаніямъ на ненормальность отношеній современнаго общества къ инородцамъ. Върующій и дѣятельный христіанинъ, Н. С. Лѣсковъ питалъ глубокое уваженіе къ чуждымъ вѣроученіямъ, прекрасно сознавая, что каждое изъ нихъ служитъ одному и тому же великому дѣлу любви и благоволенія.

Тому же любовью и вдохновенной проповѣдью припренія проникнуты его разсказы, посвященные вопросу о положеніи евреевъ. Поднявъ свой голосъ въ ихъ защиту, Лѣсковъ не входитъ въ чуждую ему область экономическихъ взаимоотношеній; онъ не напускаетъ на себя вида снисходительнаго защитника, который готовъ признать и за евреями право на трудъ и существованіе. Эти вопросы для него давно рѣшены. Нѣчто иное, вѣчное и важное, будить его вниманіе; это—любовь къ человѣку, какъ къ брату.

«Над. Хрон. Воск.» своевременно пошѣстила на своихъ столбцахъ некрологъ этого выдающагося писателя и перечень тѣхъ его произведеній, которыя касаются еврейства.

Однако, въ этомъ перечнѣ пропущенъ одинъ изъ лучшихъ его очерковъ, въ которомъ такъ трогательно проявилась его жгучая любовь ко всему угнетенному и страдающему. Очеркъ этотъ—«Владычный судъ», появившійся еще въ 70-хъ годахъ, прошелъ какъ-то незамѣченнымъ. Его обошла молчаніемъ русская критика и, что страннѣе всего, не откликнула возникавшая вскорѣ послѣ того русско-еврейская журналистика.

Вѣроятно, это молчаніе должно быть объяснено опалой, которая въ тѣ времена тяготѣла надъ непонятнымъ писателемъ.

Несмотря на это, «Владычный судъ» выдержалъ нѣсколько изданій и, такимъ образомъ, то «доброе, разумное, вѣчное», выраженіемъ котораго служитъ этотъ очеркъ, не прошло безслѣдно и—какъ знать?—быть можетъ, заставило прыздаться не одного изъ числа тѣхъ, которые клянуть не по злобѣ, а по невѣдѣнію своему.

Зачинающій насъ очеркъ представляетъ собою не художественный вымыселъ, а неприкрашенную правду, носящую всѣ признаки были: самое событіе, нѣсто дѣйствія, участвующія въ немъ лица названы ихъ настоящими именами. Но правда эта разсказана съ такою безыскусственною теплотою и трогательною сердечностью, что всякій, даже предубѣжденный читатель долженъ признать въ авторѣ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ въ наше

жестоковѣнное время литераторовъ, которые способны «сердцемъ умиляться, о людяхъ плакать и молиться»...

Событіе это выхвачено изъ ирраціональной эпохи рекрутчины, когда изъ материнскихъ объятій вырывавась крохотный дѣти и заключались въ далекіе вантонистскіе батальоны, гдѣ измученныя непосильною муштрою пропадали безвозвратно для родной семьи. Непудрено, что по всѣмъ еврейскимъ городамъ и мѣстечкамъ непрерывно раздавались стоны и плачь бѣдныхъ матерей, потерявшихъ и теряющихъ смысловъ своихъ.

Начавъ свою службу въ Кіевѣ почти что вполнѣ, Н. С. Лѣсковъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ окунуться въ это море слезъ, такъ какъ былъ откомандированъ къ производству набора. Съ первыхъ же дней передъ нимъ раскрылось столько человѣческихъ или, точнѣе, нечеловѣческихъ мукъ и горя, на каждомъ шагу приходилось наблюдать такое множество потрясающихъ картинъ, что молодая чувствительность должна была скоро ступить и если порою когда и шевелилось слабѣе состраданіе, то его тотчасъ же, какъ говоритъ авторъ, подавляло сознаніе полнѣйшаго безсилія помочь этому ужаснѣйшему раздражающему горю цѣлой толпы забывавшихъ у стѣнъ палаты матерей и рвавшихъ свои пейсы отцовъ. На этомъ удручающе-ирраціонномъ фонѣ страданій, казалось, должно бы ступиваться всякое отдѣльное горе.

Но передъ привыкшимъ въ этия тягостныя картинкамъ наблюдателемъ внезапно встало такое ужасающее отчаяніе, что острая жалость смутила надолго его покой.

Въ образѣ безграмотнаго, оборваннаго и грязнаго жидка онъ урѣлъ невыразимое величіе безавѣтной любви и бессознательный героизмъ неутоненной самоотверженности. Этотъ очеркъ-былъ могъ бы служить образцомъ художественной выразительности, если бы только тому не иѣняли обихіе вводныхъ моментовъ и частыя отступленія въ область публицистики. За вычетомъ этихъ недостатковъ, можно, не обинуясь, признать, что во всей русской литературѣ не было по сю пору столь глубокаго и захватывающаго своею правдивостью изображенія «еврейскаго» характера.

Мы постараемся передать, по мѣрѣ возможности, нолно всѣ мельчайшія изгибы этого истинно-художественнаго произведенія.

Разъ какъ то во время наборной горячки авторъ сидѣлъ вечеромъ въ присутственной комнатѣ и занимался разборомъ груды жалобъ и прошеній. Среди шаблонныхъ жалобъ, писанныхъ въ однообразно-слезливомъ тонѣ, ему попался въ руки листокъ прескверной, скомканной бумаги. Самый видъ ея, свидѣтельствуя о какомъ то страшномъ горѣ, невольно притягивалъ къ себѣ.

«Я почувствовалъ» — говоритъ Н. С. Лѣсковъ — «неотразимую потребность самымъ внимательнымъ образомъ вникнуть въ эту бумагу, но лишь только приступилъ къ ея чтенію, какъ сейчасъ же увидѣлъ, что это было почти невозможно. Невозможно было понять: на какомъ это было написаномъ языкѣ и даже какинъ алфавитомъ. Тутъ были буквы и польскія, и рускія и вдругъ между ними цѣлое слово или одинъ звукъ по еврейски. Самое надписаніе было что то изъ роду надписанія, какое сдѣлали гоголевскіе кушцы въ жалобѣ, поданной «господину финансову» Хлеставову: тутъ были и слова изъ Высочайшаго титула, и личное имя предсѣдателя, и упоминались «уси генераль-губернатора и чины и ваши оберъ преподобіе, увѣште съ флигерточаковъ¹ и уси, кто въ Бога веруе».

Изъ этого своеобразнаго надписанія было видно, что проситель жаловался всѣмъ властямъ въ мірѣ и все это написалось въ такой нечеловѣческой формѣ, что бумага должна была считаться неподлежаще поданной. Однако, Н. Лѣсковъ не могъ отъ нея оторваться. Проситель въ каловонятныхъ выраженіяхъ, изъ коихъ трудно было добраться до смысла, рассказывалъ про постигнувшую его бѣду. Онъ былъ «интролигаторъ», т. е. переписчикъ, и обращаясь по своему мастерству съ разными книгами, «носящаго много науки въ премудрость Божяго слова пообширнаго разсужденія». Благодаря этому, онъ впалъ въ немилость у кагала, который, въ противность очереди и закона, началъ ночью на его доминию, свѣтилъ съ постели его десятилѣтняго сына и увезъ его къ сдачѣ въ рекруты. Приложенное къ жалобѣ присяжное розысканіе вполнѣ удостовѣряло правдивость его словъ; но очередь въ эти дни передъ концомъ набора не наблюдалась, а кагаль, съ своей стороны, представилъ розысканіе, оправдывавшее его образъ дѣйствій.

Чувствуя, видимо, свое бессиліе противъ надвигающейся бѣды, интролигаторъ молилъ лишь подождать одинъ день, потому что онъ навѣлъ уже вѣсто своего сына наемщика, двадцатилѣтняго еврея, и увезъ его къ сдачѣ, а просьбу эту посылаетъ «въ увпередъ по почтѣ».

Однако, просьба эта не могла быть уважена, такъ какъ вѣстникъ еще не былъ представленъ, а мальчикъ уже приведенъ и назначенъ на завтра къ осмотру. Крайне сожалѣя о несчастномъ отцѣ, авторъ съ тревогою продолжалъ обычную работу, а мысль его упорно возвращалась къ скончанной набограмотной бумагѣ интролигатора. Прошло нѣсколько часовъ; уже надвигалась полночь, а канцелярія дружно продолжала сѣш-

¹ „Флигерточаковъ“ это должно было значить: флигель - адъютантъ Чертковъ.

они заняты, готовясь къ завтрашнему присутствію. Вдругъ раздакъ въ смежной комнатѣ шумъ и разговоры, услышалъ, что канцеляристы съ громкимъ говоромъ бросились на дѣтвину.

Обезпокоенный этой необычайною возней, направился къ выходу и автору.

Здѣсь, на просторной, очень тускло освѣщенной террасѣ оказались всѣ чиновники. «Тускло, стоялившись сплошной массой, они насѣдали на плечи другъ другу и смотрѣли въ средину образованнаго ими круга, откуда чей то задыхающійся отчаянный голосъ вопиалъ сквернымъ жидовскимъ языкомъ:

— «Ай-вай! спустите мене, спустите... Уй, ай, ай-вай, спустите. Ай спустите, бо часу нема, бо онъ вже... тань улавру... утикъ... Ай ганшадитъ нитрополитъ... ай-вай, ганшадитъ нитрополитъ, когдажъ ви-же старъ чодованъ... ай-вай, когдажъ ви у Бога вируете... ай... штоже это такой бу-у-дѣть! Ай спустить мене ай... ай!»

— Куда тебя царя спустить! — остепенялъ его знакомый голосъ солдата Алексѣева.

— Туди... гвалть... я не знаю куда... кто въ Бога вируе... спустите... бо я несчастливый бидный жидовъ... що вамъ нине тринать... що нине шумитъ... я вже замучитъ... спустите ради Бога.

— Да куда тебя дѣнаго пустить: куда ты пойдешъ, куда просишься?

— Ай, только спустите... я иду... ей Богу иду... бо я не знаю куда иду... бо нине треба до самъ ганшадитъ нитрополитъ...

— Да развѣ здѣсь, жидъ ты этакой, сидѣть господня нитрополитъ! — резонировалъ сторожъ.

— Агъ... кеди жъ... кедижъ я не знаю, гдѣ сидѣть ганшадитъ нитрополитъ, гдѣ къ ему стукать... Ай, нѣ же его треба, нѣ его гвалть треба! — отчаянно картавилъ и отчаянно бился еврей.

— Мало чего тебѣ треба: такъ тебя царя и пустятъ до нитрополита.

Жидъ еще лине завылъ. — Ай нине нада нитрополитъ... нине... нине не пустятъ до нитрополитъ... Пронало, пронало мое дѣтко, мое несчастливое дѣтко!

И онъ вдругъ пустилъ такую ужасающую ноту вопля, что всѣ даже отшатнулись. Солдатъ зажалъ ему рукою ротъ, но онъ высвободилъ лицо и снова завонилъ съ жидовскою школьною вибраціею.

— Ой Іешу! Іешу Ганоцра! Онъ тебя обмануть хочеть: не бери его лайдака, нишигнера, плуга... Ой, Іешу, на що тебѣ такой поганецъ!

Услышавъ, что онъ зоветъ уже Ісуса Христа, я раздвинулъ толпу.

Передо мною было зрѣлище, которое могло напомнить группу съ бѣсноватыми на Рафаэлевской картинѣ, «Преображеніе», столь всѣмъ известной по превосходной гравюрѣ г. Юрдина. Пожилой, лохматый еврей, неопредѣленныхъ лѣтъ, весь мокрый, въ обмерзлыхъ лохмотьяхъ, но съ потными лицами, къ которому прилипли его черныя косы, и съ глазами на выкатѣ, выражавшими и испугъ и безнадежное отчаяніе и страстную безграничную любовь и самоотверженіе, не знающее никакихъ границъ. Его держали за шиворотъ и за локти два здоровенные солдата, въ рукахъ которыхъ онъ корчился и бился, то весь сжимаясь какъ улитка, то извиваясь узкою и всячески стараясь вырваться изъ оковавшихъ его желѣзныхъ объятій. Когда по приказанію рассказчика, его отпустили, то онъ бросился со стономъ и воплемъ въ присутственную комнату, гдѣ, забившись подъ столъ, вѣдывая зубами за край обшитаго галунами краснаго сукна, а рукою судорожно ухватился за столовую ножку. Напрасно оттаскивалъ его солдатъ, но онъ какъ бы приросъ. Однако, когда его оставили въ покоѣ, онъ по-несиному стихъ и сталъ торопливо вынимать изъ за пазухи бумагу.

Робко подавъ онъ автору пачку бумагъ, плотно обернутыхъ въ толстой бибулѣ, насквозь пропитанной какой то вонючей коричневатой влагою. Не безъ отвращенія развернулъ авторъ бумаги и оказалось, что передъ нимъ стоитъ тотъ самый интролигаторъ, прошеніе котораго за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ читалъ. Запиная и прерывая рассказъ свой какими то судорожными воень, онъ рассказалъ про новую свою бѣду. Насищикъ устроилъ съ нимъ злую, казалось бы, непоправимую штуку. Въ то время какъ интролигаторъ бился за спасеніе своего ребенка и рѣшилъ хотя бы прозаложить свою душу, но отыскать насищика, — ему попался какой то выгнанный подмастерье. Шатаясь безъ работы, онъ предложилъ свои услуги бѣдному отцу. Онъ наваялся за 400 рублей, но съ тѣмъ, чтобы условіе было писано между ними всего только на сто рублей, а триста даны ему впередъ. Переплетчикъ не спорилъ и согласился на всѣ условія. Онъ продалъ всю свою худобу, закабалился на много лѣтъ и выдалъ насищику триста рублей. Затѣмъ они вѣсть отправились въ Кіевъ. Однако по дорогѣ, въ Вѣдой Церкви, насищикъ исчезъ. Пока обезумѣвшій отъ отчаянія переплетчикъ разыскивалъ его по разнымъ заѣзжымъ домамъ и вертепамъ, тотъ успѣлъ пробраться въ Кіевъ и заявить одной изъ патронессъ прозелитизма о своемъ благочестивомъ наѣзреніи креститься. Надо замѣтить, что по закону заѣзжать еврея могъ лишь еврей. Ясно было, что этотъ плутъ задумалъ освободиться отъ обязательства посредствомъ профанакіа христіанской купели. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что въ то время, бла-

годаря женѣ генералъ-губернатора Е. А. Васильчиковой, въ Кіевѣ, точнѣе во всенъ край, нашла мода на обращеніе евреевъ въ христіанство. Обратившись къ одной изъ патронессъ, которая грушировала въ волгѣ княгини, лонкій еврейчикъ безошибочно расчиталъ всѣ ходы; его тотчасъ же окружили сочувственнымъ вниманіемъ и помѣстили въ лавру для подготовленія. Рассказывая о своихъ странномъ горѣ, несчастный отецъ метался, рвалъ на себѣ свои лохмотья и волосы.

«Всѣ мы—говоритъ Н. Лѣсковъ—при всенъ нашихъ несчастномъ вынкѣ къ подобнаго рода горестямъ и мукамъ, казалось, были поражены страшнымъ ужасомъ этого неистоваго страданія, вызваваемаго у этого бѣдняка даже *кровосей потъ*. Да, эта вонючая сукровичная влага, которою была пропитана рыхлая обертка поданныхъ ему нѣтъ бумагъ, и которою свердѣли всѣ эти документы, была не что иное, какъ кровавый потъ, который въ этотъ единственный разъ въ моей жизни я видѣлъ своимъ глазами на человѣкѣ. По нѣрѣ того, какъ этотъ «ледеи не утопшій и ледеи не спорѣвшій» худой изнеможенный жидъ размерзлся и размокъ въ теплой комнатѣ, его лобъ, съ прилипшими къ нему мокрыми волосами, его скорченныя, какъ бы судорожно теребившія свои лохмотья, руки и особенно обнажившаяся изъ подъ разорваннаго лаисардака грудь,—все это было точно покрыто тонкими ссадинами, изъ которыхъ какъ кипевшій сокъ сквозь частую кисю проступала и сочилась нежными росистыми каплями красная влага... Это видѣть ужасно!..

Несмотря на глубокое сочувствіе, возбужденное этииъ страдальцемъ, горю его, казалось, при всенъ желаніи никакъ нельзя пособить. Но отповскому сердцу не хотѣлось вѣрить, что сынъ его безвозвратно потерянъ. Вопреки очевидности, онъ продолжалъ вѣрить въ возможность чуда и всѣ слабѣющія силы свои напругалъ на мольбу. Нельзя безъ содраганія читать тѣ страницы, въ которыхъ описывается, какъ этотъ несчастный отецъ, потуая въ авторѣ отзывчивое сердце, неотступно слѣдовалъ за нимъ. Глухою зимнею ночью, по улицамъ незнакомаго города, весь промерзшій, въ отрубныхъ, бѣжитъ онъ за его санями. «Понять нельзя — говоритъ Лѣсковъ—что это за нежить нечется, и въ заключеніе только что я остановился у ногѣвъзда моей квартиры, близъ церкви Св. Андрея,—это «оно», эта нежить опять словно тутъ и была... Но что же это такое? — А это былъ опять онъ, мой интролигаторъ, и въ томъ же самомъ растерзанномъ видѣ, съ тѣиъ же кровавымъ потомъ на голой холодной груди... Ему вѣрно не было холодно, сердце горѣло насквозь»...

Съ сознаніемъ своего безсилія смотрѣлъ авторъ на этого полупонѣшан-

наго отъ горя отца. Но тотъ не отставалъ и вслѣдъ за Лѣсковымъ проникъ въ квартиру — и едва онъ успѣлъ оглянуться, какъ обидникъ уже спалъ, свернувшись кольцомъ, на раскинутой между шкафомъ и дверью козвей шкурѣ, на которой обыкновенно спала ехотничья собака. Они лежали оба рядомъ.

Едва разсвѣло, — еврей убѣжалъ изъ квартиры молить, искать помощи...

Горе несчастнаго отца вызвало сочувствіе въ адъютантѣ генераль-губернатора Друкартѣ. Онъ устроилъ ему аудіенцію у генераль-губернатора и замолвилъ за него доброе слово.

Мы не станемъ останавливаться на прекрасной сценѣ свиданія едва изъясняющагося по-русски переплетчика съ кн. Васильчиковымъ. Добрыиъ сердцемъ своимъ князь почувалъ всю мерзость затѣяннаго наущникомъ обмана, но съ грустью долженъ былъ покориться силѣ категорическаго закона. Однако, онъ рѣшилъ испытать крайнее средство и приказалъ Друкарту отправиться съ евреемъ къ митрополиту. Въ то время кievской митрополіею управлялъ Филаретъ Амфитеатровъ. Онъ пользовался всеобщимъ авторитетомъ и слову его всѣ безпрекословно подчинялись. Къ нему то поѣхалъ Друкартъ вмѣстѣ съ переплетчикомъ. Едва его усадили въ сани, какъ приступы отчаянія возобновились. Онъ походилъ на сумасшедшаго. <Онъ скватывался, вскакивалъ, голосилъ, размахивалъ въ воздухѣ руками и нѣсколько разъ порывался скатиться кубаремъ изъ саней и убѣжать. Куда и затѣи? — Это онъ едва ли понималъ, но когда они проѣзжали подъ одною изъ арокъ крѣпостныхъ валовъ, ему это наконецъ удалось: онъ выпалъ въ снѣгъ и вскочивъ бросился къ стѣнѣ, заломилъ на нее вверхъ руки и завылъ:— Ой Іешу! Іешу! що Твій пинъ со мной зробить?> Его насилу снова усадили. Наконецъ подѣзжали къ воротамъ лавры. Митрополитъ гулялъ въ то время въ саду, и не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ воротъ, какъ встрѣтились съ нимъ.

Друкартъ сталъ излагать ему включеніе переплетчика, просьбу князя пособить горю и полную его безпомощность въ виду предписаній закона.

— Законъ... въ невозможномъ... невя просить! — какъ бы вслухъ подумалъ митрополитъ и вдругъ неожиданно перевелъ глаза на нитролингатора, который, страшно безпомощно, стоялъ немного по-одаль передъ нимъ съ согбенной позѣ...

Слабыя вѣки престарѣлаго владими опустились и опять поднялись и нижняя челюсть задвигалась...

— А? что же нѣ съ тобою дѣлать, жидъ? — протянулъ онъ и добавилъ вопросительно: — А? Ишь ты какой дуракъ!

Дергавшийся на икста́х итсропгаторъ, слышавъ обращенное къ нему слово, такъ и рухнулся на землю и пошелъ извиваться, рыдая и лепеча омытъ: Иешу! Иешу! Ганоцри! Ганоцри!

— Что ты, глухой, кричишь?—проговорилъ итсрополитъ.

— Ой васе... ой васе... васе высокопреосвященство... коли же... коли же никто... никто... якъ ви...

— Неправда; никто, какъ Богъ, а не я,—глухой ты!

— Ой Богъ, ой Богъ... Ой Иешу, Иешу...

— Зачѣмъ говоришь Иешу?—скажи: Господи Исусе Христе!..

— Ой, коли же... Господи ой, Сусе Христе... Ой, ой дай мнѣ... дай мнѣ господнятъ... господи... дай мое дѣтцо!

— Ну, вотъ такъ!.. Глухой.

— Огъ до безумія измученъ, владыка, и... удивительно, какъ онъ еще держится,—поддержалъ тутъ Друкартъ.

Итсрополитъ вздохнулъ и тихо протянулъ съ задумчивостью въ городъ:

— Люби неколи же ослабѣваетъ,—опять подыгъ глаза къ итщкванъ и вдругъ какъ бы нѣ сказалъ:

— Не достоинъ онъ крещенія... отослать его въ приѣмъ,—и съ этимъ онъ въ то же самое мгновеніе повернулся и ушелъ въ свои покои.

Этими словами владыки были спасены несчастный переплетчикъ и его малютка-сынъ.

Заканчивая свой очеркъ, Н. С. Лѣсковъ рассказываетъ, что много лѣтъ спустя онъ встрѣтился случайно въ лавкѣ букиниста со своимъ героемъ и, къ радости своей, узналъ, что тотъ по собственному побужденію принялъ христіанство и удивляетъ всѣхъ своею праведною жизнью.

Эпизодъ этотъ становится понятенъ въ связи съ тѣми задачами, которыя преслѣдовалъ авторъ, печатавъ свой очеркъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ напечаталъ свой извѣстный расказъ «На краю свѣта», въ которомъ съ свойственною ему откровенностью, осудилъ общезвѣстные приемы, практиковавшіеся въ то время для обращенія иновѣрцевъ.

Такъ же, какъ и въ рассмотрѣнномъ очеркѣ, онъ стремился убѣдить, что христіанство не нуждается въ подневольныхъ прозелитахъ и что въ дѣлахъ совѣсти и вѣры надо дѣйствовать исключительно силою убѣжденія, подкрѣпляемаго приѣвромъ дѣятельной и живой любви.

Ос. Грузенбергъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

עבודת ה' וי' ז' כ' ח' ט' י' י"א (О природѣ разума. Соч. Израиля Иосифа Сыркиса. В. 1894).

Небольшая книжка г. Сыркиса по глубокому интересу затрагиваемых ею вопросов составляет въ нашей бѣдной серьезными сочиненіями древне-еврейской литературѣ, далеко не заурядное явленіе. Авторъ задался цѣлью, на основаніи данныхъ опытной психологіи, изслѣдовать познавательную способность человѣческаго разума и возстановить въ этомъ смыслѣ его права въ виду усиливающагося скептицизма, отрицающаго способность разума познавать сущность вещей. Задача не новая, не новы также всѣ аргументы, которыми пользуется авторъ; но авторъ довольно удачно сгруппировалъ эти доводы и въ логической послѣдовательности изложилъ ихъ. У автора, впрочемъ, есть не мало новыхъ идей, весьма подкупающаго свойства. По главное достоинство книги — это языкъ, на которомъ она написана; при всей бѣдности нашего древне-еврейскаго языка, авторъ сумѣлъ изложить на немъ свои мысли въ высшей степени просто, ясно, а мѣстами даже изящно. Книжка г. Сыркиса выгодно отличается поэтому отъ другихъ подобныхъ ей по содержанію брошюръ новѣйшаго изданія.

К.

По недостатку мѣста „Литературная Лѣтопись“ отлагается до слѣдующей книги.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВОСХОДЪ».

С.-Петербургъ, Площадь большого Театра, 2.

Примѣчаніе. Вновь поступившія въ редакцію книги отмѣчаются знакомъ

Контора редакціи «ВОСХОДЪ» принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

I. БОГОСЛОВІЕ И ФИЛОСОФІЯ.

Дейтингъ, Э., библиотекарь Британскаго музея. Талмудъ. Этюдъ. Пер. съ 7-го изданія. Изд. третье. А. Е. Ландау. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Деличъ, Фр., проф. Слово правды о Талмудѣ (по поводу соч. А. Ролинга «Талмудическій еврей»). Перев. съ 7-го нѣм. изд. Н. Ворнсовъ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Каценелленбогенъ, С. А. Моисеево вѣроученіе для еврейскаго юношества въ 2 частяхъ и IV отдѣлахъ. Ч. I. допущенная Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для учен. евр. вѣроисповѣданія четырехъ низшихъ классовъ гимназій. Ц. 1 р. 85 к., съ пер. 2 р.

— Ч. II. Ц. 1 р.

Лурье, С. Страница изъ Талмуда. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Флисефедеръ, Д. И. Евреи и ихъ ученіе объ иновѣрцахъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.,

Хвольсонъ, Д. А. Проф. О нѣко-

торыхъ средневѣковыхъ обвиненій противъ евреевъ. Историческое изслѣдованіе по источникамъ. 2-ое совершенно переработ. изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., на вел. бумагѣ 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Цигельманъ Н. Л. Законоучитель для учениковъ іуд. вѣроисповѣданія, обучающихся въ специально евр. училищахъ и общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Шахрай, Л. Русское слово еврейскимъ дѣтямъ. Хрестоматія для евр. школъ. Изд. 2-ое, одоб. Учен. Ком. М. Н. Пр. Ц. 40 к., для училищъ 35 к.

Шперръ. Система Спнгнозы. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

— Метафизика мировыхъ процессовъ. Основы. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

II. ИСТОРИЯ.

Бершадскій, С. А. Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. т. I. Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ (1888—1850). Ц. 2 р.,

съ пер. 2 р. 30 к.—Т. П. Документы и регесты къ ист. лит. евреевъ (1550—1569). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Градовскій, Н. Д. Отношенія къ евреямъ въ древней и современной Руси. Часть I. Мотивы историко-національныя. Съ точки зрѣнія русско-православной. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гретцъ, Г. проф. Исторія евреевъ. Т. V. Отъ времени заключенія Талмуда (500 г.) до эпохи расцвѣта еврейско-испанской культуры (1027 г.). Пер. со 2-го нѣм. изданія 1871, съ прибавленіями. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Гретцъ. Исторія евреевъ. Т. X. Отъ эпохи голландскаго Иерусалима до паденія франкистовъ. 1618—1760 г. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Я. Гаркави. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Гретцъ. Популярная исторія евреевъ. Въ трехъ томахъ. Пер. съ нѣм. Изданіе И. М. Шварцмана. Выпускъ I. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—II Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—III и IV Ц. 50 к., съ пер. 65 к.—V и VI Ц. 50 к., съ пер. 65 к.—VII и VIII Ц. 50 к., съ пер. 65 к.—IX и X Ц. 50 к., съ пер. 65 к. Всѣ 10 выпусковъ, составляющихъ 1-й томъ, 2 руб. 80 коп. съ пер. 3 р. 15 к.—XI и XII Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Дубновъ, С. М. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. Ц. 35 к., съ пер. 45 к.

Флиседедъ, Д. И. д-ръ. Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

III. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Зейберлингъ I., д-ръ философіи. Противъ «книги Кагала» Брафмана. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Канторовичъ Я. А. «Юридическая бібліотека».

Вып. I. Честь въ философіи и въ правѣ. Проф. I. Экштейна. Ц. 80 коп.

Вып. II. Литературная собственность (съ приложеніемъ всѣхъ постановленій дѣйствующаго законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности, вмѣстѣ съ разъясн. по кассад. рѣш. Сената). Я. Канторовича. Ц. 80 к.

Вып. III. Общественное мнѣніе. Проф. Ф. Гольцендорфа. Ц. 80 коп.

Вып. IV. Женщина въ правѣ (съ приложеніемъ всѣхъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся до лицъ женскаго пола). Я. Оровича. Ц. 1 р. 60 к.

Кутанскій процессъ. Дѣло о похищеніи и умерщвленіи евреями крестьянской дѣвочки Сарры Юсифовой Модбадзе. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Моддерманъ, В., проф. Рецензія римскаго права. Пер. съ нѣм. А. Квинка, подъ ред. проф. С.-Петербургскаго университета Н. Л. Дювернуа. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Моргулисъ, М. Г. О давности владѣнія недвижимостью по Талмудскому праву. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Мышь, М. И. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Ц. 2 р. 70 к., съ пер. 3 р.

Оршанскій, И. Г. Русское законодательство о евреяхъ. Очерки и изслѣдованія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Риль, В. Г. Гражданское общество. Переводъ съ шестого нѣмецкаго изданія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Самойловичъ, Г. О правахъ ренессантниковъ-евреевъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Шерешевскій, И. И. О книгѣ Кагала. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

IV. ВЕЛЛЕТРИСТИКА.

Антаровъ, И. В. Изъ конкъ во-

слониваній. Барон и жиды. Очеркъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

— Дѣвичьи сны. Повѣсть. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Бернштейнъ, А. Повѣсти. Мендель Габборъ. Фейгеле Магидъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Bagrow, G. I. Memoiren eines Juden. Zwei Theile. Aus dem Russischen übersetzt von M. Ascharin. Цѣна за обѣ части (вмѣсто 4 руб.) 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Читается только на нѣмецкомъ языкѣ. Русское издаваніе «Записки Еврея» пишется лишь въ незначительномъ числѣ экземпляровъ и стоитъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Богровъ, Г. И. Еврейскій манускриптъ (пишется всего нѣсколько экземпляровъ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Гаррисъ, Э. М. Заблудшій. Романъ. Пер. съ англ. А. Каррикъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ге, Н. Г. Софія Маличъ. Между старинъ и новинъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Герцбергъ-Фремиель, А. Польскіе евреи. Разсказы, очерки и картины. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ подъ ред. Петра Вейнберга (съ примѣчаніями и біографіями).

Вып. I. Гете.—Вып. II. Шекспиръ.—Вып. III. Мольеръ.—Вып. IV. Данте.—Вып. V. Шиллеръ.—Вып. VI. Шериданъ.—Вып. VII. Софокль.—Вып. VIII. Байронъ. Цѣна cadaго выпуска 50 к., съ пер. 60 к.

Леванда, Л. О. Очерки Промлага. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Львовъ, К. Н. Саранча. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Манделъштамъ, І. Жемчужины тургеневской поэзіи и прозы. Съ приложеніемъ статьи: Нѣсколько словъ

объ Н. С. Тургеневѣ. Ц. съ пер. 25 к. (вмѣсто 75 к.).

Мордощевъ, Д. Л. Великій расколъ. Ист. романъ, въ 2 частяхъ. Изд. 2-ое. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

— Жертвы вулкана. Ист. романъ изъ послѣднихъ дней жизни Помпеи. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

— Между Сциллою и Харибдой. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Неглуховскій, Ф. К. Современное. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Ормешно, Элиза. Маргала. Ист. повѣсть. Пер. съ польскаго А. И. Онуфровича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рабиновичъ, О. А. Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. Каждый томъ отдѣльно 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Ротманнъ, Б. Въ духѣ времени. Романъ изъ современной жизни. Пер. А. Каррикъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Филлапсонъ, Д. Яковъ Тирадо. Ист. романъ. Пер. П. Вейнберга. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Французъ, К. Э. Повѣсти и разсказы. Пер. подъ ред. Петра Вейнберга. Содержаніе: I. Шейлокъ изъ Баркова.—II. Дитя искушенія.—III. Баронъ Шмуль.—IV. По закону вышнему.—V. Эстерка Регина.—VI. Ликъ Христа.—VII. Два Спасителя.—VIII. Везъ надписи.—IX. Изъ-за яйца.—X. Черный Авраамъ.—XI. Народный судъ.—XII. Шиллеръ въ Барковѣ.—Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Мальпомена. Трагическая исторія. Пер. П. Вейнберга. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

— Юдифъ Трахтенбергъ. Повѣсть, пер. А. Г. Каррикъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., въ издан. переп. 1 р. 35 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Фругъ, С. Г. Стихотворенія. 1881—1889. Изд. 2-ое, т. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р., на вел. бумагѣ и въ изящномъ переплетѣ—5 р. съ пер.

Хинъ, Р. М. Силуэты.—На старую тему.—Не ко двору.—Наташа Криничка.—Макарка. Ц. на вел. бумагѣ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Шекспиръ. Гамлетъ, принцъ датскій. 2-е испр. изданіе. Пер. и примѣненіе къ условіямъ современной сцены А. Московскаго. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

— **Отелло,** негръ венеціанскій. Съ предисловіемъ и антикритикой. Пер. и примѣненіе къ условіямъ современной сцены А. Московскаго. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Эберсъ, Г., проф. Исусъ Навинъ. Романъ изъ библейской эпохи, пер. С. О. Дитъпровскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Ярошевскій, С. О. Граница. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— **Выходцы** изъ Межеполя. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

V. ПУБЛИЦИСТИКА.

Еврейскій вопросъ въ Россіи. Безпристрастный взглядъ индивида. Ц. 10 к.

Канторъ, Л. Подвиги дилетантизма. Отповѣдь псевдоученому памфлетисту. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Лапинъ, Е. Настоящее и будущее еврейской колонизаціи въ Аргентинѣ. (Докладъ, читанный въ Центральномъ комитетѣ Евр. Кол. Общества) Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Леруа-Болье, А. Евреи и Антисемитизмъ, пер. Э. К. Ватсона и Г. И. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Лурье, С. Пятикнижіе и новѣйшій антисемитизмъ. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Лютостанскій. Современный взглядъ на еврейскій вопросъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Манасевичъ. Национализмъ и космополитизмъ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

— **О консервативн. и прогрессивн. началъ.** Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Моргулисъ, М. Г. Вопросы еврейской жизни. Собраніе статей. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к., для подписчиковъ «Восхода» 30% уступки.

Оршанскій, И. Г. Евреи въ Россіи. Очерки экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Прайсъ, Г. М. Русскіе евреи въ Америкѣ. Очерки изъ исторіи, жизни и быта рус. евр. эмигрантовъ въ Сѣв. Америкѣ (1881—1891 г.) Ц. 1 р.

Протопоповъ, В. И., протоіерей. Объ употребленіи евреями христіанской крови для религиозныхъ дѣлъ. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Scharif, H. A. Tragikomisches aus dem Leben. Ц. 25 к., (вмѣсто 75 к.) съ пер. 35 к.

Эми. Что дѣлать евреямъ? Нѣкоторыя сужденія о евреяхъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

VI. ГИГИЕНА-ПЕДАГОГИКА.

Ганъ, И. К. Надо-ли бояться грома и молніи? Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

— **Тетради** для грамматическаго разбора, № 1. Цѣна 5 к., съ пер. 10 к., (заказн. 15 к.).

— **Тоже** № 2. Цѣна 5 к., съ пер. 10 к., (заказн. 15 к.).

— **Тоже** № 1 и № 2 вмѣстѣ Ц. съ пер. заказн. 25 к.

— Знаки препинанія. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

— Спутникъ правописанія. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

— Толкователь газетъ и журналовъ. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

— Полный словарь буквы Ъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Май, Карлъ. Самоучитель англійскаго языка. Краткое руководство къ изученію англійскаго языка, содержащее въ себѣ: грамматику, разговоры и пр. Съ 18-го значительно дополненаго вѣи. изд. перевелъ И. М. Ш. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

Месновскій, А. Американская система обученія иностраннымъ языкамъ д-ра Ричарда С. Розенталя, съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго произношенія. 1) Образцовый самоучитель французскаго языка. Цѣва пространноу изданію 3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80 к. Общедоступное изданіе 75 к. съ пер. 1 р. 2) Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Цѣва полному курсу 3 р., съ перес. 3 р. 40 к. 1-й выпускъ 40 к., съ пер. 50 к. 3) Образцовый самоучитель англійскаго языка. Вышелъ 1-й выпускъ (отдѣльно не продается). Подписная цѣва на полный курсъ изъ десяти выпусковъ 3 р., съ пер. каждая выпуска заказ. 4 р.

Mieskowski's Lehrbuch zur praktisch-theoretischen Erlernung der russischen Sprache. Preis 3 Rub.

Пликусъ, проф. Гигіена волосъ и средства противъ преждевременнаго сѣдѣнія и выпаденія ихъ. Изданіе 3-е. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Vramson, Alfred, d-г. Зубы нашихъ дѣтей во время ихъ проростанія. Советъ матерямъ. Съ нѣи. пер. и дополнилъ А. Казарновскій. Съ 27-ю

рисунками въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Лауферъ, I. M. Зубной врачъ. Искусственные зубы. Популярное изложеніе болѣзней зубовъ и десенъ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Тинтинеръ. Ветеринарный врачъ. Рѣзка домашнихъ животныхъ и птицъ по еврейскому обряду. Ц. 50 к. съ пер.

VII. СБОРНИКИ, СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Еврейская Библіотена. Историко-литературный сборникъ. Изданіе А. Е. Ландау. 8 томовъ, I, II и III томы вышли *вторымъ изданіемъ*. Ц. каждому тому 2 р. 50 к., всѣмъ 8 томамъ вѣствѣ 16 р., съ пер.

Маганъ, И. Е. Новый законъ о мелападаѣ. Съ позднѣйшими разъясненіями М. Н. П. съ приложеніемъ относящ. къ нему статей уложенія о вак. и формы прошеній о выдачѣ свидѣтельства на званіе мелапада. Ц. 15 к., съ пер. 20 к., заказывъ 25 к.

Д-ръ Иноллеръ. Краткій курсъ грамматики древне-евр. языка, обработка Г. Генкель. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Лауферъ, I. M. Зубной врачъ. Сборникъ законовъ, правилъ, постановленій и распоряженій правительства для зубныхъ врачей, дантистовъ и учениковъ, съ указаніемъ официальныхъ изданій, и краткій медицинскій латино-русскій словарь. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Памятная книжка для евреевъ на 5655 г. отъ сотворенія міра (съ 19-го сентября 1894 по 17-ое сентября 1895 г.) въ 14 отдѣлахъ. Ц. 40 к. съ перес. 55 к., на лучшей бумагѣ 50 к., съ пер. 65 к.

Саронъ. Сборникъ исторіи, лите-

ратуры и общественной жизни. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданского шрифта (1708 г.) по Декабрь 1889 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Сюжъ. Еврейскій палестинскій оборникъ. Изд. В. Вермана. Выпускъ 1-й. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Уставъ гражданскаго судопроизводства и Правила о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подѣлочно-хозяйныхъ

Земскихъ Начальникавъ и Городскихъ Судьяхъ. Съ приложеніемъ таблицы сроковъ, алфавита, образцовъ прошеній и краткаго наставленія къ веденію гражданскихъ дѣлъ. Ц. 1 р. 25 к.

Экономическая хозяйна. Какъ нужно питаться.—Химическій разборъ съѣстныхъ припасовъ.—Рецепты кушаній, и напитков.—Полезныя свѣдѣнія по части чистки кружевъ, матерій, посуды и пр.—Гигіена кожи лица и рукъ. Сост. А. Суворова. Ред. врачъ И. И. Гончаровъ. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Прим. Подписчики «Восхода» за пересылку не платятъ, а прибавляютъ лишь на заказъ 10 к. на каждую посылку, не превышающую 4-хъ фунтовъ.

ЭКЗЕМПЛЯРЫ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

„ВОСХОДА“

1881—1894 гг.

ПРОДАЮТСЯ ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО Пониженнымъ цѣнамъ:

Годъ	Видъ	Кол-во экз.	Цена	Примечанія
1881 г.	полный	2	р. 50 к.	БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ
1883	»	2	» 50	»
1884	» I—VII вкл.	1	» 50	»
1885	» I—VIII	1	» 50	»
1886	» безъ III кн.	2	» 25	»
1887	» IV—XII вкл.	1	» 50	»
1888	» полный	2	» 50	»
1889	» IV—XII вкл.	2	» —	»
1890	» IV—XII	2	» —	»
1891	» полный	4	» —	»
1892	»	5	» —	»
1893	»	6	» —	»

Всѣ эти годы выстъ за 25 р. (вкл. 33 р. 50 к.) *безъ пересылки.*

За пересылку налагается платежъ, смотря по ея стоимости на почтѣ или желѣзной дорогѣ. При выпискѣ должны быть высланы всѣ деньги (за исключеніемъ стоимости пересылки). Выписка СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Отдѣльныя книжки: 1881—1889 гг. по—р. 50 к. *съ пересылкой.*

» » 1891—1892 » —» 75 » »

» » 1893—1894 » » 1 » — » »

О Г Л А В Л Е Н І Е

I. РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНІЕ СААДИ ГАОНА. Г. Г.	3
II. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. М. Г. Моргулжиса.	21
III. СЕНДЕРЪ ПЛАТЕЙЗЪ. Романъ. К. Э. Францова.	36
IV. НЕВЕСНАЯ ТРАВА. Южнорусское преданіе. (Окончаніе). Я. С.	68
V. САУЛЬ и ДАВИДЪ. Изъ Августа Платена. Стихотвореніе. Х. Зингера.	83
VI. ИЗЪ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ. Стихотвореніе. Федора Солмогуба.	85
VII. ПОЛОЖЕНІЕ О ЕВРЕЯХЪ 1804 ГОДА. Опытъ историческаго изслѣдованія основаній и мотивовъ этого законодательнаго памятника (на основаніи источниковъ). Проф. С. А. Бершадскаго.	86
VIII. ВИБЛІЯ и АНТИСЕМИТЫ. Г. С. Вольтке.	110
IX. ВНУКИ ГЕТТО. Романъ И. Зангвилля. Гл. П. Рафаэль Леонъ. Пер. С. Л. Федоровичъ.	122
X. СУДЪ НАДЪ р. ЭЛІЗЕВРОМЪ. Историческая замѣтка. Н. А. Перерфержовича.	155
XI. ЛЕГЕНДЫ ВОСТОКА. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	159
XII. О ДРЕВНОСТИ ИУДЕЙСКАГО НАРОДА. ПРОТИВЪ АПІОНА. Сочиненіе Флавія Юсіфа, переводъ съ греческаго наг. евр. словесности Я. И. Израэльсона. (Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги. (Стр. 13—28). (<i>Bound separately!</i>)	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XIII. КОЛОНИЗАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПАЛЕСТИНУ и АРГЕНТИНУ. А. М. Беркенгейма.	1
--	---

XIV. ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ. О романѣ г. Ясинскаго: «Юрьева могила». — Романъ какъ справочный указатель по вопросамъ исторіи, археологій, политической экономіи и пр. — Еврейскіе характеры и типы. — Жидовствующіе и ихъ потоки. — Памяти Н. С. Лѣскова.—Отношенія его къ вопросу объ инобѣрцахъ.—Очеркъ его: «Владычній судъ». Ос. Грузенберга.	27
XV. БИБЛІОГРАФІЯ <i>דברי חיים למי ש' חסד ,הלבנת עשב (О природѣ разума. Соч. Израиля Иосифа Сиркиса. В. 1894).</i>	44
XVI. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ конторы «Восхода».	45

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

М а й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Вольного Театра, 2.
1895.

ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ I. M. ПИНЕСУ.

ГЛАВА XVI¹.

ЭКРОНЪ.

Устройство образцовой хлѣбной колоніи.—Звѣри заморскіе.—Малоземелье.— Прикупка земли при Наане.—Новый фараонъ.—Мирное развитіе приостанавливается.—Начало политическихъ бурь.

Мартъ 1894 года. Шелъ мелкій дождь,—на весенній палестинскій дождь при солнечномъ сіяніи, напоминающій смѣхъ сквозь слезы,—но пасмурный, холодный дождь зимы. Сырой, рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ насъ сквозь. Небо было со всѣхъ сторонъ равномерно покрыто тучами, или, вѣрнѣе, одной тучей, сѣрой, тяжелой, предвѣщавшей, что дождливая погода установилась надолго. Казалось, что на этомъ хмуромъ небесномъ сводѣ никогда уже не появится ни одной улыбки, ни одного солнечнаго луча, что безвозвратно прошли свѣтлые радостные дни и навсегда водворился этотъ тоскливый полумракъ. Вслѣдствіе глинистой почвы дорога покрылась топкой грязью, которая тяжелыми комьями прилипала къ копытамъ моей лошади, скользящей и спотыкавшейся чуть ли не на каждомъ шагу.

По причинѣ ли дурной погоды, или другихъ обстоятельствъ,—но меня осаждали невеселыя мысли. Почти 4 года прошло со времени моего послѣдняго посѣщенія Св. Земли, и вотъ я снова здѣсь, вновь обзрѣваю колоніи, но послѣднія далеко не всѣ подвинулись впередъ въ своемъ развитіи. Вспомнились мнѣ нныя вожаки колонизаціи, служащіе для нея одновременно

¹ См. „Восходъ“, за 1894 г., кн. V.

источникомъ живой и мертвой воды; то, что они сами съ такими громадными жертвами, съ такой безпримѣрной настойчивостью призывали къ жизни, часто систематически сводится къ нулю ихъ управляющими. И особенно удручало меня это горькое сознание теперь, когда я подъѣзжалъ къ Экрону, который всего лишь недавно такъ жестоко поплатился за то, что вздумалъ помѣяться съ грозными авторами губительныхъ порядковъ. Экронъ здѣсь теперь сталъ притчей во языцѣхъ, нѣкоторые берутъ на себя защиту колонистовъ, другіе — и большинство — порицаютъ ихъ образъ дѣйствій въ отношеніи администраціи бароновской, но всѣ безъ исключенія проникнуты жалостью къ этой злополучной колоніи.

А между тѣмъ Экронъ возбуждалъ когда то не жалость, а зависть. Это была почти единственная еврейская колонія въ Палестинѣ, отвергшая всякія плантаціи и предавшаяся исключительно хлѣбопашеству.

И основанъ былъ Экронъ при особенно благоприятныхъ условіяхъ. Еще въ концѣ 1882 года, когда стали складываться первыя колоніи и начали выступать наружу нѣкоторые ихъ недостатки, въ Парижѣ, благодаря вліянію бѣлостокскаго раввина, г. Самуила Могилевера, приняты къ заключенію, что для правильнаго рѣшенія вопроса о пригодности палестинской почвы для земледѣлія, необходимо основать образцовую колонію изъ коренныхъ хлѣбопашцевъ. Г. Вриль, покойный редакторъ газеты «Halibanon», отправился по порученію барона Ротшильда въ Россію, выбрать въ одной еврейской деревнѣ 11 лучшихъ земледѣльцевъ и, обязавшись устроить ихъ наилучшимъ образомъ, отправилъ ихъ безъ семействъ въ Палестину. До покупки земли ихъ помѣстили въ Миква Израилѣ, гдѣ они временно начали работать въ огородахъ. Сюда, какъ на какое то чудо-заморское, приходили посматрѣть на этихъ грубыхъ, неуклюжихъ людей, крайне набожныхъ и все свободное отъ работы время проводившихъ за Св. Писаніемъ, — занятіе, которому, подъ вліяніемъ святости новаго ихъ мѣстожительства, они, конечно, предались болѣе ревностно, чѣмъ дома. Вриль, въ первое время находившійся при нихъ, очень гордился «своими дѣтьми» и ухаживалъ за ними какъ за рѣдкими и дорогими звѣрьми. «Вотъ такъ настоящіе хлѣбопашцы! невольно думалось каждому при взглядѣ на нихъ: — не чета этому слабосильному, изнѣженному контингенту другихъ колоній!»

Стали высматривать землю для нашихъ земледѣльцевъ, но

последніе были себѣ на умѣ и строго выбирали. Наконецъ, послѣ усердныхъ поисковъ, продолжавшихся цѣлый годъ, имъ понравился одинъ прекрасный участокъ земли въ 5 часахъ отъ Яффы, къ юго-востоку, около деревни Агирь, — гладкая, плодородная площадь въ 2700 дунамовъ (около 225 десят.), которая и была куплена на имя Гирша, директора Миквэ Израэля, по 100 руб. за десятину. Одновременно съ покупкой удалось покойному Абраму Маяду выхлопотать разрѣшеніе на постройку домовъ на пространствѣ не свыше $\frac{1}{6}$ десятины, — первое разрѣшеніе такого рода, официально полученное еврейскими колонистами въ Палестинѣ. Такая незначительная площадь была, конечно, чрезчуръ тѣсна для постройки колоніи, но по тому времени и это было счастьемъ. Для экономіи мѣста пришлось строить дома, не оставляя между ними промежутковъ; поэтому, отмѣривши улицу, выстроили по объѣму ея сторонамъ по 2 двухэтажныхъ каменныхъ корпуса, изъ которыхъ каждый былъ раздѣленъ поперечными стѣнами на три отдѣленія, такъ что получилось 12 отдѣльныхъ жилищъ. Позади корпусовъ были пристроены конюшни. Съ обѣихъ сторонъ улицы, между корпусами, было оставлено по свободному мѣсту: одно для синагоги, другое для административнаго дома. Разуmѣется, немедленно начали рыть колодезь, гдѣ вода была найдена на глубинѣ 40 аршинъ. Каждому колонисту дали по 4 вола, одной коровѣ и необходимымъ хозяйственнымъ принадлежностямъ. Послѣ покупки, при наступленіи зимы 1883 года, наши колонисты уже поселились на своей новой землѣ, которой дали имя Экронъ, въ виду того, что на этомъ самомъ мѣстѣ находился въ древности одинъ изъ пяти богатѣйшихъ филистимскихъ городовъ этого имени. Конечно, по причинѣ подготовительныхъ работъ, первый годъ былъ упущенъ и къ дравильной работѣ экронцы могли приступить только зимой 1884 года; къ этому времени пріѣхали уже ихъ семейства, раздѣлена была земля и выстроены дома.

Въ теченіе одного года была устроена вся колонія. Администратія бардовская считала, что Экронъ обставленъ прекрасно; всѣ единодушно долагали, что это будетъ образцовая хлѣбная колонія, которая нуждается въ поддержкѣ лишь до перваго урожая, а тамъ уже заживетъ въ независимости и доводствѣ. Какъ же могло быть иначе? Колонисты — люди, выросшіе въ физическомъ трудѣ, коренные хлѣборобы, земля у

нихъ прекрасная, скоть и земледѣльческія орудія—въ изобиліи: имъ только и оставалось, что сѣять да пожинать.

А между тѣмъ съ самаго начала дѣло было поставлено далеко не рационально. Помимо того, что неудобная постройка домовъ препятствовала разведенію скота и птицы и вообще развитію хозяйства, новая колонія страдала очень важнымъ недостаткомъ,—малоземельемъ. Всего было 225 дес. на 11 семействъ, т. е. по 20 дес. на семью,—надѣлъ недостаточный. Чтобы быть въ состояніи ежегодно кромѣ засѣянной земли оставлять часть подъ паръ и выгонъ, а также имѣть порядочный огородъ, колонисту надо имѣть не менѣе 80 десят. земли, слѣдовательно, экронцы могли получить не болѣе $\frac{2}{3}$ нормальнаго количества. Недостатокъ земли тѣмъ болѣе долженъ былъ дать себя чувствовать, что семейства экронскія были все многолюдныя, нѣкоторыя заключали по 10—18 чел. и состояли собственно изъ 3—4 семей. И пусть бы хоть всю купленную землю между ними раздѣлили,—такъ нѣтъ же! Администрація въ первомъ же году присоединила къ основнымъ 11 сем. еще 2 семьи, а затѣмъ еще 5, такъ что число семействъ доросло до 18 и на каждое пришлось среднимъ числомъ по 12 десят. Раздѣлъ былъ, впрочемъ, произведенъ такъ, что большія семейства получили и большіе участки, но въ результатѣ у всѣхъ было крайне мало земли. Экронцы съ самаго же начала протестовали противъ увеличенія числа колонистовъ, ссылаясь на малоземелье, но администрація со снисходительной усмѣшкой отвѣтила имъ, чтобы они не беспокоились, что если окажется мало земли,—прикупать еще: у барона, дескать, денегъ хватитъ. Последнее замѣчаніе убѣдило колонистовъ; они вѣдь видѣли, что баронъ не останавливается ни предъ какими затратами, что онъ ничего не жалѣетъ для нихъ, лишь бы они оправдали возлагаемыя на нихъ надежды. Но все таки, хотя и много денегъ у барона, гораздо рациональнѣе было бы со стороны администраціи пріобрѣсти землю, а потомъ уже принимать новыхъ колонистовъ. Нечего было ждать, пока окажется, что земли мало,—это было очевидно. Но вопросъ этотъ никого не беспокоилъ: всѣ такъ вѣрили въ будущее и въ сверхъестественное плодородіе экронской почвы.

Колонисты энергично принялись за работу. Любо было смотрѣть на нихъ. Наконецъ то увидѣли настоящихъ, заправскихъ земледѣльцевъ! Всѣ, отъ мала до велика, мужчины и женщины цѣлый день находились въ полѣ. Работа кипѣла подъ

ить руками. Но прошелъ годъ, другой, и, несмотря на хорошіе урожаи, колонисты по 6 мѣс. въ году нуждались въ помощи. Впрочемъ это никого не обезкуражило, было ясно, что вся бѣда въ недостатокѣ земли. Къ несчастью, при самой колоніи, несмотря на всѣ розыски, свободной земли для покупки не оказывалось.

Въ 1886 году, благодаря стараніямъ тогдашняго администратора колоніи, г. Оссовецкаго, въ разстояніи $1\frac{1}{4}$ часа къ сѣверо-востоку отъ Экрона, при деревнѣ Наане былъ купленъ еще одинъ участокъ земли въ 120 дес. Оссовецкій полагалъ, что онъ кореннымъ образомъ поможетъ Экрону, а это была большая ошибка съ его стороны. Во первыхъ, съ новой землей колонія имѣла всего 345 дес., т. е. по 20 дес. на семью, количество все еще недостаточное. Во вторыхъ, какъ только колонисты зимою 1886 года приступили къ обработкѣ земли при Наане, тотчасъ же обнаружилось много неудобствъ. Въ виду того, что работы полевые производятся преимущественно зимою, дожди часто препятствуютъ сообщенію между Экрономъ и Наане. На дорогу туда и назадъ колонисты теряютъ 3 часа, т. е. около $\frac{1}{2}$, и безъ того короткаго зимняго дня. Съ этими невзгодами можно было бы еще мириться, еслибы хоть земля эта граничила съ Экрономъ и была бы такъ скватъ на глазахъ; вѣдь во многихъ деревняхъ крайнія поля часто далеко лежатъ отъ усадьбы. Но главный недостатокъ вновь купленнаго участка заключается въ томъ, что онъ расположенъ далеко отъ колоніи, за арабской деревней, среди чужихъ полей, вслѣдствіе чего нѣтъ никакой возможности за нимъ усмотрѣть; и оградить хлѣбъ отъ безбожныхъ поправъ и кражъ со стороны вороватыхъ арабовъ можно только цѣною обременительныхъ затратъ.

Въ виду упомянутыхъ затрудненій, Оссовецкій мечталъ выстроить на новомъ участкѣ особые дома и переселить туда молодежь Экрона. Оссовецкій навѣрное добился бы осуществленія своей прекрасной мысли, но въ началѣ 1888 года послѣ происшедшихъ въ Ришонъ-Леціонѣ беспорядковъ онъ былъ переведенъ въ галилейскія колоніи, а на его мѣсто, на отвѣтственный постъ администратора трехъ колоній, — Ришонъ-Леціона, Песахъ Тикво и Экрона, — былъ назначенъ Влохъ, избравшій своей резиденціей Ришонъ-Леціонъ.

Какъ ураганъ разразился новый администраторъ надъ колоніями, приведенными чуть не въ военное положеніе. Соединяя

въ себѣ вмѣстѣ съ желѣзной волей дьявольскую хитрость и крайнюю жестокость, онъ поставилъ себѣ цѣлью въ бараний рогъ согнуть колонистовъ, съ корнемъ вырвать изъ нихъ мятежный духъ. И началась безжалостная чистка и ломка. До интересовъ колонизаціи Блоху не было никакого дѣла; справедливость, право,—все это были для него пустыя вещи, все было дозволено ради подавленія колонистовъ. Еще въ концѣ 1887 года усмиренные колонисты Ришонъ-Леціона принуждены были подписать знаменитые «пункты», коими они признавали себя только поденщиками въ своей колоніи,—Блохъ старался, чтобы они не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ чувствовали себя таковыми. Но этимъ онъ не удовольствовался: онъ вознамѣрился ввести эту систему и въ другихъ колоніяхъ, которыя не подали никакого повода къ репрессивнымъ мѣрамъ. Разумѣется, онъ встрѣтилъ отпоръ, но онъ рѣшился настоять на своемъ, хоть бы все прахомъ пошло. И вотъ первымъ результатомъ, достойнымъ мѣръ Блоха, было уничтоженіе зарождавшейся въ 1888 г. колоніи Кастинія, голая, неводѣнная почва которой и пустыне, наглухо заколоченные дома еще долго будутъ служить нѣмымъ памятникомъ Блоховской дѣятельности.

Блохъ не ограничился этимъ подвигомъ и тѣ же «пункты» приказалъ подписать и акронцамъ.

Оптимисты колонизаціи находятъ, и до известной степени справедливо, что признаніе себя простымъ поденщикомъ есть лишь пустая формальность, нужная администраціи для водворенія прочнаго порядка и повиновенія, что баронъ не станетъ же гнать колонистовъ, для блага которыхъ онъ потратилъ и готовъ еще потратить столько милліоновъ. Смѣшно и преступно не вѣрить Ротшильду, ему можно не задумываясь поднимать какіе угодно документы.

Но такъ можно разсуждать только со стороны. Когда колонисту предлагаютъ подписать, что земля, которую онъ орошаетъ своимъ потомъ, на которую онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ привыкъ смотрѣть какъ на свою неотъемлемую собственность, что земля эта, на которой видится его будущее и съ которой онъ надѣется уплатить долгъ барону,—принадлежать не ему и что онъ на ней не болѣе какъ простой поденщикъ, которому можно во всякую минуту отказать,—неколеблется тутъ и вѣра-вѣсная нежале въ человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ былъ

баронъ, тѣмъ болѣе, что самъ баронъ далеко и приходится полагаться на совѣсть гг. Блоховъ.

Экронцы были ошеломлены приказомъ подписать «пункты», считая ихъ величайшей несправедливостью. Они вообще не признавали за барономъ права такъ полновластно распоряжаться ими, ибо не они просили барона устроить ихъ въ Палестинѣ, но имъ предложили переселиться сюда, обѣщавши дать имъ все необходимое ховайство, о чемъ даже былъ заключенъ договоръ у духовнаго раввина. Они довѣрились агентамъ барона, оставили въ Россіи землю, даже скотъ, — и теперь, послѣ шестилѣтнихъ трудовъ, ихъ заставляютъ признать себя поденщиками. Экронцы на отрѣзъ отказались подчиниться требованію Блоха, и это послужило началомъ продолжительной борьбы съ администраціей, тянувшейся слишкомъ пять лѣтъ и окончившейся, разумѣется, полнѣйшимъ поражениемъ слабѣйшей стороны, т. е. колонистовъ.

Встрѣтивъ такой рѣшительный отпоръ, но, вслѣдствіе господствовавшаго между колонистами порядка, не имѣя повода применить къ нимъ строгія мѣры, Блохъ прежде всего прибѣгъ къ дѣлой системѣ мелкихъ придирокъ. Возникли какъ то недоразумѣнія между колонистами и ихъ сосѣдями — арабами, которые не позволяли гнать на пастбище еврейское стадо чрезъ ихъ поля. Обстоятельство это надо было урегулировать чѣмъ скорѣе; въ виду явнаго недружелюбія Блоха, который къ тому же лично еще ни разу въ колоніи не былъ, колонисты обратились за содѣйствіемъ къ Гиршу, директору Миквэ Израіля; но тотъ посовѣтовалъ имъ заявить объ этомъ Блоху. Когда послѣдній пріѣхалъ, наконецъ, въ Экронъ, колонисты попросили его поладить какъ нибудь съ арабами.

— Какъ вы смѣли жаловаться Гиршу и какое право имѣете вы вмѣшиваться въ дѣла администраціи?!

— Скотъ голодалъ безъ пастбища... — пробормотали нѣкоторые колонисты.

— А хотъ бы онъ совсѣмъ подохъ, — какое вамъ дѣло! — вскричалъ Блохъ и выгналъ всѣхъ.

Блохъ остался вѣрять себѣ. Дѣйствительно, какое дѣло этимъ поденщикамъ до чужого, ховайскаго скота? Вѣдь все принадлежитъ барону: подойдетъ у него нѣсколько головъ, — пригнать другихъ.

Дредъ насхой, за три мѣсяца до новаго урожая, вышли по обыкновению всѣ запасы у колонистовъ и они обратились

къ администраціи за субсидіей. Блохъ отказалъ категорически, но колонистовъ выручилъ директоръ Гирштъ, давшій имъ немного денегъ на праздникъ и постаравшійся, чтобы они получали муку до прибытія изъ Парижа представителя барона Ротшильда, г. Шайда, прїѣзжающаго ежегодно въ концѣ апрѣля въ Палестину для обревизованія колоній.

Эти и многія другія непріятности заставили колонистовъ серьезно призадуматься надъ своимъ положеніемъ, на которое они перестали уже смотрѣть сквозь рововыя очки. Они хорошо сознавали, что корень всѣхъ ихъ бѣдъ — въ малоземельи. Прошло цѣлыхъ 6 лѣтъ со времени ихъ прїѣзда, и до сихъ поръ имъ не купили столько земли, сколько нужно для существованія, благодаря чему они ежегодно нуждаются и должны просить помощи. Помощь эта служитъ надежнымъ кнотомъ въ рукахъ администраціи, пользующейся имъ при всякомъ случаѣ. Чтобы разъ навсегда выйти изъ подъ ига администраціи и стать, наконецъ, независимыми, колонисты рѣшили хлопотать о скорѣйшей покупке земли. Случай имъ благопріятствовалъ. На границѣ Экрона феллахи желали продать около 250 дес. хорошей земли, — какъ разъ столько, сколько нужно было для колоніи. Слѣдовало немедленно воспользоваться этимъ рѣдкимъ моментомъ, такъ какъ при малѣйшей переменѣ въ обстоятельствахъ феллахи могли раздумать. Въ апрѣлѣ прїѣхалъ Шайдъ и, когда онъ посѣтилъ колонію, экронцы собрались къ нему и подали просьбу, чтобы ихъ устроили, наконецъ, такъ, чтобы они не должны были нуждаться въ помощи, ради чего они хлопотали о покупке продающагося воиѣ Экрона участка. Шайдъ обѣщаль удовлетворить это ходатайство и, предъ отъѣздомъ въ другія колонія, разрѣшилъ выдать экронцамъ муку на два мѣсяца — до новаго урожая. Послѣднее распоряженіе доказывало, что Шайдъ также ужъ не совсѣмъ благосклоненъ къ колоніи, потому что въ прежніе годы помощь заключалась не въ одномъ только хлѣбѣ. Но Блохъ на одинъ только мѣсяцъ выдалъ муку; при наступленіи втораго мѣсяца онъ ничего не хотѣлъ дать и, когда колонисты ѣздили къ нему въ Ришонъ-Леціонъ просить муки, онъ то говорилъ, что на дняхъ прїѣдетъ къ нимъ, то ихъ вовсе гналъ и кричалъ, что они безъ его разрѣшенія не имѣютъ права отлучаться изъ колоніи. Наконецъ, онъ только нѣкоторымъ далъ муку на одну-двѣ недѣли; когда же его спросили, чѣмъ будутъ кормиться другіе, то послѣдовалъ отвѣтъ, что, если будутъ разговаривать, то и

этого не получать. Колонисты, выведенные изъ терпѣнія, со- звали сходку, рѣшили раздѣлить полученную муку между всѣми поровну и въ то же время послали телеграмму Шайду, находившемуся тогда въ Галилейскихъ колоніяхъ, съ просьбой предъ отъѣздомъ въ Парижъ еще разъ посѣтить Экронъ и урегулировать положеніе колонистовъ. Результатъ получился тотъ, котораго можно было ожидать. Черезъ нѣсколько дней нагрянулъ Блохъ, задалъ всѣмъ страшную востропу за теле- грамму; затѣмъ изрекъ резолюцію, коей три колониста, при- званные наиболѣе виновными, лишены на цѣлый годъ помощи (денежныхъ субсидій, врачебной помощи, пользованія аптекой, школой и проч.). Спустя нѣсколько времени пріѣхалъ «инспек- торъ колоній», г. Франкъ, проживающій постоянно въ Бейрутѣ. Колонисты обжаловали предъ нимъ несправедливый приговоръ Блоха, но получили уклончивый отвѣтъ, что «наступаетъ, молъ, праздникъ Всепрощенія, когда евреи взаимно извиняютъ другъ другу всѣ обиды. Навѣрное и Блохъ проститъ». Нечего и го- ворить, что великій праздникъ нисколько не смягчилъ сердце г. Блоха. До сихъ поръ все ограничивалось незначительными свалками между Влохомъ и колонистами, но теперь послѣд- ніе поняли, что напрасно они ищутъ защиты у однихъ слу- жащихъ барона противъ другихъ.

Со времени лишенія помощи трехъ семействъ колонисты сильно ожесточились, и съ того момента борьба ихъ съ адми- нистраторомъ приняла болѣе широкіе размѣры, при чемъ на этотъ разъ, благодаря совершенно особому обстоятельству, борьба получила религіозную подкладу.

ГЛАВА XVII.

„Субботній годъ“—Походъ противъ него.—Іерусалимскіе равнины заявляютъ о своемъ существованіи.—Ловля рыбы въ мутной водѣ.—Религія въ опасности.— „Запретъ“ и „разрѣшеніе“.—Экронцы становятся подъ знамя раввиновъ.— „Комитетъ шемиты“.—Худой миръ.

Зимой 1888—89 г. наступила «шемита», т. е. субботній годъ, когда еврею въ Палестинѣ строго воспрещено обрабаты- вать свою землю. Установленіе это нѣсколько разъ категори- чески выражено въ Ов. Писаніи: «Шестъ лѣтъ засѣвай землю твою и собирай произведенія ея; въ седьмой оставиши ее не- засѣянною; не трогай ее, чтобы питались бѣдные изъ твоего народа; а остатками послѣднихъ питались звѣри полевые. Такъ же поступай съ виноградникомъ твоимъ и съ масличною

твоею». — «Когда придете въ землю, которую Я даю вамъ, тогда земля должна покоиться въ субботу Господню. Шесть дѣтъ всѣвай поле твое, и шесть дѣтъ обрѣзывай виноградникъ твой, и собрай произведенія ихъ; а въ седьмой годъ пусть будетъ суббота покоя земли, суббота Господня: поля твоего не всѣвай, и виноградника твоего не обрѣзывай. Что само выростетъ послѣ жатвы твоей, не сжинай, и градъевъ съ необрѣзанныхъ лозъ твоихъ не сжинай: пусть будетъ это годъ покоя земли. И будетъ это во время покоя земли вамъ въ пищу, тебѣ, и рабу твоему, и рабѣ твоей, и наемнику твоему и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя; и скоту твоему, и звѣрямъ, которые на землѣ твоей, пусть будутъ всѣ произведенія въ пищу».

Это религіозное предписаніе, имѣвшее, вѣроятно, въ древности свои разумныя основанія, вытекавшія изъ тогдашняго общественнаго строя и своеобразныхъ законовъ о землѣ, въ настоящее время потеряло всякую почву подъ собою и на практикѣ совершенно невыполнимо. Изъ всѣхъ вторженій религіи въ житейскія дѣла «шемиты» для колониста самое тягостное. Цѣлый годъ не пахать, не сѣять, не обрѣзывать виноградниковъ! Земледѣлку, который и такъ еле перебивается, трудно въ шесть дѣтъ сберечь столько, чтобы седьмой годъ можно было сидѣть сложа руки и жить съ готоваго. Особенно вредно отозвалось бы соблюденіе шемиты на юныхъ, неокрѣпшихъ еще палестинскихъ колоніяхъ. И вотъ, чтобы пособить горю, съ наступленіемъ 1888 г. друзья колонизація подняли въ пользу несоблюденія «шемиты» сильную агитацію, постепенно всполошившую всю древнееврейскую печать и все ортодоксальное еврейство. Этимъ была оказана дѣлу медвѣжья услуга. Я думаю, что было бы лучше всего совершенно не подымать никакого шума и, никого не спрашивая, работать въ «субботній годъ» какъ и всегда. На первый взглядъ это можетъ показаться чрезуръ грубымъ рѣшеніемъ вопроса; но это не такъ. Сторонники несоблюденія «шемиты» могли ожидать отъ своей агитаціи одного изъ двухъ: обхода закона, или отмены его. Первый, несомнѣнно на кація ухищренія знатоковъ Св. Писанія и Талмуда, былъ невозможенъ: законъ, какъ мы видѣли, выражень чрезуръ ясно, и не поддается никакому договору. Остается другой выходъ, — отмена закона. И дѣйствительно, многие возвели вопросъ на стѣнѣ религіозной реформы. Но тутъ вовсе ужъ можно было ожидать успеха.

Религія тура на реформы. Всегда и вездѣ реформы проводились не легко, часто цѣною крови многихъ тысячъ людей. Причина этого кроется въ самомъ понятіи о религіи, которая, для сохраненія за собою печати божественности и непогрѣшимости, не допускаетъ никакихъ отступленій и поправокъ. Бравада, наши еврейскіе ученые, всегда чутко прислушивавшіеся къ вусудамъ народа, часто отмѣняли многія постановленія старины, въ каждое время того требовало, но они въ этихъ случаяхъ соблюдали величайшую осторожность, сознавая, что ихъ роль въ дѣлахъ о реформѣ должна быть консервативная. Они помнили, что, для удержанія за собою единственнаго и неоспоримаго авторитета въ дѣлахъ религіи, священнослужители должны быть самыми строгими исполнителями ея предписаній и что они подвергаются опасности потерять все свое вліяніе, если какой-либо классъ изъ народа ознается ревностіе ихъ и подыметъ противъ нихъ обвиненіе въ ереси. Итакъ, для того, чтобы реформа религіозная могла быть проведена вполне успѣшно, не возбуждая опаснаго противодѣйствія, первое и важнѣйшее условіе, — чтобы она была подготовлена временемъ, чтобы самъ народъ, подчиняясь требованіямъ дѣйствительной жизни, пересталъ соблюдать тягостный для него древній законъ; а потомъ уже очередь за авторитетными духовными вождями — принять и узаконить совершившійся фактъ.

Вопросъ о «шемитѣ», обязательной только въ Палестинѣ, былъ теперь впервые выдвинутъ жизнью, и интересы сравнительно ничтожной горсти колонистовъ были слишкомъ значительны, чтобы изъ за нихъ слѣдовало предпринимать серьезную реформу. На отжѣну этого отжившаго постановленія не могло быть надежды, а потому съ нимъ надо было поступить какъ вообще съ устарѣвшими, потерявшими свое значеніе, но еще не исключенными изъ кодекса законами, — не руководствоваться имъ.

Повидимому такъ смотрѣли на дѣло и нѣкоторые вліятельные дѣятели въ Палестинѣ, которые за полгода до «шемиты» принялись хлопотать, чтобы мѣстный раввинатъ не препятствовалъ колонистамъ работать въ теченіе этого года. Дѣйствительно, въ началѣ іерусалимскіе раввины вовсе не смотрѣли на это дѣло особенно строго и отнюдь не придавали ему такого значенія, чтобы считать себя обязанными выступить, какъ они это послѣ сдѣлали, поборниками религіи; они были не прочь молчать и этимъ какъ бы выразить свое согласіе, чтобы ко-

лонисты работали. При этомъ вполне основательно имѣлось въ виду, что молчаніе раввината колонисты не замедлятъ истолковывать въ смыслѣ разрѣшенія и, зная, что они могутъ работать, не возбудивъ никакого скандала, они спокойно предадутся своимъ полевымъ занятіямъ.

Но не долго продолжалось благодушное настроеніе іерусалимскихъ раввиновъ. Издававшаяся тогда въ Іерусалимѣ газета «Наог» принялась во имя святого дѣла колонизаціи и высшихъ интересовъ еврейства горячо уговаривать колонистовъ не соблюдать «шемиты». Появилась масса статей, въ которыхъ даже на основаніи разныхъ мѣстъ изъ Талмуда доказывалось, что постановленіе о «шемитѣ» будто теперь уже необязательно. Пылкая агитація, поднятая свободомыслящей газетой, редакторъ которой давно уже возбудилъ противъ себя ненависть вожаконъ мѣстной ортодоксіи за направленные противъ послѣдней многочисленныя обличительныя статьи, возстановила противъ себя раввинатъ, который, чтобы насолить ненавистному редактору и всей его партіи, сталъ заявлять, что нѣтъ никакихъ законныхъ основаній для несоблюденія «шемиты». Іерусалимскимъ раввинамъ было въ сущности мало дѣла до того, будутъ ли колонисты обрабатывать свою землю, или нѣтъ: болѣе мелкіе интересы выступили тутъ на сцену. Помимо счетовъ съ безбожной газетой, ихъ коробило еще то обстоятельство, что въ такомъ важномъ религіозномъ вопросѣ, какъ шемита, никто ихъ мнѣнія не спрашивалъ, что ихъ совершенно ни во что не ставилъ. Друзья колонизаціи хлопотали о разрѣшеніи работать въ «шемиту»,—но не у іерусалимскихъ раввиновъ, а предъ раввинскими свѣтилками въ Россіи. Администраторы бароновскихъ колоній никоимъ образомъ не думали прибѣгать къ содѣйствію іерусалимскихъ раввиновъ: они прежде всего полагались на собственную силу и на авторитетъ барона и думали, что достаточно имъ будетъ приказать, и колонисты будутъ работать, не ожидая религіозной санкціи. Вообще, до сего времени живая колонизаціонная дѣятельность развивалась совершенно особнякомъ и держалась въ сторонѣ отъ мѣстнаго ортодоксальнаго класса, который относился недружелюбно къ этому молодому движенію. И вотъ раввинатъ іерусалимскій рѣшился объявить войну всѣмъ этимъ заносчивымъ колонизаторамъ. Посыпались проклятія на тѣхъ, которые будутъ работать въ «шемиту», на тѣхъ же благочестивыхъ колонистовъ, которые будутъ соблюдать великое предписаніе Библии, призы-

важнѣе благословеніе Божіе. Стороны все болѣе разгорались и вмѣстѣ съ тѣмъ обострилась и борьба. Равнины пустыни въ ходъ всю свою артиллерію; одни за другими появлялись увѣщанія, воззванія, полетѣли во все концы міра письма, религія чуть ли не была объявлена въ опасности. Наконецъ, іерусалимскій раввинатъ въ сентябрѣ 1888 года разслалъ во все колоніи формальный запретъ относительно «шемиты» слѣдующаго содержания:

«Отъ раввина Іегошу Лейба Дискина и Самуила Саланта и двухъ бесединовъ¹ что въ Іерусалимѣ. Въ виду наступленія субботняго года, — 5649 г. отъ сотворенія міра, — мы доводимъ до свѣдѣнія нашихъ братьевъ колонистовъ, что нѣтъ никакого разрѣшенія пахать, сѣять, жать и садить деревья ни собственноручно, ни посредствомъ чужихъ, — кромѣ ухода за деревьями, который дозволенъ закономъ и частности котораго зависать отъ усмотрѣнія раввиновъ, — и мы все увѣрены, что соблюденіе шемиты послужитъ имъ къ благу. Истиннымъ считается выставить на видъ всю тяжесть грѣха нарушенія шемиты и заслугу точнаго соблюденія, что и безъ того вѣдомо всякому, знающему Св. Писаніе. Тѣ, которые до сихъ поръ исполняли законъ Божій, надѣемся, подчинятся ему и теперь».

Среди ожесточенной борьбы партій по поводу «субботняго года», за соблюденіе его стояли и многіе изъ ортодоксальной части колонистовъ. По ихъ мнѣнію, палестинская почва требуетъ вообще, чтобы ее оставляли каждый седьмой годъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что въ Палестинѣ хлѣбопашцы имѣютъ мало земли и поэтому не могутъ, какъ въ другихъ странахъ, ежегодно оставлять $\frac{1}{2}$ годъ паръ. Далѣе, почва палестинская сильно нуждается въ удобреніи и поэтому земледѣлецъ долженъ имѣть свободный годъ, чтобы основательно унавозить свои поля. Выставлялось также на видъ, что даже нѣмецкіе колонисты близъ Хайфы соблюдаютъ шемиту, путемъ опыта убѣдившись въ необходимости послѣдней. Все эти «доказательства» до того ничтожны и голословны, что не стоитъ труда и опровергать ихъ. Что касается ссылки на нѣмецкихъ колонистовъ, то это пустѣйшій вздоръ, сочиненный съ понятною цѣлью. Впрочемъ, колонисты не принимали никакого участія въ разыгрывавшейся предъ ними борьбѣ и даже самые набожные изъ нихъ намѣрены были работать.

¹ Духовныхъ судишищъ.

Исключеніе составляли экронцы; какъ люди очень набожные, они въ началѣ сильно колебались между требованіями дѣйствительности и религіи. Возбужденные противъ своей администраціи, они во всякомъ случаѣ были въ восторгѣ отъ хлопотъ, причиненныхъ ей іерусалимскими раввинами. Узнавъ о настроеніи экронцевъ и предвидя, что придется принять противъ нихъ репрессивныя мѣры, Блохъ по своему обыкновенію рѣшилъ прежде всего ослабить противника. Былъ сентябрь мѣсяцъ, молотба приходила къ концу, — надо было отобрать у колонистовъ пшеницу, чтобы потомъ посредствомъ голода можно было принудить ихъ къ чему угодно. И вотъ навъзвжаетъ Блохъ, созываетъ экронцевъ и заявляетъ: «Такъ какъ колонисты будутъ получать необходимую для пропитанія помощь, то взаимно того они обязаны все свои доходы отдавать полностью администраціи. Вся вымолотая пшеница должна быть немедленно доставлена въ администрацію, равно ей долженъ быть переданъ всякій заработокъ, всякій случайно полученный грошъ. За ослушаніе виновный въ первый разъ подвергается штрафу въ размѣрѣ въдесятеро превышающемъ утаенное, а во второй разъ администрація уже будетъ знать, что ей дѣлать». — Въ обыкновенное, мирное время колонисты безпрекословно подчинились бы этому требованію, но теперь они отлично понимали, къ чему оно клонится, и потому, когда чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ помощникъ Блоха за пшеницей, они отказали ему въ выдачѣ ея. Чѣмъ пахнетъ ихъ отказъ, колонисты хорошо сознавали, они понимали также, что Блохъ ни предъ чѣмъ не остановится, чтобы добыть своего. Тутъ какъ разъ подоспѣлъ вышеприведенный «запретъ» іерусалимскихъ раввиновъ. Порвавши съ администраціей, экронцы видѣли полезнымъ для себя заключить союзъ съ раввинами и почти уже рѣшили придерживаться пемиты. Грозный и ввѣщенный пріѣхалъ Блохъ въ Экронъ и сурово спросилъ колонистовъ, почему они не исполнили воли барона и не отдали своей пшеницы. Но магическія слова «воля барона» не подѣйствовали на этотъ разъ, ибо все сомнѣвались, впрямь-ли это воля барона? Колонисты твердо отвѣтили, если имъ намѣрены выдавать помощь, пусть администрація вычислитъ стоимость урожая и высчитаетъ ее изъ помощи. Но пшеницы своей они не отдадутъ ни за что, такъ какъ имъ памятно, какъ Блохъ недавно еще не хотѣлъ выдавать муку, когда у нихъ не было хлѣба. Блохъ подавилъ въ себѣ гнѣвъ и сдѣлалъ послѣдній ходъ.

— Отъ имени барона призываю вамъ воздѣлывать поля въ этомъ году! Иначе баронъ шлетъ у васъ все!

— Не какъ же мы можемъ работать послѣ столь строгаго запрещенія іерусалимскаго раввина?

— Запрещенія этого я не знаю. Я получилъ разрѣшеніе отъ главныхъ раввиновъ Россіи.

— Гдѣ же оно?

Блохъ побагровѣлъ; онъ считалъ, что одного его приказанія будетъ достаточно, а тутъ ему еще не вѣрятъ на слово и требуютъ подлинный оригиналъ. Но онъ обѣщалъ показать имъ подлинникъ и уѣхалъ.

Немедленно одинъ изъ помощниковъ Блоха отправился въ Іерусалимъ, чтобы заставить раввина взять обратно свой запретъ и замѣнить его разрѣшеніемъ. Не повѣдвѣ эта, разгубится, не повела ни къ чему. Въ то-же время и экронцы послали въ Іерусалимъ делегацію для совѣщанія съ раввинами. Послѣднимъ было очень важно перетянуть экронцевъ на свою сторону и потому они прежде всего стали дѣйствовать на религиозное чувство этихъ набожныхъ людей. — «Мудрецы наши, — говорили раввины по поводу насильственныхъ мѣръ администраціи, — позволяли себѣ многое измѣнять въ религіи, когда время и польза народная того требовали; но они же оставили намъ принципъ: самыя крупныя реформы могутъ быть проведены еврейскими законоучителями, но если какая нибудь отъиная сила стремится уничтожить какое-либо предписаніе религіи, то, если-бы даже дѣло шло о такомъ ничтожномъ предметѣ, какъ *шмурокъ отъ ботинки*, слѣдуетъ сопротивляться, не щадя своей жизни»... Зная, что соловья баснями не кормить, раввины обѣщали колонистамъ цѣлый годъ снабжать ихъ хлѣбомъ, если только они останутся вѣрными своей религіи. Жребій былъ брошенъ. Видя возможность и законъ соблудности и администраціи отомстить, колонисты рѣшили не работать. Съ такимъ союзникомъ, какъ раввинатъ, они ничего не боялись: приметъ администрація свою помощь, — они отъ раввиновъ ее получаютъ. Къ тому-же общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ; борьба отнынѣ ведется во имя религіи и никто даже изъ противниковъ «шемиты» не броситъ камнемъ въ людей, рискующихъ всѣмъ своимъ состояніемъ, всей будущностью въ защиту своихъ вѣрованій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого приѣхалъ Блохъ и вру-

чить колонистамъ слѣдующее «разрѣшеніе», составленное нѣсколькими изъ авторитетнѣйшихъ раввиновъ Россіи.

«Слѣдуетъ продать виноградники и поля мусульманамъ, обязательно какъ поля, такъ и урожай, срокомъ на 2 года. Продажный актъ долженъ быть заключенъ у іерусалимскихъ раввиновъ, съ согласія послѣднихъ.

«Работа на поляхъ и виноградникахъ должна производиться подъ наблюденіемъ евреевъ; но бѣдные, которые не въ состояніи нанимать рабочихъ иновѣрцевъ, могутъ сами работать, посоветовавшись предварительно съ мѣстными раввинами.

«Разрѣшеніе это имѣетъ силу только на наступающій 5649 годъ, но отнюдь не на тѣ шемиты, которыя послѣдуютъ послѣ».

«Разрѣшеніе» это, свидѣтельствуя о похвальной готовности русскихъ раввиновъ оказать услугу дѣлу колонизаціи, въ то же время доказываетъ все ихъ безсиліе предъ библейскимъ закономъ. Они изобрѣли обходъ закона крайне невыполнимый. Продажный актъ, совершенный у раввина, считается въ Турціи вполне дѣйствительнымъ. Поэтому фиктивная продажа земли арабу, предписанная «разрѣшеніемъ», была бы рискованнымъ шагомъ, могущимъ повлечь за собою крайне печальныя послѣдствія. «Разрѣшеніе» парализовало само себя тѣмъ, что не позволяло ничего дѣлать безъ іерусалимскаго раввина, враждебно настроеннаго противъ несоблюденія «шемиты»; онъ тормозилъ бы дѣло на каждомъ шагѣ и во всякомъ случаѣ не позволилъ бы никому работать самому, находя, что колонисты не бѣдные и баронъ можетъ платить за наемъ рабочихъ мусульманъ. Соображенія эти колонисты высказали и Блоху, но послѣдній заявилъ, что до ихъ взглядовъ ему нѣтъ дѣла, что раввиновъ іерусалимскихъ онъ знаетъ не хочетъ и что на основаніи «разрѣшенія» русскихъ раввиновъ, а также письма Цадокъ-Кана, главнаго раввина всей Франціи, онъ приказываетъ колонистамъ работать. Тогда экронцы съ меньшей рѣшимостью отвѣтили, что они намѣрены держаться мнѣнія іерусалимскихъ раввиновъ, а не русскихъ, такъ какъ: 1) администрація не хочетъ исполнить тѣхъ условій, при которыхъ «разрѣшеніе» дозволяетъ работать, 2) «запретъ» ясенъ, положительнъ, а «разрѣшеніе» полно натяжекъ; и 3) вслѣдствіе близости своей къ Іерусалиму они должны повиноваться болѣе мѣстнымъ раввинамъ, а не русскимъ, гораздо хуже первыхъ знакомымъ съ требованіями здѣшней почвы. Блохъ объявилъ поступокъ экронцевъ возмущеніемъ и тотчасъ отозвалъ изъ ко-

лоніи весь свой администраціи штатъ: помощника своего, доктора, аптекаря, учителя, музыканта и проч.

Итакъ, Блохъ увидѣлъ, что дѣло «шемиты» имъ проиграно, но онъ надѣялся воспользоваться состоявшимся разрывомъ, чтобы сломить въ концѣ-концѣ угорство колонистовъ; онъ былъ убѣжденъ, что безъ барона они долго не продержатся и ни откуда не получатъ помощи. Обстоятельства отчасти благоприятствовали намѣреніямъ Блоха. Последній годъ былъ очень неурожайный, вслѣдствіе недостатка дождей; колонисты долго не могли продержаться. Къ тому же облетѣвшая тогда весь міръ инфлуэнца хозяйничала и въ Палестинѣ. Экронцамъ, оставшимся безъ врача и аптеки, пришлось очень плохо; къ счастью, имъ сталъ оказывать бесплатную помощь яфскій докторъ г. Штейнъ. Въ то же время въ Іерусалимѣ раввинатъ основалъ особый «комитетъ шемиты», который началъ снабжать экронцевъ мукою. Комитетъ не былъ въ убыткѣ отъ этой операціи: онъ привелъ въ дѣйствіе свои обычные пружины и повсюду полетѣли воззванія къ правотѣрнымъ, чтобы отстоять религію, т. е. присылать деньги. И деньги обильно прибывали. Колонисты торжествовали. Блохъ выжидалъ. Прошла зима, наступила весна 1889 г. Пріѣхалъ по обыкновенію Шайдъ, посѣтилъ всѣ колоніи, а въ Экронѣ не былъ. Блохъ все ждалъ. Но, видя, что колонисты аккуратно получаютъ поддержку отъ «комитета шемиты», онъ послалъ въ Экронъ приказъ: 1) выгнать одного колониста имя рекъ, 2) смѣшать всѣ участки, уничтоживъ между ними границы, 3) каждый долженъ выдать документъ на долгъ свой барону, 4) колонисты должны подписаться, что они простые поденщики, которымъ каждый день могутъ отказать, и что земля принадлежитъ Гиршу. Колонистамъ при этомъ было объявлено, что если они не подчинятся этимъ требованіямъ, то ихъ въ теченіе 15 дней выгонятъ силою. Экронцы не подчинились. Блохъ дѣйствительно подалъ искъ въ серай, прося объ удаленіи шести семействъ съ непринадлежащей имъ земли въ Экронѣ и о высканіи слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Полтора мѣсяца таскали колонистовъ въ серай, послѣ чего процессъ былъ прекращенъ. Послѣ этой новой неудачи Блохъ ждалъ до осени и тогда возобновилъ свои требованія, полагая, что колонисты теперь станутъ уступчивѣе, такъ какъ приближалась зима, пора полевыхъ работъ, а у нихъ ни одного зерна не было для посѣва. Но «комитетъ шемиты» своевременно прислалъ въ Экронъ для

посѣва 100 четв. пшеницы. Блохъ былъ вѣкъ себя: теперь колонисты спокойно вспашутъ и засеютъ свои поля, зимнее время они какъ нибудь перебьются, а тамъ созреетъ хлѣбъ и они подавно не будутъ нуждаться въ немъ, бароновскомъ администраторѣ. Со злости онъ началъ къ раввинамъ, протестовалъ противъ ихъ дѣйствій, называлъ ихъ интриганами: но тѣ и въ усъ себѣ не дули. Тутъ-то Блохъ убѣдился, что игра его потеряна и только благодаря раввинамъ, которыхъ до сего времени онъ презиралъ и ставилъ ни во что. Онъ понялъ, что раввины эти—не безответные колонисты, это сила, способная поборотъ даже его, грозу колоній.—«Нѣтъ,—подумалъ хитрый администраторъ,—этихъ людей невыгодно имѣть своими врагами, лучше перетянуть ихъ на свою сторону». Онъ сразу перемѣнилъ фронтъ, сталъ любезенъ и почитателенъ съ раввинами, которымъ это, конечно, очень польстило, и началъ ихъ же просить, чтобы они взяли на себя посредничество и положили предѣлъ распрямъ между нимъ и экронцами. Блохъ теперь желалъ только одного,—съ честью выпутаться изъ этой неприятной исторіи. Для водворенія порядка въ Экронѣ составила комиссія изъ 5 раввиновъ и г. Франка, рѣшенію которыхъ Блохъ и колонисты обязались безусловно подчиниться. Въ концѣ ноября комиссія выработала слѣдующія условія мира: 1) Колонисты остаются въ колоніи на прежнемъ основаніи. 2) Администрація вновь принимаетъ на себя попеченіе о благосостояніи колоніи. 3) Колонисты уступаютъ всѣ свои огороды администраціи, которая употребитъ ихъ для своихъ цѣлей. 4) Колонистъ Г. исключается изъ колоніи.

Блохъ принялъ эти условія, хотя и съ оговоркой, что онъ долженъ написать о нихъ барону.

Е. Успенскій.

(Продолженіе будетъ).

МОЙ ДЯДЯ РЕВЪ ШЕВСЕЛЬ-ЭЙЗЕРЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Сначала я познакомился съ дядей по рассказамъ отца. Припоминаю. Это было очень давно. Мнѣ было лѣтъ 6 — 7. Въ одинъ изъ четверговъ, когда, по обыкновенію, въ «хедеръ» шелъ экзамень за недѣлю, я не оправдалъ требованія моего ребе, т. е. не обнаруживалъ достаточныхъ знаній въ пройденномъ недѣльномъ курсѣ, за что былъ такъ больно высѣченъ, что слѣды экзекуціи обнаружались часа четыре спустя, когда поздно вечеромъ возвратился домой. Разумѣется, всѣми силами я старался скрыть о постигшемъ меня вполне заслуженномъ наказаніи, ибо твердо зналъ, что тайны хедера должны оставаться тайнами, и что обычай этотъ, вѣками установившійся, долженъ быть свято и неварушимо соблюдаемъ «хедерникомъ». Но на этотъ разъ, помимо моей воли, я оказался нарушителемъ этого святого обычая. Какъ было сказано, меня высѣки пребольно. И вотъ, когда я возвратился домой и покойная мама, ласково встрѣтивъ своего любимца, сирѣчь меня, поснѣшила посадить за столъ, чтобы накормить ужиномъ,—я, благодаря усердію, съ которымъ ребе меня наказывалъ, предпочелъ ужинать стоя, такъ какъ сидѣть мнѣ было очень больно. Мама раза два замѣтила мнѣ, что непрямично стоя кушать. Каждый разъ, на ея замѣчаніе, я пробовалъ садиться, но каждый разъ вскакивалъ отъ боли.

— Ну, чего ты все вскакиваешь, золотой мой?—пытливо заглянула мнѣ въ лицо мама.

Чтобы не выдавать тайны хедера, я попробовалъ увильнуть отъ прямого отвѣта и чуть слышно произнесъ:

— Когда сажусь, мнѣ колеть въ боку...

— Въ какой бочекъ тебѣ колетъ, золотой ты мой, — встрепенулась мама и начала мнѣ ощупывать бока. — Ну, скажи, въ какой бочекъ?... Въ правый, что-ли?

— Въ правый, — солгалъ я.

Мама не удовольствовалась моимъ отвѣтомъ, подняла на руки, поставила на столъ и начала быстро раздѣвать меня. Лишь только мое тѣло обнажилось, мать чуть не выронила меня изъ рукъ и стала издавать такіе раздирающіе крики, что всѣ домашніе и прислуга сбѣжались съ перепуганными лицами.

— Что случилось? — спросилъ отецъ, прибѣжавшій первымъ.

Мать стонала, охала, ломала руки и не была въ состояніи отвѣтить. Когда она, наконецъ, пришла нѣсколько въ себя, то схватила меня обѣими руками и поднесла оголенное тѣлцо мое къ самому носу отца.

— На, смотри, что сдѣлали съ нашимъ первенцемъ, — произнесла она съ плачемъ.

Отецъ хладнокровно осмотрѣлъ всѣ слѣды отъ плетки ребе, почмокалъ губами и успокоительно произнесъ, обращаясь къ матери:

— На то четвергъ. Хотя, признаюсь, ребе Довидъ (имя ребе) немножко пересолилъ...

— Немножко, — взвизгнула мама. — Хорошо немножко!.. Изуродовалъ ребенка!... Я ему покажу, этому разбойнику, кату!.. Всю бороду вырву ему, разбойнику!... Ой, ой, ой!... Изуродовалъ онъ мое дитятко... Исполосовалъ всего... Скажи, мое золото, скажи, мое дитя, часто онъ тебя бьетъ?

— Ребе меня не билъ никогда, — произнесъ я съ плачемъ.

— А это что? — притронулась мать къ моимъ ранамъ.

— Это само собой сдѣлалось...

— Такъ, такъ, сынъ мой, — одобрительно закивала отецъ головой — ты хорошее, еврейское дитя. По правиламъ поступаешь: хедерныхъ тайнъ не выдаешь.

— Молчи, Моше, какъ тебѣ не стыдно!... крикнула мать. — Ребенка твоего изуродовали, а тебѣ ничего, какъ съ гуся вода!... Но я этого такъ не оставлю!... Я покажу проклятому Довиду!... Я ему покажу!...

И мать съ руганью по адресу ребе выбѣжала изъ комнаты.

— Ну, — усмѣхнулся отецъ, не завидую теперь ребе Довиду. Достанется ему отъ мамы.

Онъ взялъ меня на руки, отнесъ въ спальню и уложилъ спать. Такъ какъ боль давала себя чувствовать и я началъ охать, отецъ сѣлъ около меня, стараясь меня успокоивать.

— Ну, сыночекъ, не охай: на то ты еврейскій мальчикъ, чтобы быть битымъ по четвергамъ. Ужъ таковъ обычай. За то хорошимъ евреемъ выростешь. Самъ спасибо скажешь за эти побои, когда поймешь, что тебѣ же это на пользу дѣлается. Въ мое время больгѣе и чаще били въ хедерѣ и никакого вреда отъ этого не вышло. У меня былъ ребе, родной дядя, Шибсель-Эйверъ. Онъ-ли меня не любилъ? И все таки поступалъ строго: наказывалъ по два, по три раза въ недѣлю; по два такъ себѣ, слегка, а по четвергамъ — такъ ужъ прямо безъ пощады. Когда въ четвергъ послѣ обѣда, мы, мальчики, должны были повторить предъ нимъ все пройденное за недѣлю, дядя Шибсель-Эйверъ выстраивалъ насъ вокругъ стола стоя, съ приподнятыми рубашенками, съ обнаженными частями тѣла, а самъ вооружался плеткой... (Ахъ, какая у него была страшная плетка о четырехъ концахъ)... И начиналась эта пытка!.. Какъ только кто ошибется, плетка и загуляетъ по его спинѣ... Плакать не смѣли... А вѣдь эти истязанія продолжались долго: по няти, по шести часовъ, до окончанія занятій... Ну, и страшнѣе же былъ намъ четвергъ. Всю недѣлю мы съ трепетомъ ожидали его. И ничего, самъ видишь, не повредило мнѣ хедерное истязаніе: вышалъ изъ меня хорошій и здоровый еврей и на дядюшку не сержусь: для моей же пользы онъ меня билъ... Я даже за это благодаренъ дядѣ и люблю его. И ты, сыночекъ, долженъ любить р. Довида, ибо онъ, какъ и дядя Шибсель-Эйверъ, для пользы и любя наказываетъ...

Такъ утѣшалъ меня отецъ, но, признаюсь, если хотѣлъ успокоить меня, то дѣла не достигалъ. Боль во всемъ тѣлѣ чувствовалась мною такъ живо, что простить моего истязателя ребе Довида, тѣмъ паче полюбить его за это я былъ не въ силахъ. Оно и немудренне, — нравственную пользу отъ побоевъ мой дѣтскій умишко постичь не могъ, непосредственные же результаты отъ нихъ, т. е. нестерпимая боль, не могла внушить мнѣ, наперекоръ увѣщаніямъ отца, любви и сим-

патіи. И если до сихъ поръ единственная моя ненависть была къ ребе Довиду, котораго въ душѣ считала хуже «ката», то теперь къ этой моей единственной ненависти прибавилась еще другая болѣе сильная—къ дядѣ Шебсаль-Эйзеру, о которомъ я до сихъ понятія не имѣлъ и о существованіи котораго даже не подозрѣвала.

Разумѣется, возражать отцу я не думала и, закрывъ глаза, притворилась спящимъ. Къ возвращенію матери, послѣ расправы съ ребе Довидомъ, я дѣйствительно заснула. И только на слѣдующій день я узнала, что расправа эта была жестокая: мать возвратилась домой съ трофеемъ въ видѣ порядочнаго клокка волосъ рыжей бороды ребе Довида. За ночь боль совершенно прошла и я всталъ здоровымъ и невредимымъ. Мать было занекнулась, чтобы меня переимѣстили въ другой хедеръ, но отецъ и слушать объ этомъ не хотѣлъ. Онъ авторитетно заявилъ ей, что дѣло воспитанія—не женское дѣло и что лучшаго, какъ ребе Довидъ, и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Онъ весьма сурово выговорилъ ей и за расправу съ этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ ребе.

Я отправился въ хедеръ, какъ будто ничего и не случилось. Ребе Довидъ встрѣтилъ меня молча и только укоризненно указалъ мнѣ пальцемъ на свою лѣвую щеку, гдѣ огромное красное пятно свидѣтельствовало о расправѣ моей матери. Съ тѣхъ поръ ребе Довидъ примѣнилъ ко мнѣ новую систему воспитанія. Онъ пересталъ меня съчъ плеткой по голому тѣлу, а прививалъ мнѣ знанія при содѣйствіи пощечинъ, подзатыльниковъ и, вообще сухихъ ударовъ, которые никакихъ слѣдовъ на моемъ тѣлѣ не оставляли, но тѣмъ не менѣе намѣченной имъ цѣли все-таки достигали, т. е. отшибали мнѣ память и вселяли великій страхъ къ его рыжей персонѣ.

Какъ бы то ни было, вышеописанный случай вызвалъ въ памяти отца моего воспоминанія о собственномъ ребе, т. е. о дядѣ Шебсаль-Эйзерѣ, и онъ очень часто сталъ мнѣ рассказывать о своемъ хедерномъ времени, при чемъ въ его рассказахъ фигура дяди выступала въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что ребе Довидъ рисовался въ моемъ дѣтскомъ воображеніи чуть-ли не ангеломъ доброты въ сравненіи съ страшнымъ дядей Шебсаль-Эйзеромъ!.. Сколько ни слышалось на меня сухихъ уда-

ровъ но четвергамъ, я принималъ ихъ, если не съ радостью, то съ покорностью, благословая небо, что попалъ въ руки такого добрѣйшаго ребе Довида, а не такого страшнаго чудовища, какъ дядя Швель-Эйзеръ.

II.

Прошло около полугода, послѣ описаннаго выше случая. Какъ-то разъ въ пятницу, возвращаясь въ веселомъ расположеніи духа изъ хедера, предвкушая сладость продолжительнаго отдыха въ теченіе полутора сутокъ, я, прыгая, какъ молодой козленокъ, прибѣжалъ радостный и счастливый домой. Шутка-ли? Не только до утра воскресенья освободился отъ хедера, но предстояло еще удовольствіе отправиться съ отцомъ въ баню, гдѣ не столько занимало меня мытье, сколько угощеніе, которое обыкновенно слѣдовало послѣ бани въ видѣ шипящаго въ стаканѣ «Петербургскаго» кваса (кислыя щи), до котораго я былъ страшный охотникъ. Затѣмъ, когда шабасовая рыба будетъ готова, громадный кусокъ шучьей икры, который имѣла обыкновеніе подносить мнѣ мама и вкусъ которой казался мнѣ тогда райскимъ и врядъ ли уступающимъ вкусу левиафана, обѣщаннаго правовѣрному Израиллю въ закуску за перетерпѣваемые имъ злключенія. И еще многое множество хорошихъ вещей предстояло мнѣ жужать, включая сюда и мафтиръ (чтеніе главы изъ пророковъ на амвонѣ) на завтра, который былъ мнѣ обѣщанъ отцомъ еще въ прошлую субботу. Однимъ словомъ, быть въ хорошемъ расположеніи духа у меня было очень много причинъ. Но не успѣлъ я переступить порога дома, какъ мама встрѣтила меня извѣстіемъ, не только испортившимъ мое розовое настроеніе, но приведшимъ меня въ трепеть.

— А къ намъ дорогой гость пріѣхалъ, мое дитяtko, — радостно сообщила мнѣ мама.

— Кто такой? — спросилъ я.

— Дядя Швель-Эйзеръ.

Я былъ ошеломленъ, уничтоженъ этимъ извѣстіемъ. Если бы въ данную минуту подо мною разверся полъ и я медленно сталъ бы вращиваться въ тартарары, то врядъ ли бы

большій ужасъ, большій страхъ обуялъ меня. Мама и не замѣтила, какое устрашающее впечатлѣніе произвело на меня сообщенное извѣстіе, и радостно продолжала:

— Ну, дитя мое, пойдемъ, я тебя познакомлю съ дядей. Ты ему не забудь руку подать и сказать «шоломъ алейхемъ, дядя», какъ слѣдуетъ благовоспитанному, умному мальчику...

— Мамоchка, мамочка не хочу я къ дядѣ,— произнесъ я съ плачемъ.

— Какъ такъ?

— Я боюсь его; онъ злой...

— Неправда, онъ добрый...

— Нѣтъ, мамочка, злой. Я знаю... Онъ злѣе р. Довида...

— Кто тебѣ рассказывалъ такія глупости? Р. Довидъ и мизинца не стоитъ дяди. Р. Довидъ скверный меламедъ, а дядя большой раввинъ, краса Израиля, да сіяютъ надъ нами долго свѣточи его знаній... Ахъ, ты, дитятко, нашегъ къ кому приравнивать дядю.

— Но онъ папу сѣкъ!.. перебилъ я мать неострашимымъ, какъ мнѣ тогда казалось, аргументомъ противъ дяди.

— Ха, ха, ха!.. раскатисто засмѣялась мать.— Вышь, о чемъ онъ вспомнилъ! Да, вѣдь это было давно... Моше былъ такимъ же маленькимъ, какъ ты теперь, а можетъ быть и еще меньше тебя, какъ же было его не сѣчь? Самъ знаешь,—всѣхъ мальчиговъ сѣкутъ, чтобы хорошими евреями выросли. Ну, да что съ тобой долго разговаривать; пятница сегодня—некогда. Помни-же,—наставительно закончила мать,—ты подашь дядѣ руку и скажешь «шоломъ-алейхемъ».

Мать властно взяла меня за руку и потащила за собой. Чрезъ минуту я очутился передъ страшнымъ дядей. Я стою съ опущенной головой, не смѣя поднять на него глазъ.

— Ну, привѣтствуй дядю,—шепнула мнѣ мама на ухо.

Языкъ мой не повиновался и я продолжалъ молча и трепетно стоять предъ дядей.

— «Шейнеръ-бохеръ» (милый паренекъ), подай дядѣ руку, «шоломъ-алейхемъ», — раздался въ жонкѣ ушахъ плаксивый, почти дѣтскій голосокъ.

Я съ удивленіемъ поднялъ голову и увидѣлъ, наконецъ, собственными глазами страшнаго дядю, который даже по но-

чашъ грезился мнѣ въ видѣ необычайнаго страшнаго лица. Но, Боже мой, какое пріятное разочарованіе! Въмѣсто гиганта съ здоровыми кулачищами, съ свирѣпымъ взглядомъ, съ засученнымъ рукавомъ правой руки, въ которой болтается плетка о четырехъ концахъ,—какимъ я его себѣ представлялъ,—предо мною былъ маленькій старичокъ, почти карликъ, съ итгивей фвіономіей, съ заостреннымъ тонкимъ носикомъ и добродушной, почти дѣтской улыбкой. Если бы не его ужасно длинная борода, доходившая почти до колѣнъ, и густыя, прегустыя брови, ниспадавшія внизъ и касавшіяся рѣсницъ,—мнѣ бы, вѣроятно, не удержаться отъ желанія дать ему щелчокъ по его смѣшному тонкому носу.

— Шоломъ-алеихемъ,—опять раздался его пискливый, дѣтскій голосокъ.

— Алеихемъ-шоломъ, — отвѣтилъ я развязно и подаль ему руку.

Дядя пощипалъ меня слегка за правую щеку и одобрительно проивнесъ.

— Шейнеръ-бохеръ, шейнеръ-бохеръ!... И вѣроятно уже большой ламдонъ (ученый)?

— Нечего Бога гнѣвить, мальчикъ хорошо учится,—поддержалъ меня отецъ.

— Я радъ, очень радъ... Завтра, послѣ обѣда, мы его проэкзаменируемъ. Ухъ, какой онъ уже большой,—повертѣлъ меня дядя во всѣ стороны.—Чѣмъ не женихъ, настоящій женихъ. Мы ему и кале (невѣсту) найдемъ, если будетъ и впередъ хорошо учиться...

Въ то время, когда дядя осматривалъ меня со всѣхъ сторонъ, одобрительно качалъ головой и любовно похлопывалъ меня по плечу, я, съ своей стороны, всматривался въ него и изучалъ его фигуру во всѣхъ подробностяхъ. Его маленькая головка, прикрытая огромной мѣховою шапкой съ наушниками, изъ подъ которой торчала на затылкѣ бархатная ермошка, его длинная, предлинная, достигающая до самаго пола, хламида изъ чернаго атласа, нодюсанная чернымъ же кушакомъ, его кольцообразные, вьющіеся пейсы, достигающіе до самаго подбородка и болтавшіеся во всѣ стороны, такъ какъ обладатель этихъ пейсовъ ежесекундно помахивалъ головой, его набоющъ,

рыжеватые башмаки, которые случайно выглянули изъ-подъ длинной его хламиды, — все это составило для меня громадный интерес и ни одной подробности его одѣянія и наружности отъ меня не ускользнуло. Я даже замѣтилъ маленькую шишечку надъ его правымъ глазомъ, хотя она стыдиво пряталась подъ бровью. И вотъ, наблюдая эту смѣшную, маленькую фигурку, рядомъ съ атлетическою фигурой моего отца, я мысленно задавалъ себѣ вопросъ, какъ это могло случиться, чтобы такой старичокъ, какъ дядя Шебсель-Эйзеръ, могъ справиться съ такимъ высокимъ и крѣпкимъ мужчиной, какъ мой отецъ? Какимъ образомъ дядя могъ сѣчь отца, когда послѣднему стоило только дунуть и дядя превратится въ прахъ. Неужели отецъ самъ добровольно ложился подъ розги? Признаюсь, послѣднее предположеніе сильно подорвало мое уваженіе къ отцу, и я мысленно обозвалъ его глупымъ трусомъ.

Дядя прогостилъ у насъ около двухъ недѣль и за это время я съ нимъ настолько подружился и полюбилъ его, что когда наступило время разставанія съ нимъ, даже всплакнулъ отъ горя. Помню, какъ онъ любовно обшелся со мной, когда въ субботу послѣ обѣда явился ребе Довидъ, чтобы экзаменовать меня въ его присутствіи. Это былъ одинъ изъ торжественныхъ моментовъ моей дѣтской жизни. Еще наканунѣ отецъ предупредилъ меня о предстоящемъ экзаменѣ въ присутствіи такого выдающагося и строгаго ученаго, какъ дядя, и почти со слезами на глазахъ умолялъ меня не осрамиться.

— Не забудь, — наставлялъ меня отецъ, — что дядя Шебсель-Эйзеръ — великій раввинъ и гремить своею ученостью на весь свѣтъ, а потому тебѣ надо постараться и не ударить лицомъ въ грязь. При этомъ имѣлъ въ виду, что экзаменъ будетъ строгій, охъ, охъ, какой строгій! На тебя польется цѣлый дождь вопросовъ и одинъ замысловатѣе другого, одинъ острѣе другого (дядя великій мастеръ на эти штуки). Такъ ты не осрамишься самъ и не осрами меня!...

По случаю пріѣзда дяди, къ субботнему обѣду были приглашены челоуѣкъ пять гостей, въ томъ числѣ городской проповѣдникъ и два бѣдныхъ лондимъ (ученикъ). Эти два послѣдніе, почетные гости были люди старые, дряхлые и чрезвычайно истощенные. По исхудалости своей они казались выход-

цами изъ того свѣта. Въ особенности ламдонъ ревь Борухъ совершенно смахивалъ на покойника. Это былъ высокій, пре-высокій и изумительно тонкій жердообразный старикъ съ длиннымъ и увжимъ лицомъ земляного цвѣта, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и совершенно безкровными губами. И еслибъ не маленькіе, черные, искрающіеся, какъ угольки, крысыя глазки, его можно было бы принять не только за обыкновеннаго покойника, но за покойника, успѣвшаго уже высушиться на солнечномъ припежѣ въ теченіе многихъ лѣтъ,—до того сухой, пергаментный видъ имѣлъ цвѣтъ его кожи на наружныхъ частяхъ его тѣла: на шеѣ и на рукахъ. И другой ламдонъ, ревь Исроэль, не уступалъ въ худобѣ ревь Боруху, но за то отличался такой громадной бычачьей головой и такимъ феноменальнымъ носомъ, вершина котораго постоянно двигалась, что его ужъ за покойника принять нельзя было. И голосомъ же обладалъ ревь Исроэль! Боже мой, что это былъ за голосъ! Скорѣе всего, голосъ этотъ походилъ на басъ, но на какой-то особенный басъ безъ опредѣленнаго, установившагося тембра. Въ обыкновенномъ разговорѣ онъ издавалъ звуки скрыпучіе, словно звуки эти выходили не изъ живой глотки, а изъ пустой бочки. Если же ревь Исроэль въ спорѣ доходилъ до крика, то ужъ прямо приходилось уши затыкать, до того ошеломляюще дѣйствовалъ на нервы его голосъ, одновременно напоминавшій звуки и трубы іерихонской и никогда несмазываемыхъ колесъ телеги. Оба ламдона были одѣты чрезвычайно бѣдно, и я очень хорошо помню, что изъ рваныхъ чулокъ выглядывали у обоихъ голыя пятки. Проповѣдникъ ревь Шмуэль, хотя и хилый старикъ, но на покойника далеко не смахивалъ. Онъ обладалъ довольно солиднымъ брюшкомъ, былъ одѣтъ почти франтомъ и весело глядѣлъ на свѣтъ Божій своими подслѣповатыми глазками. Въ то время, когда гг. ламдоны пользовались репутаціей почти святыхъ мужей, весь свой вѣкъ прожили мірскимъ подаваніемъ и о нихъ молва говорила, что имъ не была извѣстна «цурасъ матбеи» (видъ монеты), ревь Шмуэль, отличавшійся выдающимся проповѣдническимъ талантомъ, напротивъ, не былъ чуждъ жадности и чревоугодія и за эти грѣхи пользовался репутаціей далеко незавидной.

III.

Изъ синагоги, гдѣ, въ скобкахъ скажу, дядѣ оказали весьма высокія почести, мы возвратились гурьбой и гурьбой же ввалились въ домъ, громко и весело привѣтствуя мать «гутъ-шабесомъ» (доброй субботой). Громадный обѣденный столъ былъ покрытъ бѣлоснѣжною скатертью и на немъ красовались самыя изысканныя закуски, какъ-то рѣдька, приправленная гусинымъ жиромъ и тонко изрѣваннымъ лукомъ, рубленная селедка, рубленная-же печенка, холодный «цимесь», холодная же рыба, «кихлахъ» (лепешки изъ тѣста, сдѣланнаго на яйцахъ, а не на водѣ), грудинка изъ «цимеса», разрѣзанная тоненькими ломтиками и приправленная лукомъ, и многое множество другихъ изысканныхъ закусокъ. Дядѣ, какъ самому почетному гостю, отецъ предоставилъ совершить «кидешъ» (произнести установленную молитву надъ изюмнымъ виномъ). Дядя благоговѣнно взявъ правой рукой налитый до краевъ наслѣдственный серебряный бокалъ и визгливо произнесъ молитву, а всѣ присутствующіе благоговѣнно же произнесли «аминь», когда онъ ее кончилъ. Послѣ этого дядя самъ хлебнулъ изъ бокала первымъ и передалъ другимъ, по старшинству. Всѣ приложились къ бокалу и когда очередь дошла до меня, то на днѣ его было только нѣсколько капель, тѣмъ не менѣе, бокалъ еще перешелъ къ двумъ—тремъ и тѣ тоже пригубились къ нему и аппетитно облизывались, хотя имъ ничего не досталось. По окончаніи «кидушъ» весело приступили къ обильной закускѣ и уничтожали ее на славу; исключеніе составляли только «ломдимъ», которые еле-еле прикасались къ кушаньямъ. Зато ребъ Шмуэль проповѣдникъ поналегъ на закуску такъ, что покойная мама, отъ которой ничто не ускользало, довольно сердито шепнула отцу:

— Ну, обжора-же ребъ Шмуэль!.. Пожалуй, сожретъ все безъ остатка...

— Останется, — успокоилъ ее отецъ.

Когда покончили съ закуской, приступили къ бесѣдѣ о злобахъ дня. Тутъ на сцену выступилъ ребъ Шмуэль, какъ человѣкъ свѣтскій и бывалый. Поглаживая жирными руками бороду, аппетитно чмокая губами, смакуя еще вкусъ только

что уничтоженныхъ въ изобиліи закусокъ, онъ, съ сознаниемъ собственнаго достоинства и съ ужимками профессиональнаго оратора, заговорилъ:

— Вѣдомо-ли вамъ, «раббойсай» (господа), что творится среди Израіля? Нѣтъ, я вижу вамъ ничего не вѣдомо!.. Тутъ онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.—Въ противномъ случаѣ, что значать улыбки, которыя я вижу на вашихъ лицахъ? Или вы не евреи и гибель Богомъ избраннаго народа вамъ ни почемъ? Но это допустить я не могу, значить: вамъ ничего не извѣстно. А между тѣмъ, несчастье велико и гибель Израіля настала!.. У вратъ жилища дома Іаковлева сторожить несчастье... Братья мои, о мои братья, мы гибнемъ!..

Подслѣповатые глазки оратора свергнули. Онъ укоренно, по очереди, оглядѣвъ присутствующихъ и уставился главнымъ образомъ сначала на мать, а потомъ на нашу кухарку, которая, стоя у дверей, слушала проповѣдника. Такое громовое вступленіе предвѣщаю весьма серьезныя необличенія и лица присутствующихъ сдѣлались серьезны и сосредоточены.

Послѣ эффектной паузы проповѣдникъ продолжалъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ:

— Раббойсай, праведный и грозный Судія нашъ наказываетъ насъ въ нашихъ дѣтяхъ: невинные младенцы мрутъ, какъ мухи. Насталъ настоящій моръ для дѣтей. Госнодь уничтожаетъ молодые побѣги ворня Іаковлева и вымещаетъ справедливый гнѣвъ свой на младенцахъ!.. Чѣмъ же мы прогнѣвили грознаго, но сираведливаго Бога нашего?.. Разумѣется, мы прогнѣвили Его грѣхомъ смертнымъ,—блудомъ!.. Грѣшать не только наши дочери и сестры, но грѣшать наши жены, мужнины жены!.. поняли?..

Проповѣдникъ горестно закачалъ головой и оцѣпъ уставился на мою мать, продолжая свою рѣчь и не переставая преслѣдовать ее своимъ упорнымъ взглядомъ.

— Это пахнетъ уничтоженіемъ нашего потомства!.. О горе намъ, горе!.. И причина всего зла, причина всѣхъ бѣдствій, съ сотворенія міра до нашихъ дней, все одна и та же: женщина!.. Развѣ не прародительницѣ Евѣ мы обязаны изгнаніемъ изъ рая? И вотъ теперь, эта созданная намъ въ нака-

заніе низшая тварь оиять осквернила себя блудомъ и наше невинное потомство гибнетъ!.. Не проходитъ дня, чтобы млад-бище не оглашалось плачемъ и стономъ родителей, хоронящихъ своихъ младенцевъ!.. Истощилося долготерпѣніе Господне и, благодаря имъ, этимъ грѣшницамъ, утопающимъ въ блудѣ, скоро настанетъ всеобщій моръ, конецъ свѣту... И вотъ этимъ мы обяваны имъ, имъ и только имъ, этимъ грѣшницамъ и блудницамъ!..

Тутъ ораторъ до того увлекся своимъ краснорѣчіемъ, что прямо указавъ рукой сначала на кухарку, а потомъ на мать. Первая молча и виновато опустила голову и слезы такъ и полились по ея лицу. Не берусь судить: было ли это слезы раскаянія въ собственныхъ грѣхахъ или же наша кухарка въ дѣйствительности была добродѣтельна, а слезы ея были только выразителями состраданія къ несчастнымъ жертвамъ блудницъ, къ малымъ дѣточкамъ, которыхъ она очень любила. Что же касается моей матери, то за ея добродѣтель я могу прямо поручиться, тѣмъ не менѣе взглядъ, устремленный на нее проповѣдникомъ, заставлялъ ее то блѣднѣть, то краснѣть, и, когда, наконецъ, онъ указавъ на нее рукою, какъ на блудницу, она не выдержала и запальчиво перебила:

— Какъ вы смѣете клеветать на честную жену?.. Есть у васъ доказательства?.. Вы накрыли меня на блудъ?.. Или у васъ имѣются свидѣтели моего повора?

И мать съ угрожающими жестами подступила къ проповѣднику. Последний было растерялся, но не надолго. Какъ человекъ благоразумный, онъ послѣдшилъ отступить отъ разгнѣванной мамы и спрятаться за широкой фигурой отца; а потомъ, обдумавъ положеніе, успокоительно промывнесъ:

— Высокочитимая хозяйюшка, какъ вы могли подумать, чтобы мои слова относились къ вамъ? Развѣ ваша добродѣтель подлежитъ сомнѣнію? Развѣ намъ неизвѣстно, что вы благочестивая жена, примѣрная хозяйка и образцовая мать... Не къ вамъ, лучшей женщины въ Израилѣ, относились мои слова, а къ тѣмъ недостойнымъ женамъ, по милости которыхъ гибнутъ младенцы!..

— Какъ вы смѣли указать на меня рукою: вотъ, молъ, виновница всѣхъ золъ!—не унималась мать.

— Развѣ я указывалъ на васъ рукою?.. Неужели это было?.. Нѣтъ этого быть не могло... Вы вѣроятно ошиблись... А впрочемъ, я человѣкъ почти слѣпой, можетъ и указалъ въ вашу сторону, не замѣтивъ васъ... Вѣрите, только услышавъ вашъ голосъ, я узналъ, что вы здѣсь...

— Дорогая племянница, — вмѣшался въ разговоръ дядя Шебсель-Эйзеръ. — Брось, оставь его. Онъ просто увлекся въ своемъ краснорѣчїи и невольно сдѣлалъ неподходящїй жестъ, вотъ и все.

— Конечно, не стоитъ разговаривать объ этомъ, — пришелъ отецъ на помощь дядѣ. — Пустой случай и больше ничего. Ты, моя жена, такъ высоко стоишь въ общественномъ мнѣнїи, что никакая клевета не можетъ тебя коснуться. Ты лучшая изъ женщинъ, ты жемчужина своего пола, ты моя гордость и мое величїе... Вотъ, дорогая моя, чѣмъ волноваться, лучше распорядись на счетъ «чолента» (субботнїй обѣдъ, который наканунѣ ставится въ плотно закупоренную печь, дабы сохраниться въ тепломъ видѣ), а то онъ остынетъ и моя хозяйка осрамится предъ дорогими гостями...

— О «чолентѣ» пора подумать, это вы точно, — не выдержалъ, чтобы не вставить свое слово ожирѣвшїй проповѣдникъ, предвкушая сладость обѣда и совершенно забывъ о разывравшемся по его винѣ инцидентѣ. — «Чолентъ» намъ самимъ Моисеемъ на горѣ Синаѣ заповѣданъ... Онъ насыщаетъ наше тѣло и укрѣпляетъ его на служенїе Господу!..

И ребъ Шмуэль аппетитно облизнулся.

Мать смѣрила его презрительнымъ взглядомъ и молча отправилась на кухню распорядиться на счетъ «чолента».

Обѣдъ начался довольно вяло. Разговоръ какъ-то не клеился. Всѣ находились еще подъ впечатлѣнїемъ непрїятнаго инцидента. Только самъ виновникъ его, ребъ Шмуэль, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣлъ за двоихъ и все подставлялъ матери свою тарелку, прося прибавки къ налитой ему порціи «чолента». Мать не отказывала, но каждый разъ дѣлала это съ нескрываемымъ презрѣнїемъ, что все таки не помѣшало обжорѣ повторять свои просьбы. Въ серединѣ обѣда солнышко стало выглядывать изъ-за тучъ тяготящаго за столомъ кошмара. Дядя Шебсель-Эйзеръ началъ излагать предъ почтен-

нѣйшею публикою весьма запутанное мѣсто изъ раввинской письменности. Всѣ оживились и бѣдные «ломдимъ» буквально превратились въ слухъ. Они отъ времени до времени вставляли свои замѣчанія, которыя, повидимому, задѣвали дядю за живое, и его спокойное вначалѣ изложеніе перешло въ концѣ концовъ въ очень оживленный споръ. Не вмѣшивались только въ этотъ ученый диспутъ мать и я: оба мы рѣшительно ничего не понимали, тѣмъ не менѣе прислушивались къ происходящему спору съ напряженнымъ вниманіемъ и тутъ же воочию убѣдились, что дядя Шебсель-Эйзеръ превосходитъ всѣхъ своею ученостью, ибо, во первыхъ, онъ больше всѣхъ волновался и кричалъ, а во вторыхъ, послѣднее слово осталось за нимъ. Не принималъ въ этомъ спорѣ участія и ребѣ Шмуэль, который былъ занятъ другимъ серьезнымъ дѣломъ: онъ собиралъ со скатерти крупинки, медленно клалъ ихъ въ ротъ и также медленно проглатывалъ ихъ.

Наконецъ, кухарка подала на столъ классическій «кугель» (національное блюдо, необходимая принадлежность субботняго обѣда). Онъ удался на славу: былъ прозраченъ, какъ янтарь, а жиръ такъ и брыгалъ отъ него. Мать была въ восторгѣ, ибо, онъ, съ одной стороны, оправдалъ ея славу въ кулинарномъ искусствѣ, а съ другой стороны «совершенно подтвердилъ радость хозяйки дорогому гостю». Она съ особой торжественностью приступила къ нему съ ножомъ и артистически разрѣзала его на части, причемъ самый солидный кусокъ положила на тарелку дяди, а своему врагу, ребѣ Шмуэлю, отомстила здорово, удѣливъ ему микроскопическій кусочекъ. Послѣдній не выдержалъ и обидчиво произнесъ:

— Жалѣю, что не имѣю возможности похвалить вашъ кугель: отъ такого кусочка вкуса не разберешь...

— И не хвалите,—довольно рѣзко отвѣтила ему мать.

Не успѣли еще гости покончить съ удавшимся на славу кугелемъ, какъ въ столовой очутился новый гость, ребѣ Довидъ. Съ перваго взгляда я положительно не узналъ его, до того онъ былъ расфранченъ. На головѣ его торчала мѣховая шапка, а на плечахъ болталась въ распашку изумительныхъ размѣровъ черная хламида. И то, и другое, т. е. и шапку и хламиду, ребѣ Довидъ взялъ у пріятели по случаю

прїѣзда дяди, дабы предстать предъ знаменитымъ равниномъ въ презентабельномъ видѣ, а потому и то, и другое сидѣло на немъ необыкновенно: собственникъ шапки обладалъ, вѣроятно, феноменально маленькой головкой, а ребе Довидъ, напротивъ, отличался изъ ряду вонъ выходящей громадной головой, а потому шапка еле-еле прикрывала верхушку ея и ребе Довидъ вынужденъ былъ держать голову прямо и ловить шапку каждую минуту правой рукой, ибо она обнаруживала поползновеніе улетучиться съ чужой головы. Хламида же его, напротивъ, вѣроятно, принадлежала человѣку роста высокаго и толстаго, претолстаго, въ плечахъ, а потому ребе Довидъ, человѣкъ тонкій и роста малаго, въ этой хламидѣ буквально утоналъ, и чтобы края ея не таскались по землѣ и не выпачкались, онъ не могъ одѣть ее на рукава, а ухитрился такъ набросить на плечи, что воротъ ея подогнулся почти на аршинъ во внутрь... Приподнимая постоянно лѣвое плечо ему удавалось удерживать хламиду въ равновѣсіи и не давать ей сползать.

— «Гуть шабесъ, раббойсай», — привѣтствовалъ онъ присутствующихъ.

Отвѣтивъ съ подобающей торжественностью на привѣтствіе, отецъ отрекомендовалъ его дядѣ.

— Это ребе моего первенца, самый выдающійся въ городѣ «меламедъ» ребъ Довидъ.

— «Шолемъ-алеихемъ», — подобоострастно произнесъ ребъ Довидъ, подавая руку дядѣ.

— «Алеихемъ-шолемъ», — въ свою очередь привѣтствовалъ дядя. — Радъ вашему приходу. Ну, «шейнеръ бохеръ», подойди ко мнѣ. Чтобы не откладывать, мы, съ Вожіей помощью, теперь прослушаемъ тебя. Вы согласны, р. Довидъ?

— Я затѣмъ и явился, чтобы похвастать передъ вами плодами моихъ трудовъ, — поклонился р. Довидъ.

Наступилъ самый страшный моментъ моей жизни. — Не запомню, чтобы когда-либо послѣ такъ трепетало мое дѣтское сердечко, какъ именно тогда. Наступила какая-то торжественная, почти зловѣщая тишина. Дядя сталъ очень серьезенъ и знаменательно крякнуть. Остальные тоже какъ будто моментально преобразились и сердито насупились. Тишина была

прервана такимъ ошеломляющимъ звукомъ, что всё вздрогнуло. Это ламдонъ Исроэль, вскакивая, произнесъ:

— Учинимъ ему экзаменъ строгій!...

И вотъ началось мое терзаніе. Цѣлый дождь вопросовъ, одинъ замысловатѣе другого, одинъ другого головоломнѣе, посыпался на меня. Не успѣвалъ я сладить съ однимъ, какъ уже другой, третій, четвертый и все такіе замысловатые вопросы предлагались моему рѣшенію. Я буквально терялъ голову и готовъ былъ разревѣться во всю, тѣмъ болѣе, что у экзаменаторовъ лица были такія строгія и они такъ враждебно, зло смотрѣли на меня. Кромѣ того перспектива наказанія въ видѣ сухихъ ударовъ со стороны р. Довида, если осрамлюсь, тоже не придавала мнѣ храбрости и я совершенно растерялся. Но въ самую критическую минуту дядя Шебсаль-Эйзеръ пришелъ мнѣ на помощь. Онъ авторитетно заявилъ, что такъ нельзя, что вопросы слѣдуетъ предлагать по очереди, что руководить экзаменомъ долженъ одинъ и что онъ беретъ на себя это руководство.

— Какой вопросъ вы желаете ему предложить, р. Исроэль?

Тотъ сказалъ, но такъ запутанно, что я ничего не понялъ. Дядя повторилъ вопросъ въ формѣ не только доступной, но даже въ такой, что въ самомъ вопросѣ скрывалъ и отвѣтъ на него. Я, разумѣется, сталъ отвѣчать на вопросы сначала очень сбивчиво, но окончательно освоившись съ формой вопросовъ дяди, и, уловивъ, что въ этихъ вопросахъ заключаются и отвѣты, обнаружилъ такую бойкость, что привелъ экзаменаторовъ въ восторгъ. Особенное удовольствіе выразилось на лицахъ отца, ребе Довида и моей матери. Последняя положительно сіяла отъ восторга. Когда экзаменъ кончился, она не могла удержаться: привлекла къ себѣ и осыпала поцѣлугами. Торжество было полное и всё по очереди осыпали меня похвалами.

— Да, — произнесъ дядя, — изъ него выйдетъ большой «ламдонъ». Это будущая краса Израиля. Учись, учись, мой дорогой, на радость родителямъ и въ награду мы тебѣ сыщемъ такую «кале», что другой такой и на свѣтѣ не будетъ.

— Точь въ точь, какъ мама? — спросилъ я.

— Еще лучше твоей мамы, — заявилъ дядя.

— Лучше мнѣ не надо...

Меня осыпали похвалами, назвали умницей и мама опять меня расцѣловала.

Вотъ какъ блистательно завершился для меня, начавшійся при такой торжественной обстановкѣ, страшный экзаменъ. Помимо временнаго триумфа экзаменъ этотъ имѣлъ для меня важное послѣдствіе въ томъ отношеніи, что р. Довидъ съ того времени началъ указывать на меня товарищамъ, какъ на самаго примѣрнаго ученика, и совершенно пересталъ меня бить.

Такимъ образомъ, первое мое личное столкновеніе съ страшнымъ дядей Шевсель-Эйзеромъ совсѣмъ не оправдало мрачныхъ разказовъ о немъ отца. Нечего говорить о томъ, что антипатія моя къ нему исчезла, а вмѣстѣ съ нею улетучился и страхъ предъ нимъ. Мало того, я его даже очень крѣпко полюбилъ, вполне сознавая, что онъ явился мнѣ спасителемъ во время экзамена и что не будь его, я непременно провалился бы. Одного только не постигалъ мой дѣтскій умишко: за какія преступленія дядя такъ жестоко наказывалъ отца? Неужели только за то, что плохо учился? Въ такомъ случаѣ, почему же онъ такъ снисходительно маскировалъ отъ присутствовавшихъ на экзаменѣ мои ошибки? Нѣтъ, рѣшилъ я: за отцомъ, вѣроятно водились другія художества и дядя имѣлъ полное право его наказывать. Признаюсь, съ тѣхъ поръ, я сталъ смотрѣть на отца свысока и никакъ не могъ ему простить, что въ молодости онъ велъ себя далеко не безукоризненно, чѣмъ причинялъ великія непріятности добрѣйшему дядѣ Шевсель-Эйзеру и заставлялъ послѣдняго прибѣгать къ экзекуціямъ. Да что грѣха таить, я прямо таки былъ убѣжденъ, что отецъ въ молодости былъ страшнымъ негодяемъ...

IV.

Прошло много лѣтъ. Предсказанія дяди, что изъ меня выйдетъ великій «ламдонъ» и что мнѣ достанется въ жены лучшая изъ дочерей Израиля, даже лучше моей мамы, не оправдались. Начались другія теченія и весь складъ еврейской жизни быстро измѣнился отъ напора новыхъ вѣяній. Не буду распространяться о послѣднихъ, — это не входитъ въ программу моего разказа. Скажу только, что новыя теченія и вѣянія не прошли

мимо моей семьи и слѣдствіемъ ихъ было то, что на 12 году меня взяли отъ ребе Довида и отдали въ открывшееся недавно въ В. раввинское училище. На двадцатомъ году я кончилъ курсъ и собирался поступить въ университетъ. Выпускной экзаменъ у насъ кончился поздно въ тотъ же годъ и ѣхать въ Петербургъ я отложилъ до слѣдующаго года. Чтобы годъ не пропалъ даромъ, я подалъ прошеніе о назначеніи меня учителемъ русскаго языка и ариеметики въ одно изъ еврейскихъ училищъ. Вакансія оказалась въ уѣздномъ городѣ С., и я туда былъ назначенъ. Получивъ 100 р. пособія, 27 р. 34 к. подъемныхъ и казенную подорожную, немедленно отправился въ путь. Когда я усѣлся на перекладныхъ и ямщикъ тронулъ лошадей, раздался вдругъ голосъ моего отца: «стой!».

— Что такое?—спросилъ я.

— А то,—озабоченно произнесъ отецъ, приблизившись ко мнѣ,—что я совершенно забылъ, что мѣстечко В. находится всего въ 4-хъ миляхъ отъ С. А знаешь-ли ты кто живетъ въ В.?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Помнишь-ли ты дядю Шебсель-Эйзера? Онъ гостилъ у насъ, когда ты былъ ребенкомъ. Лѣтъ 40 уже, какъ дядя въ В. раввиномъ. Пожалуйста, въ свободное время съѣзди къ нему, посмотри, какъ живется старику. За одно ужъ съ теткой познакомишься, славная она старуха...

Я обѣщаль.

Пріѣхавъ въ С. я весь отдался своимъ занятіямъ и совершенно забылъ про обѣщаніе отцу съѣздить къ дядѣ. Прошло мѣсяца три.

Наступилъ праздникъ пятидесятницы. Такъ какъ въ тотъ же годъ этотъ праздникъ выпалъ на понедѣльникъ, то съ пятницы прекратились занятія въ училищѣ вплоть до среды. Цѣлыхъ четыре дня, значить, были въ моемъ распоряженіи. И вотъ я вспомнилъ, что въ 4-хъ миляхъ отъ С. проживаетъ дядя Шебсель-Эйзеръ и рѣшилъ съѣздить къ нему. Такъ какъ дорога въ В. была проселочная и къ тому же еще очень скверная, то на почтовой станціи мнѣ лошадей не отпустили и я былъ вынужденъ нанять пригороднаго мужика съ телѣгой. И вотъ, въ субботу вечеромъ я пустился въ путь. Погода стояла чудесная. Но ѣхать пришлось все время по коч-

камъ и гатамъ, лошадка медленно и осторожно переступала съ ноги на ногу, тѣмъ же не менѣе постоянные толчки причиняли мнѣ столько безпокойства, что очень часто я оставлялъ свою телѣгу и дѣлалъ продолжительныя прогулки пѣшкомъ. Угрюмый литвинъ все время дымилъ своей коротенькой трубкой и не обращалъ никакого вниманія на убійственные толчки: онъ, видимо, чувствовалъ себя прекрасно и какъ будто проросъ къ своему сидѣнью. Въ то время, когда я отъ каждого толчка мѣнялъ положеніе и морщился, мой возница, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ дымить. Онъ даже ухитрился заснуть, несмотря на страшныя неудобства. Долгое время намъ не попадалось никакого жилья. Когда, наконецъ, издали показалась избушка, лошадка, безъ всякаго принужденія (мой возница сладко спалъ), сама побѣжала и у самыхъ дверей избушки, оказавшейся корчмой, остановилась какъ вкопанная.

— О то вумная животина,—произнесъ моментально проснувшійся литвинъ, слѣвая съ телѣги,—знае, що у Абрума горѣлка лиха...

Онъ подошелъ къ дверямъ, застучалъ палкой, и когда ему открыли, выпилъ молча довольно объемистый стаканчикъ «лихой» горѣлки и возвратился въ телѣгу. Мы опять поѣхали дальше прежнимъ, медленнымъ и тихимъ шагомъ. Мой возница опять заснулъ, не обращая вниманія на толчки, и даже сладко захрапѣлъ.

Корчмы стали попадаться все чаще и чаще. Лошадка, какъ и въ первый разъ, почувявъ таковую издали, ускоряла ходъ и останавливалась у дверей. Возница всякій разъ при остановкахъ просыпался и всякій разъ похвалявалъ свою животину за «вумъ», мотивируя свои похвалы то, что у Мошки горѣлка лиха, то, что у Ицки она лиха, и т. д. Однимъ словомъ, я убѣдился, что у всѣхъ корчмарей по дорогѣ горѣлка лиха. Только въ одномъ мѣстѣ, когда лошадка, по обыкновенію, остановилась у корчмы, мой возница не проснулся окончательно, а съ просонокъ потянулъ возжи и внушительно произнесъ «ну». На лошадку окликъ не подѣйствовалъ, и она не тронулась до тѣхъ поръ, пока возница не проснулся.

— Развѣ тутъ водка не хороша, что ты хотѣлъ проѣхать мимо?—спросилъ я возницу.

— Якъ можно,—запротестовалъ онъ.—У Михеля горѣлка лиха, только маленько задремалъ... И чтобы не обидѣть Михеля, онъ вошелъ отвѣдать его горѣлки.

Часу въ четвертомъ утра мы сбѣжали значительный привалъ. Тутъ кормили лошадей, а я легъ спать въ телѣгѣ. Проснулся я при первомъ толчкѣ, лишь только мы опять пустились въ путь. Съ тѣми же остановками у каждой корчмы мы добѣжали до самаго мѣстечка, причемъ, на послѣдней остановкѣ, не больше какъ за версту отъ мѣстечка, мой возница досталъ изъ телѣги колокольчикъ и привязалъ къ дугѣ. На мой вопросъ, зачѣмъ это, онъ объяснилъ мнѣ, что съ паномъ съ кокардой (на мнѣ была форменная шапка министерства народнаго просвѣщенія) иначе нельзя. У самаго мѣстечка мой литвинъ такъ сильно дернулъ возжи и такъ лихо гикнулъ, что лошадка вмѣсто своего обычнаго хода, пустились вскачь, а колокольчикъ такъ и разливался во всю. Когда мы въѣхали въ единственную, и, слѣдовательно, главную улицу мѣстечка, то съ одной стороны, со всѣхъ домовъ высыпали намъ на встрѣчу ребятишки, а съ другой стороны мужчины и женщины съ перепуганными лицами стали запираеть лавки и «магазины». Остановившись на площади, я подозвалъ стараго еврея и спросилъ, гдѣ живетъ раввинъ. Услыхавъ, что я обращаюсь къ нему на жаргонѣ, на лицѣ его выразилось такое недоумѣнiе, что онъ рѣшительно не нашелся, что отвѣтить, и смотрѣлъ на меня во всѣ глаза. Я повторилъ вопросъ.

— Вы какъ говорите: по еврейски или по нѣмецки?—въ свою очередь предложилъ мнѣ старикъ вопросъ.

— Развѣ не слышите?

— Какъ не слышать,—слышу. Только я такъ полагаю, гдѣ же пану по-нашему говорить, должно быть вы это по-нѣмецки...

— Я не панъ... Я еврей...

— Еврей?! Еврей?.. дважды повторилъ онъ и вдругъ крикнулъ на всю улицу:— Гершка!.. Шліома!.. Пойдите сюда.

Гершка и Шліома немедленно явились на зовъ.

— Какъ это вамъ понравится?—обратился къ нимъ старикъ.

— А что?—спросили въ одинъ голосъ Шліома и Гершка.

— Этотъ «порець» (баринъ) съ гвоздемъ въ головѣ,—онъ пальцемъ ткнулъ меня прямо въ бокъ,—не болѣе и не менѣе, какъ нашъ-же братъ, еврей!.. Какъ это вамъ покажется?

— Не можетъ быть!.. Нѣтъ ли тутъ обмана?.. усумнились Шліома и Гершка.

— Какой же тутъ обманъ, когда онъ самъ утверждаетъ.

— Ну, если самъ утверждаетъ, стало быть это такъ,—глубокомысленно произнесъ Шліома.—И я не понимаю, почему бы намъ не привѣтствовать его «шолемъ-алеихемомъ». — И онъ тутъ же подавъ мнѣ фамиллярно руку. Его примѣру послѣдовали старикъ и Гершка.

Когда всё трое убѣдились, что на установленный «шолемъ-алеихемъ» я отвѣтилъ установленнымъ же «алеихемъ-шолемъ», то совершенно преобразились и обращеніе ихъ со мною изъ пугливо-заискивающего моментально перешло въ вызывающе нахальное.

Старикъ укоризненно покачалъ головой и сердито произнесъ:

— Гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, чтобы еврей нагонялъ страхъ на евреевъ... Не хорошо... Совсѣмъ нехорошо... Похвалить тебя за это нельзя,—ужъ прямо перешелъ онъ со мною на «ты».

— Что же я такое сдѣлалъ? Чѣмъ напугалъ васъ?

— И еще спрашиваетъ,—совсѣмъ разсердился старикъ.— Человѣкъ вѣзжаетъ въ наше тихое, Богомъ хранимое мѣстечко съ шумомъ, со звономъ и въ кокардѣ и спрашиваетъ: чѣмъ напугалъ? Мы думали, если не самъ исправникъ, то по крайней мѣрѣ акцизный пріѣхалъ, а это чѣмъ пахнетъ?.. Развѣ не видишь, что съ испугу всё лавки закрыли и торговлю прекратили? И въ какой день ты вадумалъ съ нами сыграть такую шутку? Въ канунъ праздника, когда время дорого и торговля идетъ бойко... Не хорошо... Не хорошо... Настоящій еврей не долженъ наносить ущерба евреямъ же...

Я объяснилъ старику, что ни напугать, а тѣмъ паче наносить ущербъ моимъ единовѣрцамъ желанія не имѣлъ и что во всей суматохѣ виноватъ исключительно одинъ мой возница, который, повидимому, съ умысломъ и подстроилъ всю эту суматоху. Старикъ набросился на послѣдняго съ ругатель-

ствами. Угрюмый литвинъ долго отмалчивался и, наконецъ, сердито произнесъ:

— Гандлюйте съ патентами и не будутъ вамъ страшны ни панъ исправникъ, ни панъ акцизный...

Старикъ сердито плюнулъ, безнадежно махнувъ рукой. Плюнули сердито и Гершка съ Шліомой.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ тутъ живетъ мой дядя, рабби Шебсель-Эйзеръ?—рѣшился я вставить вопросъ, чтобы прекратить надоѣвшую мнѣ сцену.

— Что? Что ты сказалъ?—Старикъ сдѣлалъ невѣроятный скачекъ, скачекъ этотъ продѣлали и Гершка со Шліомой и на лицахъ моихъ собесѣдниковъ выразилось невообразимое недоумѣніе.—Нашъ рабби... Нашъ святой рабби твой дядя! Слышите, Шліома и Гершка, онъ утверждаетъ, что нашъ святой рабби ему дядя... Можетъ-ли это быть?...

— Хотя этого быть не можетъ, но это возможно,—глубокомысленно отвѣтилъ Гершка.

— Если бы нашъ святой рабби не былъ его дядей, откуда бы ему знать его имя?—еще глубокомысленнѣе замѣтилъ Шліома.—Хотя, конечно, ѣдетъ онъ съ колокольцами, да и кокарда у него торчитъ тоже...

— Да, увѣряю васъ, я племянникъ рабби Шебсель-Эйзера. Покажите мнѣ, гдѣ живетъ дядя...

— Дѣлать нечего, надо показать,—рѣшилъ старикъ,—Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ... Ну, Шліома и Гершка, дайте всѣмъ знать, что суматоха вышла напрасная, что можно открывать лавки и гандлевать, а я ему покажу, гдѣ живетъ нашъ святой рабби.

Старикъ пустился въ припрыжку впередъ, размахивая предъ самымъ своимъ носомъ указательнымъ пальцемъ правой руки, очевидно, все еще продолжая соображать, не будучи въ состояніи мириться съ такимъ необычнымъ фактомъ, что человѣкъ, путешествующій съ колокольчикомъ, да къ тому же еще съ кокардой, можетъ оказаться не кѣмъ инымъ, какъ роднымъ племянникомъ святого рабби.

С. Кероль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЕВРЕИ И РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ

ВЪ XVI ВѢКѢ.

Формальная историческая критика, опредѣляющая характеръ явленій по ихъ наружному виду, долгое время считала однородными такіе два различныхъ по существу историческихъ момента, какъ Возрожденіе (или Гуманизмъ) и Реформація. Принято было думать, что Возрожденіе XV вѣка проложило путь религиозной реформѣ XVI-го, что Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ продолжали дѣло, начатое въ кругахъ Медичи и Висконти, или Рейхлина и Эразма. Психологическая критика, глубже проникающая въ смыслъ историческихъ явленій, безъ особеннаго труда обнаружила ошибочность этого положенія. Возрожденіе и Реформація были сходны только въ томъ, что оба они были направлены противъ средневѣковаго міросозерцанія въ томъ видѣ, въ какомъ оно выработалось подъ вліяніемъ римской церкви. Но это было сходство чисто-формальное. На самомъ же дѣлѣ между Возрожденіемъ и Реформаціей существовало не менѣе коренное различіе, чѣмъ между ними обоими и католицизмомъ. Если противъ послѣдняго боролись и гуманисты и протестанты, то они дѣлали это изъ совершенно различныхъ, даже противоположныхъ побужденій. Возрожденіе означало возвращеніе къ античной культурѣ, къ міросозерцанію древнихъ грековъ и римлянъ, къ ихъ свободной жизни, ихъ изящнымъ искусствамъ; Реформація же означала возвращеніе къ Библии, къ идеаламъ Ветхаго или Новаго Завѣтовъ, то-есть къ возвращеніямъ по существу іудейскимъ, или выросшимъ на почвѣ Іудей, и во всякомъ случаѣ несовмѣстимымъ съ греко-римскимъ языческимъ міросозерцаніемъ. Возрожденіе въ лучшей своей формѣ, въ формѣ гуманизма, начало съ про-

теста противъ подавленія человѣческой личности, противъ мрачнаго аскетизма церкви, противъ взгляда на земную жизнь, какъ на «юдоль плача»; оно стремилось возстановить поруганное достоинство личности, человѣческой природы, ея свободу и ея естественное право жить и наслаждаться жизнью; но это направленіе, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, привело къ эпикуреизму, къ скептическому или насмѣшливому невѣрію, къ пониженію нравственнаго уровня (вспомните Римъ время Борджіа и мелкія государства Италіи XV вѣка), т. е. къ тому же, къ чему привело античное язычество. Реформація же, начавъ съ протеста противъ установленной церковной іерархіи и извѣстныхъ основъ католической догматики, крайне материализованной и граничившей нерѣдко съ «идолослуженіемъ» (*idolatRIA*—обычный упрекъ протестантовъ по адресу римской церкви), кончила тѣмъ, что въ области вѣры до извѣстной степени упростила догматику и церковный строй, подъ влияніемъ библейскихъ возврѣній (Лютеръ, Цвингли), а въ нравственности породила стоическое, подчасъ даже слишкомъ строгое направленіе, рѣзко противорѣчившее вольнымъ нравамъ эпохи Возрожденія и болѣе приближавшееся къ іудейской морали (Кальвинъ, пуритане). Папскій Римъ и Витенбергъ (или Цюрихъ) были тогда антиподами въ области догматики; жизнерадостная Флоренція при Лоренцо Медичи и строгая Женева при Кальвинѣ были тѣмъ же въ области нравственности и культуры.

Итакъ, если въ Возрожденіи преобладали начала древняго эллинизма, то въ Реформаціи нашло себѣ отголосокъ міросозерпаніе библейскаго іудаизма, исконнаго врага «эллинской мудрости». Въ XVI вѣкѣ началась на Западѣ серьезная реставрація Библии, до тѣхъ поръ заслоненной отцами церкви и повдѣйшимъ богословіемъ. Эта реставрація проявлялась въ разнообразныхъ формахъ. Въ высшихъ, образованныхъ классахъ она выражалась въ теоретическомъ изученіи Св. Писанія, причемъ нерѣдко изучался и древнееврейскій языкъ, а переводы Библии или отдѣльныхъ частей ея дѣлались съ еврейскаго подлинника. Въ протестантскомъ же мірѣ вообще Библия становилась религіозно-практическою основою жизни. Въ послѣднемъ отношеніи протестантизмъ развѣтвился на двѣ отрасли: въ одной преобладали догматическія начала

Новаго Завѣта, какъ противовѣсь повдѣйшимъ наслоеніямъ римской церкви (лютеранство, ученіе Цвингли); въ другой заняли видное мѣсто возрѣнія и формы Ветхаго Завѣта, какъ его тогда понимали (Кальвинизмъ съ его крайнимъ упрощеніемъ богослуженія и строгою индивидуальною моралью, затѣмъ пуританизмъ съ его демократическими стремленіями и идеаломъ библейскаго государства). Въ обоихъ этихъ направленіяхъ нельзя не видѣть отраженія іудейскаго духа. Ненависть Цвингли къ матеріализаціи католической догмы, та же ненависть въ еще болѣе сильной формѣ и нравственный ригоризмъ у Кальвина, наконецъ ветхозавѣтные социальные идеалы у пуританъ временъ Кромвеля—равнѣ все это не свидѣтельствуютъ о какомъ-то невримомъ, но мощномъ влияніи іудейскаго міросозерцанія на религиозное сознаніе западно-христіанскаго міра? XVI вѣкъ показалъ, что теченіе іудаизма во всемірной исторіи не прекратилось: оно только было засорено, покрыто вѣковыми наслоеніями, но медленно пробивалось подъ ними, пока не прорвало ихъ и не проложило себѣ новаго русла среди развалинъ среднихъ вѣковъ... Конечно, между чистымъ, библейскимъ іудаизмомъ и протестантизмомъ лежала еще глубокая пропасть; но надъ этой пропастью протянулась между ними двойная соединительная цѣль: 1) упрощеніе тѣхъ формъ римской догматики, которыя слишкомъ рѣзко противорѣчили библейскимъ представленіямъ; 2) обязательное чтеніе Библии и распространеніе ея даже въ низшихъ слояхъ народа, наложившія глубокой отпечатокъ на характеръ наиболѣе ревностныхъ протестантовъ—англичанъ, шотландцевъ и скандинавскихъ народовъ.

Были, однако, попытки уменьшить или даже совсѣмъ уничтожить эту пропасть между догмами іудейства и протестантизма. Развиваясь безпрепятственно, реформація должна была придти отъ Кальвина къ Сервету, котораго поистинѣ можно назвать мученикомъ іудейской догмы безусловнаго единства. Но тутъ реформацію насильственно потянули назадъ. Сожженіе Сервета (1553 г.) составляетъ переломъ въ развитіи европейской религиозной мысли. Свободному изслѣдованію были поставлены твердыя границы, за которыми лежала уже область страшной ереси, ведущей къ костру. Однако, религиозная мысль

не скоро еще угомнилась. Богословскій рационализмъ продолжалъ мѣстами свой путь въ силу толчка, даннаго ему реформациею. Во второй половинѣ XVI в. появляются еще, то явно, то тайно, рационалистическія протестантскія группы, носящія названія антитринитаріевъ, унитаріевъ, арианъ, социніанъ, а иногда и іудействующихъ или полу-іудеевъ (*judaizantes, demi-judaei*). Всѣ онѣ, отрицая католическія представленія о триничности Божества, приближаются въ большей или меньшей степени къ еврейскому догмату единства. Историческія обстоятельства не дали развиваться этой отрасли протестантизма и въ послѣдствіи отодвинули ее на задній планъ. Отъ Лютера до конца тридцатилѣтней войны были пролиты потоки человѣческой крови изъ-за формальныхъ, сравнительно мелочныхъ догматическихъ различій: изъ-за догмата папизма, изъ-за мессы и причащенія *sub utroque*, изъ-за богословскихъ тонкостей. Народы были слишкомъ нафанатизированы второстепенными догматическими и обрядовыми спорами, чтобы думать объ основахъ вѣры. Религіозная мысль была заглушена громомъ оружія. Когда-же въ XVIII вѣкѣ европейская мысль снова проснулась и стала вырываться изъ оковъ традиціи, то ее уже не удовлетворялъ *религіозный рационализмъ*, въ родѣ ученія Сервета и унитаріевъ: она смѣло бросилась въ водоворотъ *раціонализма философскаго*, быстро перескочивъ отъ «свободной церкви» къ деизму и естественной религіи, отъ послѣднихъ—къ матеріализму, атеизму и тому подобнымъ ученіямъ, которыя уже не справлялись ни съ Ветхимъ, ни съ Новымъ Заветомъ...

Въ реформаціонномъ движеніи западной Европы XVI в. такъ тѣсно переплетались между собою элементы свѣтскіе и духовные, политическіе и религіозные, что весьма трудно опредѣлить въ немъ степень вліянія іудейскаго элемента. Вдобавокъ, здѣсь движеніе религіозной мысли, въ силу вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, слишкомъ скоро остановилось. Практицизмъ *исконовданія* наложилъ оковы на развитіе пытливаго религіознаго духа. Лютеранство, кальвинизмъ и другія протестантскія исповѣданія вскорѣ такъ-же окаменѣли въ рамкахъ своей неподвижной, мертвой догматики, какъ католическій Римъ—въ своей. Былъ только одинъ уголокъ въ Европѣ, гдѣ реформація имѣла болѣе теоретическое значеніе, гдѣ она происходила какъ-бы въ видѣ опыта

и не успѣла сформироваться въ господствующее исповѣданіе. Это—Польша XVI вѣка. Здѣсь реформація имѣла характеръ частію умственного, частію политическаго движенія, охватившаго сравнительно небольшую часть народа—преимущественно высшіе классы—и продолжавшагося три четверти вѣка (1525—1600). Съ начала XVII в. она постепенно сходитъ со сцены при всеобщемъ торжествѣ католической реакціи, подготовленной іезуитами. Происходя въ средѣ малочисленной и не подвергаясь такому стремительному напору внѣшнихъ событій, какъ на Западѣ, польская реформація качественно развивается равнѣе и свободнѣе, въ болѣе теоретическомъ духѣ. Она постепенно переходитъ отъ менѣе совершенныхъ формъ догматики къ болѣе совершеннымъ и рациональнымъ, отъ лютеранства къ кальвинизму, отсюда—къ унитаризму; наконецъ, встрѣчая дружный отпоръ, удаляется, оставляя послѣ себя нѣсколько религиозныхъ группъ, лютеранъ и кальвинистовъ, среди которыхъ остаются лишь немногіе тайные «аріане» (унитаріи), строго преслѣдуемые закономъ, какъ еретики и опасные сектанты. Благодаря такому именно теоретическому развитію польской реформаціи, въ ней нѣсколько удобнѣе прослѣдить вліяніе іудейскаго элемента, чѣмъ въ западно-европейской. Чтобы точнѣе опредѣлить составныя части какого-нибудь историческаго движенія, слѣдуетъ наблюдать это движеніе тамъ, гдѣ оно происходитъ въ наиболѣе упрощенной формѣ, при наименьшемъ количествѣ сопровождающихъ обстоятельствъ, ибо тогда доля участія каждой изъ причинъ въ произведеніи известной части результата легче поддается опредѣленію и каждый элементъ явленія яснѣе обличаетъ свое происхожденіе.

Впрочемъ, цѣль настоящаго изслѣдованія заключается не только въ томъ, чтобы опредѣлить явное или тайное вліяніе іудаизма на известныя стороны польской реформаціи (такая задача связана еще со многими затрудненіями, внутренними и внѣшними). Главная цѣль наша—прослѣдить обратное вліяніе польскаго протестантскаго движенія на судьбы евреевъ, стоявшихъ близко къ этому движенію. Пока мы желали-бы обратить вниманіе на нѣкоторые отдѣльные эпизоды, образующіе точки соприкосновенія между исторіей реформаціи и исторіей евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI стлѣ, такъ какъ собранный факти-

ческій матеріалъ не допускаетъ еще полнаго *систематическаго* изслѣдованія по этому предмету.

Эти эпизоды связаны съ двумя моментами польской реформациі—начальнымъ и конечнымъ. Начальный моментъ протестантизма въ Польшѣ совпадаетъ съ 20-ми и 30-ми годами XVI вѣка. Это—время появленія лютеранства въ нѣмецкихъ частяхъ Польши и смутныхъ стремленій къ религиозной реформѣ въ образованной части самого польскаго общества. Въ 1530-хъ годахъ среди шляхты возникаютъ *тайныя общества*, члены которыхъ читаютъ «еретическія» протестантскія книги и успѣшно пропагандируютъ новыя религиозныя ученія. Какъ это всегда бываетъ при тайной пропагандѣ, новыя ученія развиваются крайне интенсивно и быстро доходятъ до рѣзкихъ выводовъ. Кружковые реформаторскія идеи, пока онѣ не обнаруживаются и не наталкиваются еще на практическія препятствія, очень скоро продѣлываютъ логическій путь отъ умѣренного желанія *исправить* старое до рѣшительнаго заключенія, что старое надо совсѣмъ *разрушить* и замѣнить его новымъ. Въ умѣ шляхтича-кружковца быстро совершается переходъ отъ отрицанія папской и католической догмы до отрицанія ея корректива—лютеранства, а отсюда для пылкаго ума не велико уже разстояніе до той точки, гдѣ исчезаетъ граница между догмами христіанства и іудаизма... И вотъ въ эту именно эпоху, въ концѣ 1530-хъ и началѣ 1540-хъ годовъ, мы узнаемъ о нѣкоторыхъ случаяхъ «свораченія въ іудейство» въ польскомъ обществѣ, имѣющихъ очень трагическую развязку. Въ 1539 г. въ Краковѣ совершается, при торжественной обстановкѣ, сожженіе на кострѣ мѣстной мѣщанки Катерины Мальхеровой Залешовской, обвиненной въ «іудейской ереси». Въ томъ-же году литовскіе евреи терпятъ большія притѣсненія, такъ какъ ихъ подозрѣвали въ томъ, что они даютъ у себя убѣжище отступникамъ отъ христіанской вѣры «въ жидовство», бѣжавшимъ изъ Краковской области и скрывавшимся въ Литвѣ отъ преслѣдованія суда. Въ 1540 г. надъ литовскими евреями тяготѣетъ грозное обвиненіе въ томъ, что они «сворачаютъ» въ свою вѣру многихъ христіанъ и отправляютъ ихъ въ Турцію или Палестину. Оба эти обвиненія ведутъ къ строжайшему правительственному розыску, вызывающему панику въ еврей-

скомъ населеніи. Ленчицкій церковный синодъ 1542 г. принимаетъ рѣзкія репрессивныя мѣры противъ евреевъ, главнымъ образомъ въ видахъ «устраненія опасности, грозящей христіанству и церкви отъ евреевъ».—Таковы главные эпизоды, служащіе точками соприкосновенія между еврействомъ и польскою реформаціей въ *начальный* ея моментъ — въ періодъ тайной протестантской пропаганды (1530—1545 г. приблизительно).

Подобныя же явленія мы замѣчаемъ и въ послѣдніе годы польскаго реформаціоннаго движенія, когда оно уже официально развѣтвилось на три направленія: лютеранство, кальвинизмъ и унитаризмъ или социніанство (1555—1587 г.). Въ этотъ періодъ «нововѣры» въ Польшѣ играли крупную политическую роль; гонимые въ западной Европѣ, унитаріи и вообще свободомыслящіе въ вопросахъ вѣры находили здѣсь убѣжище (Социнъ, Бландрата и др.). Смѣлая проповѣдь унитаріевъ встревожила католиковъ—и началась борьба, приведшая впослѣдствіи къ побѣдѣ іезуитовъ и къ тяжелой католической реакціи. Въ это время мы снова наталкиваемся на событія, свидѣтельствующія о роковой связи между судьбами еврейства и реформаціи. Въ 1556 г., во время пребыванія въ Польшѣ папскаго легата, искоренителя протестантизма, Липомана, въ Сохачовѣ совершается ауто-да-фе надъ христіанкой Доротеей Лазенцкой и нѣсколькими евреями... за поруганіе церковной гостіи,—событіе, тѣсно связанное съ тогдашней религіозною борьбой въ Польшѣ. Въ 1560-хъ и 1570-хъ годахъ происходитъ дѣятельность двухъ вождей польскаго унитаризма, Симона Буднаго и Мартина Чеховича,—и отъ того же времени до насъ доходятъ извѣстія о сношеніяхъ или религіозныхъ диспутахъ между ними и учеными евреями. Отголоски этихъ диспутовъ сохранились еще въ тогдашней польской литературѣ (напримѣръ, богословская полемика Чеховича съ Яковомъ Белзекимъ. Еврейская литература сохранила для насъ одну книгу, въ которой нашли свое отраженіе многіе изъ тогдашнихъ религіозныхъ споровъ: это — замѣчательный трактатъ *לשם שם* («Укрѣпленіе Вѣры») рабби Ицхака бенъ-Авраама (изъ Трокъ или Кракова), написанный въ 1593 г. Эта книга есть результатъ обратнаго дѣйствія реформаціи на еврейскую религіозную мысль,—результатъ, выразившійся въ формѣ блестящей

апологіи еврейской догматики, къ которой такъ близко подходили различныя формы польскаго унитаризма.

Вся эта полоса прошедшаго представляетъ собою пока только *disiecta membra generum*—рядъ разрозненныхъ, частью неполныхъ фактовъ или отрывочныхъ эпизодовъ. Передъ нами лишь нѣсколько звѣньевъ одной цѣпи; другія звѣнья гдѣ-то похоронены въ пыли архивовъ, а нынѣ можетъ быть и совсѣмъ затерялись. При такой скудости и отрывочности фактическаго матеріала невозможно еще прослѣдить вполне процессъ взаимодѣйствія реформаци и еврейства въ Польшѣ. Единственное принципиальное обобщеніе, которое мы вправѣ сдѣлать на основаніи данныхъ, заключается въ томъ, что іудаизмъ былъ въ числѣ условій, содѣйствовавшихъ возникновенію въ Польшѣ крайнихъ отраслей протестантизма, въ родѣ ученія унитаріевъ, и что протестантское движеніе въ свою очередь вызвало въ еврейской жизни рядъ событій, изъ коихъ пока извѣстны намъ лишь нѣкоторые. Эти событія и будутъ нами изложены въ формѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ связи съ тогдашними условіями еврейской жизни въ Польшѣ и Литвѣ и ходомъ реформаци въ этихъ странахъ.

I.

Краковское ауто да-фе (1599 г.).

Реформаци въ нѣмецкихъ провинціяхъ Польши въ 1520-хъ годахъ.—Вызванное ею умственное броженіе въ высшихъ слояхъ польскаго общества.—Репрессивныя мѣры правительства и духовенства.—Тайная пропаганда реформационныхъ идей въ Польшѣ въ 1530-хъ годахъ; зародыши унитаризма.—Состояніе пельскихъ, особенно краковскихъ, евреевъ въ ту эпоху: притокъ переселенцевъ съ Запада, возникновеніе еврейскихъ духовныхъ центровъ въ Краковѣ, Познаніи, Люблинѣ; еврей-врачи и раввины.—Колебанія между гуманной и ограничительной политикой по отношенію къ евреямъ.—Торжество послѣдней въ Петроковской конституціи 1538 г.—Мѣры противъ общенія евреевъ съ христіанами.—Прозелитизмъ.—Кравовская мѣщанка Екатерина Залетовская, обвиняемая въ іудейской ереси.—Епископъ Петръ Гамратъ.—Отвѣты обвиняемой на судѣ.—Казнь.—Позваніе лѣгонисцевъ 16-го вѣка и историкъ-протестантовъ 17-го вѣка.—Послѣдствія этого процесса для евреевъ.

Реформационное движеніе началось въ Польшѣ вскорѣ послѣ своего возникновенія въ сосѣдней Германіи. Уже въ 1520 г. въ Данцигѣ, главномъ городѣ польской Пруссіи, являются проповѣд-

ники и послѣдователи лютеранства. Попытки польскаго правительства пресѣчь распространеніе «нѣмецкой ереси» ни къ чему не приводятъ—и новая вѣра быстро водворяется среди нѣмецкаго населенія не только прусскихъ областей, но и коренныхъ частей Польши и Литвы¹. Сами поляки на первыхъ порахъ еще не поддаются лютеранству, какъ положительному исповѣданію, но духъ реформаціи, какъ религіознаго протеста, не остается безъ вліянія на высшіе слои польскаго общества. Возникаетъ сильное умственное броженіе, которое въ отличіе отъ прежняго гуманистическаго, свѣтскаго направленія, имѣетъ по преимуществу характеръ духовный. Знакомство съ новымъ религіознымъ ученіемъ, возникшимъ на Западѣ, будитъ въ Польшѣ религіозную мысль. Безпочвенное волюндуство поклонниковъ гуманизма смѣняется серьезной вѣроисповѣдною критикою, имѣющей цѣлью очищеніе религіознаго міросозерцанія отъ средневѣковыхъ наростовъ. Польша въ это время стояла довольно высоко въ умственномъ отношеніи и имѣла постоянное общеніе съ духовною жизнью Западной Европы, въ особенности Италіи и Германіи. «Польская молодежь (въ 1530-хъ годахъ) все чаще выѣзжаетъ въ заграничныя университеты, особенно въ нѣмецкіе, зараженные протестантскимъ духомъ; протестантскія книги появляются въ странѣ, продаются во дворахъ краковскаго университета, разбираются на расхвать—и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ вся польская шляхта, мѣщанство и даже значительная часть духовенства начали склоняться къ новому направленію»².

Это движеніе, какъ водится, сопровождалось рядомъ репрессивныхъ мѣръ со стороны правительства, которыя конечно не достигли своей цѣли. Въ 1520-хъ годахъ было издано нѣсколько указовъ, запрещающихъ продавать и распространять въ Польшѣ сочиненія Лютера и его партіи. Указы 1520 и 1522 гг. грозятъ за это конфискаціей имущества и изгнаніемъ. Эдиктомъ 1523 г. запрещено, кромѣ того, проповѣдывать, одобрять и защи-

¹ *Lubienicius. Historia reformationis Polonicae, Fraistad, 1685, p. 16—17. Krasinski, Geschichte der Reformation im Polen etc. Leipzig, 1841, p. 45—52. Н. Любоуичъ, Исторія реформаціи въ Польшѣ: Кальвинисты и антитринитаріи, Варшава 1883, стр. 47 слѣд.*

² *Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши (рус. перев. 1891), т. II, стр. 65—66.*

щать ученія нѣмецкихъ протестантовъ подѣ страхомъ сожженія на кострѣ. Повелѣніемъ короля Сигизмунда I отъ того-же года была введена специальная инквизиція для преслѣдованія такого рода ереси, и духовенству предоставлено было производить обыски въ домахъ и лавкахъ для обнаруженія еретическихъ книгъ. Духовенство съ своей стороны принимаетъ мѣры для защиты католической церкви. Синоды 1520, 1523, 1527 и 1530 годовъ, въ Петроковѣ и Ленчицѣ, предписываютъ бороться противъ нововѣрія публичными проповѣдями и восстанавливаютъ во всей силѣ древніе церковные статуты о еретикахъ¹. Однако, всѣ эти мѣры, имѣвшія цѣлью пресѣчь «еретическую заразу» или, скорѣе предохранить отъ нея, привели только къ тому, что опальные ученія стали распространяться *тайно* и, вслѣдствіе этого, дѣлались еще болѣе крайними и опасными для церкви.

Тайная пропаганда реформаціонныхъ идей происходила главнымъ образомъ въ 1530 годахъ и послужила основой послѣдующей открытой агитаціи протестантовъ въ Польшѣ. Крайнее распространеніе анти-католическихъ сочиненій въ высшемъ польскомъ обществѣ вызываетъ нѣсколько судебныхъ процессовъ противъ книгопродавцевъ и частныхъ лицъ (1530—34 г.). Въ 1535 г. король Сигизмундъ издаетъ указъ, по которому польской учащейся молодежи запрещалось, подѣ страхомъ изгнанія и другихъ строгихъ наказаній, посѣщать заграничныя протестантскіе университеты и имѣть общеніе съ реформаторами въ Германіи, причемъ старостамъ сдѣлано было напоминаніе, чтобы они строго слѣдили за точнымъ исполненіемъ прежде изданныхъ эдиктовъ «противъ еретиковъ» и не допускали нарушенія ихъ. Это запрещеніе, однако, легко обходили. Отъ «ереси» трудно было уберечься. Вскорѣ она показалась и въ самихъ польскихъ школахъ, гдѣ нѣкоторые преподаватели, сочувствовавшіе реформаціи, стали распространять новое ученіе среди своихъ питомцевъ. Это, конечно, дѣлалось тайно и чрезвычайно осторожно. Такимъ путемъ вербовалъ приверженцевъ протестантизму въ Великой Польшѣ учитель школы Любранскаго въ Познани, Христофоръ Ендорфинъ. Въ Малой Польшѣ

¹ Любовичъ, назв. соч., стр. 47—49; Krasinski, p. 52—53; Карповъ. Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ, Москва, 1886, стр. 90—91.

новыя вѣянія обнаружились въ краковскомъ университетѣ. Здѣсь одинъ изъ учителей, Яковъ изъ Илжи, былъ дважды уличенъ въ ереси и въ 1534 г. вынужденъ былъ покинуть Краковъ ¹.

Мы привели всѣ эти свѣдѣнія о первоначальномъ распространѣнии реформаци въ Польшѣ, чтобы показать, что по самому ходу вещей религіозное движеніе въ польскомъ обществѣ въ 1530-хъ годахъ должно было принять характеръ подготовительной *тайной пропаганды*, которой всегда свойственно доводить идеи до ихъ крайнихъ послѣдствій ². На этой почвѣ тайной пропаганды и запрещенныхъ религіозныхъ увлеченій могли возникнуть и возрѣнія рационалистическаго свойства, направленные противъ основъ церковной догматики. Мы имѣемъ положительное извѣстіе, что между 1540 и 1548 годами въ Краковѣ существовалъ кружокъ лицъ, представителей родовой и умственной аристократіи, гдѣ проповѣдывались, между прочимъ, и слишкомъ смѣлыя анти-тринитарскія мнѣнія. Во главѣ этого кружка стоялъ Янъ Трепескій, ученикъ Эразма, чловѣкъ обширной учености, знавшій основательно, кромѣ греческаго и латинскаго, и древнееврейскій языкъ. Членами кружка состояли такіе люди, какъ знаменитый публицистъ Модржевскій, правовѣдъ и политическій дѣятель Я. Прилускій, типографъ краковскій Воеводка и другіе. Модржевскій оставилъ намъ разсказъ о томъ, какъ подъ влияніемъ какого-то бельгійца, скры-

¹ *Любовичъ*, назв. соч., стр. 53—58; *Карлсес*, 91; *Smjjski*, *Historji polskie* ksiąg XII, изд. 1889, стр. 206.

² Изъ новѣйшихъ историковъ, впервые обратившихъ вниманіе на первоначальный періодъ польской реформаци, кажется, одинъ только проф. *Запужевскій* (въ своей книгѣ „*Powstanie i wzrost Reformacyi w polsce*, Lipsk, 1870) подчеркнул эту важную характеристическую черту, утверждая, что въ 1530-хъ годахъ среди шляхты былъ очень сильно распространенъ *тайный протестантизмъ* (см. у *Карлсеса*, стр. 88). Другіе историки, какъ напр., *Любовичъ* и *Карлсесъ*, обращающіе вниманіе главнымъ образомъ на политическую сторону реформаци, не придаютъ особеннаго значенія этому моменту тайной *религіозной* пропаганды протестантскихъ идей, когда послѣднія не сдѣлались еще орудіемъ сеймовой и партійной агитаціи. Однако, изъ приводимыхъ ими же фактовъ прямо вытекаетъ, что именно 1530-е годы были временемъ сильнаго броженія реформационныхъ идей въ Польшѣ, а броженіе это, вслѣдствіе строгихъ законовъ противъ „ереси“, не могло происходить иначе какъ тайно. Новыя идеи зрѣли тогда въ умахъ для того, чтобы впоследствии проявиться въ жизни.

завшагося подъ псевдонимомъ Спиритусъ, онъ и его товарищи впервые задумались надъ католическимъ представленіемъ о божественной Троицѣ. «Въ 1546 году, если память меня не обманываетъ—разсказываетъ онъ—прибыль въ Краковъ нѣкто, родомъ бельгіецъ, человекъ весьма свѣдущій, повидимому, въ св. Библии и ловко приводившій изъ нея различныя цитаты. Прогостивъ въ Краковѣ нѣсколько дней, онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ одному знатному человеку, къ которому и я былъ тоже приглашенъ. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, насъ повели въ бібліотеку хозяина, изобиловавшую всякаго рода сочиненіями. Каждый изъ гостей (насъ было не мало) раскрывалъ для чтенія какую нибудь книгу изъ тѣхъ, которыя его интересовали; Спиритусу-же (такъ звали бельгіца) попалась въ руки какая-то книжка, содержащая христіанскія молитвы. Нашедши тамъ молитвы, изъ коихъ одна была обращена къ Богу-Отцу, другая — къ Богу-Сыну, третья — къ Богу-Духу Святому, онъ, обращаясь къ намъ, воскликнулъ: «Ахъ, добрые люди, не трехъ-ли боговъ вы имѣете?» Когда же мы отвѣтили, что имѣемъ одного Бога, который, будучи единъ по существу, имѣетъ три лица, —онъ возрадилъ»... Мы не приводимъ дальнѣйшихъ преній, имѣющихъ специально-богословское значеніе. Скажемъ только, что еретическіе доводы Спиритуса, по свидѣтельству разсказчика, произвели сильное впечатлѣніе на собравшихся и послужили зерномъ, изъ котораго вскорѣ выросла въ Польшѣ многочисленная секта анти-тринитаріевъ ¹. Эти факты показываютъ, на какомъ опасномъ пути стояло католическое правовѣріе въ нѣкоторыхъ слояхъ польскаго общества, въ 1540-хъ годахъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что зародыши ереси таились еще въ той пропагандѣ реформаціонныхъ идей, которая велась втихомолку, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, а именно во второй половинѣ 1530-хъ годовъ. Этимъ по крайней мѣрѣ объяснится для насъ причина надѣлавшаго много шуму въ

¹ *Bibliotheca Anti-trinitariorum Chr. Sandii, Freistad. 1684, pp. 216—17, въ приложеніи озаглавленномъ: Andreæ Vissovatti Narratio compendiosa quomodo in Polonia a trinitaribus reformatis separati sint christiani unitarii.*—Ср. также Lublencina, н. с. р. 19; *W. Wagierski. Kronika zboru Ewangelijskiego Krakowskiego* (написано въ 1651 г.), изд. 1817 г., стр. 4.—См. еще *Saujski, Hist. pol., str. 206.*

Польскій трагическаго событія 1539 г., а именно—публичнаго сожженія одной христіанки въ Краковѣ по обвиненію въ отрицаніи католической догмы и въ склонности къ іудейству. Этими же объясняются и обстоятельства, заставившія польское правительство предпринять въ 1539—1540 г. строгій розыскъ объ обращеніи евреями христіанъ въ свою вѣру, о бѣгствѣ массы іудействующихъ изъ Краковской земли въ Литву и оттуда за границу.

Прежде чѣмъ рассказать объ этихъ событіяхъ, мы должны еще выяснитъ вопросъ: могли ли тогда польскіе евреи и краковскіе въ особенности быть причастны къ упомянутой тайной пропагандѣ, или точнѣе—насколько допускали это изъ общественное положеніе и духовныя ихъ особенности?

Начало реформаціоннаго движенія въ Польшѣ совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда польское еврейство впервые выступаетъ въ качествѣ крупной духовной и культурной единицы среди другихъ еврейскихъ колоній Европы. До XVI вѣка въ Польшѣ были только *сегре*; съ начала XVI вѣка мы видимъ уже тамъ *сегрейскій центръ*. И замѣчательно, что этимъ центромъ служить главнымъ образомъ городъ Краковъ, умственная столица тогдашней Рѣчи Посполитой и главное гнѣздо реформаціонной пропаганды. Новый притокъ переселенцевъ изъ Германіи, Богеміи и отчасти Италіи вноситъ свѣжую струю въ жизнь еврейскихъ общинъ Польши. Среди переселенцевъ находятся выдающіеся ученые, врачи, раввины и крупные negociants ¹. Въ 1507—1519 г. въ Краковѣ существуютъ двѣ

¹ Объ ученыхъ и врачахъ см. акты 1502—1523 г., собранные *М. Берсономъ* въ приложеніи къ его монографіи „*Tobiasz Kohn, lekarz polski XVII w. (Kraków, 1872 г.)*“. Королемъ Александромъ выданы были привилегіи «іудею Евзеію, опытному врачу и знатоку латинской письменности» (1502 г.), Исаку Медину изъ Львова, испанскому еврею Исаку Физанку (1504—1506 г.). Король Сигизмундъ I официально призналъ заслуги того-же Исака Физанка, жившаго тогда въ Казимержѣ, предѣстѣи Кракова (1507—1510 г.), и врача Моисея Фитела (1523—1537 г.). Отъ самаго начала XVI вѣка мы имѣемъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ евреяхъ, прибывшихъ изъ Польши въ Италію для изученія медицины (*Czacki, Коштрава, р. 108; Berson, и. с., р. 33*). О переселенцахъ изъ Богеміи и преимущественно объ Авраамѣ Богемскомъ, котораго Сигизмундъ назначилъ въ 1512 г. общиннымъ податей и „префектомъ“ евреевъ Великой

благоустроенныя общины, состоящія одна изъ туземныхъ «коренныхъ» евреевъ, а другая — изъ пришлыхъ евреевъ, изгнанныхъ изъ Богеміи. Во главѣ первой стоитъ утвержденный королемъ раввинъ *Ошеръ*; во главѣ второй — раввинъ *Перецъ*¹. Въ 1532 году король назначаетъ раввиномъ и правителемъ «польской синагоги» въ Краковѣ, вмѣсто умершаго Ошера, врача и ученаго *Моисея Фишеля*, семейство котораго стояло близко ко двору королевы Боны².

Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ званій ученаго медика и духовнаго пастыря—фактъ очень рѣдкій въ исторіи польскихъ евреевъ, свидѣтельствующій о томъ, что послѣдніе не чуждались тогда свѣтскихъ знаній и не жили такъ обособленно, какъ въ позднѣйшее время. Общее просвѣтительное движеніе тогдашняго польскаго общества отразилось, повидимому, и въ нѣкоторыхъ слояхъ еврейства. Въ 1530-хъ годахъ евреи имѣютъ уже въ Краковѣ свою типографію, которая въ XVI в., вмѣстѣ съ типографіей Люблинской, снабжаетъ духовною пищею всѣхъ польскихъ евреевъ³. Въ Люблинѣ основывается тогда другой духовный еврейскій центръ. Отецъ польскаго раввинизма *Шаломъ Шасна* (1500—1558 г.) становится во главѣ талмудической школы, изъ которой выходитъ цѣлое поколѣніе знаме-

Польши, см. „Матеріалы“ etc. *А. С. Бершадскаго* въ „Евр. Библ.“, т. VII, и „Восходъ“, 1893 г., кн. 9.

¹ רש"ט פו (Биографіи краковскихъ раввиновъ) *М. Цунца* (Краковъ, 1874 г.) стр. 13—15 въ приложеніи; см. названную статью Бершадскаго, стр. 120—22. Характерно слѣдующее обстоятельство, приводимое Цунцомъ изъ архивнаго источника: когда въ 1507 г. воевода краковскій узналъ о намѣреніи мѣстныхъ евреевъ выселиться за границу, то онъ ввзялъ съ представителями общины и раввина Ошера залогъ въ обезпеченіе того, что они не допустятъ до выселенія.

² *Цунца*, назв. соч., стр. 16 приложенія; ср. *Berson*, назв. соч., стр. 44—46.

³ Въ 1530 г. выходитъ въ свѣтъ первая печатная еврейская книга въ Польшѣ—*Пятикнижіе Моисея*, напечатанное въ Краковѣ. Въ слѣдующіе годы въ краковской еврейской типографіи печатаются прочія книги св. Писанія, талмудическіе и раввинскіе трактаты, еврейско-нѣмецкая Кодекорданція р. Алшера (1634 г.) и проч. Въ 1540 г. краковскій типографъ Павелъ Гелитцъ, бывшій еврей, надаетъ феноменальную книгу: *Новый Заветъ на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ* (см. *Estreicher Bibliografia Polska XVI w.*, wyd. 1882 str. 22-30); Объ этомъ послѣднемъ изданіи и объ обстоятельствахъ перехода Павла въ христіанство мы будемъ еще говорить ниже, въ текстѣ.

нитыхъ раввиновъ¹. Въ 1533 г. мы видимъ уже въ Люблинѣ сѣвѣ раввиновъ («докторовъ жидовскихъ»), обсуждающихъ обще-еврейскія дѣла и разбирающихъ тяжбы частныхъ лицъ въ апелляціонномъ порядкѣ². Это—зародыши подвѣйшихъ періодическихъ сѣвѣвъ, приведшихъ къ учрежденію «Синода четырехъ земель».

Этотъ подъемъ общественной и духовной жизни польскихъ евреевъ и усиленіе иммиграціи съ Запада вызваны были главнымъ образомъ благоприятнымъ правовымъ положеніемъ евреевъ въ Польшѣ въ первую половину царствованія Сигизмунда (1507—1530 г.). Вторая половина этого царствованія (1530—48) представляетъ уже рядъ колебаній между гуманной и репрессивной политикой по отношенію къ евреямъ. Увеличеніе еврейскаго населенія и его благосостояніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возбуждаютъ зависть мѣщанъ-христіанъ, а нерѣдко и мелкой шляхты, стремившейся тогда къ политическому перевѣсу надъ высшей шляхтой («можновладствомъ»). Въ главныхъ городахъ Польши, въ Познани, Львовѣ, Краковѣ происходятъ столкновенія христіанскаго городского населенія съ евреями. Магистраты крайне ограничиваютъ торговые права евреевъ (въ Познани и Львовѣ въ 1521 и 1536 гг.); послѣдніе апеллируютъ къ королю, который иногда заступается за нихъ, запрещая «чинить имъ обиды» (въ Познани, 1523) и отказывая въ ходатайствахъ магистратовъ объ ограниченіи правъ евреевъ или объ изгнаніи ихъ (тамъ же, въ 1536 г.); но иногда король и мѣстная администрація не противодѣйствуютъ такимъ «обидамъ» со стороны мѣщанъ—и евреи отдаются въ полное распоряженіе враждебнаго и соперничающаго съ ними сословія³. Въ 1532—34 г. «еврейскій вопросъ» дѣлается уже предметомъ страстныхъ споровъ на польскихъ сеймахъ: одни хотятъ совсѣмъ выгнать евреевъ изъ государства, другіе—ограничить ихъ торговлю, третьи противятся этому и стоятъ за

¹ См. *אגרות רבנים*, № 25, а также прибавленіе М. Иссерлиса къ *אגרות רבנים* Краковъ, 1580.

² Русско-еврейской Архивъ т. I, № 152.

³ *Perles, Geschichte d. Juden in Posen*, Frank. Monat. 1864, S. 321—324; *Zubracycki, Kronika Lwowa*, 144, 151; *Krawshar, Historia Żydów w Polsce*, II, 176, 188.

справедливыя отношенія къ евреямъ ¹. Однако, спустя нѣсколько лѣтъ юдофобская партія одерживаетъ верхъ: въ 1538 г. она проводитъ на сеймѣ, въ Петроковѣ, рядъ драконовскихъ мѣръ по отношенію къ евреямъ. Между репрессаліями экономического свойства, какъ напр. запрещеніе евреямъ завѣдывать сборомъ пошлинъ и торговать въ деревняхъ, встрѣчаются въ этой сеймовой конституціи мѣры въ духѣ крайней церковной нетерпимости: восстанавливается средневѣковый церковный законъ, обязывающій евреевъ носить особую шляпу желтаго цвѣта для того, чтобы ихъ можно было отличать отъ христіанъ, и т. п. ². Весьма возможно, что эти церковныя постановленія, имѣвшія прямой цѣлью обособить евреевъ отъ христіанскаго населенія и впоследствии достигнія этой цѣли, вызваны были именно тогдашней тайной реформаціонной пропагандой, къ которой могли оказаться причастными и евреи. Духовенство, напуганное успѣхомъ протестантскихъ идей въ обществѣ, могло приписать нѣкоторую долю этого успѣха постоянному общенію евреевъ съ христіанами въ Польшѣ, а эти соображенія повліяли на рѣшеніе сейма воскресить старый законъ объ отличительной еврейской одеждѣ. Это видно и изъ мотивировки сеймоваго постановленія: «Такъ какъ іудеи, пренебрегая древнимъ установленіемъ, отбросили знаки, по коимъ ихъ можно отличать отъ христіанъ, и присвоили себѣ одежду, совершенно подобную христіанской, для того, чтобы ихъ нельзя было распознавать между христіанами (ut inter christianos dignosci non possint) и т. д. ³.

Близкое общеніе евреевъ съ христіанами въ Польшѣ и Литвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. О немъ свидѣлствуютъ всѣ юридическіе акты того времени. Польскіе евреи же были тогда занерты въ городахъ въ особыхъ кварталахъ, подобно своимъ западнымъ единовѣрцамъ. Если и существовали гдѣ нибудь спеціально еврейскія предметія (какъ напр. въ Краковѣ и Познани), то это не исключало права евреевъ жить и внутри городской черты (за рѣдкими исключеніями, когда магистратъ тому противился). Евреи были

¹ Ср. „Историческія Сообщенія“ № 8 (Восходъ 1894, кн. 9).

² Тамъ-же.

³ Vol. legum. I, 525.

разбросаны въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ въ массѣ христіанскаго населенія, и самыя ихъ промыслы приводили ихъ въ постоянное общеніе съ этимъ населеніемъ. Такое общеніе должно было тревожить католиковъ ревнителей, особенно въ моментъ усиленнаго религіознаго броженія и протестантскихъ увлеченій. Евреи въ свою очередь не могли остаться совершенно равнодушными къ этому движенію. Вѣдь даже въ Германіи, гдѣ они были такъ забыты и унижены, нашлось между ними нѣкоторыя горячія головы, которыя возмнили, что лютеранство есть переходъ къ іудаизму, и даже попытались было склонить Лютера къ принятію іудейской вѣры¹. Съ другой стороны, извѣстны случаи, когда носившіяся въ воздухѣ религіозныя идеи побуждали евреевъ приобщиться къ христіанству. Такой случай имѣлъ мѣсто и въ Повнани за два года до интересующихъ насъ событій. Въ 1537 г. 14 евреевъ и евреекъ перешли въ этомъ городѣ въ католицизмъ, причемъ крещеніе было обставлено весьма торжественно, и въ церемоніи участвовали епископъ, мѣстный воевода и члены магистрата. Роль миссіонера игралъ здѣсь крещеный еврей *Павелъ Геличъ*, тотъ самый, который въ 1540 г. издалъ въ Краковѣ еврейскими литерами Лютеровъ переводъ Новаго Завѣта, назначенный специально для евреевъ². При чрезвычайной рѣдкости такихъ фактовъ, какъ переходъ изъ іудейства въ христіанство въ тогдашней Польшѣ, это обращеніе 14 евреевъ въ связи съ загадочною личностью Павла, издающаго для евреевъ *Лютерова Евангеліе* и извѣстѣ съ тѣмъ выступающаго въ роли *католическаго* миссіонера, наводятъ на нѣкоторыя размышленія. Это событіе имѣло, повидимому, какую-нибудь связь съ религіозными движеніями, возникшими въ Польшѣ подъ влияніемъ реформаци. Реформаціонная пропаганда могла сблизить иныхъ представителей церкви съ представителями синагоги, — и если изъ этого обличенія могъ произойти таковой случай, какъ обращеніе нѣсколькихъ евреевъ въ христіанство, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что встрѣчалось и обратное, то-есть увлеченіе христіанъ іудейскою догматикой. Критика церковной догматики, разъ начавшись,

¹ *Grätz, Gesch. d. Jud. IX, 198.* Тамъ-же *Noten, стр. 548* (еврейское прощаніе о Лютерѣ).

² *Estricher, Bibliografia, годъ 1540 г.—Perla, назв. соч., стр. 383, прим.*

не могла остановиться на одномъ мѣстѣ и шла по наклонной плоскости. Кое-гдѣ, въ тайныхъ кружкахъ, могли возникнуть симпатіи къ догмамъ іудаизма, а тутъ подъ бокомъ были евреи, исконные носители этихъ догмъ: отчего-жъ бы не вступить въ духовное общеніе съ ними? Правда, евреи въ общемъ были вездѣ чужды прозелитизму; но при такихъ исключительныхъ условіяхъ между ними могли найтись нѣкоторыя страстные религіозныя натуры, которыя не устояли противъ соблазнительной перспективы обратить «заблудшихъ» въ свою вѣру, или по крайней мѣрѣ посвятить ихъ въ тайны своего ученія..

При такихъ-то обстоятельствахъ, въ Краковѣ въ 1539 г., показалось вдругъ зловѣщее зарево костра, на которомъ гибнетъ первая мученица реформациі въ Польшѣ—мѣщанка Екатерина Залешовская, обвиненная въ склонности къ іудаизму. Это событіе произвело очень сильное впечатлѣніе на современниковъ, и тогдашніе польскіе лѣтописцы отмѣчаютъ его какъ нѣчто знаменательное.

Въ Краковѣ жила старуха—мѣщанка, вдова мѣстнаго ратмана и добраго католика, Мельхиора Вейгля, *Екатерина Залешовская*. Ей было уже подъ семьдесятъ лѣтъ, когда ее впервые привлекли къ суду по обвиненію въ отрицаніи таинства причащенія и даже догмата католической Троицы. Краковскимъ епископомъ былъ тогда *Петръ Томницкій*, воронный канцлеръ и дѣятель либеральной эпохи Сигизмундова царствованія. Судъ, повидимому, былъ тогда недостаточно строгъ — и подсудимую отпустили послѣ того, какъ она формально отреклась отъ своихъ «заблужденій», конечно, безъ внутренняго убѣжденія ¹. Но спустя нѣсколько лѣтъ процессъ противъ Екатерины Залешовской возобновляется при гораздо менѣе благоприятныхъ для подсудимой условіяхъ. Въ 1538 г. санъ краковского епископа получилъ *Петръ Гамратъ*, — человекъ, о которомъ современники очень дурно отзываются. Это былъ типъ духовнаго сановника временъ упадка римской церкви. Гамратъ слылъ грубымъ энциурейцемъ и чревоугодникомъ (о немъ рассказывали, что онъ съѣдалъ двѣнадцать канюшювъ за одинъ разъ), отличался огра-

¹ Словами упоминаетъ объ этомъ *Samjiski, Hist. Pol.* 206. Такъ какъ Томницкій умеръ въ 1535 г., то этотъ фактъ слѣдуетъ отнести приблизительно ко времени между 1530 и 1535 г. Ср. Любовичъ, н. с. стр. 58, прим.

ниченными умомъ и неразборчивостью въ средствахъ. Онъ состоялъ въ качествѣ довѣреннаго лица при королевѣ Бонѣ и принималъ дѣятельное участіе въ ея неблаговидныхъ денежныхъ операціяхъ. Чѣмъ сомнительнѣе была религіозность этого духовнаго сановника, тѣмъ больше старался онъ выказывать свое рвеніе въ дѣлѣ искорененія ереси въ Польшѣ. Ханжи и Тартюфы такого рода могутъ очень ловко симулировать религіозный фанатизмъ—и тогда они бывають гораздо болѣе жестоки и безчеловѣчны, чѣмъ настоящіе фанатики. И вотъ къ такому-то человѣку попало въ руки дѣло объ отступничествѣ Екатерины Залешовской. Ловкій епископъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы нанести ударъ одинаково ненавистнымъ ему поклонникамъ реформаціи и евреямъ. Онъ энергично взялся за дѣло и довелъ несчастную женщину до костра.

Вотъ что рассказываетъ объ этомъ очевидецъ, *Лукашъ Гурмицкій*, староста Тыкоцинскій, извѣстный авторъ книгъ «Польскій Дворянинъ» и «Событія въ коронѣ Польской отъ 1538 до 1572 г.» (*Dzieje w Koronie Polskiej etc.*).

«Въ то время (1539 г.) въ Краковѣ, на рынкѣ, сожгли *Мальхерову*¹ мѣщанку краковскую, женщину лѣтъ восьмидесяти, за еврейскую вѣру (о *Zydowska wiara*), — на что я самъ смотрѣлъ. Собралъ на свой дворъ ксендзъ Гамратъ, епископъ краковскій, всѣхъ канониковъ и коллегіатовъ, для выслушанія ея исповѣданія вѣры. Когда ее здѣсь спросили, согласно нашему *credo*, вѣрить ли она въ Бога всемогущаго, Творца неба и земли, она отвѣтила: «Вѣрю въ того Бога, который сотворилъ все, что мы видимъ и чего не видимъ, котораго не можетъ объять человѣческій разумъ, который изливаетъ свои благодѣянія на насъ, людей, и на всѣ вещи въ мірѣ». Довольно долго говорила она еще въ этомъ духѣ, исчисляя могущество Божіе и Его неизреченныя благодѣянія.—А вѣришь-ли (спросили ее) въ Сына Его единороднаго, Иисуса Христа, Господа нашего, который былъ зачатъ отъ Духа Святого?» Она же отвѣчала: «Не имѣлъ Господь Богъ ни жены, ни Сына, да Ему и не нужно этого, ибо сыновья нужны только тѣмъ, которые умирають, но Господь Богъ вѣченъ, и какъ Онъ не родился, такъ и умереть не

¹ *Мальхеровой* Екатерины Залешовская называлась по имени мужа *Мальхера* (*Melchiora*) Вейгля.

могъеть. Насъ Онъ считаетъ сынами своими, и Его сынами бывають всѣ тѣ, которые идутъ по начертаннымъ Имъ путямъ». Тутъ крикнули коллегіаты: «Дурное говоришь, несчастная! Опомнись! Вѣдь есть пророчества о томъ, что Господь Богъ имѣлъ послать въ міръ Сына своего, который имѣлъ быть распятымъ за грѣхи наши, дабы насъ, непокорныхъ еще отъ дней праотца нашего Адама, помиритъ съ Богомъ Отцомъ». Много еще говорили съ нею ученые мужи (doktorowie), но чѣмъ больше они говорили, тѣмъ упорнѣе стояла она на своемъ рѣшеніи — что Бегъ не могъ быть и родиться человѣкомъ. Когда, наконецъ, отвлечь ее отъ этой жидовской религіи оказалось невозможнымъ, рѣшено было признать ее богохульною. Ее отправили въ городскую урядъ, а спустя нѣсколько дней, какъ я упомянулъ выше, ее сожгли. На эту смерть она пошла безъ всякаго страха» (paźniej nie strwożona) ¹.

Другой современный лѣтописецъ, знаменитый *Мартинъ Бѣльскій*, говоритъ объ этомъ событіи слѣдующее въ своей «Kronika»:

«Въ томъ же (1539) году, *Екатерина Мальхерова*, райчизна (жена райцы, совѣтника) краковская, *прельщенная жидами*, возненавидѣла христіанскую вѣру. Это отчасти пришло ей отъ порчи въ головѣ (od skazenia glowy) или отъ отчаянія.. Когда же ее не удалось отвлечь отъ заблужденія, она была осуждена Петромъ Гамратомъ, епископомъ краковскимъ, на смерть, на которую она пошла такъ смѣло, какъ будто шла на свадьбу. Сожгли ее посреди краковского рынка ².

Эти показанія двухъ современныхъ свидѣтелей, изъ коихъ одинъ (Гурницкій) былъ очевидцемъ даннаго событія, а другой (Бѣльскій) вообще извѣстенъ правдивостью своихъ фактическихъ сообщеній, даютъ намъ право сдѣлать нѣкоторые существенные выводы по дѣлу Екатерины Залешовской или Мальхеровой. Изъ отвѣтовъ подсудимой на допросъ мы видимъ, что она отрицала догматъ католической Троицы и склонялась къ іудейскому представленію о безусловномъ единствѣ. Это была, повидимому, глу-

¹ *Górnicki, Dzieje w Koronie Polskiej*, Wyd. Tarow., Krakow, str. 6—7.

² *Bulski, Kronika*, str. 1081 (t. II wyd. Tarow.). То-же показаніе дословно повторяеть другой современникъ, *А. Геллманъ* въ своей «Хроникѣ» (то-же изданіе, стр. 158).

бого вѣрующая натура: она торжественно заявила, что вѣруетъ во всемогущество Творца міра и въ Его разумное міроуправленіе; она только не могла мириться съ представленіями, которые казались ей несомнѣстными съ этимъ религіознымъ сознаніемъ. Она горячо доказываетъ, почему она такъ думаетъ. Присутствовавшіе епископы и ученые богословы не могутъ поколебать ея убѣжденій. Ея вѣра была слишкомъ проста и непосредственна, чтобы на нее могли вліять отвлеченные богословскіе доводы... Но какимъ же образомъ простая женщина могла, на старости лѣтъ, совершить такой рѣшительный переходъ отъ вѣрованій, въ коиѣ была воспитана, къ совершенно инымъ вѣрованіямъ и представленіямъ? Лѣтописецъ отвѣчаетъ на это, что Екатерина была «прельщена жидами». Но что-же сдѣлало именно ее восприимчивою къ проповѣди евреевъ, если допустить, что послѣдніе дѣйствительно принимали участіе въ ея «свращеніи»? Очевидно, что не сразу совершила она такой крупный шагъ, а исподволь къ нему подготовлялась. Подготовка эта совершалась подъ вліяніемъ усилившейся тогда, особенно въ Краковѣ, тайной религіозной пропаганды въ духѣ реформаціи. Екатерина начала съ отрицанія нѣкоторыхъ *обрядовъ* католицизма, а кончила отрицаніемъ основной *догмы*. Мы имѣемъ на это фактическія доказательства въ сообщеніяхъ двухъ польскихъ историковъ реформаціи, жившихъ въ XVII вѣкѣ, спустя сто лѣтъ послѣ описываемаго нами событія.

Священникъ краковской протестантской церкви, *Войцехъ Ветерскій*, въ своей «Хроникѣ Краковской Евангелической Общины», написанной въ 1651 г., рассказываетъ о Екатеринѣ Залешовской, какъ о первой мученицѣ реформаціи въ Польшѣ. Вотъ его слова: «Въ 1539 году по Р. Х. нѣкая Екатерина Малхерова Залешовская была сожжена въ Краковѣ, на Поскутномъ Базарѣ (или Толкучемъ, на *Rynku Tandety*), по приказанію Петра Гамрата, епископа Краковскаго, за то, что вопреки вѣрѣ римской церкви, вовсе не признавала божественности Господа Иисуса *въ облакѣ или Причастіи* и не вѣрила, чтобы Причастіе могло быть Богомъ. Въслѣдствіе ненависти (къ ней), *ее оклеветали, будто она была уличена въ иудейскомъ неспріи*. Она пошла на смерть съ великой радостью, какъ на пиръ»¹.

¹ *W. Węsierski. Kronika Zboru Ewangelickiego Krakowskiego, wyd. 1817 г., str. 3—4*

Другой историкъ польской реформаціи, *Станиславъ Любенецкій*, протестантъ и сторонникъ унитаризма (жилъ отъ 1623 до 1675 г.), въ своей замѣчательной книгѣ «*Historia Reformatio- nis Polonicae*», излагаетъ исторію краковской мученицы въ томъ-же духѣ, какъ Венгерскій, только съ нѣкоторыми доба- вочными поясненіями. «На многихъ въ королевствѣ—пишетъ онъ—нагнала страхъ печальная участь *Екатерины*, жены Мель- хіора Богелія совѣтника краковского, называемой (въ латинскомъ манускриптѣ Буданія «Комментарій къ польскимъ дѣяніямъ», гл. 4) *Залешовскою*¹. Ибо когда эта женщина *издѣлалась надъ порчемъ римской церкви*, въ особенности по отношенію къ идо- лопоклонническому боготворенію гостіи, она была осуждена въ 1539 году краковскимъ епископомъ Петромъ Гамратомъ на ко- стеръ. Она пошла на казнь, какъ будто на свадьбу (*tanquam ad nuptias ivit ad supplicium*). Не скрою, что случилось мнѣ чи- тать въ *Хроникѣ* Луки Гурницкаго, старосты (*praefecti*) Тыко- цинскаго, будто она была *увличена съ иудаизма*, вѣроятно потому, что отрицала извѣчное происхожденіе Сына Божія отъ естества Отца².

Сопоставимъ эти два разсказа историковъ 17-го вѣка съ двумя вышеприведенными свидѣтельствами *лѣтописцевъ*-совре- менниковъ 16-го вѣка. Венгерскій и Любенецкій пользуются «Хрониками» Гурницкаго и Бѣльскаго, какъ видно изъ ихъ цитатъ; но кромѣ этихъ источниковъ въ ихъ распоряженіи были, повидному, еще данныя изъ рукописныхъ источниковъ³. Изъ ихъ сообщеній мы узнаемъ, что исходнымъ пунктомъ процесса *Залешовской* было обвиненіе ея въ отрицаніи таинства прича- щенія. Это замѣчаніе, повидному, относится не къ процессу 1539 г., а къ предыдущему, возбужденному еще при Томиц- кошѣ, до 1535 года, и кончившемуся «отреченіемъ» подсудимой (см. выше). Отрицаніе таинства евхаристіи въ той веществен- ной формѣ, какую придавала ему римская церковь, составляло,

¹ Фраза въ скобкахъ тоже принадлежитъ подлиннику.

² *Lubienecius*. *Historia reformatio- nis polonicae*, ed. 1685, p. 17.

³ Оба ссылаются на манускриптъ *Буданскаго* (или Буданія). Станиславъ Буданскій жилъ во второй половинѣ XVI в., принадлежалъ одно время къ крайнимъ протестантамъ, но впоследствии примирился съ церковью. См. *Bibl. Antitryn.* p. 55.

какъ извѣстно, одинъ изъ главныхъ пунктовъ протестантизма. Екатерина Залешовская, начавъ подъ вліяніемъ протестантскихъ ученій съ этого именно отрицанія, впоследствии дошла до болѣе крайнихъ выводовъ, выраженныхъ въ ея отвѣтахъ духовному суду. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ процессами она окрѣпла въ тѣхъ убѣжденіяхъ, отъ которыхъ вынуждена была раньше отречься, и дополнила ихъ новыми, еще болѣе смѣлыми и «еретическими». Она переступила ту границу, которая отдѣляетъ умѣренную протестантскую догматику отъ крайней ея формы—унитаризма, а отъ послѣдняго уже недалеко было до догмы іудазма. Дойдя послѣдовательно до этой точки, она окончательно утвердилась на ней. Новое религіозное міросозерцаніе овладѣло Екатериною въ такой степени, что объ отреченіи уже не могло быть и рѣчи. Предъ торжественнымъ синклитомъ духовныхъ особъ она излагаетъ свое «исповѣданіе вѣры» съ такою искренностью и простотою, на какія способна только непосредственно вѣрующая натура. Вы не видите въ ней смятенія и страстности «вѣроотступницы», грѣшницы, бунтующей противъ церкви: вы слышите только спокойную исповѣдь челоуѣка, много передумавшаго и перечувствовавшаго, всецѣло проникнутаго вѣрою въ истинность новыхъ своихъ убѣжденій и въ ложность прежнихъ. Теперь она уже не можетъ отказаться отъ того, что срослось съ ея духовнымъ существомъ. Она радостно, «какъ на свадьбу», идетъ на костеръ, чтобы передъ лицомъ всего народа, собравшагося на рыночной площади, принять мученичeskій вѣнецъ за то, что она считала наивысшею истинною ¹.

¹ Г. Любичъ въ своей „Исторіи реформаціи въ Польшѣ“ (стр. 58 прим.) очень невнимательно отнесся къ процессу Екатерины Залешовской и замѣчаетъ о немъ слѣдующее: „Сожженную на кострѣ въ 1539 г. краковскую мѣщанку Екатерину, жену Мальхіора Вейгля, нельзя никоимъ образомъ причислять къ мученицамъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, какъ это непрочъ сдѣлать нѣкоторые историки реформаціи. Эта старуха, подъ вліяніемъ ученія *жидовъ*, начала отрицать догматъ св. Троицы и, само собою разумѣется, не признавала таинства причащенія. Привлеченная за это къ суду краковскаго епископа Петра Томицкаго, она отрелася отъ своихъ заблужденій. Но спустя нѣсколько лѣтъ стала снова высказывать еретическія мысли. Тогда духовный судъ, такъ какъ она упертвовала въ своихъ заблужденіяхъ, приговорилъ эту *полоумную старуху* къ сожженію на кострѣ“. Коротко и рѣзко, но неубѣдительно. Оставляя

Такимъ образомъ, несчастная Екатерина Залешовская пожертвовала жизнью за убѣжденія, зародившіяся въ ней подъ совокупнымъ вліяніемъ реформаціонныхъ идей и іудайзма. Главный виновникъ этого ауто-да-фе, епископъ Гамратъ, вполне достигъ своей цѣли: казнью Екатерины онъ нанесъ ударъ и поклонникамъ реформаціи и евреямъ. На первыхъ эта казнь (по свидѣтельству Любенецкаго) «навела страхъ»; она вдобавокъ могла скомпрометировать дѣло реформаціи въ глазахъ общества, такъ какъ обнаруживала связь протестантскихъ идей съ страшною догматическою ересью и, что хуже всего, съ ученіемъ іудайзма ¹. На евреевъ же эта катастрофа должна была навлечь

въ сторону небрежность въ выраженіяхъ, обличающая пристрастіе автора, какъ напр. выраженіе „ученіе жидовъ“ (историкъ, конечно, не могъ не знать, что есть терминъ „іудайзмъ“), мы должны замѣтить, что такими голословными сужденіями никоимъ образомъ нельзя опровергнуть показаній „историковъ реформаціи“, въ особенности старыхъ, стоявшихъ ближе къ XVI вѣку. Еслибы Екатерина не была „мученицею реформаціоннаго движенія“, то такіе хроникеры-протестанты, какъ Венгерскій, не ставили-бы этого мученичества во главѣ исторіи польской реформаціи и сдѣлали-бы это тѣмъ охотнѣе, что „іудайзмъ“ Екатерины крайне шокировалъ ихъ, и имъ приходилось кое-какъ ступешивать его въ своемъ изложеніи. Еслибы казнь Екатерины была зауряднымъ явленіемъ, то современные летописцы, какъ Гурицкіе, Вѣльскіе и Гвагнинъ, не отиѣтили бы такого явленія, какъ крупное, чрезвычайное событіе. Г. Любовичъ, очевидно, не обратилъ должнаго вниманія на описаніе главнаго свидѣтеля по этому дѣлу, Гурицкаго: иначе онъ не могъ-бы сказать, что краковская мученица была „полоумной старухой“. Вдобавокъ г. Любовичъ ничего, повидимому, не знаетъ о томъ, что въ томъ же 1539 г. въ Краковской области обнаружилась среди христіанъ „ересь іудейская“ въ болѣе широкихъ размѣрахъ (а онъ могъ бы знать объ этомъ изъ документовъ, давно напечатанныхъ въ „Актахъ Западной Россіи“). По теоріи г. Любовича, пришлось-бы допустить, что въ то время въ нѣкоторыхъ слояхъ польскаго общества господствовало „повальное полоуміе“. Такое отношеніе къ религиозному движенію и въ особенности къ возвышенному героическому мученичеству слишкомъ уже примитивно. Г. Любовичъ могъ бы, пожалуй, сослаться на указаніе Вѣльскаго относительно „порчи въ головѣ“ или „отчаянія“ Екатерины. Но вѣдь такое объясненіе религиознаго отступничества простительно только благочестивому летописцу 16-го вѣка. Современная исторіографія давно уже сдала въ архивъ средневѣковой взглядъ на религиозное свободомысліе, какъ на дьявольское навожденіе или видъ сумасшествія.

¹ Современные и позднѣйшіе историки-протестанты стараются всячески ступешивать іудейскій элементъ въ воззрѣніяхъ краковской подвижницы Венгерскій, какъ мы видѣли, прямо заявляетъ, что Екатерина пострадала за чисто-

опасное обвиненіе въ томъ, что они совращаютъ христіанъ въ свою вѣру: это очень легко могло возбудить негодованіе народа, гдѣ и безъ того было немало враждебныхъ еврейскъ элементовъ. Нельзя приписать простому совпаденію то обстоятельство, что въ томъ же 1539 г. краковскимъ евреямъ пришлось защищаться противъ различныхъ обвиненій въ особой брошюрѣ, изданіе которой представляло цѣлый подвигъ для того времени¹. Въ этой апологіи евреямъ приходится затрогивать и религіозный вопросъ. Религін, говорятъ они, мѣняются (намекъ на тогдашнее реформационное движеніе), и люди не должны другъ друга преслѣдовать за вѣру. Защищаясь какъ бы отъ обвиненія въ прозелитизмѣ, авторы брошюры указываютъ на то, что для государства выгоднѣе имѣть евреевъ съ вѣроисповѣданіемъ открытымъ, нежели заставлять ихъ таиться или притворяться. Очевидно, что эти заявленія были вызваны печальною необходимостью, связь которой съ исторіей Залешовской болѣе чѣмъ вѣроятна.

Но краковское ауто-да-фе не было единичнымъ явленіемъ въ этомъ родѣ. Въ томъ же 1539 году распространились слухи, что многіе христіане изъ краковской области совращены въ іудейство и, изъ страха наказанія, переселились въ Литву.

протестантское начало (отрицаніе евхаристіи), и что обвиненіе въ „іудейскомъ невѣрїи“ было только навѣтомъ враговъ, желавшихъ ее оклеветать (Kronika, str. 4). Болѣе смѣлый, чѣмъ Венгерскій, Станиславъ Любенецкій, сторонникъ унитаризма, не безъ смущенія цитируетъ показаніе Гурицкаго о „іудействѣ“ Екатерины, но толкуетъ это по своему, утверждая, что Екатерина отрицала только тождество естества Отца и Сына, т. е. держалась взглядовъ чисто-унитарскихъ. Если въ освѣщеніи Венгерскаго нельзя не видѣть желанія ортодоксальнаго протестанта оградить свое исповѣданіе отъ обвиненія, будто оно солидарно съ іуданизмомъ (это было не лишне въ то время, въ 1651 г., когда гоненія на протестантовъ въ Польшѣ чрезвычайно усилились),—то въ мнѣніи Любенецкаго заключается значительная доля истины. Судя по всѣмъ имѣющимся даннымъ, Екатерина, какъ мы уже сказали, дѣйствительно стояла на границѣ, отдѣляющей крайній унитаризмъ отъ чистой іудейской догматики. Переступить эту границу было уже не трудно.

¹ *Szacki*, Rozprawa, 46. Заглавіе книгъ: Ad quaerelam mercatorum sraevicensium responsum iudaeorum de Mercatura. Эта чрезвычайно рѣдкая книга, которой послѣ Чацкаго никто не видѣлъ и существованіе которой кое-гдѣ даже подвергалась сомнѣнію, отмѣчена въ „Bibliografia Polska“ К. Эстрейхера подъ 1539 годомъ (XVI w., wyd. 1882, p. 29).

Это привело къ официальному розыску, осложнившемуся впоследствии массою новыхъ обстоятельствъ и причинившему не мало бѣдъ литовскимъ евреямъ. Объ этихъ эпизодахъ мы расскажем въ слѣдующихъ главахъ.

С. Дубновъ.

(Продолженіе будетъ).

СЕНДЕРЪ ГЛАТЕЙЗЪ.

РОМАНЪ К. Э. ФРАНЦОЗА.

Переводъ съ рукописи.

У¹.

Сендеръ также поспѣшилъ въ театръ. Его очень удивило, что ни на лѣстницѣ, гдѣ шныряли только мальчишки, ни въ корридорѣ онъ никого не встрѣтилъ. Въ корридорѣ онъ увидѣлъ только кассиршу, старую, полную женщину, отвратительно нарумяненную, въ странномъ костюмѣ, состоявшемъ изъ сѣрой кофточки, красной юбки и желтаго головного платка.

„Вѣроятно, всѣ уже въ сборѣ“, — подумалъ Сендеръ, входя въ театръ. Но и тамъ никого не было, кромѣ мешуреса Рубена, который зажигалъ сальные свѣчи по стѣнамъ.

— Вы слишкомъ рано явились, — сказалъ онъ Сендеру: — спектакль начнется не раньше девяти. Евреи теперь еще ужинаютъ, а изъ господъ многіе пошли на Дигѣстръ. Говорятъ, вода сильно прибываетъ.

— Мосту, однако, не грозитъ опасность?

— О, нѣтъ, — увѣрядъ Рубенъ.

Тѣмъ не менѣе Сендеръ подумалъ, что ему не мѣшало бы лично убѣдиться въ этомъ. Но онъ чувствовалъ тупую боль въ груди; ему было и безъ того тяжело дышать въ душномъ воздухѣ. Поэтому онъ рѣшился не ходить на рѣку и старался скоротать время изученіемъ театра. Но смотрѣть было не на что. Зала ни-

¹ См. „Восходъ“, кн. IV, 1895 г.

чѣмъ не отличалась отъ тѣхъ, какія встрѣчаются въ трактирахъ всякаго маленькаго галиційскаго городка: она была среднихъ размѣровъ, съ низкимъ потолкомъ, съ ярко размазеванными стѣнами, на которыхъ подѣ пальмовыми и лимонными деревьями прогуливались странныя нагя фигуры, простиравшія руки къ плодамъ величиною въ тыкву. Все это великолѣніе ступеньвалось, впрочемъ, подѣ слоемъ грязи, покрывавшей стѣны. Къ стѣнамъ на половинѣ высоты придѣланы были галлерей съ шатавшимися лѣстницами. Зала служила для разнаго рода городскихъ увеселеній, равно какъ молельнею во время большихъ еврейскихъ праздниковъ, когда синагога не могла вмѣстить всѣхъ прибывшихъ изъ сосѣднихъ деревень евреевъ. Тогда галлерей отводились женщинамъ; теперь же тамъ были самыя дешевыя мѣста, наполнявшіяся преимущественно крестьянами, мѣщанами, солдатами и т. п.

— Почти все даровые билеты, — шепнулъ мешуресъ Сендеру: — сегодня намъ нужно много статистовъ.

Это было дѣйствительно замѣтно по тому шуму, который раздавался за грязно-сѣрымъ, хотя, вѣроятно, первоначально небесно-голубымъ занавѣсомъ, на которомъ плясалъ какой-то полуодѣтый дуралей съ лирой въ рукахъ, окруженный какими-то вѣдьмами, также лишь слегка прикрытыми. Со сцены доносилось множество сдержанныхъ голосовъ. „Ахъ, вы, подлине жиды! — вдругъ гаркнулъ кто-то по русински. — Гдѣ же водка? Давай сначала водки!“ — „Водки сначала“, — подхватило нѣсколько голосовъ.

— Кенень, — скомандовалъ басъ: — отведите молодца на дворъ подѣ крапъ, — онъ уже пьянъ.

— Я не могу, г. директоръ: мой гримъ еще не готовъ.

— Чортъ побери вашъ гримъ! Все равно васъ освищутъ.

Вслѣдъ затѣмъ Сендеръ услышалъ жалобный и умоляющій голосъ маленькаго человѣчка, говорившаго по-русински.

Мало-по-малу начали наполняться и мѣста въ партерѣ унтеръ-офицерами, мѣщанами въ широкихъ однобортныхъ сюртукахъ съ женами въ цвѣтныхъ шаляхъ, евреями съ супругами въ шел-

бовыхъ платьяхъ и съ жемчужными повязками на головахъ. Это была публика второго разрядъ. Вокругъ Сендера же было пусто. Онъ сталъ расхаживать взадъ и впередъ, сердце его сильно билось. Труппа была, правда, самая жалкая, но вѣдь это было второе представленіе, которое онъ увидитъ на своемъ вѣку.

Занавѣсъ шевельнулся. Въ отверстіи, продѣланномъ какъ разъ на мѣстѣ пупка Аполлона, по временамъ появлялся глазъ. „Псть, псть“,—разсиналъ Сендеръ, какъ разъ когда онъ проходилъ мимо, такъ что онъ невольно остановился.

— Привѣтъ товарищу, — раздался звонкій женскій голосъ. — Мнѣ хотѣлось вамъ только сказать, что вы очень хорошенкій юноша. Я—Шенау.

Онъ покраснѣлъ и невольно опустилъ глаза. „Нахальный народъ“,—пробормоталъ онъ.

Было уже почти девять, когда стали наполняться и первые ряды офицерами, чиновниками, польскими панами, дамами, одѣтыми по парижской модѣ, хотя и не послѣдней. Однако, такъ какъ мѣста музыкантовъ были еще пусты, то Сендеръ продолжалъ стоять возлѣ занавѣса и обозрѣвалъ публику до тѣхъ поръ, пока наконецъ замѣтилъ, что и самъ служить предметомъ наблюденія для другихъ. Онъ покраснѣлъ и подумалъ, что общее вниманіе привлекать, по всей вѣроятности, его новое платье, которое должно было придавать ему странный видъ. Затѣмъ ему пришло въ голову, что, быть можетъ, его кто нибудь знаетъ между евреями. Съ пылающимъ лицомъ онъ поспѣшилъ занять свое мѣсто.

Вокругъ него говорили о вскрытіи рѣки. „Завтра навѣрное ледъ тронется“,—слышалось со всѣхъ сторонъ. — „Въ нынѣшнемъ году будетъ сильный ледоходъ“,—замѣтилъ господинъ, сидѣвшій по правую руку Сендера.

Сендеръ вздрогнулъ, но въ эту минуту раздался звонокъ, и занавѣсъ тяжело взвился.

Сцена изображала церковную площадь въ итирійской деревушкѣ, на которой возвышался мощный замокъ готической архи-

тектуры, окруженный деревьями. „Паркъ Фотерингай“¹ — шепнулъ сосѣдъ Сендера. Вошли Ганна и пасторъ. Линдонъ, игравшая Ганну, была пожилая, худая, безобразная блондинка, но глядя на Бирка, игравшаго пастора, Сендеръ подумалъ съ первыхъ же его словъ: „Этотъ можетъ производить впечатлѣніе или по крайней мѣрѣ ногъ въ свое время, — прибавилъ онъ затѣмъ, вида, какъ у этого рослаго челоуѣка дрожали колѣни, руки и подбородокъ, и какъ онъ боязливо прислушивался къ суфлеру. Затѣмъ явились Стиклеръ и Бененъ въ роляхъ Лоренца и школьнаго учителя. Въ публикѣ раздался смѣхъ.

Смѣхъ этотъ вызвалъ Бененъ своей гримировкой. Направивъ всѣ свои усилія на то, чтобы ослабить впечатлѣніе, которое производила величина его носа, онъ устроилъ себѣ изъ папки толстыя щеки и прикрѣпилъ себѣ громадные, торчащіе вверхъ усы. Все это вмѣстѣ производило ужасное впечатлѣніе. Маленькій челоуѣкъ вздрогнулъ, услыжавъ привѣтствіе публики. „Такъ водится на свѣтѣ“, — пробормоталъ онъ первыя слова своей роли. Смѣхъ возобновился. „Щеки долой! — крикнулъ одинъ офицеръ: — Показывай носъ!“ Шумъ превратился въ настоящій ревъ, не прекращавшійся до тѣхъ поръ, пока Ганна не начала ораторствовать объ еврейскомъ семействѣ, которое она наполнила молокомъ въ лѣсу. Но какъ только Бененъ произнесъ: „Еврей? Не сошла-ли съ ума дѣвушка?“ — кто-то воскликнулъ: „Фи, Бененъ, не отказывай въ этомъ своимъ единоувѣрцамъ“, — и опять пошла потѣха.

Сцена оживлялась. Явились: торговецъ, портной, булочникъ. Все это очевидно были солдаты въ очень странныхъ костюмахъ. Теперь Сендеръ понялъ, почему списокъ дѣйствующихъ лицъ оказался такимъ длиннымъ, хотя для него все еще было не ясно, почему статисты по лѣвую сторону носили еврейскія, а по правую сторону — христіанскія ясна. Рѣчи, которыя авторъ влагаетъ имъ въ уста, произносились всѣ кассиршей, игравшей „старую Лизу“.

¹ Одна изъ декораций „Марія Ствартъ“ Шиллера.

Тутъ снова поднялся смѣхъ, но также и одобрительныя рукоплесканія: русинскіе мужики, очевидно пьяные и не переодѣтые, а въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ, вытащили на сцену Дебору. Сендиръ вздрогнулъ: „Боже великій! Да это—Малка!“ Это были ея голубые глаза, ея выпящєся черные волосы; но формы, едва прикрытыя рубашкой и юпкой, были гораздо пышнѣе. Когда же Шенау заговорила, Сендиръ вздохнулъ съ облегченіемъ: это не былъ голосъ Малки.

„Сегодня эта дѣвушка опять очень мила“,—произнесъ офицеръ позади Сендера, и тотъ долженъ былъ мысленно согласиться съ нимъ. Сендиръ не отрывалъ глазъ отъ нея. Сердце его теперь сильно билось и щеки пылали; его раздражало, что это безстыжее, полюбощенное существо, бросавшее такіе недвусмысленные взгляды въ партеръ, такъ сильно напоминало Малку. Но дѣвушка была дѣйствительно очень красива, и именно это-то злополучное сходство имѣло для него привлекательность. Когда взглядъ ея остановился на немъ и затѣмъ направлялся все чаще и чаще въ его сторону, онъ опускалъ глаза и принимался тормозить свой галстукъ, который и безъ того стѣснялъ его съ непривычки; его что-то душило. Только когда занавѣсъ опустился послѣ перваго акта, это томительное ощущеніе исчезло.

— Жаль ее,—сказалъ собесѣдъ Сендера, обращаясь къ своей женѣ:—Это, говорятъ, развратная дѣвушка, но все таки талантъ.

На талантъ Шенау Сендиръ еще не обратилъ вниманія. Когда занавѣсъ опять взвился и началась сцена въ лѣсу между Деборой и Иосифомъ, разыгранная также въ фотерингейскомъ паркѣ, онъ сталъ внимательнѣе относиться къ игрѣ Шенау, что ему удавалось однако только тогда, когда она смотрѣла на своего собесѣдника, Гогенахена, а не въ партеръ. Тутъ не менѣе, благодаря своему природному чутью, онъ тотчасъ же замѣтилъ громадную разницу въ игрѣ ея и Гогенахейна. Она говорила почти естественно, ея радость и горе трогали его. „Она удовлетворила бы даже моего патера, который всегда требуетъ простоты“,—подумалъ онъ. Го-

генейхенъ напротивъ страшно вылъ. Его игра значительно испортилась за эти два года.

„Да благословить тебя Богъ, возлюбленный. Покойной ночи!“ Дебора съ томленіемъ простираетъ руки, занавѣсъ падаетъ, и публика кричить: „Шенау! Bravo!“ Она три раза вышла на сцену и раскланывалась, скрестивъ руки на пышной груди, съ улыбкой куртизанки на устахъ. „Жаль ее“,—подумалъ и Сендеръ.

— Пока еврейскъ хорошо съ рукъ сходить,—замѣтилъ господинъ по лѣвую руку Сендера своему сосѣду.

— Ужъ конечно въ афишахъ опять не обошлось безъ пошеничества,—отвѣтилъ тотъ презрительно.

Сендеръ грозно насунился. „Я объ этомъ скажу Кенену“,—подумалъ онъ. Впрочемъ вокругъ него никто не говорилъ о самой пьесѣ, а больше о Шенау да о Кененѣ, котораго осмѣивали. Публика развлекалась, какъ могла, потому что музыкантовъ все не было. Сендеръ спросилъ своего сосѣда по правую руку о причинѣ отсутствія музыкантовъ. Господинъ со смѣхомъ взглянулъ на него и отвѣтилъ:—Мнѣ кажется, что вамъ это должно быть такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ. Вѣдь сегодня канунъ субботы, и музыканты не могутъ играть.

Сендеръ покраснѣлъ. Онъ не узналъ въ своемъ сосѣдѣ, человѣкѣ съ весьма утопченною внѣшностью, единовѣрца.

— Да, конечно, я еврей,—послѣшилъ онъ замѣтить, чѣмъ вызвалъ улыбку на устахъ „господина доктора“, какъ его называли другіе: очевидно это замѣреніе казалось ему излишнимъ.

Вступленіе во второму акту служило для Сендера дальнѣйшимъ поясненіемъ длинной афиши. Въ роли деревенскаго фельдшера, который лѣчитъ заболѣвшаго ударомъ и поэтому сначала невидимаго Лоренца, выступилъ не кто иной, какъ Стиглеръ, игравшій въ первомъ актѣ того же Лоренца, хотя въ афишѣ онъ названъ былъ для христіанъ г. Моренгеймомъ, а для евреевъ г. Кономъ. О томъ, чтобы насмѣшить публику, опять такъ позаботился злополучный Кененъ, какъ своею внѣшностью, такъ еще болѣе трагично

противъ евреевъ. Вскорѣ появился опять Стиглеръ въ роли Лоренца, затѣвъ кассирша, превратившаяся въ еврейку, наконецъ Виркъ въ роли Авраама, при чемъ онъ привязалъ себѣ бѣлую бороду, а таларомъ ему послужило то же платье, которое было на немъ въ роли пастора.

Публика болтала, пока не явилась Дебора и не продекларировала свой монологъ о любви. „Любовь сильна, какъ смерть...“ Сендеръ покраснѣлъ до ушей: она опять въ упоръ глядѣла на него.

И на этотъ разъ послѣдовало шумное одобреніе, но еще больше рукоплесканій вызвалъ глупый Грицко, явившійся вмѣстѣ съ Кененомъ въ качествѣ судебного пристава. На немъ былъ его обыкновенный мундиръ, даже поломанная соломенная шляпа съ бляхой, на которой красовались слова: „городская полиція“. Публика хлопала, какъ оглашенная, а когда Грицко заговорилъ, отвѣчая на слова Кенена: „Если евреи не уйдутъ, то мы ихъ прогонимъ“, — смѣху и возгласамъ не было конца. Но и слѣдующая сцена, въ которой Виркъ-Авраамъ разоблачаетъ, что Кененъ — еврей, вызвала не меньше смѣха. „Коня! — кричали со всѣхъ сторонъ: — вотъ тебѣ и нопало!“ Сендеру было жаль Кенена, но онъ долженъ былъ признаться, что его игра была почти такъ же ужасна, какъ его наружность. Напротивъ, Виркъ понравился ему въ этой сценѣ, самой лучшей во всей этой тенденціозной пьесѣ. Но и его жаль, — подумалъ онъ.

Затѣвъ занавѣсъ опустился, потомъ опять показался англійскій королевскій замокъ, произошло изгнаніе Деборы Лоренцомъ, ея сцена съ Иосифомъ. Публика снова захопала. Шенау явилась рука объ руку съ Гоговейхономъ; вызывающій взглядъ ея былъ устремленъ на Сендера, такъ что онъ опять опустилъ глаза.

Онъ не поднималъ глазъ до тѣхъ поръ, пока снова не спустился занавѣсъ. „Восстаница, — подумалъ онъ. — Люди вѣроятно это замѣчаютъ. Что ей отъ меня нужно?“ Однако въ глубинѣ души онъ чувствовалъ себя польщеннымъ. Но тутъ онъ услы-

шалъ, какъ сзади него офицеръ шепнулъ товарищу: „Ты, Рёдеръ, имѣешь интригу съ Шенау? Она тебѣ глазки дѣлаетъ“.

Товарищъ его принужденно засмѣялся. „Что же и дѣлать въ такомъ захолусты?“ — отвѣтилъ онъ.

Начало третьяго акта, — свадьба Иосифа съ Ганной — прошло очень быстро, но сцена проклятiя была исполнена безъ пропусковъ. Какъ ни былъ Сендеръ золъ на Шенау, но онъ долженъ былъ сознаться, что она хорошо играла, и когда, послѣ заключительныхъ словъ героини: „Живи, несчастный! Помни обо мнѣ! Прощай!“ — публика разразилась рукоплесканiями, онъ не могъ не присоединиться къ ней.

Но среди рукоплесканiй слышались свистки и возгласы неодобренiя, которые впрочемъ относились не къ Шенау. „Это еврейскiя, — кричали нѣкоторые: — вонъ евреевъ!“ Евреи же аплодировали еще громче. Офицеры забавлялись, глядя на эту сцену, но не принимали въ ней участiя; и когда одинъ изъ нихъ крикнулъ: „Да здравствуетъ Мозенталь, еврейскiй Шиллеръ!“ — они смѣясь также начали хлопать!

Только сосѣдъ Сендера съ лѣвой стороны никакъ не могъ успокоиться. „Вонъ жидовъ!“ — кричалъ онъ все сильнѣе. Сендеръ раздраженно обернулся къ нему. Тогда его сосѣдъ справа дотронулся до его руки и съ улыбкой сказалъ:

— Не сердитесь. Это по моему адресу. Этотъ господинъ мой конкуррентъ... Адвокатъ д-ръ Титингеръ, — отрекомендовался онъ.

— Бурландеръ, актеръ черновицкаго театра, — отвѣтилъ Сендеръ и прибавилъ по своему обыкновенiю: — Я барновецъ.

Адвокатъ нѣсколько удивился. — Да? Вы изъ Варнова, — сказалъ онъ вѣжливо. — Тамъ наконецъ также будетъ адвокатъ, — д-ръ Бернгардъ Замменфельдъ изъ Черновицъ. Я сегодня прочелъ о его назначенiи... Вы его знаете? — спросилъ онъ, замѣтивъ, какъ Сендера передернуло.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Сендеръ поспѣшно.

Приписку Бернгарда въ письмѣ Малки, что онъ будетъ радъ,

если его назначать адвокатомъ въ Варновъ, онъ принялъ за простую шутку. Итакъ, Малька будетъ жить въ Варновѣ. И образъ ея такъ явственно предсталъ передъ нимъ, что сердце у него сжалось. Шенау немножко похожа на нее, — подумалъ онъ: — но какъ крестьянка на королеву.

Въ первой сценѣ четвертаго акта, гдѣ половой Рубенъ увлекалъ толпу евреевъ въ Америку, — декорация изображала греческій храмъ, и такъ какъ тутъ опять выступаетъ Кененъ, обозначенный на афишѣ фамиліей „г. Зильберштейнъ“, то публика опять разразилась смѣхомъ. Накладныя щеки исчезли, но за то половина лица была покрыта черною бородою, носъ опять побѣдно-носно выступалъ и былъ встрѣченъ бурными рукоплесканіями. Затѣмъ по поводу пьесы произошло столкновение между евреями. Въ особенности ожесточенно жестикулировали они на галлерей.

Сендеръ не могъ въ толкѣ взять, чего они хотятъ.

— Вотъ и это столкновение лежитъ на совѣсти составителя афиши, — сказалъ ему адвокатъ. — На сторонѣ, предназначенной для евреевъ, говорится, что Рубенъ ведетъ евреевъ въ Палестину; потому-то въ театрѣ сегодня такъ много хасидовъ. Въ самой же пьесѣ говорится: „Иерусалимъ не наша родина“, и авторъ напротивъ указываетъ на Америку. Вотъ евреи и ругаютъ и Мозонталя, и Кенена, а тѣ, кто пообразованнѣе, защищаютъ ихъ. Но денегъ, уполченныхъ за мѣста, они ужъ не получаютъ, — прибавилъ онъ со смѣхомъ. — Составитель афиши знаетъ свое дѣло.

— Можетъ быть, — отвѣтилъ Сендеръ: — но у насъ, въ Черновицкомъ театрѣ, слава Богу, ничего подобнаго не бываетъ.

Заключительная сцена удовлетворила всѣхъ: и христіанъ, и евреевъ. Двое дѣтей фрейлейнъ Линденъ растрогали публику. Христіане были довольны, что названіе пьесы: „Проклятіе еврея — благословеніе для христіанина“ — до нѣкоторой степени оправдалось, такъ какъ Іосифъ и Ганна жили счастливо; а евреи были довольны тѣмъ, что въ концѣ концовъ враги должны были „благословлять израэлитовъ“ даже съ вѣнками изъ розъ въ рукахъ.

Въ заключеніе раздался бурный рукоплесканіи, при чемъ на сцену вышли всѣ актеры, не исключая Кенена. — Во второй разъ появилась г-жа Шенау одна и произнесла слѣдующую рѣчь:

„Многоуважаемые покровители. Отъ имени дирекціи благодарю васъ за благосклонность и честь, которую вы намъ до сихъ поръ оказывали, и позволяю себѣ покорнѣйше просить васъ пожаловать завтра на мой бенефисъ. Представленіемъ всѣ останутся довольны, потому что мы дадимъ, по всеобщему желанію, пьесу „Портной Финсъ“, затѣмъ въ первый разъ „Марію Стюартъ“ извѣстнаго поэта Фридриха Шиллера и великолѣпный водевиль, никогда здѣсь еще не дававшійся: „Изаба на большой дорогѣ“ безсмертнаго Бюццу, автора „Портной Финсъ“. Далѣе я продекламирую „Перчатку“ Шиллера и въ заключеніе — сказала она простонароднымъ нарѣчіемъ, — мои любезные господа, я пропую вамъ нѣсколько пѣсенокъ частью въ костюмѣ, частью безъ... вы понимаете.

Она цинически подмигнула глазомъ и прибавила:

— Итакъ, я могу рассчитывать на ваше вниманіе, потому что я не щажу себя, чтобы угодить моимъ дорогимъ покровителямъ и уважаемой публикѣ.

Раздался смѣхъ и рукоплесканія, и всѣ бросились къ выходу.

VI.

Сендеръ отправился въ столовую. Почти всѣ столы были уже заняты, но число посѣтителей все увеличивалось. Онъ осмотрѣлся вокругъ; только столъ, на которомъ Кененъ склеивалъ листы, былъ еще свободенъ. Сендеръ направился къ нему.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ ему половой Рубенъ, проходившій въ это время мимо него съ огромнымъ подносомъ, уставленнымъ блюдами. — это столъ актеровъ.

Сендеръ въ нерѣшительности остановился и опять посмотрѣлъ вокругъ себя. Здѣсь очевидно каждое сословіе было строго отдѣлено отъ другого и имѣло свой особый столъ. За однимъ засѣдали почетныя лица изъ христіанъ, за другимъ Титингеръ со

своими друзьями въ нѣмецкомъ платьѣ, за третьими чиновники, за четвертыми мелкій еврейскій людъ, за пятыми мѣщане изъ христіанъ; даже офицеры разиѣстились по роду оружія: за однихъ видѣлись пѣхотинцы и саперы, за другихъ уланъ.

„Влагодѣеви Богъ! подумалъ Сендеръ, садясь у актерскаго стола.—Стало быть я буду виѣстѣ съ товарищами. Но платить я имъ за кого больше не стану“.

Рубенъ торопливо подбѣжалъ къ столу и убралъ разложенные на немъ листы.—Актеры сейчасъ придуть,—сказалъ онъ.—Ихнихъ ужиномъ вы не будете довольны, если они васъ пригласятъ. Я принесу вамъ кое-что получше.—И, не дожидаясь приказанія Сендера, онъ бросился вонъ изъ столовой.

Скоро вошли Стиклеръ и Биркъ.

— Чрезвычайно радъ!—привѣтствовалъ его Стиклеръ, улыбаясь во все свое широкое, плоское, одутловатое, испитое лицо.—Игнѣлъ удовольствіе слышать о васъ. Пожалуйста, безъ церемоній, любезный Курлендеръ,—остановилъ онъ Сендера, когда тотъ хотѣлъ встать, и пожимая его правую руку въ обѣихъ своихъ, продолжалъ:—Тысячу разъ добро пожаловать. А это Фердинандъ Биркъ, знаменитый герой и отецъ, бывшій артистъ вѣнскаго буртеатра, а теперь гордость, столпъ моей сцены.

Въ такомъ случаѣ дѣла труппы были гораздо хуже, чѣмъ предполагалъ Сендеръ. Шатаясь подошелъ Биркъ къ стулу, тяжело опустился на него и провелъ трясущимися руками по лбу. Сендеръ принялъ его сначала за пьянаго; но угасшіе глаза и мертвенно блѣдное лицо противорѣчили этому. Въ прежнее время это было вѣроятно красивое, гордое, смѣло очерченное лицо. Слѣды этой красоты еще сохранились, несмотря на опустошенія, оставленныя болѣзью, и въ особенности на тяжелое впечатлѣніе, которое производилъ трясущійся подбородокъ. Этотъ человѣкъ вѣроятно былъ очень боленъ. На Сендера онъ не обратилъ никакого вниманія.

— Водочки, Биркъ?—спросилъ директоръ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ слабымъ голосомъ. — Ты знаешь, что я ея не переношу. Но ѣсть мнѣ хочется.

Рубенъ только что поставилъ передъ Сендеромъ жаркое и бутылку вина. Глаза Вирка съ жадностью остановились на блюдѣ.

— Не угодно-ли?—спросилъ Сендеръ, подавая ему колбасу.
— А немножко вина?

— Благодарю, — пробормоталъ Виркъ, наклоняясь надъ тарелкой:—вина не надо.

— Но этого мнѣ не слѣдовало бы допускать,—воскликнулъ Стиклеръ:—Вы, разумѣется, мой гость, любезный коллега. Ну, потому мы съ вами вѣстѣ выпьемъ... Рубенъ, мой обыкновенный напштокъ. И телячье жаркое.

Вошла Линденъ съ своими двумя дѣтьми, за нею кассирша и Гогенѣхенъ. Наконецъ пришелъ и Кененъ, точно крадучись, не изъ общей двери, а изъ кухни. Очевидно, онъ избѣгалъ проходить мимо всей этой публики, наполнявшей залу. Молчаливо сидѣла жалкая компанія вокругъ стола; даже Гогенѣхенъ крикнулъ только короткое привѣтствіе Сендеру и печально искоса неглядывалъ на жаркое директора. Одинъ Стиклеръ ораторствовалъ безъ умолку, ушлетая за обѣ щеки.

— Рекомендую: Гермина Линденъ, любезный Бурландеръ. Пора цвѣтенія лица ¹ миновала, ха-ха! — но выдали вы когда-нибудь такую сентиментальную особу?... „Воспоминаніе о прекрасныхъ дняхъ остается“, какъ видите, даже въ двойномъ видѣ... А вотъ Пени Мейеръ, прозванная Темесварской Жемчужиной: во время своего бенефиса могла бы наполнить весь театръ, раздавая даромъ билеты; впрочемъ въ качествѣ кассирши она велика, а въ роли комической старушки несравненна... Мой Гогенѣхенъ... Впрочемъ, мнѣ нечего вамъ его рекомендовать, такъ какъ онъ самъ объ этомъ позаботился. О Кененѣ также нечего говорить. Остроумный псевдонимъ придумалъ онъ себѣ отъ слова: „не могу“, ха-ха!...

¹ Linde—по-нѣмецки: липа.

Ну, дѣти,—прервалъ онъ себя, видя, что никто не смѣетъ его остротамъ, и что только тѣ, которыхъ онъ непосредственно сались, ворчили неопредѣленные гринасы, какъ будто ихъ нестали:—что же вы такъ притихли послѣ таковаго триумфа? Ха-ха, понимаю: кормленіе звѣрей... Рубень, ворона моя, гдѣ же корги? Я заказалъ вамъ лакомое кушанье. Стаканчикъ моего напитка, Курландеръ?

Сендеръ поторопился отклонить угощенье, состоявшее изъ смѣси меда и водки. Оказалось, что лакомое кушанье состояло изъ огромнаго блюда картофеля, тарелки сала и кружки воды. Съ жадностью бросились всѣ къ блюду, только Биркъ не могъ воспѣвать за другими съ своими дрожавшими руками. Стиклеръ наложилъ ему полную тарелку и опорожнилъ въ нее все оставшееся сало.

— Кушай, мой Фердинандъ, — сказалъ онъ благодушно: — Что, небось, повкуснѣе, чѣмъ прежніе твои паштеты?.. А Шенау опять о себѣ позаботилась?—спросилъ онъ полового.

— Онѣ ужинають въ отдѣльной комнатѣ, — отвѣтилъ тотъ. — Господинъ фонъ-Чапка и трое польскихъ господъ пригласили ее. Они пьютъ шампанское...

„Молодецъ“ — пробормоталъ Стиклеръ: — „Всегда сама о себѣ позаботится“. — А что вы скажете объ ея талантѣ? — обратился онъ къ Сендеру: — Большой талантъ! А встаетъ, такъ какъ мы уже заговорили о талантахъ: на какихъ роляхъ вы специализировались?

Сендеръ перечислилъ всѣ роли, которыя онъ изучилъ съ патромъ Маріаномъ. Когда онъ назвалъ Шейлока, Стиклеръ даже привскочилъ.

— Шейлокъ! — воскликнулъ онъ: — Какъ жаль, что вы раньше не пріѣхали. Я бы васъ уговорилъ выступить въ гастрольяхъ... хотя бы это стоило по три гульдена. Дѣло въ томъ, что эта драма какъ разъ для Галиціи. Она интересна и для христіанъ, и для евреевъ; и тѣ, и другіе могутъ найти въ ней матеріалъ и для злобы, и для восторга. „Шейлокъ“ вездѣ дѣлаетъ полные

сборн и если въ нѣсточкѣ три тысячи жителей, то его сѣло можно поставить два раза. И у меня нѣтъ Шейлока! Въ крайнемъ случаѣ его могъ бы играть Гогенейхенъ, но тогда у меня не будетъ Антонио. Я ужь думалъ объ этомъ, но роли Антонио никакъ нельзя вычеркнуть изъ пьесы. Очень жаль!

— Я также его еще нигдѣ не игралъ,—отвѣтилъ Сендеръ:— Богъ знаетъ...

— Ну, конечно. Разумѣется, вы сыграете. Если Надлеръ... Я о немъ ничего не скажу: я слышалъ, что вы мечтаете о немъ... Но если онъ кого поощряетъ и ангажируетъ заглазно, то, значитъ, у того есть талантъ. У Надлера на этотъ счетъ хорошій нюхъ, надо ему отдать въ этомъ справедливость. Къ тому же въ Залещикахъ! То есть, — прибавилъ онъ послѣдно: — вы можете играть конечно и въ Тарнополѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Пардубицѣ, вездѣ. Но теперь уже поздно. Мы здѣсь вотъ уже четыре недѣли и играли шестнадцать разъ. Въ послѣдній разъ давали: „Лушпация-бродягу“ и отрывокъ изъ „Разбойниковъ“, и сборъ былъ... два гульдена. Сегодня сборъ былъ порядочный, но вѣдь пятница самый лучший день для спектакля и къ тому же „Добора“, и эта афиша! А послѣ бенефиса Шенау нечего больше ожидать... хоть шаромъ покати.—Онъ вздохнулъ.—Стало быть, здѣсь дѣло не поидеть. Но пойдете вмѣстѣ въ Борщовъ. Въ понедѣльникъ я такъ дамъ: „Портного Фипса“ и „Коварство и любовь“, но „Шейлокъ“ далъ бы лучший сборъ. Итакъ рѣшайтесь, по рукамъ.—Онъ протянулъ Сендеру руку. Но тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Въ понедѣльникъ я долженъ быть въ Черновицахъ,—отвѣтилъ онъ твердо.

— Въ такомъ случаѣ вы прїѣдете туда въ среду... Поддержите же меня, дѣти... Не правда-ли, Биркъ?

Но Биркъ и не шевельнулся. Проглотивъ свой ужинъ, онъ безучастно смотрѣлъ въ пространство.

— Биркъ, развѣ не слышишь? О чемъ ты думаешь?.. О сво-

ихъ давнишнихъ графинахъ и субреткахъ?.. О Сарольтъ! ага? что?

Апатичное лицо оживилось на минуту улыбкой, отвратительной, пошлой улыбкой, и руки, словно ловя что то, мелькнули въ воздухъ.—Сарольта...—провизжалъ онъ.

Сендеръ съ ужасомъ смотрѣлъ на него. Человѣкъ, возбуждавшій въ немъ состраданіе, казался ему теперь противнымъ. Но лицо Вирка тотчасъ опять приняло прежнее тупое выраженіе.

Стивлеръ пожалъ плечами.—Ну, а вы?—обратился онъ къ другимъ.

— Разумѣется, онъ долженъ ѣхать съ нами, — воскликнула въ одинъ голосъ кассирша и Линдонъ. Гогенѣхенъ, сидѣвшій до сихъ поръ насупившись, поддерживалъ ихъ.

— Да, дружище, ты долженъ ѣхать. Не отпускайте его, директоръ. Говорю вамъ, онъ отиѣченъ печатью генія. Ты такъ исполнишь Шейлока, что весь Борщовъ будетъ потрясенъ. Я бы ужъ тебя уговорилъ, если бы въ горлѣ у меня такъ не пересохло...

Директоръ понялъ намекъ.

— Рубень, кружку пива Гогенѣхену.—Всѣ такъ и витарили глаза: подобная щедрость была не въ характерѣ Стивлера. Это значило, что онъ придавалъ большее значеніе ангажементу.

— Разумѣется,—воскликнулъ онъ:—Борщовъ будетъ потрясенъ. Что вы скажете, Бененъ?

Маленькій человѣчекъ вздрогнулъ, боязливо взглянулъ на директора и промолчалъ. На минуту водворилось тишина; тогда раздался голосъ Вирка.—Нѣтъ!—сказалъ онъ глухо:—ему не слѣдуетъ ѣхать... Онъ не долженъ ѣхать на гибель... слишкомъ молодъ...

— Виркъ!—воскликнулъ Стивлеръ съ раздраженіемъ. — Ты скоро совѣшь съ ума сойдешь.

— Да!—пробормоталъ несчастный:—я это чувствую, но все-таки я сказалъ правду. Онъ всталъ и, шатаясь, пошелся изъ комнаты.

Снова водворилось неловкое молчаніе.

— Это Богъ знаетъ что!—воскликнулъ наконецъ Стиглеръ.— Потому что онъ самъ развѣтился въ конецъ, благодаря вѣчнымъ любовнымъ похождениямъ въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, и потерялъ и здоровье, и разумокъ, нашъ молодой другъ не долженъ ѣхать на два дня въ Борщовъ... Тильдхенъ,—вдругъ воскликнулъ онъ, увидѣвъ Шенау, — Тильдхенъ, вотъ и она идетъ, опора моей старости. Ты являешься какъ разъ во-время.

Она дѣйствительно пробиралась между столами въ грязномъ зеленомъ шелковомъ платьѣ, съ искусственными розами въ волосахъ, отвѣчая вызывающимъ взглядами на любопытные и жадные взоры публики. Щеки ея были подрумянены, но сквозь румяна пробивался и естественный румянецъ, а глаза ея блестяли.

— Добрый вечеръ, дѣти... Добро пожаловать, прекрасный чужестранецъ. Что ты мнѣ нравишься, это я уже тебѣ говорила.— Она погладила Сендера по подбородку.—О, ты, милая невинность! Онъ еще краснѣетъ! Какъ и въ театрѣ, когда я на него смотрѣла. Невинное дитячко!.. Сосуночекъ ты мой!

— Тильдхенъ! Сосуночекъ долженъ ѣхать съ нами въ Борщовъ. Будь его кормилицей.

— Будетъ исполнено. Но прежде всего дѣло, а потомъ удовольствіе, — и она обвела глазами залу. — Слава Богу, публики здѣсь еще довольно; это благодаря вскрытію рѣки. Оттуда эти сумасшедшіе полаки не пускали меня, „но, дѣти, — говорю я, — завтра мой бенефисъ, и я должна раздать билеты. Отъ вашихъ двадцати гульденовъ, говорю я, я не разжирѣю“. Они заплатили за четыре кресла.—И она вытаскала деньги изъ кармана и бросила ихъ на тарелку. — Это для примѣра... Пени, билеты.

И она направилась къ офицерскому столу.

— Чертовская дѣвушка!—засмѣялся Стиглеръ.

Счастливыи „женихъ“ Гогенейхенъ казался также довольнымъ. Только Кевенъ былъ мраченъ и щеки его пылали почти такъ же,

какъ у Сендера. Сендеру уже не сидѣлось на мѣстѣ, и онъ почти задыхался.—Прощайте,—пробормоталъ онъ вставая.

— Да чего вамъ недостаетъ?—воскликнулъ Откликоръ.—Те-перь только у насъ начинается веселье. — И когда Сендеръ все-таки собрался уйти, онъ прибавилъ:—Въ такомъ случаѣ мы еще поговоримъ завтра.

— Хорошо, завтра,—отвѣтилъ Сендеръ, чтобы только отвязаться отъ него. — Нѣтъ, въ Борцовъ я не поѣду,—сказалъ онъ себѣ, когда онъ пришелъ въ свою комнату и началъ раздѣваться, чтобы лечь спать.—Не правда ли, Москва?—Собака, какъ будто раздѣляя его мнѣніе, лаяла и прыгала вокругъ него.

На другой день, когда Сендеръ проснулся, было уже девять часовъ. Почти со стыдомъ принялся онъ одѣваться: никогда еще онъ не валялся такъ долго въ постели, глаза у него охли. „Сегодня я съ пѣтухами лягу спать,—точно же подумалъ онъ:—а завтра надо очень рано уѣхать отсюда. Венерисъ можетъ обойтись и безъ меня... Сосуночекъ... Нахалка...“

Когда онъ спускался съ лѣстницы, онъ услышалъ звонъ колоколовъ въ ближайшей церкви. На этотъ разъ это былъ звукъ короткій, рѣзкій. Удары слѣдовали одинъ за другимъ быстро, непрерывно и становились все рѣзче. Никъ вторилъ на цѣлоторомъ отдаленіи такой же колокольный звонъ „Пожаръ!“—воскликнулъ Сендеръ и бросился къ воротамъ.

Тутъ онъ увидалъ толстуху хозяйку.—Не пугайтесь!—успокоила она его:—это наводненіе. Что намъ де него ва дѣло!

Онъ бросился къ рѣкѣ. Навѣтъ все еще раздавался. Изъ всѣхъ домовъ выбралъ народъ съ вощами. Дождь, теплый дождь лилъ, какъ изъ ведра. По улицѣ, спускавшейся къ рѣкѣ, труднѣ было идти: она походила на русло бурнаго потока.

Онъ съ трудомъ добрался до балкона и еще съ большими усиліями протолкался сквозь галдѣвшую толпу, чтобы взглянуть на рѣку. Ему представилось безотрадное зрѣлище. На всемъ пространствѣ, куда только хваталъ глазъ, сплошь окутывавшую

всѣ предметы дождевуи или, все было сѣро, грязно, безотрадно; облака и рѣка сливались. Гигантская змѣя вадулась со вчерашняго дня непонятно и казалась безконечною: она разлилась по полямъ, а мѣста, лежащія выше, были также покрыты водою отъ растаявшаго снѣга. Вода, вода, — ничего, кромѣ воды: она струилась съ пѣба и била, казалось, изъ земли, словно хотѣла потопить все живое. Только-что видѣлись еще заборы внизу, потомъ отъ нихъ остались однѣ верхушки; наверху и онѣ совершенно исчезли подъ водою. Отъ домовъ, расположенныхъ у самой рѣки, оставались однѣ соломенные крыши. Въ нѣкоторыхъ слуховыхъ окнахъ видѣлись люди, махавшіе платками. Изъ расположенныхъ выше домовъ свисали жильцы съ искаженными лицами, широко раскрытыми глазами, съ криками ужаса, которыхъ не было слышно, но которые можно было прочесть на ихъ лицахъ.

Ледъ давалъ трещины, но еще не трогался съ мѣста. Все чаще ледяная глыба всплывала на поверхность, словно хотѣла посмотрѣть, что дѣлается надъ водою, и затѣмъ останавливалась. Рѣка еще не приобрѣла настолько силы, чтобы двинуть эти массы; онѣ лежали неподвижно и преграждали путь водѣ. Поэтому поверхность ея все поднималась, и наводненіе усиливалось.

Тревожъ не прекращался. Начальство созывало людей для оказанія помощи тѣмъ, которыхъ грозила гибель отъ наводненія, но дѣль плохо достигалась. Рабъ съ своей тупой, склонной къ самоотреченію натурѣ, не привыкъ къ самопомощи; тѣмъ болѣе еврей: онъ не умѣетъ смотрѣть въ глаза опасности и скоро терзаетъ голову. Въ самостоятельныхъ лодкахъ видѣлись только солдаты; рѣдко мелькали между бѣлыми мундирами полушубокъ крестьянина и кафтанъ еврея. Саперы работали около моста и подбирали дѣян по возможности выше, чтобы мостъ не снесло. Но работа шла туго, такъ какъ ледъ мѣшалъ движенію лодокъ. Барки все еще возвышались надъ водою, но ѣзда и движеніе были прерваны.

Со страхомъ смотрѣлъ Осидоръ внизъ. Онъ уже не пытался расширивать сосѣдей, такъ какъ каждый давалъ иной отвѣтъ.

Вдругъ онъ увидалъ въ толпѣ своего вчерашняго сосѣда по театру и протиснулся къ нему. Онъ обратился къ доктору Титингеру съ вопросомъ, можно-ли попасть завтра утромъ въ Черновицы.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ тотъ, — ни въ какомъ случаѣ. Если мостъ успѣютъ поднять настолько, что ледъ будетъ проходить подъ нимъ и если сегодня уже начнется ледоходъ, то вы можете ѣхать въ понедѣльникъ. Но я не думаю, чтобы это удалось; а въ такомъ случаѣ ледъ можетъ сломать его, и тогда вамъ придется просидѣть здѣсь цѣлую недѣлю.

— Недѣлю! — въ ужасѣ воскликнулъ Сендеръ. — Но вѣдь есть же гдѣ-нибудь по сосѣдству другой мостъ?

— На разстояніи двухъ дней ѣзды есть только паромъ. Еслибы такъ легко было строить мосты черезъ Днѣстръ, то у насъ давно былъ бы каменный мостъ. Только выше Галича есть такой мостъ: тамъ рѣка спокойна и неширока. Но ѣхать туда, чтобы потомъ попасть въ Черновицы, значитъ потерять пять лишнихъ дней. Лучше оставаться здѣсь и выжидать.

К. Французъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Израильтянка.

Изъ „Еврейскихъ мелодій“ Байрона.

Она идетъ въ красѣ своей,
Подобно южной звѣздной ночи,
Ея черты, осанка, очи —
Полны гармоніи, — и въ ней,
Въ какомъ-то дивномъ сочетаньѣ,
Слилися сумракъ и сіянье.

Все, отъ волны ея кудрей,
До взора дѣвственныхъ очей,
Въ ней дышетъ прелестью спокойной,
Все соразмѣрно въ ней и стройно;
Въ чертахъ ея отражена
Души невинной глубина.

Какъ лучъ, сіяющій въ эфирѣ,
Ея улыбка, и ланить
Ея румянецъ — все живить!
Душа ея — со всѣми въ мирѣ,
Не вѣдая земного зла,
Любовь — безгрѣшна и свѣтла!

И. Григоровичъ.

Къ вопросу о реформѣ въ области еврейской религии *.

(ПАМЯТИ ОТЦА МОЕГО ПОСВЯЩАЮ).

V **.

Мессія и его царство.

§ 1. О распространѣніи мессіанской идеи.

Мессіанская идея успѣла въ эпоху владѣнія Палестиной персами, а затѣмъ седевидами совершенно исчезнуть изъ сознанія

* См. „Восходъ“ кн. II.

** Кромѣ указанныхъ раньше источниковъ, мы пользовались при составленіи слѣдующихъ главъ еще:

De Wetts, *Biblische Dogmatik*, Berlin, 1819.

H. Holtzmann, *Die Messiasidee zur Zeit Jesu (Jahrbücher für Deutsche Theologie, 1867).*

I. Schwally, *Das Leben nach dem Tode etc.* Giessen, 1892.

Eduard Zeller, *Die Philosophie der Griechen*, III-ter Theil, 2-te Abth., III Aufl., Leipzig, 1881 (о ессеяхъ).

W. Clemens, *Die essenischen Gemeinde (Zeitschr. f. Wissenschaftl. Theologie, 1871).*

P. Gröbler, *Die Ansichten über Unsterblichkeit etc. (Studien und Kritiken, 1879).*

R. Stähelin, *Zur paulinischen Eschatologie (Jahrbücher für Wissenschaftliche Theologie 1871).*

Hausvath, „Apostel“ (Artikel in *Schenkel's Bibel-Lex.*, B. I).

J. Lengen, *Der theologische Standpunct des Flavius Josephus Theolog. Quattalschrift, Tübingen, 1865).*

G. Marx, *Der leidende und sterbende Messias des Judenthums (in der Zeitschrift „Nathanael“, Jahrgg. 1886 u 1887).*

Gideon Brecher, *Das Transcendentale, Magic etc.*, Wien, 1850.

Sieffert, „Pharisäer und Sadducäer“ Im *Herzog's R. E.*: 2 Auflage, B. III.)

еврейскаго народа ¹⁹¹. Лучшимъ доказательствомъ тому служить еврейская апокрифическая литература. «Въ апокрифахъ находимъ прежнія неопредѣленныя надежды на лучшее будущее. Ни слова о Мессии и его царствѣ, ни слова о царствѣ Божиѣмъ. Только въ книгѣ Іисуса Сираха 47,11 и въ первой книгѣ Маккавеевъ упоминается о вѣчномъ царствѣ дома Давида ¹⁹². Всѣ пророческія возвѣщанія потеряли для евреевъ свое значеніе и перестали занимать умы. «Авторъ первой книги Маккавеевъ, говоритъ E. Schüger ¹⁹³, обсуждаетъ событія дня съ точки зрѣнія набожнаго, вѣрнаго законамъ Торы, еврея. Замѣчательно однако, что всѣ успѣхи Маккавеевъ онъ приписываетъ исключительно военной доблести и ловкости послѣднихъ, не забываясь о вмѣшательствѣ самого Господа Бога въ это дѣло.... Будетъ однако ошибочно думать, что авторъ страдаетъ недостаткомъ религіознаго чутія, но его манера писать сильно отличается отъ той, которую мы находимъ у авторовъ историческихъ книгъ Священнаго Писанія». Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ тщетно ожидать отъ него выраженія надежды на пришествіе Мессии. Также и авторъ «Sapientia Salomonis» не выражаетъ никакого интереса заниматься этими вопросами ¹⁹⁴. Перестали вообще ждать чудесъ, не мечтали больше о вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ. Мессіанская идея должна была быть реставрирована ¹⁹⁵. Эту задачу взялись рѣшить фарисеи, и какъ исторія намъ показываетъ, они дѣйствительно достигли колоссальныхъ результатовъ. Фарисеи понемногу завладѣли умами массы, которую держали съ того времени въ ежовыхъ рукавицахъ. Они сумѣли придать мессіанской идеѣ такую форму, что наступленіе мессіанской эры ожидалось съ нетерпѣніемъ каждымъ правобѣрнымъ евреемъ: столько благъ сулили они каждому въ отдѣльности съ одной стороны и всему еврейскому народу съ другой, что горячая фантазія семита одержала верхъ надъ его разсудительностью. Никомъ образомъ не слѣдуетъ однако изъ этого, что надежда на пришествіе Мессии, или вѣрѣе на наступленіе

¹⁹¹ Holmann. Die Messiasidee zur Zeit Jesu, S. 430.

¹⁹² Biblische Dogmatik, S. 163.

¹⁹³ Geschichte des jüdischen Volkes, B. II, S. 580.

¹⁹⁴ Schwally, Das Leben nach dem Tode, Giessen, 1892, S. 156.

¹⁹⁵ Holtmann S. 408.

мессіанской эры (мы дальше увидимъ, что это двѣ совершенно равныя вещи), получила всеобщее признаніе; напротивъ того, мы увидимъ, что дѣльные классы общества не хотѣли и слышать о Мессіи, ни о его царствѣ. Прежде всего должно указать на саддукеевъ: они хотѣли жить настоящимъ, а не будущимъ»¹⁹⁶. Саддукеи же составляли правящій классъ еврейскаго народа, аристократію¹⁹⁷ «Первосвященники же, какъ тѣ, что фактически управляли этою обязанностью, такъ и тѣ, что прежде имѣли эту санъ, равно и члены тѣхъ привилегированныхъ фамилій, изъ среды которыхъ первосвященники избирались, всѣ они безъ всякаго сомнѣнія принадлежали по своему образу мыслей къ партіи саддукеевъ»¹⁹⁸. Въ вопросѣ о Мессіи считали себя и ессени солидарными съ саддукеями. «Ессенизмъ есть чисто еврейское явленіе, именно плодъ палестинскаго іудаизма.... Почти каждая черта изъ жизни и возрѣній ессеевъ имѣетъ въ талмудическомъ іудаизмѣ свою параллель»¹⁹⁹. Секта эта возникла во второмъ вѣкѣ до Р. Хр. и была довольно распространена (Кювенъ). Въ борьбѣ евреевъ съ Римомъ и ессени показали, «что они умѣютъ умирать за законъ своихъ отцовъ»²⁰⁰. Ессени были у евреевъ вообще въ большомъ почетѣ, такъ что многіе отдавали этому ордену своихъ дѣтей на воспитаніе, а низшій классъ народа цѣнилъ ихъ за ихъ врачевныя познанія, чистый образъ жизни и знаніе «божественныхъ тайнъ»²⁰¹. При всемъ томъ ессени отвергали всякаго Мессію²⁰². Также тѣ евреи, что получили греческо-философское воспитаніе, напр. жившіе въ Египтѣ, въ особенности въ Александріи, не ожидали ирешествія Мессіи²⁰³. Филовъ напр. ничего не говорилъ о Мессіи²⁰⁴ и, какъ знаменитый протестантскій ученый Adolf Harnack думаетъ²⁰⁵, «вся система Филона, несмотря на то,

¹⁹⁶ Wellhausen, Die Phar. u. Sadduc., S. 54.

¹⁹⁷ Geiger, Uhrschrift, S. 126.

¹⁹⁸ Schürer, B. II, S. 174.

¹⁹⁹ Kuenen, Volksrelig. und Weltrel. S. 199 u 201; Schürer B. II, S. 492; Zeller, Die Philos. der Griechen, III Th., 2 Ab., III-te Auf. 1861, S. 292.

²⁰⁰ Zeller, S. 285,

²⁰¹ W. Clemens, Die essenischen Gemeinden etc. S. 424.

²⁰² Zeller, S. 315.

²⁰³ Gröbler, Die Ansichten über Unsterblichkeit etc. S. 689.

²⁰⁴ De Wette, Bibl. Dogmatik, S. 164.

²⁰⁵ Dogmengeschichte, B. I, S. 98.

что онъ Откровенію придаетъ большое значеніе, не оставляетъ мѣста для мессіанской идеи въ дѣйствительномъ значеніи этого слова... Зато онъ вѣрилъ, что для еврейскаго народа наступатъ счастливые дни». Мессію ожидали такимъ образомъ только фарисеи, zeloty, которые стояли ближе въ послѣднимъ ³⁰⁶, и низшій классъ населенія, находившійся подъ вліяніемъ фарисеевъ. Не слѣдуетъ однако думать, что послѣ разрушенія Іерусалима римлянами, послѣ того, какъ саддукеи, ессеи и всѣ другіе противники мессіанской идеи потеряли свое значеніе и повсюду совершенно исчезли, не слѣдуетъ думать, говоримъ мы, что и идеи, носителями которыхъ они были, вмѣстѣ съ ними канули въ Лету! Въ четвертомъ вѣкѣ послѣ Р. Хр., слѣдовательно спустя около трехсотъ лѣтъ послѣ разрушенія Іерусалима, одинъ изъ учителей Талмуда, по имени R. Hillel, ³⁰⁷ утверждаетъ ³⁰⁸, что «евреи не должны ожидать никакого Мессію, ибо онъ уже былъ въ дни Hiskias». Здѣсь подразумѣваются событія, изложенныя въ II Regum 18, 13—19, 37, а также Jer. 36—37. Благочестный Hamburger не упускаетъ случая при этомъ замѣтить, что «мнѣніе R. Hillel'a не только не встрѣтило сочувствія въ средѣ его коллегъ, но было сильно ими оспариваемо». Однако на той же страницѣ Талмуда, на которой приведено мнѣніе R. Hillel'a, мы находимъ другое изреченіе одного учителя, жившаго цѣлымъ вѣкомъ раньше R. Hillel'a. Оно гласитъ: «если мы искать будемъ Мессію между современниками, то это некто иной, какъ рабби Іегуда Святой, если же его искать между тѣми, что давно умерли, то это (пророкъ) Давидъ». Raschi, разумѣется, недоволенъ такимъ изреченіемъ и говоритъ, что слова этого учителя мы «не обязаны» принимать за «положительное» ученіе; другими словами, мы можемъ это разсматривать какъ частное мнѣніе, которое всякій воленъ принять или нѣтъ. Raschi, пожалуй, правъ, ибо это «если—если» отнимаетъ у послѣдняго предположенія силу положительнаго утвержденія. Совсѣмъ другое ученіе R. Hillel'a, который въ такой опредѣленной формѣ изложилъ его, что Raschi ничего не осталось сдѣлать, какъ сказать: «по мнѣнію R. Hillel'a, всѣ пророчества, касающіяся Мессію, относятся къ Hiskias». И еврейскій ученый и догматикъ среднихъ вѣковъ, Іос. Альбо, говоритъ: «ученіе о Мессію не относится къ еврей-

³⁰⁶ Schürer, B. II, S. 635.

³⁰⁷ Sanhedrin 98-b. ³⁰⁸ Hamburger R. E., B. II, S. 764.

скимъ догматамъ, а только къ разряду «надеждъ»²⁰⁹. Однако, какъ мы уже видѣли, вѣровали въ пришествіе Мессіи прежде всего фарисеи, затѣмъ находившіяся подъ ихъ вліяніемъ масса и zelote.

§ 2. Сущность мессіанской идеи до 135 года послѣ Р. Хр.

«Между теперешнимъ положеніемъ вещей и тѣмъ, что наступитъ въ дни Мессіи, единственной разницей будетъ перемена въ отношеніи политическомъ». Такъ выражается одинъ изъ учителей Талмуда²¹⁰. Другими словами, перемены мы можемъ ожидать лишь въ ходѣ исторіи, но ничего сверхъестественнаго; только помѣняются еврей ролью съ язычниками: изъ подвластныхъ они превратятся въ властителей. Ничего не говорится и о воскресеніи мертвыхъ, о вознагражденіи тѣхъ, что, вѣруя въ пришествіе Мессіи, пожертвовали ради этого всѣми благами жизни, даже самой жизнью. Всѣ ожиданія не идутъ дальше тѣхъ, какія мы находимъ у всѣхъ другихъ народовъ, подпавшихъ подъ власть Рима. Надо прибавить, что нѣчто подобное мы находимъ и у нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ еще въ первомъ вѣкѣ нашей эры²¹¹. Несомнѣнно, что это довольно вульгарное представленіе о царствѣ Христа, представленіе ничего общаго не имѣющее съ тѣмъ, что мы находимъ въ Евангеліи и у Отцовъ христіанской церкви, рисуется въ извѣстной степени общій характеръ «мессіанскаго вѣрованія» того времени, какимъ оно выразилось у массы не только у христіанской, но и у еврейской. При всемъ томъ, мы видимъ тутъ глубокую разницу въ представленіяхъ о Мессіи, какими они были у евреевъ и у христіанъ. Въ то время, когда христіанство въ данномъ случаѣ имѣло извѣстный центръ, вокругъ котораго всѣ эти надежды сгруппировались (мы здѣсь подразумѣваемъ личность Христа), евреи этого были вовсе лишены. Весьма страннымъ должно показаться то замѣчательное явленіе, что до 135 года послѣ Р. Хр. евреи ждали въ сущности наступленія мессіанской эры, не будучи въ состояніи хотя бы въ общихъ чертахъ обрисовать намъ Мессію. Въ 67 году послѣ Р. Хр. «пробудилась еще разъ въ еврейскомъ народѣ ненависть къ чужеземцамъ во всей ея силѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ го-

²⁰⁹ F. Weber, System etc., Einleitung. S. XXXI.

²¹⁰ Schabbatz 63a.

²¹¹ R. Stählin, Zur paulin. Eschatologie. S. 182. Das Urchristenthum, S. 73 и 290. Hausrath, Apostel.

рячее желаніе востановить царство Божіе. Еще было не мало въ живыхъ сторонниковъ гаудонита Іуды; они образовали ядро партіи zelotovъ, къ которому применила молодежь, готовая бороться за освобожденіе отечества и за дорогіе народу интересы. Всѣ они заключили союзъ, поклявшись принести на алтарь отечества достояніе и жизнь и не слагать оружія пока оно римское не будетъ свергнуто. Ни язычникъ, ни кто либо другой не долженъ быть царемъ надъ Іудеей, Господь Богъ долженъ управлять своимъ народомъ» ²¹². И въ этомъ духѣ евреи начали дѣйствовать послѣ побѣды, одержанной надъ Гестіемъ Галломъ. «Согласно выработанной программѣ чисто теократическаго характера, Богъ долженъ былъ быть единственнымъ властителемъ и царемъ надъ своимъ народомъ; отъ Его имени Высшій Совѣтъ, съ первосвященникомъ во главѣ, управлялъ духовными и свѣтскими дѣлами; этому Совѣту были подчинены начальники войскъ; начальники избирались народомъ въ собраніяхъ, происходившихъ во дворѣ принадлежавшемъ храму; были отчеканены особія монеты съ изображеніемъ храма на одной сторонѣ и съ надписью «Святой Іерусалимъ» на другой. Это должно было показать, что наступила новая эра свободы и независимости, и что свѣтская власть прекратила свое существованіе» ²¹³. Мы видимъ отсюда, что никто не интересовался Мессіей, которому въ новой системѣ управленія и мѣста не было. Лишь на одинъ моментъ, но это было уже гораздо позже, именно во время послѣдней борьбы евреевъ съ Римомъ въ царствованіе Адріана, удалось гениальному р. Акибѣ сосредоточить въ извѣстной степени интересъ массы на личности Баръ-Кохбы, котораго р. Акиба возвелъ въ санъ Мессіи. Раньше же видно считали за лишнюю трату времени думать о такихъ матеріяхъ и всѣ мессіанскія вожделѣнія заключались въ стремленіи добиться освобожденія народа отъ римскаго ига ²¹⁴. И весьма вѣрно, что евреи въ то время «совершенно перестали понимать значеніе мессіанскаго ученія» ²¹⁵, вѣрно, разумѣется, лишь тогда, если мы себѣ не сможемъ представить наступленіе этой эры безъ участія какого-либо Мессіи. И еще на одно обстоятельство мы должны обратить вниманіе, обстоятель-

²¹² Weber, Allgemeine Weltgeschichte, 2 Aufl. 1883, B. W. S. 230.

²¹³ Ibid. S. 233.

²¹⁴ Holtzman, Die Messiasidee etc. S. 394 и 396; Th. Nöldeke, S. 167.

²¹⁵ U. Iangen, Der theologische Standpunkt des Flavius Iosephus, S. 42.

ство, указывающее, какъ различенъ былъ характеръ мессіанскаго ученія до борьбы при Адрианѣ и послѣ нея. Въ то время, какъ до несчастнаго исхода борьбы съ Римомъ при Баръ-Кохбѣ, евреи всѣми силами старались ускорить наступленіе мессіанской эры при помощи оружія, теперь, послѣ подавленія возстанія, стали вѣнчать въ обязанность каждому набожному еврею спокойно сидѣть у моря и ждать погоды. «Мессія непременно придетъ»²¹⁶, но придетъ онъ въ назначенное ему Богомъ опредѣленное время, ни раньше, ни позже. Ускореніе его пришествія считалось за грѣхъ. Совсѣмъ не то мы видимъ въ 67 году послѣ Р. Хр. Зелоты, правда, не любили фарисеевъ, не любили за то, что «въ религии они ихъ считали доктринерами, а въ политикѣ ненавидѣли ихъ за нерѣшительность»²¹⁷, но при всемъ томъ зелоты по всему своему направленію стояли очень близко къ фарисеямъ, и вотъ они вовсе не думали ждать, пока Мессія угодно будетъ явиться, а при первой возможности взяли за оружіе, чтобы мечемъ и копьемъ возстановить попорченное царство Божіе. Можно, пожалуй, сказать, что если евреи не искали Мессіи, не думали о немъ, а заботились исключительно о благѣ отечества, о завоеваніи потерянной свободы и т. д., то какъ же тогда могъ р. Акиба объявить Баръ-Кохбу Мессіей и стараться о томъ, чтобы весь народъ его призналъ таковымъ? Но тутъ необходимо не упускать изъ виду слѣдующаго. Въ то время, когда Іерусалимъ не былъ еще разрушенъ, то онъ, какъ Святой городъ, заключавшій въ своихъ стѣнахъ національную святиню, храмъ Божій, служилъ центромъ, вокругъ котораго сгруппировались всѣ дорогіе еврею народу интересы, почему и борьба велась съ неимовернымъ упрямствомъ до того момента, пока еще стѣны послѣдней крѣпости, окружавшей храмъ, выдерживали удары непріятельскихъ машинъ; но разъ Іерусалимъ былъ потерянъ, храмъ сожженъ, еврей изгнанъ изъ города, страна сильно опустѣла, или стала все болѣе и болѣе переполняться дымчниками, тогда необходимо было найти что нибудь новое, что могло бы собрать воедино разрозненный народъ. Баръ-Кохба подвернулся кстаті. Смѣлый, ловкій и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый онъ сначала игралъ свою роль очень хорошо. Никто однако не

²¹⁶ Sanhedrin 97b.

²¹⁷ Schürer, B. II, S. 635.

сомнѣвался, что для того, чтобы бороться съ римлянами, необходимо организовать армию, нужно силѣ противопоставить силу, иными словами Мессія одной своею личностью, безъ содѣйствія войскъ, не могъ бы ничего (по мнѣнію даже самихъ ярыхъ его приверженцевъ) поддѣлать противъ римлянъ. Роль Варъ-Кохбы ограничивалась тѣмъ, что онъ хитростью и ловкостью съумѣлъ собрать большой отрядъ. Думать потому, что сама комедія, которую игралъ Варъ-Кохба, принесла ему слишкомъ много пользы, видеть ошибочно, не говоря уже о томъ, что далеко не всѣ признавали его Мессіей ²¹⁸. Самъ р. Акиба, который никогда не упускалъ случая величать Варъ-Кохбу «Мессіей» ²¹⁹, не осмѣлился сказать, что предсказанія пророковъ по этому предмету относятся къ Варъ-Кохбѣ. Онъ примѣнилъ къ нему слова язычника (Num. 24, 17), но ни словомъ не обмолвился о томъ, что предвѣщали великіе еврейскіе пророки, какъ напр. Језаја и Ноеа! И вся дѣятельность р. Акибы показываетъ, какъ мало онъ въ сущности возлагалъ на Варъ-Кохбу надеждъ. Рабби Акиба, несмотря на то, что онъ тогда уже былъ старикомъ, самолично принималъ самое дѣятельное участіе въ организованиі возстанія: онъ исколесилъ не только Палестину, Сирію, вездѣ проповѣдуя священную войну, но также дѣлалъ болѣе далекія путешествія, стараясь вовлечь въ борьбу съ Римомъ также сосѣдніе народы ²²⁰. Какъ можетъ участіе язычниковъ въ войнѣ, исходъ которой уже однимъ тѣмъ долженъ быть обезпеченъ, что въ немъ принимаетъ участіе самъ Мессія, какъ можетъ говорить мы участіе язычниковъ быть допустимымъ, предоставляемъ объяснить тѣмъ, которые думаютъ, что исключительно увѣрованіе въ то, что Варъ-Кохба—Мессія, заставило евреевъ вѣяться за оружіе. Для насъ никакого сомнѣнія не остается, что Мессія тутъ вовсе не причемъ и что поступокъ р. Акибы, позволившаго себѣ, вопреки протесту коллегъ, провозгласить Варъ-Кохбу Мессіей, отлично объясняется всѣмъ характеромъ р. Акибы. Въ дѣлахъ религіи р. Акиба былъ не только фарисей, но величайшій [изъ фарисеевъ, въ политикѣ же онъ былъ зелотъ до мозга костей. Мало того, что Мессія будетъ наносить врагамъ ударъ за ударомъ, Самъ Богъ приметъ особое участіе въ этой священной войнѣ и въ доказа-

²¹⁸ Ibid., B. I, S. 571.

²¹⁹ 'Ekha Rabba (in Midr. R.), S. 59-b.

²²⁰ Ср. прим. 32.

тельство онъ приводилъ стихъ Haggai 2,6 ²²¹. Надо однако признаться, что менѣе подходящаго стиха во всемъ Св. Писаніи трудно было и отыскать ²²². Р. Акиба въ сущности мало заботился о такихъ пустякахъ: онъ рисковалъ собственной жизнью, ставилъ на карту будущность своего народа и для него рѣшительно все равно, кто бы ни сталъ во главѣ повстанцевъ. Подвернулся Баръ-Кохба и ладно. Для р. Акибы, никогда не искавшаго для себя ни матеріальныхъ выгодъ, ни почестей, было рѣшительно все равно, кто ни станетъ во главѣ евреевъ, лишь бы бороться съ Римомъ. Раби Акиба былъ въ данномъ случаѣ выразителемъ мнѣній и желанія всего народа, а это желаніе заключалось только въ одномъ: выгнать язычниковъ изъ предѣловъ Св. Земли, возстановить Іерусалимъ, вновь построить разрушенный храмъ и зажечь новой жизнью. Вотъ что побудило евреевъ въ 135 году послѣ Р. Хр. взяться за оружіе ²²³. А о Мессіи и вообще о потомкахъ царя Давида, изъ среды которыхъ долженъ былъ Мессія выйти, они вовсе не заботились, какъ не заботились о немъ и въ 67 году. Да и вообще же страненъ этотъ Мессія, котораго раввины должны посвятить въ этотъ санъ. Мы должны такимъ образомъ думать, что мессіанская идея продолжала существовать въ той же самой формѣ, въ какой она существовала и въ первый вѣкъ послѣ Р. Хр., т. е. евреи ожидали наступленія царства Божія, не заботясь о какомъ либо Мессіи. Царство Божіе на ихъ языкѣ означало полный расцвѣтъ гражданской и политической жизни еврейскаго народа: всѣ земныя блага, какія только могла себѣ рисовать богатая фантазія семита, сулила новая эпоха

²²¹ Sanhedrin 97-b; Tractat Derekh 'erez.

²²² Ср. Haggai Cap. 2.

²²³ У Weber'a Allg. Weltgesch., 2 Aufl., B. IV, S. 287 мы читаемъ Eine gewaltige Bewegung durchzuckte die zerstreuten Glieder der jüdischen Nation im ganzen Reiche, bei dem ersten Erfolg der Insurgenten konnte eine allgemeine Empörung ausbrechen; darum schickte Hadrian den erfahrensten Heerführer, Julius Severus, damals Statthalter in Britannien, mit einer ansehnlichen Kriegsmacht nach Palästina. Aber wie einst Titus sollte auch er erfahren, dass Fanatismus und gläubige Begeisterung selbst einem gebrochenen und gedrückten Volke noch Kraft zum todesmuthigen Kampfe verleihen. Drei Jahre lang durchzogen die römischen Legionen das ganze Land, Mord und Verwüstung vor sich hertragend. Die Juden stritten mit dem Muthe der Verzweiflung; sie setzten freudig ihr Leben ein, um die Güter zu erringen, die dem Leben allein Werth verleihen.

не только всему народу какъ нѣчто цѣлому, но еще проще: каждый еврей проведетъ жизнь въ довольствѣ, счастьи, въ богатствѣ и почестяхъ. Никто, разумѣется, не сомнѣвался въ томъ, что прежде всего надо, чтобы Богу было угодно наступленіе этого золотого времени, а для того, чтобы это заслужить, надо слѣдовать ученію Торы, а такъ какъ никто такъ Тору не знаетъ какъ «ученные», т. е. фарисеи, то надо безпрекословно слѣдовать ихъ предписаніямъ. Вотъ кругъ мыслей, въ которыхъ вращалась тогдашняя масса. Еще до Маккавеевъ считали «внутреннюю свободу», т. е. покаіаніе, необходимымъ условіемъ для того, чтобы добиться внѣшней свободы ²²⁴. Вотъ каковы были представленія евреевъ о Мессіи. О царѣ Давидѣ и его потомкахъ никто не заботился, еще менѣе нашлось бы охотниковъ строить все будущее на пескѣ. Совсѣмъ другимъ становится ученіе о Мессіи послѣ смерти Баръ-Кохбы.

§ 3. Сущность мессіанскаго ученія по усмирениіи возстанія при Баръ-Кохбѣ.

Возстаніе евреевъ усмирено, «мессія» убитъ, рабби Акиба погибъ мученической смертью. Полмилліона евреевъ, какъ рассказываетъ намъ исторія, сдѣлались жертвой войны, голода и болѣзней. Это было послѣдней вспышкой политической жизни еврейскаго народа. Даже богатой фантазіи семита не хватило на то, чтобы рисовать себѣ возможность вернуть старое. Недоставало главнаго условія: Палестина превратилась въ пустыню, все было разрушено, сожжено, вырѣзано, однимъ словомъ, все уничтожено, и народъ еврейскій разсѣялся по всему языческому міру. Единственное сокровище—Библию—народъ понесъ съ собою всюду въ изгнаніе. Но эта Библия поддерживала его въ самыя тяжелыя минуты, и она же сохранила въ немъ вѣру въ то, что для Израиля настанутъ еще свѣтлыя дни. Все болѣе и болѣе вчитываясь и вдумываясь въ содержаніе книгъ Моисея и пророковъ, стали ласкать себя надеждой, что обѣщанное пророками непременно когда нибудь исполнится; оно исполнится, ибо устами ихъ говоритъ Господь. Эту надежду на лучшее будущее ученики Талмуда старались укрѣпить по возможности въ сознаніи народномъ. Библия, которая имъ давала отвѣтъ на всѣ вопросы, возвѣщаетъ, что изъ колѣна Іуды, изъ среды потомковъ Давида, народится мужъ, ко-

²²⁴ Hamburger, R. E., B. II, S. 763.

торый собереть всѣхъ евреевъ въ Св. Землю, чтобы тамъ основать вѣчное царство Вошіе. Такое возвращеніе къ Библии стало возможнымъ лишь тогда, когда жизнь не давала больше отвѣта на этотъ важный вопросъ. Евреямъ ничего не осталось больше дѣлать, какъ смиренно сидѣть и надѣяться, что самъ Богъ возьмется за ихъ дѣло и устроитъ его къ лучшему. И учителя Талмуда видѣли, какъ важно поддерживать въ народѣ вѣру на лучшее будущее, и какой богатый матеріалъ даетъ тутъ Библія! Чтобы разъ навсегда положить конецъ всякой надеждѣ на «скорое» избавленіе отъ языческаго ига при помощи оружія, они и рѣшились сказать, что религія запрещаетъ принимать мѣры для ускоренія пришествія Мессіи, больше того, нельзя даже стараться узнать при помощи вычисленія по даннымъ Библии, или инымъ путемъ время пришествія Мессіи, а надо спокойно ждать²²⁵. Такимъ образомъ устранены были двѣ опасности: во первыхъ, такъ какъ было запрещено назначать срокъ, такъ евреи до скончанія вѣка (такъ думали учителя Талмуда) будутъ жить этой надеждой; больше того, если бы позволить назначать сроки, то разъ одинъ, другой и третій срокъ прошелъ, а Мессія не является, вѣра въ его пришествіе этимъ лишь подрывается; во вторыхъ, что тоже весьма важно, учителя старались отбить у народа всякую охоту къ организаціи новаго возстанія, такъ какъ они видѣли, что это теперь ни къ чему не поведетъ. Всякому своему изреченію они всегда умѣли найти опору въ Библии, а о Давидѣ и его потомкахъ такъ много говорится въ ней, что большихъ трудовъ имъ не стоило направить мысль народную въ эту сторону. Въ данномъ случаѣ они могли вполне расчитывать на успѣхъ: утѣшеніе, которое народъ находилъ въ Библии, было какъ разъ кстати, было необходимо даже, чтобы хоть въ «надеждѣ» на лучшее будущее забыть тяжелое настоящее. И вотъ началась работа ученыхъ въ этомъ направленіи. Разумѣется, не должно думать, что какъ только возстаніе (135 года) было подавлено евреи и ухватились за Давида и его потомковъ. Надо полагать, что сотни лѣтъ прошло пока эта вѣра проникла въ массу и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Для осуществленія своихъ цѣлей учителя Талмуда всегда выказывали такое упорство, которое говорило, что они отлично знаютъ, что достигнуть этой

²²⁵ Sanhedrin 97a.

дѣли. Мы однако видѣли, что въ 3-мъ и даже въ 4-мъ вѣкѣ находились учителя, утверждавшіе, что евреямъ нечего ожидать Мессію. Не надо однако забывать, что это высказывалось въ школѣ, въ тѣсномъ кругу ученыхъ, и что не все, что говорилось въ школѣ, выносилось наружу, ибо ученые во многихъ случаяхъ считали необходимымъ не посвящать «am haagez'ovъ» въ извѣстныя тайны²²⁶. И какого мнѣнія они бы ни были о Мессіи, какъ бы скептически ни относились многіе ученые къ этому вопросу, — но народу надо было сохранить вѣру въ Мессію, надо было показать массѣ, что эта надежда имѣетъ основаніе въ Библии. Для этого и включили Мессію во всѣ молитвы, а молиться надо было не менѣе трехъ разъ въ день; слѣдовательно не могло пройти ни одного дня безъ того, чтобы правовѣрный еврей не просилъ Бога о ниспосланіи желаннаго избавителя²²⁷. Вотъ и пошли повторять на всѣ лады и при всякомъ случаѣ «Мессія сынъ Давидовъ» и мноѣ повемногу принялъ опредѣленныя очертанія. Мессія сталъ «лицомъ»! Содержание мессіанской надежды осталось то же, именно восстановление еврейскаго царства, возобновленіе Іерусалима, построеніе храма и т. д., прибавился лишь новый элементъ — личность Мессіи. Въ новой формѣ мессіанская идея сослужила еврею въ извѣстной степени весьма важную службу: потихоньку вкралась въ душу еврея надежда на появленіе Мессіи, она должна была его утѣшить въ минуту великаго несчастія, поддержать павшій духомъ народъ, облегчить его страданія; въ этомъ случаѣ роль ея неоцѣнима. Но эта надежда вскорѣ превратилась въ увѣренность, если хотите — въ догматъ. Мессія сынъ Давидовъ, прежній мнѣ, сталъ дѣйствительнымъ лицомъ. Посмотримъ же, какими рисовали его себѣ учителя синагоги?

§ 4. Происхожденіе Мессіи, его жизнь и смерть.

Разъ было положено въ основаніе вѣры въ пришествіе Мессіи предвѣщанія пророковъ, то все, что касалось Мессіи, необходимо было черпать изъ Св. Писанія. Изъ Библии евреи не нашли возможнымъ заключить, что Мессія существовалъ, или вѣрнѣе существуетъ споконъ вѣка. Если иногда и упоминается въ талмудиче-

²²⁶ Z. B. Berakhots 4b ultim. u. 5a.

²²⁷ Ср. Hawburgey R. E., В. II, S. 755. Весьма наивно мнѣніе Гамбургера, что Филовъ въ отношеніи мессіанской идеи держался взгляда фарисеевъ.

ской литературѣ, что Мессія существовалъ уже до сотворенія міра, то это нужно понимать, какъ вѣрно замѣчаетъ протестантскій ученый пасторъ F. Weber²²⁸, слѣдующимъ образомъ: «Господь еще до сотворенія міра принялъ рѣшеніе сотворить Мессію, такъ же, какъ онъ въ то же время рѣшилъ существованіе нашихъ праотцовъ, племя Израиля, храма Іерусалимскаго и т. д..... Ни въ какомъ другомъ смыслѣ это «досуществованіе» Мессіи понимать не слѣдуетъ..... Гораздо позже начали нѣкоторые говорить, что Мессія давно существуетъ и до появленія на землю пребываетъ въ раю». Всѣ разсужденія о «существованіи» или «несуществованіи» Мессіи еще до сотворенія міра тутъ излишни²²⁹, ибо талмудическому іудаязму «понятіе о подобнаго рода существованіи» совершенно чуждо²³⁰. Да это уже ясно изъ того, что мы раньше сказали о развитіи мессіанской идеи у евреевъ. Самое большее, что могли сказать раввины на основаніи Библии, такъ это то, что Мессія происходитъ изъ рода Давидова. Мессія такимъ образомъ долженъ родиться послѣ Давида, о томъ же, когда Давидъ существовалъ, Библия насъ въ сомнѣніи не оставляетъ. Однимъ словомъ, Мессія такой же человѣкъ, какъ и мы съ вами, читатель, и въ особенности въ началѣ христіанской эры учителя старались доказать, что Мессія родится на свѣтъ Божій такъ же, какъ и всякій смертный²³¹, и никакія чудеса акту рожденія не предшествуютъ²³². Мессія будетъ «царемъ» іудейскимъ, «властиелемъ», какими бываютъ вообще властиели²³³. Мы уже впрочемъ выше видѣли, что нѣкоторые видѣли въ царѣ Нізкіас, (пророкъ) Даниилъ или въ лицѣ р. Іегуды Святого уже пришедшаго Мессію, что достаточно ясно показывается, каковымъ имъ Мессія вообще представлялся. Особенно настойчиво замѣтно стремленіе показать, что Нізкіас могъ бы быть настоящимъ Мессіей, если бы онъ не сдѣлалъ ошибки. Послѣ освобожденія Іерусалима отъ Санхериба, царь Нізкіас долженъ былъ воспѣть Господу Богу хвалебный гимнь и тогда настала бы мессіанская эра. «Богъ заставилъ бы Санхериба играть

²²⁸ Syshem etc. S. 339.

²²⁹ A. Harnak, Lehrb. der. Dogmengeschichte, B. I, S. 89, Anm. 1.

²³⁰ F. Weber, S. 341 fg.

²³¹ E. Schürer, B. II, S. 446.

²³² Dewette, S. 178.

²³³ E. Schürer, B. II, S. 444.

роль «Гога и Магога» и все бы пошло въ должномъ порядкѣ. Никтас однако упустилъ случай и мессіанская эра не могла наступить ²²⁴. Въ другомъ мѣстѣ находимъ то же самое, лишь съ нѣкоторыми вариациями ²²⁵. Привели мы это, чтобы еще разъ показать, что тѣ учителя Талмуда ничего сверхъестественнаго въ личности Мессіи не находили, и единственное отличіе Мессіи отъ другихъ смертныхъ заключается въ томъ, что онъ какъ физически, такъ и умственно будетъ одаренъ Богомъ въ такой степени, каковой еще ни одинъ человѣкъ не достигъ. Во всемъ этомъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ усмотрѣть какую-либо полемику противъ христіанства, ибо и въ «Targumim», въ которыхъ мы нигдѣ не можемъ открыть какого либо намёка на христіанство, мы находимъ, что Мессію не иначе себѣ представляли, какъ обыкновеннымъ смертнымъ, и явиться на свѣтъ Божій онъ долженъ такимъ образомъ, какъ и всѣ люди ²²⁶. Если такъ, то Мессія долженъ быть евреемъ до мозга костей, иными словами, долженъ быть такъ благочестивъ, какъ только это возможно. Мессія воплотитъ въ себѣ идеаль фариисеевъ, онъ будетъ исполненъ «святостью» ²²⁷. Но отсюда не слѣдуетъ, что онъ будетъ безгрѣшенъ какъ папа Римскій, ибо Мессія прежде всего человѣкъ, а люди всѣ безъ исключенія грѣшны, какъ уже насъ этому Библия учитъ. О страданіяхъ Мессіи мы никакого слѣда не находимъ приближительно до четвертаго вѣка послѣ Р. Хр ²²⁸, не могло быть, конечно, и рѣчи о необходимости его страданій для приведенія его миссіи въ исполненіе. Въ концѣ третьяго, или вѣрнѣе въ началѣ четвертаго вѣка послѣ Р. Хр. начинаютъ появляться разсужденія о томъ, что Мессія долженъ будетъ переносить сильныя страданія, но въ это время мы замѣчаемъ въ высшей степени любопытное явленіе: одинъ Мессія видно многихъ не удовлетворялъ и потому хотѣли найти еще одного ²²⁹. Въ нашу программу не входитъ налагать здѣсь все, что по этому поводу наговорено людьми

²²⁴ Schir-haschirim Rabba 19b.

²²⁵ Sanhedrin 94a.

²²⁶ Holtzmann, S. 405.

²²⁷ Sanhedrin 93b.

²²⁸ Sanhedrin 93b, Schürer, B. II, S 466; Steiner, Psalmen (Schenkels Bibel-Lexic.), B. V, S. 8; F. Weber, S. 343. O. Pfeiderer, Urchristenthum, S. 171; G. Marx, Der leidende und sterbende Messias des Judenthums, in der Zeitschrift „Nathanael“, 1886, S. 108, 1887, S. 101.

²²⁹ Hamburger, R. E., B. II, S. 765.

съ одной стороны мистически настроенными, а съ другой—такими, что дали полный просторъ своей фантазіи ²⁴⁰. Одно несомнѣнно, что мнѣніе о необходимости для Мессіи пострадать для того, чтобы довершить свое дѣло, встрѣтило самую сильную оппозицію въ средѣ ученыхъ и не смогло проникнуть въ сознаніе еврейскаго народа ²⁴¹. Ничего не говорится и о необходимости для Мессіи запечатлѣть свое дѣло смертью: для наступленія Мессіанской эры этого вовсе не требовалось; по мнѣнію еврейскихъ учителей ²⁴², Мессіи закончить свою жизнь, какъ всякій смертный. Несмотря на то, что въ Талмудѣ и въ еврейской богословской литературѣ очень много разсуждаютъ о Мессіи, мы можемъ, благодаря Маймониду, немного заглянуть и за кулисы, которыя отдѣляли школу отъ жизни. Шестъ вѣковъ послѣ заключенія Талмуда прошло до Маймонида. Мессіанская идея къ этому времени была достояніемъ всего еврейства, но какая разница между массой, которая успѣла забыть исторію развитія мессіанской идеи, и учеными, что отлично ее знали. Какая колоссальная пропасть между ними образовалась. Дѣло въ томъ, что ученые вскорѣ усмотрѣли во всемъ этомъ повѣствованіи о Мессіи огромный пробѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Мессія не кто иной какъ простой смертный, такъ откуда же мы можемъ знать, гдѣ этотъ Мессія народится? Гдѣ же тѣ признаки, по которымъ мы суждѣли бы опредѣлять этого избранника Божьяго? Набожныхъ евреевъ всегда было много, слѣдовательно набожность тутъ недостаточный признакъ; однимъ словомъ, необходимо что-либо такое, что не оставляло бы насъ въ сомнѣніи. Но наши ученые легко найдутъ исходъ: ссылаясь на Mallachi 3, 23, они учия, что пророкъ Ілія явится предвѣстникомъ Мессіи, вѣроятно въ качествѣ герольда. Такимъ образомъ рѣшеніе какъ будто было найдено. Но вотъ Маймонидъ и возвѣщаетъ намъ: нѣкоторые говорятъ, что до пришествія Мессіи появится пророкъ Ілія; никто однако ни этого, ни чего либо этому подобнаго, знать не можетъ. Сами пророки не знали, какъ все это произойдетъ, да и наши ученые черпаютъ свои знанія, касающіяся этого предмета, исключительно изъ Библии, ибо по предавію къ намъ ничего о Мессіи не дошло, вотъ

²⁴⁰ Hamburger, *ibid*, Ср. Raschi къ Sanhedrin 98b.

²⁴¹ Hamburger, *ibid.*; Pfeleiderer, *Urchristenthum*, S. 17 и 171; F. Weber *System etc.* S. 343.

²⁴² F. Weber, *ibid*; Pfeleiderer, *ibid*.

почему и у нашихъ учителей такое разногласіе во мнѣніяхъ. Все это (т. е. всѣ рассказы о томъ, какъ произойдетъ мессіанское событіе) не относится къ «закону» (т. е. къ *Halacha*'), агадой же заниматься не слѣдуетъ»²⁴³. Мессіанское зданіе такимъ образомъ подрито Маймонидомъ у самого основанія. Но народъ продолжалъ и продолжаетъ молить Господа о ниспосланіи Мессіи, попрежнему сердце набожнаго еврея сильно начинаетъ биться, когда онъ въ молитвѣ произноситъ слова «Мессія сынъ Давидовъ», попрежнему наполняетъ оно его душу надеждами на лучшее будущее, попрежнему проходятъ въ его умѣ быстрой чредой картины славнаго прошлаго, когда Богъ такъ близко стоялъ къ своему народу, когда Онъ чрезъ своихъ пророковъ на вѣчныя времена общалъ имъ защиту въ горѣ и въ изгнаніи. То, что послѣ несчастнаго возстанія Баръ-Кохбы составляло слабую надежду, теперь превратилось въ горячую вѣру, и такимъ образомъ еврей привмыкъ къ лишеніямъ и страданіямъ, безропотно ожидая наступленія лучшихъ дней. Онъ вѣритъ, а вѣра—двигаетъ горами!

VI.

О безсмертіи души.

Уже въ третьемъ вѣкѣ до Р. Хр. вѣра въ безсмертіе души была между евреями сильно распространена. Изъ того однако, что Талмудъ не назначаетъ никакого наказанія тѣмъ, которые этого не признаютъ, не слѣдуетъ заключать, какъ это нѣкоторыми дѣлается²⁴⁴, что скептиковъ вовсе въ то время не было. Изъ Ветхаго Завѣта не видно вовсе, что душа безсмертна, и потому въ апокрифахъ видимъ мы, что безсмертіе понималось еще въ послѣдніе вѣка до Р. Хр. такъ, какъ понимали его древніе евреи. Иисусъ Сирахъ ничего больше не желаетъ, какъ остаться навсегда въ памяти потомства, почему онъ и смерть разсматриваетъ какъ наказаніе Божіе. Въ книгѣ *Judith*, *Baruch*, I и II В. В. Маккав. или ничего не говорится о безсмертіи души, или же упоминается о продолженіи жизни человѣка въ «*Scheol*» въ царствѣ тѣней²⁴⁵.

²⁴³ Приведено у *Hamburger*, R. E. B. II, S. 743.

²⁴⁴ *G. Brecher*, *Das Transcendentale, Magie etc.*, Wien, 1850, S. 64.

²⁴⁵ *De Wette*, *Bibl. Dogmatik*, S. 152; *P. Gröbler*, *Die Ansichten über Unsterblichkeit etc.* S. 662; *Nöldleke*, S. 167.

Изъ книги Еноха можно видѣть, что «большинство (?) современниковъ автора вполне раздѣляли въ этомъ отношеніи мнѣніе I. Ораха»²⁴⁶. Въ «Псалмахъ Соломона» мы не находимъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Мы напр. читаемъ:²⁴⁷ «И потому участь (нечестивыхъ) будетъ геенна и погибель и не будетъ ихъ въ тѣ дни, когда Господь помиуетъ праведныхъ», а въ другомъ мѣстѣ:²⁴⁸ «На вѣки погибнетъ нечестивый и не вспоминать его, когда помиуетъ Господь праведныхъ: такова участь нечестивыхъ, праведные же воскреснутъ для вѣчной жизни». И вполне основательно заключаетъ отсюда Wellhausen, что «всѣ надежды неправедныхъ оканчиваются съ завершеніемъ земной жизни»²⁴⁹. Слѣдовательно въ самый моментъ смерти происходитъ, по мнѣнію автора, классификація всѣхъ людей: одни заканчиваютъ тутъ же всякіе счеты, другіе продолжаютъ жить за гробомъ. Мы видимъ, что вѣра въ безсмертіе души прошла извѣстныя стадіи, пока получила ту форму, какую ей придали фарисеи. Саддукеи же рѣшительно отвергали безсмертіе души. Съ послѣднимъ вздохомъ заканчивается вся комедія человѣческой жизни: тѣло и душа—все вмѣстѣ умираетъ²⁵⁰. И если Лангенъ²⁵¹ находитъ мнѣніе Греца, который говоритъ, «что саддукеи отвергали только возмездіе за гробомъ, но никакъ не безсмертіе», не соответствующимъ исторіи, то онъ вполне правъ. Въ самомъ Талмудѣ мы еще находимъ отраженіе саддукейскихъ воззрѣній. «Рабби Меиръ имѣлъ обыкновеніе заканчивать чтеніе книги Иіуб такимъ образомъ: человѣкъ долженъ умереть, животное зарѣзано, смерть уноситьъ всѣхъ! Благо тому, кто занимался всю жизнь Торой, творилъ все, что можетъ радовать Создателя и покинулъ сей міръ, оставивъ по себѣ доброе имя!»²⁵² Моментъ смерти такимъ образомъ уничтожаетъ разницу между человѣкомъ и животнымъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что человѣкъ можетъ оставить по себѣ добрую память. Чтеніе

²⁴⁶ Schwally, a. a. O. S. 147 ff.

²⁴⁷ Der Psalter Salomos Ps. 14,6.

²⁴⁸ Ibid. 3—13—16.

²⁴⁹ Ibid.

²⁵⁰ Sshärer, B. II, S. 345; Sieffert, Artikel „Sadduk. u Pharise.“ in Herzog's R. E., 2 Aufl., B. XIII, S. 242; De Wette S. 154; Schenkel Bibel. Lex., B. I, 1869, S. 299, fg.

²⁵¹ Theol. Quartalschr. Tübingen, Jahrgang 1865, S. 24, Amn. 2.

²⁵² Berakhoth 17a.

книгъ «Hiob» дѣйствительно не безслѣдно прошло для р. Менра. Вотъ еще два интересныя примѣра: «Рабби Самуилъ сказалъ р. Iегудѣ: спѣши наслаждаться яствами, спѣши наслаждаться питіями, ибо мѣръ, что мы покінуть должны, подобенъ свадебному пиру!» И Raschi комментируетъ это изреченіе слѣдующимъ образомъ: если ты себѣ можешь доставить удовольствіе, то дѣлай это, не откладывая до завтра, ибо каждый моментъ тебя можетъ застичь смерть и тогда конецъ всѣмъ удовольствіямъ. Жизнь наша подобна свадебному пиру, который не долго тянется». Рядомъ съ этимъ изреченіемъ находимъ другое на той же страницѣ Талмуда, и это послѣднее по своей ясности ничего не оставляетъ желать. «Rab говоритъ къ R. Hamepuna (оба они жили во 2-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр.)¹³³: Сынъ мой, если владѣешь чѣмъ нибудь, то пользуйся этимъ, ибо въ царствѣ тѣней нѣтъ удовольствій, а смерть не ждетъ. Быть можетъ ты скажешь: я хочу оставить мое состояніе своимъ дѣтямъ, кто тебя можетъ извѣстить потомъ (что они сумѣли сберечь оставленное имъ наслѣдство: можетъ быть они его растратили!—добавляетъ Raschi). Люди подобны цвѣтамъ полевнымъ въ то время, когда одни распускаются, другіе начинаютъ увядать!» И Degenbourg, въ своей книгѣ «Histoire de la Palestine», стр. 131, говоритъ по этому поводу, что «врядъ ли бы саддуккеи могли яснѣе выразиться, какъ эти приверженцы фарисейской школы. И перестанемъ ли мы послѣ того такихъ авторитетовъ какъ Rab или R. Samuel причислять къ фарисейской школѣ?» Какъ бы то ни было, мы и намекъ на безсмертіе души не находимъ въ словахъ этихъ учителей и въ возврѣніяхъ на безсмертіе души они не далеко ушли отъ саддуккеевъ.

VII.

О возмездіи за гробомъ.

Алтигонъ училъ отъ имени Симеона Праведнаго: „Не будьте подобны рабамъ, что служатъ господину, дабы получить мзду, но будьте подобны тѣмъ рабамъ, что служатъ господину не ради мзды, и да будетъ страхъ Господа надъ вами“.

(Aboth d'R. Nathan).

Такъ какъ саддуккеи учили, что душа ужираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то у нихъ и рѣчи не могло быть о возмездіи за гробомъ.

¹³³ Erubin 54a.

Ессеев тутъ съ ними расходились во взглядахъ и утверждали, что душа будетъ привлечена къ отвѣту, тѣло же навсегда умираетъ и никогда уже больше не можетъ соединиться съ душой²⁵⁴. Того же мнѣнія были вѣроятно и александрійскіе евреи. Филонъ считалъ тѣло обузой для души, помядая тѣло душа сбрасывала съ себя «смертную» часть, оболочку, и тогда только начинала новую «истинную жизнь»²⁵⁵. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что все учение ессеевъ и Филона, касающееся безсмертія души, такъ и осталось въ зародышѣ не развившись²⁵⁶. Еще труднѣе сказать, вѣрилъ ли Филонъ въ какое либо возмездіе за гробомъ²⁵⁷. Иосифъ Флавій повидимому склонился въ этомъ отношеніи на сторону ессеевъ, т. е. что, разъ покинувъ тѣло, душа уже больше съ нимъ не соединяется²⁵⁸, можно, пожалуй, дальше идти и сказать, что онъ смотрѣлъ на все это глазами древнихъ іудеевъ²⁵⁹. Въ такомъ случаѣ онъ раздѣлялъ мнѣніе большинства апокрифическихъ писателей²⁶⁰, въ сравненіи съ которыми мы должны отмѣтить у ессеевъ извѣстнаго рода прогрессъ. Такъ мы находимъ напр., что І. Сирахъ говоритъ, что каждому человѣку воздается по заслугамъ еще при жизни и что дѣти отвѣчаютъ за грѣхи своихъ отцовъ и т. д.²⁶¹. Фарисеи же учили, что душа и тѣло совмѣстно будутъ привлечены къ отвѣту²⁶². Мнѣніе это однако вызвало сильные протесты и одинъ ученый (жившій въ 3-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр.) говоритъ: «Богъ освобождаетъ тѣло отъ наказанія и привлекаетъ одну душу къ отвѣтственности»²⁶³. Разумѣется, что утверженіе это равносильно отрицанію возможности, или, вѣрнѣе, необходимости соединенія тѣла съ душой. И какъ понять, что Богъ освобождаетъ тѣло и привлекаетъ одну душу къ отвѣтственности? Какъ возможно въ такихъ случаяхъ наказаніе одной только души? Что дѣлаетъ тѣло все то время, пока душа подвергается наказанію? На это мы тщетно бу-

²⁵⁴ De Wette S. 154; Schürer, B. II. S. 481.

²⁵⁵ Schenkel, Bibel-Lex., B. I, S. 299 ff.

²⁵⁶ E. Zeller, S. 297.

²⁵⁷ De Wette, S. 139.

²⁵⁸ I. Langen, S. 23.

²⁵⁹ De Wette, S. 142.

²⁶⁰ Ibid. S. 152; P. Gröbler, S. 662.

²⁶¹ De Wette, S. 126.

²⁶² Hamburger R. E. B. II, S. 1256.

²⁶³ Ibid.

демь искать отвѣта. Сомнѣнію не подлежитъ, что рабби Хіа хотѣлъ удовлетворить и однихъ и другихъ, и не достигъ цѣли. Мы впрочемъ дальше увидимъ, что все это ученіе держалось на тоненькой ниточкѣ, которая въ концѣ концовъ оборвалась. Посмотримъ однако, какъ грѣшники наказываются и праведники милуются.

а) Адъ.

Грѣшники попадаютъ въ адъ. Но гдѣ же это чистилище находится? «Адъ помѣщается на небѣ, другіе же говорятъ по ту сторону Черныхъ горъ (это, однако, не Черногорія)» ²⁶⁴. Гдѣ эти «Черныя горы» находятся, мы не знаемъ, одно не оставляетъ сомнѣнія, что мѣсто это гдѣ либо на землѣ. Какъ бы то ни было, пока адъ существуетъ грѣшникамъ придется круто. Однако ученые наши вовсе не были такъ жестокосерды, чтобы отнять у грѣшниковъ всякій покой душевный. Мы читаемъ слѣдующее: ²⁶⁵ «Ученые говорятъ: адъ существуетъ; рабби Янай и рабби Симеонъ утверждаютъ, что никакого ада нѣтъ!» Какже происходитъ наказаніе грѣшниковъ? На это мы отвѣта здѣсь не находимъ, но за то въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Рабби Іегуда-бенъ-Илай говоритъ—ни ада, ни чистилища не существуетъ для наказанія грѣшниковъ, но тотъ огонь, что изъ нихъ (изъ грѣшниковъ) выходитъ (т. е. огонь дурныхъ страстей),—онъ ихъ сожжетъ!» ²⁶⁶. Про знаменитаго Элишу-бенъ-Абуя учителя рабби Менра рассказываютъ въ Талмудѣ слѣдующее: «изъ гроба Элиши-б.-А. поднимались цѣлыя облака огня и дыму. Позвали рабби Менра, который тотчасъ же разостлалъ надъ гробомъ учителя свой плащъ: огонь и дымъ исчезли.» ²⁶⁷ Но этотъ рассказъ есть продуктъ обѣдѣвшей фантазій повдвѣвшей казуистики. Это было уже усердіе не по разуму, ибо, какъ говоритъ I. Hamburger ²⁶⁸, «ученые прежняго времени, напр. тѣ, что мы встрѣчаемъ въ Мишинѣ, сохранили намъ его имя, тогда какъ повдвѣвшіе учителя вездѣ употребляютъ для этого слово «Ахеръ» (другой, посторонній).... Повдвѣшнимъ же агадистамъ принадлежатъ такіа напр. изреченія: «И грѣшникъ запутывается

²⁶⁴ Tamid 66b.

²⁶⁵ Gen. Rabba, ed. Vened. 1545, Cap. VI, S. 5b; Cap. 26, S. 17a.

²⁶⁶ У Hamburger'a R. E., B. II, S. 1255.

²⁶⁷ Ibid. 171.

²⁶⁸ Ibid. Ср. также Midrasch Ruth (ed. Ven. 1545), S. 35.

въ сѣтяхъ (стихъ изъ Библии) — это сказано про «Ахера.» Кто Ахера во снѣ видитъ, тотъ бойся Божьяго наказанія! Этимъ же агадистамъ мы обязаны рассказомъ объ огнѣ и дымѣ, выходящемъ будто бы изъ гроба Элиши-б.-А. Что они этому сами не вѣрили, врядъ ли требуется доказать, но возможно, что многихъ участь Элиши-б.-А. не мало пугала.

в) Рай.

Рабби Яковъ говоритъ: одинъ часъ покаянія и совершенія добрыхъ дѣлъ лучше всей будущей жизни.

(Aboth, IV).

Мы уже видѣли, что нѣкоторые представляли себѣ наказаніе грѣшниковъ за гробомъ въ самой грубой формѣ, какъ напр. огнемъ. Можно было потому думать, что рай есть мѣсто, гдѣ праведнымъ представляется возможность предаться всѣмъ чувственнымъ наслажденіямъ, но мы тщетно будемъ искать въ Талмудѣ описанія Магометова рая³⁶⁶. Впослѣдствіи стали и въ еврейскую литературу проникать чуждыя Талмуду мнѣнія о вознагражденіи праведниковъ за гробомъ, но въ общемъ сохранилось мнѣніе учителей Талмуда во всей его чистотѣ. «Въ будущей жизни, учили они, нѣтъ ни ѣды, ни питья, ни брачнаго сожителства, ни торговли; нѣтъ ненависти, нѣтъ ссоръ, но праведные будутъ сидѣть, имѣя на головахъ короны, и наслаждаться свѣтомъ, исходящимъ отъ Бога»³⁷⁰. Быть близко къ Богу, видѣть Его—вотъ въ чемъ состоитъ вся награда праведнаго, вотъ все, чего набожный фарисей добивался! Объ отношеніи тѣла къ душѣ въ данномъ случаѣ совсѣмъ умалчивается. Увѣренность, съ какой фарисеи проповѣдывали существованіе возмездія и, вообще, другой жизни за гробомъ, вызывала у саддукеевъ лишь улыбку сожалѣнія. Саддукеи бывало говорили: «Фарисеи мучаются на этомъ свѣтѣ и никакая награда не ждетъ ихъ въ будущей жизни!»³⁷¹ Слова: «этотъ свѣтъ» и «будущая жизнь» должны быть здѣсь понимаемы какъ выраженія, заимствованныя саддукеями у фарисеевъ, ибо, какъ мы

³⁶⁶ Corani textus arabicus etc., ad. Fluegel, Lips. 1893 Sure 2, Vers 23; Sure 22, Vers 28; Sure 35, S. 30 и 31; Sure 39, V. 21, и т. д.

³⁷⁰ Berakhoth 17a; F. Weber, S. 382 Cp. Matth. 22, 30.

³⁷¹ Aboth d'R. Nathan B, IX, 3a.

знаемъ, для саддукеевъ существовалъ всего на всего одинъ свѣтъ, а не два. У насъ впрочемъ имѣется и такъ называемыя отрицательныя доказательства того, что вѣра въ возмездіе за гробомъ не совсѣмъ еще овладѣла умами даже въ третьемъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. Приведемъ слѣдующіе примѣры. Чтобы показать, какой великій человѣкъ былъ рабби Акиба, рассказываетъ намъ одинъ учитель по имени раббъ Іегуда со словъ Раба такую исторію: ²⁷² Когда Моисей находился на горѣ Синаѣ ему сообщилъ Богъ, что народится въ будущемъ нѣкто по имени рабби Акиба, который на каждую черточку буквъ (Свящ. Пис.) навѣшаетъ цѣлыя горы законовъ (религіозныхъ, разумѣется). Тогда Моисей воскликнулъ: у Тебя имѣется такой человѣкъ, а ты хочешь чрезъ меня дать Тору? (т. е. Моисей себя считалъ менѣе достойнымъ тѣмъ р. Ак.). «Молчи! воскликнулъ Господь, такова воля Моя!—Какую же награду уготовилъ Ты ему, спросилъ Моисей?»—Смотри,—отвѣтилъ ему Господь! И Моисей увидѣлъ, что съ рабби Акибы живьемъ сдираютъ кожу. (Рабби Акиба, какъ гласитъ преданіе умеръ мученической смертью послѣ неудавшагося восстанія въ 135 году послѣ Р. Хр.) «Владыка міра! воскликнулъ Моисей, такова награда за преданность Торѣ! (дословный переводъ: вотъ Тора и вотъ награда за нее!)»—Молчи,—отвѣтилъ Господь, такова Моя воля!—Если бы, говоримъ мы, въ ученomъ кругу увѣренность въ наградѣ праведныхъ за гробомъ дѣйствительно не была подвержена никакому сомнѣнію, такъ мы должны были бы непремѣнно получить предварительно такой отвѣтъ: «Смотри Моисей, какъ вознагражденъ будетъ р. Акиба въ будущей жизни! Можешь ли ты сравнить его земныя страданія съ тѣмъ небеснымъ блаженствомъ, котораго онъ сподобится послѣ смерти!» Такъ, или въ этомъ родѣ долженъ былъ гласить отвѣтъ Бога. Здѣсь же о загробной жизни ни слѣда, никакого намека... Но вотъ еще одинъ не менѣе характерный примѣръ ²⁷³. Моисей обращается къ Богу съ слѣдующимъ вопросомъ: «почему одинъ праведный счастливо живетъ, другой же — нѣтъ? Одинъ нечестивецъ живетъ счастливо, другой — нѣтъ?» — Тутъ, какъ мы видимъ затронуть самый вопросъ религіи, именно: какъ согласовать вѣру въ справедливость Всевышняго съ тѣмъ зломъ, которое въ такомъ количествѣ разлито по всему міру, гдѣ счастье

²⁷² Menachoth 29b.

²⁷³ Berakoth 7a.

и горе, повидимому, распределено неравномерно. Какъ этотъ вопросъ разрѣшить—талмудисты не знали, что, впрочемъ, имъ въ вину ставить нельзя, ибо и теперь обыкновенно отвѣчаютъ на это знаменитымъ «Ignorabimus». Однако они дѣлали разныя попытки для рѣшенія этого вопроса. Богъ будто такъ отвѣтилъ Моисею: «Праведный счастливо живетъ, если онъ сынъ праведнаго; несчастливо, если онъ сынъ неправеднаго; нечестивый счастливо живетъ, если онъ сынъ праведнаго; несчастливо же, если онъ сынъ неправеднаго.» Такое рѣшеніе нашли неудовлетворительнымъ, ибо въ этомъ случаѣ личныя заслуги человѣка перестаютъ играть какую бы то ни было роль. Искали и нашли другой отвѣтъ. «Такъ сказалъ Господь Моисею: праведный счастливъ, если онъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть названъ таковымъ, несчастливъ, если онъ не совсѣмъ праведенъ; нечестивецъ счастливъ, если онъ такъ сказать не испорченъ до мозга костей, и несчастливъ въ противномъ случаѣ»²⁷⁴. Заслуги отцовъ тутъ уже не играютъ никакой роли. Однако и это рѣшеніе, очевидно, неудовлетворительно. Что за охота быть праведнымъ, когда можно быть «не полнымъ нечестивцемъ» и благополучно прожить свой вѣкъ? Для насъ впрочемъ важно замѣтить лишь то, что никто и не заикнулся о томъ, что настоящій расчетъ будетъ учиненъ на томъ свѣтѣ, и что благополучіе или неблагополучіе въ здѣшней жизни ничто въ сравненіи съ тѣмъ великимъ благомъ, или же великимъ горемъ, что человѣка ждетъ за гробомъ. Совсѣмъ другое видимъ во второй половинѣ талмудическаго и въ особенности послѣ талмудическаго періода времени! Настала пора, когда ученіе о возмездіи за гробомъ стало на первый планъ и всегда давало отвѣты на такіе мучительные вопросы. Въ данномъ случаѣ раввинизмъ приблизился къ христіанству, для котораго вопросъ этотъ былъ уже съ самаго начала рѣшенъ. Мы это видимъ напригнѣръ въ притчѣ о богачѣ и о бѣдномъ Лазарѣ²⁷⁵. Богачъ всю жизнь пользовался благами міра, Лазарь же все время страдалъ. Наконецъ оба умерли. Когда онъ (т. е. богачъ) попалъ въ адъ, гдѣ былъ подвергнутъ мучительнымъ пыткамъ, то онъ увидѣлъ Лазаря въ лонѣ Авраама и воскликнулъ: Отецъ Авраамій, сжапись надо мной и пошли Лазаря, чтобы онъ намочилъ въ водѣ кончикъ своего пальца и поднесъ бы къ моимъ губамъ, ибо я

²⁷⁴ Ср. Berakhoth 7b слова R. Huna.

²⁷⁵ Lucas XVI, 19—31.

страшно страдаю въ этомъ пламени. Авраамъ же отвѣтилъ: вспомни, сынъ мой, что ты причитающееся тебѣ счастье получилъ на томъ свѣтѣ, Лазарь же тамъ страдалъ, а теперь онъ блаженствуетъ, а ты подвергаешься мученіямъ!»²⁷⁶ Мы изъ этой притчи видимъ, что послѣдній и самый важный расчетъ имѣеть быть на томъ свѣтѣ и эта вѣра съ самаго возникновенія христіанства играла очень важную роль. У ученыхъ Талмуда до IV-го вѣка послѣ Р. Хр. это было скорѣй доктриной, продуктомъ кабинетнаго мышленія, — вотъ почему недоставало ей той силы, которую это ученіе получило у христіанъ.

Но особенно интересно слѣдующее мнѣніе раввиновъ, изложеніе котораго мы не безъ особаго намѣренія припасли къ концу. Мы изъ него увидимъ, что по мнѣнію самихъ учителей Талмуда всѣ ихъ разсужденія объ этихъ отвлеченныхъ матеріяхъ нискоимъ образомъ не слѣдуетъ разсматривать за непремѣнную истину, не слѣдуетъ считать догматомъ, но лишь «предположеніемъ». Въ самомъ дѣлѣ мы читаемъ слѣдующее: «всѣ предсказанія пророковъ относятся ко времени Мессіи (т. е. времени его проишествія и слѣдующему), что касается будущей жизни (т. е. загробной), то ея никто (изъ живущихъ), кромѣ Бога, не видѣлъ»²⁷⁷. И Raschi замѣчаетъ въ этому: «ни одинъ пророкъ не видѣлъ этого!» Что, слѣдовательно, съ нами произойдетъ, когда мы Богу отдадимъ душу, этого никто не знаетъ.

§ 8. О воскресеніи мертвыхъ.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ мы находимъ ясно выраженное мнѣніе о воскресеніи мертвыхъ только въ книгѣ пророка Даниила. Книга эта, какъ извѣстно, написана въ 164 году до Р. Хр. Пророчіе самаритяне²⁷⁸, ессен²⁷⁹, Филонъ александрійскій²⁸⁰, равно какъ и саддуквен²⁸¹ и нѣкоторыя христіанскія секты²⁸² отрицали вос-

²⁷⁶ V. 23 bis 25.

²⁷⁷ Shabbatz 63a.

²⁷⁸ Geiger, Urschrift, S. 128, примѣчаніе.

²⁷⁹ Hamburger, R. E. B. II, S. 175; Schürer, B. II, S. 460, прим. 78.

²⁸⁰ Pfeiderer, Urchristenthum. S. 81.

²⁸¹ Siefert H. R. E. 2 Aufl. B. XIII, S. 242, fg. Welltausen, Pharis. und Sadduc. S. 54; Schürer, S. II, S. 345.

²⁸² Pfeiderer, S. 81.

возможность воскресенія мертвыхъ. И если покойный А. Гейгеръ полагалъ²⁸³, что саддукеи въ дѣйствительности не отвергали ученія о воскресеніи мертвыхъ, а только не ставили это ученіе на первый планъ, то это съ его стороны непростительная ошибка. Въ Евангелии²⁸⁴ и въ Талмудѣ²⁸⁵ имѣется достаточно доказательствъ того, что саддукеи ни о какомъ воскресеніи мертвыхъ знать не хотѣли. Да это съ ихъ точки зрѣнія весьма понятно. Саддукеи придерживались «буквы» Вѣтхаго Завета, главнымъ образомъ Пятикнижія, почему они настойчиво требовали отъ фарисеевъ, чтобы они имъ показали, гдѣ они тамъ вычитали свою «вѣру въ воскресеніе мертвыхъ». Этого сдѣлать фарисеи не могли, почему саддукеи твердо и рѣшительно стояли на своемъ. Разныя канзуистическія доказательства фарисеевъ они принимать не хотѣли и всѣ усилія фарисеевъ оказались тщетными: Пятикнижіе не давало удовлетворительнаго отвѣта²⁸⁶. Наилучшіе изъ нихъ тѣ, что совпадаютъ съ доказательствомъ, приведеннымъ въ Евангелии отъ Маттея, гл. 22, стихъ 32-ой²⁸⁷. Вопросъ этотъ не мало попортилъ крови фарисеямъ: перерыли всю Тору, старались анализировать каждое слово, но все оказалось тщетнымъ. Намъ думается, что единственнымъ доказательствомъ могутъ служить слова, сказанныя въ Deuter. 32, 39 b. На это мѣсто указываетъ одинъ изъ приверженцевъ ученія о воскресеніи мертвыхъ²⁸⁸. Мы уже видѣли, что саддукеи въ своемъ отрицаніи возможности воскресенія мертвыхъ не были одинокими и упрекъ, который имъ дѣлаетъ Зиффертъ, ими никоимъ образомъ не заслуженъ. Зиффертъ²⁸⁹ говоритъ, что «богатые аристократы легко относились къ религиознымъ вопросамъ и такъ какъ имъ хорошо жилось на этомъ свѣтѣ, то они вовсе не чувствовали потребности ни въ какой будущей жизни». По Зифферту выходитъ, будто всѣ саддукеи были богаты и счастливы, всѣ же фарисеи бѣдны и несчастливы. Мнѣніе Зифферта вѣдь ли заслуживаетъ опроверженія. Что ка-

²⁸³ Geiger, Urschrift, S. 175.

²⁸⁴ Z. B. Sanhedrin 90 a.

²⁸⁵ Matth. 22, 23 ff.

²⁸⁶ Sanhedrin 90 a, 91 b, 92 a etc.

²⁸⁷ Ibid. 90 a zu Exod 6, 4 und Num. 18, 28.

²⁸⁸ Pesachim 68 a.

²⁸⁹ Herzog's R. E 2, B. XIII, S. 248 fg.

сается «легковѣрія» саддукеевъ, которое будто отсюда слѣдуетъ, то достаточно указать на Филона и на I. Сираха, которые во взглядѣ на воскресеніе мертвыхъ вполне сходились съ саддукеевыми, однако никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что эти люди были въ высшей степени религіозны и глубоко вѣрили въ Бога и Его справедливость. То же самое должно сказать и объ авторѣ четвертой книги Маккавеевъ, который «изъ всѣхъ еврейскихъ философовъ ближе всего стоитъ къ фарисеямъ»²⁹⁰. Онъ вѣритъ въ безсмертіе души, но отрицаетъ воскресеніе мертвыхъ. Несмотря на оппозицію саддукеевъ, фарисеи настояли на своемъ и сумѣли включить въ молитвы «благодарность Богу за то, что онъ воскреситъ мертвыхъ». Фарисеи представляли себѣ, что настанетъ время, когда тѣло вновь соединится съ душой и такимъ образомъ воскресшій человѣкъ будетъ продолжать прерванную жизнь²⁹¹. Тутъ возникли опять вопросы: сколько же будетъ продолжаться вторая жизнь—вѣчно, или же она прервется такъ же, какъ и первая? И тутъ обнаружилось чрезмѣрное усердіе²⁹². Одинъ, напримѣръ, находитъ что въ Ис. 25, 8 а, сказано, что смерть навсегда исчезнетъ съ лица земли, тогда какъ въ Ис. 65, 20 в, говорится что люди будутъ долго жить, что доказываетъ, неизбѣжность смерти. Оба стиха, по его мнѣнію, касаются періода послѣ воскресенія мертвыхъ. Разрѣшить противорѣчіе берется другой такимъ образомъ: Ис. 25, 8 а, относится къ евреямъ, а Ис. 65, 20 в—къ язычникамъ. Но тутъ опять мѣшаетъ стихъ — Ис. 61, 5, и споръ остается не законченнымъ и лишь въ другомъ мѣстѣ²⁹³ находимъ рѣшеніе, но только въ агадическомъ смыслѣ. Разумѣется и здѣсь не должно забывать того, что мы раньше сказали²⁹⁴, именно, въ такихъ вопросахъ отвѣта въ сущности нельзя дать, «сами пророки не видѣли, что будетъ въ то время» — повторимъ ми слова набожнаго Raschi. Фарисеи тѣмъ не менѣе объявили всѣмъ тѣмъ, которые не вѣруютъ въ воскресеніи мертвыхъ, что они въ наказаніе за это не сподобятся царствія небеснаго²⁹⁵.

²⁹⁰ Schürer, B II, S 767.

²⁹¹ Hamburger R. E. B. II, S. 183.

²⁹² Sanhedrin 91 b.

²⁹³ Pesachim 68 a.

²⁹⁴ Въ концѣ главы о Мессии.

²⁹⁵ Sanhedrin 91 a Raschi.

А Raschi поясняетъ слова раввиновъ слѣдующимъ образомъ: если кто даже вѣрить, что мертвые воскреснутъ, но не вѣрить, что это можно доказать изъ Торы (дословно: что Тора этого не намекаетъ), такъ и онъ считается не вѣрующимъ». Надо думать однако, что тѣ, которые отвергали ученіе о воскресеніи мертвыхъ, оставались при своемъ мѣннѣи, несмотря на угрозы раввиновъ.

А. Брагинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВНУКИ ГЕТТО.

РОМАНЪ И. ЗАНГВИЛЛЯ.

Переводъ съ англійскаго.

ГЛАВА III¹.

«Иудейскій Стягъ».

Предложеніе, полученное Рафаэлемъ занять мѣсто редактора во вновь открываемой еврейской газетѣ, показалось ему какъ бы предназначаеиъ самимъ Провидѣніемъ, явившимся какъ разъ въ то время, когда онъ занятъ былъ рѣшеніемъ вопроса о томъ, какому дѣлу слѣдуетъ ему посвятить свои силы—служенію ли религіи, или изученію еврейской литературы, или же, наконецъ, филантропической дѣятельности. Но широкое поприще публициста, открывавшееся передъ нимъ и совѣщавшее въ себѣ всѣ роды самой благотворной человѣческой дѣятельности, разомъ положило конецъ колебаніямъ молодого энтузіаста. Газета будетъ служить ему и кафедрой проповѣдника, и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для организаціи существенной помощи человѣчеству, и побудительной цѣлью къ занятіямъ наукой для составленія статей серьезнаго содержанія.

Изданіе газеты предпринималось кооперативнымъ обществомъ „Кошеръ“, составившимся въ началѣ съ цѣлью доставленія еврейской публикѣ паскальскихъ опрѣсноконъ безъ всякой сомнительной примѣси, такъ какъ у нѣкоторыхъ представителей правовѣрной партіи возникло подозрѣніе на счетъ доброкачественности (въ ри-

¹ См. „Восходъ“, кн. IV.

туальномъ отношеніи) муки, употребляемой обыкновенными пекарями для изготовленія этихъ опрѣснковъ. Подозрѣніе это подтверждалось еще и тѣмъ фактомъ, что раввины выписывали для себя пацу изъ другихъ мѣстностей. Такъ какъ ищры, предпріятыя обществомъ въ данномъ случаѣ, привели его къ самымъ желаннымъ результатамъ, то оно рѣшилось расширить свою насильственную дѣятельность, въ видахъ предохраненія еврейства отъ употребленія и другихъ продуктовъ сомнительнаго свойства, какъ то: сыра, масла и пр. Въотъ съ тѣмъ, имъ поднятъ былъ также вопросъ о постройкѣ для женщинъ бань, соответствующихъ раввинскимъ предписаніямъ.

Но осуществлять эти благія стремленія было не легко, поэтому члены общества мало по малу пришли къ сознанію необходимости завести собственную газету для болѣе успѣшной проповѣди ортодоксальныхъ идей посреди возростающаго безбожія. Собранія общества происходили обыкновенно за перегородкой конторы Аарона Шлезингера, торговавшаго табачными надѣльями, въздѣствіе чего во время иреній членовъ въ комнатѣ всегда царилъ густой туманъ отъ немилосердно истребляемыхъ даровыхъ папиросъ. Душой общества и самымъ краснорѣчивымъ его ораторомъ былъ младшій компаньонъ Шлезингера, Левисъ Де-Гацъ, исполнявшій должность уполномоченнаго имъ надзирателя. Это былъ высокій и плотный старикъ, съ богатырскими мускулами и умнымъ лицомъ, украшеннымъ длинной сѣдой бородой. Будучи крайнимъ оптимистомъ отъ природы, онъ надѣленъ былъ также чрезвычайно живыми воображеніямъ, мѣткимъ юморомъ и такой гибкостью ума, что могъ совершенно свободно переходить отъ разсужденій о стоимости какого-нибудь недвижимаго имущества къ толкованію разныхъ талмудическихъ тонкостей, и отъ упаковки табачныхъ товаровъ къ организаціи апостолическаго движенія. Въ числѣ выдающихся дѣятелей общества находились и нѣкоторые изъ нашихъ старыхъ друзей, а именно: рыжеволосый изувѣръ, Карлканнеръ, шадханъ Цукерманъ, зеленщикъ Гедалія и лов-

кій дѣлецъ и дипломатъ Градкоскій. Нѣкій поставщикъ мебели, постоянно объявлявшійся банкротомъ, тоже игралъ не мало-важную роль между членами, а Эбенезеръ Цукерманнъ, какъ молодой человекъ, успѣвшій уже отличиться въ литературномъ поприщѣ переводомъ какаго-то романа съ голландскаго языка, фигурировалъ въ качествѣ секретаря общества. Мельхиседекъ Пинхасъ тоже былъ усерднымъ посѣтителемъ митинговъ, происходившихъ въ конторѣ Шлезингера, и не менѣе усерднымъ потребителемъ его папирсъ. Хотя онъ и не числился членомъ общества, такъ какъ не участвовалъ въ общихъ взносахъ по десяти фунтовъ стерлинговъ, — далеко еще не сполна поступившихъ въ кассу, — но никто не чувствовалъ охоты силой выпроваживать его изъ собраній, словесныхъ же намековъ наивный поэтъ или совсѣмъ не понималъ, или же пропускалъ ихъ мимо ушей.

Всѣ члены совѣта кооперативнаго общества „Кошеръ“ говорили не только свободно, но даже почти совершенно правильно по англійски; но никто изъ нихъ не имѣлъ на столько довѣрія къ познаніямъ своихъ сотоварищей, чтобы указать на когонибудь изъ нихъ, какъ на лицо, подходящее для выполненія обязанностей редактора, хотя, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не отказался бы занять это мѣсто, если бы оно было предложено ему. Но Эбенезеръ Цукерманнъ и Мельхиседекъ Пинхасъ и не дожидались, чтобы имъ была предложена эта честь, а смѣло предъявляли свои притязанія на открывающійся постъ, нимало не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что притязанія эти никѣмъ не поддерживались, кромѣ самихъ претендентовъ, и препирательства, происходившія между ними по этому поводу, служили чѣмъ то въ родѣ увеселительныхъ дивертисментовъ, сопровождавшихъ каждое засѣданіе членовъ.

— Ну, гдѣ ужъ ему быть редакторомъ газеты, когда онъ перевираетъ самыя простыя англійскія слова, — говорилъ Эбенезеръ своимъ произвольнымъ голосомъ, походившимъ на карканье ворона, сопровождалъ свои слова презрительной гримасой.

Наружность этого доморощенного литератора, *баръ мицва* (религиозное совершеннѣйше, при достиженіи 13-ти лѣтъ) котораго была отпразднована когда то такимъ роскошнымъ пиршествомъ, ничѣмъ особеннымъ не поражала, такъ что про него только и можно было сказать, что это былъ молодой человекъ съ жиденькими черными волосами и длиннымъ носомъ, украшеннымъ синими очками.

— Да развѣ онъ смелитъ что нибудь въ священномъ языкѣ нашихъ предковъ!—съ азартомъ кричалъ, въ свою очередь, разгнѣванный Мельхиседекъ и, обращаясь къ старшему компаньону табачнаго депо, вполголоса прибавлялъ:—вѣдь, вы знаете, Шлезингеръ, что изъ всѣхъ здѣшнихъ евреевъ только мы съ вами и умѣемъ правильно писать на языкѣ нашихъ праотцевъ.

Малютка поэтъ по прежнему отличался необыкновенной бурливостью и неутомимостью натурн. Но борода его была теперь уже не всклокочена, и цвѣтъ лица тоже былъ гораздо свѣжѣе, благодаря чему онъ казался скорѣе помолодѣвшимъ, чѣмъ постарѣвшимъ за послѣдніа десять лѣтъ. И одѣтъ онъ былъ также съ замѣтными претензіями на франтовство, которыа усвоены были имъ, должно быть, во время продолжительнаго его путешествія по континенту, совершенному имъ, разумѣется, не на собственные капиталы, а на щедрый субсидіи Рафаэля Лёона. Онъ увѣрялъ, что поэтическое вдохновеніе гораздо чаще осѣняетъ его, когда онъ путешествуетъ и находится вдали отъ невѣжественныхъ и неблагодарныхъ англійскихъ евреевъ. Но жизнь туриста, несмотря на всѣ ея прелести, имѣла для него то неудобство, что помѣшала ему изучать, какъ слѣдуетъ, англійскій языкъ, на которомъ онъ и теперь объяснялся почти такъ же плохо, какъ прежде, хотя въ литературномъ его стилѣ и въ правописаніи замѣтно было значительное улучшеніе.

— Что я смелю въ языкѣ нашихъ предковъ?—еще болѣе язвительнымъ тономъ прокаркалъ Эбенезеръ.—А вы сами то много ли смыслите въ немъ, позвольте спросить?

Собрание громко расхохоталось; но Шлеингеръ, какъ серьезный человекъ, съ невозмутимымъ видомъ проговорилъ:

— Къ дѣлу, джентльмены, къ дѣлу!

— А вотъ, посмотримъ, кто слышитъ въ немъ больше—вы, или я?—съ озлобленіемъ закричалъ опять Пинхасъ, вскакивая съ своего мѣста и начиная кружиться въ припрыжку по комнатамъ, какъ рѣзвый кузнечикъ по зеленой муравѣ.—Ну-ка, переведите хоть одну страничку изъ моего сборника *Пламя Метатрона*. Держу пари, что вы окажетесь такимъ же профаномъ въ еврейскомъ языкѣ, какъ нашъ достопочтенный Іосифъ Стрелицкій, щеголяющій въ циписъ и получающій княжеское содержаніе.

Де-Ганъ схватилъ разшумѣвагося поэта за воротъ и, приподнявъ его на воздухъ, ловко водрузилъ съ ногами на угольномъ ларѣ.

— Ого, го, го!—злорадно захохоталъ Эбенезеръ.—Хорошъ будущій редакторъ—ничего сказать!

— Нѣтъ, джентльмены,—замѣтилъ вѣчный банкротъ, поставщикъ мебели,—съ этими крикунами невозможно имѣть дѣло, и чтобы помирить ихъ, самое лучшее будетъ—прокатить ихъ обоимъ на веронныхъ.

Лицо Эбенезера вытянулось и онъ мрачно закаркалъ:

— Помилуйте—да за что же я то буду страдать по чужой винѣ? Вѣдь, я знаю англійскій языкъ лучше всякаго англичанина,—это всякій подтвердитъ вамъ. Вспомните, наконецъ, какими лестными отзывами пресса осыпала мою книгу—*Старый бургомистръ*, которую можно назвать лучшимъ произведеніемъ во всей голландской литературѣ. Рецензентъ „St. Panegas Press“ совершенно справедливо замѣтилъ, что стиль этого романа ничѣмъ не уступаетъ стилю лорда Литтона. Я могу показать вамъ даже и номеръ газеты, въ которомъ это напечатано, и пожалуй, подарю каждому изъ васъ по экземпляру этого интереснаго романа. Что же касается до того, будто я не знаю по еврейски—то это все вздоръ. А если бы мнѣ и встрѣтилось какое нибудь затрудненіе,

то я всегда могу обратиться къ отцу за разъясненіемъ. Довѣрьте же мнѣ это дѣло, и я такъ ловко поведу его, что сдѣлаю васъ черезъ годъ настоящими капиталистами. Слѣло общаю вамъ это, джентльмены.

Пинхасъ не разъ дѣлалъ отчаянныя попытки прервать эту рѣчь и соскочить съ ларя, но мускулистая и волосатая рука Де-Гана не только не выпускала его изъ плѣна, но не давала ему даже и говорить, плотно сжимая ему ротъ; при послѣднихъ же словахъ Эбенезера, разгоряченный поэтъ подпрыгнулъ съ такою силой, что желѣзная рука, сковывавшая ему ротъ, отсочила отъ него, какъ пробка отъ раскупорившейся бутылки съ сельтерской водой.

— Да развѣ можно поручать такое святое дѣло какому то жалкому и низменному матеріалисту, не заслуживающему даже и названія правовѣрнаго еврея?—отчаянно завопилъ поэтъ, усаживаясь опять на ларь.—Друзья мои,—патетически продолжалъ онъ:—неужели вы не понимаете, что поэтъ будущаго редактора предназначенъ для меня самимъ Провидѣніемъ, которое не хочетъ допустить, чтобы мой гений бесплодно погибъ въ этой невѣжественной странѣ? Неужели вы пропустите этотъ, быть можетъ, единственный случай увѣнчать ваши имена бессмертной славой? Неужели вы рѣшитесь такъ жестоко обидѣть человѣка, который первый подалъ вамъ мысль объ изданіи этой газеты? Повторяю вамъ, что я рожденъ для роли редактора, или, какъ вы говорите, издателя газеты, въ которую я волью всю поэзію, весь пламень души моей.

— И навѣрно прогорите вмѣстѣ съ нею,—зловѣщнымъ тономъ процѣдилъ Эбенезеръ.

— Я посрамлю всѣхъ вольнодумцевъ и реформаторовъ и обращу ихъ на путь истинны, — съ жаромъ фантазировалъ поэтъ.— Я буду новѣмъ Ильей и, окрыленный новымъ могучимъ гениемъ, спасу еврейство отъ угрожающей ему гибели.

Тутъ онъ быстро вскочилъ на ноги и сдѣлалъ попытку

спрыгнуть съ ларя, но Де-Ганъ успѣлъ поймать его за фалды куртки и усадилъ на прежнее мѣсто.

— Не хотите ли еще папиросу, Пинхасъ?—добродушно спросилъ онъ, передавая своему плѣннику коробку съ папиросами и чувствуя при этомъ что то похожее на угрызение совѣсти за свое ужъ слишкомъ безцеремонное обращеніе съ человѣкомъ, котораго онъ высоко цѣнилъ, какъ поэта, но котораго подъ часъ все таки не могъ третировать иначе, какъ мальчишку.

Пренія возобновились и мнѣніе, высказанное поставщикомъ мебели, въ концѣ концовъ, одержало верхъ—оба кандидата были единодушно отвергнуты собраніемъ.

— А что вы дадите мнѣ, если я найду вамъ редактора?—неожиданно спросилъ Пинхасъ и съ достоинствомъ прибавилъ:— я добровольно отказываюсь отъ редакторскаго кресла.

— Скажите лучше отъ угольнаго ларя, на который васъ посадили, какъ шведьника въ карцеръ,—сѣрдито проверчалъ Эбенезеръ.

— Такъ и быть,—продолжалъ Пинхасъ,—я найду вамъ первокласснаго редактора, который удовлетворится самымъ скромнымъ жалованьемъ, а можетъ быть, и ничего не потребуетъ отъ васъ за свои труды. Сколько же вы дадите мнѣ за хлопоты?

— Десять шиллинговъ съ фунта, если онъ не потребуетъ большаго жалованья; а если онъ ничего не возьметъ за свои труды, то двѣнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ тоже съ каждаго фунта,—скороговоркой возразилъ Де-Ганъ.

Простодушный поэтъ, котораго такъ легко было сбить съ толку въ денежныхъ вопросахъ, совершенно удовлетворился этой выгодной сдѣлкой и тотчасъ же отправился къ Рафаэлю для переговоровъ.

Въ послѣдовавшее за тѣмъ засѣданіе, онъ съ торжествомъ представилъ собранію своего друга, при чемъ лицо Градкосскаго, чрезвычайно дорожившаго своей репутаціей мужа совѣта, нѣсколько отрачилось отъ досады на собственную оплошность. Дѣло въ томъ,

что такъ какъ онъ давно уже былъ знакомъ съ Рафаэлемъ, который, со времени основанія Лиги Св. Земли, поддерживалъ постоянныя сношенія съ нѣкоторыми изъ ея представителей, то могъ бы тоже сообразить, что молодой энтузіастъ былъ именно таковыя человѣкомъ, какой нуженъ былъ для занятія редакторскаго поста въ проектируемой газетѣ, — но какъ то совсѣмъ вынутыиъ это изъ вида. Помытавшійся немного съ Шлезингеромъ и Де-Ганомъ, отдававшій уже приказаніе пещамъ о заготовкѣ десяти тысячъ обертокъ для разсылки первыхъ номеровъ газеты, Градкоссій представилъ имъ новаго претендента, который тѣмъ охотиве былъ утверждать въ званіи редактора „Иудейскаго Стига“, что оказался совершенно равнодушныиъ къ презрѣнному металлу и тотчасъ же изъявилъ готовность безвозмездно трудиться на пользу своихъ собратьевъ. Такое безкорыстіе со стороны молодого человѣка вызвало въ старикѣ Де-Ганѣ что то похожее и на униженіе передъ его патріотическими чувствами, и на презрѣніе къ его непрактичности.

— Смотрите же, не забудьте обо мнѣ, — съ многозначительнымъ видомъ прошепталъ Пинхасъ, подходя къ новому редактору. — Мнѣ, вѣдь, тоже слѣдуетъ получать условленный процентъ съ суммы вашего гонорара.

Рафаэль добродушно улыбнулся и, обращаясь къ Де-Гану, спросилъ:

— А есть ли у васъ надежда на болѣе или менѣе значительный спросъ на газету?

— Какъ же, какъ же, — съ живостью отозвался Де-Ганъ. — Пожалуй, ни не будемъ успѣвать даже и печатать ее въ такомъ количествѣ, какое потребуется, — вѣдь, въ одномъ Лондонѣ проживаютъ до семидесяти тысячъ правовѣрныхъ евреевъ.

— Къ тому же, — прибавилъ Градкоссій, — ни возлагаемъ надежды не столько на спросъ на газету, сколько на объявленія, которыя будутъ помѣщаться въ ней.

— Въ самомъ дѣлѣ! — съ навязаннымъ удивленіемъ спросилъ Рафаэль.

— Разумѣется, — отвѣтилъ Градковскій тономъ оштрафоваго дѣльца. — Такъ какъ мы будемъ издавать релігіозную газету, то въ ней будутъ помѣщаться всеобщія объявленія, не говоря уже объ объявленіяхъ кооперативнаго общества „Июсеръ“.

— Но, вѣдь, это же наши собственныя объявленія, за которыя мы ничего не будемъ платить, — вставилъ шадханъ Цукерманъ.

— Конечно, не будемъ, — возразилъ Де-Ганъ. — Но все таки это будетъ придавать газетѣ чрезвычайно внушительный видъ. Вѣдь мы можемъ наполнять ее по дѣлой страницѣ этими объявленіями. А вы знаете, что наши еврейскіе читатели, покупая газету, никогда не задаются вопросомъ — отвѣчаетъ ли она потребностямъ времени, а ограничиваются только тѣмъ, что тряхнуть ее на ружакъ, какъ бы соображая, много ли напечатано въ ней объявленій, и стоитъ ли она, чтобъ за нее платили деньги. Но наша газета будетъ непременно будетъ стоить этого! — съ увлеченіемъ продолжалъ онъ: — въ особенности теперь, когда во главѣ ея будетъ находится такой человѣкъ, какъ вы, мистеръ Леонъ, который извѣстенъ своимъ благочестіемъ каждому право-вѣрному еврею, выѣзжавшему *мезузу* надъ дверью своего жилища, который пользуется уваженіемъ и симпатіями всехъ своихъ ють-эндскихъ единовѣрцевъ и въ то же время имѣетъ постоянныя сношенія съ вестъ-эндскимъ населеніемъ, и который будетъ проповѣдывать принципы честнаго еврейства на самомъ безукоризненномъ англійскомъ языкѣ. Повторяю опять, что, имѣя своимъ представителемъ такого популярнаго человѣка, наша газета можетъ смѣло рассчитывать на успѣхъ и назначать самыя высокія цѣны за помѣщаемыя въ ней объявленія.

Рафаэль ушелъ изъ засѣданія въ самомъ радужномъ настроеніи, давъ себѣ торжественный обѣтъ всецѣло посвятить себя служенію своей высокой миссіи.

Но явившись на слѣдующій митингъ, онъ съ разстроеннымъ видомъ объявилъ собранію, что, по зрѣломъ размышленіи, онъ пришелъ къ тому заключенію, что едва ли въ состояніи будетъ выполнить, какъ слѣдуетъ, возлагаемую на него задачу. Это неожиданное заявленіе произвело самое удручающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, за исключеніемъ Эбенезера, который снова воспрянулъ духомъ и возликовалъ. Мотивируя осаждающія его сомнѣнія относительно его компетентности въ редакторскомъ дѣлѣ, Рафаэль указывалъ на то, что, просматривая общинныя органы, онъ удостовѣрился, что въ нихъ не рѣдко обсуждаются такіе вопросы, въ которыхъ онъ ровно ничего не понимаетъ. Правда, у него нѣтъ достаточнаго запаса свѣдѣній, чтобы взять на себя обязанности руководителя общины въ вопросахъ чисто религіознаго и литературнаго свойства, но бесѣдовать съ нею о такихъ матеріяхъ, какъ выборы, напримѣръ, которыми она, кажется, больше всего интересуется, онъ считаетъ себя совершенно не подготовленнымъ и неспособнымъ.

— Кромя того, — говорилъ онъ, — этия газеты видѣются, повидимому, въ обязанность печатать некрологи общинныхъ знаменитостей, біографическія свѣдѣнія о которыхъ нельзя найти ни въ какихъ официальныхъ источникахъ, обращаться же съ разспросами по этому поводу къ ихъ разстроеннымъ и огорченнымъ родственникамъ — по возмю, просто неприлично.

— На счетъ этого будьте покойны, — со смѣхомъ отвѣчалъ Де-Ганъ. — Если вамъ придется писать мой некрологъ, то моя жена очень охотно разскажетъ вамъ всѣ подробности о моей особѣ.

— Ну, конечно, объ этомъ нечего и говорить, — прибавилъ Градкосскій. — Родственники умершихъ избавятъ васъ отъ всякихъ неприятныхъ хлопотъ, и сами же будутъ присылать вамъ подробности ихъ біографіи.

На лицѣ Рафаэля выразилось крайнее удивленіе, походившее даже на недовѣріе.

— Къ тому же, — заговорилъ опять Де-Ганъ, — наша газета

будеть обращаться не къ той публикѣ, съ которой имѣють дѣло прочіе органы, — въ противномъ случаѣ, у насъ не было бы и цѣли издавать ее. Поэтому и вопросъ объ опѣнкѣ нашихъ общественныхъ дѣятелей у насъ долженъ быть поставленъ совершенно иначе. Такъ, имѣеется, что чѣмъ больше мы будемъ расточать похвалъ, тѣмъ большее значеніе будутъ придавать имъ наши читатели.

И старый мудрецъ съ сосредоточеннымъ видомъ принялся поглаживать свою седую бороду.

— Ну, а съ митингами какъ же имѣ быть? — спросилъ Рафаэль. — Иногда одновременно происходятъ два митинга, одинъ изъ которыхъ имѣе волей-неволей придется пропустить.

— И это тоже не бѣда, — весело отвѣтилъ Де-Ганъ. — Мы напечатаетъ отчетъ объ одномъ митингѣ, а другой оставимъ въ сторонѣ, и наши читатели подумаютъ только, что мы не нашли его заслуживающимъ ихъ вниманія. Мы, вѣдь, будемъ направлять ихъ къ заранѣе намѣченной цѣли, поэтому намъ нѣтъ никакой надобности заставлять ихъ читать списки красноречивъ всевозможныхъ митинговъ.

Истощивъ все доводы и соображенія, внушенные ему идеальными его понятіями объ отношеніи человѣка къ своему долгу, Рафаэль, наконецъ, замолчалъ — къ величайшей досадѣ Эбенезера, который, видя, что его надежды опять испаряются, какъ дымъ, безпокойно проговорилъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Но мистеръ Леонъ правъ, — ему непременно нуженъ помощникъ.

— Конечно, конечно, ему необходимъ помощникъ, — еще громче закричалъ и встрепенувшійся Пинхасъ.

— Да, это правда, — подтвердилъ Де-Ганъ, какъ бы соображая что-то. — Мистеръ Леонъ, дѣйствительно, не въ состояніи будетъ справиться одинъ со всей газетой. Но я знаю одного молодого человѣка, который, вѣроятно, согласится занять мѣсто его помощника за одинъ фунтъ въ недѣлю.

— Но и я не прочь былъ бы занять это мѣсто за ту же плату,—съ обычнымъ своимъ апломбомъ отозвался Эбенезеръ.

— Можетъ быть, но только вамъ не предлагать его — сердито оборвалъ его Шлезингеръ.

— Ша, Эбенезеръ! — грозно прикрикнулъ на сына старшій Цукерманъ.

Энергичный Де-Ганъ, не любившій никакихъ проволочекъ, тотчасъ же самъ отправился на поиски за своимъ protégé, который, разумеется, не отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія. Это былъ чрезвычайно шустрый и бойкій малый, слышавшій между его знакомыми подъ прозвищемъ „Маленькаго Самсона“ и служившій весьма типичнымъ представителемъ вѣчно голодной, но никогда не унывающей еврейской богемы. Родиной его была Австралія, а литературной школой — англо еврейская пресса, гдѣ онъ началъ свое поприще съ самыхъ низшихъ ступеней, но сумѣлъ проложить себѣ путь и къ болѣе прибыльнымъ занятіямъ журнальнаго сотрудника. Въ настоящее время онъ занятъ былъ организаціей походной труппы актеровъ, для предполагаемыхъ имъ представленій комической оперы, рассчитывая современемъ опять вернуться на покидаемое имъ поприще еврейской журналистики. Этотъ предпринчившій джентльменъ, очевидно щеголавшій своими длинными кудрями, живописно распущенными по плечамъ, моднымъ моноклемъ въ глазу и какимъ то романтическимъ плащомъ, небрежно накинутымъ сверху и прикрывавшимъ скорѣе локмѣтя жалкаго оборванца, чѣмъ костюмъ изящнаго денди, — совершенно разсѣялъ тревоги и опасенія Рафаэля на счетъ трудностей редакторской задачи.

— Ужъ вы положитесь во всемъ на меня, — простодушно повторялъ онъ своему будущему принципалу. — Ну, вотъ, хоть бы составленіе этихъ некрологовъ — чтожъ тутъ мудренаго? Свѣдѣнія о выдающихся людяхъ, заслуживавшихъ вниманіе прессы, всегда можно найти въ предыдущихъ номерахъ нашихъ газетъ и журналовъ, которые тоже не трудно разыскать въ музеѣ. Что же ка-

сается до людей, не принесшихъ ровно никакой пользы обществу, то ихъ некрологи будутъ доставляться вамъ уже въ готовомъ видѣ, и вамъ нужно будетъ только занастись терминологіею, чтобы какъ можно деликатнѣе и искуснѣе выпроваживать волею представителей ихъ фамилій, которые будутъ осаждать васъ поворнѣйшими просьбами почтить память ихъ, якобы, заслуженныхъ родственниковъ.

— Ну, а какъ же мы съ вами уладимъ вопросъ о митингахъ?—спросилъ опять Рафаэль.

— Я непремѣнно буду посѣщать нѣкоторые изъ нихъ,—тѣ, которые не будутъ совпадать съ репетиціями моей оперы,— съ живостью отвѣтилъ Маленькій Самсонъ.—Я, вѣдь, занятъ теперь приготовленіями къ представленію комической оперы собственнаго моего сочиненія. Въ ней есть прелестнѣйшіе мотивы — вотъ хоть бы этотъ:— „Та-ра-ра-та, та-ди-думъ-ди!“—Не правда ли, какъ мило?—Я увѣренъ, что это приведетъ публику въ восторгъ... Ну, такъ я буду помогать вамъ такъ усердно, какъ позволить мнѣ время. Уже вы положитесь во всемъ на меня.

— Такъ-то такъ, — съ озабоченнымъ видомъ отозвался Рафаэль.—А если произойдетъ какой нибудь особенно важный митингъ, на который не явитесь ни вы, ни я, — какъ же тогда быть?

— Ну и этихъ тоже нечего смущаться,—бойко проговорилъ Маленькій Самсонъ.—Я такъ хорошо изучилъ манеру выражаться всѣхъ нашихъ ораторовъ, что могу свободно воспроизводить ихъ рѣчи, даже и не выслушавъ ихъ:— „Паутиризация истъ-эндскаго населенія... Гмъ, гмъ! — энергическія усилія нашего почтеннаго представителя, милорда такого-то, направленныя къ поддержанію благосостоянія!.. Гмъ, гмъ! — я безъ преувеличенія могу сказать, что эта сложная задача... Гмъ, гмъ!“ и пр., и пр. — „Та-ди-думъ-да, та-ра-румъ-да!“—Кромѣ того, я всегда могу узнать сущность подобныхъ праній изъ протокола ихъ, рассылаемаго въ равныя агентства, а этого мнѣ совершенно достаточно для составленія самаго обстоятельнаго отчета. Наконецъ, въ крайнемъ

случай, я могу вступить въ полуборную сдѣлку съ кѣмънибудь изъ незаконныхъ мнѣ репортеровъ.

— И вы думаете, что мы съ вами, работая только вдвоемъ, въ состояніи будемъ готовить столько матеріала, сколько нужно для наполненія столбцовъ ежедневной газетки?—продолжалъ Рафаэль, въ раздумьи покачивая головой.

Маленькій Самсонъ, въ отвѣтъ на это, разразился неудержимымъ хохотомъ, выронилъ стаканчикъ изъ глазъ и чуть не кубаремъ опрокинулся на угольный ларь. Члены комитета, переполненные завистью между собой, съ удивленіемъ оглянулись на него.

— Ха, да, ха! — заливался онъ на всю комнату. — Вотъ такъ потѣха! Сейчасъ видно, мистеръ Лоскъ, что вы новичокъ въ газетномъ дѣлѣ. Да, вѣдь, однимъ лондонскимъ отчетомъ и провинціальными проповѣдями доскало бы для наполненія не крайней шпѣрь трехъ ежедневныхъ газетъ.

— Но какъ же мы будемъ доставать эти отчеты, въ особенности проповѣди изъ провинціи?

— Какъ же... какъ же, — борзоталъ всосльщаетъ, надрылся отъ душившаго его смѣха. — Да развѣ вы не знаете, что нами почтенные проповѣдники такіе любезные джентльмены, что сами высыпаютъ въ редакціи свои проповѣди, переписанные съ бумажальной точностью?

— Неужели? — наивно вскричалъ Рафаэль.

— Ну, разумѣется. Развѣ вы не замѣтили, что нами проповѣдники, все безъ исключенія, надѣлены „даромъ краснорѣчія“?

— Значить, они сами пишутъ это о себѣ?

— Понятное дѣло. Иногда, въ видахъ разнообразія, они награждаютъ себя эпитетами „даровитыхъ“ или „ученихъ“, но въ большинствѣ случаевъ они предпочитаютъ быть „краснорѣчивыми“. — „Та-ди-пушъ-да!“ — Въ лѣтніе сезоны, благодаря этому увлекательному дару, проповѣди ихъ доводятся къ слушателямъ „почти до самоубійства“, а въ „Дни покаянія“ и въ торжественные праздники *бард-миссы* неизменно вызываютъ у нихъ „обиль-

ныя слезы умиленія“. Кроме того, въ вашу редакцію будутъ при-
пасты, какъ манна небесная, свѣтлыми заявленіями отъ разныхъ
благодѣтелей и благодѣтельницъ въ счетъ одного или двухъ
десятковъ англійскихъ, пожертвованныхъ имъ въ пользу голодаю-
щихъ вдовъ и сиротъ, на счетъ серебряныхъ стрѣлокъ, пропод-
несенныхъ имъ въ даръ синагогъ, или же на счетъ наградъ, во-
лученныхъ ихъ итѣнцами въ третьестепенныхъ школахъ. Нако-
нецъ, если кому нибудь изъ вашихъ читателей удастся напечатать
свою статью хотя бы въ самой крохотной и невѣроятной га-
зеткѣ, то онъ непремѣнно обратится къ вамъ съ покорѣйшей
просьбой не оставить безъ вниманія его „литературнаго произве-
денія“ и указать на него читающей публикѣ. Однимъ словомъ,
любезный коллега, вамъ придется жаловаться скорѣе на избытокъ,
чѣмъ на недостатокъ газетнаго матеріала. — „Та-ра-ра-та!“ — Сидю
васъ увѣрить, что каждая еврейская газета, — какъ, впрочемъ, и
всякая другая, — могла бы беззаботно процвѣтать на ежедневныя
приниманія сотрудниковъ-добровольцевъ. — Очъ этихъ словани, мо-
лодой журналистъ всталъ на ноги и принялъ небрежно смакивать
угольную пыль съ своего романтическаго лица.

— Идѣйте въ виду еще и то, что имъ будетъ тоже поддер-
живать васъ своими статьями, — тебонъ поощренія забыли Дю-
Ганъ.

— Да, вы смѣло можете рассчитывать на нашу поддержку,
— съ важностью заявилъ Эбеневръ.

— А я пошаривъ вамъ нѣсколько простѣйшихъ стѣко-
твореній изъ моего *Rosa* изобилія, — въ норный вымолудунія
вскричалъ Пинкасъ.

— Я буду очень и очень благодаренъ вамъ, драгоценный,
потому что рѣшительно не понимаю, какой интересъ можетъ пред-
ставлять газетѣ, составленная такъ, какъ говорить мистеръ Сам-
сонъ, — возразилъ Рафанъ, широко разведя руками и сейчасъ же
опять скрещивая ихъ на груди, что онъ дѣлалъ, повидимому,
совершенно напрасно, когда былъ чѣмъ нибудь возмущенъ. —

Времѣ того, такъ какъ я считалъ необходимымъ завести также отдѣлъ иностранныхъ извѣстій, то желалъ бы знать, откуда можно почерпнуть ихъ?

— Ужъ положитесь на меня и въ этомъ отношеніи, — весело отозвался Маленькій Самсонъ. — Я позабочусь о томъ, чтобы намъ высылались самыя популярныя еврейскія газеты, изъ всѣхъ странъ — изъ Франціи, Германіи, Голландіи, Италіи и даже изъ Америки, въ замѣнъ нашей. На иностранныя извѣстія никогда не бываетъ неурожая. Тѣ же самыя новости, которыя я буду почерпнуть изъ итальянскаго „Vessillo Israelitico“, амстердамскіе „Israelitische Nieuwsbode“ будутъ переводить изъ нашей газеты, а нѣмецкій „Der Israelit“ долженъ будетъ переводить уже съ амстердамскаго изданія, а древне-еврейскій „Nahagid“ — съ нѣмецкаго, а парижскій „L'Univers Israelite“ — съ древне-еврейскаго, а „American Hebrew“ — съ французскаго. Перейдя черезъ горнила столькихъ чистилищъ, эти же самыя извѣстія доходятъ до меня опять „въ исправленномъ и дополненномъ видѣ“ и кажутся мнѣ какъ будто совсѣмъ новыя, поэтому я цѣлкомъ воспроизвожу ихъ вторично на столбцахъ моей газеты, откуда они снова отправляются въ свое безконечное кругосвѣтное путешествіе. Такъ ужъ вы, пожалуйста, не безпокойтесь на счетъ иностранныхъ извѣстій и положитесь во всемъ на меня. — Та-ди-ружь-ди! — затянулъ онъ было опять, но вдругъ остановился и совершенно серьезно спросилъ: — А прискали ли вы опытнаго коммисіонера для отдѣла объявленій, мистеръ Де-Ганъ?

— Нѣтъ еще, — съ озабоченномъ видомъ отвѣтилъ послѣдній. Члены комитета поднялись съ своихъ мѣстъ и, раздѣлившись на группы, принялись съ жаромъ совѣщаться между собой, наполняя и безъ того до нелзя накуренную комнату новыя клубами табачнаго дыма. Писцы, подготавливавшіе обертки для первыхъ номеровъ газеты, продолжали скрипѣть перьями, покашливая и сердито перещипываясь между собой.

— А этикъ дѣломъ пора бы ужъ заняться, — замѣтилъ Маленькій Самсонъ.

— Да мы сами будемъ составлять объявленія, — горделиво отозвался Де-Ганъ, сопровождая свои слова величественнымъ взмахомъ своей богатирской руки. — Мы будемъ вести этотъ отдѣлъ всё сообща. Не хотите-ли еще папиросу, Самсонъ? — прибавилъ онъ, передавая молодому человѣку коробку съ папиросами, въ которую безпрестанно заглядывали всё присутствующіе, за исключеніемъ Рафаэля, предпочитавшаго наслаждаться своей трубкой, и суроваго Карлхамнера, воздерживавшагося отъ куренія табаку въ силу какихъ то мистическихъ соображеній.

— А главное, не забудьте отвести въ газетѣ самое видное мѣсто для Каббалы, — торжественно проговорилъ вдругъ рыжеволосый изувѣръ.

— Къ сожалѣнію, мы не можемъ заручиться объявленіями съ помощью чудодѣйственной Каббалы, — насмѣшливо возразилъ ему зеленщикъ Гедалія, пользовавшійся репутаціей практическаго чловѣка.

— Да, на благодѣтельное содѣйствіе Каббалы намъ нечего рассчитывать въ этотъ случаѣ, — съ улыбкой прибавилъ Маленькій Самсонъ: — поэтому намъ необходимо подыскать хорошаго комиссіонера по части объявленій.

Ободрившійся Эбenezеръ снова насторожилъ уши.

— Я рассчитывалъ, что и вы тоже будете помогать намъ въ этомъ дѣлѣ, — замѣтилъ Де-Ганъ Маленькому Самсону.

— Конечно, конечно, — съ живостью отозвался тотъ. — Я сдѣлаю все, что могу, и почти увѣренъ, что капиталисты, интересующіеся успѣхами моей комической оперы, помѣстятъ у васъ нѣсколько объявленій о проектируемой мною экскурсіи. Однимъ словомъ, въ свободное время я весь къ вашимъ услугамъ, и вы можете совершенно положиться на меня. Но все таки я долженъ предупредить васъ, что не справлюсь одинъ съ этой задачей; поэтому я посоветовалъ бы вамъ поручить это дѣло настоящему

специалисту и назначить ему гопорарь, не жалѣя денегъ, которыя съ избыткомъ вернутся впоследствии въ ваши карманы.—Да,—прибавилъ онъ, съ самовольнымъ видомъ драпируясь въ свой романтическій, хотя и сильно потасканный плащъ:—вамъ необходимо расторопный, бойкій и при томъ краснорѣчивый комиссіонеръ.

— Ну ужъ это дѣло вы должны предоставить непремѣнно мнѣ,—съ умильнымъ видомъ вскричалъ Пинхасъ, прибѣгая къ неотразимому дѣйствию своего указательнаго пальца.—Я буду являться ко всемъ джентльменамъ, помѣщающимъ объявленія въ газетахъ, и съ такимъ жаромъ буду убѣждать ихъ...

— Что они велятъ выгнать васъ вонъ,—злорадно перебилъ его Эбенезеръ.—Да они и слушать то не станутъ васъ, потому что они привыкли разговаривать только съ чистокровными англійскими евреями,—и далеко непривлекательное лицо молодого литератора при этихъ словахъ совершенно исказилось отъ переполнявшаго его раздраженія.

— Мнѣ кажется, что молодой человѣкъ съ такой представительной наружностью, какъ мой Эбенезеръ, могъ бы смѣло занять это мѣсто,—не безъ гордости замѣтилъ старый Цукерманнъ.—Тѣмъ болѣе, что онъ прекрасно говоритъ по англійски.

Вопросъ этотъ былъ предложенъ на усмотрѣніе Шлезингера, который заявилъ, что Эбенезеръ можетъ, если жаляетъ, занять открывающуюся вакансію въ качествѣ испытуемаго, но что въ первое время онъ не долженъ рассчитывать ни на какое жалованье. Послѣ горячаго спора и бесплодныхъ попытокъ выговорить что нибудь въ свою пользу, Эбенезеръ согласился, наконецъ, безвозмездно потрудиться для общества, но съ условіемъ, чтобы оно напечатано въ будущей газетѣ его оригинальную повѣсть.

Заключивъ такую выгодную сдѣлку, онъ съ торжествующимъ видомъ началъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, бросая на Пинхаса молніеносные взгляды изъ подъ своихъ синихъ очковъ. Но постъ не обращалъ уже на него никакого вниманія, потому

что всецѣло былъ поглощенъ переговорами о выборѣ печатника. Члены комитета желали поручить типографское дѣло нѣкому Глюку, не разъ выполнявшему ихъ заказы; Пинхасъ же отговаривалъ ихъ отъ этого, указывая на то, какъ дешево обходилось ему печатаніе весьма большой газеты, которую онъ издавалъ когда то въ Вуда-Пештѣ, гдѣ у него имѣлась собственная маленькая типографія, и гдѣ онъ ухитрялся также доставать и бумагу какимъ то удивительно экономическимъ способомъ.

— Я согласенъ печатать вашу газету за нѣсколько фунтовъ въ недѣлю, если вы приобретете хоть крошечную типографію,— съ жаромъ восклицалъ онъ.— Кроме того, я буду доставлять вамъ значительные барыши отъ постороннихъ заказовъ. Если этимъ дѣломъ будетъ завѣдывать талантливый и въ особенности практичный человѣкъ, то...

Но тутъ нашъ практичный типографщикъ, не кончивъ фразы, благоразумно отскочилъ въ противоположную сторону отъ угольного ларя, такъ какъ замѣтилъ угрожающій жестъ Де-Гана.

— Нечего и толковать объ этомъ,—авторитетнымъ тономъ проговорилъ послѣдній.— Мы никому не поручимъ этого дѣла, кроме Глюка, потому что у него имѣется еврейскій шрифтъ, который намъ безпрестанно нуженъ. Мы будемъ приводить массу еврейскихъ цитатъ и не желаемъ, чтобы онъ набирались англійскими буквами, какъ въ другихъ газетахъ. Къ тому же, правдивая еврейская газета должна выходить раньше всѣхъ прочихъ. Наконецъ, такъ какъ Глюкъ еврей, то мы можемъ быть совершенно спокойны на счетъ того, что онъ свято чтитъ субботніе дни. Пусть же публика видитъ, что мы руководствуемся въ этомъ дѣлѣ не корыстными, но самыми возвышенными побужденіями.

— А кто же у васъ будетъ издателемъ, джентльмены?—освѣдомился Маленькій Самсонъ.

— Да, да, кто же у васъ будетъ издателемъ?—повторилъ за нимъ Пинхасъ.—Вотъ если бы вы завели собственную типографію, то я очень охотно согласился бы взять на себя обязанности изда-

тоя. По моему мнению дѣло слѣдуетъ дѣлать основательно, а не кое-какъ.

— Пустяки, пустяки! — съ самымъ рѣшительнымъ видомъ возразилъ Де-Ганъ. — Мы будемъ издателями всей общаго; наши писцы разрешаютъ объясненія и подписанные бланки, а при складѣ изданія будетъ находиться особый прикащикъ, который будетъ продавать номера газеты, стоя за прилавкомъ.

Самсонъ слегка усмѣхнулся.

— На первое время, пожалуй, можно будетъ устроить и такъ, — спокойно замѣтилъ онъ, — а такъ увидимъ. — Та-ра-ра-та!

— Ну, теперь мы, кажется, обсудили дѣло со всѣхъ сторонъ, — продолжалъ Де-Ганъ, съ довольной улыбкой пощипывая себѣ бороду. Но, мистеръ Леонъ, мы возлагаемъ на васъ еще нѣкоторыя надежды относительно самаго широкаго распространения нашихъ публикацій и афишъ, которыя мы хотимъ наклеить на всѣхъ лондонскихъ улицахъ. Да, сэръ, мы обѣщаемъ вамъ весь Лондонъ.

— Но вѣдь это будетъ сопряжено съ значительными расходами, — проговорилъ Рафаэль.

— Разумѣется. Но мы хотимъ повести дѣло, какъ слѣдуетъ, поэтому не должны останавливаться надъ разными меркантильными соображеніями.

— Но благоразумнѣе ли будетъ съ нашей стороны не заходить дальше Истъ-Энда? — насмѣшливо вставилъ Шлезингеръ.

— Да вѣдь я и говорю только объ Истъ-Эндѣ, потому что въ немъ заключается для насъ весь Лондонъ, — съ живостью отозвался Де-Ганъ.

Рафаэль взялъ въ руки перо и бумагу, подавниа ему Де-Ганомъ, и написалъ сверху заранее придуманное названіе газеты „Иудейскій Стягъ“.

— „Единственная правдивая газета, — диктовалъ Де-Ганъ, — и вѣстѣ съ тѣмъ самый вѣстникъ и распространенный изъ всѣхъ существующихъ еврейскихъ журналовъ“...

— Нѣтъ, позвольте, — перебилъ его Рафаэль. — Этого ужь никакъ нельзя написать.

— Да, вы правы, — тотчасъ же согласился Де-Ганъ. — Я, по правдѣ сказать, нигдѣ въ виду грошную извѣстность, которую приобрететъ наша газета уже послѣ публикаціи. Ну, будемъ продолжать далѣе: „Читатели могутъ сами удостовѣриться въ томъ, что въ ней проповѣдуются принципы чистѣйшаго еврейства, если потрудятся заглянуть въ первый ея номеръ, который появится въ будущую пятницу, 1-го января. Въ ней будутъ помѣщаться статьи самыхъ избранныхъ еврейскихъ писателей, самыя свѣжія новости и самыя интересныя рассказы и повѣсти изъ еврейской жизни. Будетъ выходить каждую недѣлю, по пятницамъ. Цѣна номера — два пенса“.

— Два пенса! — вскричалъ озадаченный Рафаэль. — Я думалъ, что вы назначите цѣну не дороже одного пенни, предположивъ, что это будетъ дешовое изданіе, вполнѣ доступное для народныхъ массъ.

— Оно и будетъ таковымъ современемъ. Я заранѣе увѣренъ въ этомъ, — тономъ оракула отвѣтилъ Де-Ганъ.

— Мы ужь обсудили этотъ вопросъ, — прибавилъ Градковскій, — и пришли къ тому заключенію, что первый номеръ во всякомъ случаѣ раскупится, по какой бы цѣнѣ онъ ни продавался — по два пенса или по одному пенни; второй разоидется съ такимъ же успѣхомъ, такъ какъ публикѣ не безынтересно будетъ сравнить его съ первымъ, и въ этомъ же самомъ номерѣ мы сдѣлаемъ заявленіе, что, благодаря громадному спросу на нашу газету, мы нашли возможнымъ сбавить цѣну на нее до одного пенса. А въ нашей кассѣ, между тѣмъ, сообразится уже нѣкоторый фондъ.

— Да, это вѣрно расчитано, — въ раздумьи отозвался Рафаэль.

— Мы должны быть хитрыми (шудрини), какъ совѣтуютъ наши великіе учителя, — наставительнымъ тономъ протворилъ Де-Ганъ.

Но это глубокоемысленное замѣчаніе не разсѣяло сомнѣній, овладѣвшихъ Рафаэлемъ; хотя, съ другой стороны, ему тоже не-пріятно было сознаніе, что ему недостаетъ той „практической мудрости“, которой великіе мыслители его нація считаютъ необходи-мой для человека. Онъ думалъ, что эти опытные люди, посреди которыхъ онъ находился, вѣроятно, были правы, полагая, что даже релігіозныя истины слѣдуетъ распространять между народ-ными массами посредствомъ дѣловыхъ методовъ, и такъ какъ онъ ясно видѣлъ, что они горячо принимаютъ къ сердцу успѣхъ за-думанной ими проповѣди, то чувствовалъ нѣчто некое на удив-леніе даже къ той, чисто практической, сметливости, съ какой они приступали къ выполненію задачи, передъ которой онъ го-товъ былъ спасовать при первыхъ же затрудненіяхъ. Онъ былъ человекъ далеко недожиданнаго ума, но, по свойственной ему скром-ности, чуждъ былъ всякаго самолюбія; люди же, съ которыми ему приходилось теперь имѣть дѣло, несомнѣнно были воодушев-лены самыми благими наміреніями, что было извѣстно всѣмъ ихъ близкимъ друзьямъ и единомышленникамъ.

— Мы спасемъ Лондонъ, — восторженно возглаголютъ Де-Ганъ, поддаваясь опять своимъ оптимистическимъ иллюзіямъ. — Право-вѣрное еврейство слишкомъ долго оставалось безгласнымъ, а между тѣмъ оно составляетъ пять шестыхъ всей цифры нашихъ едино-вѣрцевъ. Незначительное меньшинство чересчуръ усложилось и за-явлено первенствующее положеніе; поэтому мы должны употребить все нѣры къ тому, чтобы установить равновѣсіе и отстоять свя-тое дѣло большинства противъ все болѣе и болѣе возростающаго вліянія меньшинства.

Эти близкія рѣчи встрѣтили самый живой отголосокъ въ сердцѣ Рафаэля и такъ отвлекли его мысли отъ житейскихъ мелочей, что онъ какъ-то растерянно взглянулъ на Цуверманна, когда услуж-ливый надланъ почтительно осведомился, не желаетъ ли онъ при-обрѣсти одинъ изъ билетовъ Гамбургской лотереи, и ничего не отвѣтилъ ему на этотъ вопросъ. Захвативъ съ собой записанное

ить объявленіе, онъ отправился вмѣстѣ съ Де-Ганомъ въ типографію Глюка, находившуюся въ одной изъ самыхъ закоустныхъ улицъ и занимавшую далеко не просторное помѣщеніе, которое постоянно было пропитано удивливнымъ запахомъ масла. Посрединѣ комнаты, разгороженной на переднюю и заднюю половины, стоялъ ручной печатный станокъ, а на окнахъ разбросаны были афиши и разные газеты, издававшіяся на простонародномъ жаргонѣ; надъ входомъ же въ заднюю половину прибита была надпись, гласившая, что то было „частное помѣщеніе“. Глюкъ выпалъ къ своимъ посѣтителямъ съ вклопоченной бородой и въ испачканныхъ передникѣхъ, но за то съ самой привѣтливой улыбкой на лицѣ.

— Можете ли вы взять на себя печатаніе еженедѣльнаго изданія въ восемь страницъ? — спросилъ его Де-Ганъ, прямо приступая къ цѣли своего посѣщенія.

— Если я займусь печатнымъ дѣломъ, то смѣло могу взяться за печатаніе всякаго изданія, — съ отрывкомъ упрёка проговорилъ Глюкъ. — А какое количество экземпляровъ понадобится вамъ?

— Мы, видите-ли, собрались, наконецъ, издавать правдѣрную газету, о которой мы давно уже подумывали, — уклончиво отвѣтилъ Де-Ганъ.

Глюкъ, молча, кивнулъ головой.

— Вамъ вѣдь известно, что насъ, правдѣрныхъ серьезныхъ, въ одномъ Лондонѣ прѣживаетъ до семидесяти тысячъ, — продолжалъ Де-Ганъ, любившій въ своихъ математическихъ вычисленіяхъ округлять цифры. — Ну, такъ вы сами видите, что мы хотимъ предложить вамъ не маленькое дѣло, поэтому, если вы согласитесь печатать нашу газету даже по самой сходной цѣнѣ, то все-таки не останетесь въ убыткѣ.

Глюкъ назначилъ весьма умѣренную цѣну, но послѣ оживленнаго получасоваго спора, вынужденъ былъ повысить еще на десять процентовъ.

— Ну, такъ прощайте, — сказалъ, наконецъ, Де-Ганъ. — Зна-

чить, это дѣло рѣшено и подписано. Мы начнемъ печатаніе газеты съ одной тысячи экземпляровъ, а до какой цифри дойдемъ современемъ—это извѣстно одному Господу,—да будетъ благословенно Имя Его!—Переговорите на счетъ остального съ нашими редакторомъ. Да кстати у насъ сегодня понедѣльникъ, а первый номеръ долженъ выйти въ пятницу,—успѣете ли вы справиться съ своей задачей, мистеръ Леонъ?

— Разумѣется,—съ увѣренностью отвѣтилъ Рафаэль.

Но когда онъ приступилъ къ дѣлу, то убѣдился, что съ нимъ не легко будетъ справиться къ назначенному сроку. Никогда еще, даже во время самыхъ трудныхъ его экзаменовъ, не приходилось ему переживать такихъ мучительно тревожныхъ дней. Онъ вынужденъ былъ посвящать по шестнадцать часовъ въ сутки своимъ многотруднымъ редакторскимъ обязанностямъ и до поздней ночи не отрывался отъ работы, за исключеніемъ того вечера, который онъ такъ приятно провелъ у Гольдсмитовъ, разговаривая съ Есфирью.

Выпускъ перваго номера cadaго изданія всегда сопровождается разными непредвидѣнными препятствіями, даже когда оно печатается въ самой благоустроенной типографіи. Злодѣйскіе шпоны, литеры и прочія типографскія орудія точно вступаютъ въ заговоръ между собой и рѣшительно отказываются выполнять свои обязанности въ самую критическую минуту. А такъ какъ типографія Глюка никакъ не могли назваться образцовой, то въ ней на каждомъ шагѣ встрѣчались разные препоны и преткновенія, вынуждавшія ея владѣльца безпрестанно бѣгать на противоположный конецъ улицы, къ одному изъ братьевъ по профессіи, у котораго онъ могъ позаимствоваться недостающими ему типографскими принадлежностями. Поэтому наборъ каждой корректурной формы въ его типографіи сопряженъ былъ съ безпрестанными задержками и немовѣрными затрудненіями.

— Мои наборщики хотя и задерживаютъ иногда работу, но за то выполняютъ свое дѣло старательно и ничего не пропускаютъ

въ оригиналъ,—говорилъ обыкновенно Глюкъ въ оправданіе своей недлительности.

Но у его злополучныхъ наборщиковъ невольно вытягивались лица, когда имъ возвращались корректурные листы, испещренные массой поправокъ и походившіе на какіе то замесловатые іероглифическіе едники, а измученный и раздосадованный хозяинъ принимался ихъ же распекать, вбѣгая въ наборную, находившуюся за той самой перегородкой, которую онъ величалъ своимъ „Частнымъ помѣщеніемъ“.

Время быстро шло, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближалась и роковая пятница. Въ четвергъ не было подготовлено еще ни одной страницы, но Глюкъ старался успокоить взволнованнаго редактора, указывая ему на то, что утро еще только начинается, и что у нихъ нѣтъся цѣлый день впередъ. Рафаэль даже и понятія не имѣлъ о томъ, какъ печатается газета; но часовъ въ одиннадцать въ типографію забѣжалъ маленький Самсонъ и началъ объяснять ему, какъ онъ самъ набѣляетъ корректурные оттиски на бумажные листы; при чемъ довелъ свою любезность до того, что подъ аккомпаниментъ какой то веселой аріи собственноручно наклеилъ страницу. Рафаэль принялся въ горячихъ выраженіяхъ изъявлять свою благодарность за сдѣланное ему одолженіе, когда суетливый журналистъ и театраль, повертѣвшись еще нѣсколько минутъ въ типографіи, заявилъ, что ему пора опять отправляться на репетицію. Часы шли одинъ за другимъ, а дѣло какъ будто совсѣмъ не подвигалось впередъ, и многострадальный редакторъ, обуреваемый всевозможными сомнѣніями и опасеніями за судьбу народнаго первенца „Иудейскаго Стяга“, безпокойно расхаживалъ взадъ и впередъ, распространяя вокругъ себя клубы табачнаго дыма. Глюкъ являлся къ нему черезъ безконечно длинныя промежутки и вручалъ столбецъ, или полъ столбца набора. Онъ объяснялъ свое постоянное исчезновеніе тѣмъ, что ему приходилось лично присматривать повелуду, чтобы его рабочіе выполняли свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Когда же Рафаэль, замѣтивъ ему, что онъ не

видалъ, когда рабочіе уходили изъ типографіи объѣдать, выразилъ надежду на то, что Глюкъ, какъ гуманный хозяинъ, не заставитъ своихъ подчиненныхъ провести за работой единственный часъ, предоставленный имъ для отдыха и объѣда,—то почтенный типографщикъ заявилъ, что ему нѣтъ и надобности прибѣгать къ подобной шпірѣ, потому что его рабочіе такъ хорошо понимаютъ свои обязанности, что предпочтутъ наскоро закусить чѣмъ нибудь, захваченнымъ ими изъ дома, чѣмъ допустить, чтобы газета опоздала.— Къ тому же, — прибавилъ онъ въ заключеніе, — изъ наборной илѣется другой выходъ.—Тѣмъ не менѣе, благоразумный хозяинъ считалъ за лучшее не допускать молодого редактора до личныхъ сношеній съ своими рабочими подъ тѣмъ предлогомъ, что это можетъ нарушить введенную имъ дисциплину. Къ одиннадцати часамъ вечера были оттиснуты, наконецъ, и прокорректированы семь страницъ, о восьмой же еще и помину не было, а между тѣмъ нужно было еще отпечатать газету, осушить, сложить и заклеить въ обертки известное количество экземпляровъ, которіе къ тремъ часамъ утра необходимо было сдать на почту. Положеніе было совсѣмъ безнадежное. Въ довершеніи несчастія, умедливъ было Глюкъ вернулся назадъ черезъ четверть часа и объявилъ, что одинъ изъ готовыхъ уже столбцовъ восьмой страницы приходится набирать вновь, потому что онъ, будто бы, по небрежности одного изъ наборщиковъ, перемѣшавшаго шрифты, представлялъ совершенно невозможный „винегретъ“. Это былъ столбецъ съ послѣдними извѣстіями, которыхъ Рафаэль не читалъ даже и въ первой корректурѣ. Но Глюкъ уговаривалъ его не тревожиться изъ за такихъ пустяковъ и ѣхать домой, увѣряя, что онъ позаботится о томъ, чтобы его корректоръ какъ можно внимательнѣе прочелъ всю послѣднюю страницу и не пропустилъ бы въ ней ни одной ошибки.—Вы ужъ видѣли первый столбецъ этой страницы, а съ остальными имъ справимся и безъ васъ,—повторялъ онъ.— Будьте покойны, все сдѣлано будетъ, какъ слѣдуетъ, и вы получите номеръ газеты съ первой почтой.—Бѣдный редакторъ, из-

мученный и нравственно, и физически, кончилъ тѣмъ, что сдался на эти убѣжденія, и отправился домой съ послѣднимъ вѣстивидскимъ побѣдомъ. Успокоившись, наконецъ, онъ легъ въ постель и тотчасъ же заснулъ, убаюканный свѣтлыми надеждами на то, что съ Божьей помощью, онъ сумеетъ выполнить свою святую миссію.

Но въ семь часовъ утра, всѣ члены семейства Леоновъ были разбужены сильнѣйшимъ стукомъ, раздавшимся у дверей ихъ квартиры и заставившимъ полусонную Адди даже закричать отъ испуга. Вслѣдъ за этимъ, служанка просунула принесенную телеграмму въ дверь Рафаэля, который быстро вскочилъ съ постели.

„На третій столбецъ недостало матеріала, — прочелъ онъ въ телеграммѣ. — Приѣзжайте немедленно. Глюкъ“.

„Но какъ же это могло случиться? — съ растеряннымъ видомъ прошепталъ Рафаэль. — Вѣдь, смѣшанный столбецъ съ послѣдними извѣстіями былъ уже совсѣмъ готовъ, и его нужно было только набрать вновь, — отчего же вдругъ недостало матеріала?“

Одѣвшись кое-какъ, онъ взялъ извощика и стремглавъ полетѣлъ въ типографію. Когда же онъ обратился къ Глюку за разъясненіями, то несчастный типографщикъ, уставшій до полусмерти, въ смущеніи проговорилъ:

— Намъ, видите ли, ужъ некогда было передѣлывать „со-страцанный нами виногретъ“; а такъ какъ у насъ не было больше крупныхъ шрифтовъ, то намъ пришлось продолжать наборъ самыми маленькими шрифтами.

Глаза его были налиты кровью отъ бессонной ночи, а лицо покрыто желтоватой блѣдностью. Дверь въ „Частное помѣщеніе“ была открыта настежь.

— Наборщики не приходили еще? — осведомился Рафаэль.

— Нѣтъ еще. Вѣдь они, бѣдные, проработали до двухъ часовъ ночи, — тономъ собогданованія отвѣтилъ Глюкъ. — Что это у васъ — дальнѣйшій оригиналъ для набора? — радостно продолжалъ онъ, увидавъ въ рукахъ Рафаэля два лоскутка бумаги, на кото-

рыкъ онъ наарапалъ дорогой нѣсколько статейъ, озаглавивъ ихъ— „Талмудическіе рассказы“. — Ну, вотъ, и отлично, — этого будетъ вполне достаточно, и я сейчас же принюсь за дѣло.

— Но газета страшно запаздаетъ, — съ сокрушеніемъ проговорилъ бѣдный редакторъ.

— Да, конечно; но за то она выйдетъ передъ самымъ наступленіемъ субботы, а это всего важнѣе, — возразилъ повеселѣвшій Глюкъ. — Вѣдь, она нацѣловину уже отпечатана, — вотъ, смотрите! — прибавилъ онъ, указывая на лежащій въ сторонѣ ворохъ бумагъ, который Рафаэль принялся разсматривать съ замкраніемъ сердца. — Значить, намъ осталось теперь ужъ немного дѣла.

— А гдѣ же ваши машины? — спросилъ Рафаэль.

— Да вотъ она, — отвѣтилъ типографчикъ, указывая на единственный ручной станокъ, имѣвшійся въ его распоряженіи.

— Бать—этотъ станокъ! — съ изумленіемъ вскричалъ Рафаэль? — Неужели вы печатаете на немъ всѣ заказы и сами выполняете всю работу?

— Разумѣется, и самъ же складываю потомъ всѣ экземпляры и сдаю ихъ на почту, — спокойно проговорилъ неутомимый труженикъ. Съ этими словами, онъ взялъ дальнѣйшій оригиналъ и торопливо направился въ свое „Частное помѣщеніе“.

Просмотрѣвъ нѣсколько отпечатанныхъ страницъ, Рафаэль въ раздумьи началъ рассказывать по комнатѣ, какъ вдругъ дверь типографіи съ шумомъ растворилась и передъ нимъ предсталъ не кто другой, какъ нашъ пріятель Пинхасъ, съ наслажденіемъ затягивавшійся папиросой съ клеймомъ Шлезингера.

— А, наконецъ те я вижу нашего царя редакторовъ! — закричалъ поэтъ, подбѣгая къ Рафаэлю и восторженно чмокая его въ руку. — Я всегда говорилъ, что вы будете редакторомъ самой знаменитой газеты въ Англіи. Но почему же я не получилъ своего номера съ утренней почтой? Вы не должны слушать этого негоднаго мальчишку, Эбенезера, который, какъ я вижу, успѣлъ уже

вооружить васъ противъ меня и убѣрить, что я не имѣю права на полученіе газеты даромъ.

Но только что Рафаэль началъ было успокаивать подозрительнаго поэта на счетъ возней, затѣянныхъ, будто бы, противъ него новыиъ его врагомъ, какъ глаза его упали на вероухъ отпечатанныхъ листовъ газеты, и онъ стремительно накинулся на нихъ, какъ голодный ястребъ на свою добычу.

— А гдѣ же моя поэма... моя великая поэма?— съ отчаяніемъ закричалъ онъ на всю комнату.

Рафаэль въ смущеніи отвернулся въ сторону.

— Тутъ не вся газета, а только покровина, — уклончиво отвѣтилъ онъ.

— А, значить, мое произведеніе помѣщено на слѣдующихъ страницахъ? Да, помѣщено? — настойчиво повторилъ Пинкасъ, желая разсѣять мучительное сомнѣніе, закравшееся ему въ душу.

— Н-ѣ-тъ, — робко пробормоталъ Рафаэль.

— Нѣтъ!— съ прежнимъ отчаяніемъ завопилъ бѣдный поэтъ.

— Видите ли, — проговорилъ Рафаэль, собравшись, наконецъ, съ духомъ:— но еврейски вы пишете, можно сказать, образцовыя произведенія; что же касается до вашихъ англійскихъ стихотвореній, то они, по совѣсти говоря, не совѣиъ удовлетворительны. А мнѣ, право же, рѣшительно некогда было исправлять вашу поэму.

— Помилуйте!— съ оскорбленнымъ видомъ возразилъ поэтъ:— вѣдь, она нисколько не уступаетъ произведеніямъ Байрона. Ахъ, *mein Gott!* всю ночь я не смыкаю глазъ и съ нетерпѣніемъ жду, когда принесутъ мнѣ съ почты „Иудейскій Статъ“. Но вотъ и утро наступило, а „Статъ“ все нѣтъ, какъ нѣтъ! Ну, я, разумеется, наскоро одѣваюсь и лечу сюда, а тутъ мнѣ вдругъ заявляютъ, что моя неподражаемая поэма „не совѣиъ удовлетворительна“ и не будетъ напечатана. Ахъ, *Gott in Himmel!* какъ жестоки и несправедливы ко мнѣ люди! А, вотъ какъ!— не своимъ голосомъ закричалъ онъ вдругъ, схвативъ опять въ руки газету:— у васъ

туть печатается рассказ — „Вавилонскія воды“ за подписью этого глупаго мальчишки, Эбенезера, а моя поэма отвергнута! Ну! такъ вотъ же вамъ! — съ бѣшенствомъ прибавилъ онъ, разрывая страницу пополамъ, и стремглавъ выбѣжалъ изъ типографіи. Но только что Рафаэль присѣлъ было къ столу и углубился въ чтеніе послѣдней корректуры, какъ Пинхасъ опять подкрался къ нему и, дернувъ его слегка за фалды, съ умоляющимъ видомъ произнесъ: — Но, вѣдь, моя поэма все-таки будетъ напечатана — хоть въ слѣдующемъ номерѣ?

— Можетъ быть, — съ добродушной улыбкой отвѣтилъ Рафаэль.

— Нѣтъ, нѣтъ! Дайте мнѣ честное слово, что вы непремѣнно напечатаете ее въ слѣдующемъ номерѣ. Клянусь вамъ, что это послѣдняя моя просьба, и если вы исполните ее, то я буду любить васъ, какъ родного брата. Мы, впрочемъ, и такъ точно родные братья, — не правда-ли? Вѣдь, мы съ вами...

— Хорошо, хорошо, въ слѣдующемъ номерѣ ужъ напечатан, — перебилъ его Рафаэль, невольно засмѣявшись.

— Богъ да благословитъ васъ за это, голубчикъ! — восторженно вскричалъ поэтъ и, облобызавъ фалды сюртука своего молодого друга, выбѣжалъ изъ типографіи.

Но минутъ пять спустя, случайно поднявъ голову къверху, Рафаэль, къ величайшему своему удивленію, опять увидѣлъ черномазую фізіономію поэта, добродушно улыбающагося ему черезъ полуотворенную дверь. Эта уморительная фізіономія, съ умильнымъ выраженіемъ въ глазахъ и съ указательнымъ пальцемъ, какъ будто прирощеннымъ къ носу, казалась точно окаменѣлой.

Первый номеръ „Иудейскаго Стата“ вышелъ въ тотъ же день, послѣ полудня.

Цар. С. Федоровичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОКЛЯТІЕ ІОУАМА.

Виблейское сказаніе.

(Книг. Суд. Израилев., IX).

I.

...Пришелъ въ Сихемъ онъ и сказалъ:

„Кого хотите править вами?

„Всѣхъ—тѣхъ, кого Еровааль

„Звалъ Гедеона сыновьями;

„Иль одного—чья мать была

„Красой красы въ родномъ Сихемѣ!“

И кличь его былъ прерванъ всѣми;

„Ты—будь для насъ щитомъ отъ зла,

„Сынъ Гедеона, старшій въ родѣ!“

И всѣ склонилися въ нему,

И вникъ по городу всему

Онъ возвеличился въ народѣ...

Съ толпой наемниковъ лихихъ

Попелъ онъ въ Офру—гордь собою—

И городъ ваялъ на щитъ безъ бою,

Въ немъ истребивъ враговъ своихъ;

Ихъ—было семьдесятъ, всѣ—братья,

Всѣ—вышней волею Творца

Сыны дѣлившихъ пылъ вбѣгать

Авимелехова отца...

Но не могли найти убійцы
 Угони! Того, кто звался Іоамъ, —
 Онъ, младшій въ родѣ былъ и самъ
 Исчезъ изъ глазъ братоубійцы...
 Рабыни сынъ сталь выше всѣхъ;
 Толпа рабовъ возликовала,
 Узнавъ, что царь — Авимелехъ,
 Сынъ суди Ероваала...

II.

...И съ горы Гаризима къ сихемлянамъ
 Поднялъ голосъ тогда Іоамъ:
 „Властою силой Своей покорять всѣ народы и земли намъ
 „Только Ты, Егова, откровеніе давший отцамъ!
 „Вы — сихемскіе мужи, внимайте Открывшему
 „На Синаѣ скрижали законовъ Своихъ
 „И меня, Гедеонова сына, на рѣчь Вдохновившему!..
 „Пригчей рѣчь я научу. Ойна тайная въ нихъ...
 * * *
 „Выбирали деревья царя, съ нетерпѣніемъ,
 „И сказали маслинѣ они!
 — „Царствуй въ царствѣ деревь!“ — Но отвѣтила та имъ
 съ презрѣніемъ:
 „— Мнѣ-ль оставить мой тукъ, съ вопареніемъ?
 „Мнѣ-ль начать по деревьямъ скитанья безплоднаго дни?“
 ..!ѣтнмъ
 „И сказали деревья кусту виноградному:
 — „Вопаряйся надъ нами, лоза!“

- „Я-ль покину отраду всему безотрадному,
 „Сокъ, боговъ веселящій? Я-ль царству деревъ неогнѣдному
 „Все отдамъ, чуть ударить весенняя гостя-гроза?“
- „Туть деревья воскликнули терну колочему:
 — „Ты во царствѣ деревъ вопарись!“
- „И прилась рѣчь деревьевъ по сердцу терновника жгучему;
 „И отвѣтилъ терновникъ зеленому царству могучему:
 — „Коль по-истинѣ ставишь меня ты царемъ, покоришь..
- „Упокойтесь, деревья, подъ сѣнью мою вѣтвистою,
 „Если истина—въ вашихъ устахъ!..
- „Если-жъ зло и безправье, то молией яро-звѣстною
 „Изъ терновника выйдетъ огонь и промчится надъ чащей
 гнѣвною
 „И сожжетъ все—грядущимъ побѣгамъ на страхъ!..“
- * * *
- „Это—притча... Но—праведне-ль вы поступаете,
 „Что царемъ у васъ Авимелехъ?
 „Что отца моего, Гедеона, за гробомъ покой возмущаете;
 „Что наложницы сына превыше поставила всѣхъ?!
- „Если вы поступили по истинѣ-правдѣ Божественной
 „Съ Гедеоновымъ домою теперь,
 „То—возрадуйтесь братоубійцы побѣдѣ торжественной,
 „Храма славы великой отверзшей вамъ дверь!..
- „Если-жъ нѣтъ,—то падеть на славы вамъ проклетіе!..
 „Отъ царя къ вамъ излететь огонь, —

„И погибнетъ въ огнѣ весь вашъ домъ, весь вашъ родъ,
безъ изъятія,—

„Жены, мужи и дѣти, и всадникъ, и конь!..”

„А царя-судію отъ Сихема ваметнувшимся пламенемъ

„Опалить и убьютъ въ тотъ же мигъ...”

„И пройдетъ вѣсть о томъ по Израилю Бога-Карателя
знаменьемъ!..”

Такъ сказала Іоѳамъ и пророчески-скорбно поникъ...

III.

Цариль спокойно властелинъ

Авимелехъ, рабыни сынъ;

И крѣпко, мощною рукой,

Добытый кровью скипетръ свой

Держаль онъ... Шель ужъ третій годъ

Съ тѣхъ поръ, какъ ввѣрился народъ

Своей судьбой—судьбѣ его...

Вдругъ долетѣла до него,

До Офры, гулая молва,

Что смуты сорная трава

Взошла въ Сихемъ,—что Гааль,

Еведа сынъ, себѣ собралъ

Толпу мятежниковъ и съ ней

Смутить сихемскихъ всѣхъ мужей,..

Сихема буйные сыны!

Дни ваши были сочтены

Давно властительной судьбой!..

Соплились два войска; грянулъ бой;

Одно—отброшено отъ стадъ
 И побѣжало; вьзаты въ плѣнъ
 Царемъ мятежники-вожди...
 Но было утро впереди!..
 А утромъ—новый бой народъ
 У городскихъ завель воротъ;
 И былъ разбитъ во прахъ Гааль..
 Былъ вечеръ; вечеръ—не засталъ
 Ни стѣнъ сихемскихъ, ни домовъ:
 Весь городъ былъ сожженъ и въ ровъ,
 Гдѣ тучно плевелы росли,
 Сметенъ былъ прахъ его съ земли...
 Но встрѣтить новую зарю
 Пришлось въ послѣдній разъ царю:
 Толпу послѣднихъ сихемлянъ
 Въ священной башнѣ сжегъ тиранъ
 И—гордъ побѣдою—въ Тевецъ
 Пошелъ смирить мятежъ въ конецъ...
 А тамъ—ждала его судьба...
 Женой сихемскаго раба,—
 Столкнувшей слабою рукой
 Съ разбитой башни городской
 Тяжелый камень,—тотъ убить,
 По волѣ чьей сожженъ и срыть
 Сихемъ съ лица родной земли..
 Подъ камнемъ—трупъ царя нашли...
 Сбылось, сбылося по словамъ
 Твоихъ проклятій, Иоамъ!..

Аполлонъ Коринскій.

Могильщикъ Абрамъ и казначей Николай Карповъ.

„Дѣла давно минувашихъ дней“...

Пушкинъ.

Абрамъ сегодня не въ духѣ и лицо его, съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, какъ и его понюхъ, всегда представлявшее собою одну сиюмошную морщину, кажется сегодня еще морщинистѣе. И синяя его точно еще больше согнулась, и глаза слезятся больше обыкновеннаго и даже большая сѣдая борода его точно вновь темнѣть стала. Что бы это значило? Ахъ да, вспомнилъ!.. Сегодня первое число, и старый Абрамъ идетъ изъ казначейства, удѣ получилъ свою трехрублевую пенсію. Не потому, конечно; онъ не въ духѣ, что тридцать лѣтъ тому назадъ ему назначили пенсію въ размѣрѣ всего трехъ рублей въ мѣсяцъ; напротивъ, ему одному, изъ всѣхъ сослуживцевъ единовѣрцевъ, такое счастье только и выпало, а жить его несчастная случайность, что вотъ ужъ около двадцати лѣтъ, какъ деньги эти онъ получаетъ черезъ руки человѣка, котораго такъ же давно не любить, какъ знаетъ.

Солжыскій губернскаго казначей Николай Карповичъ Карповъ—человѣкъ всѣми уважаемый, но у могильщика Абрама живутся съ нимъ старыя счеты, возбуждающіе въ Абрамѣ къ Карпову чувства, прямо противоположныя уваженію.

Абрамъ знаетъ и не любить Николая Карповича съ 1884 года, когда нинѣшній Николай Карповъ былъ еще Мошкой Керпелъ и вѣдѣтъ съ нимъ, Абрамомъ Ондеромъ; жила въ «отдѣленіи». Познакомились они еще раньше, въ дорогѣ, когда нѣтъ вѣдѣтъ съ партией въ девяносто «человѣкъ» такихъ же, какъ и они, дѣтей 9—11 лѣтъ везли изъ Минска въ Солянскъ.

За четыре мѣсяца, вѣдѣтъ проведенныхъ въ дорогѣ, они другъ друга близко узнали. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось тогда Абраму, сильно привязавшемуся къ Керпелю, мальчику бойкому, живому, ушному, а глав-

ное—знавшему въ свои всего десять дѣтъ не только много Библии, но и Талмудъ, тогда какъ Абраамъ, круглый сирота, едва-едва молитвы читалъ.

Когда сначала во Владимирѣ, а потомъ въ Кавани ихъ стали «склонять» къ оставленію іудейства, Керпель былъ одинъ изъ первыхъ, категорически отказавшихся, что значительно подняло Керпеля въ глазахъ многихъ, а въ глазахъ Абрама въ особенности. Но за то, когда они прибыли въ Солиныйскъ, и иѣды «склоненія» стали болѣе ощутительны, хоть же Керпель первый сдался. Ахъ, этотъ день на всегда останется памятнымъ для Абрама,—день, въ который Абраамъ потерялъ друга, который могъ зашѣпить ему мать, братьевъ и сестеръ. Много воды протекло съ тѣхъ поръ, много слезъ лилъ еще Абраамъ много разъ послѣ этого, много другихъ тяжелыхъ дней пережилъ онъ, а этого дня все забыть не можетъ, хотя многое уже совсѣмъ позабылъ. Вѣдь вотъ, точно вчера все это было. Капральный восьмой роты, куда вся приблившая еврейская дѣтвора была опредѣлена, съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ успѣховъ и роста, быть переводимой въ седьмую, шестую и т. д. роты до первой, откуда уже всѣ, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, выходили на дѣйствительную службу—привался не столько за обученіе дѣтей, сколько за ихъ обращеніе.

Особенное вниманіе капрала-миссіонера обращено было еще конвойнымъ начальствомъ на Мошну Керпеля, аттестованнаго за самаго умирнаго и потому подающаго дурной примѣръ другимъ.

— Два дѣд, сударь,—рассказывалъ Абраамъ,—мать фотъ не давали, а кушать не на что и нельзя было,—не выпускали, а на третій, значить, день пришелъ въ роту капральный и привелъ съ собой десять человѣкъ дюжихъ солдатъ. Тутъ же разложено было всего четыре розогъ.

— Стройся!—скомандовалъ капральный.

Мы все живые отъ истощенія и страха, едва ноги передвигая, выстроились.

— Слушайте, дѣти!—началъ капралъ миссіонеръ настолько мягкимъ голосомъ, насколько это позволяла ему его капральская привычка.—Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я съ вами баладаюсь: толковалъ вамъ, тутъ ли не по десяти разъ на день, что ваше умирство ни къ чему путному не приведетъ... буду драть и драть... Больше разговаривать съ вами не стану, потому—начальство требуетъ: не ложиться же мнѣ за васъ, парятыхъ, подъ розги!—Тутъ голосъ капральнаго опять возвысился.

— Кто жалевать жирныхъ щей и кашн съ масломъ—маршъ направо, а кто одной березовой кашн — налево!—скомандовалъ капральный.

Никто съ мѣста не шевельнулся.

лучшему спору его съ товарищами, вдругъ почему-то усомнился въ его искренности. Не долго думая, онъ рѣшилъ проверить свои подозрѣнія.

— Мошка Корналь, поди сюда!— крикнулъ онъ.

Несчастный Николай Карповъ, забивъ въ шилу спора о сущности нововъ иномъ, тотчасъ подбѣжываетъ къ капральному и затягивается въ струнку.

Капральный перевелъ его отъ злости, и на несчастнаго Карпова посыпались удары сначала по лицу руками, а потомъ по члѣмъ и члѣмъ пощипало.

— Розогъ!— крикнулъ капральный и черезъ нѣсколько минутъ только и былъ слышенъ что свистъ розогъ, какъ какъ Карповъ лежалъ уже безъ голоса и сознанія.

Черезъ нѣсколько Карповъ вышелъ изъ лазарета—уже безъ признаковъ, но и безъ прежняго усердія къ неслыханной дѣятельности. Съ тѣмъ вѣсомъ своей недюжливой удачи и всю свою энергію Карповъ направилъ на дѣло вещи: возможно большіе успѣхи въ протной наукѣ и сколачиваніи пошлѣнки, силъ которой онъ скоро позволялъ, присматриваясь къ отношенію начальства своего къ товарищамъ казновиснаго, члѣмъ родными или родственниками— изъ солдатскихъ дѣтей и крестные оны и матери вырощенныя — тако называли «отдѣленія» не въ одѣжи «уотныи» руданы..

Стать однимъ изъ первыхъ по «науканъ» Карпову нѣмного труда стоило: мальчикъ онъ былъ способный, но по части денегъ дѣло было нотруднѣе, и Карповъ рѣшилъ не пренебрегать средствами для добыванія ихъ...

— Сейчасъ имъ уданъ и источникъ его доходовъ.

Дѣти: мущенки, ошриванія отъ семьи въ такомъ возрастѣ, когда отсутствіе ласки болѣе всего ощущается, должны были искать себѣ утѣшенія хоть въ члѣмъ нибудь. Такіе утѣшители для нихъ были «отдѣленія», предаваясь которой оны могли въ очень рѣдкихъ случаяхъ...

— До Казани,— рассказывалъ Абрамъ,— обращались съ ними довольно мягко, но тѣмъ ближе къ Ураку, тѣмъ сопровождавшие ихъ солдаты становились грубѣе и тѣмъ чаще синались на нихъ зуботычины, побой и рожки. Въ В—иъ казенномъ заводѣ имъ стали разыскивать сироты.

— Нѣтъ у насъ пошлѣ, касаткии кон, сироты,— сказала одна древняя старушка.— Были тутъ, сказывали старыи; когда-то дѣди, кто-то рая: вѣдето восприсѣнъя субботу, справляли и свинины не бли, да' новыперли всѣ. У нихъ даже кладбище свое особое было,—сказала старушка.

— А ты, бабушка, знаешь, гдѣ это кладбище?— спросилъ дѣти.

— Какъ же, дѣтки, какъ же, знаю, — сказала старушка.— Ошривомъ дѣтей на небольшой дустарь, усьяный немыслимыми хурганомъ и обломками кирпичей. Скоро по заброшенному кладбищу разнеслась горячая

дѣтская молитва, соврѣщенная: стѣнныя рыдающія молитвы. Собрался толпа мастеровъ, бабъ и дѣтей; по какому-то уговору армянца имъ тоже разрешалось читать стѣнныя молитвы. Но онъ этого не хотѣлъ.

Тогда солдаты и некоторые плакали, и не переставало, а увы, и изъ кладбища дѣтей и позволены имъ покланяться въ оный.

Открыто молиться строго воспрещалось, призывались почитать, когда другіе молятся, и не смѣло вѣнчать.

Оставшіеся въ еврейскіхъ католикахъ, въ началѣ вѣрека католики; рѣшили покланяться вѣстѣ по случаю перевода въ шестую роту. Переходя изъ роты въ роту, обусловленнымъ болѣе въ армянскій мѣсяцъ успѣхъ, бывалъ, однако, великая соблазна въ жизни католиковъ вообще, и евреевъ въ особенности, такъ какъ съ каждымъ такимъ переходомъ они приближались къ тому несчастному времени, когда назначался «дѣйствительный» служба.

Усвоено было, что, когда товарищи армяне и евреи не дунуть, всѣ соберутся въ одинъ уголъ и приступятъ къ молитвѣ. Дѣлъ была въ концѣ лета и они, но дѣла еврейскаго казначея въ вѣнчаньи не знали, но поняли, однако, что въ это время будетъ «Свѣдѣе Дене». Рѣшено было этотъ праздникъ проводить въ строну.

Для свѣтѣ вѣнчанья поминала два сѣбякавшие громады въ строну казначея, бровнистая дѣвка, которой стали отразать на себѣ колнообразныя тѣла дагавникая въ одну сторону людей, собравшихся въ уголъ, въ вѣрѣ, на которой зналъ Аврамъ «Оферъ». Молитва, которая была классическимъ «Коль-Нидре», тихая и горячая, по обстановкѣ, беззвучному горю, молчалива, напоминающая себѣ и строну, и вѣнчанья самого «Коль-Нидре» — покаяніе, мѣрность и сердце, вѣнчанья вѣнчанья. Садство это увеличилось еще дѣтъ, что въ вѣнчаньяхъ предсказывалось жѣтѣ, сколько-то вѣнчанья, въ вѣнчаньяхъ, вѣнчаньяхъ.

По неизбѣжнѣ молитвенныя колыбельныя проносились, вслухъ, всѣмъ, что хотѣли, но это инпривизированное богослуженіе заключало, однако, въ себѣ достаточно, чтобы наболѣвшія сердца были растроганы.

Аврамъ, вѣнчанья всѣхъ знавшій молитвъ, навусть, стоялъ позади. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то его слегка потянулъ за рукавъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ совершенно одѣтаго Карпова.

— Тебѣ чего надо? — спросилъ Аврамъ, когда они незапно для молчаливца отошли на середину комнаты.

— Чего надо? — переспросилъ Карповъ. — Знаешь, небось, а еще спрашиваешь. — сказалъ онъ, пятясь къ дверямъ.

— Да откуда и почему тебе, и кому ты будешь давать, когда ты уже не будешь ни кому ни в чем полезен? — спросил одним из товарищей.

Из полящихся никто не заметил знаков, какие передавал им Илья, а закончивши уса, слышавшая, и когда продолжал говорить Карпову. — Слушай, Машка, этому надо положить конец. Прощай ты лучше в другой город, если не хочешь оставаться со мной вполноты. Так и знай, что мы с тобой рано или поздно распрямимся, и мы с тобой до конца не будем держаться, но мы не хотим друг другу мешать отсюда. — И он вышел из лагеря, и остался один в лагере.

Чего ему, Абраму, сказали, не испугавшись Карпову. Видя, а только потому спросил, что случилось, и слышавши, так и не выходя из лагеря, и остался один в лагере.

— То-то же надо! Ноня же, это последний раз, — сказал Абраму и вернулся из товарищам, которым передавал, что он отъезжает сейчас раздать всегда Карпову, и сказать в деньгах и деньгах тотчас разойтись на иванов.

— Не ушли они, однако, с места еще двести, как в отдаленном месте влетела направила и двести вей были на ногах.

Как стадо овец, застигнутое грозой, бьются в кучу, так и испугавши себя, и в полноте положения в некоторых случаях было самое отчаянное, стали прятаться друг к другу. Явились сады и все было переизменено и разбито в кучу и как конно.

Утром из судана, и четвертой вей в безмятежной донии уже в извергах.

Когда они переезжали, и все было рассказано не разный заводья.

Между солдатами английскими не осталось ни одного европ. Хотя в этот же день и прибыла команда английских солдат, в числе девяти человек, но их носили в руку и так вейх окрестили. Крестный отряд из был бывший Машка Карпов.

Благодаря доносу Машки Карпова, Абраму не успев хорошо научиться сапожному ремеслу, потому что был из шестой роты переведен на действительную службу.

Когда его вез через шестнадцать верст обратно в Солянск, он был неслыханно удивлен, что нашел тут и не целую сотню своих единовѣрцев на действительной службе. Тут были и некоторые бывшие его товарищи по «отдѣлению». Он своим ушам и глазам верить не

и все служилъ бы, а негроточка... **Авраамъ**...

Скоро уже... **Авраамъ**... **Кладбище**... **Авраамъ**...

Доброе слово... **Авраамъ**... **Кладбище**... **Авраамъ**...

«Ахъ, господи, господи! — сказалъ мнѣ какъ-то **Авраамъ**: — Поверьте, ни одинъ человекъ въ цѣломъ мірѣ, кромѣ еврея, не можетъ быти евреемъ... Перестать же быти евреемъ всякій служитъ.

Д. Зайцевъ

...**Авраамъ**... **Кладбище**... **Авраамъ**...

...**Авраамъ**... **Кладбище**... **Авраамъ**...

ПСАЛОМЪ СXLIV.

Благословенъ Господь, оплотъ мой и скала!
Онъ — мой приютъ, мое спасенье!
Онъ духъ мой научилъ бороться противъ зла
И руки укрѣпилъ на грозное сраженье.
Господь мой! Что Тебѣ ничтожный сынъ земли?
Что человекъ Тебѣ? Онъ — вѣтра вздохъ мгновенный.
Всѣ дни его — лишь тѣнь, во прахѣ и въ пыли
Мелькнувшая безслѣдно во вселенной.
Господь мой! Небеса къ землѣ Ты преклони!
Сойди, и горь коснись десницею могучей,
И пусть ихъ разорвутъ мятежные огни,
И стрѣлы молніи ударятъ въ нихъ изъ тучи;
И руку мнѣ простри съ небесной вышины;
Избавь меня отъ водъ и отъ сыновъ чужбины:
Ихъ злобныя сердца отравою полны;
Уста ихъ — зло и ложь, и клятвы ихъ змѣины.
Торжественную пѣснь я воспую Тебѣ,
И буду вторить ей на арфѣ многострунной.
О, Господи мой! Ты Давида вягль мольбѣ
И былъ спасень Тобой пѣвецъ святой и юный —
Спаси-же и меня отъ бѣшенной волны,

Избавь отъ хитрыхъ рукъ, отъ рукъ сыновъ чужбины—
 Отъ злобы, отъ дѣпей враговъ моей страны:
 Уста ихъ—зло и ложь, и клятвы ихъ змѣины,
 Сыны страны моей всѣмъ радуютъ сердца.
 Подобны свѣжестью они — весны побѣгамъ,
 А наши дочери, какъ статуи дворца,
 Блистаютъ красотой, влекутъ къ любви и нѣгамъ.
 Всѣ житницы у насъ полны и закрома.
 Стада овецъ у насъ красуются по нивамъ,
 И тяжелы волы и нѣтъ на нихъ ярма,
 И города цвѣтутъ въ спокойствіи счастливомъ.
 О, слава той странѣ, гдѣ ясный миръ царитъ!
 Народу — что живетъ такъ мирно и такъ свято!
 Что сердцемъ и душой онъ Бога въ небѣ чтитъ
 А на землѣ чтитъ въ ближнемъ — брата!

А. Бедоровъ.

О ХОДѢ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ

ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ ВЪ 1893—1894 г.

(Читано въ Общезъ Собраніи Одесскаго отдѣленія „Общества распространія Просвѣщенія между евреями въ Россіи“, 9 апрѣля 1895 г.)

Два года тому назадъ Комитетъ Одесскаго отдѣленія «Общества распространія просвѣщенія между евреями» рѣшилъ придти на помощь предпринятымъ мною подготовительнымъ работамъ по русско-еврейской исторіи. Была ассигнована и предоставлена въ мое распоряженіе опредѣленная сумма на расходы по собиранію необходимыхъ историческихъ матеріаловъ. Благодаря этому содѣйствію, удалось довершить ту скромную предварительную организацію историческихъ работъ, которую я вринялъ на себя впрѣдъ до возможности организаціи болѣе совершенной, въ формѣ проектированнаго мною «Русско-еврейскаго историческаго общества». Начатое еще въ 1891 году дѣло собиранія историческихъ матеріаловъ значительно расширилось за послѣдніе два года (1893—1894) и привело къ весьма существеннымъ результатамъ, о которыхъ я считаю своимъ долгомъ дать вамъ обстоятельный отчетъ. Вѣротъ съ тѣмъ позволю себѣ сообщить вамъ и нѣкоторыя общія свѣдѣнія о движеніи нашихъ предварительныхъ историческихъ работъ за эти два года, поскольку такія свѣдѣнія представляютъ не только научный, но и общественный интересъ.

Подготовительныя работы по исторіи евреевъ въ бывшей Польшѣ и Россіи слаются изъ трехъ главныхъ отраслей, а именно: 1) *собираніе* соответствующихъ историческихъ матеріаловъ, какъ изданныхъ, такъ и хранящихся въ рукописи, а также устныхъ свѣдѣній, народныхъ преданій и вещественныхъ памятниковъ старины; 2) *публикація* собранныхъ матеріаловъ или наибажѣйшей ихъ части; 3) *научная разработка* всего этого разнообразнаго матеріала и установленіе на

его основаніи опредѣленныхъ историческихъ выводовъ. Каждая изъ этихъ отраслей работы въ отдѣльности приближаетъ насъ, въ большой или меньшей степени, къ намѣченной цѣли; соединенныя же вмѣстѣ, онѣ образуютъ организованную силу, направленную къ раскрытію всѣхъ сторонъ нашего многовѣковаго прошедшаго и къ созданію полной прагматической исторіи польско-русскихъ евреевъ.

Въ этомъ порядкѣ я и расположу здѣсь свѣдѣнія объ организаціи и движеніи нашихъ подготовительныхъ работъ. Сперва сообщу о ходѣ собранія историческихъ матеріаловъ въ 1893—1894 годахъ, затѣмъ—о публикаціи и научной работѣ ихъ, наконецъ—о наиболѣе важныхъ результатахъ, достигнутыхъ всей этой работой за указанное время.

А. Собираніе историческихъ матеріаловъ.

Согласно обнародованной мною въ 1891 г. программѣ и дальнѣйшимъ указаніямъ опыта, работа по собранію историческихъ матеріаловъ состояла въ послѣднее время изъ слѣдующихъ пунктовъ:

1) Собираніе *печатныхъ источниковъ*, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ исторіи евреевъ въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи. Таковы напримѣръ: а) акты и документы о евреяхъ, разбросанные въ многочисленныхъ изданіяхъ ученыхъ обществъ и археографическихъ комиссій, польскихъ и русскихъ; б) еврейская литература въ Польшѣ и Россіи, начиная съ XVI вѣка: книги раввинскія, проповѣдническія, философскія, литургическія и другія, которыя въ своей совокупности даютъ непосредственный матеріалъ для исторіи нашего умственного развитія, но въ извѣстныхъ своихъ частяхъ могутъ служить также источниками свѣдѣній о политическихъ судьбахъ, общественномъ самоуправленіи и бытовомъ строѣ евреевъ въ былыя времена; в) еврейскія, польскія и русскія лѣтописи и собранія законовъ; г) изслѣдованія, монографіи и замѣтки, относящіяся цѣлкомъ или отчасти къ нашему предмету; е) вспомогательные источники, справочныя книги и пр.

2) Собираніе *рукописныхъ источниковъ*, въ подлинникахъ или въ копіяхъ. Сюда относятся: а) Шивкосы, или старинныя автографы книгъ различныхъ еврейскихъ общинъ, синагогъ, учреждений и союзовъ; б) акты и документы о польско-русскихъ евреяхъ, хранящіеся въ государственныхъ архивахъ или

въ рукописныхъ отдѣленіяхъ публичныхъ и университетскихъ библіотекъ; с) манускрипты историческаго характера, хранящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ; d) записки очевидцевъ или современниковъ о событіяхъ недавняго прошлаго (преимущественно—первой половины 19-го вѣка), составляемыя по моему порученію лицами свѣдущими и надежными на основаніи ихъ собственныхъ воспоминаній или слышанныхъ ими достовѣрныхъ разсказовъ.

3) Собираніе *мѣстныхъ памятниковъ старины*: надгробныхъ надписей на древнѣйшихъ кладбищахъ еврейскихъ общинъ, народныхъ преданій, свѣдѣній объ обычаяхъ историческаго происхожденія, о мѣстныхъ праздникахъ или постахъ, молитвахъ и обрядахъ, установленныхъ въ память историческихъ событій, о древнѣйшихъ синагогахъ, выдающихся духовныхъ или общественныхъ дѣятеляхъ етс.

Районъ этихъ *мѣстныхъ* собирательныхъ работъ, какъ видите, весьма обширенъ. Сюда входятъ всѣ древнѣйшіе города и мѣстечки западной Россіи и Царства Польскаго, Галиціи и Восточной Пруссіи. Такая работа возможна только при участіи многихъ сочувствующихъ дѣлу лицъ. Нужно было привлечь къ дѣлу, во многихъ пунктахъ означеннаго района, сотрудниковъ, собирателей историческихъ памятниковъ и надежныхъ корреспондентовъ, поддерживать съ ними переписку, указывать имъ, что собирать, и вообще руководить ихъ работами. Эта организація мѣстныхъ собирательныхъ работъ, начатая мною еще въ 1891 г., упрочилась въ особенности за послѣдніе два года, благодаря вышеупомянутому содѣйствию Комитета, періодическимъ воззваніямъ въ различныхъ еврейскихъ повременныхъ изданіяхъ и повсемѣстной разсылкѣ обнародованныхъ мною брошюръ и программъ.

Всѣ эти работы по собиранію историческихъ матеріаловъ требовали, помимо труда, и извѣстныхъ денежныхъ затратъ.

Предоставленныя въ мое распоряженіе Комитетомъ средства были распределены, хотя и неравномѣрно, между вышеуказанными пунктами, какъ усмотрите изъ слѣдующаго цифроваго отчета за 1893 и 1894 годы:

ПРИХОДЪ.

Получено отъ Комитета въ 1893 году	154 руб.
” ” ” ” 1894 ”	300 ”
Всего за два года	454 руб.
	1*

РАСХОДЪ

1) На приобретение печатныхъ источниковъ	260 р. 66 к.
2) " " рукописей	58 " 27 "
3) " вознаграждение любителей собирать и переписывать документы и на вознаграждение надержекъ корреспонденцамъ	60 " 40 "
4) Почтовые и другіе малые расходы	32 " 63 "
Всего израсходовано за 1893—94 гг.	
Остается на 1895 годъ	
	406 р 66 к. 47 " 14 "

ПРИОБРЕТЕНО за 1893—1894 г.

- 1) Рукописей (9 подлинныхъ и 7 копій) . . . . . 16 названій,
- 2) Печатныхъ книгъ . . . . . 130 названій въ 169 томахъ.
- 3) Документовъ отдѣльныхъ . . . . . 48 номеровъ.

ПОЛУЧЕНО.

Сообщеній и писемъ съ истор. свидѣніями . . . 211 номеровъ.

РАЗОСЛАНО.

- 1) Брошюры „Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ“. . . . . 34 экземпляра.
- 2) " " и программы на евр. языкѣ (תרומה ליהודים) . . . . . 190 "
- 3) Воззванія на русскомъ языкѣ . . . . . 115 "

Изъ этихъ цифръ видно, что наибольшее вниманіе обращалось въ отчетное время на собираніе печатныхъ источниковъ. Необходимо было заботиться прежде всего о приобрѣтеніи тѣхъ стронительныхъ матеріаловъ и орудій производства, которые даетъ намъ существующая уже литература на еврейскомъ, польскомъ, русскомъ и иныхъ языкахъ. Эта сторона дѣла въдобавокъ не зависѣла отъ случайностей въ такой степени, какъ напр. дѣло собиранія рукописей и архивныхъ документовъ. Благодаря сношеніямъ съ книгопродавцами и антикваріями въ Россіи и за границей, я постоянно получалъ отъ нихъ требуемыя книги, въ томъ числѣ и старинныя изданія, составляющія библиографическую рѣдкость. Приобрѣтались книги всѣхъ перечисленныхъ выше категорій. Преобладаютъ сборники актовъ и законовъ, польскія лѣтописи, свѣтскія и церковныя, вспомогательныя и справочныя книги. Изъ старинныхъ библиографическихъ рѣдкостей, которыя мнѣ удалось достать послѣ долгихъ поисковъ, назову: «Zwierciadlo Korony Polskiej» С. Мичинскаго, изданія 1618 г., и «Process Kriminalny» есендза Жуховскаго, изданія 1713 года—двѣ книги, проливающія свѣтъ на юдофобскую агитацію въ началѣ XVII и XVIII вѣковъ. Составлена и порядочная коллекція книгъ по раввинской литературѣ XVI и XVII столѣтій. Такимъ образомъ, положено прочное начало *библиотекъ печатныхъ источниковъ*, которая,

при дальнѣйшихъ приобрѣтеніяхъ, можетъ достигнуть черезъ нѣсколько лѣтъ значительныхъ размѣровъ. До совершенной полноты, конечно, еще далеко, ибо количество источниковъ, причисляя сюда и всю старопечатную литературу, очень велико, и на приобрѣтеніе всѣхъ ихъ не хватило-бы и гераздо болѣе крупныхъ средствъ, чѣмъ тѣ, которыми мы располагаемъ. Нужный историческій матеріалъ разбросанъ крупницами во всѣхъ указанныхъ отрасляхъ литературы, равноязычной и многоязыковой. Весьма часто приходится приобрѣтать книги, гдѣ о еврейскъ имѣется всего нѣсколько документовъ или эпизодовъ, или такіа, которыя имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ предмету наслѣдованія. Вдобавокъ есть множество книгъ, изданныхъ въ прошлыя столѣтія и болѣе не перепечатывавшихся: ихъ приходится разыскивать годами у антикваріевъ и частныхъ лицъ. Однако, невозможность идеальной полноты въ этомъ отношеніи не избавляетъ насъ отъ обязанности стремиться къ полнотѣ возможной и при данныхъ условіяхъ достижимой.

Изъ 16 *рукописей*, приобрѣтенныхъ покупкою или полученныхъ безвозмездно за послѣдніе два года, особенно важны слѣдующія: 1) копія *Литовскаго Пинкоса*, т. е. протокольной книги литовскаго кагално-раввинскаго сейма, хранящейся въ библіотекѣ М. Странуна въ Вильнѣ. Акты этого Пинкоса относятся ко времени между 1662 и 1761 г.; 2) нѣсколько уцѣлѣвшихъ листовъ Пинкоса «Синода четырехъ земель», въ подлинникахъ 1653—1672 г., присланныхъ мнѣ въ даръ дубенскимъ раввиномъ г. Х. Маргольенкомъ; 3) копія древняго молитвенника Пинчовской синагоги, писаннаго на пергаментѣ и заключающаго въ себѣ много свѣдѣній о евреяхъ-мученикахъ въ Польшѣ въ 17-мъ вѣкѣ; 4) коллекція рукописей, подлинныхъ и въ копіяхъ, относящихся къ исторіи хасидизма въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Изъ нихъ особенно важны два сборника документовъ по исторіи еврейскаго религіознаго раскола: одинъ (подъ заглавіемъ *עליוס תשובה*) заключаетъ въ себѣ раввинскія посланія противъ хасидовъ, между 1781—1798 годами, а другой (п. в. *עניני חסידות*) составляетъ болѣе точный вариантъ антихасидской рукописной книги р. Давида Макова, известной подъ именемъ *עניני חסידות*; 5) записка о Межирицкомъ дѣлѣ по обвиненію евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ въ 1816 г., составленная по воспоминаніямъ и документамъ Я. Шапиро изъ Межириччя; 6) записка о такомъ же дѣлѣ въ м. Бобовнѣ, Минской губерніи въ 1829 г.,

составленная внукомъ пострадавшаго, нынѣ раввиномъ въ м. Крожахъ, Ковенской губ.; 7) подлинный Пинкосъ Кейданскаго еврейскаго ремесленнаго цеха отъ 1806—19 г., присланный г. С. Бернштейномъ черезъ редакцію «Восхода»; 8) копія съ Пинкоса Выховскаго Погребальнаго братства XVIII в., доставленная г. Гехтомъ изъ Выхова¹. Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей выяснено въ моихъ «Историческихъ Сообщеніяхъ», печатающихся въ «Восходѣ»; дополнительныя же свѣдѣнія сообщу ниже, при оцѣнкѣ результатовъ нашихъ подготовительныхъ работъ.

Съ наибольшимъ трудомъ и хлопотами была сопряжена третья категорія собирательныхъ работъ—*собираніе мѣстныхъ памятниковъ старины*. Нужно было вербовать во многихъ городахъ собирателей документовъ, надписей, свѣдѣній, вести обширную переписку, направлять изысканія такого рода сотрудниковъ-добровольцевъ, провѣрять ихъ сообщенія, рассылать программы и т. п. Эти сношенія съ мѣстными собирателями въ особенности расширились въ 1894 году, послѣ новыхъ моихъ воззваній въ еврейскихъ повременныхъ изданіяхъ. Вся эта работа, поглощавшая массу времени и силъ, была бы для меня чрезвычайно обременительна, еслибъ меня не оживляло сознаніе, что только такимъ путемъ можемъ мы спасти отъ забвенія памятники нашего прошлаго, что каждый шагъ въ этомъ направленіи приближаетъ насъ къ желанной цѣли. Одинъ интересный документъ, одно важное сообщеніе вознаграждаетъ за массу потраченнаго труда и времени. И тутъ не могу я не вспомнить добромъ тѣхъ моихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, которые изъ многихъ угловъ «черты осѣдлости» откликнулись на мой призывъ и трудились, каждый на своемъ мѣстѣ, надъ собираніемъ историческихъ матеріаловъ. Большая часть ихъ работала совершенно безвозмездно и даже отказывалась отъ возмѣщенія издержекъ, сопряженныхъ съ собираніемъ и пересылкой матеріаловъ. Инымъ возмѣщались почтовые издержки и высыдалась плата для переписчиковъ. Наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникамъ обязанъ я тѣмъ, что мнѣ удалось добыть копія съ очень важныхъ манускриптовъ и очень рѣд-

¹ Изъ подлинныхъ манускриптовъ, временно предоставленныхъ въ мое распоряженіе и подлежащихъ возвращенію владѣльцамъ, слѣдуетъ упомянуть о Пинкосѣ Пинкосскаго казала, заключающемъ въ себѣ акты отъ 1632 до 1763 г. (это—древнѣйшій изъ видѣнныхъ мною кагалныхъ Пинкосовъ), и о большой немецкой рукописи „Ueber das Wesen der Sekte Chassidim“, писанной въ 1816 г. и одолженной мнѣ одесскимъ нотаріусомъ В. С. Гурвичемъ.

кія старопечатные источники. Многіе изъ собирателей — люди съ извѣстнымъ положеніемъ или лично мнѣ знакомые; достовѣрность сообщеній неизвѣстныхъ мнѣ лицъ подтверждалась обыкновенно раввинами. Въ послѣднее время стали оказывать мнѣ содѣйствіе и сами раввины, даже духовные, которые болѣе всего могутъ быть полезны, особенно въ дѣлѣ собранія древнихъ кагалныхъ Пинкосовъ. Считаю своимъ долгомъ сообщить здѣсь имена и мѣстожителства тѣхъ сотрудниковъ и собирателей, которые оказывали содѣйствіе нашему дѣлу въ послѣдніе два года. Изъ этого перечня можно вывести также заключеніе о географическомъ распредѣленіи мѣстныхъ собирательныхъ работъ.

а) *Постоянные сотрудники*: Я. М. Гиршовскій (Вильна); д-ръ І. Хавановичъ (Вѣлостокъ), Л. Шульманъ (Кіевъ); Н. Литинскій (Могилевъ-Подольскій); И. Нисенбаумъ (Минскъ и Вѣлостокъ); М. Виберъ (Острогъ, Вол. губ.); духовный раввинъ І. Левинштейнъ (Сероцкъ, Ломж. губ.); П. Турбергъ (Едвабно, Ломж. губ.); Я. Шапиро (Межирѣчье, Сѣдл. губ.).

б) *Доставили рукописные документы*: общ. раввинъ Х. Маргольешъ (Дубно); А. Мазурскій (Ружаны, Гродн. губ.); Ш. Бейлинъ (Слуцкъ; Минск. губ.); І. М. Гранатманъ и дух. раввинъ Ш. Рапопортъ (Пинчовъ, Кѣлец. губ.); І. М. Левенштейнъ (Кошица, Кѣлец. губ.); М. Бейленсонъ и нотаріусъ В. С. Гуровичъ (Одесса); Слуцкій Д. (Оновъ, Минск. губ.); Гринфельдъ Ш. (Барановка, Вол. губ.); общ. раввинъ М. Хазенсъ и Х. Гринфельдъ (Полонное, Вол. губ.); С. Бернштейнъ (Кейданы, черезъ ред. «Восхода»); В. Гарбъ (Вилькомиръ); И. Ножица (Плоцкъ); В. Быховецъ и Д. Гехтъ (Выховъ); Г. Копитникъ (Вѣлая Церковь); дух. раввинъ В. Турбовичъ (Крожи, Ковенск. губ.), В. Вейнштейнъ (Кишиневъ); С. Волковъ (Могилевъ на Днѣпрѣ).

в) *Прислали полезныя сообщенія и матеріалы или содѣйствовали этому*: Л. Эттингенъ и Х. Рывкинъ (Велижъ, Вит. г.); Л. О. Винштокъ (Житомиръ); дух. раввинъ Л. Донъ-Яхья (Шкловъ); Л. Вейсманъ (Липовець, Кіев. губ.); Ю. Готтъ (Рига); С. Зильберштейнъ (Варшава, черезъ ред. «Восхода»); В. Сегаль (Жагоры, Ков. губ.); Ф. Гутманъ (Погребище, Кіевск. губ.); С. Станиславскій (Екатеринославъ); И. Галантъ (Нѣжинъ); дух. рав. Н. Грингаузъ (Троки, Виленск. губ.); М. Каганъ (Гомель); І. Вейнбергъ (Баръ, Подол. губ.); В. Вубисъ (Турійскъ, Вол. губ.); С. Велтсманъ (Калишъ);

І. Гольдблюмъ (Люблинъ), Б. Гартенштейнъ (Одесса) и многие другіе.

Изявляя здѣсь всѣмъ поименованнымъ лицамъ мою искреннюю благодарность за ихъ сотрудничество и содѣйствіе, я надѣюсь, что къ этому изъявленію присоединятся всѣ тѣ члены нашего «Общества», кому дороги интересы просвѣщенія внутренняго, или самопознанія, даваемого исторіей.

Итакъ, дѣло собранія матеріаловъ для исторіи польско-русскихъ евреевъ уже до извѣстной степени организовано, и есть надежда, что современемъ оно еще болѣе упрочится и расширится. Между прочимъ, имѣется in spe слѣдующее: а) завязать сношенія съ заграничными учеными, бібліотекарями и историческими обществами, въ особенности галиційскими и прусско-польскими, въ видахъ добыванія подходящихъ историческихъ манускриптовъ и рѣдкихъ книгъ; б) совершить побѣдку по нашей «чертѣ осѣлости» для обобрѣнія Пинкосовъ и другіе памятниковъ еврейской старины, хранящихся въ различныхъ синагогахъ, учрежденіяхъ или въ рукахъ частныхъ лицъ. Вообще, чѣмъ шире будетъ районъ нашихъ изысканій и собирательныхъ работъ, тѣмъ прочнѣе будетъ фундаментъ будущей русско-еврейской исторіографіи. Но все это составляетъ, какъ уже сказано, лишь первую ступень нашихъ подготовительныхъ историческихъ работъ. слѣдующими, высшими ступенями являются:

Б. Публикація и научная разработка матеріаловъ.

Собранный историческій матеріалъ имѣетъ, конечно, значеніе лишь настолько, насколько онъ можетъ быть предметомъ научной разработки и сдѣлаться общимъ достояніемъ. Обыкновенно, публикація историческихъ матеріаловъ въ сыромъ видѣ и научная переработка ихъ составляютъ двѣ самостоятельныя работы: первую исполняютъ академіи наукъ, историческія общества, спеціальныя архивныя комиссіи и тому подобныя учрежденія; второю занимается армія ученыхъ изслѣдователей и историковъ. Но у насъ, русскихъ евреевъ, гдѣ, къ несчастію, не имѣется ни историческихъ обществъ, ни корпораціи историковъ и спеціальныхъ изслѣдователей, такое раздѣленіе труда не имѣетъ смысла. Печатать сборники сырыхъ историческихъ матеріаловъ при существующихъ условіяхъ и средствахъ составляетъ еще большую роскошь. Приходится, поэтому,

соединить объ названныя отрасли работы въ одну, т. е. связать обнаруженіе матеріаловъ съ научной разработкою ихъ, по крайней мѣрѣ, первоначальной, и давать ихъ читающей публикѣ въ видѣ общедоступныхъ историческихъ сообщений, изслѣдованій и монографій. Я долженъ здѣсь повторить то, что говорилъ по этому поводу въ другомъ мѣстѣ: «Если цѣльная, систематическая историографія пока еще представляетъ собою обѣтованную землю, куда мы съумѣемъ вступить только послѣ долгодѣтнихъ странствованій и приготовленій, то первыя двѣ отрасли нашихъ (подготовительныхъ) работъ—собираніе сырыхъ матеріаловъ и первоначальная обработка ихъ—должны и могутъ теперь же идти параллельно, дополняя и усиливая другъ друга. Вновь открываемые матеріалы не должны быть кое-какъ свалены въ кучу: ихъ слѣдуетъ правильно располагать, критически прѣвѣрять и комбинировать съ ранѣе накопленнымъ запасомъ документовъ и свѣдѣній, обликая факты однородные и устанавливая ихъ въ опредѣленныхъ группахъ такъ, чтобы каждый вновь открываемый историческій фактъ могъ быть присоединяемъ къ группѣ однородныхъ съ нимъ фактовъ. Когда-же та или другая группа фактовъ достигнетъ той полноты, при которой возможно уже широкое историческое обобщеніе, тогда она можетъ сдѣлаться предметомъ систематическихъ изслѣдованій и монографій. Но повторяю: собираніе историческихъ данныхъ и *первоначальная* ихъ обработка должны непремѣнно идти рука объ руку, ибо только при такомъ взаимодействіи можно внести оживленіе въ нашу работу и заинтересовать ею мыслящую часть общества. Собирая реликвіи прошедшаго, открывая цѣлыя полосы нашей народной исторіи, мы обязаны дѣлиться этими открытіями съ тѣми, которыхъ все это не можетъ не интересовать. Такимъ образомъ, читающая публика будетъ имѣть возможность постепенно знакомиться съ явленіями нашего прошедшаго, по мѣрѣ ихъ открытія и научной разработки».

Этой программѣ я слѣдую въ своихъ «Историческихъ Сообщеніяхъ», которыя печатаются въ книжкахъ «Восхода», начиная съ 1893 года. Считаю неумѣстнымъ касаться здѣсь содержанія этихъ «Сообщеній», я ограничусь только перечисленіемъ заглавій опубликованныхъ въ 1893 и 1894 годахъ одиннадцати нумеровъ, для того, чтобы вы могли себѣ представить общій характеръ произведенныхъ историческихъ изысканій. Вотъ они: 1) Ружанскіе мученики 1659 г.; 2) Плачъ

украинскаго еврея о гайдамацкой рѣвнѣ 1768 г.; 3) Народное бѣдствіе и секты въ Подоліи, 1768—1778 г.; 4) Къ исторіи религиозной распри въ Литвѣ, 1781—1796 г.; 5) Первые еврейскіе колонисты изъ Вѣлоруссіи (1808 г.); 6) Кагалныя уставы съ конца XVI-го до конца XVIII-го в.; 7) Областные кагалныя сеймы въ воеводствѣ Волинскомъ и въ Вѣлоруссіи, 1666—1764 г.; 8) Постановленія польскихъ сеймовъ, подтверждаемыя еврейскимъ синодомъ (1538—1580 г.); 9) Насилія польской администраціи надъ евреями: изъ дѣлъ архива Плоцкаго еврейскаго общества, 1754—1792 г.; 10) Еврейская старина въ г. Острогѣ, 1532—1792 г.; 11) Еще о среднихъ органахъ еврейскаго самоуправленія: областныя кагално-раввинскіе съѣзды въ провинціяхъ Малопольской, Великопольской, Подоліи и Волини. — Кромѣ этихъ болѣе или менѣе крупныхъ «Сообщеній», въ особомъ при нихъ отдѣлѣ, помѣщалась серія короткихъ замѣтокъ, указаній, вопросовъ и отвѣтовъ, имѣющихъ главною цѣлью регистрацію собираемаго матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ возбужденіе и разъясненіе новыхъ историческихъ вопросовъ. Я долженъ, однако, замѣтить, что въ количественномъ отношеніи дѣло разработки и публикаціи историческихъ документовъ далеко уступало размѣрамъ собраннаго матеріала. Научное изслѣдованіе и обнародованіе даже однихъ рукописныхъ источниковъ не могло послѣдовать за прогрессивнымъ ихъ накопленіемъ. Документы и свѣдѣнія, приведенные въ вышепоименованныхъ «Сообщеніяхъ», составляютъ только небольшую часть всего собраннаго за послѣдніе два года историческаго матеріала, ждущаго еще разработки и обнародованія. Конечно, я старался выбирать для своихъ «Сообщеній» наиболѣе существенныя сюжеты; но и здѣсь многое еще осталось не тронутымъ. Это объясняется не только недостаткомъ времени и силъ, но весьма часто и свойствомъ самого матеріала. Рѣшивъ публиковать его не въ сыромъ, а въ обработанномъ видѣ, я часто долженъ выжидать, пока къ данной, недостаточной группѣ документовъ прибавятся новыя однородныя документы, которые дадутъ возможность сдѣлать опредѣленный историческій выводъ. Есть случаи, когда опасно дѣлать заключеніе на основаніи одной группы данныхъ, когда необходима очная ставка между показаніями различныхъ источниковъ объ одномъ и томъ-же предметѣ. Такую «очную ставку» приходится часто производить между еврейскими и польскими, или еврейскими и русскими документами, причемъ сходство въ ихъ показаніяхъ придаетъ

историческому выводу особенную устойчивость (ибо мы тутъ имѣемъ дѣло съ показаніями свидѣтелей противоположныхъ лагерей); различіе-же показаній часто служитъ повѣркой или коррективомъ фактическому заключенію, причѣмъ, конечно, принимается во вниманіе степень безпристрастія каждаго показанія и прочія обстоятельства дѣла. Вообще, при научной разработкѣ матеріала, я позволяю себѣ нерѣдко выходить изъ рамокъ вышеупомянутой программы въ томъ смыслѣ, что не ограничиваюсь одною первоначальною обработкою данныхъ, а иду дальше, и вдобавокъ стараюсь изслѣдовать историческія явленія не въ одиночку, а группами. «Сообщенія» такимъ образомъ приближаются къ типу монографій; при значительномъ-же объемѣ они и будутъ помѣщаться въ видѣ отдѣльныхъ монографій, согласно обнародованному плану.

Въ этотъ планъ входило еще одновременное помѣщеніе историческихъ сообщеній въ заграничныхъ изданіяхъ, посвященныхъ еврейской наукѣ и исторіи, а также въ сборникахъ на еврейскомъ языкѣ, выходящихъ въ Россіи и удобныхъ тѣмъ, что въ нихъ еврейскіе документы можно помѣщать въ подлинникахъ. Осуществленію послѣдняго изъ этихъ предположеній положено мною начало помѣщеніемъ историческаго сообщенія съ перепечаткою манускрипта въ одномъ періодическомъ сборникѣ на древне-еврейскомъ языкѣ («Кровавое обвиненіе въ Бобовнѣ», въ альманахѣ «Ахисафъ», Варшава, 1894 г.). Что-же касается публикаціи матеріаловъ или сообщеній въ заграничныхъ научныхъ изданіяхъ, то я, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣлъ возможности, или точнѣе—времени, сдѣлать это, несмотря на то, что получилъ подобное предложеніе отъ имени редакціи одного изъ крупнѣйшихъ изданій этого рода. Сознавая, однако, всю важность этого пункта, посредствомъ котораго можно было-бы привлечь къ нашимъ подготовительнымъ работамъ и еврейскія ученые силы зараницею,—я ставлю себѣ задачей осуществить его при первой возможности.

В. Результаты подготовительныхъ работъ.

Само собою разумѣется, что въ тѣ нѣсколько минутъ, которыми я еще располагаю для окончанія настоящаго доклада, трудно дать даже бѣглый обзоръ результатовъ, достигнутыхъ двухлѣтними непрерывными историческими изыска-

ніями. Не ввыщите, поэтому, если вмѣсто обстоятельнаго обзора вы и здѣсь встрѣтите сухой перечень фактовъ и указаній. Я упомяну только вкратцѣ о важнѣйшихъ историческихъ вопросахъ, частію разрѣшенныхъ, частію же намѣченныхъ благодаря нашимъ подготовительнымъ работамъ послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Въ хронологическомъ порядкѣ главнымъ исходнымъ пунктомъ въ моихъ изысканіяхъ было XVI-е столѣтіе съ примыкающею къ нему первую половиною XVII-го. Это именно тотъ знаменательный періодъ, когда Польша сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ духовныхъ центровъ еврейства и стремилась присвоить себѣ въ еврейскомъ мірѣ ту гегемонію, которую утратила Испанія съ изгнаніемъ изъ нея евреевъ въ концѣ XV вѣка. Польскіе изслѣдователи, начиная съ Чацкаго, установили рядъ эпизодовъ, относящихся преимущественно къ гражданскимъ судьбамъ евреевъ за этотъ періодъ, къ ихъ юридическому положенію въ Польшѣ; то-же по отношенію къ Литвѣ сдѣлалъ отчасти проф. Бершадскій въ своихъ «Документахъ и Регестахъ» и монографіяхъ. Предстояло еще выяснитъ *внутреннюю исторію* польско-литовскихъ евреевъ того времени, и на первомъ планѣ стоялъ вопросъ *объ организаціи еврейскаго самоуправленія* и о возникновеніи кагалныхъ учреждений, мѣстныхъ и центральныхъ. Разъясненію этого важнаго вопроса отчасти положено было начало нашими подготовительными работами. Былъ установленъ тотъ фактъ, что *кагалъ, какъ единица самоуправленія*, прочно утвердился и принялъ опредѣленную форму въ концѣ 16-го вѣка, когда были выработаны первые кагалные статуты въ Польшѣ (хотя *возникновеніе* еврейскаго общиннаго управленія безспорно относится къ болѣе ранней эпохѣ). Обзоръ кагалныхъ уставовъ, начиная съ Краковскаго 1595 года и кончая бѣлорусскими уставами 18-го вѣка, доказалъ намъ фактъ строгаго единообразія еврейской общественной автономіи, на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой¹. Аналогичное положеніе было установлено нами, на основаніи архивныхъ и пинкосныхъ данныхъ, и по отношенію къ *центральнымъ органамъ еврейскаго самоуправленія*, причемъ, кромѣ двухъ высшихъ органовъ — «Синода четырехъ земель» и «Литовскаго кагалнаго Сейма», впервые выяснена дѣятельность «среднихъ органовъ»,

¹ Истор. Сообщенія, № 6.

или *областныхъ кагално-раввинскихъ съездовъ*, функционировавшихъ въ провинціяхъ Малопольской, Великопольской, Волыни, Подольско-Галицкой землѣ, Вѣлоруссія и въ различныхъ округахъ Литвы. Я присвоилъ этимъ учреждениямъ наименованіе «среднихъ»; въ виду того, что они занимали среднее положеніе между низшей кагалной единицей и генеральными еврейскими синаодами или сеймами въ Коронѣ (собственной Польшѣ) и Литвѣ ¹. Оспоставленіе еврейскихъ и польскихъ документовъ привело насъ также къ опредѣленію административной роли еврейскихъ синаодовъ при осуществленіи польскаго законодательства о евреяхъ ². Конечно, всѣ эти историческіе моменты и теперь далеко еще не исчерпаны, и многое еще предстоитъ разъяснить въ нихъ и дополнить на основаніи дальнѣйшихъ изысканій; но прочная основа дѣлу уже положена. Изъ другихъ однородныхъ вопросовъ, подлежащихъ разработкѣ въ ближайшее время на основаніи собраннаго матеріала, упомяну о нѣкоторыхъ: о ярмарочныхъ съѣздахъ, какъ первоначальной формѣ «Синода четырехъ земель», о дѣятельности Литовскаго кагално-раввинскаго сейма въ XVII вѣка, о подчиненности мелкихъ кагаловъ крупнымъ и о кагалныхъ округахъ, о положеніи раввина и о еврейскихъ ремесленныхъ цехахъ.

Сообщенія, документы и копии памятниковъ, присланные провинциальными сотрудниками, доставили изрядный матеріалъ для *хроники отдѣльныхъ древнѣйшихъ общинъ*. Пока успѣлъ я обработать только хронику еврейской общины въ Острогѣ-Волынскомъ отъ начала 16-го до конца 18-го вѣка ³. Приготовленъ матеріалъ для хроники еврейскихъ общинъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, Слуцкѣ, Полонномъ и др. мѣстахъ.

Въ области религіозной исторіи XVI в., на ближайшей очереди стоитъ вопросъ о вліяніи іудаизма на развитіе *польской реформации* и о послѣдствіяхъ этого для евреевъ. Извѣстно, что религіозная реформа въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ, въ отличіе отъ западно-европейской, приняла своеобразное направленіе и что, кромѣ лютеранства и кальвинизма, здѣсь временно утвердились наиболѣе рационалистическія отрасли реформации—социніанство и анти-тринитаризмъ. Въ послѣднемъ пунктѣ, какъ

¹ Ibid. №№ 7 и 11.

² Ibid. № 8.

³ Истор. Сообщ. № 10.

и вообще въ развитіи религиозной мысли въ Польшѣ того времени, обнаруживается до известной степени и влияние иудаизма. Съ другой стороны польское реформаціонное движеніе вызвало нѣкоторыя серьезныя осложненія въ жизни евреевъ. Результаты моихъ изслѣдованій въ этой области будутъ вскорѣ обнародованы.

Немаловажныя данныя открыты и занесены въ скорбный листъ еврейской исторіи. Къ *мартирологii евреевъ* въ XVII вѣкѣ прибавились слѣдующіе факты: о Ружанскихъ мученикахъ 1659 года ¹, о жертвахъ ложныхъ обвиненій въ Люблинѣ, Краковѣ и Ленчицѣ въ 1630-хъ годахъ ², и о многихъ другихъ трагическихъ исторіяхъ этого рода, съ которыми мнѣ предстоитъ печальная обязанность знакомить читающую публику въ дальнѣйшихъ «сообщеніяхъ».

Изъ сюжетовъ, относящихся къ бытовой сторонѣ прошедшаго, упомяну объ одномъ, намѣченномъ для ближайшаго времени: о разговорномъ языкѣ польско-литовскихъ евреевъ въ XVI и XVII вѣкахъ.

Какъ уже сказано выше, главное вниманіе было сосредоточено на изслѣдованіяхъ, относящихся къ XVI и XVII вѣкамъ, имѣющимъ рѣшающее значеніе въ историческихъ судьбахъ польско-русскихъ евреевъ. Однако, кое-что сдѣлано и для исторіи XVIII вѣка: обнаружены новые факты о гайдамацкой рѣвнѣ 1768 г. ³, о насиліяхъ польской администраціи надъ евреями (1754—1792) ⁴, о еврейскомъ сектанствѣ и расколѣ ⁵. Все это, впрочемъ, незначительныя частности въ сравненіи съ тѣми вопросами, которые еще предстоитъ выяснитъ на основаніи собраннаго матеріала. Въ особенности увеличилось количество неизданныхъ документальныхъ источниковъ по исторіи еврейскаго религиознаго раскола второй половины 18-го вѣка. Этимъ матеріаломъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ солидныхъ манускриптовъ, я намѣренъ воспользоваться въ отдѣльномъ, дополненномъ изданіи перваго тома моей «Исторіи хасидизма».

Первая половина XIX вѣка, несмотря на всю ея близость къ намъ, остается еще довольно темною въ историческомъ отношеніи. По обыкновенію, выяснено только правовое поло-

¹ Ibid. № 1.

² Сообщается въ настоящее время, ib. № 12.

³ Истор. Сообщ. № 2. ⁴ Ibid. № 9. ⁵ Ibid. № 3-4.

женіе евреевъ въ эту эпоху, и отчасти также—тогдашнее умственное движеніе въ передовой части еврейскаго общества; судьбы же народной массы, ея бытъ и духовная жизнь остаются въ тѣни. Вслѣдствіе извѣстныхъ внѣшнихъ условий того времени и полнѣйшаго отсутствія гласности, много интересныхъ и преимущественно трагическихъ моментовъ еврейской жизни не дошло до насъ, сохраняясь только въ забытыхъ манускриптахъ или въ воспоминаніяхъ послѣднихъ, нынѣ доживающихъ, представителей того поколѣнія. Въ этой области мнѣ удалось пока собрать значительный матеріалъ о двухъ крупныхъ процессахъ, имѣвшихъ болѣе чѣмъ мѣстное значеніе, а именно: о «*Велижскомъ дѣлѣ*» по обвиненію еврейскаго общества въ «религіозномъ дѣтубійствѣ» (1823—1825 г.) и о «*Межиричскомъ дѣлѣ*» по аналогичному обвиненію въ Царствѣ Польскомъ въ 1816 году. Изъ этого крайне интереснаго матеріала изслѣдованъ и обнародованъ мною пока только одинъ эпизодъ: исторія ложнаго обвиненія въ м. *Бобовнѣ* (Минск. губ.) въ 1829 г., составляющая одинъ изъ моментовъ грандіознаго Велижскаго процесса¹.—Изъ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній опубликована пока только пинжовская записка о первой группѣ колонистовъ, двинувшейся изъ Бѣлоруссіи въ Новороссію въ 1808 году². Нѣкоторые рукописныя данныя имѣются еще о попыткахъ еврейской колонизаціи въ Царствѣ Польскомъ въ 1840-хъ годахъ.

Но пора кончить этотъ перечень результатовъ нашихъ подготовительныхъ историческихъ работъ. Вы, конечно, поймете, что за этой сухой номенклатурой скрывается цѣлый рядъ живыхъ явленій нашего прошедшаго, многія значительныя, хотя частію и неполныя группы историческихъ фактовъ, и что все это составляетъ готовый строительный матеріалъ, уже сложенный въ ряды для сооруженія монументальнаго зданія нашей исторіи. Нужна еще дальнѣйшая неустанная работа въ этомъ направленіи, много еще строительнаго матеріала нужно собрать и обработать. Это составить задачу ближайшихъ лѣтъ.

Г. Посторонніе труды и матеріалы по русско-еврейской исторіи.

Настоящій обзоръ былъ-бы неполонъ, еслибы я не указалъ на то, что сдѣлано по исторіи польско-русскихъ евреевъ

¹ Помѣщена въ альманахѣ „Ахисафъ“ на 1894—95 г. съ приложеніемъ записки современнаго свидѣтеля.—² Истор. Сообщ. № 5.

въ литературѣ за послѣдніе два года, независимо отъ предпринятыхъ мною подготовительныхъ работъ. Здѣсь факты немногочисленны—и мнѣ не придется долго злоупотреблять вашимъ вниманіемъ.

О дѣятельности «Историко-этнографической Комиссіи», состоящей съ 1892 г. при комитетѣ «Общества распространенія просвѣщенія между евреями» въ Петербургѣ, можно сказать, что эта дѣятельность вся еще въ будущемъ. Задавшись при своемъ возникновеніи цѣлью—осуществить нѣкоторые пункты программы, изложенной въ моей брошюрѣ «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ», эта Комиссія имѣла въ виду прежде всего издать сводъ еврейскихъ актовъ и документовъ, разбросанныхъ въ различныхъ печатныхъ изданіяхъ археографическихъ комиссій, русскихъ и польскихъ; но до сихъ поръ не осуществила этого плана и вообще не опубликовала еще никакихъ историческихъ матеріаловъ. Будемъ надѣяться, что «дѣятельность» Комиссіи, о которой возвѣщаютъ отчеты петербургскаго Комитета, скоро выразится въ чемъ нибудь реальномъ и крупномъ. Продолженіе изданія «Русско-еврейскаго Архива», прерваннаго на 2 мѣ томѣ въ 1882 г., составитъ, по моему мнѣнію, главную задачу и прямую обязанность петербургской исторической Комиссіи.

Новѣйшіе томы «Актовъ Виленской Археографической Комиссіи» принесли намъ, между прочимъ, нѣсколько документовъ по исторіи евреевъ въ XVI и XVII вв. Такъ въ томѣ 19-мъ, заключающемъ въ себѣ «акты бывшей Холмской епархіи» (Вильна, 1892 г.), мы встрѣчаемъ съ десятокъ актовъ, преимущественно о столкновеніяхъ холмскаго духовенства и мѣщанъ съ евреями во второй половинѣ XVI в. Въ томѣ 20-мъ (Вильна, 1893) имѣются нѣкоторые архивныя свѣдѣнія о евреяхъ-домохозяевахъ въ Вильнѣ въ XVII в.

Въ русско-еврейской литературѣ усерднымъ двигателемъ нашихъ историческихъ работъ является по прежнему проф. *С. А. Бершадскій*. Его «Матеріалы для исторіи евреевъ въ Польшѣ» (двѣ статьи въ «Восходѣ» 1893 г., кн. 1 и 9) заключаютъ въ себѣ нѣкоторые неизданные акты изъ «Метрики Коронной», разъясняющіе вопросъ о переселеніи евреевъ изъ Богеміи въ Польшу въ началѣ XVI вѣка (во второй статьѣ). Статья-же его «Старинное средство» (Восх. 1894, кн. 1, 9, 11 и 12) представляетъ сводъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ печатныхъ матеріаловъ по исторіи обвиненія евреевъ въ убіеніи

младенцевъ въ Литвѣ и Польсѣ XVI и XVII в. По обыкновенію, работы г. Бернадского отличаются научною объективностью и обстоятельною критикою источниковъ, хотя, какъ юристъ, авторъ часто склоненъ придавать большее значеніе формальной сторонѣ дѣла, нежели внутренней, бытовой.

Г. А. Я. Гаркави по прежнему предпочитаетъ археологію исторіи. Такое археологическое значеніе имѣетъ его «Историческая справка о синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ въ Россіи до царствованія Александра II» (Восходъ, 1894, кн. 3). Болѣе прямое отношеніе къ исторіи имѣютъ выписки изъ «Литовскаго Пинкоса», помѣщенные г. Гаркави въ еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ («Гамелицъ», 1894 г., №№ 1—6; «Гаасифъ» 1893, т. VI). Нѣкоторые изъ этихъ выписокъ заключаютъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія объ организаци Литовскаго кагално-раввинскаго сейма и о его отношеніяхъ къ «Синоду четырехъ земель» въ XVII в.¹ Порядочное количество выдержекъ изъ того же Пинкоса, хотя и въ сокращенномъ видѣ, помѣстилъ, въ сборникѣ «Гаасифъ» за 1893 г., г. Л. Фейнштейнъ изъ Вреста. Это—рядъ постановленій кагално-раввинскихъ съѣздовъ о благоустройствѣ еврейскихъ общинъ за періодъ времени отъ 1623—1761 г.—Не лишены историческаго значенія и сообщенія г. Н. Соколова, издателя «Гаасифа», о содержаніи видѣнныхъ имъ старинныхъ Пинкосовъ г. Опатова и м. Шкуды, и нѣкоторые другіе опубликованные имъ документы.

Изъ отдѣльно изданныхъ за послѣдніе два года книгъ по польско-еврейской исторіи заслуживаетъ вниманія второй томъ труда краковскаго раввина Н. Х. Дембицера «Klilath-Jofi» (Kraków, 1893), трактующій о генеалогіи важнѣйшихъ польскихъ раввиновъ XVII вѣка. Въ обоихъ томахъ этого солиднаго труда (первый, о Львовскихъ раввинахъ, вышелъ еще въ 1888 г.) среди безпорядочной массы генеалогическихъ мелочей можно найти драгоцѣнныя историческія крупицы. Болѣе литературное, чѣмъ научное значеніе имѣетъ польская книга Z. L. Sulima: «Historya Franka i frankistów (Kraków, 1893), которая при хорошемъ изложеніи страдаетъ, однако, большими историческими неточностями²).

¹ Значительныя дополненія и варианты къ этимъ документамъ имѣются въ находящейся у меня Виленской копіи «Литовскаго Пинкоса».

² См. разборъ ея, Восходъ, 1894, кн. VII.

Восходъ, кн. 5.

Мнѣ было-бы очень пріятно продолжать этотъ списокъ работъ по исторіи польско-русскихъ евреевъ, но къ сожалѣнію послѣдніе два года больше не дали намъ по этой части ничего выдающагося. Остается только пожелать, чтобы въ отчетѣ будущаго года я имѣлъ возможность сообщить вамъ о болѣе крупныхъ явленіяхъ и о болѣе живучей дѣятельности въ области нашей исторіи.

Эта область довольно обширна, географическій районъ нашихъ изслѣдованій весьма значителенъ, неразъясненныхъ историческихъ моментовъ очень много, — вообще, работы впереди масса.

Нужны ревностные собиратели матеріаловъ, необходима и болѣе солидная группа научныхъ силъ, способныхъ разрабатывать собранное, — но особенно важна правильная организація всего этого дѣла, чтобы люди не работали въ одиночку, а дружно, соединенными силами. Я ничего такъ горячо не желаю, какъ чтобы установленная мною примитивная, несовершенная организація подготовительныхъ историческихъ работъ, уступила мѣсто организаціи болѣе совершенной и обширной — въ видѣ «Русско-еврейскаго историческаго общества», необходимостью котораго я уже давно доказывалъ. Если же и при нынѣшней скромной организаціи дѣла, мнѣ все таки удалось добиться какихъ нибудь существенныхъ результатовъ, то я долженъ заявить, что въ значительной степени обязанъ этимъ содѣйствію и поддержкѣ Комитета Одесскаго отдѣленія «общества просвѣщенія», облегчившаго мнѣ крайне сложную задачу повсемѣстнаго собиранія историческихъ матеріаловъ и образованія фонда источниковъ. Суждено-ли, или нѣтъ, нашему скромному научному предпріятію быть предтечею «Русско-еврейскаго историческаго общества», — во всякомъ случаѣ мы должны пока дѣлать то, что отъ насъ зависитъ и что возможно при наличныхъ средствахъ и силахъ. Дальнѣйшій успѣхъ нашихъ подготовительныхъ работъ долженъ вселить убѣжденіе, что раскрытіе многовѣковаго прошедшаго русскихъ евреевъ — дѣло вполне возможное и еще болѣе необходимое. Недалеко, можетъ быть, то время, когда знаніе этого прошедшаго станетъ однимъ изъ могущественныхъ воспитательныхъ средствъ для всѣхъ насъ, потомковъ того длиннаго ряда поколѣній, исторія которыхъ теперь откапывается изъ подъ вѣковыхъ развалинъ. Если каждый народъ долженъ знать и помнить свое прошлое, то тѣмъ болѣе такое знаніе обязательно для потомковъ старѣйшаго, *архи-историческаго* народа.

С. Дубковъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ВОЛОЖИНОСКАГО ЕШИБОТА.

(ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ).

VII¹.

Печальная вѣсть облетѣла на слѣдующій день рано утромъ сперва ешиботниковъ, потому все жѣстечко, навода на всѣхъ глубокое уныніе: Слонимеръ умеръ!.. Смерть ешиботника — это было до такой степени неожиданное и небывалое раньше явленіе, что по-неволѣ поражало всякаго до глубины души. Молодая жизнь, еще ничего не видавшая и ничего не испытывавшая, кромѣ однихъ только лишеній и страданій, погибла въ одиночествѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ и при этомъ пала, такъ сказать, на полѣ чести, жертвой сподвижничества и слѣпой любви къ святому ученію, доходившей до самоотреченія, — кого это не тронетъ?.. Уже съ самаго утра замѣтно было на улицѣ усиленное движеніе озабоченныхъ и опечаленныхъ ешиботниковъ, цѣлыми толпами собиравшихся около маленькаго домика на краю базарной площади, у самаго спуска къ «низу», гдѣ лежалъ поразившій всѣхъ глубокою скорбью повойникъ. Вирекеръ забѣжалъ ко мнѣ, разбитый и растерзанный, не снимая пальто, прямо присѣлъ къ столу и, опершись въ него локтями, спряталъ лицо въ обѣ ладони — и заплакалъ.

— Талмудъ говорить, — обратился онъ ко мнѣ съ восторгомъ слезы, — что, если одинъ изъ насъ какой нибудь общины умираетъ, то вся община должна плакать. Какъ же намъ всѣмъ не плакать, когда изъ среди насъ неумолимая смерть вырвала самую чистую, самую невинную душу?

¹ См. „Восходъ“, кн. III.

И слезы опять потекли у него неудержимымъ потокомъ.

— Надо пойти, — сказалъ онъ, наконецъ, — можетъ быть, тамъ уже собираются. Вѣроятно, рошъ-ешива провнесетъ какое нибудь надгробное слово...

И онъ заторопился на площадь, низко опустивъ голову и наскоро глотая слезы. И едѣтъ далеко и послѣдовать за нимъ. Между тѣмъ, толпа около дома, въ которомъ лежалъ покойникъ, все болѣе и болѣе разрасталась. Черезъ настежь раскрытыя ворота къ низенькому скользяму крыльцу прибывали все новыя и новыя люди; ешиботники съ мрачными сосредоточенными лицами, бабы, закутанныя въ старыя потертыя и полинявшіе платки, — всѣ стремились къ раскрытымъ дверямъ, откуда доносился глухой гулъ. Черезъ занесенныя морозомъ стекла виднѣлись порой какіе-то передвигающіеся силуэты и мерцалъ слабый свѣтъ нѣсколькихъ свѣчель. Вдругъ гулъ сдѣлался какъ-то явственнѣе и сильнѣе. Раскрытыя ворота жалобно взвизгнули и изъ нихъ медленно выныла надъ головами всѣхъ роковой черной ящичь съ надписью: «Правда да ищетъ передъ нимъ!», несомный и поддерживаемый наиболѣе помилыми и уважаемыми ешиботниками. Бабы дружно заголосили. Маленькій, юркій «Юська-могильщикъ» съ красными слезающимися глазами и однимъ только зубомъ во рту рѣзко прокричалъ два раза надъ толпою: «бабы въ сторону, бабы въ сторону!» и тутъ же подскочилъ къ посторонившимся бабамъ съ жестяною кружкою въ рукахъ для «милостыни, спасающей отъ смерти». Между тѣмъ, гробъ на простынь черныхъ носилкахъ переходилъ съ однихъ плечъ на другія и быстро отдѣлялся отъ на вѣки повинуятаго покойникомъ домака, оставляя позади себя все болѣе возраставшую черную массу «проводателей». Черезъ нѣсколько минутъ гробъ поднесли къ высокому ешиботскому крыльцу. Новый взрывъ рыданій огласилъ воздухъ: это рыдали «его» товарищи, — тѣ, которые еще недавно вабирались вмѣстѣ съ нимъ на то же самое крыльцо, торопясь въ ешиботъ продолжать свое святое дѣло. Раздалась начальственные крики погребальныхъ старшинъ: «поднимайте уголовье! опустите ноги!» Цѣлыя десятки рукъ потянулись къ носилкамъ, и гробъ былъ медленно внесенъ на крыльцо. Обѣ половинки широкыхъ дверей разомъ отворились, какъ это было, когда я въ первый разъ вошелъ въ этотъ ешиботъ, пере-

полюнный тогда жизни и веселья, радости и блеска,—а теперь такой мрачный и холодный... Гробъ былъ внесенъ въ ешиботъ и поставленъ въ самой серединѣ залы между четырьмя колоннами, холодно и уныло обступившими его, какъ бы въ нѣмомъ недоумѣніи спрашивая другъ друга, что это совершается у нихъ подножія? Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ вслѣдъ за гробомъ проникла въ ешиботъ. Вездѣ было биткомъ набито. Люди стояли на скамейкахъ, на столахъ, на подоконникахъ. Около задней стѣны у выходовъ тѣснились преимущественно женщины. Глубокая, мертвая тишина стояла во всемъ ешиботѣ, временами прерываемая подавленными рыданіями. Безмолвные колонны величественно выступали надъ черною толпою, какъ бы прислушиваясь къ ея шепоту. Вдругъ, послышался старческій, дребезжащій голосъ самого рошъ-ешива:

— Раббойсай!.. Господа! передъ... нами... лежить... (голосъ его дрогнулъ)... лежить... сорванный... цвѣтокъ... Голосъ его оборвался. Послышались тяжелыя старческія всхлипыванія,—и вдругъ онъ зарыдалъ, зарыдалъ горько, неудержимо. Причитанія, перемежаемая горестными выкриками, слились въ одинъ непрерывный плачь. Дрожь пробѣжала по спинамъ всѣхъ присутствующихъ, судороги защемили горло, — и всѣ въ одинъ голосъ зарыдали. Вся эта тысячная масса, которая наполняла зданіе, превратилась какъ будто въ толпу плачущихъ дѣтей: кто пряталъ лицо въ ладони, кто прижималъ къ глазамъ сомканный платокъ, кто просто давалъ волю неудержимымъ слезамъ. Чаркунъ прижался подбородкомъ къ ручкѣ своей палки и яростно смотрѣлъ впередъ. Вирскій ревѣлъ. Словомъ, каждый по своему вторилъ отчаянному, душу раздирающему воплю рошъ-ешивы.

Рошъ-ешива ужомъ; только порывистыя всхлипыванія раздавались еще порою, отзываясь каждый разъ острою жгучею болью въ сердцахъ всѣхъ присутствующихъ. Его замѣнилъ у гроба сынъ—извѣстный раввинъ, еще недавно только присоединившійся къ ешиботской семьѣ и еще неуспѣвшій приобрѣсть никакой популярности среди ешиботниковъ. Это былъ еще крѣпкій, здоровый старецъ съ открытымъ внушительнымъ лицомъ, окаймленнымъ патріархальною, бѣлою бородой.

— Омаръ ребъ-Гохананъ—ребъ Гохананъ сказалъ,—пронесса надъ толпою его рѣзкій громовой голосъ,—и вся съезжившаяся

удрученная горемъ масса вдругъ, какъ одинъ человѣкъ, вздрогнула. Глаза у многихъ засверкали, лица съ любопытствомъ вытянулись, — и всѣ обратили свои взоры туда, гдѣ между двумя колоннами у изголовья чернаго гроба раздавались мощныя, глубоко-проникающія въ душу слова маститаго проповѣдника. Онъ говорилъ о безсмертіи, о будущей жизни, о воскресеніи мертвыхъ. Толпа, какъ будто моментально застыла; она жадно ловила каждое слово; ни одинъ возгласъ, ни одно рыданіе ни на минуту не заглушало словъ проповѣдника — и только глубокой душу раздражающій вадохъ временами вырывался изъ груди всѣхъ слушателей и волной проносился надъ недвижной толпой.

И вдругъ, послѣ этихъ громовыхъ словъ, снова послышались жалобныя, пискливыя причитанія. Говорилъ какой-то молодой ешиботникъ съ маленькой клинообразной бородкой и черными впалыми глазами.

— Учители и братья! — началъ онъ плачущимъ тономъ: — когда молодой воинъ готовится выступить на поле битвы, — что онъ дѣлаетъ? Онъ надѣваетъ на себя панцирь, беретъ съ собой оружіе и смѣло выходитъ на бой. Чѣмъ надежнѣе его панцирь, чѣмъ сильнѣе оружіе, тѣмъ онъ смѣлѣе и тѣмъ онъ увѣреннѣе въ своихъ силахъ и въ предстоящей побѣдѣ... Сегодня одинъ изъ насъ, молодой лѣтами, но опытный и сильный познаніями, выдѣлившись изъ среды своихъ товарищей, пошелъ впередъ, чтобы раньше насъ выступить на поле брани, завоевать себѣ безсмертіе и лучший удѣлъ въ будущей жизни. Что же служить ему панциремъ? Что составляетъ его оружіе? — Его броня — это святое ученіе, отъ котораго онъ ни разу не отступалъ, его оружіе — его добрыя дѣла! Но, мои дорогіе братья, случается иногда, что призванный часъ наступаетъ неожиданно, вдругъ... Кто изъ воиновъ можетъ тогда скорѣе рассчитывать на побѣду: тотъ ли, который, не снимая съ себя панциря и не расставаясь со своимъ оружіемъ, былъ всегда, во всякое время, готовъ выступить въ походъ, или тотъ, который въ минуту затишья совершенно снимаетъ съ себя броню и кладетъ ее въ одну сторону, оружіе — бросаетъ въ другую, а самъ — безопасно уходитъ пировать и веселиться? Счастливъ Слонимеръ, что онъ ни на минуту не расставался со своимъ панциремъ, не откладывалъ въ сторону своего оружія. Призванный часъ ударилъ для него неожиданно, — но онъ не дро-

гнулъ, не смутился! Онъ предстанетъ передъ Вѣчнымъ Судіею въ полномъ блескѣ своей лучезарной брони и во всеоружіи своихъ добрыхъ дѣяній. Дорогие братья! Никто изъ насъ не знаетъ, когда ударить для каждаго роковой часъ призыва; не будемъ же оставлять своей опоры, своего нанцира — святого ученія и своего оружія—угодныхъ Богу дѣяній,—и благо намъ будетъ. Аминь!

Стоявшія до сихъ поръ недвижно толпа вдругъ заколыхалась. Черныя носилки съ гробомъ снова поднялись надъ головами толпившагося у колоннъ народа и направились къ выходу. Раздался новый взрывъ рыданій,—и толпа, стоявшая на столахъ, скамьяхъ, подоконникахъ, начала спускаться внизъ — и также направилась къ главному выходу. Ешивотъ почти опустѣлъ. Только по угламъ разбѣстались десятка два ешивотниковъ, которые съ обычными своими озабоченными лицами уже покачивались надъ своими фоліантами, жалобно читая и причитывая, словно они оплакивали эти самые фоліанты. Между тѣмъ толпа, повинувшая ешивотъ, разбѣстилась вокругъ зданія, группирясь около поставленныхъ у самаго крыльца носилокъ съ покойникомъ. На ближайшую ступеньку взошелъ ребъ Яковъ-Мойна, молодой раввинъ-ешивотникъ, весьма популярный между своими сотоварищами, съ небольшою острою рыжею бородою, исхудалымъ желтымъ лицомъ и длиннымъ орлинымъ носомъ. Онъ захватилъ полъ своей убогой шубенки, закрылъ глаза и, хѣрно покачивая голову изъ стороны въ сторону, очевидно, что-то обдумывалъ.

— Братья!—началъ онъ тихо и внятно—передъ нами лежатъ безмолвный покойникъ, безвременно погибшій въ цѣлѣ лѣтъ, честный душою и сердцемъ, не успѣвшій еще согрѣшить на своемъ коретвѣмъ вѣку и ни разу не покидавшій святого ученія... Не хочетъ ли Провидѣніе намъ этихъ на чтонибудь указать, о чемънибудь напомнить? Мы знаемъ, что, если ктонибудь согрѣшилъ, то онъ долженъ принести очистительную жертву. Чѣмъ тягостнѣе грѣхъ, тѣмъ дороже должна быть жертва. Господь Богъ принималъ отъ насъ невинную чистую душу: не есть ли это жертва за наши грѣхи? Онъ выбралъ самую чистую, самую дорогую намъ жертву—не доказываетъ ли это, что мы совершили какое-нибудь ужасное преступленіе.. Братья! мы должны осмотрѣться, проникнуть въ свои души, провѣрить свою совѣсть: не тяготѣетъ ли надъ

нами какой нибудь страшный грѣхъ, тяжелая вина?.. Можетъ быть, между нами есть такіе, которые нагѣняли первоначальному идеалу, начертанному незабвеннымъ основателемъ нашего ешибота—великимъ ребъ Ханмомъ, которые готовы промѣнять святое ученіе Талмуда на какое нибудь другое ложное ученіе, хотѣли бы въ самомъ храмѣ чистой мысли воздвигнуть новые идолы и поклоняться имъ! Не за это ли наказываетъ насъ Богъ, не за это ли онъ требуетъ съ насъ очистительной жертвы?.. Слонимерь! — обратился Яговъ-Мойша къ покойнику: — ты сподобился стать очистительной жертвой за всѣ наши грѣхи! Тебя одного избралъ Всевышній, потому что ты былъ самый чистый, самый безгрѣшный изъ всѣхъ насъ! Если на жертвѣ бываетъ какой нибудь изъянъ, случается даже малѣйшій порокъ, то она уже неудобна Богу. Если же тебя самъ Господь избралъ очистительной жертвой за всѣхъ,—то сколь же ты чистъ и невороченъ!.. Слонимерь! Ты сейчасъ же предстанешь предъ очи Всевышняго Судии: моли у Него за всѣхъ насъ, проси у Него милости и прощенія, ибо если мы грѣшимъ, то только по невѣдѣнію своему, а тѣ грѣшники, которые нагѣренно совершаютъ преступленія, собственноручно пачкаютъ наше чистое святое дѣло, вводя въ нашъ чистый храмъ святого ученія смуту и мракъ,—тѣ не изъ нашего стада—и да не взыщется съ насъ за ихъ тяжкія вины!.. Слонимерь! Ты вступаешь въ лучшій, вѣчный міръ: тамъ у подножія Престола Всевышняго Отца среди Его избранниковъ ты увидишь нашего великаго учителя, насадителя нашего «дерева жизни»—ребъ Халма. Ты—первый изъ его питомцевъ сподобился прямо изъ воздвигнутаго имъ храма здѣсь на землѣ вступить въ храмъ Небснаго Отца! Онъ спроситъ у тебя: что слышно здѣсь, живетъ ли еще насажденное имъ древо, — скажи ему, что если даже нѣкоторые листочки и оторвались отъ него, что если даже сохранилась изъ нихъ одна только десятая часть, то, по словамъ пророка, подобно дубу, отъ котораго послѣ опаданія листьевъ остается одинъ только крѣпкій несокрушимый стволъ, — эта маленькая сохранившаяся горсть истинно преданныхъ ему питомцевъ останется вѣрной ему навѣки и подобно дубу же современемъ снова разрастется въ могучее несокрушимое дерево!.. Аминь, и такъ да будетъ Его Святая Воля!..

Онъ медленно сошелъ со ступеньки. Черный ящикъ снова

взвился надъ головами всѣхъ—и поплылъ впередъ. Раздался оглушительный крикъ погребальныхъ служекъ: «женщины въ сторону! женщины въ сторону!» Маленькій Іоська вихремъ метался среди толпы, повзвывая нѣсколькими мѣдными грошами въ черной заржавѣвшей кружкѣ и покриывая: «милостыня спасаетъ отъ смерти!» Покойникъ отъ ешиботняковъ какъ будто перешелъ въ распоряженіе «погребальнаго братства»; носильщики заторопились; изъ толпы многіе отстали и черезъ нѣсколько минутъ процессія уже очутилась на мостикѣ, переброшенномъ черезъ глубокій ровъ, отдѣлявшій кладбище отъ мѣстечка. Низенькій, потемнѣвшій и наклонившійся во многихъ мѣстахъ отъ времени и непогоды плетень черной полосой окружалъ обширную ослѣпительной бѣлизны свѣгомъ покрытую площадь кладбища, изрѣдка усѣянную темными четырехугольными камнями и убогими занесенными свѣгомъ елками. Покойника принесли къ свѣжей, только что вырытой могилѣ. Два ворона, сидѣвшихъ рядомъ на одной вѣткѣ стоявшей тутъ же сосны, взмахнули крыльями и медленно отлетѣли въ сторону, страхнувъ съ дерева нѣсколько хлопьевъ свѣга на черную крышку ящика. Покойника опустили въ яму, послышался частый стукъ жерлою земли о досчатую крышку гроба,—и вскорѣ ясно выдѣлился на бѣломъ фонѣ безконечной свѣжной поляны черный холмикъ свѣжей могилы.

VIII.

Неожиданный арестъ одного ешиботника и смерть другого—эти два событія потрясли весь ешиботъ до основанія. Престарѣлый, добрый и впечатлительный рошъ-ешива, такъ горячо любившій свой ешиботъ и своихъ учениковъ, въ теченіе тридцати сляшкомъ лѣтъ оберегавшій столь ревностно свое стадо отъ всякихъ напастей и смятеній, теперь долженъ былъ собственными руками похоронить одного изъ своихъ лучшихъ питомцевъ и быть безмолвнымъ свидѣтелемъ того, какъ какая-то виѣшняя, правда законная, сила налагала свою кару на другого за то, что тотъ, скрываясь подъ сѣнію святого ученія, совершалъ ничего общаго съ этимъ ученіемъ не имѣющія дѣла. Часто, сидя при чтеніи лекцій на своемъ вреслѣ у маленькаго столика, онъ вдругъ задумывался; старая, убѣленная сѣдинами голова его все ниже

опускалась на дрожащія руки, полузакрытыя, изъ подъ отяжелѣвшихъ вѣкъ глаза, какъ будто окутывались какимъ-то туманомъ, — и тяжелые вдохи одинъ за другимъ вырывались изъ его старческой груди. Передъ нимъ за длиннымъ столомъ сидѣли два ряда слушателей, глаза всѣхъ были устремлены на него; всѣ они напряженно ловили каждый звукъ, даже намекъ на какую-нибудь мысль; но онъ чувствовалъ, онъ зналъ, что тутъ передъ нимъ въ этихъ сотняхъ окружавшихъ его учениковъ — много званныхъ, но мало избранныхъ. Онъ зналъ, что только самая малая, можетъ быть, пятая часть изъ нихъ — это настоящіе ревнители святаго ученія, пришедшіе сюда исключительно его послушать и поучиться у него; другіе же, наоборотъ, еще далеко не совсѣмъ покончили со своимъ прещнымъ, не развѣичали своихъ прежнихъ кумировъ и готовы къ сватому ученію примѣшивать какія угодно живныя ученія, подъ фоліантами Талмуда прятать какія-нибудь другія, постороннія книжки, вводить въ самую заветную патриархальную жизнь ешибота духъ какой-то уличной необузданности и своеволія... И онъ вспоминалъ свои прежніе годы, то время, когда онъ, еще полный свѣжести и силъ, одинъ руководилъ всѣми этими сотнями стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ юношей. Онъ только-что вышелъ побѣдителемъ пещи долгой и отчаянной борьбы за главенство въ ешиботѣ; его слава и популярность росли изъ года въ годъ — и соотвѣтственно этому, все болѣе и болѣе увеличивались толпы окружавшихъ его слушателей. Единъ былъ пастырь — и едино было стадо. Въ этомъ стадѣ не было ни слабыхъ, ни отстающихъ, ни строптивыхъ. Оно было неразрывно связано со своимъ пастыремъ и слѣпо слѣдовало за нимъ. Его храмъ былъ убѣжищемъ только для тѣхъ, которые жаждали одного только слова Божія; все въ немъ произносилось и совершалось во имя Бора и во славу Его, — и никто-бы не рѣшился осквернить его святость какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ, постороннимъ словомъ и даже мыслью! А теперь... Онъ чувствуетъ, что силы оставляютъ его, ясный проницательный взглядъ его покрывается какою-то все болѣе сгущающеюся дымкою, яро свѣтившая до сихъ поръ мысль его, освѣщавшая ему всякіе пути, какъ въ мірѣ идейный, такъ и реальный, — блекнетъ и потухаетъ, какъ покинутый огонекъ въ пустынѣ... Въ его стадо затесались какія-то не вполне чистоплотныя овцы, которыя портятъ всѣхъ остальныхъ

нихъ; его храмъ превращаютъ въ какое-то торжище, гдѣ юноши вмѣсто того, чтобы углубляться въ святое ученіе, о чемъ-то шумятъ, спорятъ, чего-то добиваются, дерутся.. И нѣтъ у него силъ, чтобы остановить это страшное движеніе, изгнать оскверняющихъ его храмъ отступниковъ и водворить въ немъ прежній порядокъ, бывшую обаятельную чистоту!... И сѣдая голова его снова склонялась все ниже и ниже къ излюбленному Талмуду и двѣ крупныя слезы — словно насквозь прожигали желтыя, поматыя и потертыя страницы открытой передъ нимъ книги.

Его единственная надежда возлагалась еще на сына, уже много лѣтъ потрудившагося въ качествѣ раввина и руководителя духовно-нравственной жизни еврейскаго общества въ крупнѣйшихъ его центрахъ. Онъ уже два года живетъ тутъ около ешибота, старается проникнуть въ его внутреннюю жизнь, сойтись поближе съ воспитанниками, изучить ихъ духъ и требованія, чтобы современемъ блистательно оправдать возлагавшіяся на него надежды и сдѣлаться достойнымъ продолжателемъ великаго дѣла своего знаменитаго отца. Рошъ-ешива уже спокойно заглядываетъ въ будущее; онъ предвидитъ, что его святое дѣло не рухнетъ вмѣстѣ съ нимъ, что, если на закатѣ дней его и появились на горизонтѣ какія-то мрачныя тучки, то они разойдутся, какъ только взойдетъ новое свѣтило. Онъ хотѣлъ-бы только видѣть это своими собственными глазами; хотѣлъ-бы самъ вручить своему сыну свое неменѣе родственное излюбленное дѣтище — ешиботъ, — и только тогда уже переселиться въ святую землю, куда его всю жизнь влекло какою-то невѣдомою силой, и тамъ спокойно ожидать смерти... Но — увы! — и эта надежда его разлеталась, какъ дымъ: сколько онъ ни старался готовить почву для передачи ешибота въ руки сына, — цѣль его не достигалась. Ешиботники холодно и мрачно встрѣтили «новаго», когда онъ впервые появился среди нихъ и хотѣлъ имъ что-то сказать. Они съ любопытствомъ вглядывались въ его красивое полное лицо, широкую, аккуратно расчесанную бѣлую бороду, ясно свѣтившіяся изъ-подъ еще не вполне поблѣвшихъ бровей черныя глаза и во всю его крупную внушительную фигуру, — и какимъ-то чутьемъ предугадывали, что имъ придется имѣть дѣло съ крѣпкою сильною натурою, которая никогда и ни въ чемъ имъ не уступитъ и энергично возьметъ ихъ въ свои руки. Они, съ своей стороны, также рѣшились упорствовать

и настоять на своемъ. Конфликтъ между ешиботниками и ронгъ-ешивой началъ принимать все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Нашлись остряки, которые стали доказывать, что «новый» совѣтъ Талмуда не знаетъ, что онъ не способенъ и не достоинъ занимать кресла своего знаменитаго отца. Какой-то грязный двѣнадцатилѣтній оборванецъ, который уже успѣлъ прослыть геніальнымъ «илуемъ», хвасталъ передъ всѣми, что онъ однимъ вопросомъ припретъ «его» къ стѣнѣ и заставитъ уйти среди лекціи. Смута росла и разрасталась... И въ это-то самое время надъ ешиботомъ собралась новая гроза: въ ешиботъ пріѣхалъ ревизоръ!...

Первый узналъ объ этомъ Лейзеръ. Онъ, по обыкновенію, возвращался съ почты съ толстою пачкою писемъ въ рукахъ—и увидѣлъ, какъ мимо него промчался на парѣ почтовыхъ какой-то пожилой баринъ съ русой бородой и въ кэвардѣ. У него сердце дрогнуло; онъ наскоро опустилъ письма въ карманъ своего пальто, выспалъ на стѣгъ уже набитую и раскуренную трубку и остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный, широкими глазами провожая промчавшуюся кибитку—и еле дождался, пока возвращавшіеся ямщики поровнялись съ нимъ на улицѣ.

— Пилипъ, а Пилипъ!—кликнулъ его Лейзеръ дрогнувшимъ голосомъ:—кого возилъ?

— А нешто не видѣлъ—барина!

— Откуда.

— Изъ Вильны; сказывали—левизоръ!

— А куда онъ ѣздилъ?

— А Богъ его знаетъ!... А только, какъ мнѣ это выѣхали на базаръ—онъ тотчасъ, значить, и пытае: адѣ—говорить—фатера икнаго рабина,—значить, вашего? Я ему и показалъ.

Лейзеръ побѣднѣлъ; уже не оставалось больше никакихъ сомнѣній; онъ быстро побѣжалъ по направленію къ ешиботу, —и черезъ нѣсколько минутъ между ешиботниками пронеслась вѣсть, что пріѣхалъ ревизоръ. Всѣ растерялись. Ешиботники съ безпокойствомъ метались изъ стороны въ сторону, спрашивая другъ у друга совѣта и наставленія; младшіе обращались къ старшимъ, требуя руководства, но и тѣ ничего не могли имъ разъяснить, потому что сами не знали, какъ слѣдуетъ поступать въ подобныхъ случаяхъ.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Огромная ешиботская зала была

освящена множествомъ огней и вся она была почти наполнена ешиботниками, разбѣстившимися по разнымъ угламъ у общихъ столовъ, на маленькихъ, отдѣльныхъ столикахъ, и у оконъ около скамеекъ, въ которыхъ спинки поднимались вверхъ, образуя тоже нѣчто въ родѣ столиковъ. Тутъ было омоло 250 воспитанниковъ, вписанныхъ въ ешиботскій журналъ и почти столько же неписанныхъ, вольныхъ слушателей. Въ глубинѣ залы у передней стѣны стоялъ рошъ-ешива въ длинномъ, темномъ халатѣ, перехваченномъ поясомъ, въ дорогой мѣховой шапкѣ и въ туфляхъ. Широкій воротникъ рубашки далеко загибался наружу, сверкая своей бѣлизной на темной матеріи халата. Коротенькими, пухлыми руками онъ слегка придерживалъ спереди поясъ, — и утомленный взоръ любовно переходилъ отъ одной группы углубленныхъ въ святое ученіе ешиботниковъ — къ другой. Возлѣ него стоялъ его помощникъ, съ которымъ онъ по очереди дѣлилъ ежедневныя лекціи. Это былъ еще молодой коренастый человѣкъ съ огромнѣйшей головою, которую онъ, какъ бы вслѣдствіе тяжести, не могъ держать прямо, а всегда слегка свѣшивалъ впередъ; между ешиботниками онъ слылъ геніемъ; его лекціи вызвали изумленіе и посѣщались еще съ большей охотой, чѣмъ лекціи самого рошъ-ешивы. Онъ стоялъ, по обыкновенію, низко опустивъ голову и близорукими глазами просматривая какую-то книгу. Немного поодаль стоялъ еще одинъ оффціально причисленный къ ешиботской администраціи раввинъ, слабый и тщедушный, на котораго никто, очевидно, не обращалъ никакого вниманія. Впереди всей этой группы стоялъ сынъ рошъ-ешивы въ дорогой соболей шапкѣ и длинномъ черномъ шелковомъ сюртукѣ. Широкая, тщательно расчесанная, бѣлая борода покрывала его богатырскую грудь. Онъ о чемъ-то тихо разговаривалъ со своимъ молодымъ зятемъ и отъ времени до времени бросалъ безпокойные взгляды на дверь. Въ ешиботѣ стоялъ одинъ непрерывный гулъ отъ множества различныхъ голосовъ.

Наконецъ, дверь отворилась — и вошелъ «онъ». Гулъ не прекратился; никто изъ ешиботниковъ не обратилъ на вошедшаго никакого вниманія. Онъ остановился въ недоумѣніи и снялъ фуражку. Простоявъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, онъ пошелъ впередъ и направился прямо къ группѣ стоявшихъ у передней стѣны раввиновъ. Обиѣнявшись съ ними привѣтствіями, онъ что-то

такое проговорилъ по русски, но никто его, очевидно, не понялъ. Онъ заговорилъ по нѣмецки...

Между ешиботниками пронеслась вѣсть, что ревизоръ хочетъ поговорить съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно съ глазу на глазъ. Тутъ же въ зданіи ешибота между прихожей и небольшой женской моленной была маленькая пустая комната. Туда внесли столъ и поставили нѣсколько свѣчей, — и тутъ-то происходила допросъ. Ешиботники поодиночку входили въ эту комнату, плотно запирали за собою дверь и тутъ оставались въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ глазу на глазъ съ ревизоромъ. Допросъ продолжался до поздней ночи. Никто не зналъ, о чемъ «онъ» говорилъ съ каждымъ изъ ешиботниковъ и что каждый отвѣчалъ на «его» вопросы. Наконецъ, послѣдній по списку вышелъ, какъ и всѣ прочіе, — испуганный и блѣдный и тотчасъ же вмѣшался въ толпу окружавшихъ его товарищей. За нимъ вышелъ ревизоръ; ему подали шубу — и онъ направился къ выходу. Ночь стояла холодная и темная; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Маленькія, темныя тучки, одна за другой, по очереди, поспѣшно подбѣгали къ лунѣ, что-то ей шепотомъ передавали — и тотчасъ же уходили въ сторону, уступая свое мѣсто другимъ. Ревизоръ медленно пробирался къ своей квартирѣ, стоявшей на самомъ краю мѣстечка. Вдругъ, изъ-за какого-то угла къ нему торопливо подошли какія-то три темныя фигуры. Онъ испуганно остановился и слегка попятился назадъ. Луна любопытно выглянула изъ-за тучки, — и испуганный ревизоръ увидѣтъ передъ собою трехъ воспитанниковъ ешибота. Они молча вручили ему три запечатанныхъ конверта и незамѣтно удалились. Набѣжавшая темная туча покрыла все непроницаемой черною мглой...

Ревизоръ уѣхалъ, не оставивъ послѣ себя въ ешиботѣ никакихъ слѣдовъ своей ревизіи, кромѣ однихъ только загадочныхъ значковъ и пометокъ въ ешиботскомъ журналѣ противъ фамилій нѣкоторыхъ изъ допрошенныхъ имъ воспитанниковъ. Пробовали сопоставлять нѣкоторые изъ этихъ значковъ съ поступками и образомъ мыслей тѣхъ воспитанниковъ, имена которыхъ отмѣчены были этими значками, — и увы! — противъ нихъ поневолѣ возникали самыя страшныя, самыя ужасныя подозрѣнія!.. Начались «казни». Шестъ человекъ изъ наиболѣе подозрительныхъ тотчасъ же лишены были еженедѣльной стипендіи и, по распоряженію

ешиботской администраціи, выброшены изъ квартиръ на улицу, несмотря на безопаздную зимнюю стужу. Этимиъ еще суровыя мѣры не ограничивались; многіе ожидали себя подобной же участи. Терроръ все болѣе и болѣе возрасталъ. Въ смятеніи нельзя было отличить виновныхъ отъ невиновныхъ,—и тяжелая черная туча, повисшая надъ ешиботомъ, все болѣе сгущалась, темнѣла и только зловѣще притаилась для того, чтобы разразиться послѣднимъ ударомъ грома...

IX.

Въ серединѣ зимы рошъ-ешива заболѣлъ; онъ не могъ выйти изъ дому, и его лекціи прекратились на неопредѣленное время. Однажды, день былъ свѣтлый, солнечный, ешиботники, по обыкновенію, наполняли ешиботъ; многіе сидѣли у большого общаго стола, за которымъ обыкновенно происходило чтеніе лекцій, другіе рассказывали, третьи—пристроились по разнымъ другимъ столикамъ и учили про себя. Вдругъ, дверь отворилась — и въ ешиботъ вошелъ сынъ рошъ-ешивы. Твердою поступью онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно сидѣлъ его отецъ, раскрылъ лежавшій передъ нимъ трактатъ Талмуда на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ заканчивалась послѣдняя лекція, вынулъ изъ кармана большой красный шелковый платокъ и серебряную табакерку и, положивъ ихъ передъ собою, два раза ударилъ ладонью по столу, привлекая всѣхъ къ вниманію. Глухой ропотъ пронёсъ по рядамъ; всѣ, однако же, чинно усѣлись, притаили дыханіе и съ напряженнымъ вниманіемъ ждали перваго слова. Онъ ласково осмотрѣлъ всѣхъ усѣвшихся около стола слушателей и громкимъ голосомъ ясно и отчетливо началъ:

— «Тону рабонувъ — учителя наши учили»... Но не успѣлъ онъ окончить втораго слова, какъ гдѣ-то на дальнемъ углу стола послышался какой-то дѣтскій ныкливый голосокъ:

— Рабби! Я долженъ вамъ предложить одинъ вопросъ...

— Спрашивай, сынъ мой.

— Почему...

Вдругъ, на другомъ концѣ стола поднялся какой-то кудластый, обросшій и растрепанный ешиботникъ и, держа въ рукахъ раскрытую книгу, какъ-то грубо крикнулъ:

— И у меня есть вопросъ...

— И у меня—вопросы!—послышалось въ другомъ мѣстѣ стола.

— И я долженъ спросить! — раздалось въ серединѣ толпы.

— И я!..

— И я!..

— Ша!..

Кто-то ударилъ кулакомъ по столу. За первымъ ударомъ раздался другой...

— Господа!—послышался среди общей суматохи твердый, ровный и мужественный голосъ лектора:—я вамъ отвѣчу на всѣ ваши вопросы,—только садитесь и дайте мнѣ время обдумать каждый вопросъ отдѣльно.

Но было уже поздно: какая-то искра перелетѣла отъ одного къ другому—и вдругъ вся окружающая столъ толпа разомъ зашумѣла, затоптала ногами, зашумѣла—и побагровѣвшій лекторъ, закрывъ лежавшій передъ нимъ трактатъ, всталъ и вышелъ изъ ешибота... Но шумъ еще долго послѣ его ухода не прекращался и не умолкалъ—и, вырываясь наружу сквозь двойныя рамы, навелъ ужасъ на собравшихся около ешибота недоумѣвающихъ мирныхъ мѣстечковыхъ обывателей.

Рошъ-ешива лежалъ больной въ своей постели, окруженный своими лучшими, преданнѣйшими учениками, не переставая имъ цитировать различныя мѣста изъ Священнаго Писанія и разныхъ комментарий къ нимъ изъ Талмуда и Мидраша. Когда со стороны ешибота послышался шумъ, кто-то изъ стоявшихъ около постели распорядился воплотнѣ затворить дверь, чтобы шумъ этотъ не дошелъ до слуха больного. Но рошъ-ешива уже услышалъ, что тамъ въ ешиботѣ что-то совершается... Онъ обратился лицомъ въ ту сторону, гдѣ уголъ красной желѣзной крыши ешибота почти упирался въ окно его дома,—и изъ полузакрытыхъ глазъ его потекли горькія неудержимыя слезы...

Между тѣмъ приближался конецъ зимы. Здоровье рошъ-ешивы, сильно пошатнувшееся благодаря послѣднимъ событіямъ, начало немного поправляться. Въ другое время ешиботники послѣ пяти мѣсяцевъ непрерывныхъ занятій—уже разбѣхались бы по домамъ на праздникъ Пасхи; но этотъ годъ какъ-разъ былъ високосный,—и зимній семестръ затянулся на лишній мѣсяць, такъ что никто изъ ешиботниковъ не уѣзжалъ. Насталъ день новомѣсячія

второго Адара. Ешиботникамъ вдругъ объявлено было, что никто изъ нихъ не получитъ стипендіи на наступающій мѣсяцъ, такъ какъ ешиботскія средства позволяютъ только содержать воспитанниковъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ, для шестого же средствъ не хватаетъ. Распоряженіе это какъ громомъ поразило всѣхъ ешиботниковъ; приписывали они его единственно «капризамъ» и своеволю новаго рошъ-ешивы, подкрѣпляемымъ жадностью и корыстолюбіемъ старой «ребеницъ». Возбужденные и деморализованные послѣдними событіями, они сразу же рѣшили дать рѣшительный отпоръ этимъ нововведеніямъ и отстоять свои интересы. Ешиботники начали собираться на тайныя «асифы» и тутъ давали волю своимъ разнуздааннымъ истинностямъ. Прованосились рѣчи и воззванія; по рукамъ ходили какія то прокламаціи, о Талмудѣ совершенно забыли; лекціи не посѣщались и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали перваго четверга, когда обыкновенно происходила раздача стипендій—«халува».

Наконецъ, роковой четвергъ насталъ. Всѣ почти ешиботники наполнили ешиботъ и съ часу на часъ ожидали какого нибудь посланца отъ рошъ-ешивы. Наступилъ вечеръ—никто не приходилъ. Лейзеръ нѣсколько разъ появлялся между ешиботниками въ своей засаженной лоснящейся ермогѣ, въ очкахъ и съ неизвѣнною трубкой въ зубахъ,—но ничего имъ не говорилъ и, очевидно, не былъ снабженъ никакими инструкціями. Явился ешиботскій служитель Шайка,—маленькій человѣчекъ съ огромной, какъ будто приклеенной, какъ у балаганныхъ артистовъ, бородой—и началъ зажигать лампы. Ревностные «машмедимъ», не принимавшіе участія въ сходкахъ ешиботниковъ, разбрелись по своимъ угламъ и по обыкновенію уже принялись показываться надъ своими фоліантами, словно около нихъ ничего особеннаго не совершалось. Коноводы собрались въ кучку около большого стола и начали все болѣе и болѣе горячиться. Около нихъ собирались другіе и толпа быстро разрасталась.

— Слыханное ли это дѣло,—горячился одинъ маленький плюгавенькій ешиботникъ, яростно сверкая позеленѣвшими глазами и размахивая руками, — чтобы деньги, которыя собираются со всего міра для поддержанія бѣдныхъ ешиботниковъ, уходили по карманамъ различныхъ дѣйствительныхъ и недѣйствительныхъ

ешиботскихъ администраторовъ, ихъ женъ и родственниковъ, которые наряжаются въ бархатъ и шелкъ, а мы должны голодать?!

Нѣкоторые подхватывали его слова и подтверждали ихъ различными доводами. Крикъ и шумъ все болѣе и болѣе усиливались. Возбужденныя лица ешиботниковъ принимали зловѣщій отбѣнокъ; глаза у многихъ яростно сверкали ненавистью и злобой. Отъ «нихъ» никто не являлся. Одинъ только Лейзеръ пугливо притаялся гдѣ то въ темномъ уголку и робко выглядывалъ оттуда, поныхая своей неизбѣнной трубкой. Между тѣмъ, возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ. Начался невообразимый топотъ; казалось, что полъ рухнетъ подъ ногами озвѣрѣвшихъ ешиботниковъ. Въ эту минуту вошелъ Шайка и полѣзъ на столъ, чтобы поправить дымившую лампу.

— А, шпионить! — крикнулъ кто то: — долой Шайку, долой шпиона!..

— Долой его!.. Долой шпиона!..—раздалось со всѣхъ сторонъ, и толпа бросилась за обезумѣвшимъ отъ ужаса Шайкой. Въ испугѣ онъ уронилъ горящую лампу на полъ и еле увернулся отъ направленныхъ на него ударовъ. Между тѣмъ, горящія лампы полетѣли одна за другой на полъ и со звономъ разлетались въ дребезги при шумѣ и хохотѣ одичавшей толпы. Черезъ минуту всѣ столы и скамейки уже лежали опрокинутыми вверхъ ногами на полу. Толпа ревѣла и топтала все, что попадалось подъ ноги. Стѣны, окна и даже колонны дрожали и готовы были обрушиться на эту обезумѣвшую отъ испуга толпу..

Вдругъ дверь открылась, и въ ешиботъ медленно вошелъ старый, дряхлый, обезсиленный недугомъ, кроткій и ласковый рошъ-ешива... Вмигъ все замолкло. Всѣ застыли въ оцѣпенѣніи и съ ужасомъ устремили свои взоры туда, гдѣ у самыхъ дверей стоялъ престарѣлый рошъ-ешива, поддерживаемый подъ руки съ одной стороны сыномъ, а съ другой—внукомъ. Онъ съ трудомъ поднималъ свои отяжелѣвшія вѣки, медленно обвелъ усталымъ взоромъ весь представшій передъ нимъ въ полумракѣ хаосъ—и зашевелилъ губами, желая, очевидно, что то сказать; но, вдругъ, губы его какъ то судорожно перекозились; въ глазахъ показались слезы,—и громкія, тяжелыя рыданія огласили зданіе, только что потрясенное яростными криками дикой, необузданной толпы . . .

Прошло два года. Я ѣхалъ по той же дорогѣ. Густой мракъ по прежнему висѣлъ надо мною, окутывая и застилая все, что только ожидало меня впереди на моемъ тяжеломъ, ухаби-стомъ и неровномъ пути... Но я напрасно всматривался вдаль, не свѣтитса ли впереди тотъ чудный огонекъ, который меня когда то такъ ласково манилъ къ себѣ, обѣщая желанный миръ и покой послѣ долгой утомительной дороги: увы! этотъ огонекъ потухъ навсегда!..

Я поѣхалъ далѣе. Мѣстечко, еще недавно такое оживленное, теперь пораждено пустотой и господствовавшимъ вездѣ уныніемъ. Даже Берка уже не такъ лихо взбирался на своей замученной парѣ на гору, а еле-еле подбадривалъ ее какимъ нибудь ласковымъ словомъ,—и даже самъ слѣзалъ съ козелъ, чтобы своими старыми дрожащими руками подтянуть вмѣстѣ съ ними вверхъ свой ветхій фургоны. Оберъ-шамесъ Гирша, осунувшійся, посѣдѣвшій и совершенно потерявшій свой молодцоватый выправлен-ный видъ, еле узналъ меня и въ отвѣтъ на мое привѣтствіе, только крикнулъ и понюхалъ табачку. Мы подѣхали къ ешивоту. Обширное зданіе уже не щеголяло попрежнему своей свѣжестью и бѣлизною; штукатурка около оконъ и подъ карнизами во мно-гихъ мѣстахъ отвалилась, обнаруживъ подъ собою рыхлый желто-ватый кирпичъ. Дорожка, ведущая къ парадному крыльцу, за-росла мелкою травой. Парадные двери, которыя никогда раньше ни на минуту не закрывались, теперь были наглухо заколочены и надъ ними зияла роковая темная печать. Стекла въ оконныхъ рамахъ позеленѣли и отливали радужными цвѣтами. Въ одномъ изъ оконъ паукъ уже наладилъ свою наутину и зорко выслѣжи-валъ изъ своего угла трепещущую въ его сѣтяхъ добычу.

Я невольно вздохнулъ.

— А знаете ли, что тутъ дѣлается по ночамъ?—шенотомъ спросилъ меня Берка.

— Что?

— Каждую ночь, когда всѣ въ мѣстечкѣ засыпаютъ, тутъ внутри между колоннами показывается огонекъ и Слонимеръ—память его да будетъ благословенна!—садится за Талмудъ и учитъ до самой зари...

М. Рывкинъ.

3*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛИТЕРАТУРА «ВЛАГЛИХЪ НАМѢРЕНІЙ».

Къ Селму. Разсказъ И. Франко. Міръ Божій, 1895 г. Февраль.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться.

Крыловъ.

I.

Отъ времени до времени въ общей литературѣ появляются разсказы, очерки, а то даже и романы, всецѣло посвященные еврейской жизни или болѣе или менѣе ее затрогивающіе. Всѣ эти произведенія могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: юдефобскія и неюдефобскія, — особнякомъ стоятъ весьма немногія. Въ общемъ можно сказать, что къ первой группѣ принадлежатъ всѣ романы, болѣе мелкія вещи — ко второй; и такое подраздѣленіе вполне понятно: чтобы написать романъ изъ жизни какой бы то ни было группы людей, надо быть близко знакомымъ съ этою жизнью. Русскіе писатели, въ большинствѣ случаевъ, такимъ знакомствомъ съ еврействомъ не обладаютъ, поэтому то ни одинъ добросовѣстный беллетристъ не возьмется за подобный романъ. Другое дѣло — тѣ, для которыхъ не существуетъ никакихъ иныхъ требованій, кромѣ требованій аппетита, тѣмъ прямой расчетъ писать длинныя романы: чѣмъ длиннѣе — тѣмъ выгоднѣе; притомъ это имъ ничего не стоитъ: матеріаловъ они не собираютъ, дѣятельностью не интересуются, вся работа ихъ состоитъ въ томъ, какъ бы нагромоздить побольше ужасовъ и небывицъ. На подобнаго рода произведенія спросъ, по нынѣшнимъ временамъ, очень большой; спросу удовлетворяетъ цѣлый рядъ поставщиковъ, немилосердно надувающихъ свою публику, доставляя ей гнилой товаръ.

Читать эти, съ позволенія сказать, романы—очень весело: они представляют сложной обвинительный актъ противъ своихъ же авторовъ, выдавая ихъ головою мало-мальски вдумчивому читателю.

Совершенно иное зрѣлище представляютъ произведенія второй группы писателей.

Намѣренія авторовъ здѣсь весьма симпатичны; часто они въ своихъ разсказахъ желаютъ поднять голосъ противъ всеобщей гавли, противъ предрасудковъ, укоренившихся за послѣднее время; стараются ихъ опровергнуть, доказать, что и еврей—человѣкъ, и что онъ поэтому обладаетъ не только пороками, но и добродѣтелями, свойственными всѣмъ людямъ, и т. д.

Правда, неутѣнителенъ *raison d'être* подобныхъ произведеній: велико умственное убожество того общества, которое нуждается въ доказательствѣ столь элементарныхъ истинъ, но съ этимъ надо мириться, къ этому не привыкать—стать.

Къ сожалѣнью, здѣсь проявляется одна очень печальная черта. Непониманіе ли это или незнакомство съ описываемымъ, или же вліяніе окружающаго мрака—трудно опредѣлить. Вѣрнѣе всего, что все вмѣстѣ: писатели не-евреи не знаютъ еврейской жизни, не могутъ проникнуться чуждыми страданіями, понять положеніе настолько исключительное, что человѣкъ свѣжій и не повѣритъ въ его существованіе, тѣмъ болѣе въ то время, когда кругомъ гнѣтитъ вакханалія антисемитизма. И вслѣдствіе этого въ ихъ произведеніяхъ проводятся такіе идеи и взгляды, которые недостойны ни самихъ произведеній, ни ихъ авторовъ.

Дѣло, кажется, происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Писатель, незнакомый съ еврейскою жизнью (а вѣдь исключенія такъ рѣдки!), читая и слыша безпрестанныя дикія выходки ксенофобовъ и мракобѣсовъ, видя всяческія притѣсненія, мало по малу, почти незамѣтно для самого себя, проникается убѣжденіемъ, что еврей, дѣйствительно, если и не состоитъ поголовно изъ мошенниковъ, то, во всякомъ случаѣ, представляютъ изъ себя нѣчто весьма несимпатичное; онъ, можетъ статься, по гуманности, не выскажетъ этого печатно, но, въ глубинѣ души, онъ въ этомъ увѣренъ.

Но, съ другой стороны, этотъ непредубѣжденный человѣкъ (по большей части «либералъ»), получивъ гуманное образованіе

на великихъ писателяхъ и мыслителяхъ, знаетъ, что немислима народная группа людей, состоящихъ исключительно изъ ростовщиковъ и негодяевъ; наконецъ, онъ знаетъ благотворное дѣйствіе просвѣщенія. Какъ же примирить это противорѣчіе: съ одной стороны поголовные мошенники, съ другой — какъ будто и не можеть цѣлый народъ, цѣлая «раса» состоять исключительно изъ жуликовъ?

Какъ же быть?

Можно выбрать такой исходъ: еврей не человѣкъ, по крайней мѣрѣ, не такой человѣкъ, какъ остальные люди. Такое рѣшеніе было бы вполне нормально въ настоящее время, когда какъ будто возникаетъ, подъ покровительствомъ невѣжества, культъ арийца. Но *образованному* и непредубѣжденному человѣку выбрать такой исходъ не позволяетъ это самое его образованіе, знакомство, хотя бы и поверхностное, съ естественными науками; да это какъ то и неловко послѣ французской революціи, войны за освобожденіе негровъ и т. д.

Остается нашему непредубѣжденному писателю придти къ такому заключенію: еврей можеть сдѣлаться честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, если онъ отрѣшится отъ всего еврейскаго, сдѣлается во всемъ похожимъ на не-еврея и т. д., короче: *еврей можеть быть порядочнымъ человекомъ, только когда онъ перестанеть быть евреемъ.*

Не знаемъ, таковъ ли въ дѣйствительности ходъ размышленій писателя не-еврея передъ тѣмъ, какъ онъ садится писать рассказъ о нашихъ соплеменникахъ (иногда подобный выводъ является, можеть быть, бессознательно), но результатъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, что въ большинствѣ рассказовъ изъ еврейской жизни, написанныхъ «не-юдофобами», такъ или иначе, сквозить подчёркнутая выше мысль.

Такая тенденція не мѣшаетъ нѣкоторымъ, въ порывѣ гуманнаго великодушія, дѣлать евреевъ прямо-таки идеальными людьми, чуть-чуть не ангелами, — при одномъ только условіи: когда эти евреи перестаютъ быть евреями.

На первый взглядъ кажется, будто эта тенденція уничтожаетъ смыслъ рассказа: въ самомъ дѣлѣ, разъ еврей (герой рассказа) пересталъ быть евреемъ (конечно, подъ этимъ не подразумѣвается переходъ въ христіанство), то причемъ же тутъ еврейство и при-

чемъ весь рассказъ, долженствующій, яко-бы, замолвить доброе слово за евреевъ. Но въ дѣйствительности пропадаетъ только гуманность рассказа, и его цѣль замѣняется другою, чуть ли не противоположною: во первыхъ, ужь одно то, что для того, чтобы выставить порядочнаго еврея, авторъ ищетъ его среди тѣхъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ еврействомъ, показывается, что онъ не надѣялся найти порядочнаго человѣка среди «настоящихъ» евреевъ. Во вторыхъ, авторъ особенно рѣзко выставляетъ на видъ 1) насколько его еврей приближается къ «намъ» (съ точки зрѣнія автора) и 2) насколько онъ *при этомъ* хорошъ (иногда даже, какъ выше сказано, идеаленъ), такъ что наводитъ на мысль, что авторъ второе обуславливаетъ первымъ, а, слѣдовательно, относительно евреевъ, какъ таковыхъ, весьма не авантажнаго мнѣнія.

Такимъ образомъ тенденція сводится къ слѣдующему, быть можетъ, для самого автора нѣсколько неожиданному афоризму: «Еврей, самъ по себѣ, мошенникъ; переставшій имъ быть — можетъ быть довольно порядочнымъ человѣкомъ».

Впрочемъ, во всемъ этомъ литература идетъ рука объ руку съ жизнью. Случалось ли вамъ, читатель, чтобы вашъ знакомый (не-еврей, конечно) весьма просвѣщенный и притомъ обходительный человѣкъ, желая сказать вамъ что-нибудь очень пріятное, говорилъ бы: «ахъ вы совсѣмъ не похожи на еврея» (или еврейку).

На меня гуманные рассказы «не-юдофобовъ» производятъ именно такое впечатлѣніе, какъ будто ихъ авторы заявляютъ: «вотъ мой герой; неправда ли, прекрасный человѣкъ и, притомъ, совсѣмъ не похожъ на еврея».

Сказавъ такой лестный комплиментъ, просвѣщенные знакомые и писатели снисходительно улыбаются, въ сознаніи своей высокой гуманности.

Воображаемъ себѣ ихъ непритворное удивленіе и даже благородное негодованіе, когда вы заявите, что этотъ комплиментъ для васъ не комплиментъ, а оскорбленіе!..

Итакъ, къ чему сводится разница въ тенденціяхъ, проявляющихся въ произведеніяхъ юдофобовъ и не-юдофобовъ? Первые утверждаютъ, что еврей поголовно ростовщикъ и т. д.; вторые-съ этимъ молчаливо соглашаются (въ лучшемъ случаѣ не затрогиваютъ этого вопроса, въ худшемъ — рѣшаютъ его такъ же, какъ юдофобы), но прибавляютъ, что при извѣстныхъ условіяхъ (когда

еврей настолько облизится съ «нами», что въ немъ уже не останется почти ничего еврейскаго) они могутъ сдѣлаться довольно таки порядочными людьми. Въ свою очередь, юдофобъ не станетъ этого оспаривать, онъ развѣ только прибавитъ, что не вѣрится въ возможность еврея перестать быть имъ.

Вотъ къ чему приходятъ авторы не юдофобы, которыхъ (если не всегда, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ) нельзя отказать съ *малыреніемъ* высказаться за то, что евреи такіе же люди, какъ и не-евреи, ничѣмъ не отличаются отъ этихъ послѣднихъ и т. д.

Благодаря *незнанію* и *непониманію*, они приходятъ къ такимъ же выводамъ, къ которымъ тянутся юдофобы, съ завѣдомою *недобросовѣстностью*.

Поэтому то, если весело читать произведенія юдофобовъ, облачающія ихъ недобросовѣстность, за то грустно читать произведенія другихъ авторовъ, людей часто дѣйствительно гуманныхъ, старающихся отнестись гуманно и къ евреямъ, но по незнанію или непониманію, проводящихъ такіа мысли, которыя едва ли соотвѣтствуютъ ихъ намѣреніямъ.

Ближайшая причина этого явленія заключается въ современномъ антисемитическомъ движеніи, нагнавшемъ густой туманъ и сбившемъ съ толку многихъ и многихъ, но такъ какъ и само то оно лишь признакъ времени, то первой основной причиной слѣдуетъ признать общую реакцію, общее оскуднѣніе мысли.

Да это и вполне понятно: беллетристика *должна* служить отраженіемъ жизни общества, но чаще она *служитъ* лишь зеркаломъ его настроеній.

Впрочемъ, слѣшамъ оговориться, что есть и въ нашей литературѣ немногія (почти единичныя) произведенія, въ которыхъ авторы ихъ изображаютъ жизнь и настроенія, не поддаваясь имъ, а освѣщая ихъ со своей гуманной, человѣчной точки зрѣнія. Произведенія этихъ то писателей и суть тѣ, про которыя мы сказали, что они стоятъ особнякомъ.

- Главная отличительная черта подобныхъ произведеній это— *отсутствіе тенденціозности*.

Тенденціозность всегда вредитъ художественности разсказа, его жизненной правдѣ; въ особенности же тогда, когда автору мало знакомъ описываемый предметъ,— тутъ уже тенденціозность ведетъ къ искаженіямъ. При этомъ не важно, въ какую сторону

она направлена, напр., въ данномъ случаѣ: въ защиту евреевъ или наоборотъ; результаты въ обоихъ случаяхъ, какъ ми видѣли, не Богъ знаетъ, какъ различаются между собой, и, во всякомъ случаѣ, они не достигаютъ цѣли: юдофобы вмѣсто того, чтобы бросить тѣнь на евреевъ, чернятъ лишь самихъ себя въ глазахъ вдумчиваго читателя, а не-юдофобы высказываютъ мысль, отъ которой навѣрно не откажутся завзятые антисемиты.

Нѣтъ, тенденціозности не надо; она даже вредна, хотя бы была направлена въ защиту, въ оправданіе евреевъ. Да евреи и не нуждаются въ защитѣ, тѣмъ болѣе въ оправданіи: защищать надо тогда, когда справедливо обвиняютъ, когда же нагло клеветаютъ—то необходимо только обнаруживать истину. Поэтому, если авторъ безъ всякой задней мысли рисуетъ еврея, какъ онъ есть, то онъ уже тѣмъ самымъ защищаетъ его. Тенденціозныя же произведенія достигаютъ, какъ уже сказано, какъ разъ противоположныхъ намѣреній авторовъ результатовъ.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ такихъ съ *бланными намперами* написанныхъ произведеній можетъ служить рассказъ «Бъ свѣту», напечатанный во 2-й книгѣ журнала: «Міръ Воші» за нынѣшній годъ.

Рассказъ этотъ самъ по себѣ, разумѣется, не заслуживаетъ особеннаго подробнаго разбора; но ми на немъ останавливаемся потому, что онъ принадлежитъ въ числу наиболѣе типичныхъ произведеній подобнаго рода.

II.

Рассказъ этотъ переведенъ съ русинскаго; авторъ его — И. Франко.

Изъ библиографической замѣтки, помѣщенной передъ разговоромъ, ми узнаемъ, между прочимъ, что произведенія этого автора являются «правдивымъ отраженіемъ дѣйствительной жизни, согрѣтымъ искреннею любовью къ людямъ» и что «все его рассказы какъ и переведенный нами (ж. М. Воші) «До свѣгла» передаютъ, *по словамъ изъ автора*, факты непосредственно ему извѣстные, представляютъ людей, лично ему знакомыхъ, повѣствуютъ о событіяхъ имъ самимъ пережитыхъ» и т. д.

О его гуманномъ направленіи можно судить по первымъ же страницамъ рассказа, въ которыхъ онъ сравниваетъ «нижніе слои

народовъ міра» съ водой, находящейся на днѣ моря, лишенной всякой жизни, всякаго движенія, представляющей огромное кладбище, гдѣ гложетъ всякая живая сила, всякая мысль.

«А развѣ не болитъ,—говорить онъ,—наше сердце при мысли про тысячи и тысячи такихъ, которые сиделись вырваться изъ темноты, горевали о свѣтѣ, рвались на волю, и все напрасно?»

Если не удовлетвориться одними словами автора, то уже то обстоятельство, что переводъ его разсказа появился на страницахъ столь симпатичнаго журнала, какъ «Мірѣ Вожій», ручается за гуманность разсказа, по крайней мѣрѣ за его гуманность въ глазахъ автора и редакціи.

Такъ, значитъ, и запишемъ: г-нъ Франко хотѣлъ написать гуманный разсказъ и замолвить за евреевъ доброе слово, что онъ (въ своихъ глазахъ и въ глазахъ другихъ интеллигентныхъ неевреевъ) и исполнилъ въ разсказѣ: «Къ свѣту».

Въ самомъ дѣлѣ, разсказъ г-на Франко повѣствуетъ объ одномъ изъ тѣхъ тысячъ и тысячъ, за которыхъ болитъ его сердце: объ еврейскомъ мальчикѣ Іосью Штернѣ.

На основаніи сказаннаго мы имѣемъ право ожидать отъ автора теплаго отношенія къ жертвѣ стремленій къ свѣту (и дѣйствительно находимъ его), ожидать близкаго знакомства съ описываемымъ бытомъ и правдиваго его изображенія... но не будемъ забѣгать впередъ, — лучше обратимся къ разсказу.

Авторъ разсказываетъ со словъ одного тюремнаго завсегдатая, какъ однажды, въ бытность его въ тюрьмѣ, туда ночью привели новаго арестанта. Новый арестантъ и оказался 16-ти лѣтнимъ еврейскимъ мальчикомъ Іосью Штерномъ.

Лицо, отъ котораго ведется повѣствованіе, и его товарищъ по заключенію, панъ Журновскій, приласкали Іосью, и тотъ имъ вполнѣдствіи разсказалъ свою исторію.

Іосья былъ круглый сирота и жилъ у шинкаря Мошки, который въ некоторое время держалъ его вмѣстѣ со своими дѣтьми, а потомъ (когда Іосью минуло 7 лѣтъ) заставилъ гусей пасти, а жена Мошки стала его голодомъ морить, такъ что онъ принужденъ былъ идти къ крестьянамъ, которые давали ему хлѣбъ и «горячую пиццу» за то, что онъ присматривалъ за ихъ гусами и телятами. Мошка и Мошчиха всячески преслѣдовали его, дѣти ихъ глумились надъ нимъ, такъ что онъ все болѣе и болѣе сталъ сближаться съ крестьянами

и ихъ дѣтѣми, которые его очень полюбили; онъ проводилъ дѣлше дни то въ кузницѣ, то у столяра; присматриваясь къ ихъ работѣ и помогая имъ. Особенно благоволилъ къ нему кузнецъ и давалъ ему раздуть нѣхи, бить молоткомъ и т. д., какъ наиболѣе сильному изъ деревенскихъ парней.

Юська сдѣлался въ деревнѣ своимъ человѣкомъ; онъ пристрастился къ ремесламъ, и вскорѣ сдѣлался искуснымъ мастеромъ. Помимо этого онъ обладалъ поэтическимъ дарованіемъ и умѣлъ прекрасно рассказывать, такъ что безъ него не обходилась ни одна вечерница въ деревнѣ.

И стали люди въ селѣ жалѣть, что Мошка насильно держитъ его въ пастухахъ и ни за что ничему не хочетъ научить его (онъ напр. не позволилъ ему учиться со своими дѣтѣми у меламда, не хотѣлъ обучать ремеслу и т. д.), между тѣмъ какъ его томилъ жажда знанія, свѣта, дѣятельности, и стали ему говорить, что онъ сынъ свояка Мошки (самъ онъ о своемъ происхожденіи ничего не зналъ, и даже въ раннемъ дѣтствѣ звалъ Мошку—тата, а Мошчуху — мама); что отецъ его умеръ, оставивъ сына и деньги, и что и тѣмъ и другимъ овладѣлъ Мошка, деньги присвоилъ, а сына изъ жестокости въ пастухахъ держитъ. И стало Юськѣ не въ моготу у шинкаря, и рѣшился онъ уйти отъ него; но онъ зналъ, что надо имѣть бумаги какія-то, не то плохо прійдется отъ жандармовъ (къ которымъ онъ питалъ какой-то преувеличенный ужасъ), а бумаги были у Мошки. Вотъ и присталъ Юська къ мучителю своему—покажи, да покажи ему бумаги. Скрѣпя сердце исполнилъ это Мошка.

Какъ только узналъ Юська, гдѣ находятся его бумаги (въ чуланчикѣ съ вещами, вѣтymi Мошкой въ закладѣ), такъ и задумалъ овладѣть ими, что и привелъ въ исполненіе: онъ ночью сломалъ замокъ, укралъ бумаги и убѣжалъ.

Конечно, его скоро поймали. Устроили ему допросъ у войта, затѣмъ въ домѣ Мошки, при чемъ его такъ истязали, что онъ «два два впадалъ въ забытѣ». Однако, бумаги ему удалось вручить войту и тѣмъ спасти ихъ отъ Мошки, хотѣвшаго ихъ уничтожить, чтобы «навѣкъ» сдѣлать Юську «своимъ невольникомъ».

Жандармъ привелъ его въ тюрьму въ лохмотьяхъ, чуть не голаго (Мошка переодѣлъ его въ лохмотья, по своей безчеловѣч-

ной злобѣ), подгоняя пинками и побоями, такъ что въ тюрьму онъ пришелъ чуть не ошочащѣвъ.

Въ тюрьмѣ панъ Журковскій, проникшись къ нему симпатіей, сталъ его учить грамотѣ. Іоська дѣлалъ нешмовѣрныя успѣхи; по цѣлымъ днямъ онъ только и дѣлалъ, что читалъ букварь и т. д. Но тутъ-то и пришла бѣда: когда смеркалось, онъ старался приместиться къ окошву, чтобы лучше видѣть; а арестантамъ строго воспрещалось смотрѣть изъ окна, было даже приказано солдатамъ стрѣлять въ ослушниковъ. Новобранецъ, стоявшій однажды на часахъ и принявшій приказъ слишкомъ буквально, забѣшенный непослушаніемъ арестантовъ, выстрѣлилъ въ Іоську и убилъ его. На вопросъ прибѣжавшаго на выстрѣлъ надирателя, Іоська простоналъ: «Да... я.. только.. къ свѣту».

Вотъ пересказъ фактовъ, но только фактовъ: въ разсказѣ цѣлая масса черточекъ и штриховъ, придающая дѣйствующимъ лицамъ нѣсколько иную фizioномію, чѣмъ одни факты.

Мы сейчасъ займемся разборомъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Итакъ, передъ нами проходитъ трагическая исторія одного изъ тѣхъ «тысячъ и тысячъ», которымъ если и удастся подняться со дна погруженнаго въ безпросвѣтнѣйшій мракъ моря, то только для того, чтобы, чуть-чуть завидѣвъ лучъ свѣта, навѣки потерять его.

Замисель весьма симпатиченъ: но соотвѣтствуетъ-ли ему содержаніе, — другими словами, такъ-ли совершается процессъ порыванія «къ свѣту» въ темной еврейской массѣ?

Всякій, хоть поверхностно знакомый съ ея жизнью, отвѣтитъ на этотъ вопросъ отрицательно: не отъ крестьянъ и даже не отъ пановъ шло къ намъ просвѣщеніе, и не свинопасы и «общественные пастухи» были его пионерами.

За изученіемъ Библии и Талмуда стала пробуждаться критическая мысль искусившихся надъ ними людей; благодаря древнееврейскимъ сочиненіямъ нѣкоторыхъ передовыхъ людей Мендельсеровской школы, стала высвобождаться еврейская мысль изъ гранныхъ тисковъ, въ которыхъ она находилась много столѣтій.

Конечно, была борьба и даже слѣбная борьба между еврейскими «отцами» и «дѣтьми», но не на почвѣ скупости и моренія голодомъ, какъ въ разбираемомъ разсказѣ.

Первымъ этапомъ служили древне-еврейскія просвѣдительныя книги; вторымъ—нѣмецкіе писатели и мыслители.

Въ Россіи были еще два этапа, общею основой которыхъ было (и есть) стремленіе въ русскія школы, училища, гимназій и университеты, разница только та, что въ первомъ изъ нихъ была борьба съ задерживающей силой «отцовъ», а во второй и борьбы то не было, за неизмѣнимъ возможности бороться, а было только лезаніе на отвѣсную скалу ограниченій.

Каждый изъ этихъ четырехъ этаповъ имѣлъ свою трагическую физиономію; много жертвъ пало при ихъ прохожденіи, и можетъ быть и перебрались то съ одного на другой только по трунамъ этихъ жертвъ, проложившимъ дорожку по стоячему болоту внутренней закоснѣлости и внѣшняго скудоумія; во всякомъ случаѣ трагизмъ *перемычъ* трехъ этаповъ (относительно галиційскихъ евреевъ рѣчь можетъ идти даже только о первыхъ двухъ) вовсе не заключался въ разнѣхъ случайностяхъ, какъ въ данномъ разсказѣ, а коренился въ естественной логикѣ событій; и общественные настухи въ этомъ стремленіи не играли ровно никакой роли.

Слѣдовательно авторъ не затронулъ сути стремленія евреевъ «къ свѣту», но разсказалъ только о частномъ, вѣрнѣе даже исключительномъ случаѣ такого стремленія.

Изъ этого можно вывести заключеніе, что авторъ *едва ли знаетъ съ еврейскою жизнью*, иначе онъ бы нашелъ массу случаевъ, преисполненныхъ самаго, что ни на есть, истиннаго трагизма въ общемъ, характерномъ стремленіи, а не обратилъ-бы вниманія на такъ сказать «случайно случившійся случай».

Но, вѣроятно, авторъ, не будучи близко знакомъ съ еврейскимъ бытомъ, былъ свидѣтелемъ этого исключительнаго происшествія, и (судя по приведеннымъ выше его-же словамъ) правдиво его описать.

Что-жь, и это различно. Посмотримъ, какъ онъ выполнилъ свою задачу, посмотримъ, правдивы-ли дѣйствующія лица, изображена ли дѣйствительность вѣрно и безыскусственно, или-же въ разсказѣ проведены тенденціи, и если да, то каковы онѣ?

Но прежде замѣтимъ, что тѣ сценки, въ которыхъ еврей рѣшительно не причесть, очень мило нарисованы: такова сценка у войта, появленіе Іосъки въ тюрьмѣ, а въ особенности та сценка, когда арестанты дразнятъ часового (передъ убійствомъ Іосъки);

фигура этого часового изъ новобранцевъ тоже очень живо нарисована; замѣтимъ также, что изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является жандармъ, явствуетъ, какое у автора доброе сердце, если хотите, насколько онъ гуманенъ. Но все это находится не болѣе, какъ на третьемъ планѣ, — главную роль играютъ евреи.

Обратимся къ нимъ.

Семья Мошки весьма характерна. Самъ Мошка — арендаторъ — корчмарь (причемъ фальсифицируетъ водку), содержатель иѣчто въ родѣ касси; судья; кормстолюбецъ, скупецъ, нефтямакеръ, мошенникъ (незаконно овладѣлъ, какъ явствуетъ изъ разсказа, наслѣдствомъ Юськи); человекъ весьма злой: онъ не только подбиваетъ жандарма вѣстовать Юську, но еще завѣдомо жметъ и клеветать на него съ цѣлью, съ одной стороны, вызвать противъ него большую жестокость, а съ другой — противузаконнымъ путемъ овладѣть его бумагами и такимъ образомъ сдѣлать его «навѣки» своимъ «невольникомъ».

Словомъ, это характерный «еврей антисемитозъ», если можно такъ выразиться.

Намъ приходилось читать описанія весьма и весьма преступныхъ и жестокихъ людей, какъ евреевъ, такъ и не-евреевъ у разныхъ авторовъ (для примѣра хотя-бы взять Диккенса) и никогда не встрѣчали мы человека, всецѣло лишенаго какихъ-бы то ни-было человѣческихъ чувствъ. И на самомъ дѣлѣ такихъ людей вовсе не бываетъ. Между тѣмъ Мошка именно и представляетъ собою такого человека. На всемъ протяженіи разсказа на него нагромозждены всевозможные ужасы, но не замѣтно ни одного проблеска человѣческаго чувства.

Одинъ разъ авторъ, правда, заставляетъ его ребячески «тревожиться», оставаясь съ глазу на глазъ съ Юськой; но такъ какъ это съ спеціальной цѣлью заставить его показать Юськѣ бумаги, то и это нельзя назвать проявленіемъ чувства.

Но Мошка еще только агнецъ въ сравненіи со своей супругой. Авторъ (устаами Юськи) называетъ ее вѣдьмой, а объ ея жестокости и скупости говорится вотъ что:

«Мошчиха не спрашивала холодно ли, жарко или сыро, гнала изъ дому на выгонъ и все меньше и меньше давала ѣсть. Тер-

лѣтъ я голодѣ, не разѣ горько пламалѣ и жаловался; ничего не помогаю. Сельскіе хлопцы были добрые» и т. д.

Весьма интересное явленіе представляетъ эта прогрессирующая скупость. Такъ, замѣтите, поступала она съ 7—8-милѣтнимъ ребенкомъ.

Послушайте еще:

«Сама Мошчика ихъ (дѣтей своихъ) на меня *науськивала*: очень ужъ эта вѣдьма меня ненавидѣла, хоть и не знаю за что»,

Такъ было послѣ того, какъ Іосьюѣ минуло 7 лѣтъ, до этого времени она и Мошка были настолько хороши съ Іосьюѣ, что онѣ ихъ, по простотѣ душевной, звалъ «тятя» и «мама». Метафороза, хотя постепенная, но совершенно непонятная и дажедикая.

Но что становится уже просто обиднымъ, такъ это поведеніе дѣтей Мошки и Мошчичи.

Вначалѣ они играли и росли вмѣстѣ съ Іосьюѣ, вся разница между ними (и то она стала проявляться лишь впоследствии) заключалась въ болѣе чистой одеждѣ. И представьте себѣ, когда Іосьюку семи лѣтъ выгнали гусей пасти, не давали кушать и т. д., дѣти тоже взапуски стали дразнить его и ругать, обзывая «трефнякомъ», и даже «объявили, что вмѣстѣ съ трэфнякомъ учиться не стануть».

Мнѣ рѣшительно обидно за дѣтей, а также немного и за г-на Франко.

Словомъ, семья Мошки представляетъ не человѣческую семью, а волчью. Не то, чтобы Іосьюку, Богъ вѣсть, какъ мучили. Іосьюѣ, собственно, весьма привольно живется, какъ никакому крестьянскому мальчику, если судить по фактамъ, приведеннымъ въ рассказѣ, а не по разсужденіямъ и соболѣзнованіямъ автора. Нѣтъ, бываетъ въ жизни гораздо хуже. Но если хозяинъ бьетъ чуть ли не до полусмерти своего подмастерья, если завѣдующіе какимъ нибудь убѣжищемъ для дѣтей морять ихъ голодомъ и т. д., то на это есть всегда причина: хозяинъ бьетъ съ пьяныхъ глазъ, завѣдующіе морять голодомъ, чтобы разжиться. Но такъ себѣ, съ бухты-барахты, и такая безпричинная и упорная ненависть—этого не бываетъ. А если такая аномальная семья и дѣйствительно существовала, какъ хочетъ насъ увѣрить авторъ, то она настолько исключительна, что одинъ уже выборъ ея для разсказа показываетъ извѣстную тенденцію автора.

До сихъ поръ мы обращали вниманіе на то, возможна-ли вообще такая семья, теперь посмотримъ, возможна-ли такая еврейская семья.

Естественно-ли, чтобы еврей (жорничарь, ростовщикъ и т. д.) толкалъ молодого еврея къ отступничеству (съ его точки зрѣнія, конечно)? Нельзя предположить, чтобы такой человекъ, какъ Мошка, не былъ суетѣренъ, чтобы онъ могъ въ чемъ либо уклоняться отъ буквы закона, чтобы онъ не исполнялъ малѣйшихъ предписаній, которыми опутана жизнь правовѣрнаго еврея. И кто имѣетъ хоть смутное представленіе о ней, ясно понимаетъ, что такой человекъ, какъ Мошка (или какъ его жена), не только не сталъ-бы толкать Іоську сдѣлаться «трефникомъ» (и ужъ подавно не сталъ-бы этому «радоваться», какъ дѣлаетъ Мошчица), но даже употребилъ-бы всѣ усилія, чтобы не допустить его до этого, несмотря на всю свою скуность и злость. Далѣе: если-бы однако такъ и случилось, то онъ во всякомъ случаѣ не сталъ-бы «трефника» держать у себя въ домѣ, «на соблазнъ» своимъ дѣтямъ, тѣмъ болѣе, что Мошка ничуть не нуждается въ Іоськѣ: тотъ только и дѣлаетъ, что гусей пасеть; изъ-за столь ничтожной сравнительно услуги, Мошка едва-ли взялъ-бы на душу «грѣхъ».

Читатель видитъ, что здѣсь уже не тенденція, а просто незнаніе еврейской жизни.

Но этого мало; въ разсказѣ эта семья не выдѣлена особо, она живетъ въ извѣстной средѣ (именно крестьянской); невольно напрашиваются сравненія.

Истиннымъ благодѣтелемъ Іоськи былъ кузнецъ. Онъ ему даетъ благіе совѣты, онъ отличаетъ его изъ среды деревенскихъ парней, словомъ Іоська—его любимецъ. Но вы, можетъ быть, думаете, — что оданъ только кузнецъ такъ къ нему относится?

Почитайте:

«... и стали крестьяне сами поручать мнѣ пастьбу гусей, а потомъ телятъ, за то получалъ я отъ нихъ хлѣбъ и горячую пищу, а подчасъ въ праздникъ и пару крейцеровъ».

— Жаль тебя, Іоська, говорили не разъ мужики, — такой ты расторопный, и къ ремеслу охочій, а что изъ тебя выйдетъ?

— Что можетъ выйти? (отвѣтъ Іоськи). Буду общественнымъ пастухомъ.

— О, конечно, Мошка вѣдь о тебѣ нисколько не заботится!

Помимо этого крестьяне еще жалѣютъ, что «тебя не научилъ даже молиться.»

И дальше:

«Прошлой зимой (говоритъ Иоська) у насъ въ селѣ меня за мои сказки всѣ такъ полюбили, что ни одна вечерница безъ меня не обходилась.»

Идиллія, да и только!

Такъ поступали взрослые, умудренные жизненнымъ опытомъ люди; какъ-же обращались съ нимъ крестьянскія дѣти? И на это имѣются указанія:

«Сельскіе хлопцы были добрѣе (чѣмъ Мошчика) ко мнѣ. Давали хлѣба, творогу, позволяли играть съ ними. Привыкъ я къ нимъ и т. д.» рассказываетъ Иоська; кромя этого о деревенскихъ хлопцахъ онъ говоритъ въ первомъ лицѣ: мы, деревенскіе хлопцы.

Прежде, чѣмъ сдѣлать сравненіе, зададимъ себѣ нѣсколько вопросовъ.

Гдѣ видано, чтобы крестьянскія дѣти относились такъ любезно и обходительно къ питомцу ненавистнаго жида—ростовщика, шинкаря-кулака. и проч.?

Что Мошка долженъ былъ быть ненавистнымъ при своихъ душевныхъ качествахъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. На Иоську иначе не могли смотрѣть, чѣмъ какъ на питомца, чуть не сына Мошки; при такихъ обстоятельствахъ естественнѣе было-бы крестьянскимъ ребятишкамъ издѣваться надъ евреемъ, преслѣдовать его, бросать въ него камнями, бить его, какъ сплошь и рядомъ случается, благодаря съ одной стороны жестокости дѣтскаго возраста, а съ другой—всѣмъ извѣстнымъ обстоятельствамъ, отъ евреевъ независящимъ. (Смотр. хотя-бы дѣтскія воспоминанія Леванды, Бенъ-Ами и др.).

Далѣе, допустимъ даже, что враждебности они бы и не проявляли, но все-таки слишкомъ наивно рассказывать, какъ они стали играть съ нимъ, какъ они сблизились съ нимъ и т. д. Съ какой, въ самомъ дѣлѣ, стати. Ихъ много—онъ одинъ, имъ и безъ него весело. Наружность его для нихъ отталкивающая, и должна была служить мишенью для насмѣшекъ: «рыжіи съ пейсами, носъ выгнутый, какъ у астреба, фигура согнутая, не очень толстая, ростъ хорошій. За десять верстъ жида узнаешь». Говорить по-ихнему онъ не умѣлъ (до знакомства).

При совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, ждать отъ дѣтей такого сближенія слишкомъ наивно. А серьезно описывать, какъ Юська въ деревнѣ сталъ своимъ человѣкомъ, какъ его даже предпочитали другимъ парнямъ (если-бы онъ и не былъ евреемъ, то этого не могло случиться при его семейнымъ обстоятельствахъ—мальчикъ безъ роду, безъ племени), какъ безъ него не обходилась ни одна вечерница—это уже непростительно глупо.

Еще, пожалуй, можетъ казаться естественнѣе, что взрослые крестьяне съ нимъ ласково обходились; крестьяне куда вѣротерпимѣ своихъ интеллигентныхъ (вѣрнѣе было-бы сказать полунинтеллигентныхъ) соотечественниковъ, но именно поэтому, они бы неохотно давали ему вѣсть, зная, что это ему не позволяютъ предписанія его вѣры; да и помимо того они-бы не желали демонстративно поступать наперекоръ Мошкѣ—кулаку, а слѣдовательно важной персонѣ въ деревнѣ.

А чтобы давать ему приглядывать за своими гусями и телятами, то на это они никогда не рѣшились-бы, не столько изъ опасенія Юськи, сколько изъ боязни (и вполне основательной) Мошки, какъ бы онъ чего не стащилъ, да это было-бы и баловствомъ ихъ ребятешекъ, чего крестьяне никогда не допускаютъ.

Итакъ и здѣсь натяжка, и сильная натяжка, но уже въ другую сторону.

Теперь сравните тенденціозно описанную семью Мошки съ тенденціозно-же описанной деревней.

Съ одной стороны волчье логовище, съ другой—Феофритовы пастушки.

Мнѣ становится еще стыднѣе за волчатъ, когда я ихъ сравниваю съ херумивчиками пастуховъ, и стыднѣе становится за г-на Франко...

Теперь еще нѣсколько примѣровъ незнанія г-номъ Франко еврейскаго быта, а также нѣсколько страннаго, небрежнаго что-ли, отношенія къ описываемому.

Юська, по свидѣтельству добродѣтельныхъ пастушковъ, не зналъ даже молитвъ хорошо; но до 7 лѣтъ онъ былъ вмѣстѣ съ дѣтьми Мошки, ничѣмъ, кромѣ одежды, отъ нихъ не отличаясь, слѣдовательно и дѣти Мошки до этого возраста не знали молитвъ—это уже вздоръ: правовѣрные евреи учатъ своихъ дѣтей молитвамъ уже съ 3 лѣтъ. Далѣе: Мошка нанялъ для своихъ дѣтей учителя

(вѣроятно, меламад?); стали они учиться читать и писать (обыкновенно для письма пишется другой «учитель»). «Дѣло было зимою и на недостатокъ времени нельзя было жаловаться, я могъ-бы учиться, но когда я подошелъ къ дѣтямъ, чтобы вмѣстѣ слушать учителя, они подняли крикъ и объявили, что вмѣстѣ съ «трефникомъ» учиться не стануть». — Сплошной вадоръ.

Во первыхъ, когда это 8-ми-лѣтній мальчикъ, никогда ничему не учившійся и проводящій свое время въ обществѣ гусей, изъ любви къ наукѣ, добровольно отправился-бы въ душную каморку, подъ руку и тяжелую длакъ меламада, зубрить совершенно для него бессмысленные и непонятные тексты?

Во вторыхъ, гдѣ это дѣти, находящіяся въ подобныхъ условіяхъ, подняли-бы крикъ, выражая этимъ свое желаніе или нежеланіе учиться съ кѣмъ-бы то ни было, когда меламадъ или родители ничего подобнаго не заявляютъ.

Въ третьихъ, возможно-ли, чтобы меламадъ допустилъ «трефнива» къ изученію священныхъ книгъ. Вообще вся исторія съ «трефничествомъ» — глупая, преглупая исторія.

Весьма занимательно также отношеніе Мошки къ Іоськѣ. Прочтите слѣдующую тираду: «...какъ сталъ подростать (рассказываетъ Іоська) «сдакъ (Мошка) меня женѣ своей вѣдьмѣ».

Изъ этого мы узнаемъ, что мужнины занимаются мальчиками, пока они маленькіе, когда же они подростаютъ, отдають ихъ на-руки своимъ женамъ. До сихъ поръ обыкновенные люди поступали какъ разъ наоборотъ, но авторъ вѣроятно думаетъ, что у евреевъ все на выворотъ.

Совершенно непонятно, какъ это такой человекъ, какъ Мошка, не эксплуатировалъ Іоську. На самомъ дѣлѣ онъ предоставилъ ему полную свободу заниматься, чѣмъ ему заблагорассудится. Изъ рассказа слѣдуетъ, что виной, напримѣръ, Іоська только и дѣлалъ, что сидѣлъ въ разныхъ мастерскихъ или самъ мастерилъ и т. п.

Прямо-же глупъ былъ Мошка, что держалъ его въ пастухахъ, тѣмъ болѣе что Мошка рисковалъ большими неприятностями, удерживая его у себя: дѣло въ бумагахъ Іоськи. Не правдѣ сказать, это одно изъ самыхъ неладно сшитыхъ дѣлъ, которыя когда-либо приводились въ беллетристическихъ произведеніяхъ въ качествѣ *deus ex machina*. Вотъ въ чемъ оно состояло: Мошка овладѣлъ день-

гами отца Иоськи, и взявъ его къ себѣ, взялъ и его бумаги, бумаги эти онъ скрывалъ отъ Иоськи. Для чего онъ это дѣлалъ, собственно неизвѣстно; совершенно непонятно, почему онъ такъ дорожилъ Иоськой; если же онъ боялся за присвоенное имъ имущество, то вѣдь бумаги, касающіяся этого, онъ могъ уничтожить, отдавъ Иоськѣ только паспортъ.

Далѣе Мошка грозить, а когда поздно, то даже употребляетъ всѣ усилія, чтобы уничтожить бумаги и такимъ образомъ сдѣлать Иоську, по выраженію этого послѣдняго, своимъ «невольникомъ навѣки». Отчего же онъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы послѣ того, какъ Иоська устроилъ ему цѣлый скандалъ, потребовавъ бумаги? Отвѣтственности онъ подлежать никакой не могъ, такъ какъ никто не зналъ происхожденія Иоськи.

А между тѣмъ бумаги хранились съ драгоценностями, — чего ради?

Но что уже совсѣмъ непонятно, такъ это зачѣмъ онъ показывалъ ихъ Иоськѣ. Уже сказать-то онъ навѣрно могъ, что уничтожилъ ихъ. Слишкомъ глупо, неразумно (и неправдоподобно) поступила старая лисица.

Но автору нужно было, чтобы Иоська ихъ увидѣлъ (безъ этого онъ не попалъ-бы въ тюрьму и не былъ бы застрѣленъ часовымъ, а слѣдовательно и рассказа не было бы) и, ничто же сумняшеса, онъ заставляетъ Мошку показать ему бумаги.

Коротко и ясно.

Однако, довольно. Читатель видѣлъ, какъ безцеремонно авторъ обращается съ фактами, какъ онъ исковеркалъ ихъ, не будучи съ ними знакомъ, и какія онъ проводитъ тенденціи.

Можетъ быть читатель спроситъ, гдѣ же квалентная гуманность автора? Погодите, имѣйте терпѣніе: она впереди.

Вы можете быть замѣтили, что мы не касались самого героя разсказа — Иоськи; въ немъ-то и заключается гуманность; а то, о чемъ шла рѣчь до сихъ поръ, — только фонъ для портрета Иоськи. Но тѣмъ-то этотъ фонъ и интересенъ, что здѣсь авторъ, не проводя своей главной (якобы, гуманной) тенденціи, далъ полную свободу разнымъ вліяніямъ; тутъ-то мы ихъ и можемъ прослѣдить.

И если авторъ торжественно заявилъ, что все то, что онъ писалъ, дѣйствительно произошло, и что онъ очевидецъ этого, то мы ему на это отвѣтимъ: если и было въ дѣйствительности нѣчто-

похожее (очень, вѣроятно, отдаленно) на содержаніе его разсказа, то сходство это, вѣроятно, заключалось въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ событіяхъ; внутреннія-же причины и суть дѣла должны были быть совершенно иными; а быть очевидцемъ еще мало, надо еще понимать, что видишь. Понять-же онъ не могъ еврейской жизни, вслѣдствіе ея незнанія, предубѣжденія, предрасудковъ и тѣхъ ложныхъ ярко-юдофобскихъ тенденцій, которыми онъ обуреваемъ, можетъ быть, противъ своего вѣдома, и навѣрно наперекоръ своимъ лучшимъ, гуманнымъ взглядамъ.

III.

Обратимся же теперь къ Іосьюѣ, носителю авторской гуманной тенденціи, приглянемся ближе къ нему, посмотримъ, насколько онъ правдивъ и вѣренъ дѣйствительности.

Если Мошка и его близкіе представляли нѣчто очень похожее на волчью семью, если жители деревни пародировали въ разсказѣ аркадскими, но, въ сущности, недалекими пастушками, то Іосьюка является воплощеніемъ всего выдающагося, всего симпатичнаго, что только есть чуть-ли не во всемъ человѣчествѣ.

Посудите сами:

Во-первыхъ, онъ поэтъ, и не то, чтобы такъ-себѣ, поэтишка какой, а самый, что ни на есть настоящій, гениальный.

Вотъ что говоритъ ему панъ Журковскій, товарищъ по заключенію:

«Ну, ты говорилъ, что твоя исторія глупая, а разсказываешь, точно по книгѣ читаешь».

(Надо принять во вниманіе, что онъ даже грамотѣ не учился и былъ круглый невѣжда).

А вотъ отвѣтъ Іосьюка на слова пана:

«...А что гладко разсказываю, не удивляйтесь. Въ селѣ научился разсказывать сказки. Память у меня хорошая, и какъ только услышу какую-нибудь сказку, то потомъ разскажу ее лучше и складнѣе, чѣмъ тотъ, у кого перенялъ. Прошлой зимой у насъ въ селѣ меня за мои сказки всѣ такъ полюбили, что ни одна вечерница безъ меня не обходилась».

Но это еще что! Понамѣсть Іосьюка является только хорошимъ, увлекательнымъ разсказчикомъ; этого автору мало:

«А когда смеркалось и читать болѣе не было возможности, Иоська садился въ уголокъ на своемъ сѣнникѣ, обхватывалъ руками колѣна, и начиналъ рассказывать сказки. *Зналъ онъ ихъ безъ конца*, и хотя рѣчь у него шла все объ однихъ и тѣхъ-же приключеніяхъ и чудесахъ, но онъ *всегда умѣлъ пересказывать ихъ на новый и новый ладъ*. Иной-же разъ прямо-таки замѣтно было, что подъ видомъ сказки онъ передаетъ намъ свои собственные мечтанія. Рассказывалъ онъ разъ про бѣднаго хлонца, который въ своей горькой жизни встрѣчаетъ добраго волшебника, научается отъ него заговорамъ и заклинаніямъ и идетъ искать по свѣту счастья и *помогать другимъ сдѣлаться счастливыми*. *Трогательными и емкостію простыми словами* рисовалъ онъ его страданія и муки, встрѣчи съ жандармами (*bête noire* автора), кабалу у корчмаря. Во всемъ этомъ онъ *замышленно перемѣшивалъ то, что говорится въ сказкахъ, съ тѣмъ, что самъ вынесъ изъ опыта своей жизни*».

Вѣдь это такъ уже прямо Гете пахнетъ. Знаете-ли, Wahrheit und Dichtung, въ этомъ родѣ.

Ну, что-же, бываютъ, конечно, такіе поэты Божьей милостью, по выраженію Гейне; бываютъ такіа природы съ врожденнымъ чутьемъ художника, которыя сохраняютъ всю дозвѣю своей богато надѣленной души, даже присматривая за гусями и работая молоткомъ у кузнеца.

Можетъ, правда, показаться нѣсколько страннымъ, что Иоська, напримѣръ, сказки знаетъ «безъ конца». Откуда бы, кажется, знать ихъ ему, разъ онъ не имѣлъ возможности прочесть хотя бы одну; тѣмъ паче, что и выросъ-то онъ далеко не въ атмосферѣ сказокъ, и едва ли часто онъ имѣлъ возможность слушать ихъ отъ крестьянъ. Какъ это онъ со своимъ узкимъ кругозоромъ «общественнаго пастуха» «всегда умѣлъ пересказывать ихъ на новый и новый ладъ»?

Итакъ, во-первыхъ, въ лицѣ Иоськи міръ потерялъ великаго поэта.

Во-вторыхъ, Иоська отличается поразительной для восьмилѣтняго пастуха любовью къ наукѣ. Объ этомъ я уже говорилъ, приводя изъ разсказа нѣкоторые курьезы; но кромѣ того авторъ намъ рассказываетъ, съ какимъ успѣхомъ онъ занимался въ тюрьмѣ съ паномъ Журковскимъ:

«За два дня мальчикъ зналъ уже всѣ буквы и умѣлъ ихъ складывать, а черезъ недѣлю читалъ коротенькіе отрывки довольно плавно (это никогда раньше не видѣвъ даже книжки и занимаясь главнымъ образомъ гусями). Вцѣпилса за книжку, по пословицѣ, какъ котъ за сало. Читалъ днемъ, читалъ бы и ночью, да огня-то у насъ не было. Едва могъ на минуточку оторваться».

Въ-третьихъ, Іоська отличается удивительною изобрѣтательностью и сообразительностью. Несомнѣнно въ немъ погибъ блестящій инженеръ-техникъ.

«Сяду себѣ, бывало, гдѣ-нибудь на кочевѣ, наточу ножикъ и стану стругать, долбить, такъ и этакъ мастерить изъ дерева, сначала маленькія лѣстнички, плуги да бороны, потомъ клѣтки и т. д. Черезъ какой-нибудь годъ сталъ я такимъ мастеромъ, что сельскія дѣти всегда меня окружали. Началъ я мастерить... (идеть перечисленіе). Пару такихъ пугалъ я продавалъ за 10 крейцеровъ, заработалъ я столько, что могъ справиться себѣ кой-какіе столярные инструменты... Чѣмъ дальше, тѣмъ за болѣе трудныя вещи я хватался: страшная у меня была охота къ мастерству. Что только ни увижу, сейчасъ-же берусь самъ сдѣлать. Зимой просиживалъ я цѣлыми днями то у столяра, то у кузнеца, помогая имъ и приучаясь къ ихъ работѣ». — И все это, не забудьте, будучи поэтомъ!

Какъ много сказано въ этихъ сравнительно немногихъ строкахъ.

Кажется дѣла много: и за гусями присмотрѣть, и за телятами, и помечтать (въ качествѣ поэта), и сказки слушать и рассказывать, и стругать, и долбить, и мастерить всякую штуку... куда, не тутъ-то было—Іоськѣ все ни по чемъ, онъ и кузнецу и столяру разомъ помогаетъ, приучившись къ ихъ работѣ,

Словомъ, правъ панъ Журковскій, говоря Іоськѣ въ глаза: «ну, какъ посмотрю, такъ ты мастеръ на всѣ руки», а за-глаза: — «необыкновенный мальчикъ».

Да-съ, совсѣмъ необыкновенный мальчикъ.

Но не хватитъ-ли достоинствъ Іоськи? Не то, чтобы ихъ не было еще въ рассказѣ—сколько угодно: и самый-то сильный онъ (мальчика голодомъ морили долгое время, наконецъ онъ сталъ уголять его подачками крестьянъ, кажется, не съ чего раздобрѣть), и «лицо его свидѣтельствуетъ за него», и правдивость,

подкупающая въ его пользу какъ пастушковъ, такъ и арестантовъ, и т. д. и т. д.

Все это настолько неестественно, придумано и шаржировано, что достаточно только привести, безъ всякихъ комментариевъ.

Намъ кажется, что если-бы г-нъ Франко прочелъ, помѣщенный въ апрѣльской книжкѣ того-же «Мира Божьяго», очеркъ г. Лесевича объ одномъ сельскомъ поэтѣ, то онъ не такъ бы нарисовалъ поэтическое дарованіе Іоськи, а если бы онъ еще немножко подумалъ надъ нимъ, то, можетъ быть, онъ его и вовсе бы не нарисовалъ, во всякомъ случаѣ не такимъ, какимъ онъ является въ рассказѣ.

Можетъ быть — но не навѣрно; оттого что, къ сожалѣнію, совершенно невѣроятное и ложное считается естественнымъ по отношенію къ евреямъ...

Іоська такъ-же ложенъ и тенденціозно выдуманъ, какъ и его дядюшка, Мошеа, и какъ его деревенскіе пріатели, — счастливые пастушки; мало того, онъ въ десять разъ ложенѣ ихъ, оттого что ихъ мы видимъ только съ одной стороны (въ ихъ поступкахъ по отношенію къ Іоськѣ), а онъ весь передъ нами.

«По крайней мѣрѣ весьма любезно со стороны г-на Франко, что онъ представилъ намъ еврея въ такомъ, если и не правдоподобномъ, то, во всякомъ случаѣ, привлекательномъ видѣ».

— Не спѣшите дѣлать такого заключенія читатель. Мы сейчасъ увидимъ, такъ-ли это любезно.

Авторъ рассказываетъ, что Іоська находился въ семьѣ Мошеи до 7 лѣтъ, затѣмъ онъ какъ-бы прекратилъ съ нею всякія сношенія. Мы видѣли, что онъ пасъ гусей и телятъ, а свободное отъ этого занятія время проводилъ въ деревнѣ: у кузнеца, столяра, на вечерницахъ, въ играхъ съ сельскими дѣтьми и т. д.; слѣдовательно, съ одной стороны онъ никакого вліянія Мошеи (т. е. еврейскаго элемента) не испытывалъ, а съ другой — испытывалъ сильное вліяніе деревни (примѣръ: товарищъ по тюрьмѣ говоритъ ему: «хоть убей, а по говору твоему не разобралъ я, что ты жидъ: такъ чисто ты по нашему говоришь»). Вотъ оно, каково это вліяніе деревни).

Но и до 7 лѣтняго возраста на него еврейскій элементъ не могъ сильно вліять; разъ онъ даже молитвъ не зналъ, то что-же онъ могъ знать по части еврейства? Если-же на немъ какънибудь

отразилась обстановка жизни Мошки, то и это вліаніе должно было совершенно испариться, благодаря сближенію съ деревней, а въ особенности благодаря ненависти, которую онъ естественно долженъ былъ питать къ Мошкѣ и его семьѣ, а слѣдовательно ко всему еврейскому, что только онъ зналъ.

Итакъ, уже изъ самыхъ фактовъ разсказа видно, что насколько только возможно еврей перестать имъ быть, настолько пересталъ быть евреемъ Іоська.

Но однихъ фактовъ мало.

Авторъ, гдѣ только можетъ, особенно напираетъ на то, что всѣ симпатичныя стороны Іоська приобрѣлъ, благодаря 1) своему общенію съ крестьянами и 2) удаленію отъ евреевъ (Мошки и т. д.).

Такъ, въ одномъ мѣстѣ Іоська говоритъ: «что-же, пане, я выросъ на селѣ съ мужиками». Въ другомъ мѣстѣ: «Въ селѣ научился я разсказывать сказки» и т. д. и т. д. Всѣ знанія, добрые совѣты, наконецъ, все шло изъ деревни.

Этотъ-же мотивъ положенъ въ основу разсказа: авторъ описываетъ все время, какъ еврейскій элементъ мѣшаетъ не-еврейскому по отношенію къ обезевреившемуся Іоськѣ.

Итакъ главная (гуманная) тенденція автора сводится къ тому, чтобы показать, какъ еврей, переставая быть евреемъ, можетъ сдѣлаться порядочнымъ (чуть не идеальнымъ) человекомъ; при такой тенденціи, какъ и слѣдовало ожидать, идеальный человекъ скорѣе похожъ на что угодно, только не на человекъ.

Мы нарочно такъ подробно остановились на этомъ, собственно незначительномъ, разсказѣ, что на немъ, какъ нельзя лучше, оправдались наши отвлеченныя разсужденія о благихъ намѣреніяхъ писателей «не-юдофобовъ», между тѣмъ какъ въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ основная тенденція либо не такъ ясна, либо нѣсколько прикрита.

Мы видѣли, что гуманный авторъ (въ его гуманности мы не желаемъ сомнѣваться, да всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должна разсѣять рекомендація «Мира Божьяго») пишетъ разсказъ изъ еврейской жизни, не зная ея; если-же онъ ее немного и знаетъ, то во всякомъ случаѣ онъ и эту малую толику не понимаетъ; знаніе онъ замѣняетъ тенденціей; при такихъ обстоятельствахъ

естественно, что дѣйствующія лица обращаются въ марионетокъ, дрыгающихъ руками и ногами по капризу автора. Вслѣдствіе же грубыхъ предразсудковъ и ложныхъ представлений, полученныхъ авторомъ, можетъ быть, наслѣдственно, но всормленныхъ и укрѣпленныхъ современной умственной реакціей и антисемитизмомъ, авторъ проводить слѣдующія ложныя и далеко негуманныя тенденціи:

1) Положительнымъ типомъ авторъ выставляетъ еврея, переставшаго быть таковымъ, причѣмъ

2) Обусловливаетъ его положительныя свойства именно тѣмъ, что онъ пересталъ быть евреемъ.

Мысль, что авторъ не вѣритъ въ существованіе порядочнаго человѣка среди настоящихъ евреевъ, вытекаетъ отсюда уже сама собою.

3) Эту мысль авторъ еще подчеркиваетъ во второстепенныхъ деталяхъ разсказа, тенденціозно выставляя только преступныхъ евреевъ, и противопоставляя имъ добродѣтельныхъ не-евреевъ, причѣмъ первые столь-же неправдоподобны, какъ и вторые.

Гуманныя произведенія, подобныя разобранному, являются наиболѣе горькимъ плодомъ антисемитической травли.

Дѣятельность антисемитовъ, если и представляетъ прискорбное общественное явленіе, то во всякомъ случаѣ самимъ евреямъ не приноситъ ничего позорнаго: она представляетъ лишь примѣръ слабости человѣческой передъ золотымъ тельцомъ.

Можно быть увѣреннымъ, что въ первую-же минуту, какъ только подуетъ другой вѣтеръ, какъ только пройдетъ мода на юдофобію, сегодняшніе юдофобы сдѣлаются завтра юдофилами, столь-же горячими и искренними сегодня, какъ и завтра.

Но опасность этой дѣятельности въ томъ-то и заключается, что она сбиваетъ съ толку людей честныхъ, но мало свѣдущихъ, или мало думающихъ и легковѣрныхъ или... словомъ громадное большинство людей—публику, толпу, которая принимаетъ въ серьезъ и вѣритъ тому, что балаганнымъ шутамъ антисемитизма вздумается нагло выдумать и пустить по благопріятному вѣтру. Такимъ образомъ разростается юдофобское теченіе, и оно начинаетъ пускать ростки все дальше и дальше; цвѣточками такихъ ростковъ, пущенныхъ въ сторону гуманныхъ, но еще не вышедшихъ изъ пеленокъ предразсудковъ, людей, и являются произведенія, подобныя разобранному.

Въ самомъ дѣлѣ представьте себѣ, что оказалось бы, по осмотру Иосъкиныхъ бумагъ, что онъ вовсе не сынъ свояка Мошки, а христіанскій ребенокъ—и вотъ вамъ характерный какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ юдофобскій рассказъ съ преступными евреями, мучающими христіанскихъ дѣтей, и добродѣтельными христіанами, при всемъ желаніи, не могущими спасти ихъ отъ гибели.

А такой исходъ является положительно слѣдствіемъ всего разсказа; и если-бы онъ былъ помѣщенъ не на страницахъ «Міра Божьяго», а... ну, хоть въ отдѣльномъ изданіи, то читатель, приближаясь къ концу, вовсе не сомнѣвался-бы, что этимъ онъ и окончится; единственное, что этому мѣшаетъ, это заявленіе тюремнаго сотоварища Иосъки, что у него типичное еврейское лицо.

Вотъ это ужъ совсѣмъ напрасно авторъ допустилъ подобное заявленіе; если выбросить его и прибавить проектированный нами конецъ, то разсказъ много выиграетъ въ цѣлости и стройности, и вмѣсто не ладно скроенной и такъ-же не ладно сшитой послѣдовательности событій, въ немъ водворится полнѣйшее, ничѣмъ не нарушаемое единство мысли...

Впрочемъ, онъ и такъ хорошъ...

Cupidus veritatis.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ежегодникъ. Литературно-Научное изданіе. Выпускъ 1-й. Изданіе М. С. Френкеля. Одесса и Варшава, 1895.

Ежегодникъ г. Френкеля стоитъ ниже *всякой* критики и если мы рѣшились отнѣстись сіе «научно-литературное изданіе», то исключительно съ цѣлью предостеречь читателей «Восхода» [отъ покупки этого продукта шарлатанства и невѣжества. Г. Френкель принадлежитъ къ категоріи нищенствующихъ сочинителей, которые отнѣчены въ интересной статьѣ А. Шульмана (см. нашу рецензію на «Гаекевъ» *), съ тою только разницею, что онъ является въ черномъ сюртукѣ и «при» цилиндрѣ. На послѣдней страницѣ экземпляра «Ежегодника», любезно предоставленнаго въ мое распоряженіе однимъ изъ моихъ знакомыхъ, напечатано: «Цѣна за годовой экземпляръ —руб. с.» . Тамъ, гдѣ пишется «тире», проставлено чернилами *пять*. Дѣйствительно, Френкель получилъ 5 руб., хотя ивъ извѣстно, что онъ бралъ и 3 и даже 1 рубль, если ему больше не давали. Но не хожденіе Френкеля по домамъ и назойливое вымаливаніе денегъ насъ возмущаетъ,—такіе поступки можно подвести подъ обыкновенный видъ шарлатанства—а исключительно то нахальство, съ которымъ сей господинъ выступаетъ на литературное поприще. На страницѣ VI мы читаемъ: «Цѣль нашего изданія—дать интеллигентному читателю все то, что можетъ интересовать его въ окружающемъ насъ мирѣ современнаго русскаго еврейства безъ всякихъ увлеченій и утопій и т. д.» Френкель пишетъ въ виду *интеллигентнаго* читателя! Разбирать книгу не стоитъ: со времени Хашкеса и Шигорина не печаталось въ Россіи болѣе бездарнаго и безграмотнаго творенія. Среднимъ числомъ найдется на каждой страницѣ не менѣе *десяти* этимологическихъ и святаяшескихъ ошибокъ, такъ что на 110 страницахъ можно будетъ насчитать минимумъ тысячу грамматическихъ погрѣшностей. 0 стилѣ и

* Появится въ ближайшей книгѣ „Восхода“.

логичѣ г. Френкаля и говорить ничего: тутъ имъ находить перлы, 'какихъ нигдѣ выудить нельзя будетъ, а для «Стрекозы» книга Френкаля просто кладъ. Разбирать ее нѣтону не станемъ, а выйдемъ нѣкоторыя нѣста ввугадъ: благосклонный читатель пусть ужъ самъ судитъ о «заблѣтательномъ трудѣ» «Редактора-Надателя», какъ себя сей господствъ почитаетъ.

- 1) Стр. V : «сборники различныгъ тенденцій и направлений».
- 2) — VI : «е плодотворной дѣятельности сборниковъ».
- 3) — VI : «наше изданіе чужде вѣкъ тѣхъ *идеями* и несбыточныгъ *фантазіи*».
- 4) — 10 : «но едва ли *идея* эта *en masse* можетъ быть прихвѣнна на практикѣ».
- 5) — 11 : «. . . на землѣ которой жили и умирали наши предки, и гдѣ *родились и воспитывались* мы, и *будущее наше потомство*».
- 6) — 12 : «но и это слабое эхо современнѣ должно совершенно *исчезать* и *заглохнуть*, уступивъ *свѣтлому* челоуѣколюбію».
- 7) — 15 : «развѣшанныя по стѣнамъ географическія карты казались нѣ дѣтскими *пеленками*». (Не правда-ли, какая богатая фантазія!)
- 8) — 18 : «Помню его фигурку, *одѣтану* въ бархатной *жакеткѣ*».
- 9) — 18 : «Эти ключи служили ему наглядными *притѣрами* при преподаваніи нѣ младшему классу ариметики, *будучи* прекрасныгъ *нативатиковъ* и *вѣсть* съ тѣмъ хорошиимъ преподавателемъ русскаго языка, оба предмета которые онъ намъ самъ преподавалъ». (Какая поразительная ясность изложенія!)
- 10) Стр. 19 : «Частенько являлся въ классъ на *бесельѣ*».
- 11) — 23 : «да и у *некого* (=да и не у кого)».
- 12) — 26 : «считалъ за лучшее не *вѣшиваться* въ *заваримой ванн камнѣ*».
- 13) — 27 : «смылъ въ городѣ *что-то* (=чѣмъ-то)».
- 14) — 19 : «ученики, удостоенные аттестатами или переводами».
- 15) — 37 : «поверхность, еле *колышавшую* *зефиронъ*»
- 16) — 57 : «на *встрѣчу* *меня* *вышелъ* *хозяйинъ*».
- 17) — 81 : «ноя давнишняя мечта *осуществуется* и я буду на *Св. землѣ*, каждый *клочекъ* который такъ *дорогъ* *для насъ*».
- 18) — 82 : «праздная *лазлющаяся* публика».
- 19) — 84 : «На *столѣ* расставлены *примачивныя* закуски и *лаконства*, что затрудняетъ откуда *взять* и *чему* *отдать* *преимущество*. (Какъ хорошо выражено!)
- 20) — 86 : утро дало намъ возможность съ *наслажденіемъ* *на-*

любимыя дивныя, волшебныя выкоринны, которую представляеть себою Восторгъ..

Но довольно читатель! Статья подписана либо самимъ Ф., либо всендушимъ: очевидно; сотрудничество, если таковыя дѣятельно и въявь, не стыдился выставить свое имя. Надо въ одномъ отдѣлѣ г. Франкель справедливость: книга очень старательно редактирована, въ томъ смыслѣ, конечно, что нѣтъ ни одной страницы, которая бы не усѣяна была оубоками. На третьей страницѣ обложки читаемъ: «Библиографическій Листокъ. Книги вышедшія на русскомъ языкѣ въ 1894 г., и имѣющія интересъ съ русскими». *Восторгъ*. Ахъ, г. Франкель, зачѣмъ: Вы ищите интересъ съ литературой? И вамъ не стыдно называть свою задачу «литературно-научнымъ трудомъ»?..

Ал. Брагунъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

I. ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Гл. XVI. Колонія Экромъ. Е. Хисина	3
II. МОЙ ДЯДЯ РЕВЪ ШИВСЕЛЬ-ЭЙЗЕРЪ. Рассказъ. Гл. гл. I—IV. С. Ефрома	21
III. ЕВРЕИ И РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ XVI ВѢКѢ. С. М. Дубнова	43
IV. СЕНДЕРЪ ГЛАТЕНЪ. Романъ. Книга пятая. Гл. гл. V—VI. К. Э. Францова	69
V. ИЗРАИЛЬТЯНКА. Изъ «Еврейскихъ мелодій» Вайрона. Стихотвореніе. Н. Григоровича	88
VI. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГІИ. Гл. гл. V—VII. А. С. Брагина	89
VII. ВРУЖИ ГЕТТО. Романъ И. Зангвилля. Гл. III «Иудейскій стиль». Переводъ съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ	116
VIII. ПРОКЛЯТІЕ ЮАМА. Вѣблейское сказаніе. Стихотвореніе. Аполона Коринфскаго	146
IX. МОГИЛЬЩИКЪ АВРАМЪ И КАЗНАЧЕЙ НИКОЛАЙ КАРПОВЪ. Очеркъ. Л. Зайделя	151
X. ПСАЛОМЪ CXLIV. Стихотвореніе. А. Федорова	159
О В Р Е М Е Н Н А Я Л Ѣ Т О П И С Ъ .	
XI. О ХОДѢ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ не исторія, а подготовительная работа русскихъ евреевъ въ 1893—1894 г. С. М. Дубнова	1

XII. ПОСЛѢДНІВЪ ГОДЫ ВОЛОЖИНСКАГО ВШИВОТА. Очерки съ на-
туры. (Окончаніе). М. Рыжкина 19

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XIII. ЛИТЕРАТУРА «ВЛАГИХЪ НАМЪРЕНІЙ». Къ сѣтѣ. Разсказъ
И. Франко. *Міръ Божій*, 1895 г. Февраль. Cupidus veritatis. 36

XIV. ВИБЛОГРАФІЯ: *Ежегодникъ. Литературно-Научное изданіе.*
Выпускъ 1-й. Изданіе М. С. Френкеля. Одесса и Варшава,
1895. А. С. Брагина. 60

XV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ приложеніе
соч. Флавія Юсифа отлагается до слѣдующей книги.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЬ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

І ю н ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1895.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНІЕ СААДІИ ГАОНА ¹.

Пятый трактатъ, подъ заглавіемъ *למה למה* (о заслугахъ и провинностяхъ), посвященъ разсмотрѣнію условій, при которыхъ человѣкъ отвѣтственъ предъ Богомъ за свои дѣянія и при которыхъ онъ можетъ ожидать награды или наказанія ².

И здѣсь, какъ увидимъ, Саадія отвѣчаетъ на вопросы, до него уже затронутые мотазилитами, но его рѣшенія не столько сходятся со взглядами ихъ, сколько являются зависящими отъ данныхъ талмудической традиціи.

Обыкновенно люди называютъ заслугой, если въ жизни человѣка хорошіе поступки, т. е. соблюденіе божественныхъ предписаній, преобладаютъ надъ дурными, и наоборотъ, провинностью (или вѣрнѣе виновностью), если нарушеніе заповѣдей является преобладающимъ надъ исполненіемъ ихъ. Но такое объясненіе не вполне удовлетворяетъ нашего философа, который повсюду старается выяснитъ причины явленія. Остановиваясь поэтому на вопросѣ: «почему Господь предпочитаетъ одно человѣческое дѣяніе другому, почему Онъ, повелѣвая одно, запрещаетъ другое, разъ исполненіе или нарушеніе этихъ предписаній для Него лично не связано ни съ какими результатами?», Саадія естественно приходитъ къ выводу, что при этомъ имѣется въ виду исключительно благо самого человѣка, поскольку дурное или хорошее вліяніе на его душу оказываетъ нарушеніе или исполненіе имъ божественныхъ велѣній.

¹ См. „Восходъ“ кн. IV.

² Съ XII вѣка этотъ трактатъ издавался отдѣльнымъ сочиненіемъ подъ именемъ *Sepher Chateschubah*, *למה למה*, книга о раскаяніи, какъ цитируетъ его авторъ *Sepher hassidim* Іеруда Гахасидъ. Срв. *J. Fürst*, *Em. we Deoth*, p. 288 прим. и *L. Duker*, *Beiträge*, II, p. 20 ann. 4.

Хотя самъ человѣкъ и не всегда бываетъ въ состояніи опредѣлить степень такого вліянія, такъ какъ тутъ дѣло касается души, самаго сублимнаго изъ веществъ, однако Богу, Создателю всего существующаго въ мірѣ, это вліяніе конечно не остается неизвѣстнымъ. Онъ знаетъ, чего требовать отъ человѣка, чтобы душа его не только отъ того не пострадала, но и оставалась въ выигрышѣ. Въ виду всего этого и въ Св. Писаніи (Иовъ, 38, 28—29; Псал. 49, 20) сказано, что хорошія дѣянія очищаютъ душу, дурныя же оскверняютъ ее. Равнымъ образомъ Божество заявляетъ намъ (Мал. 3, 16; Исаі. 65, 6), что Оно вполне заимѣняетъ всѣ заслуги и провинности людей, запечатывая ихъ въ книги, *хотя последнее и должно быть неизменно иносказательно*: Господь на дѣлѣ отнюдь не записываетъ нашихъ поступковъ въ книги¹, Онъ лишь всегда знаетъ ихъ и помнить.

«Богъ самъ возвѣстилъ намъ, что пока мы обрѣтаемся въ этомъ мірѣ Онъ запоминаетъ всякое дѣяніе наше, а воздаяніе за все Онъ отлагаетъ до имѣющаго впоследствии возникнуть другого міра, который Онъ тогда только вызоветъ къ жизни, когда исполнится число кажущихся Его мудрости необходимыми душъ². Тогда воздастъ Господь каждому по поступкамъ его, на что указываетъ и въ Писаніи (Екклес. 3, 17). Ученіе же о возмездіи мы по мѣрѣ необходимости восполнимъ въ десятомъ отдѣлѣ этой книги», говоритъ гаонъ.

Но и въ этомъ мірѣ уже допустимо въ извѣстномъ смыслѣ воздаяніе людямъ, которое впрочемъ должно быть рассматриваемо какъ примѣръ и указаніе того, что впоследствии ждетъ

¹ На основаніи бивально полныхъ талмудическихъ агадъ у многихъ евреевъ, а на ними и у мусульманъ, возникло предположеніе о трехъ небесныхъ книгахъ, въ которыя Богъ Саваоувъ записываетъ всѣ дѣянія людскія. Срв. *I. Bergel*, *Mytholog d. alt. Hebr. I*, 34 и его-же: *Der Himmel u. seine Wunder*, p. 35. *A. Krenner*, *Gesch. der herrsch. Ideen*, p. 282 sqq.

² Въ основѣ этого возрѣнія лежитъ вѣроятно сообщеніе Мидраша (*Be-gesch. gab. s. 24*): „Р. Танхума-баръ-Хіія отъ имени равридовъ сказалъ: Царь Мессія явится не раньше, чѣмъ будутъ созданы всѣ души, сотвореніе которыхъ было задумано при міросотвореніи. Онъ всѣ записаны въ книгѣ Адама“. Это мнѣніе раздѣлялось также мотазалитами. Срв. *I. Guttman*, *I. s. p. 177, ann. 2.*

грѣшника и благочестиваго (срв. Псал. 86, 17; Втор. 28, 46; 32, 34; Лев. 26, 3—13).

Указавъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ, что слѣдуетъ понимать подъ терминами «заслуга» и «прощенность», Саадия переходитъ къ детальной характеристикѣ различнаго рода праведниковъ и нечестивцевъ, которые всѣ, по его мнѣнью, группируются по слѣдующимъ десяти рубрикамъ: благочестивые (עֲשֵׂי טוֹב) и нечестивцы (עוֹשֵׂי רָע), вѣрные закону (עֲשֵׂי צִוִּי) и преступающіе его (עֲשֵׂי עֲוֹן), достаточно точно исполняющіе божественныя предписанія (עֲשֵׂי צִוִּי כִּלְכִל וְעֲשֵׂי טוֹב) и не вполне въ этомъ добросовѣстные (עֲשֵׂי צִוִּי וְעֲשֵׂי עֲוֹן לְעֵינֵי הַבָּיִת), простые грѣшники (עֲשֵׂי עֲוֹן) и своеобразные преступники (עֲשֵׂי עֲוֹן מְשֻׁבֵּי עֵינָי) и кающіеся грѣшники (עֲשֵׂי עֲוֹן מְשֻׁבֵּי עֵינָי). Точное опредѣленіе степеней преступности или заслугъ каждаго такого класса людей ведетъ, по мнѣнью Гаона, къ тому, «чтобы многіе на основаніи этого могли создать себѣ руководство къ (праведной) жизни»¹.

Указавъ на то, что «благочестивыми или праведникомъ (עֲשֵׂי טוֹב) именуется тотъ, кто сдѣлалъ больше хорошаго, нечестивцемъ же тотъ, у кого преобладаютъ дѣла дурныя, подобно тому какъ и ученые признаютъ то вещество теплымъ, въ которомъ теплота преобладаетъ надъ холодомъ, и наоборотъ, холоднымъ то, въ которомъ преобладающимъ элементомъ является холодъ», почему и пророки, говоря о праведникахъ и нечестивцахъ, опредѣляютъ ихъ лишь относительно, Саадия подробно характеризуетъ всѣ неизбѣжныя условия благочестія и нечестія. Въ тѣснѣйшей связи съ этимъ находится и вопросъ, наказуемы ли праведники за содѣянные ими многочисленные, или неважныя, проступки, и если наказуемы, то въ какой мѣрѣ. Мусульманамъ также оставались на этомъ вопросѣ и при рѣшеніи его, принявъ къ тому различныя выходы: ашариты допускали возможность наказанія праведника за то, что онъ посѣлъ или смерлъ, притомъ наказаніе это представляло для него переходъ къ райскому блаженству; мотавилиты же вѣрили либо въ метемпсихозъ, во время кото-

¹ Насколько насущно считала Саадия потребовать въ такомъ руководствѣ, видно изъ того, что онъ посвящаетъ этимъ цѣль 10-й трактатъ своей книги.

раго душа человѣческая очинчалась отъ присущихъ ей недостатковъ и своей запятанности, или же признавали известную градацію въ загробномъ блаженствѣ праведниковъ¹. Рядомъ съ этимъ Талмудъ (Hagajoth, л. 10 е, Kiddusch. л. 39е, 40 е) и раввинская литература Midras. Beresch. rab., гл. 83; Midr. Schemoth rab., гл. 14; Wajikra. г. гл. 27; Bemidbar г. гл. 1; Jalkut Schim. Tehill. 103) выставляютъ свое собственное учение по затронутому вопросу: за преобладающіе поступки чловѣкъ получаетъ воздаяніе въ жизни загробной, за остальные въ этомъ мірѣ. Поэтому постигающія чловѣка горя и несчастія являются возмездіемъ за его прегрѣшенія.

Саадія категорически высказывается противъ мнѣнія ашаритовъ и мотазалитовъ, всецѣло принимая, по слѣдующимъ соображеніямъ, раввинское ученіе: 1) оно даетъ наиболѣе удовлетворительное объясненіе жизненныхъ неудачъ праведниковъ и, наоборотъ, раскрываетъ намъ причины преуспѣванія отъявленныхъ грѣшниковъ; 2) ученіе о переселеніи душъ должно быть отвергнуто, какъ противорѣчащее основнымъ догматамъ иудаизма²; 3) градація наградъ въ загробномъ мірѣ недостойна всеобъемлющей милости Творца; и 4) признавая раввинскую традицію, мы въ данномъ вопросѣ признаемъ и неизмѣнимость загробной жизни чловѣка³: если послѣдній праведникъ, ему выпадаетъ на долю *счастье* блаженство, въ противномъ же случаѣ — *счастье* муки.

Но страданія и несчастія посылаются праведникамъ не только въ видѣ возмездія за содѣянные ими прегрѣшенія (какъ показывается разнъ на основаніи разныхъ библейскихъ данныхъ; милосердіе Творца столь велико, что Онъ прощаетъ даже закоренѣлыхъ грѣшниковъ, если только эти люди почувствуютъ искреннее, чистосердечное раскаяніе въ своей прежней жизни, и наоборотъ, праведникъ, хоть разъ пожалявшій о прежней своей добродѣтели, тѣмъ самымъ уже теряетъ право на вѣчное блаженство), но и для того, чтобы служить нагляднымъ другимъ людямъ и съ дѣломъ укрѣпленія своихъ

¹ Scharastani I, 43, 47, 62, 63, 109. Срв. *I. Guttman*, Г. с. р. 178—180.

² Подробнѣе объ этомъ въ слѣдующемъ трактатѣ.

³ Эта неизмѣнимость — одна изъ основныхъ догматовъ мотазалитова.

праведниковъ въ ихъ вѣрѣ и упованіи на Господа Бога, дабы они могли рассчитывать на особое воздаяніе за гробомъ.

Этимъ соображеніемъ разрѣшается, по мнѣнію Саадія, и знаменитый вопросъ о страданіяхъ невинныхъ дѣтей¹, подверженныхъ также всевозможнымъ испытаніямъ для того, чтобы впоследствии удостоиться высшей награды.

Въ связи съ этими вопросами стоитъ и слѣдующій, то же много занимавшій мотазилитовъ (Scharastani I, 67): если человѣкъ, искренно раскаявшійся въ своихъ грѣхахъ, по истеченіи извѣстнаго времени начнетъ вновь грѣшить, то прощены ли ему прежніе грѣхи его, до покаянія отпущенные, или нѣтъ? Мотазилиты отвѣчали на это отрицательно, тогда какъ Саадія съ ними несогласенъ: онъ считаетъ разъ состоявшееся прощенье неотмѣняемымъ, и по его соображеніямъ грѣшникъ подлежитъ лишь отвѣтственности за тѣ проступки, которые совершены послѣ отпущенія ему грѣховъ. Слѣдовательно, здѣсь мы встрѣчаемъ еще съ однимъ изъ немногихъ примѣровъ равногласія гаона съ положеніями его мусульманскихъ друзей.

Впрочемъ, по мнѣнію Саадія, существуетъ четыре рода преступленій, которыя должны быть искуплены, помимо раскаянія, извѣстными земными страданіями. Это—лжеприсяга, смертоубійство, прелюбодѣяніе и лжесвидѣтельство. Съ другой стороны, за слѣдующія качества даже невѣрующей грѣшникъ можетъ рассчитывать на награду въ этой жизни, а именно: 1) за почтеніе къ родителямъ, 2) за милосердіе къ животнымъ и 3) за честность въ дѣлахъ.

Коснувшись затѣмъ различнаго рода покаянія и указавъ на разныя степени грѣховности того или другого проступка въ зависимости отъ возраста, общественнаго положенія и умственнаго развитія преступника, Саадія удѣляетъ довольно много мѣста разсужденію о грѣховныхъ *помыслахъ*. По его мнѣнію, грѣховные помыслы караются почти такъ же, какъ и осуществленіе ихъ. Особенному наказанію подлежитъ отрицаніе существованія Воинства, а также искаженіе представленія объ

¹ Вопросъ этотъ былъ еще въ древности затронутъ Платономъ въ его сочиненіи о республикѣ, перенесъ затѣмъ и въ область христіанской догматики и немало занималъ также мотазилитовъ. Срв. *А. Крмер*, р. 282, *Frankl*, р. 37. Саадія возвращается къ нему еще въ тракт. VI. VIII и IX.

Его сущности. По этому поводу гаонъ и устанавливаетъ, между прочимъ, упомянутые уже выше четыре случая, когда дозволено прибѣгать къ аллегорическому толкованію текстовъ Св. Писанія. Этимъ своего рода рационалистическимъ отношеніемъ Саадія содѣлалъ новую эру въ исторіи ветхозавѣтной экзегетики и далъ раббанитамъ въ руки могущественное орудіе для удачной борьбы съ караимствомъ.

Шестой трактатъ—«о сущности души и о смерти» (שאלת עוז הגוף) представляетъ психологическій отдѣлъ философскаго сочиненія Саадія и распадается на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличающіяся части разной цѣнности. Въ первой половинѣ гаонъ очень долго останавливается на сущности человѣческой души, детально разбираетъ и опровергаетъ ходячія въ его время объ этомъ теоріи и, установивъ свой соб. твенный взглядъ, выясняетъ причину и цѣль соединенія души съ тѣломъ; вторая же посвящена вопросамъ эсхатологическаго характера и можетъ служить довольно любопытнымъ показателемъ вліянія на іудеямъ чужихъ ученій и самостоятельности по отношенію къ нимъ Саадія.

«Въ виду того, что находимъ людей разнаго на этотъ счетъ мнѣнія и слышимъ весьма странныя, нерѣдко подавляющія насъ предположенія, намъ предварительно придется изслѣдовать сущность души», такъ начинается гаонъ трактатъ свой, вскользь упомянувъ, что какъ по даннымъ Библіи, такъ и по его мнѣнію душа пребываетъ въ сердцѣ человѣка и если при смерти покидаетъ его, то лишь для того, чтобы впоследствии, по повелѣнію Божества, снова соединиться съ нимъ.

Мнѣній о сущности души очень много; поэтому Саадія считаетъ возможнымъ выдѣлить изъ всей этой массы лишь главнѣйшія самы, къ которымъ можно было бы присоединить еще теоріи атомистовъ, дуалистовъ и пантеистовъ; но, такъ какъ послѣднія, исходя изъ совершенно невѣрныхъ предположеній о возникновеніи мірозаданія, уже подверглись детальной критикѣ въ первомъ трактатѣ, то ясно, что и всѣ слѣдствія изъ нихъ уже выше опровергнутыя посылаютъ на вѣрны. Поэтому приходится остановиться на слѣдующихъ теоріяхъ, которыя необходимо опровергнуть для того, чтобы затѣмъ установить собственную,

опирающуюся не только на данные Св. Писанія, но и подкрѣпляемую соображеніями логическими¹.

Подъ именемъ *первой теоріи* можно сгруппировать мнѣнія, что душа не есть нѣчто самостоятельно существующее (евр. שׁוּח, араб. *شوّح*), а лишь случайное свойство, признакъ (*شوّح*), приче́мъ ихъ можно распредѣлить по пяти категориямъ:

1) Одни изъ нихъ полагаютъ, что душа есть нѣчто само-движущееся²; 2) другіе, что она такъ наз. энтелехія тѣла, т. е. что это сила, способная восполнить созданное человѣческое тѣло;³ 3) третьи, что она представляетъ соединеніе четырехъ элементовъ (*κράμα ἐκ τεσσάρων*);⁴ или 4) что она представляетъ смѣшеніе или совокупность пяти присущихъ человѣку чувствъ⁵; или наконецъ 5), что она есть специфическое свойство крови⁶.

Всѣ однако сходятся въ томъ, что душа—лишь признакъ, свойство, а не самостоятельная единица. На это можно возра-зить, 1) что, такъ какъ мы констатируемъ у души различныя качества (напр., гнѣвливость, любовь и т. п.), невозможно до-пустить чтобы одно свойство обладало въ свою очередь дру-

¹ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ основѣ дальнѣйшаго изложенія Саадія лежить сочиненіе Аристотеля *de anima*. Очень добросовѣстно приводя теоріи, изложенныя у Стагирита, и пользуясь иногда совершенно тождественною съ по-слѣднимъ аргументаціою, гаонъ однако не соглашается съ нимъ и выставляетъ собственныя соображенія, не избѣгая полемики. Но не одинъ Аристотель, какъ извѣстно, въ X вѣкѣ очень распространенный въ передней Азіи (знаменитый арабскій современникъ Сааді—Альфарави—также написалъ цѣлую психологію, обработку книги *de anima*), побудилъ къ тому гаона: рѣшающее значеніе имѣло здѣсь и то обстоятельство, что мутекалимимъ отстаивали положенія, несогласныя съ мнѣніемъ Саадія; сюда принадлежатъ напр., слѣдующее: душа есть только свойство, но никакъ не сущность. Срв. *L. Dukes, Philosophisches*, p. 56—80 и *A. Schmiedl, Studien*, p. 134—137.

² Впервые это опредѣленіе встрѣчаемъ у Анаксагора, затѣмъ у Платона. Ксенократь училъ нѣчто подобное („душа—число самодвижущееся“).

³ Таковъ взглядъ самого Аристотеля (*de anima*, II, 1).

⁴ Эмпедоклъ и Платонъ являются представителями этой теоріи.

⁵ Возможно, что и здѣсь Саадія имѣетъ въ виду т. наз. *αισθητικόν κοινόν* Аристотеля (*de an.*, III, 1), извѣстное подъ евр. терминомъ *הַשְׂמֵרָה הַשְּׂמֵרָה* и концентрирующее впечатлѣнія, воспринимаемыя нашими чувствами. Ср. *I. Guttman*, p. 195.

⁶ Аристотель приписываетъ это мнѣніе Критію (*de anima* L. 405). Нѣчто подобное есть и у стоиковъ (*Zeller*, I c. III, 1, 151). Д. Дукесъ (*Philosoph.*, p. 58) ошибочно смѣшиваетъ это ученіе съ ученіемъ Адама; см. ниже, VI теорію.

гимн и даже взаимно уничтожающими свойствами ¹, и 2) что душа, какъ видно изъ предшествующаго трактата, обладаетъ мудростью. Послѣдняя же можетъ быть присуща самостоятельному цѣлому, а не случайному признаку. Изъ этого слѣдуетъ, что душу—никакъ нельзя считать только свойствомъ.

Приверженцы *второй* и *третьей теорій*, хотя и признають, что душа—самостоятельная сущность, но опредѣляя ее либо тѣломъ воздушнымъ ², либо огненнымъ ³, также впадаютъ въ ошибку. Еслибы это было такъ, то душа была бы или влажною или сухою, чего мы на дѣлѣ не констатируемъ. Итакъ—высказанныя предположенія не выдерживаютъ критики.

Четвертое мнѣнiе увѣряетъ, будто душа состоитъ изъ двухъ элементовъ, начала разумнаго, которое вѣчно и помѣщается въ сердцѣ человѣка, и развитой по всему тѣлу преходящей жизненной силы ⁴. Однако уже противоположный характеръ этихъ элементовъ исключаетъ возможность ихъ сочетанія, признаваемого этимъ мнѣнiемъ.

Въ связи съ этимъ стоитъ и положенiе *пятой категорiи* людей, увѣряющихъ, будто душа возникаетъ изъ сочетанія двухъ воздушныхъ струй, одной—вдыхаемой человѣкомъ, и другой, выдыхаемой ⁵. Но это ученiе опровергается уже соображенiемъ о цѣли вдыханiя нами воздуха, которое производится, по мнѣнiю Саадiа, для охлажденiя жара, присущаго нашему сердцу.

Шестая теорiя увѣряетъ, что кровь и есть сама душа. Это мнѣнiе категорически высказалъ Ананъ въ своемъ сочиненiи ⁶, причеиъ его видимо побудило къ тому сказанное въ кн.

¹ Это—положенiе мутекалимовъ. Ср. *M. Guttman*, *Das rel. Syst.* p. 26—27. Очень характерно то, что Саадiа, возставая противъ одного изъ основныхъ принциповъ мутекалимовъ, разбиваетъ ихъ ихъ же оружиемъ.

² Таково мнѣнiе Дiогена изъ Аполлонiа (*Arist. de anim.* I, 2).

³ Тутъ рѣчь объ ученiяхъ Левкиппа и Демокрита. Ср. *I. Guttman*, p. 196.

⁴ Саадiа, хотя и не вполне точно, приводитъ здѣсь мнѣнiе стокковъ. Ср. *Zeller*, I. c. III, 1 p. 182, 186.

⁵ По сообщенiю Дiогена Лаертскаго (VII, 156), стоики опредѣляли душу какъ *πνεῦμα σφαιρῶν* и *ἄσπερον*. Ср. также *Plut. vit. Nom.*, c. 127. Можетъ быть, тутъ имѣется въ виду и одно изъ положенiй Эпикура. Ср. *I. Guttman*, I. c. p. 196, ann.

⁶ Это можно приписывать Анану *Sopher hamizwoth*. ср. выше. Данное мѣсто единственное во всемъ *Em. w. D.*, гдѣ упоминается имя Анана.

Второв. 18, 28: וַיֵּלֶךְ מִן הַבַּיִת וְ— «ибо кровь—душа». Однако Аванъ совершенно упустилъ изъ вида предшествующее предложіе, изъ котораго вытекаетъ лишь то, что кровь—мѣстопробываніе души, что только въ крови обнаруживается сила или слабость, радость или страхъ ея, такъ что предложіе וַיֵּלֶךְ מִן הַבַּיִת וְ должно быть понимаемо (не буквально, а) лишь какъ извѣстный способъ выраженія языка, охотно называющаго предметы по заключающей ихъ формѣ. Подобно этому (Притчи, 7, 7), и мудрость называется сердцемъ, такъ какъ въ сердцѣ—мѣсто мудрости, а понятіе «рѣчь» передается (Быт. 11, 1) терминоу уста, ибо устами выражается рѣчь».

«Сядомое наконецъ мнѣніе—истинно вѣрное, и его мы здѣсь, съ помощью Божіей, изложимъ...».

Переходя къ установленію снмкъ собственныхъ взглядовъ, Саадія такъ характеризуетъ сущность и свойства души:

1) Она сотворена, не вѣчна и возникаетъ одновременно съ тѣломъ, которое ей приходится занимать¹; 2) составъ ея, по своей тонкости и нѣжности, можетъ сравниться лишь съ составомъ небесныхъ сферъ, которыя, подобно ей, получаютъ свѣтъ своей огъ Божества, но которыя уступаютъ ей въ subtilности²; 3) несгднее обнаруживается, между прочимъ, въ ея мыслительной способности, чуждой небеснымъ сферамъ и подтверждающейся данными библейскими (Иовъ, 15, 15—16; Дан. 12, 13). Въ виду того, что тѣло челоѣческое само по себѣ не обладаетъ этою способностью, необходимо допустить, что она появляется у него лишь съ нсоевнѣемъ въ намъ души, которая появляется тѣломъ, какъ орудіемъ своей дѣятельности³; 4) мѣстопробываніемъ души въ тѣлѣ нужно принять *corde*,

¹ Эти слова направлены, вѣроятно, противъ ученія Платона о вѣчности душъ (Срв. *I. Guttman*, I. с. р. 199) и Аристотеля объ энтелехія. Возможно, что Саадія зналъ объ этой теоріи Платона отъ неоплатониковъ. Во всякомъ случаѣ замечаніе А. Шнидера (I. с. р. 188) о томъ, что Саадія знаетъ послѣдствіемъ ученія о вѣчности души, совершенно неѣдино.

² Нѣчто совершенно аналогичное мы видимъ у Аристотеля (*de gen. animal.* II, 3), отъ котораго это ученіе перешло какъ къ неоплатоникамъ (Шарастани I, 54), такъ и въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ къ „братьямъ чистоты“. Срв. *Dietrich, Weltseele*, p. 74 и 164.

³ *Aristot. de anima*, II, 1.

гдѣ сконцентрированы и откуда исходятъ всё нервы чловѣка¹. Этому и Св. Писаніе часто употребляетъ оба термина (душа и сердце) вмѣстѣ, въ виду дѣйствительно весьма тѣсной связи ихъ.

Установивъ все это, Саадія касается вопроса, почему Премудрый набралъ мѣстопробываніемъ чистой, возвышенной души запятнанное, низменное тѣло. Нѣкоторые видѣли въ этомъ даже несправедливость Творца, обидѣвшаго и унижившаго душу.

Гаснѣ возражаетъ на это, что Божество, какъ было выяснено въ предшествующихъ трактатахъ, не можетъ быть уже потому несправедливо, что Оно создало все существующее на пользу чловѣчеству, а не себѣ. Равнымъ образомъ было бы нелѣзностью искать тутъ другихъ мотивовъ Творца, напр., страха или невѣдѣнія. Все это заставляетъ насъ искать разрѣшенія загадки въ иной области, именно въ цѣляхъ созданія души: и дѣйствительно, если бы душа не вошла въ соединеніе съ тѣломъ, то 1) у нея не было бы орудія для проявленія себя, и 2) она не могла бы путемъ исполненія божескихъ предписаній уготовить себѣ будущее загробное блаженство; другими словами, существованіе ея, равно какъ тѣла, было бы совершенно безцѣльнымъ. И дѣйствительно, лишь въ соединеніи съ тѣломъ душа, повинная и служа Господу, можетъ усиловать присущую ей чистоту, подобно тому какъ путемъ невольничанія она омрачаетъ себя, теряя первоначальный блескъ свой. Такимъ образомъ пребываніе души въ чловѣческомъ тѣлѣ является для нея испытаніемъ, въ которомъ она сама рѣшаетъ будущую судьбу свою. При этомъ великое для нея утѣшеніе въ томъ, что она можетъ во все время пребыванія въ тѣлѣ исправлять прежніе грѣхи свои и проступки, путемъ искренняго, чистосердечнаго раскаянія. Съ наступленіемъ же смерти, съ момента отдѣленія души отъ тѣла, покаяніе уже болѣе невозможно.

Обладая свободою воли и всецѣло располагая поступками тѣла, душа, конечно, не можетъ быть запятнана и осквернена имъ; для этого она слишкомъ чиста и самостоятельна, да и нечисть тѣла является понятіемъ крайне условнымъ, установленнымъ лишь регулирующимъ закономъ Откровенія...

¹ Aristot. de somno II; hist. anim. III, 6; de part. anim. III, 4.

Итак, душа обязательно должна быть в связи съ тѣломъ, чтобы проявлять себя. Равнымъ образомъ воздаяніе постигаетъ не только тѣло, но и душу, т. е. обуславливаетъ собою ученіе о воскресеніи мертвыхъ. На счетъ послѣдняго мнѣнія ученыхъ однако расходятся: одни, опираясь на Лев. 4, 2; 6, 15 и Декал. 18, 4, полагаютъ, что воздаяніе постигаетъ одну душу; другіе (на основаніи Ис. 66, 23, Псал. 145, 21) готовы признать отвѣтственность только тѣла, а одинъ изъ главнѣйшихъ представителей караимства, Вольфгангъ Натаненди, того мнѣнія, что отвѣтственными являются кости человѣческія, какъ отцовъ и сегова всего тѣла. Пояснивъ, что ошибочность всѣхъ такихъ предположеній кроется въ *буквальномъ* пониманіи данныхъ Св. Писанія, да еще внѣ связи ихъ съ контекстомъ, Саадія приходится къ выводу объ одинаковой отвѣтственности души и тѣла въ загробномъ мірѣ за дѣянія, совершенныя въ этой жизни.

Объяснивъ затѣмъ разницу въ продолжительности жизни равныхъ лицъ тѣмъ, что по волѣ Божества дни человѣка могутъ быть удлиннены или укорочены, смотря по его заслугамъ, гаонъ переходитъ ко второй части своего трактата, посвященной вопросамъ эсхатологическаго характера¹.

Повторивъ талмудическія сообщенія (Абода Зара, л. 20-b) объ ангелѣ смерти, въ чудовищномъ образѣ являющемся человѣку въ моментъ перехода души въ другой міръ, гаонъ объясняетъ *невидимость* души при выдѣленіи изъ тѣла ея существованіемъ, пользуясь при этомъ слѣдующимъ сравненіемъ: если бы мы помѣстили свѣчу въ десять вставленныхъ одинъ въ другой стеклянныхъ шаровъ, то мы не видали бы всѣхъ шаровъ, кромѣ одного, наружнаго. Также точно не видны намъ, по своей прозрачности, и сферы небесныя, а тѣмъ болѣе — душа, которая состоитъ изъ еще болѣе нѣжной матеріи, чѣмъ онѣ.

¹ Какъ правильно указываетъ *J. Guttman*, l. c. p. 208—209, въ этомъ описаніи загробной жизни на Саадю не остались безъ вліянія данныя талмудическія и вивозимныя (древнеотеческія). Явленіе это объясняется отчасти распространенностью подобныхъ воззрѣній среди мусульманъ—Коранъ посвящаетъ имъ не мало мѣста,—отчасти же стремленіемъ Саадія быть вполне доступнымъ массѣ народной, вѣрованія которой повсюду и отражаются въ его сочиненіи съ большою ясностью. Последнее обстоятельство имѣетъ конечно не малое культурно-историческое значеніе.

Въ виду того, что загробное воздаяніе постигаетъ человѣка не непосредственно послѣ смерти, а впоследствии, когда число всѣхъ имѣющихъ бытіе созданными душаъ будетъ полно (см. выше, V тракт.), то является необходимымъ выяснить мѣсто-пробываніе отдѣленной отъ тѣла души до страшнаго суда. Отвѣтъ на этотъ вопросъ Саадія нашелъ въ талмудической традиціи ¹, равно какъ и въ мусульманскомъ богословіи ², принимающемъ такъ наз. *barzakh*—пугъ, среднее мѣсто, предварительное мѣстопробываніе души послѣ смерти человѣка. Вотъ почему мы читаемъ у гаона:

«Первое время послѣ своего отдѣленія отъ тѣла, душа, какъ увѣряютъ, проводитъ въ состояніи безпокойства, именно до тѣхъ поръ, пока тѣло не исчезнетъ вовсе, т. е. пока не распадутся составныя его части. Въ такомъ положеніи душа либо раздѣляется вмѣстѣ съ тѣломъ всѣ его ощущенія (при процессѣ разложенія), либо испытываетъ нѣчто подобное тому, что ощущаетъ человѣкъ, видя домъ, когда-то имъ занимаемый, пустымъ и заростающимъ терновникомъ и сорными травами».

Интенсивность этихъ ощущеній зависитъ отъ степени прежней связи души съ тѣломъ: чѣмъ тѣснѣе была эта связь, т. е. чѣмъ запятаннѣе душа, тѣмъ сильнѣе и ея болевыя ощущенія, и наоборотъ ³. (Срв. Іова, 14, 19).

Однако не всѣ согласны съ этимъ: нѣкоторые предполагаютъ, что душа не безсмертна и потому погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; другіе (платоніки, пантеисты, дуалисты) склоняются въ томъ, что она должна возвращаться къ первоисточнику своему, сливаясь съ нимъ. «Кромѣ того, говоритъ Саадія, мы встрѣтили людей, *именующихъ іудеями* ⁴.

¹ Срав., напр., тр. Саббатъ. л. 152 б.

² Срв. А. *Kremer*, *Gesch. der herrsch. Ideen*. p. 271—273.

³ Эти страданія называются *Dijn hakeber* (судъ могилы) или *Shibbuth hakeber*, могильныя наказанія, о которыхъ между прочимъ упоминаетъ и Платонъ въ *Федонѣ*. По свидѣніямъ у Шарастани, I, 119, сифатигъ Ибъ-Каррамъ написалъ объ этомъ специальное изслѣдованіе. Ср. *J. Guttman*, p. 210, ann. 5.

⁴ Вопросъ о томъ, имѣетъ ли Саадія здѣсь въ виду карамовъ (какъ предполагаетъ А. *Schmidl*, l. c. p. 166 и *Rapport*, *Einleit. zu Abraham bar Chija Hegjon ha Nefesch*, p. 52), или приверженцевъ сектанта Іегуды изъ Гамадана (по мнѣнію А. *Fellinek'a*, *Orient* 1851, p. 410, *J. Fürst'a*, *Gesch. d. Karäer-*

и тѣмъ не менѣе увѣряющихъ, что жизнь души, по смерти челоуѣка, возобновляется; это они называютъ *переселеніемъ ея* (метемпсихозомъ).

Указавъ на предположеніе о переходѣ челоуѣческихъ душъ въ тѣла животныхъ (*migratio descendens*), равно какъ и обратно (*migr. ascendens*), и о переходѣ челоуѣческой души въ тѣло другого челоуѣка же, Саадія клеймитъ такое мнѣніе «стумасбродствомъ» и опровергаетъ его, сообразно четыремъ заблужденіямъ, подавшимъ поводъ къ возникновенію такого безумнаго ученія. Аргументація его сводится къ слѣдующему:

1) сторонники метемпсихоза либо сознательные дуалисты или атомисты, либо совершенно не знаютъ, что лишь атомистическая и дуалистическая теоріи ведутъ къ подобнымъ заключеніямъ. Но въ виду того, что обѣ эти теоріи уже раньше опровергнуты нами, здѣсь не представляется никакой необходимости останавливаться на возраженіяхъ;

2) или ученіе о переселеніи душъ является результатомъ наблюдений надъ сходствомъ характеровъ людей съ склонностями нѣкоторыхъ животныхъ. Но въ такомъ случаѣ это мнѣніе уже потому безумно, что на основаніи его намъ пришлось бы допустить вліяніе тѣла на душу въ смыслѣ измѣняемости послѣдней; это, однако, непримѣнимо къ душѣ, какъ мы видѣли выше;

3) сторонники метемпсихоза объясняютъ помощью своей теоріи страданія невинныхъ младенцевъ, совершенно однако упуская изъ вида, что они объясняются также иначе, какъ мы показали выше (въ V тракт.); или, наконецъ,

4) они исходятъ изъ невѣрнаго пониманія нѣкоторыхъ текстовъ Св. Писанія (напр., Второз. 29, 13—14; Псалм. I, 1), на которые они опираются.

Такихъ людей Саадія разбиваетъ путемъ подробнаго грамматическаго анализа указанныхъ цитатъ и заканчиваетъ затѣмъ трактатъ свой слѣдующими характерными словами:

«Въ виду легкомыслія и (даже) низости такихъ людей, я

---

thama, I, p. 81 и *A. Kaufmann'a*, l. c. p. 84, ann. 144), разрѣшается *J. Guttman'омъ* (l. c. p. 214, ann.) въ томъ смыслѣ, что все это мѣсто направлено противъ *какихъ-либо* отщепенцевъ іудаизма, которые, будучи знакомы съ ученіемъ о метемпсихозѣ, приняли его.

считалъ бы себя совершенно свободнымъ отъ необходимости опровергать ихъ, если бы я не опасался ихъ вреднаго вліянія на другихъ».

Построивъ въ вышеприведенныхъ шести трактатахъ строго послѣдовательное стройное цѣлое, въ которомъ наглядно раскрываются процессъ міросозданія и сущность небеснаго Творца, цѣль мірозданія и средства, предоставленныя людямъ для ея достиженія, указавъ затѣмъ на послѣдствія, ожидающія людей за правильное или неправильное примѣненіе въ жизни этихъ средствъ и перейдя, наконецъ, къ вопросу о смерти тѣла и загробной жизни безсмертной души, Саадія вполнѣ исчерпалъ религіозно-философскую программу и пришелъ къ заключенію, способному удовлетворить любого читателя: данныя нашего разума не только не вступаютъ въ коллизію съ положеніями Св. Писанія, но и наглядно доказываютъ всю правильность и основательность послѣднихъ. Но гаонъ не останавливается на этомъ. Побуждаемый отчасти духомъ времени, съ особенною любовью останавливавшимся на вопросахъ эсхатологическаго характера, отчасти стремясь къ возможно полному и разностороннему разрѣшенію и логическому обоснованію всѣхъ затронутыхъ Св. Писаніемъ и особенно традиціею задачъ, Саадія посвятилъ еще цѣлыхъ три главы выясненію и освѣщенію ученій о *воскресеніи изъ мертвыхъ* (трактатъ VII, ענין המתים) ¹ и о *пришествіи Мессіи* (тр. VIII, ענין המשיח) ², а также болѣе детальному разсмотрѣнію и установленію различныхъ степеней наградъ и наказаній, ожидающихъ вѣрующихъ послѣ страшнаго суда (тр. IX, ענין השלש עשרה). Въ виду того, что всѣ

¹ Саадія приходитъ къ выводу, что воскресеніе жертвъ послѣдуетъ во времени пришествія Мессіи и тогда наступитъ пора безмятежнаго пользованія всѣми іудеями полнаго земнаго блаженства. Этотъ вопросъ имѣетъ, по мнѣнію гаона, важное историческое значеніе, потому что такое разрѣшеніе его придастъ его единовѣрцамъ бодрости страдать за свои религіозныя убѣжденія. Быть можетъ, эта *національная* идея, рельефно проходящая чрезъ весь трактатъ, служила однимъ изъ побужденій къ появленію его отдѣльнымъ изданіемъ.

² Тутъ Саадія обосновываетъ ученіе о пришествіи Мессіи справедливостію Творца. Всѣ страданія, ниспосылаемыя Имъ евреямъ, служатъ лишь подготовкою къ этому блаженному моменту, а раскаяніемъ и точнымъ соблюденіемъ заповѣдей евреи сами могутъ ускорить пришествіе Мессіи.

эти вопросы не имѣютъ общепилософскаго значенія, представляя изъ себя болѣе подробную разработку развѣшенныхъ уже раньше задачъ, мы прямо переходимъ къ послѣднему трактату.

Какъ показываетъ уже самое заглавіе десятаго трактата—«о лучшемъ образѣ жизни челоѣка въ этомъ мѣрѣ»—(עַל הַיָּסוּד הַטּוֹב לְעוֹלָם הַזֶּה), мы имѣемъ здѣсь дѣло съ этическимъ кодексомъ, являющимся логическимъ слѣдствіемъ тѣхъ основныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ гаонъ въ своемъ религіозно-философскомъ изслѣдованіи. На первый взглядъ этотъ трактатъ какъ будто и не гармонируетъ со всею книгою, является какъ бы лишнимъ ея балластомъ¹. Но на дѣлѣ это не такъ: мы имѣли уже неоднократно случай констатировать у Саадін стремленіе къ литературной обработкѣ такихъ матеріаловъ, которые могутъ представить тотъ или иной *практическій* интересъ. Въ данномъ случаѣ практическое значеніе философскаго изслѣдованія Саадін не могло бы имѣть никакого жизненнаго значенія, если бы авторъ не выдѣлилъ и не подчеркнул выводовъ этическаго характера, къ которымъ приводятъ всѣ вышеуказанныя разсужденія. Такимъ-то образомъ и возникъ этотъ трактатъ, являющийся логическимъ слѣдствіемъ всего предыдущаго, сводящагося въ главныхъ чертахъ къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) мѣръ созданъ изъ ничего единымъ, живымъ, всеумудрымъ и всемогущимъ Богомъ въ извѣстный моментъ времени (тр. 1 и 2);

2) мірозданіе во всей его совокупности свидѣтельствуетъ о милосердіи Творца, сообщавшагося съ нимъ помощью избранниковъ и пророковъ своихъ и предоставившаго людямъ безусловную свободу воли (тр. 3 и 4);

3) обладая такимъ цѣннымъ даромъ, люди должны стре -

¹ Иадагъ Kitab al amanath walitiquadath, Ландауеръ (Einleit., р., XX) допускаетъ даже, что этотъ трактатъ первоначально не входилъ въ составъ книги, а явился самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, лишь впоследствии присоединеннымъ къ главному философскому кодексу гаона. Срв. *J. Guttmann*. I. с. р., 258, app.

миться къ наимѣнѣеобразнѣйшему богопочитанію, отъ котораго зависитъ ихъ собственная дальнѣйшая участь за гробомъ, причемъ въ заповѣдяхъ и законѣ уважаны и пути къ достиженію такой великой цѣли (тр. 5); и, наконецъ,

4) выяснивъ себѣ сущность безсмертной души, люди должны понять, что центръ тяжести нашего бытія не столько въ этомъ мірѣ, сколько въ загробномъ, гдѣ ихъ ожидаютъ, сообразно съ заслугами, либо вѣчное блаженство, либо вѣчныя муки (тр. 6—9). Основываясь на этихъ данныхъ, человѣкъ можетъ, сообразно требованіямъ Св. Писанія и разума, устроить земную жизнь свою такъ, чтобы она была достойною подготовкою къ загробному существованію.

Желая дать къ тому руководство, гаонъ начинаетъ свою *практическую этику* (שבט הלכות חב, X, 146) съ общаго положенія, что разногласія во мнѣніяхъ лучше всего объясняются *узкостію, односторонностію* сужденій, т. е. заблужденіемъ, въ силу котораго одна какая нибудь сторона человѣческой природы якобы должна быть особенно развиваема, даже въ ущербъ всѣмъ другимъ. И дѣйствительно, видя во всѣхъ окружающихъ насъ предметахъ извѣстную множественность, сложность, мы вправѣ констатировать то же самое и въ явленіяхъ изъ области психической: ни одинъ характеръ не складывается изъ одной какой либо черты, а всегда изъ совокупности нѣсколькихъ. Въ виду этого и человѣкъ не станетъ строить домъ исключительно изъ одного какого нибудь матеріала, но употребитъ въ дѣло разные, равнымъ образомъ какъ онъ не будетъ руководствоваться, при выборѣ главной дѣятельности въ жизни своей, только *однимъ* качествомъ, *одною* склонностію своей души, но непрямо удѣлитъ каждой изъ нихъ право такого вліянія на жизнь, чтобы послѣдняя не страдала односторонностію: если бы это не было такъ, то и Господь не надѣлилъ бы людей различными душевными силами, а только какою нибудь одною. Итакъ, лишь при равномѣрномъ развитіи всѣхъ данныхъ намъ отъ Бога душевныхъ силъ мы въ состояніи гарантировать себѣ ту уравновѣшенность земной жизни, ту гармонию ея, которая только и дѣлаетъ ее удобопереносимою. Регулирующимъ же при этомъ началомъ должна быть сама душа наша или, вѣр-

нше, та изъ трехъ присущихъ ей силъ ¹, которая именуется интеллектомъ. Последнему-то и приходится умѣрять чрезмѣрное проявленіе прочихъ душевныхъ силъ.

Коснувшись затѣмъ знаменитаго стиха Екклвз. 1, 14 и выяснивъ взглядъ царя Соломона на суетность всего въ мирѣ въ томъ смыслѣ, что подъ суетностью слѣдуетъ понимать односторонность, Саадія переходитъ къ центру тяжести трактата, къ детальной характеристикѣ и опроверженію мировоззрѣній разныхъ, которыя у него распадаются на 13 группъ ².

Въ первой принадлежатъ всецѣло въ себѣ замыкающіеся удаляющіеся отъ земной жизни, отвергающіе имущество, браня, мясную пищу и все, что такъ или иначе могло бы напомнить имъ широкую суетность, аскеты. Однако, мрачное мировоззрѣніе такихъ людей страдаетъ, по мнѣнію Саадія, крайною односторонностью и экзотичностью. Если бы всѣ обратились въ аскеты, то это было бы равносильно полному прекращенію рода человѣческаго. Ближайшимъ же неудобствомъ такого удаленія массы людей изъ общества было бы то, что всѣмъ остальнымъ, не-аскетамъ, выпала бы на долю неблагоприятная и несправедливая обязанность кормить и заботиться о людяхъ, формально отъ нихъ отрекшихся. При этомъ здѣсь могло бы наступить и нарушеніе общественной безопасности: отвыкшіе отъ людей аскеты, при случайной встрѣчѣ съ свѣтлымъ человѣкомъ, могли бы въ врипадкѣ иступленія и одичанія либо поднять руку на ближняго, либо сами стать жертвами неудовольствія и раздраженія трудящихся классовъ.

Вторая группа состоитъ изъ тѣхъ, кто на первомъ планѣ ставитъ чревоугодіе. Опираясь на кн. Исх. 23, 25, Лев. 25, 19

¹ Дѣленіе душевныхъ силъ на три категоріи встрѣчается уже у Платона (ср. Zeller, II, 1, p. 538), равно какъ и въ энциклопедіи „братъвъ чистоты“. Ср. Dieterich, Weltseele, p. 73, Logik und Psychologie, p. 118.

² Такимъ образомъ и тутъ онъ остается вѣренъ своему любимому методу: подвергать при помощи тщательнаго рассмотрѣнія взгляды противниковъ и при ихъ опроверженіи выяснять свои собственныя.

По мнѣнію I. Guttman's (I. с. p. 264—265), Саадія имѣетъ здѣсь въ виду отчасти буддйскихъ аскетовъ (Scharastani, II, 373), отчасти монашествующихъ мусульманъ-дервishes, очень распространенныхъ въ его время въ Хорасанѣ. Срв. A. Kremer, I. с. p. 66. Быть можетъ, здѣсь имѣются въ виду и „братъвъ чистоты“, не чуждые аскетизма (Dieterich, Logik, p. 152 sq.).

и на Псал. 104, 15, такіе люди особенно подчеркиваютъ благотворное вліяніе пищи и питья на хорошее самочувствіе и жизнерадостное настроеніе человѣка. Почти дословно приводя въ отвѣтъ на это мнѣніе «братъевъ чистоты»¹ и 28 главу книги Премудрости Исуса, сына Сирахова², хотя и не называя этихъ источниковъ³, Саадія констатируетъ невозможность признанія за чревоугодіемъ благотворнаго вліянія на человѣка; напротивъ, чрезмѣрное пресыщеніе пищею или питьемъ ведетъ лишь къ огрубѣнію и одичалости, результатомъ которыхъ въ свою очередь является полное отвращеніе отъ Бога. Не менѣе печальны и гибельны, какъ въ физическомъ, такъ особенно въ нравственномъ отношеніи ученія третьей и четвертой группъ людей, ставящихъ на первый планъ стремленіе мужчинъ къ обладанію женщинами, или проповѣдующихъ, подобно неоплатоникамъ, даже педерастію. Саадія не стѣбитъ, конечно, ни малѣйшаго труда доказать неосновательность такихъ воззрѣній. При этомъ насъ поражаетъ удивительное знакомство его съ платоновымъ «Пиромъ»⁴. Въ концѣ концовъ гаонъ приходитъ къ выводу, что удовлетвореніе половой страсти мыслимо и допустимо лишь между супругами и то съ исключительною цѣлью умноженія рода человѣческаго.

Тому (пятому) разряду людей, которые видятъ цѣль жизни лишь въ приобрѣтеніи имущества и денежныхъ богатствъ, Саадія показываетъ всю тщету ихъ усилій, всю безполезность ихъ заботъ и трудовъ, всю пустоту ихъ эгоистичнаго любостязанія. По его собственному убѣжденію, такое исключительное стремленіе къ увеличенію богатствъ лишаетъ человѣка съ одной стороны необходимаго покоя и равновѣсія, съ другой же

¹ Срв. *Dieterici*, *Logik*, pp. 153, 161.

² Ниже гаонъ прямо ссылается на эту книгу. Вообще десятый трактатъ во многихъ мѣстахъ опирается на нее. Срв. *J. Guttmann*, I. с. 267, ann.

³ Гаонъ цитируетъ здѣсь лишь *Mischle*, 20, 22.

⁴ Не подлежитъ сомнѣнію, что Саадія не былъ непосредственно знакомъ съ *Symposion* ома Платона, которое никогда не переводилось на арабскій языкъ. За то детальное его знакомство съ мнѣніемъ объ Эротѣ и т. п. датируется, вѣроятно, отъ неоплатониковъ, быть можетъ—Плотина, вліяніе котораго безъ сомнѣнія отразилось какъ на энциклопедіи „братъевъ чистоты“ (*Dieterici*, *Weltseele*, p. 81), такъ и на *Мидрашѣ Beresch. rabb.* с. 8. Срв. *I. Guttmann*, I. с. p. 271 ann.

настолько заполняет всё его помыслы, что дѣлаетъ его глухимъ къ какимъ бы то ни было другимъ интересамъ. Любопытнѣйшій человѣкъ раньше всѣхъ забываетъ о Богѣ. Деньги могутъ интересовать лишь постольку, поскольку онѣ необходимы для поддержанія жизни и поскольку онѣ могутъ быть приобретаемы безъ чрезмѣрныхъ усилій, отнюдь не составляя главнѣйшей цѣли существованія. Да будетъ человѣкъ въ этомъ отношеніи доволенъ удѣломъ, ниспосланнымъ ему отъ Бога.

Шестой классъ людей считаетъ высшею цѣлью въ жизни имѣть дѣтей, потому что послѣдніи доставляютъ намъ наиболѣе полныя и чистыя радости и потому что это стремленіе вполне соотвѣтствуетъ предписанію закона о необходимости множиться и плодиться. Въ виду этого и патриархи (Авраамъ, Исаакъ и др.) молили Бога о дарованіи имъ потомства. Въ извѣстныхъ предѣлахъ Саадія готовъ присоединиться къ мнѣнію такихъ людей, но отнюдь не всецѣло, такъ какъ лишь тогда имѣемъ мы право стремиться къ увеличенію нашего потомства, когда располагаемъ нужными для его правильнаго въ богопочитаніи воспитанія матеріальными и нравственными средствами. Въ этомъ условіи мы рискуемъ взять на себя тяжелую отвѣтственность не только предъ Богомъ, но и предъ людьми.

Седьмой разрядъ людей считаетъ конечною цѣлью стремленій человѣка поведѣство съ относящимся сюда домоводствомъ, опираясь при этомъ не только на Второз. 6, 11, но и на тотъ фактъ, что цари и вельможи обыкновенно стяжаютъ себѣ развитіемъ земледѣлія и возведеніемъ въ своихъ странахъ построекъ великую славу. Для успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства, а тѣмъ болѣе для достиженія замѣтныхъ результатовъ въ области архитектурной необходимо много другихъ данныхъ помимо одного только желанія заниматься этими дѣлами. Не говоря уже объ общемъ образованіи, обязательнымъ для этого условіемъ удачи вѣдь должны быть признаны какъ спеціальныя познанія, такъ и особенно сила воли, необходимая для перенесенія невзгодъ и особенно разочарованій, неизбежныхъ при этомъ родѣ трудѣ. И въ нравственномъ отношеніи исключительное стремленіе къ поведѣству можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія, именно въ смыслѣ побужденія человѣка спекулировать произведеніями рукъ своихъ на счетъ

нужды близкаго. Склонность къ сельскому хозяйству лишь для того дарована Богомъ человѣку, чтобы онъ помощью ея удовлетворялъ насущнымъ своимъ потребностямъ.

Къ восьмой группѣ принадлежатъ люди, видяща цѣль жизни въ наибольшемъ ея продолженіи и находяща: въ кн. Исх. 20, 12, Иерем. 35, 7 подтвержденіе своему взгляду. Указавъ на то, что всякій возрастъ имѣетъ свои преимущества и недостатки, Саадія рекомендуетъ любить жизнь не ради ея самой, но потому, что она даетъ человѣку возможность достойно приготовиться къ загробному существованію. Особеннаго вниманія заслуживаетъ мысль гаона, что Богъ не для того даровалъ жизнь человѣку, чтобы послѣдній путемъ самоубійства самъ опредѣлялъ ея продолжительность, а для того, чтобы ипродолженіе ея испытать его и приготовить къ посмертному блаженству.

Приверженцы девятаго взгляда развиваютъ въ себѣ исключительно властолюбіе ¹. По ихъ мнѣнію, врожденное человѣку стремленіе къ первенству гарантируетъ благоустройство государственное и безопасность страны. Такимъ только образомъ объяснимы благоприятные результаты честолюбія, какъ личнаго, такъ и общественнаго. Саадія же, лишь отчасти радѣлая этотъ взглядъ, предупреждаетъ читателей относительно той легкости, съ какою самолюбіе, переходя въ честолюбіе и властолюбіе, превращается въ заносчивость и нетерпимость, и къ какому въ такомъ случаѣ печальнымъ и невыгоднымъ послѣдствіемъ ведетъ оно. Конечно, оспаривать врожденность этой черты въ насъ нельзя, но мы должны стремиться къ развитію ея въ насъ исключительно въ томъ смыслѣ, чтобы мы чувствовали стремленіе къ блаженству въ загробной жизни и въ раю.

Въ одиальной мѣрѣ не правы и приверженцы другого идеала, заключающагося въ удовлетвореніи мести. Хотя они и утверждаютъ, что удовлетвореніе этого чувства освобождаетъ душу нашу отъ горя и заботъ, причемъ имѣетъ еще ту хорошую сторону, что можетъ служить предупрежденіемъ для разныхъ нечестивцевъ, однако, по мнѣнію гаона, такіе люди жестоко

¹ Очень возможно, что Саадія желалъ разборомъ этого мнѣнія удержать своихъ единовѣрцевъ отъ подражанія арабамъ, известнымъ своею заносчивостью и самолюбіемъ.

ошибаются: отпущеніе вратъ можетъ вызвать въ насъ ощущение известнаго удовольствія лишь постольку, поскольку оно происходитъ пошине насъ, безъ нашего вмѣшательства. Наоборотъ, постиженіемъ души о мести повергають человека какъ бы въ безбрежное море, лишая его покоя и счастья, заставляя его нерѣдко рисковать жизнью собственною и чужою, даже побуждая его отречься отъ Бога, такъ какъ за всякую мечь человѣкъ отвѣтственъ предъ Всемудрымъ. Если уже допустить дозволенность мести (срв. Исая, 41, 11), то лишь въ смыслѣ возможности отмстить нечестивцу за оскорбленіе имъ Божества, такъ какъ мы этимъ поддерживаемъ чувство законности на землѣ.

Особенно интересны возраженія Саадія на мнѣніе лицъ, видящихъ исключительную цѣль жизни въ занятіяхъ наукою. Такіе люди оправдываются соображеніемъ, что благодаря наукѣ человекъ, исходя изъ познаванія окружающей его природы небснаго свода и его свѣтилъ, постепенно достигаетъ познаванія и самого Божества. Научными занятіями, по ихъ мнѣнію, имѣють еще то преимущество, что, выводя людей изъ тѣмн невѣжества къ свѣту истины, доставляютъ имъ несказанныя радости. Поэтому, кто не понимаетъ цѣны и значенія научныхъ стремленій, тотъ не имѣеть и права на названіе человека.

Хотя Саадія и не врозь согласиться съ нѣкоторыми частностями такого мировоззрѣнія, однако въ общемъ отвергаетъ его; опираясь при этомъ на слѣдующія соображенія: научныя занятія отнюдь не должны составлять единственное исключительное стремленіе людей: уже одна забота о поддержаніи жизни, если мы не желаемъ жить на чужой счетъ, побуждаетъ насъ обращаться къ какому-нибудь труду, который давалъ бы намъ въ достаточной мѣрѣ приличное пропитаніе, ибо исключительно грубая пища способна умалить необходимую намъ для научныхъ занятій умственную свѣжесть. Въ виду этого, Божество и ниспослало израильскому народу нѣжную манну, чтобы одѣлать его воспріимчивѣе къ синайскому законодательству. Въ тѣхъ же видахъ предписано удѣлять учителямъ народа, левитамъ, на двѣнадцатую часть (по числу колѣнъ) доходовъ, а десятую, чтобы тѣмъ самымъ дать имъ возможность лучше питаться и успѣшнѣе заниматься ихъ труднымъ и отвѣтственнымъ дѣ-

ломъ. Если же всё покинуть общественную жизнь и углубятся въ науку, то и родъ человеческой прерадноты, а съ нимъ и ученость и самая наука. Если же спросить, для чего въ такомъ случаѣ Богъ внушилъ людямъ склонности къ научнымъ изслѣдованіямъ, то на это можно было бы ответить: чтобы наука (философская) соединилась съ богословіемъ и служила послѣднему орудію¹.

Не одобряетъ Саадій также такое видѣніе богочтенія, какъ отшельничество, монашество, постъ, искусы и т. п. Богу вѣдь всего этого не нужно, а истинное понятіе Его выразится лишь въ неутомительномъ исполненіи Его велѣній. А можетъ ли быть рѣчь объ этомъ, если человекъ самъ уйдетъ изъ жизни, искусственно оградитъ себя отъ ея соблазновъ и замкнется въ самомъ себѣ? Очевидно, гдѣтъ. Вотъ почему неправы люди, видящіе въ монашествѣ единственно возможную форму богочтенія.

Къ тринадцатой группѣ, наконецъ, принадлежатъ тѣ, которые видятъ цѣль жизни въ достиженіи полного покоя. Опираясь на Іерем. 6, 16, они увѣряютъ, что покой вышее земное благо, почему имъ въ такой мѣрѣ и пользуются богатые и сильные міра сего. Но Саадій не стоитъ особеннаго труда опровергнуть этотъ ложный, ни на чемъ не основанный взглядъ: покой, если только не понимать подъ этимъ лѣнь и бездѣятельность, тѣмъ же. Ов. Писаніемъ (Притч. Солом. 31, 26) отождествляемый съ порокомъ, является естественнымъ слѣдствіемъ работы, труда и лишь въ такомъ смыслѣ можетъ быть признанъ умѣреннымъ, полезнымъ и желаннымъ. Отрицая же всякую работу, приверженцы указанной теоріи

¹ Въ этомъ разсужденіи сказана весь Саадія. Тотъ идеалъ ученаго, который никогда не забываетъ требованій божьей крутомъ него ключомъ жизни и отличается живомъ отзывчивостію на всё людскія горя и бѣды, какъ нельзя лучше нашелъ себѣ олицетвореніе въ самомъ главнѣйшемъ предостереженіи нами очеркѣ жизни этого необыкновеннаго человека, служить краснорѣчивѣйшимъ тому доказательствомъ. „Не человекъ для науки, а наука для людей“—этотъ девизъ свѣтилъ Саадія во всѣхъ его начинаніяхъ, во всей его отвѣтственной и многотрудной, но и богатой такими блестящими результатами дѣятельности. Многіе современные педагоги могли бы съ пользой научиться живому отношенію къ людямъ у маленькаго среднѣвѣковаго еврея.

тѣмъ самымъ отвергають и покой, безъ работы теряющій всякій разумный смыслъ и значеніе.

Рассмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ тринадцать міровоззрѣній и констатировавъ, что всѣ они грѣшатъ односторонностью, Саадія приходитъ къ выводу, что тогда только, если мы возьмемъ все хорошее у каждаго изъ нихъ, намъ удастся идеально устроить свое жизнь. Но намъ сдѣланнаго вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы каждая изъ душевныхъ силъ нашихъ могла играть совершенно одинаковую при этомъ роль. Какъ уже было упомянуто во вступленіи къ трактату, регулирующимъ здѣсь начало будетъ нашъ интеллектъ, которому придется позаботиться о томъ, чтобы допустить вліяніе на нашу жизнь уважительныхъ душевныхъ стремленій въ известной пропорціи, притомъ таковой, какая требуется для полной уравновѣшенности нашей. Въ известныхъ предѣлахъ мы можемъ дать волю каждому изъ нашихъ стремленій, но лишь настолько, насколько это будетъ законо. Если же эта мѣра будетъ нарушена, то придется прибѣгнуть даже къ такому тормазу, какъ аскетизмъ. Впрочемъ, жизнь сама собою сложится у насъ должнымъ образомъ, если мы будемъ видѣть въ ней лишь переходную стадію къ загробному существованію. Въ виду этого мы постараемся по возможности подавить въ себѣ всѣ дурныя наклонности, какъ властолюбіе, дѣнь, метительность и т. п.

Идеально настроенная жизнь, помощью которой человекъ пріуготовляетъ себѣ будущее блаженство, не вступая въ коллизію съ требованіями окружающей его среды, можетъ быть по гармоничности своей сравниваема съ соединеніемъ въ тѣлахъ четырехъ основныхъ элементовъ или съ смѣщеніемъ въ известной, тѣсно определенной пропорціи различныхъ ингредиентов цѣлебныхъ средствъ и лекарствъ.¹

Аналогія эта заставяетъ Саадію коснуться еще нѣсколькихъ пунктовъ изъ области естественныхъ наукъ, гдѣ въ изслѣдованіяхъ зрѣнія, слуха и обонянія онъ приходитъ къ результатамъ, вполнѣ, до его мнѣнія, подтверждающимъ его взглядъ на необходимость гармоничности въ разныхъ свѣтовыхъ, звуко-

¹Последнее сравненіе встрѣчается почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и въ инд. источникахъ. Срв. *Dieterici, Prædicentik*, p. 44, 163, *J. Gullmann*, p. 264.

выхъ и т. п. сочетаніяхъ. И тутъ гаонъ снова выступаетъ передъ нами удивительно тонкимъ наблюдателемъ, соединяющимъ съ необыкновенною начитанностью еще несомнительное остроуміе.

Возвращаясь къ исходному общему положенію трактата, что мы всѣмъ насъ окружающимъ всегда можемъ констатировать известную соразмѣренность и гармоничность, почему и обязаны стремиться къ столь же равномерному развитію нашихъ духовныхъ и душевныхъ силъ; Саадія заканчиваетъ свою книгу увѣщаніемъ, что всѣ помыслы и стремленія наши должны быть направлены на познаніе высшихъ истинъ, на истинное богопочитаніе и на приобрѣтеніе и сохраненіе добраго имени. Выяснить все это и тѣмъ побудить человечество къ нравственному возрожденію, дабы оно въ полномъ смиреніи преклонилось предъ всемилосерднымъ Творцомъ — вотъ въ чистъ цѣль написанія всего сочиненія.

Прослѣдивъ такимъ образомъ творчество Саадія, мы собственно пришли къ концу нашей задачи. Не исследование наше могло бы подвергнуться заслуженному упреку, если бы мы обошли молчаніемъ вопросъ о томъ, насколько результаты Саадиевой работы были въ зависимости отъ его личности.

Обращаясь къ характеристикѣ Альфаума, мы можемъ рассмотреть его какъ человека, какъ ученаго и какъ публициста.

Въ первомъ отношеніи мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ идеаломъ, который начерталъ самъ гаонъ въ повѣднемъ трактатѣ своего *Sepher Emunoth ve Deoth*.

Если вспомнить условія жизни, въ которыхъ родился и выросъ Саадія, если принять во вниманіе время его дѣятельности, съ политической точки зрѣнія очень неспокойное, не представлявшее особенной гарантіи въ определенности и устойчивости жизненныхъ условій и потому и въ умственномъ, научномъ отношеніи не особенно богатое и блестящее, то приходится изумляться той силѣ воли, той послѣдовательности, той уравновѣшенности, которая ни на минуту не покидала гаона. Не уходя въ узкозамкнутый кругъ интересовъ отца своего, онъ уже въ ранней юности намѣчаетъ себѣ широкую жизненную программу. Это свидѣтельствуетъ о необыкновенной

умственной зрѣлости, большой наблюдательности и крайней отрывчивости Саадіа. Однако, безъ навѣстной идейности такіе задатки могли бы повести лишь къ пустому честолюбію; стремленію къ вѣчному блеску временнаго успѣха, и въ концѣ концовъ къ сухости и черствому эгоизму. На дѣлѣ, однако, мы не видимъ ничего подобнаго. Гуманностью, даже болѣе — неслыханнымъ смиреніемъ, необычайною, доходившею до самоотреченія скромностію Саадіа показавъ, что всякіе личные интересы были чужды ему и неважны. Человѣкъ, въ его возрастѣ добровольно удалившійся отъ самаго почетнаго, самаго высокаго поста для того лишь, чтобы не вызывать нежелательныхъ осложненій, человѣкъ, отрешившійся отъ власти, обширной не только формально, но и главнымъ образомъ фактически, въ моментъ, когда своимъ добровольнымъ изгнаніемъ онъ могъ спасти существованіе главнаго умственнаго центра своихъ единоверцевъ, человѣкъ, сложившій при этомъ выше всякихъ личныхъ счетовъ и интересовъ и отвѣчавшій на грубые инсинуаціи и некую клевету своихъ противниковъ спокойною, строго логическою аргументаціею и подвигомъ высшаго человеколюбія (вспомнимъ, что Саадіа принялъ къ себѣ и воспиталъ внука злѣйшаго врага своего, Давида-бенъ-Заккаїа), такой человѣкъ можетъ быть сравняваемъ лишь съ какимъ-нибудь Гамделемъ или подобными героями мысли и чувства.

Эта скромность и кротость составляютъ отличительную черту и Саадіа ученаго, и Саадіа публициста. Какъ ирецъ науки, гаонъ является однимъ изъ наиболѣе горячо ей преданныхъ и талантливыхъ, нѣтъ — гениальныхъ ея представителей. Мы нѣгди случая познакомиться съ его трудами въ равнообразнѣйшихъ отрасляхъ науки и вездѣ могли констатировать, рядомъ съ удивительно глубокими познаніями и неизвѣдомо до него начитанностію, поразительную послѣдовательность и методичность, далекую, однако, отъ всякаго педантизма и сухости и грѣющую подчасъ лишь кѣноторою пространнымъ. Какой бы вопросъ, лингвистическій или палеонтологическій, философскій или другой, какой-либо ни занималъ гаона, всегда въ его размышленіи насъ поражаетъ глубокая, общая, проникающая весь трудъ идея, генетически предъ нами развивающаяся путемъ строго-логическимъ

необыкновенно систематически веденныхъ аргументацій. При этомъ затрагивавшіеся гаономъ вопросы никогда не разрѣшались имъ односторонне и, что всего важнѣе, онъ никогда не претендовалъ, несмотря на недчасъ громадное культурно-историческое значеніе своихъ работъ (для примѣра вспомнимъ лингвистическіе и экзегетическіе труды Саадія), на непогрѣшимость и на славу безусловнаго совершенства. Если читатели не забыли, гаонъ въ разныхъ своихъ книгахъ проситъ отбѣтить и исправить могущія встрѣтиться погрѣбности, напоминая читателю, что онъ, Саадія, будетъ радоваться лишь выясненію истины и совершенно забудетъ о своемъ авторствѣ. Скромность поразительная и небывалая, особенно въ то время и въ устакъ перваго представителя науки!

Интересно также отношеніе Саадія къ источникамъ: имѣя подъ рукою сравнительно съ нами ничтожное ихъ количество, Альфаоми съ поразительнымъ мастерствомъ пользуется ими; всякое малѣйшее между строкъ читаемое замѣчаніе слагается у него моментально въ цѣлую картину и онъ, часто лишь угадывая связь и послѣдовательность явленій изъ ничтожныхъ намековъ, комбинируетъ ихъ и строитъ съ своей точки зрѣнія безусловно живнеспособныя гипотезы.

Запроувъ вопросъ объ источникахъ, намъ необходимо коснуться здѣсь зависимости Саадія отъ альфы и омеги тогдашней науки—Платона и Аристотеля. Отличаясь умѣньемъ критически отнестись къ научнымъ даннымъ хотя бы и общепризнанныхъ корифеевъ, Альфаоми, при самобытности своего мышленія, вовсе не является безусловнымъ поклонникомъ ни аэинниана, ни стагирита. Принявъ методы послѣдняго, пользуясь, какъ мы видѣли, неоднократно способомъ его аргументацій, принимая нѣкоторые изъ его основныхъ космогоническихъ данныхъ (напр., опредѣленіе пространства), Саадія, однако, въ другихъ вопросахъ сохраняетъ не только полную самостоятельность, но и подемнизируетъ съ наставникомъ своего времени. Такъ, напр., знаменитое, проникающее всю арабскую средневѣковую философію, безусловно принятое не только Ибнъ-Эзрою, но и Маймонидомъ положеніе Аристотеля (Met. 12, 9): *ὅλησις τολήσις ὅλησις* напью себѣ въ Саадія перваго яраго противника. Выдвинутое вторымъ (воств Аристотеля) учите-

лемъ арабскій, Альфараби, ученіе е. т. наз. *intellectus agens* (Эмелъ 72) было безусловно отвергнуто также однимъ имъ, Саадіей ¹.

По характеру мировоззрѣнія, особенно сравнительно съ Маймонидомъ, Альфароми скорѣе, казалось-бы, можно было-бы назвать поклонникомъ Платона, и особенно неоплатониковъ. Но и это не вполнѣ вѣрно: хотя Саадія и замѣтствовалъ у Платона опредѣленіе времени, однако теорія объ эманаціи міроустройства изъ Божества, равно какъ вытекающее изъ этой теоріи слѣдствіе объ одухотворенности небесныхъ свѣтилъ, гипотеза, не только принятая Цицерономъ (*de socio*, II, 2; *de nat. deor.* II, 16), но и Маймонидомъ (*Moreh*, III, 13) и другими раввинскими корифеями, были безусловно отвергнуты Саадіей, въ которомъ мы находимъ также яраго противника и теоріи о переселеніи душъ и т. п. очень распространенныхъ и въ его время почти неоспаривавшихся ученій: Во всемъ этомъ нельзя не видѣть удивительной самостоятельности и самобытности Альфароми.

Точно также Саадія скорѣе былъ знакомъ съ арабскими мутаезилитами (особенно со нисолою Аль-Джуббан), чѣмъ въ зависимости отъ нихъ. Поэтому по меньшей мѣрѣ рискованно называть Саадію еврейскимъ мутакалимомъ, какъ дѣлаетъ это напр. Эйслеръ въ своихъ *Vorlesungen*. Онъ мутакалимъ ровно постольку, постольку онъ занимался каламомъ, т. е. философіею въ связи съ богословіемъ, для разрѣшенія животрапающаго вопросу, главнымъ образомъ для уясненія способа согласія данныхъ разума съ положеніями вѣрученія.

Намъ остается оправдѣлить еще одну, до сихъ поръ, кажется, еще никѣмъ не отмѣченную черту въ характерѣ Саадія—его склонность т. е. къ публицистичѣ. Мы имѣемъ уже случай констатировать необыкновенную отыччивость разна на воѣ чрезвычайные, особенно въ его время волновавшее общество, вопросы и явленія. Если принять во вниманіе обширную эрудицію, неподобную живестъ, удивительную убѣжденность въ связи съ необычайною искренностью и простотою рѣчи Саадія, то мы можемъ априорно сказать, что онъ обладалъ всеми для публициста необходимыми данными. И дѣйствительно, Альфароми не только обладалъ, но и пользовался ими въ цѣляхъ

¹ Опр. *A. Schmiedl*, Saadja u. die negat. Vorzüge etc. p. 3—15.

публицистическихъ: вспомнимъ его полемическія сочиненія противъ караймства и септантовъ, вспомнимъ его рецензіи, его Serpher Hagaluj, вспомнимъ его Emanoth we Deoth, особенно послѣдній трактатъ его, вспомнимъ склонность габона къ *популярности* научныхъ данныхъ и къ тому, чтобы сдѣлать изслѣдованія общедоступными и ясными, и мы не будемъ нуждаться въ болѣе детальномъ обоснованіи нашего положенія: Саадія былъ не только идеальнымъ человекомъ и гениальнымъ ученымъ, но и крупнымъ публицистическимъ талантомъ.

Констатировавъ все это, посмотримъ, каковы были результаты дѣятельности нашего безвременно почившаго борца, который видимо сочеталъ въ себѣ всё даннаго для того, чтобы оставить глубокий слѣдъ не только на своей эпохѣ, но и въ исторіи слѣдовавшихъ за нимъ поколѣній. Безусловно неоспоримо то, что Саадія проложилъ новые пути въ трехъ отрасляхъ знанія: въ лингвистикѣ, вѣзегетикѣ и религіозной философіи. Не даромъ Ибнъ-Эзра назвалъ его первымъ во всѣхъ отношеніяхъ исследователемъ (ערש ליל עולמנו שלם). Въ области языковеденія онъ первый указалъ на важность изученія этой науки, на необходимость сравнительнаго при этомъ метода, на большую роль этой дисциплины въ ряду другихъ наукъ. Въ его вѣзегетикѣ ми подчеркнули, кромѣ удивительно жѣрваго пониманія требованій времени (въ силу чего онъ и перевелъ на тогда общераспространенный—арабскій—языкъ Библию и Мишну съ припадленіемъ къ нимъ комментариев), замѣчательно свободное, встрѣчающееся впервые у него критическое отношеніе къ текстамъ. Этотъ рационализмъ, сдерживаемый, впрочемъ, въ известномъ предѣлѣ глубокою религіозностью и полнымъ уваженіемъ къ традиціи, сказался очень благотворно на его философскихъ трудахъ, одномъ специальнымъ (Serpher Jedrah), другомъ, популярномъ (Emanoth we Deoth), многочисленныхъ опять-таки на арабскомъ языкѣ. Правда, насъ поражаетъ своею грандіозностью скорѣе общая мысль согласить голосъ разума съ требованіями догмы, чѣмъ частности ея исполненія. Многие вопросы тутъ скорѣе только затронуты, но не разрѣшены. Не несомнѣнно то, что Саадія всѣми этими вопросами удачно полемикою противъ караймства оказалъ еврейству неоцѣнимую услугу; новые, проложенные имъ въ наукѣ пути,

несмотря на послѣдовавшее уже шесть лѣтъ спустя послѣ его смерти окончательное паденіе суранской академіи (въ 948 г.), не только не остались запущенными, но, напротивъ, образовали тотъ мостъ, по которому тогдашняя наука перешла изъ Авіи въ Европу, для того, чтобы освѣтъ здѣсь и наложить неизгладимую печать на весь ходъ дальнѣйшаго развитія философской мысли. Будучи первымъ еврейско-арабскимъ философомъ и отцомъ еврейской схоластики, Саадія въ лицѣ своихъ преемниковъ и подражателей, между которыми блистаютъ имена Бахія, Гебироля, Маймонида, остался не безъ вліянія и на схоластику христіанскую. Вліяніе это сказалось не только въ строгомъ очерченіи границъ, которыхъ не должна переступать мысль пытливаго философа, но и особенно въ томъ обстоятельствѣ, что почти всѣ затронутые святошествомъ философскіе вопросы подверглись уже раньше, именно Саадіей, подробному разсмотрѣнію и нерѣдко были разрѣшаемы имъ въ совершенно аналогичномъ съ схоластиками духѣ. Страннымъ остается конечно фактъ, почему мы не находимъ въ схоластическихъ произведеніяхъ имени Альфаومی, но это приходится объяснить тѣмъ, что христіанскіе мыслители были знакомы съ твореніями гаона не непосредственно, а чрезъ изслѣдованія болѣе близкихъ имъ по времени и мѣсту другихъ еврейско-арабскихъ ученыхъ.

Судьба отнеслась вообще нѣсколько сурово къ памяти гаона. Представляя могучій свѣтовой столбъ на дальнемъ востоцѣ, Саадія лично не возжегъ зарю новой блестящей еврейско-испанской культуры. Но виною этого былъ не онъ самъ или его недостатки, воплотившіяся въ морѣ его заслугъ, а печально сложившіяся политическія обстоятельства. Съ паденіемъ Суры, и даже нѣсколько раньше этого, палъ, какъ мы видѣли, эксилархатъ. Вслѣдъ за этимъ восточному еврейству пришлось лишиться и религиозной автономіи. Центръ тяжести духовной его жизни лежалъ теперь уже не въ мрачной Пумбадитѣ, не въ старой Сурѣ, а былъ перенесенъ сперва въ внойный Кайруанъ, а затѣмъ въ жизнерадостную Кордову. Но занимавшаяся на западѣ новая заря еще долгое время была отраженіемъ того солнца на востокѣ, которому имя—р. Саадія-гаонъ Альфаومی.

АРФА ДАВИДА.

ЛЕГЕНДА.

У постели псаломщика
Арфа звонкая висѣла.
Если ночью ввѣялъ вѣтеръ, —
За струной струна звенѣла,

И аккорды раздавались
Надъ вѣнчанной головою,
И царя они будили
Сладковзвучною хвалою.

Царь Давидъ вставалъ съ постели,
Исполнялся вдохновенья,
Струны арфы колебалъ онъ
И слагалъ онъ пѣснопѣнья.

И въ отвѣтъ ночному вѣтру
Арфа съ звонкими струнами
Рокотала и звенѣла
Подъ державными перстами.

ПОЛОЖЕНІЕ О ЕВРЕЯХЪ 1804 ГОДА.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОСНОВАНІЙ И МОТИВОВЪ
ЭТОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПАМЯТНИКА.

(На основаніи источниковъ) ¹.

Обращаясь къ исторической подкладкѣ другихъ статей Положенія, остановимся на вопросѣ и доселѣ не потерявшемъ своего значенія, а именно о переселеніи евреевъ изъ селеній въ города.

Комитетъ нашелъ неудобнымъ устроить *принудительное* переселеніе евреевъ изъ Литвы въ Невороссійскую и Астраханскую губерніи, какъ это предлагалъ Державинъ, а ограничился только постановленіемъ, что евреи, «кои ни собственныхъ земель приобрѣсть, ни у помѣщиковъ нанять не будутъ въ состояніи, могутъ переходить на земли казенныя въ губерніяхъ: Литовскихъ, Минской, Волынской, Подольской, Астраханской, Кавказской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической; въ нѣкоторыхъ изъ сихъ губерній имѣеть быть для сего отведено на первый разъ *для желающихъ* до 30,000 десятинъ» (§ 17).

Для устраненія всякихъ недоразумѣній на счетъ свободы переселенія, комитетъ въ § 18 прямо говоритъ: «Никто изъ евреевъ не будетъ *насилно принуждаемъ къ переселенію*».

Устраняя *принудительное* переселеніе евреевъ, комитетъ считаетъ однако необходимымъ воспретить евреямъ жительство гдѣ бы то ни было, кромѣ городовъ. «Никто изъ евреевъ, говорится въ § 34 Положенія, начиная съ 1 Января 1807 г. въ

¹ См. „Восходъ“, кн. IV.

Восходъ, кн. 6.

губерніяхъ Астраханской и Кавказской, Малороссійскихъ и Повороссійскихъ, а въ прочихъ, начиная съ 1 Января 1808 г., *ни въ какой деревнѣ и селѣ не можетъ содержать никакихъ арендъ, шинковъ, кабаковъ и постоянныхъ дворовъ ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, ни продавать въ нихъ вина, и даже жить въ нихъ, подъ какимъ бы видомъ ни было, развѣ проѣздомъ».*

«Мнѣніе» Державина, основанное отчасти на законодательномъ и административномъ матеріалѣ, отчасти на непосредственномъ знакомствѣ съ бытомъ евреевъ и ничтожной литературой предмета, представляетъ тѣмъ не менѣе рядъ мѣръ совершенно новыхъ, не имѣвшихъ почвы въ предшествующемъ законодательствѣ; таковъ напр. былъ его проектъ о принудительномъ переселеніи всѣхъ немущихъ евреевъ на казенныя земли. Проектъ грандіозный по плану и требовавшій отъ казны весьма значительныхъ затратъ, такъ какъ осуществленіе его на сборы съ самихъ евреевъ было очевидно невозможною, какъ и показалъ впоследствии опытъ.

Комитетъ предпочелъ остаться какъ относительно этой мѣры, какъ и относительно другихъ проектовъ Державина, на строго исторической почвѣ, ограничившись лишь болѣе точнымъ опредѣленіемъ того, что уже было принято практикою.

Вопросъ о переселеніи евреевъ изъ селеній въ города возникаетъ съ первыхъ же лѣтъ присоединенія къ Россіи Бѣлоруссіи и Литвы.

Исторія его, на основаніи официальныхъ документовъ, слѣдующая:

«1800 года, марта 19 дня, Правительствующему Сенату г-нъ генераль-лейтенантъ, генераль-прокуроръ и кавалеръ Обольяниновъ предложилъ на разсмотрѣніе, собранныя имъ, свѣдѣнія, вслѣдствіе донесеній Его Императорскому Величеству и Правительствующему Сенату тайнаго совѣтника и сенатора, графа Ильинскаго, что во всей Бѣлорусской губерніи великій въ соли недостатокъ и жители, нуждаясь оною, подвергаются пухлой болѣзни, — изъ коихъ открывается, что дороговизна соли въ сихъ мѣстахъ не отъ того происходитъ, что существуетъ въ нихъ вольная продажа, какъ и не отъ недостатка соли въ казенныхъ магазинахъ, но отъ другихъ мѣстныхъ обстоятель-

ствъ, кои и передаетъ во уваженіе Правительствующаго Сената». Приступивъ къ разсмотрѣнію предложенія оберъ-прокурора, Сенатъ выслушалъ вмѣстѣ съ тѣмъ 1) Препровожденный при семъ предложеніи рапортъ, присланный къ генералъ прокурору и кавалеру по сему обстоятельству отъ Бѣлорусскаго гражданскаго губернатора, господина тайнаго совѣтника Северина, при коемъ онъ приложилъ вѣдомость, по какимъ цѣнамъ въ городахъ Бѣлорусской губерніи продается вольнопромышленная соль, и при томъ извясняетъ, что хотя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ сей губерніи цѣны соли и кажутся нѣсколько высокими, но сіе происходитъ отъ того, что бывшая Могилевская часть довольствуется привозимою изъ Крыма, а Плоцкая изъ Риги иностранною солью. Рижская соль привозится въ бочкахъ и, будучи лучшей доброты, несравненно чище и солонѣе, нежели крымская, а потому и продается въ полтора раза дороже крымской, которую обыватели, несмотря на превосходство цѣны, покупаютъ гораздо охотнѣе, ибо находятъ выгоднѣйшею для своего хозяйства. Высокія цѣны соли, тамъ существующія, не отъ недостатка происходятъ, но отъ того, что самимъ промышленникамъ, по причинѣ отдаленности мѣстъ, затруднительной и многостоящей перевозки, не дешево обходится; донесеніе же сенатора графа Ильинскаго, что жители Бѣлорусской губерніи, нуждаясь солью, подвергаются пухлой болѣзни, отнестъ должно не къ недостатку въ запасахъ соли, но къ собственной крестьянъ бѣдности по причинѣ худыхъ урожаевъ хлѣба, каковыя обстоятельства встрѣтились и ему, графу Ильинскому, въ проѣздѣ чрезъ Бѣлоруссію; и сіе, быть можетъ, что нѣкоторые бѣдные крестьяне не имѣютъ за что купить соли, по сему и пособить невозможно. Въ отношеніи же цѣлой губерніи удостовѣряется, что не только во всѣхъ городахъ, но въ уѣздныхъ мѣстечкахъ непрерывно соль въ продажѣ находилась и находится безъ малѣйшаго недостатка, поставляя сему доказательствомъ то, что, по пресѣченіи казенной продажи соли, осталось въ бывшей Могилевской губерніи до 80,000 пудовъ, которую велѣно отъ Сената хранить на тотъ конецъ, что, ежели промышленники вздумаютъ продавать свою соль не умѣренными цѣнами, то въ то время, открывъ казенные магазины, продавать соль обывателямъ по 75 копѣекъ пудъ; одна-

ко-жъ съ открытія Бѣлорусской губерніи ни одинъ изъ обывателей не прибѣгалъ къ помощи изъ магазина, довольствуясь и поднесъ покупкою отъ промышленниковъ, и казенная соль остается не распроданною. Заключая впрочемъ, что не недостатокъ соли тяготитъ бѣдныхъ крестьянъ, но несносная дороговизна заставляетъ многихъ нуждающихся употреблять пищу безъ соли, губернаторъ проситъ учрежденіи въ Бѣлоруссіи казенной продажи соли, постановя оной такую цѣну, какая существуетъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. — 2) Рапортъ Сенату господина тайнаго совѣтника, сенатора графа Ильинскаго, присланный по обзрѣніи Бѣлорусской губерніи, коимъ между прочимъ доносить, что евреи, имѣющіе обитаніе въ Бѣлорусской губерніи по Высочайшимъ предписаніямъ, записаны бывъ въ купеческое и мѣщанское званіе, должны поступать имѣть пребываніе свое въ городахъ, упражняясь въ ремеслахъ по званію ихъ; напротивъ того примѣчено имъ, что въ городахъ живетъ оныхъ малая часть, а больше находится ихъ въ уѣздахъ, занимающихся по дозволенію помѣщиковъ винокуреніемъ и шинкованіемъ напитковъ, а также великое число есть ихъ тутъ и правдошатающихся, къ отягощенію крестьянъ и помѣщиковъ, ибо они, не имѣя прочныхъ способовъ къ продовольствію себя, употребляютъ разные предлоги и хитрости къ разворенію крестьянъ, давая имъ въ долгъ напитки, за которые въ платежъ при жатвахъ берутъ у крестьянъ съ большими наростами хлѣбъ, а правдошатающіеся нерѣдко оказываются въ грабежахъ, воровствахъ и самыхъ смертоубійствахъ, такъ что при осмотрѣ имъ колодниковъ примѣчено, что большая часть содержится по уголовнымъ дѣламъ евреевъ; къ отвращенію чего, для доставленія обитателямъ спокойствія и безнужнаго продовольствованія въ жизненныхъ вещахъ, за нужное признается *запретить помѣщикамъ позволять евреямъ винокурение, а сихъ послѣднихъ изъ уѣздовъ переселить вслѣхъ въ города къ обращенію ихъ въ свое званіе, и не иначе позволить жить имъ въ частныхъ мѣстечкахъ, какъ по согласію самихъ помѣщиковъ, принимающихъ ихъ по контрактамъ*.

«По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ приказали: Какъ изъ рапорта Бѣлорусскаго гражданскаго губернатора Сенатъ усматриваетъ, что недостатка въ

запасѣ соли по тамошней губерніи отнюдь не настоятъ, а напротивъ того, имѣется оная вездѣ безъ всякаго оскуднѣнія, и что нѣкоторые крестьяне, хотя и подверглись пухлой болѣзни, но сіе происходитъ отъ собственной ихъ бѣдности по причинѣ худыхъ урожаевъ хлѣба и отъ другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, а не отъ недостатка въ соли; господинъ же тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ графъ Ильинскій, при обзорѣніи оной губерніи, замѣтилъ, что евреи, записанные въ купеческое и мѣщанское званіе, живутъ не въ городахъ, а въ уѣздахъ и, занимаясь, по дозволенію помѣщиковъ, винокурениемъ и продажей вина, употребляютъ разные предлоги и хитрости къ отягощенію и разворенію крестьянъ, изъ чего замѣтить можно, что крестьяне, бывъ всегда стѣсняемы отъ евреевъ въ промыслахъ своихъ, нуждаются чрезъ то и въ нужныхъ для жизни припасахъ; поелику же указомъ Сената 1783 года января 31 дня, всѣмъ губернскимъ правленіямъ предписано, чтобъ купцовъ и мѣщанъ, проживающихъ по уѣздамъ, перевести по ихъ промысламъ въ города, и хотя послѣ того указомъ же Сената 1786 года, января 21 числа, дозволено по Бѣлоруссіи, записавшихся въ купечество и мѣщанство, живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, евреевъ безвременно селиться въ городахъ не принуждать, но сіе однако-же не возбраняло переселенію ихъ въ города, а тѣмъ изъ евреевъ, кои не вошли въ купеческое и мѣщанское званіе, также не предоставлено свободы скитаться во вредъ обществу, но слѣдуетъ и симъ избрать родъ жизни на основаніи изданныхъ по сему предмету законовъ и записаться или въ городахъ, или въ селеніяхъ, кто какой родъ жизни избрать пожелаетъ, и отправлять государственныя повинности, каждому состоянію людей присвоенныхъ; то вслѣдствіе сего *отъ Бѣлорускаго гражданскаго губернатора истребовать въ Сенатъ рапортъ, по какимъ причинамъ евреи остаются до нынѣ по уѣздамъ и какое, вслѣдствіе помянутаго предписанія Сената, сдѣлано со стороны губернскаго правленія распоряженіе о переселеніи, записавшихся въ купечество и мѣщанство, изъ уѣздовъ въ города, и всѣ ли евреи, живущіе въ Бѣлоруссіи, вошли въ предоставленной каждому роду жизни и состояніе. О чемъ и послать указъ*.

Во исполненіе предписанія правительствующаго Сената,

Бѣлорусскій гражданскій губернаторъ Северинъ отвѣчалъ слѣдующее:

«На предложеніе, данное отъ меня Бѣлорусскому губернскому правленію, объясняетъ оное мнѣ: 1-е, что по указу 1788 года, января 31 дня, предписано было земскимъ полиціямъ всѣхъ купцовъ и мѣщанъ, проживающихъ по уѣздамъ, обязать подписками, дабы въ немедленномъ времени переселились, по ихъ промысламъ, въ города, въ коихъ они по званіямъ своимъ приписаны; и хотя со стороны губернскаго правленія наблюдалось о исполненіи сего предписанія, но потому по жалобѣ, принесенной покойной и вѣчно достойной памяти Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ отъ Бѣлорусскихъ евреевъ (кои по уѣздамъ жительствоуютъ), между прочими пунктами и о томъ, что они чрезъ принужденіе ихъ къ водворенію въ города разворяются, указомъ изъ правительствующаго сената отъ 21 мая 1786 года касательно сего въ 6-омъ пунктѣ предписано:

«Записавшихся въ купечество и мѣщанство, живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ евреевъ безвременно селиться въ городахъ не принуждать; но, по уплатѣ каждымъ слѣдующихъ податей, упражняться по уѣздамъ въ промыслахъ и работахъ, съ дозволенія общества, по даваемымъ паспортамъ, не запрещать, особливо когда нѣтъ для нихъ въ городахъ свободныхъ подъ строеніе домовъ мѣстъ; да и неизвѣстно, могутъ ли они въ городахъ всѣ найти пропитаніе; а сверхъ того и законами не запрещено торгующимъ отъ городовъ ихъ отлучаться лишь бы они, положенныя на нихъ, подати платили бездомочно.»

А затѣмъ, съ сего времени и пресѣклось настоятельное понужденіе ихъ къ переселенію въ города, ибо они, защищаясь въ томъ силою сего указа, оставались въ пребываніи по уѣздамъ съ паспортами отъ городовыхъ магистратовъ.

2-е. Бывшій Бѣлорусскій г. генераль-губернаторъ Пассекъ въ предложеніяхъ своихъ, данныхъ бывшимъ Могилевскому и Полоцкому губернскимъ правленіямъ отъ 27 сентября 1796 года, прописалъ:

«Исполняя Высочайшую Ея Императорскаго Величества волю, его сіятельствомъ, генераль-фельдцейхмейстеромъ и ка-

валеромъ, графомъ Зубовымъ объявленную, и слѣдуя во всей точности всемилостивѣйшей аппробаціи поднесенныхъ докладныхъ пунктовъ, предлагаю: Какъ по доходящимъ извѣстіямъ вѣдомо, что въ Бѣлоруссіи благодатію Господнею какъ овимой, такъ и яровой хлѣбъ нынѣшній годъ въ хорошемъ урожаѣ, то и не настоятъ уже больше надобности и по Полоцкой губерніи удерживать въ генеральности запрещенія винокуренія; а дабы исправные плательщики всякихъ казенныхъ податей отличены были отъ неисправныхъ, то разрѣшается винокуреніе однимъ только исправнымъ въ платежѣ денежной и хлѣбной казенной подати; для того строжайше предписать, дабы нижніе земскіе суды и страпчіе крѣпкое имѣли смотрѣніе, доколѣ неисправный плательщикъ казенныхъ податей не внесетъ какъ хлѣбной, такъ и денежной недоимки сполна, не дерзалъ бы пользоваться правомъ винокуренія ни подъ какимъ видомъ; по взносу же недоимки, губернское правленіе, получа о семъ взносѣ изъ казенной палаты увѣдомленіе, нимало не мѣшкая, снимаетъ запрещеніе винокуренія со входящаго въ число исправныхъ плательщиковъ всѣхъ казенныхъ пошлинъ. А какъ всякаго рода ржаной и яровой хлѣбъ по полученнымъ вѣдомостямъ не состоитъ еще въ желаемой низкой цѣнѣ, то тѣмъ паче подтвердить во всей губерніи, дабы никто, не имѣющій права винокуренія, какъ то: евреи, не производили онаго ни подъ какимъ видомъ, да изъ всего благороднаго общества никто не отважился бы во вредъ другимъ, самому себѣ, а паче своимъ крестьянамъ, дозволять подъ именемъ своимъ и на своихъ винницахъ курить евреямъ, ибо они по званію своему купечества должны обращаться въ дозволенной торговлѣ, записавшіеся же въ мѣщанство должны стужать жить въ городахъ, гдѣ оныя приписаны, и упражняться въ разныхъ ремеслахъ, мастерствахъ и рукодѣліяхъ, чрезъ что увеличутся и придуть въ лучшее состояніе города, а крестьяне избавятся людей, къ плянству облавыяющихъ и только что ихъ разоряющихъ.

Вслѣдствіе сего, губернскія правленія Полоцкое и Могилевское, между прочимъ, по сему предложенію касательно винокуренія распоряженіемъ, предписали нижнимъ земскимъ судамъ объявить, живущимъ въ увѣдахъ, евреямъ, дабы они

по званію своему купечества и мѣщанства переселились въ города, и купцы производили, дозволенную имъ, торговлю, а мѣщане упражнялись въ разныхъ ремеслахъ, мастерствахъ и рукодѣліяхъ; городничимъ же велѣно, являющимся изъ уѣздовъ, евреямъ, снесясь съ городскими думами и магистратами, отводить для строенія въ городахъ домовъ мѣста безъ удержки.

3-е. Когда по снмъ предписаніямъ повсюду стали побуждать евреевъ къ переселенію, то упомянутый бывшій генераль-губернаторъ Пассекъ, получа свѣдѣнія, что помѣщики, имѣющіе мѣстечки, я, жительствующие въ оныхъ, евреи правительствомъ востревожены, яко бы по Высочайше апробованному его предложенію должны перемѣстить евреевъ въ города изъ мѣстечекъ, что крайнее бы онымъ евреямъ наносило развореніе, а помѣщикамъ, имѣющимъ мѣстечки, — убытокъ, предложилъ еще тѣмъ правленіямъ отъ 15 января 1796 года, что какъ въ упомянутомъ первомъ предложеніи вовсе о мѣстечкахъ не сказано, а единственно должны евреи быть водворены въ городахъ, живущіе не въ мѣстечкахъ, а тѣ, которые находятся въ деревняхъ или же при дорогахъ по корчмамъ, и для того подтвердилъ правленіямъ, дабы евреи, живущіе понынѣ въ мѣстечкахъ, могли оставаться въ оныхъ, буде сами того пожелаютъ, съ тѣмъ однако же, чтобы по званію своему несли обывательскія тягости по тѣмъ городамъ, къ коимъ приписаны, вновь же ни подъ какимъ видомъ не дозволять евреямъ, живущимъ въ деревняхъ и по дорогамъ, по корчмамъ, житьствовать или поселяться по мѣстечкамъ, а водворяться имъ въ тѣ города, куда они приписаны или приписаться пожелаютъ, давъ имъ къ переселенію годичный срокъ. Вслѣдствіе сего всѣ, живущіе въ деревняхъ и на дорогахъ, по корчмамъ, евреи посредствомъ нижнихъ земскихъ судовъ обязаны подписками о непремѣнномъ, въ назначенное имъ годичное время, переселеніи въ города, гдѣ они приписаны. — Но потомъ вышписанный же бывшій генераль-губернаторъ Пассекъ отъ 21 ноября, того же, 1796 года и даки предложилъ, что онъ, входя въ разсмотрѣніе поданнаго къ нему прошенія отъ всего еврейскаго общества, и соображая всѣ обстоятельства, ими изъясняемыя, къ невозмож-

ности скоро переселиться въ города къ наполненію ихъ жителями, а притомъ представляя себѣ и государственныя выгоды, которыя при меньшемъ разстройствѣ таковыхъ переселенцевъ могутъ отвратить умноженіе государственныхъ недоимокъ и для того за нужное находить назначить всѣмъ вообще евреямъ вторичный и послѣдній срокъ переселенія въ города, отъ настоящаго времени впредь на полтора года, съ таковымъ предположеніемъ, чтобы оные евреи, вѣдавшіе уже непремѣнность переселенія ихъ въ города, постарались неминуемо воспользоваться сею отсрочкою и всѣ надобныя строенія для жительства въ городахъ выстроили бы нестѣнно тою и будущемою зною, каковаго весьма довольно будетъ на вывозку мѣсовъ и срубку онаго; но дабы евреи не могли иногда паки прибѣгать съ просьбою объ отсрочкѣ переселенія ихъ подъ предлогомъ обзаведеній ихъ по деревнямъ и корчмамъ: то объявить имъ и помѣщикамъ въ селеніяхъ, а равно и крестьянамъ, чтобы первые отнюдь ни въ какія застройки, ниже въ договоры въ мѣстахъ, ими временно населяемыхъ, не входили, слѣдственно и послѣдніе, въ недозволенныхъ мѣстахъ евреямъ житьствовать, никакихъ обязательствъ съ ними не дѣлали; впрочемъ, что принадлежитъ до евреевъ, по мѣстечкамъ живущихъ, то оныхъ, въ согласность прежде послѣдовавшихъ отъ него предписаній, изъ мѣстечекъ къ переселенію въ города не принуждать; съ такимъ при томъ дополненіемъ, что нижніе земскіе суды, при окончаніи сей отсрочки, наблюдали непремѣнно, дабы въ теченіе послѣдней осени 1798 года евреи водворились въ тѣ города, гдѣ они приписаны; а чемъ къ исполненію предписано нижнимъ земскимъ судамъ и городничимъ.

И хотя потому, по истеченіи сего срока, евреи начали въ города переселяться, но еще весьма малое количество.

При чемъ представляетъ то же губернское правленіе, что всѣ евреи, живущіе въ Бѣлорусіи, вошли въ предоставленный каждому родъ жизни и состоянію, то есть: по городамъ въ купеческое и мѣщанское, и что хотя, въ сходство прежде описанныхъ предписаній, здѣшней губерніи помѣщики обязывались не имѣть въ своихъ деревняхъ и по корчмамъ живущихъ евреевъ; но какъ послѣ того бѣлорусскій край именнымъ высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ, въ 12

день декабря 1796 года состоявшимъ, оставленъ на польскихъ правахъ и привилегіяхъ, то, на основаніи сихъ всемилостивѣйше дарованныхъ адѣшнимъ обитателямъ прежнихъ правъ, Бѣлорусскіе помѣщики и позволяютъ евреямъ имѣть пребываніе въ ихъ имѣніяхъ, что по польскимъ законамъ позволительно.

За симъ необходимымъ поставляю я Правительствующему Сенату почтеннѣйше донести, что прежде присоединенія еще Бѣлоруссіи къ Россійской державѣ, евреи имѣли жительство во владѣльческихъ мѣстечкахъ, селахъ, деревняхъ и корчмахъ отъ давнихъ лѣтъ по собственному дозволению владѣльцевъ, и съ того времени многіе изъ нихъ, построясь собственными своими домами, а особливо по большимъ мѣстечкамъ, нѣкоторые даже и каменными, другіе же жительствоуютъ, хотя и въ помѣщичьихъ домахъ, но и сіи выстроены для нихъ же, отъ чего помѣщики получаютъ доходъ свой; а сіе обстоятельство главнѣйшимъ кажется было и настоятъ затрудненіемъ къ переселенію ихъ въ города. Потому 1) что дома еврейскіе должны, при выходѣ ихъ въ города, оставаться на теперешнихъ своихъ по мѣстечкамъ и деревнямъ мѣстахъ безвозвратно, имъ поелику переносить, по отдаленности отъ городовъ, нѣтъ удобства, или оная сопряжена съ крайнею затруднительностію, помѣщики же иные не хотятъ заплатить евреямъ ту цѣну, въ которую они имъ обошлись, или чего теперь по справедливости стоятъ; а другіе, не имѣя состоянія, и не въ силахъ того исполнить. Къ тому же какъ тѣ Бѣлорусскіе помѣщики, кои въ знатномъ количествѣ имѣютъ имѣнія, относятся ко мнѣ, что если переселить евреевъ изъ мѣстечекъ и деревень ихъ въ города, то не токмо они, помѣщики, знатной имѣтъ будутъ въ доходахъ отъ евреевъ убытокъ отъ арендъ и прочаго, но и крестьяне ихъ не меньше же терпѣтъ будутъ бѣдность, поелику и сіи послѣдніе при всякомъ случаѣ получаютъ отъ евреевъ вспомошествованіе тѣмъ, что, не теряя рабочаго времени на отвозъ къ продажѣ продуктовъ своихъ: пеньки, льна, сѣмяна, меду, птицъ и проч. въ города, продаютъ оныя на своихъ мѣстахъ, гдѣ живутъ евреи, или же въ ближайшихъ отъ своихъ селеній мѣстечкахъ тѣмъ же евреямъ. Предетавляютъ также помѣщики свои выгоды у евреевъ и тѣ еще, что ни одинъ владѣльческій крестьянинъ не можетъ для помѣщика

своего собрать и половинной части въ корчмѣ, или мельницѣ доходу, сколько заплатить можетъ арендующій еврей, для чего и отдается онымъ отъ нихъ на откупъ винная продажа, сборъ пеньки и меда въ цѣлыхъ даже имѣніяхъ, получая отъ нихъ въ доходъ свой въ условленное время деньги, изъ которыхъ уплачиваютъ они за крестьянъ своихъ казенныя подати; выводомъ же отъ помѣщиковъ евреевъ, не токмо доходы ихъ знатно уменьшаются, но и не могутъ въ свое время быть собраны, а отъ того ни долговъ своихъ выплатить, ни казенныхъ податей въ назначенное время вносить безъ запущенія въ домку, не будутъ въ состояніи; и сверхъ того откроются разныя взаимныя, по договорамъ евреевъ съ помѣщиками по неустойкамъ претензіи, на разрѣшеніе которыхъ должно положить не малое время.—2-е) Евреевъ, числящихся въ Бѣлорусской губерніи, большая половина жительствоуетъ въ уѣздахъ, нежели по городамъ, къ которымъ они приписаны, и слѣдовательно такое не малое количество людей, въ города войти имѣющихъ, воввысить можетъ цѣну не токмо на съѣстные принасы, но и на самыя дома и земли подъ оныя, особливо же въ губернскомъ городѣ Витебскѣ, гдѣ нѣтъ ни городского выгона, ни въ самомъ городѣ свободной земли, но вся она или занята уже строеніемъ, или чья крѣпостная, которую для желающаго строиться должно покупать, или, по крайней мѣрѣ, договорясь съ хозяиномъ. платить ежегодно, такъ называемую «послденку».

3-е) Изъ евреевъ множество есть бѣдныхъ, кои не въ состояніи перевестись въ города, строятся въ нихъ и жить, не имѣя никакого ремесла и промысла, а снискиваютъ таковыя пропитаніе себѣ по уѣздамъ, шинкуя налитками, содержа притомъ для проѣзжихъ необходимо нужные жизненные принасы, и изъ сего уплачиваютъ они государственныя подати, каковыя собираются съ нихъ противу христіанъ вдвое. И такъ, если смѣю сказать, что когда понудить теперь всѣхъ евреевъ къ переселенію въ города, то по вышеизображеннымъ причинамъ и по неготовности ихъ къ тому, немало могутъ быть они стѣснены и предъ отъ того многіе въ неспособность къ уплатѣ казенныхъ податей, а изъ сего уже и обнаруживается, что хотя крайній срокъ къ переселенію ихъ назначенъ былъ имъ въ теченіе осени 1798 года, но они до нынѣ еще не исполнили

его не могли какъ за прописанными обстоятельствами, такъ особливо наконецъ и потому, что помѣщики Бѣлорусскіе, по Всевысочайшей волѣ, оставались на прежнихъ польскихъ правахъ, позволяющихъ каждому распоряжаться имѣніемъ своимъ въ пользу свою, и слѣдовательно имѣть у себя и евреевъ, на основаніи тѣхъ правъ и доброй воли своею держали и понынѣ содержать въ имѣніяхъ своихъ евреевъ, получая отъ нихъ выгоды свои. Я все сіе почтеннѣйше передаю на благоуваженіе Правительствующаго Сената, какимъ образомъ поступить мнѣ въ таковыхъ обстоятельствахъ, всепокорнѣйше испрашиваю въ революцію предписанія».

Такъ какъ разсмотрѣніе вопроса объ устройствѣ евреевъ передано было вслѣдъ за поступленіемъ этого представленія въ комитетъ, то отвѣтъ получился уже не въ видѣ сенатскаго указа, а въ видѣ приведеннаго выше 34 § Положенія.—

Въ «Мѣншіи» Державина евреи раздѣляются, подобно тому какъ и въ старинныхъ польскихъ проектахъ и въ «Положеніи о евреяхъ» 1804 г., на различные классы,—но каково должно быть отношеніе евреевъ къ христіанскому населенію одного съ ними класса, на это мы не имѣемъ точнаго отвѣта ни въ «Мѣншіи» Державина, ни въ Положеніи 1804.

Державинъ говоритъ, правда. «Отъ времени преобразованія да будутъ евреи вѣдомы, по состояніямъ своимъ, въ дѣлахъ между собою и христіанъ, судомъ и расправою по гражданской, уголовной и полицейской части въ установленныхъ правительствахъ» (Мѣн., ч. II, ст. IX, 2); но изъ этого мѣста нельзя вывести заключенія о томъ, въ какомъ отношеніи должны находиться евреи къ городскому самоуправленію, должны ли они, признаваемые за купцовъ и мѣщанъ, наравнѣ съ купцами и мѣщанами христіанами, пользоваться съ ними и участіемъ въ городскомъ управленіи.

Имѣлъ ли Державинъ въ виду допустить евреевъ къ участию въ городскомъ самоуправленіи или нѣтъ, точно отвѣтить на этотъ вопросъ, на основаніи наличныхъ данныхъ, не представляется возможности; хотя и можно предположить, безъ особенной ошибки, что имѣя въ виду преобразование еврейскаго быта въ одной только Бѣлорусіи, Державинъ и не могъ посвятить этому вопросу надлежащаго вниманія.

Напротивъ того, комитетъ, имѣвшій въ виду реформу быта всего еврейскаго населенія Сѣверо и Югозападнаго края, по необходимости, долженъ былъ остановиться на этомъ вопросѣ, такъ какъ уже въ это время сама жизнь поставила его на очередь.

Въ 1802 г., въ ноябрѣ мѣсяцѣ, повѣренный общества евреевъ Каменца-Подольскаго Ицко Гельмановичъ обратился на Высочайше имя, черезъ третій департаментъ Правительствующаго Сената, со слѣдующею просьбою.

«1) Гонимый рокомъ чрезъ нѣсколько вѣковъ и всѣми презрѣнный народъ Еврейскій въ концѣ прошедшаго столѣтія увидѣлъ себя осѣненнымъ крыльями державнаго Орла Россійскаго. Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти бабка Вашего Императорскаго Величества Государыня Императрица Екатерина II-я, присоединивъ къ Россіи извѣстные предѣлы отъ Польши, усыновила обитающихъ въ нихъ евреевъ и восстановила права ихъ наравнѣ съ прочими купцами и мѣщанами. Сіе челоуѣколюбивѣйшее соизволеніе изъявлено въ высочайшихъ именныхъ указахъ отъ 23 іюня 1794-го и 3 мая 1795-го годовъ, въ первомъ позволено имъ пользоваться купеческими и мѣщанскими правами и преимуществами, а во второмъ велѣно въ выборѣ ихъ по городамъ въ разныя должности держаться указовъ Ея Величества, не изъемающихъ тѣхъ, кои имѣютъ къ сему право по званію и состоянію ихъ безъ различія рода и закона. Народъ былъ внѣ себя.

2) Сколь ни ясно, коль ни просто изъяснено помянутое высочайшее поведѣніе, но за всѣмъ тѣмъ бывшій въ тѣхъ губерніяхъ генеракъ-губернаторъ и кавалеръ Тимофей Ивановичъ Тутольминъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ городовые магистраты выбирать изъ евреевъ третью только часть противъ членовъ христіанскаго закона, не смотря даже на противуположныя обстоятельства, а именно: что въ томъ краѣ коммерція зависитъ отъ раченія евреевъ, а христіане весьма мало упражняются въ оной, будучи къ такому упражненію несклонны и неспособны; что по всѣмъ тамошнимъ городамъ первые составляютъ по числу душъ втрое или вчетверо больше нежели вторые; что по сему самому и налагаемая на тѣхъ и другихъ подать по числу душъ на содержаніе городовыхъ ма-

гистратовъ собирается съ первыхъ несравненно больше, нежели со вторыхъ; что по большей части, вступающія въ магистратъ, дѣла суть еврейскія и что въ нѣкоторыхъ городахъ между всеми, живущими въ нихъ, христіанами нѣтъ почти ни одного грамотнаго, а не только знающаго какіе либо законы.

3) Напротивъ того, тамошніе христіане, купеческаго и мѣщанскаго званія, будучи недавно присоединены къ Россіи, не столько еще просвѣщены и не столько еще исполнены духа терпимости, чтобы по дѣламъ гражданскимъ почитали равныхъ съ собою того согражданина, который по дѣламъ, до религій касающимся, не одинаковаго съ ними мѣнія. При таковыхъ понятіяхъ, почитая оное распоряженіе Тимофея Ивановича Тутольмина нарочитымъ уничиженіемъ для евреевъ и возмня, что сіи послѣдніе лишены отъ правительства единой довѣренности и уваженія, присвоили себѣ неограниченное во всемъ преимущество предъ еврейскими членами, которые какъ по сему самому, такъ и по малому ихъ количеству, не имѣли почти голоса въ магистратахъ; и такъ какъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ вовсе нѣтъ христіанскихъ купцовъ, и въ члены магистратовъ по необходимости избраны были самые простолюдины, располагались купческія дѣла и судились такими людьми, которые объ оныхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія. Въ Каменецъ-Подольскомъ городскіе доходы распоряжаемы были одними христіанами, а евреи къ участию въ ономъ не были допускаемы, и даже тогда, когда уже и со стороны евреевъ былъ избранъ одинъ кассиръ (казно-хранитель), такъ какъ о томъ приносима была тамошнему начальству жалоба отъ евреевъ, въ 1800-мъ году. По большей части въ городахъ Подольской губерніи, гдѣ по недостатку городскихъ доходовъ дѣлаются склады, на подвѣдомственныхъ магистратахъ, купцовъ и мѣщанъ, отягощаются евреи предъ христіанами въ разсужденіи налагаемаго на нихъ оклада числомъ несравненно больше, нежели на первыхъ, а для взысканія оныхъ съ евреевъ употребляются всякія строгости, между тѣмъ какъ на христіанахъ остается весь почти окладъ въ недоимѣ.

4) Бывшій господинъ военный губернаторъ, генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ, графъ Гудовичъ, увидя таковыя безпорядки, въ 1800-мъ году сдѣлалъ распоряженіе, чтобы нѣтъ

евреевъ засѣдало въ городскихъ магистратахъ половинное число членовъ (о чемъ небезвѣстно быть имѣетъ Правительствующему Сенату) съ подтвержденіемъ, чтобы въ оныхъ никакія распоряженія безъ нихъ не были учинены; въ чемъ сослался онъ на 127-ю статью городского положенія, гдѣ сказано, что, «сжели въ городѣ 500 семей или болѣе поселившихся изъ иностранныхъ, то городскому магистрату дозволяется составить половину изъ російскихъ, а другую изъ иностранныхъ»; онъ въ семъ случаѣ сравнилъ евреевъ съ иностранцами, поелику если бы ихъ назвать російскими, то должны бы было изъ нихъ избирать членовъ по числу душъ, ибо не только, что нѣтъ высочайшаго дозволенія на различеніе ихъ относительно правъ гражданскимъ отъ людей другихъ вѣръ, но еще видѣть можно изъ многихъ высочайшихъ именныхъ указовъ тому противное.

5) Нынѣшній же господинъ Каменца-Подольскаго военный губернаторъ Розенбергъ далъ предложеніе, чтобы паки въ магистраты выбирать только третью часть изъ евреевъ, и чтобы сіи еврейскіе члены избраны были еврейскимъ обществомъ, а христіане обществомъ христіанъ. Сіе постановленіе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ угрожаетъ евреямъ послѣдствіями гораздо обиднѣйшими, нежели каковы были тѣ, которыя происходили по причинѣ подобнаго постановленія, учиненнаго бывшимъ генералъ-губернаторомъ Тутольминимъ, потому что, во первыхъ, тогда существовали магистраты на російскихъ правахъ и избирались изъ евреевъ члены, какъ въ городовые магистраты, такъ и въ городскія думы, въ депутаты, составлявшіе комиссію для сочиненія городской обывательской книги, и въ старосты, также и для присутствованія въ губернскихъ магистратахъ, куда переносились изъ городскихъ магистратовъ дѣла гражданскія и уголовныя, первыя по аппеляціи, а послѣднія на ревизію, слѣдовательно и было изъ нихъ не весьма малое число, отправлявшихъ гражданскія должности; во вторыхъ, что какъ ихъ общество имѣло голосъ на избраніи христіанскихъ членовъ, то чрезъ сіе хотя немного сохранялось между сими народами равновѣсіе въ управленіи общественными ихъ дѣлами; но нынѣ, по преобразеніи магистратовъ на польскія права и упраздненіи городскихъ думъ и

депутатскихъ комиссій для сочиненія и продолженія городской обывательской книги, равно какъ и губернскихъ магистратовъ, если будетъ засѣдать въ магистратахъ третья только часть изъ еврейскихъ членовъ, и притомъ еще въ выборахъ христіанскихъ еврей не будутъ имѣть никакого участія, то народъ ихъ, въ которомъ находится не малое число грамотныхъ и знающихъ законы и правосудіе, а еще болѣе купеческія дѣла, останется совершенно притѣсненнымъ и безгласнымъ.

6) Вѣрители мои недоумѣваютъ, какая бы могла быть причина такому исключенію ихъ народа изъ общихъ законовъ, ибо нельзя приписать сіе какому либо замѣченному правительствомъ злоупотребленію, въ каковомъ они почитаютъ себя совершенно невинными, поелику никогда не требовано было отъ общества евреевъ какое либо по такому случаю объясненіе; вѣдая же, что правительство російское столь человеколюбиво, что и важнѣйшаго преступника не позволяетъ наказывать, не выслушавъ прежде его изъясненія противъ преступленія, въ которомъ его обвиняютъ, твердо увѣрены, что менѣе попустить сіе самое правительство осуждать цѣлый народъ за что либо, не истребовавъ прежде отъ него объясненія. Да и какіе могутъ быть проступки, которые бы обвиняли цѣлый народъ, когда пороки частныхъ людей не доказываютъ еще относительности ихъ къ цѣлому народу? Пороки же цѣлаго народа — если таковыя суть — должны быть исправлены, а не наказываемы, поелику не можетъ быть, чтобы въ немъ не находились люди невинные, которыхъ не слѣдуетъ истязать за поступки другихъ. Сверхъ того, надлежало бы прежде изслѣдовать погрѣшности, въ коихъ обвиняютъ одинъ народъ, не суть ли они всѣмъ общія, но замѣчаемы больше у того, противъ котораго употребляетъ особенное примѣчаніе и о которомъ всѣ уже расположены вѣрить, что онъ подверженъ онымъ. Напротивъ того, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше сослаться на опытъ, доказывающій, что въ тѣхъ предѣлахъ, со времени открытія въ нихъ губерній поднесъ, случилось множество такихъ дѣлъ, при рѣшеніи коихъ въ магистратахъ происходило разногласіе между членами христіанскими и еврейскими и по пересмотрѣніи оныхъ въ высшей инстанціи утверждены были

мѣнїя послѣднихъ. По таковымъ нерѣшимостямъ вѣрители мои убѣдили меня чрезъ письмо, чтобы я, на основаніи довѣренности ихъ, просилъ, гдѣ слѣдуетъ, о милостивомъ облегченіи ихъ участи. По поводу чего я осмѣливаюсь съ приложеніемъ той довѣренности просить дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было, сіе мое прошеніе, принявъ, записать и кому слѣдуетъ повелѣть, дабы согласно Высочайшему именному указу, состоявшемуся въ 3-й день мая 1795 года, въ которомъ повелѣно: Въ выборѣ евреевъ въ должности по городамъ держаться Высочайшихъ же указовъ, не изъемающихъ тѣхъ, кои имѣютъ къ тому право по званію и состоянію ихъ, безъ различія рода и закона, и выбирать евреевъ въ магистраты по числу душъ или же хотя половинное число. А дабы не подать вида отъ правительства къ различію народовъ по дѣламъ гражданскимъ, то, не раздѣливъ общества купцовъ и мѣщанъ на двѣ части при выборахъ, то есть, на христіанскія и еврейскія, велѣть обонимъ вообще избирать какъ христіанскіе, такъ и еврейскіе члены».

Вслѣдъ затѣмъ Гиршъ Давидовичъ, еврейскій депутатъ Виленской и Гродненской губерніи, обратился, также черезъ третій департаментъ Правительствующаго Сената, на Высочайшее имя съ просьбою, содержаніе которой находится въ прямой связи съ только что приведенною просьбою евреевъ Каменца-Подольскаго, а именно:

«1. Именными Высочайшими указами повелѣно: 1-мъ — 1794-го іюля 23-го дня, въ губерніяхъ Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгородской Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической евреямъ отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы; 2-мъ — 3-го мая 1795, внести ихъ въ городскія окружныя книги, подчинить магистратамъ, допустить по званію и состоянію, безъ различія рода и закона, къ выборамъ и избирать въ разныя гражданскія должности. Во исполненіе сихъ высочайшихъ повелѣній, обитающіе въ вышепрписанныхъ губерніяхъ, евреи по выборамъ какъ въ члены магистратовъ, такъ и въ другія гражданскія службы и должности избираются и оныя дѣйствительно отправляютъ, а живущіе въ литовскихъ губерніяхъ евреи, состоя также какъ и въ вышеписанныхъ губерніяхъ за-

писанными въ мѣщанское и купеческое званіе и неся всѣ государственныя повинности, таковою монаршею довѣренностію не пользуются, почему всеподданнѣйше и прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе Правительствующаго Сената въ 3-мъ департаментѣ принять и на основаніи вышеизображенныхъ высочайшихъ узаконеній, живущихъ въ оныхъ губерніяхъ евреевъ, къ выборамъ въ гражданскія по магистратамъ и другимъ мѣстамъ службы и должности наравнѣ съ прочими допустить и изъ нихъ выбрать дозволить».

Наконецъ Волынской и Подольской губернаторъ Розенбергъ вошелъ съ своей стороны съ представленіемъ Сенату о необходимости допустить евреевъ къ участию въ засѣданіяхъ магистрата такимъ образомъ, чтобы третья часть его членовъ были избираемы изъ евреевъ.

Основываясь на всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, Правительствующій Сенатъ утвердилъ представленіе губернатора Розенберга и сверхъ того указомъ отъ 9 декабря 1802 г. предписалъ, чтобы и въ городахъ Виленской и Гродненской губерній евреи также были избираемы въ третьей части для засѣданій въ магистратахъ.

Въ отвѣтъ на этотъ указъ Правительствующаго Сената, Виленскіе мѣщане выступили черезъ третій департаментъ съ слѣдующимъ прошеніемъ на Высочайшее имя:

Августѣйшій Монархъ! Всемилоствѣннѣйшій Государь!

Блаженной и вѣчнодостойной памяти Государыни, бабка Вашего Императорскаго Величества Екатерина II, принявъ подъ скипетръ свой литовскій край, высочайшимъ манифестомъ, опубликованнымъ во всей Литвѣ 20 октября 1794-го года покойнымъ генералъ-губернаторомъ княземъ Рашинымъ, возвращая всемилоствѣннѣйше польскому народу древнія его права и привилегіи, предоставила оному на основаніи сихъ коренныхъ правъ имѣть судъ и расправу. Въ Божѣ почивающій родитель Вашего Императорскаго Величества, Государь Императоръ Павелъ I подтвердилъ равнообразно всѣ прежнія литовскія права съ привилегіями, по силѣ которыхъ учрежденными присутственныя мѣста и отправляли свои обязанности.

Ваше Императорское Величество именнымъ Вашимъ ука-

зомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 9-го сентября 1801 года, равномѣрно сообразно волили оставить Литовскую губернію при собственныхъ ея законахъ, всемілостивѣйше въ 7-мъ пунктѣ повелѣвая тако: «Оставляемъ въ нынѣшнемъ образѣ управленія губерніи: Лифляндскую, Эстляндскую, Финляндскую, Киевскую, Минскую, Подольскую, Волынскую, двѣ Малороссійскія, двѣ Литовскія и двѣ Бѣлорусскія, яко на особенныхъ правахъ состоящія».

Сія высочайше дарованная Литвѣ во всей ненарушимости права воспрещаютъ евреямъ и другимъ иновѣрнымъ занимать уряды, постановляя, Статутоваго права 9-й артикулъ изъ 12 раздѣла: «Узаконяемъ и отъ сего времени желаніе наше есть, чтобъ еврей, татаринъ и всякій язычникъ не былъ ни отъ насъ самихъ, ни отъ совѣта нашего возводимъ въ достоинство начальника или на какой либо урядъ, и чтобъ христіанъ въ подданствѣ у себя не имѣлъ». Магдебургскаго права 1-й части, 31-й листъ: «Евреи не должны имѣть никакого уряда, чрезъ который надъ христіанами могли начальствовать». И конституція 1538 въ книгѣ 1-й, на 524-й страницѣ: Что евреи ни для сбора пошлинъ, ни въ другія должности опредѣляемы быть не могутъ.

Сими то правами вѣрнопопданые Вашего Императорскаго Величества, будучи изъ кони управляемы, не имѣли никогда въ судилищахъ своихъ и въ должностяхъ надъ собой судьями евреевъ, или иныхъ какихъ либо, не исповѣдающихъ закона христіанскаго. Но въ противность тому послѣдовавшій изъ Правительствующаго Сената по представленію Волынскаго и Подольскаго военнаго губернатора, генерала отъ инфантеріи и кавалера Розенберга отъ 9-го декабря 1802-го года указъ, назначивъ, чтобъ третья часть евреевъ выбираема была для засѣданія въ магистраты, распространилъ дѣйствіе сего положенія и на Литовскія губерніи, Виленскую и Гродненскую, тѣмъ права наши, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и всепресвѣтлѣйшими предками Вашими подтвержденныя и оставленныя во всей силѣ, отиѣняются, а съ симъ вмѣстѣ городъ Вильна, который считался въ Литвѣ изъ первыхъ, который за вѣрность свою ко престолу снабженъ многими королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ привилегіями и достигъ

на верхъ чести и славы, какъ то свидѣтельствуяютъ привилегіи 1387 Владислава, 1432 Зигмунта, 1441 Казимира, 1492 Александра, 1506 Зигмунта, 1526, 1536 и 1539 Зигмунта I, 1543 его же, 1547 Зигмунта Августа, 1552 его же, 1564 и 1566 Зигмунта Августа, 1568, іюля 15, Зигмунта Августа, 1576 Стефана, 1588 короля Зигмунта III, 1607 Зигмунта, 1630 Зигмунта, 1632 и 1633 Владислава IV, 1649 и 1653 Іоанна Казимира, 1669 Михаила и 1699 Августа II. Городъ Вильна, яко бывшая столица королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, возведенный многими королевскими рѣшеніями и рескриптами, чрезъ допущеніе евреевъ къ должностямъ терялъ бы свои права, свободу и прерогативы и граждане его христіане принуждены были бы со временемъ подпасть подъ разные, свойственные евреямъ, происки такъ, что сіи могли бы взять надъ ними и верхъ.

Сія мысль тѣмъ разительнѣе, что еврейскій народъ хотя въ существовавшей Польшѣ и водворенъ, однако, бывъ многими правами и конституціями ограниченъ въ разсужденіи своего и мѣстопребыванія и образа жизни, не имѣлъ со стороны законовъ никакого надъ христіанами преимущества, тѣмъ паче Статутовымъ правомъ 76 артикуломъ изъ 4-го раздѣла и 14 артикуломъ изъ 9-го раздѣла возбраняется еврею быть свидѣтелемъ, ибо еврею во время несчастій и замѣшательства, удручившихъ городъ, пользуясь обстоятельствами, натиснувшись въ Вильну, сперва въ маломъ, а потомъ въ большемъ количествѣ, заселили собою въ немъ нѣкоторые уголки, и тѣмъ хотя умножили свое число, но малѣйшаго не получили права на уряды городскіе, а только рѣшеніемъ бывшей литовской Ассесоріи, въ 1783 году состоявшимся, дано имъ для жительства нѣсколько улицъ.

Евреи, живущіе въ Вильнѣ въ знатномъ числѣ, упражненіе имѣютъ отчасти перекупою стѣстныхъ припасовъ, отчасти факторуютъ, чрезъ что не только суть не малою тягостію для города, относительно дороговизны во всѣхъ вещахъ, но, по случаю врожденной своей неопрятности, бываютъ причиною нечистоты въ городѣ между стѣсненнымъ жильемъ, а нерѣдко причиною и общей заразы. Къ тому же не имѣютъ они никакой идеи о морали, и образъ ихъ внутренняго воспитанія

не приуготовляетъ ихъ къ званію судьи, а вообще содержитъ себя сей народъ посредствомъ однихъ происковъ, не имѣя впрочемъ положительнаго и непремѣняемаго для себя состоянія. Напротивъ того, христіане отъ времени основанія города Вильны, будучи всегда вѣрными подданными и нося по правамъ и привилегіямъ по выбору обязанности урядниковъ, старались долгъ свой выполнять, какъ вѣрноподданическая присяга требуетъ и для своего и для потомковъ добраго имени. Нынѣ же, съ прискорбіемъ видя, что евреи смѣшаны съ ними, стѣсненъ ихъ духъ уныніемъ и отнята вовсе изъ нихъ у каждаго охота къ принятію публичнаго служенія тогда, когда евреямъ дана воля возрастать надъ христіанами, а особливо если ихъ начальствованіе сколько унижаетъ уваженіе къ судилицу, въ которомъ православная религія имѣетъ наиболѣе вліянія и есть нерушимымъ основаніемъ для каждаго судьи служить вѣрно престолу, блюсти законы и исполнять обязанности, столько содѣлается слѣдствіемъ, что пришельцы изъ заграницы, желающіе водвориться въ Вильнѣ, видя евреевъ въ урядахъ, въ магистратѣ, чего ни въ одномъ заграничномъ городѣ нѣтъ, потеряютъ конечно охоту селиться въ Вильнѣ, и чрезъ то городъ, лишась гражданъ, наполненъ будетъ одними евреями. Болѣе же всего довѣріе публичное и довѣріе къ людямъ, правосудіе наблюдающимъ, падутъ, послушаніе черни обратится въ поруганіе, когда приходящій въ мѣсто, такъ сказать, освященное, обрѣтетъ еврея и въ немъ своего начальника и судью, которому подчинену быть несвойственно ни по состоянію, ни по религіи.

Августѣйшій монархъ! Граждане виленскіе, почитая святость своихъ правъ и привилегій высочайше имъ дарованныхъ, у подножія престола Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просятъ о всемілостивѣйшемъ приостановленіи исполненія по указу Правительствующаго Сената, дозволяющаго евреямъ въ третьей части быть избираемыми къ засѣданію въ магистратѣ, по утвержденіи собственныхъ ихъ законовъ и привилегій, коими столько вѣковъ городъ Вильна, благословляя всегда царствованіе своихъ государей, былъ управляемъ, особливо, что и Ваше Императорское Величество высочайшимъ указомъ отъ 13-го іюля 1802-го года въ пред-

метѣ устроенія города Вильны всемілостивѣйше назначили особую комиссію.

Августѣйшій Монархъ! Всемілостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданне.

Woyt miasta Wilna Nikodem Przemieniecki.

Февраля 1-го дня 1803-го года. Городъ Вильна.

Въ томъ же году, февраля 16, отъ имени Гродненскаго городского магистрата съ обществомъ христіанъ, за подписью президента Вроблевскаго и Франца Крейбиха, купца первой гильдіи (Kaufmann der I. Gilde), поступило черезъ третій департаментъ на высочайшее имя аналогичное прошеніе объ отмѣнѣ сенатскаго указа отъ 9 декабря 1803.

Въ виду этихъ ходатайствъ Правительствующій Сенатъ потребовалъ отъ управляющихъ Литовскими и Бѣлорусскими губерніями объясненій относительно положенія дѣла.

Между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, на основаніи просьбъ Виленскихъ и Гродненскихъ мѣщанъ, представилъ императору Александру I о необходимости поручить Сенату изготovitъ объясненіе по поводу допущенія евреевъ къ выборамъ въ члены городскихъ магистратовъ.

Въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Сенату по этому поводу министромъ юстиціи кн. Лопухинымъ, Сенатъ представилъ Государю Императору рапортъ слѣдующаго содержанія:

«Въ 1802-мъ году, августа 20 числа, управляющій Подольскою и Волинскою губерніями, генералъ отъ инфантеріи Розенбергъ рапортомъ представлялъ Сенату, что предмѣстникъ его, генералъ отъ инфантеріи графъ Гудовичъ, предложилъ Подольскому губернскому правленію допустить евреевъ къ выбору въ члены городскихъ магистратовъ въ равной части съ христіанами, предоставляя только президенту быть изъ христіанъ; но какъ евреевъ противу христіанъ есть гораздо большее количество, и они во время выборовъ, имѣя въ голосахъ перевѣсъ, дѣлаютъ свои партіи, стараются избрать изъ христіанъ такихъ, кои ни судопроизводства, ни грамоты не знаютъ, дабы симъ случаемъ управлять магистратами только однимъ евреямъ, а по дѣламъ найдено, что управлявшіе предъ симъ Подольскою губернію генералы отъ инфантеріи Беклешовъ и

Тутолмины учинили распоряженіе, чтобы въ члены городскихъ магистратовъ избираема была изъ евреевъ противу христіанъ только третья часть, то и полагалъ онъ, генералъ Розенбергъ, въ отвращеніе объясненныхъ имъ неудобствъ при выборахъ, происходящихъ отъ послѣдняго распоряженія, и для пользы самыхъ городовъ, производить таковыя выборы по распоряженію генераловъ Тутолмина и Беклепова, предоставляя избирать въ члены магистрата изъ евреевъ однимъ евреямъ, а изъ христіанъ — однимъ христіанамъ.

Сенатъ, по выслушаніи сего рапорта октября 7 дня 1802 года, находя объясненное въ немъ генераломъ Розенбергомъ предположеніе о выборѣ евреевъ въ магистраты противу христіанъ третьей части, основаннымъ на прежде бывшихъ по сему же предмету отъ предмѣстниковъ его распоряженіяхъ, къ пресѣченію злоупотребленій, опредѣлилъ потому оное подтвердить къ исполненію, давъ тогда же знать помянутому начальнику указомъ для приведенія его предположенія въ настоящее дѣйствіе, а для единообразнаго исполненія таковыя же указы по приказанію сената посланы къ начальникамъ и прочихъ польскихъ губерній, гдѣ подобныя магистраты существуютъ и евреи не отчуждены отъ правъ гражданства, и именно: Могилевской, Витебской, Киевской, Минской, Гродненской и Виленской. По воспослѣдованіи таковыхъ предписаній поступили въ сенатъ слѣдующаго содержанія представленія, а именно: 1) Отъ Литовскаго военнаго губернатора барона Беннгсона, что онъ объ исполненіи указа Сената далъ предписанія губернскимъ правленіямъ обѣихъ Литовскихъ губерній; но между тѣмъ получилъ требующее разрѣшенія представленіе въ нижеслѣдующемъ: по высочайшему учрежденію объ управленіи губерній положено въ магистратахъ быть двумъ бургомистрамъ и четыремъ ратманамъ для рѣшенія какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ, и притомъ сказано, что при каждомъ городскомъ магистратѣ учреждается городской сиротскій судъ, въ которомъ предсѣдаетъ городской голова и засѣдаютъ два члена городского магистрата и городской староста; въ Литвѣ же, на основаніи Всемилостивѣйше подтвержденныхъ прежнихъ правъ, магистратское судилище раздѣлялось на двѣ части то есть, на собственно называемый магистратъ, и на вой-

товско-лавничій судъ, изъ коихъ въ первомъ производились дѣла гражданскія, а въ послѣднемъ уголовныя; число членовъ въ сихъ мѣстахъ не было одинаково по городамъ, а только въ главнѣйшихъ для магистрата назначаемо было двѣнадцать бургомистровъ и двадцать четыре ратмана, изъ коихъ къ ежегодному присутствованію самими ими набирались по два бургомистра и четыре ратмана; а въ лавничьемъ судѣ засѣдали по двѣнадцати лавниковъ подъ предсѣдательствомъ войта, а по сему и требовалъ наставленія — упразднить ли на основаніи указа Сената войтовско-лавничьи суды, съ препорученіемъ дѣлъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ производству и рѣшенію магистрата, или ихъ оставить существовать попрежнему, и если сіе послѣднее утверждено будетъ, то выбирать ли въ войтовско-лавничьи суды евреевъ. — Второе, отъ Бѣлорусскаго военнаго губернатора Михельсона, что по тѣмъ губерніямъ губернскія правленія требовали разрѣшенія: 1-е, Долженъ ли произведенъ быть выборъ вновь всѣхъ членовъ магистратскихъ, такъ какъ они прежде избраны изъ христіанъ не одними христіанами, а изъ евреевъ не одними евреями, или только на тѣ мѣста, кои отъ евреевъ свыше третьей части остаются свободными. 2-е, Въ числѣ третьей части изъ евреевъ одни ли ратманы должны быть или можетъ быть и бургомистръ? 3-е, Гдѣ сами христіане не находятъ изъ между себя способныхъ людей въ градскія головы, тамъ можетъ ли быть избранъ въ головы изъ евреевъ и одними ли христіанами изъ христіанъ и евреями изъ евреевъ, или всѣми вообще?

По поводу чего и предложилъ онъ, военный губернаторъ, на 1-й пунктъ, произвести выборъ на тѣ только мѣста, кои отъ евреевъ съ выше третьей части остаются, на 2-й — чтобы въ числѣ третьей части избирать одного бургомистра изъ евреевъ, а по 3-му — что лежитъ до городскихъ головъ, то какъ голова есть членъ думы, а въ указѣ сената говорится объ однихъ магистратахъ, слѣдственно и остается на прежнемъ порядкѣ.

Сенатъ, по выслушаніи сихъ двухъ рапортовъ, іюня 16 числа прошлаго, 1803 года, опредѣлилъ: 1-е, Литовскому военному губернатору, барону Беннигсону предписать, что для основательнаго его представленія разрѣшенія потребно сенату вѣдать, выбирались ли, прежде помянутаго Сената предписанія, еврей

въ члены магистрата и въ войтовско-лавничьи суды, и по какимъ именно законнымъ основаніямъ, ибо предписаніе оное Сената, опредѣляющее къ выбору въ магистраты третьей части, относилось на тѣ губерніи, гдѣ таковыя выборы изъ евреевъ были введены прежде по законнымъ основаніямъ, до состоянія онаго предписанія; равноѣрно нужно знать и о войтовско-лавничьихъ судахъ, по какимъ именно законнымъ постановленіямъ и съ котораго времени существуютъ они, ибо ихъ въ высочайше конфирмованныхъ въ 1802-мъ году на литовскія губерніи штатахъ не положено. 2-е, Бѣлорусскому же военному губернатору дано знать, что Сенатъ, учиненныя имъ на представленія городскихъ обществъ, разрѣшенія признаеть правильными, съ тѣмъ токмо изъятіемъ, что въ опредѣленной третьей части изъ евреевъ для засѣданія въ магистратахъ выбираеть былъ бургомистромъ одинъ; о чемъ для предупрежденія подобныхъ вопросовъ заключилъ дать знать и прочимъ губерскимъ правленіямъ указами, въ которыя были посланы предписанія отъ Сената о выборахъ изъ евреевъ третьей части для засѣданія въ магистратахъ.

Вслѣдствіе чего литовскій военной губернаторъ баронъ Венигсонъ рапортомъ Сенату донесъ: 1-е, Что польскими узаконеніями не только не дано евреямъ право быть выбираемыми въ члены магистратовъ или войтовско-лавничьи суды, но еще въ 12 раздѣлѣ 9 артикула Статута именно сказано, чтобъ они ни въ какой должности не находились, посему и не были никогда евреи допускаемы къ засѣданію въ магистраты и войтовско-лавничьи суды по литовскимъ губерніямъ. 2-е, Всѣ вообще города королевства польскаго и великаго княжества литовскаго изъдревле судились правомъ названнымъ Магдебургскимъ, которое, бывъ первоначально пожаловано въ 947 году римскимъ цесаремъ городу Магдебургу, впоследствии времени введено было польскими королями и литовскими князьями въ польскіе и литовскіе города, и на основаніи сего права войтовско-лавничій судъ состоять долженъ въ главнѣйшихъ городахъ изъ одного войта предсѣдателя, и одиннадцати лавниковъ или засѣдателей, въ другихъ же, меньшихъ, при войтѣ — изъ семи или шести лавниковъ; 3-е, Въ части королевства польскаго, составлявшей кня-

жество литовское, Магдебургское право, на основаніи коего существуютъ магистраты и войтовско-лавничьи суды, пожаловано на передъ городу Вильнѣ привилегією, данною въ 1387 году королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ Владиславомъ Ягеллою, каковая привилегією многими его преемниками и конституціями утверждена, а потомъ въ разныя времена, послѣдовавшими за Владиславомъ Ягеллою королями распространена и на прочіе города. Сверхъ сего онъ, военный губернаторъ, Сенату донесъ, что когда въ 1802-мъ году повѣренный виленскаго городского общества шляхтичъ Кукель утруждаѣ Ваше Величество всеподданнѣйшею просьбою, чтобы выборы въ томъ городѣ магистратскихъ членовъ производимы были по правиламъ, послѣдними узаконеніями гродненскаго сейма въ 1793 году предписаннымъ, то такое прошеніе вслѣдствіе Высочайшей Вашего Величества воли препровождено было къ нему, барону Бенигсону, отъ дѣйствительнаго камергера Новосильцова для разсмотрѣнія и положенія мнѣнія, почему онъ, баронъ Бенигсонъ, изъяснивъ разныя неудобства и злоупотребленія отъ выбора магистратскихъ членовъ на всю жизнь происходящія, представляѣ, не благоугодно ли будетъ выборы гражданскіе во всей Литвѣ повелѣть производить на точномъ основаніи городского положенія, при чемъ увѣдомляѣ его, Новосильцова, и о полученномъ изъ Сената указѣ отъ 9 декабря 1802 года; и когда такое его представленіе препровождено къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, то отъ него дано ему, барону Бенигсону, знать, что Вашему Величеству благоугодно было утвердить распоряженіе его, и чтобъ оно приведено было въ исполненіе; при чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ изъяснилъ еще, что и упомянутый указъ сената 9-го декабря долженъ имѣть свою силу. Но какъ въ указѣ сената отъ 21 августа 1803 года сказано, что прежнее предписание о выборѣ въ магистраты третьей части членовъ изъ евреевъ относится на тѣ только губерніи, гдѣ таковыя выборы изъ евреевъ были введены прежде по законнымъ основаніямъ, до состоянія онаго предписанія, въ Литвѣ же сего не существовало, то и далъ онъ, баронъ Бенигсонъ, знать гражданскимъ губернаторамъ Виленскому и Гродненскому, чтобы, до полученія отъ Сената на представленія его относительнаго

разрѣшенія пообождали утвержденіемъ евреевъ, если которые выбраны къ засѣданію въ магистратахъ, въ новомъ ихъ званіи. Затѣмъ и Гродненское губернское правленіе вошло съ представленіемъ въ Сенатъ, извѣстна въ немъ также уваженія, по коимъ прежде сего евреи не могли быть избираемы ни въ какія должности. А потому испрашивалъ разрѣшенія: какъ нынѣ по сему предмету поступить имѣеть?

Депутатъ же, избранный отъ евреевъ Виленской и Гродненской губерній, Гиршъ Давидовичъ поданнымъ въ сенатъ 31 августа 1803-го года прошеніемъ, ссылаясь на Высочайшіе именныя покойныя Государыни Императрицы Екатерины Вторыя указы 1794 и 1795-и годовъ, позволяющіе допустить евреевъ къ выборамъ въ равныя гражданскія должности, просилъ на основаніи оныхъ живущихъ, въ губерніяхъ Виленской и Гродненской, евреевъ къ выборамъ въ гражданскія по магистратамъ и другимъ мѣстамъ должности наравнѣ съ прочими депутатами изъ нихъ выбирать дозволить. — Но между происхожденіемъ въ Сенатѣ о семъ дѣла, магистраты Виленскій и Гродненскій отъ имени городскихъ обществъ подали Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшія прошенія, съ таковымъ извѣщеніемъ, что по правамъ, доселѣ у нихъ бывшимъ и Государями Императорами подтвержденнымъ, никогда евреи ни въ третьей части, ни въ половину не были къ выборамъ допускаемы, что по присвоенному симъ городамъ Магдебургскому праву и по Статуту Литовскому именно запрещено евреевъ, татаръ и другихъ иновѣрцевъ возводить въ публичныя достоинства, или въ другія какія либо должности; что принятіе евреевъ въ магистратскіе члены сдѣлаетъ ихъ во многихъ случаяхъ судьями имѣнія и чести христіанъ; что иностранцы, не привыкшіе видѣть ихъ у себя въ судилищахъ, не стануть селиться въ литовскихъ городахъ, что наконецъ духъ происковъ, имъ свойственный, испровергнетъ общее къ присутственнымъ мѣстамъ уваженіе и довѣріе, и соединеніе въ одномъ мѣстѣ судей двухъ равныхъ религій, каковы суть христіанская и еврейская, можетъ пронавести нѣкоторый соблазнъ въ простомъ народѣ, который, по предубѣжденію своего воспитанія, смотритъ съ презрѣніемъ вообще на жидовскую націю; что евреи, не имѣя никакого свѣдѣнія въ уголовныхъ

и гражданскихъ законахъ Европы, и разрѣшая всѣ случаи общежитія тальмудомъ, захотятъ и въ самомъ магистратѣ основать свои рѣшенія на семь нелѣпомъ уложеніи; что обращая все свое вниманіе къ прибыткамъ, большею частію обманомъ приобретаемымъ, водворятъ они сей духъ корысти и въ самомъ святилищѣ законовъ и тѣмъ опорочатъ званіе судьи, коего главныя качества должны быть: безкорыстіе, любовь къ справедливости и чувствованіе чести; почему и просили не допускать евреевъ къ выборамъ, а предоставить градскимъ обществамъ наполнять магистраты на основаніи прежнихъ ихъ правъ.

Сія всеподданнѣйшія прошенія препровождены были на разсмотрѣніе къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, который подносилъ Вашему Императорскому Величеству записку съ таковымъ изъясненіемъ, что онъ, разсматривая сія прошенія и соображая ихъ съ указомъ Сената 9-го декабря 1802-го года, нашелъ слѣдующее: Что когда сенатъ разсматривалъ представленіе генерала Розенберга, коего вопросъ настоялъ въ томъ только: Какую часть евреевъ допустить къ присутствію въ магистратахъ, половину ли, какъ до того было, или третью часть? Какъ онъ генераль Розенбергъ представлялъ, то ясно, что вопросъ сей, какъ и самое представленіе, относилось къ тѣмъ губерніямъ, гдѣ еврей были уже къ выборамъ допускаемы, но допускать ли ихъ къ выборамъ тамъ, гдѣ они прежде участія въ томъ не имѣли, о семъ Сенатъ не разсуждалъ и разсуждать не имѣлъ повода. Разсужденіе его было основано на представленіи, а представленіе относилось только къ количеству, а не къ праву, — слѣдовательно и распространеніе, сдѣланнаго имъ, положенія относится къ тѣмъ губерніямъ, гдѣ выборъ евреевъ уже существовалъ: ибо опредѣлять количество выбора тамъ, гдѣ самаго выбора нѣтъ, было бы не совмѣстно. Ошибка, можно сказать, канцелярская, отъ неполной справки происшедшая, заставила въ семъ опредѣленіи при концѣ включить Литовскую губернію, въ томъ предположеніи, что и тамъ выборы евреевъ происходятъ такимъ же образомъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ, между тѣмъ какъ тамъ и самаго выбора изъ евреевъ не было. Что Сенатъ не имѣлъ при семъ въ виду от-

мѣнить, существовавшій до того въ Литвѣ, порядокъ, доказывається тѣмъ, что онъ и не сдѣлалъ бы и не могъ бы сего сдѣлать безъ доклада Вашему Величеству; ибо права литовскихъ городскихъ обществъ, бывъ подтверждены высочайшею грамотою, не могли быть отмѣнены указомъ сенатскимъ, а виленское губернское правленіе неправильно бы поступило, если бы исполнило сей указъ, не представляя о томъ паки Сенату, видя, что имъ отмѣняется то, что высочайше конфирмовано. По всѣмъ сямъ уваженіямъ находить онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, что должно только изъяснить губернскому правленію силу сенатскаго указа особеннымъ высочайшимъ указомъ на имя военнаго губернатора, изобразивъ въ ономъ, что выборъ третьей части евреевъ распространенъ Сенатомъ въ томъ предположеніи, что и въ Литовской губерніи выборъ евреевъ существовалъ; но какъ по подробнѣйшемъ разсмотрѣніи оказалось, что онаго не было, то и указъ Сената къ сей губерніи относиться не можетъ.

Всемилюбовѣйшій Государь! Сенатъ, существенно разсматривая всѣ вышеизъясненныя обстоятельства, и соображая, вслѣдствіе именнаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, объявленнаго сенату въ предложеніи господина министра юстиціи, князя Лопухина декабря въ 15 день 1803 года, изъясненныя въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея заключенія, съ представленіемъ вошедшимъ въ Сенатъ отъ Литовскаго военнаго губернатора, барона Бенигсона отъ 2-го ноября 1803 года, а также и съ обстоятельствами, по дѣламъ въ сенатѣ заключающимся, находить въ разрѣшеніе всѣхъ, вышедшихъ послѣ указа Сената отъ 9 декабря 1802 года послѣдствій, изъяснить слѣдующее: Что указъ Сената съ разрѣшеніемъ предположенія управляющаго Подольскою и Волынскою губерніями генерала отъ кавалеріи Розенберга о выборѣ евреевъ въ члены магистрата третьей части, посланъ между прочимъ въ Литовскія губерніи, вслѣдствіе резолюціи Сената по тому поводу, что въ польскихъ губерніяхъ магистраты состояли и состоятъ понынѣ наравнѣ съ прочими въ польскихъ губерніяхъ учрежденными магистратами подъ апелляціею главныхъ судовъ, и что самыя евреи, обитающіе въ тѣхъ губерніяхъ, неся равномѣрно всѣ государственныя и

гражданскія повинности съ прочими ихъ собратіями, въ польскихъ же другихъ губерніяхъ живущими, состоятъ, подобно имъ, также въ званіи купеческомъ и мѣщанскомъ; и по присоединеніи литовскаго края къ Россіи, никакимъ государственнымъ актомъ самодержавнаго російскаго правительства не отчуждены они отъ гражданскихъ преимуществъ и выгодъ, которыми ихъ собранія пользуются по городамъ въ польскихъ же областяхъ устроеннымъ, и гдѣ имъ по высочайшимъ именнымъ. покойныя и вѣчной славы достойныя памяти, Государыни Императрицы Екатерины Вторыя указамъ 8 декабря 1792-го и 3-го мая 1795-го годовъ предоставлено право участвовать въ общихъ выборахъ въ должности гражданскія, наравнѣ съ прочими подданными; но впрочемъ, поелику сила помянутого указа Сената относилась именно на тѣ губерніи и мѣста, гдѣ таковыя выборы изъ евреевъ въ гражданскія должности были прежде введены и происходили, и заключала существенное разрѣшеніе послѣдствій дѣйствительно происходившихъ уже выборовъ; слѣдовательно въ Литвѣ, въ которой подобныхъ выборовъ никогда прежде введено не было, распространять оный указъ Сената тамошнему губернскому начальству не слѣдовало, не испросивъ особенно отъ Сената разрѣшенія. О чемъ помянутому начальству прежде поступленія помянутой, всеподданнѣйше подносимой, отъ министра внутреннихъ дѣлъ, записки, было отъ Сената замѣчено, въ указѣ отъ 25 августа 1803-го года, сколь скоро получено было токмо представленіе отъ Литовскаго военнаго губернатора, барона Бенигсона съ требованіемъ позволенія выбирать ли и въ войтовско-лавничьи суды, составляющіе магистратское судилище, въ члены изъ евреевъ?

Почему, во вниманіи всего онаго, почитаетъ Сенатъ долгомъ, къ пополненію помянутого, послѣдовавшаго изъ Сената отъ 25 августа 1803 года указа, предписать упомянутому литовскому военному губернатору барону Бенигсону, чтобы онъ начатыя выборы въ магистратскія судилища изъ евреевъ прекратилъ. Что-же принадлежитъ до того пункта представленія его, въ которомъ онъ полагаетъ, чтобы выборы въ городскія должности производить не на всю жизнь, какъ производятся оныя по нынѣ по правамъ, прежнимъ та-

мошнему краю Высочайше предоставленнымъ, но на точномъ основаніи городоваго положенія, изданнаго, блаженныя памяти, Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною, то поелику таковое его, военнаго губернатора, представленіе, во уваженіе изъясненныхъ въ ономъ обстоятельстве, утверждено Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества соизволеніемъ, объявленнымъ въ отношеніи къ нему министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея отъ 11-го декабря 1802-го года, вслѣдствіе чего и остается отъ сената ему, барону Бенигсону, токмо подтвердить, чтобы оное Высочайшее соизволеніе приведено было имъ въ самое дѣйствіе надлежащимъ образомъ;

О чемъ для исполненія всего онаго къ нему, барону Бенигсону, послать указъ, давъ таковымъ же знать къ надлежащему свѣденію и министру внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, что какъ онъ по именному Высочайшему указу 1802-го года, ноября 9 дня присутствуетъ и въ комитетѣ о благосостояніи евреевъ учрежденномъ, то предоставитъ его распоряженію, не сочтеть ли за нужное вышеизъясненныя, открывшіяся о литовскихъ евреяхъ, обстоятельства по связи ихъ съ тѣми, кои рассмотрѣнію того комитета препоручены, присовокупить подобно къ общему того комитета вниманію и разужденію.

О каковомъ Сената рѣшеніи донести Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшимъ рапортомъ.

Графъ *Александръ Строгановъ*. Графъ *Левъ Ворцель*.
Иванъ Неплюевъ. *Осинъ Козодавлевъ*. *Михайло Муравьевъ*.

С. Бернадскій.

(Продолженіе будетъ).

ВНУКИ ГЕТТО.

РОМАНЪ И. ЗАНГВИЛЛЯ.

Переводъ съ англійскаго.

ГЛАВА IV¹.

Редакторскія мытарства.

Новый печатный органъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія прочей еврейской прессы и вызвалъ только нѣсколько поверхностныхъ и насмѣшливыхъ замѣчаній со стороны газетъ противоположнаго направленія. Но передовая статья молодого редактора произвела самое благопріятное впечатлѣніе въ кругу наиболѣе просвѣщенныхъ и мыслящихъ читателей, которые были чрезвычайно заинтересованы возвышенными мнѣніями ея автора, разсчитавшаго съ строго ортодоксальной точки зрѣнія истинные принципы еврейскаго ученія. Нѣкоторые же изъ интеллигентныхъ и доброжелательныхъ людей сочли даже своимъ долгомъ лично явиться къ Рафаэлю съ изъявленіями своего сочувствія и пожеланіями успѣха. Что же касается до него самого, то онъ, хотя и далеко не былъ доволенъ первымъ номеромъ газеты, но все таки сознавалъ, что ему удалось коснуться намѣченной имъ цѣли. Это утѣшительное сознаніе вызвало въ немъ новый приливъ энергіи и онъ въ самомъ бодромъ настроеніи отправился, въ понедѣльникъ утромъ, въ свой редакторскій кабинетъ, помѣщавшійся надъ конторой гг. Шлезингера и Де-Гана и состоявшій изъ крохотной каморки, убранной, разумѣется, безъ всякихъ раззорительныхъ пополюзованій на комфортъ.

¹ См. „Восходъ“, кн. IV.

Но отворивъ дверь въ эту каморку, онъ съ удивленіемъ увидаль, что она представляла нѣчто въ родѣ носной позиціи, занятой громадными членами комитета, столпившимися вокругъ Маленькаго Симсона, который, живописно драпировавъ въ свой романтической плащъ и весь раскрасившись отъ волненія, громостно держалъ къ нимъ рѣчь. Прихавъ тоже находилса тутъ, но, противъ своего обыкновенія, смиренно стоялъ въ сторонѣ и только усмѣхалса, глядя на комическую сцену, разыгрывавшуюся передъ нимъ. При появленіи Рафаэля, между присутствующими раздалса сердитый ропотъ, и всѣ разомъ повернули къ нему свои нахмуренныя лица, на которыхъ такъ ясно были написаны чувства едва сдерживаемаго озлобленія, что осажденный редакторъ, вошедшій уже было въ коннату, невольно сдѣлалъ шагъ назадъ и остановился на порогѣ, какъ вкопанный. Тутъ, на секунду, водворилса злобщая тишина, вслѣдъ за которой поднялса настоящая буря.

— *Du Sheigatz! Du Poscha Isroel!* послышались со всѣхъ сторонъ громкіе и гнѣвные возгласы.

Какъ ни обидно для набожнаго еврея быть безвинно обруганнымъ нечестивымъ язычникомъ и величайшимъ грѣшникомъ между сынами Израіля, но Рафаэль, доведенный до крайней степени недоумѣнія, почти не обратилъ вниманія на личное оскорбленіе.

— Насъ раззорили—до тла раззорили!—отчаянно завопилъ вѣчный банкротъ, поставившій мебеля.

— Вы бесовѣтно раззорили насъ!—хоромъ повторили за нимъ прочіе члены собранія, съ угрожающимъ видомъ поднимая зверху свои судорожно сжатые кулаки.

Волосатая лапа Цукерманна размахнулса такъ близко отъ лица Рафаэля, что тотъ сначала поблѣднѣлъ, а потомъ вспыхнулъ отъ негодованія, и протянувъ впередъ правую руку, изо всей силы ударилъ ею по одному изъ ближайшихъ къ нему кулаковъ, грозный рядъ которыхъ замѣтно поколебалса при первомъ же

ожергичною отпоръ. Но проверный Шуверманъ успѣлъ уклониться отъ удара, отпрыгнувъ въ сторону.

— Полноте, джентльмены, — вѣдь, мы ужъ возможна и солидные люди, а не вѣтренно мальчишки, — воскричалъ Де-Ганъ, которому вдругъ бросилась въ глаза комическая сторона этой сцены. — Пропустите мистера Лсона впередъ, къ его кѣсту.

Рафаэль, все еще ничего не понимая, машинально сдѣлалъ два шага впередъ и, расположившись у своего письменнаго стола, съ достоинствомъ промолвилъ:

— Ну-съ, объяснитесь теперь, джентльмены! Что могу я сдѣлать для васъ?

— Для насъ вы ровно ничего не можете сдѣлать, сэръ, — сухо отозвался Шлезингеръ. — А вотъ, для нашей газеты вы сдѣлали то, что она не стоитъ теперь и двухъ пенсовъ.

— Ну, такъ продавайте ее по одному пенни, если она не стоитъ двухъ пенсовъ, — со смѣхомъ замѣтилъ веселый помощникъ редактора, совершенно усноковившійся съ появленіемъ на сценѣ своего начальника.

Зеленицкій Гедалія сердито наклонился на него.

— Очень жаль, если мнѣ не удалось угодить вамъ, джентльмены, — съ прежней вѣжливостью продолжалъ Рафаэль. — Но посудите сами — много ли можно сдѣлать въ одномъ номерѣ?

— Много ли — много ли? — съ живостью повторилъ Де-Ганъ. — Однако, вы и въ одномъ номерѣ надѣлали столько вреда еврейскому правовѣрью, что мы не знаемъ даже, продолжать ли намъ издавать газету, или теперь же закрыть ее.

— Вы, должно быть, шутите? — тревожно пробормоталъ Рафаэль.

— Хорошо было бы, еслибъ это была только шутка, — съ горькой усмѣшкой отозвался Де-Ганъ.

— Очень странно. Будьте же такъ добры, укажите мнѣ, въ чемъ именно я погрѣшилъ противъ еврейскаго правовѣрія.

— Съ удовольствіемъ, или, вѣрнѣе, съ величайшимъ неудовольствіемъ.

Члены комитета, вынужь изъ вармановъ неостаскавшіеся уже экземпляры неудавшагося первенца „Иудейскаго Огня“, принялись внимательно слѣдить за ошибками и промаками его многогрѣшнаго редактора, сопровождая сердитыми восклицаніями каждое замѣчаніе Де-Гана.

— Видите, мн,—дѣловымъ тономъ началъ послѣдній:—газета была основана для установленія самаго тщательнаго надзора за изготовленіемъ сыра и за продажей прочихъ съѣстныхъ продуктовъ, а также для выясненія необходимости постройки женскихъ бань,—однимъ словомъ, для поддержанія всѣхъ принциповъ истиннаго еврейства. А вы, вмѣсто того, чтобы обсуждать самые существенные для насъ вопросы, распространялись о спекуляціяхъ и о значеніи нашихъ обрядовъ. Но начнемъ по порядку. Страница 1-я...

— Да, вѣдь, на ней ничего нѣтъ, кромѣ объявленій,—переваль его Рафаэль.

— Но объявленія то и составляютъ самый интересный отдѣлъ для нашихъ читателей, а у васъ въ первомъ же параграфѣ газеты помѣщено такое объявленіе, которое должно было произвести на нихъ самое тягостное впечатлѣніе. Вотъ что тутъ напечатано:

Некрологъ.

„29 числа текущаго мѣсяца, скончался, на пятьдесятъ четвертомъ году своей жизни, достопочтенный Авраамъ Барнеттъ, проживавшій въ Булей-Стритъ, № 22“.

— Чтожъ тутъ особеннаго?—вскричалъ Маленькій Самсонъ.—Объявленія о смерти всегда производятъ тягостное впечатлѣніе. Но это уже неизбежное зло.

— А кто сказалъ вамъ, что смерть—зло?—какъ то дерзительно спросилъ Де-Ганъ.—Этого у насъ, кажется, нигдѣ не написано.

— Конечно, нѣтъ. Но намъ необходимо было помѣстить хоть одно объявленіе въ этомъ родѣ, во первыхъ, для разнообразія, а во вторыхъ, чтобы показать нашимъ читателямъ, что

ни съ удовольствіемъ замечтають объявленію и объ ихъ смерти, въ случаѣ надобности. А такъ какъ въ ежедневныхъ газетахъ я не могъ найти ни одного объявленія ни о рожденіяхъ, ни о бракахъ, то старъ не лишнимъ воспользоуаться единственными некрологами, попавшимися мнѣ съ еврейской фамиліей.

— Да, вѣдь, вашъ достопочтенный Авраамъ Барнеттъ былъ пресранный *мемумедъ*!—произвательно крикнулъ ему *шаджанъ* Цуверманнъ.

Несчастный Рафаэль былъ просто уничтоженъ этими странными словами, потому что онъ не могъ не согласиться съ тѣмъ, что помѣстить некрологъ вѣроотступника въ правобѣрной газетѣ—дѣйствительно, значило совершить самый тяжкій грѣхъ противъ еврейской религіи. Но неустрашенный Маленькій Самсонъ даже и этимъ нисколько не смутился.

— Я думаю, что правобѣрная партія не безъ удовольствія прочтетъ объявленіе о смерти одного изъ несчастныхъ ей *мемумедовъ*,—замѣтилъ онъ, съ развязнымъ видомъ поправляя нокоть въ глазу.—Съ этой же самой цѣлью и любезнательные антисемиты не рѣдко просматриваютъ наши объявленія, изъ которыхъ они могутъ узнать, кто изъ насъ переселился въ вѣчность.

Де-Ганъ съ озадаченнымъ видомъ посмотрѣлъ на него.

— Ну, пожалуй,—проговорилъ онъ, наконецъ,—пусть онъ будетъ козломъ отпущенія за всѣхъ насъ. Но зачѣмъ же вы прибавили дагѣ: „Да переселится душа его въ обитель жизни“?

Противъ такой неопровержимой улики даже и бойкій Самсонъ ничего не могъ возразить.

— Хорошо еще, что рядомъ съ этимъ неудачнымъ объявленіемъ помѣщено интересное объявленіе о *коморныхъ* штанахъ, которое можетъ отвлечь вниманіе читателей, — продолжалъ Де-Ганъ.—А на второй страницѣ вы доказываете, въ особой замѣткѣ, что великая поэма о „Покаяніи раввина Вахивъ“ должна бы по настоящему быть включена въ обрядъ богослуженія, и что она могла бы съ успѣхомъ замѣнить ничѣмъ не замѣчательный гимнъ

Калира. Но развѣ вы не понимаете, что это такая сильная реформа, которую не рѣшились бы проводить даже самые вольнодумныя изъ современныхъ газетъ, съ которыми вы намѣрены вступить въ борьбу?

— Но, вѣдь, вамъ, конечно, извѣстно, что наша литургія приняла, такъ сказать, форму стереотипа, благодаря печатному станку; во времена же Маймонидовъ и Ибнъ Езри, Давида Кинхи и Иосифа Альбо, она была чужда всякаго застоя, и..

— Это вполнѣ вѣрно и неоспоримо, — перебилъ его Шлезингеръ. — Но въ настоящее время, мы не можемъ допустить никакихъ измѣненій въ нашей литургіи. Да и кто изъ насъ можетъ считать себя достойнымъ вѣстать за такое дѣло? Уже не вы-ли?

— Конечно, нѣтъ. Я указываю только на существующій прецедентъ.

— Вы собственноручно предасте насъ нашимъ же врагамъ, — замѣтилъ Де-Ганъ, глубокомысленно качая головой. — Мы ни подъ какимъ видомъ не должны внушать нашимъ читателямъ мысли о томъ, что наша молитвенникъ нуждается въ какихъ либо исправленіяхъ и передѣлкахъ, потому что это приведетъ насъ какъ разъ къ тѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ, которыя мы хотимъ предупредить. Бросать ножомъ нашу литургію — то же самое, что рѣзать живую плоть: въ какомъ мѣстѣ вы коснетесь ее — отсвѣду начнетъ сочиться кровь. Повторяю опять, наша литургія ни въ чемъ не нуждается, кромѣ четырехъ доктей Галахи (законодательная часть Талмуда). Если же мы позволимъ себѣ затронуть ее, то не будемъ знать, гдѣ и остановиться, и кончится тѣмъ, что наша религія превратится въ бурный потокъ, выстухившій изъ своихъ береговъ. Наше древнее еврейство похоже на старое фамильное жилище, въ которомъ каждое поколѣніе оставило слѣды своего существованія, и каждая комната полна воспоминаній о радостныхъ или о печальныхъ событіяхъ прошлыхъ временъ. Мы же такъ дорожимъ жилищемъ нашихъ предковъ, что не имѣемъ ни малѣйшаго желанія заводить въ немъ обстановку въ новѣйшемъ

стиль, тѣмъ болѣе, что это можетъ повести къ тому, что мы, пожалуй, мало по малу совсѣмъ выселимся въ новый домъ. Ну-съ, а далѣе, на третьей страницѣ, вы распространяетесь о двухъ Исаихъ.

— Но, вѣдь, я отрицаю существованіе второго Исаи.

— Да, но съ нашими читателями благоразумнѣе было бы даже и рѣчи не заводить о такихъ безбожныхъ воззрѣніяхъ, и вы гораздо лучше сдѣлали бы, наполнивъ этотъ столбецъ разсужденіями о болѣе существенныхъ для насъ вопросахъ. Стѣдующая затѣмъ передовая статья написана такимъ нутливымъ тономъ, что вызвала весьма неблагоприятные толки въ кругу самихъ вліятельныхъ членовъ Дальстонской синагоги, считающихъ юморъ совершенно неумѣстнымъ въ религіозной газетѣ. А на четвертой страницѣ вы, какъ будто нарочно, уклонились отъ удобнаго случая выставить на видъ дѣятельность кооперативнаго *кошернаго* общества. Да и вообще вы во всемъ номерѣ ни однимъ словомъ не обмолвились о нашемъ обществѣ. Не за то, я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ письмо мистера Генри Гольдсмита, помѣщенное на той же страницѣ. Сейчас видно, что это правовѣрный еврей съ самыми строгими принципами. Его письмо значительно подниметъ нашу газету въ мнѣніи публики, потому что послужитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что кругъ ея читателей не ограничивается истъ-индскимъ населеніемъ. Жаль только, что онъ тоже принадлежитъ къ числу узкихъ и низменныхъ матеріалистовъ. Замѣтка достопочтеннаго Іосифа Стрелицкаго также очень порадовала меня. Правда, онъ похожъ больше на *эпикурейца*, чѣмъ на правовѣрнаго еврея; но все-таки сношенія съ нимъ не бесполезны для насъ, потому что они придадутъ извѣстный престижъ нашей газетѣ, какъ бы свидѣтельствуя о томъ, что мы пользуемся симпатіями всей Кенсингтонской синагоги. Вы, должно быть, пріятель съ нимъ? И прекрасно сдѣлаете, если будете поддерживать съ нимъ дружбу. Мы тоже знали его когда-то, въ доброе старое время—*Olov Nacholom!*—Но теперь

онъ сдѣлался такимъ важнѣмъ дѣятельностѣ, что очень рѣдко удостоивается своимъ посвященіемъ имени Лиги Об. Земл. Но онъ можетъ быть очень полезенъ намъ, если только захочетъ.

— На счетъ этого, я ручаюсь вамъ за него, — съ увѣренностью возразилъ Рафаэль.

— Тѣмъ лучше, — преговорилъ Де-Галь, поглаживая свою сѣдую бороду. — Ну-съ, — продолжалъ онъ, выходя въ прежній тонъ строгаго судьи: — а на пятой страницѣ у васъ помѣщена статья Габріэля Гамбургъ, всѣмъ извѣстнаго *эпикурейца*...

— Но Габріэль Гамбургъ принадлежитъ къ числу самыхъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, — съ жаромъ перебилъ его Рафаэль. — Поэтому я подумалъ, что вы сочтете его сотрудничество за величайшую честь для себя. Статья эта прислана мнѣ изъ Стокгольма и написана по моей убѣдительной просьбѣ, — прибавилъ онъ, скромно умалчивая о томъ, что онъ внесъ гонораръ за упомянутую статью изъ собственного кармана. — Я знаю, что Габріэль Гамбургъ не разделяетъ нашихъ взглядовъ на нѣкоторые вопросы, и я далеко не во всемъ согласенъ съ нимъ. Но въ этой статьѣ нѣтъ рѣшительно ничего, противнаго духу еврейскаго праваговерія.

— Ну, эту статью, пожалуй, можно оставить въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что имя ея автора извѣстно очень немногимъ изъ нашихъ читателей. Не на этой же самой страницѣ у васъ приведена латинская цитата, — конечно, въ этомъ нѣтъ еще ничего особенно дурнаго, но все-таки это отзывается реформой. Къ тому же, цитата эта остается совершенно непонятной для нашихъ читателей и въ то же время какъ будто свидѣтельствуетъ о бѣдности нашего еврейскаго языка. А между тѣмъ, намъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ ироческимъ римскимъ классикамъ, потому что въ нашей Мишна нѣмѣются тексты на всевозможные житейскіе случаи. На шестой же страницѣ, вы вступаете въ разсужденія о школьныхъ реформахъ, которыхъ, пожалуй, лучше было бы совсѣмъ не касаться, потому что намъ слѣдуетъ или совер-

менно игнорировать дѣйствія волюнтаризма, надъ же остановиться о нихъ въ самыхъ энергичныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ: Эти господа, позволяющіе себѣ молиться въ синагогѣ съ вскорытыми головами и сидѣть на одрѣхъ снамъ съ женщинами, не заслуживаютъ даже и названія настоящихъ евреевъ.

— Позвольте, невольте!—съ жаромъ вскричалъ Рафаэль.— Кто сказалъ вамъ, что реформаторы позволяютъ себѣ такіа непріличные выходы въ синагогѣ?

— Кто? Странный вопросъ! Да всё, рѣшительно всё говорить, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ они дошли до такой распущенности, что несколько не стѣсняются подобными безчинствами.

— Это извѣстно всѣмъ и каждому,—горомъ повторили члены комитета.

— А былъ-ли кто-нибудь изъ васъ въ ихъ синагогѣ и видѣлъ-ли что-нибудь подобное собственными глазами?—продолжалъ Рафаэль, въ волненіи подыавшись съ мѣста.

— Упаси насъ Боже отъ такого тяжкаго грѣха!—опять въ одинъ голосъ повторилъ присутствующіе.

— Ну, а я тамъ былъ и говорю вамъ, что это глупая басня,—заявилъ Рафаэль, дѣлая шагъ впередъ и энергично размахивая руками къ величайшему смущенію присмирѣвшаго собранія.

— Вамъ не слѣдовало бы и заглядывать туда,—строго заиѣтилъ ему Шлезингеръ.— Вы, пожалуй, станете увѣрять насъ и въ томъ, что они не употребляютъ органа во время субботнихъ богослужевій.

— Нѣтъ, это совершенно вѣрно.

— А ужъ если они на это рѣшались, то отъ нихъ и всего можно ожидать,—съ торжествомъ проговорилъ Де-Ганъ.—У правовѣрныхъ евреевъ не должно быть ничего общаго съ ними.

— Но правовѣрные эмигранты не берутъ же ихъ деньгами,—съ негодованіемъ вскричалъ Рафаэль.

— Это другое дѣло. Деньги у нихъ *кошерныя*, а сами они

жестомъ, — авторитетнымъ тономъ возразилъ съдовласнй мудрецъ. — Ну-съ, перейдемъ теперь къ седьмой страницѣ, на которой у васъ допущены совершенно непростительныя промахи.

Въ комнатѣ моментально водворилось торжественное молчаніе. Панкасъ, прикрывъ себѣ рукой ротъ, беззвучно засмѣялся.

— У васъ тутъ помѣщено нѣсколько статейкъ подъ заглавіемъ — „Талмудическіе рассказы“, — продолжалъ Де-Ганъ. — Скажите, ради Бога, отчего вы не закончили эту страницу послѣдними извѣстіями? Право, можно подумать, что самъ сатана внушилъ вамъ нечестивую мысль написать эти рассказы, да еще какъ разъ въ концѣ газеты, потому что восьмая страница не можетъ идти въ счетъ, такъ какъ на ней помѣщены собственныя наши объявленія.

— Я думаю, что эти рассказы покажутся забавными нашимъ читателямъ.

— Забавными! Если бы это были простые рассказы, то, можетъ быть, они и показались бы имъ забавными. И какое вольнодумное ветушеніе вы предпослали къ нимъ: „эти забавные рассказы, помѣщенные въ пятой главѣ Баба Ватра написаны раввиномъ Баръ-Баръ Хунна. Наши читатели сами увидятъ, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть сворѣе какъ на притчи и аллегоріи, чѣмъ какъ на дѣйствительные факты“.

— Но неужели же вы придаете имъ значеніе дѣйствительныхъ фактовъ? — воскричалъ Рафаэль, принимаясь опять размахивать руками и въ своемъ увлеченіи чуть не наступая на ноги платившимся отъ него членамъ комитета.

— А неужели же нѣтъ! — закричалъ въ свою очередь Де-Ганъ, поддерживаемый негодующимъ ропотомъ всего собранія, приведеннаго въ неопредѣлимый ужасъ богехульнымъ восклицаніемъ молодого редактора.

— Да вы, должно быть, и газету то выгнались вести бесплатно съ предательской цѣлью — окончательно погубить еврейство, — сердито замѣтилъ поставщикъ мебели, постоянный банкротъ.

— Но взгляните же, наконецъ, въ смыслъ этихъ фантастическихъ сказаній,—внѣ себя проговорилъ Рафаэль:

— Демонъ Гарнецъ, сынъ Лилиты, осѣдлавъ двухъ муловъ и поставивъ ихъ на противоположныхъ берегахъ рѣки Данегъ, какъ вихрь, перескочилъ со спины одного животного на спину другого. Во время этого чудовищнаго прыжка, онъ держалъ въ рукахъ по чашѣ съ виномъ, которое онъ, несмотря на бушевавшій вокругъ него ураганъ, переливалъ изъ одного сосуда въ другой, не проливъ нию ни одной капли. Узнавъ, что Гарнецъ похвастается своими подвигами передъ смертными, повелитель демоновъ убилъ его на мѣстѣ. “ Неужели кто нибудь изъ васъ можетъ вѣрить въ подобныя небывлицы.

— Да развѣ наши ученые и мудрецы—да будетъ благословенна ихъ память!—поймѣтели бы въ Талмудѣ что нибудь такое, чего никогда не было? — возразилъ Цукерманъ. — А что демоны дѣйствительно существуютъ, это намъ извѣстно изъ того, что Соломонъ зналъ ихъ языкъ.

— Ну, а это тоже, по вашему, не сказка, а быль? — продолжалъ Рафаэль: „я увидалъ сначала лягушку, равнявшуюся величиной всему округу Акра Гагронія, а потомъ морское чудовище, похравшее ее, и наконецъ ворона, который, проглотивъ это морское чудовище, усѣлся на вѣткѣ дерева. Представьте же себѣ, какъ громадно было это дерево! Р. Тана Бенъ Самуилъ прибавляетъ: если бы я не присутствовалъ тутъ самъ, то это показалось бы мнѣ совершенно невѣроятнымъ.“ Не доказываетъ ли даже это самое замѣчаніе Бенъ Самуила, что его сказаніе не имѣетъ серьезнаго значенія?

— Оно навѣрно имѣло какой нибудь высшій духовный смыслъ, сдѣлавшійся непонятнымъ въ наши беззаконныя времена,—возразилъ зеленщикъ Гедалія. — Но что бы вы тамъ ни говорили, а наша газета никакъ не должна колебать вѣру своихъ читателей въ Талмудъ.

— Конечно, конечно!—одобрительно отозвался Де-Ганъ.

— *Этихуресцы! Этихуресцы!*—раздались опять едёржанные возгласы, какъ отдаленные раскаты грома.

— Да вѣдь, я же говорилъ вамъ, что англичанинъ никогда не пойметъ того, что написано въ Талмудѣ, — съ торжествомъ вскричалъ Цукерманнъ.

Это замѣчаніе напомнило собранію о немытности молодого редактора, которая должна была служить для него смягчающимъ обстоятельствомъ даже въ глазахъ самыхъ строгихъ судей и ревнителей еврейскаго правовѣрія. Поэтому, когда Рафаэль началъ отказываться отъ своихъ редакторскихъ полномочій, то представитель и главный ораторъ комитета принялся убѣждать его не покидать свой постъ, выражая эту просьбу отъ имени всѣхъ издателей, которые, какъ практическіе и расчетливые люди, вѣроятно, сообразили, что другого бесплатнаго редактора они не найдутъ.

— Мы должны вести это дѣло всё сообща, — восторженно вскричалъ Де-Ганъ, когда миръ между редакторомъ и издателями былъ восстановленъ.— Поэтому намъ необходимо ежедневно собираться вмѣстѣ для обсужденія всѣхъ статей, которыя будутъ помѣщаться въ газетѣ.

Маленькій Самеонъ насмѣшливо прищурилъ глаза и принялся съ ожесточеніемъ ерошить свои черныя кудри; но Рафаэль, сознавая свою непрактичность, не считъ себя вправе протестовать противъ угрожавшей ему опеки, которая должна была совершенно парализовать его свободу дѣйствій. Какъ ни узки казались ему понятія этихъ почтенныхъ патриотовъ, но онъ все-таки сознавалъ, что они руководствуются благими побужденіями, поэтому рѣшивша, для пользы общаго дѣла, не останавливаться ни передъ какими уступками, которыя будутъ не противны его совѣсти. Но несмотря на все свое добродушіе и снисхожденіе къ ближнимъ, онъ никакъ не могъ подавить въ себѣ чувства невольнаго раздраженія, овладѣвшаго имъ, когда любознательный шадханъ Цукерманнъ, воспользовавшись первой удобной минутой, безцеремонно обратился къ нему съ запросомъ на счетъ того, помыслена ли его сестра. Пин-

хасъ и Маленькій Самсонъ выразительно подмигнули другъ другу и, выйдя вѣсть на лѣстницу, разразились неудержимнѣмъ хохотомъ. Поэтъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи.

— Олухи! Болваны! — съ добродушннѣмъ смѣхомъ повторялъ онъ, завернувъ по дорогѣ въ ресторанъ и угощая помощника редактора сэндвичами и пивомъ.

— Вѣдь, они вѣрятъ великой *Narrischkeit* (вадору), нарочно написанной, чтобы обить ихъ съ толку. Мы съ вами единственно здравомыслящіе люди изъ всѣхъ адѣланныхъ евреевъ. Уже вы, пожалуйста, голубчикъ, похлопочите, чтобы мое стихотвореніе было напечатано въ слѣдующемъ номерѣ... Дайте же мнѣ слово, что вы не забудете объ этомъ. Ну-съ, за ваше здоровье! — вскричалъ онъ, поднимая стаканъ вверхъ и чокаясь съ своимъ собесѣдникомъ. — Я увѣренъ, что вы останетесь въ восторгѣ отъ возвышенной и трогательной идеи моего стихотворенія, и просто расцѣлуете меня, когда прочтете его. — И болтливыи поэтъ весело зашѣлся своимъ дѣтски-простодушннѣмъ смѣхомъ. — А не написать ли мнѣ также и для васъ какую нибудь комическую оному? Право, это будетъ не дурно. Уже я постараюсь для васъ, дружище, потому что люблю васъ, какъ родного брата. Выпейте же еще по стаканчику этой живительной влаги! Послушайте, прекрасная Гѣба, — крикнулъ онъ прислуживавшей мнѣ дѣвушкѣ: — принеси-ка намъ еще два кубка твоего божественнаго нектара. Вы, вѣдь, видѣли мою комедію — „Свистокъ Іуди“? Неужели не видали? Ну, это очень и очень жаль, потому что это гениальное произведеніе вызвало самыя оживленныя толки въ Лондонѣ и было переведено на всѣ иностранныя языки. Я могу даже лично принять участіе въ представленіи моей будущей комедіи, потому что я смѣло могу причислить себя къ разряду первоклассныхъ актеровъ. И представьте себѣ, мнѣ лучше всего удаются женскія роли. Я такъ артистически раскрашиваю себѣ лицо бѣлками и румянами, что чуть не люблюсь въ самого себя. — И онъ съ самодовольннѣмъ видомъ подмигнулъ своему собесѣднику, поднося къ губамъ стаканъ

съ пивомъ. — А я увѣренъ, что нашъ редакторъ не долго про-
дакторствуетъ, — прибавилъ онъ, по своему обыкновенію, круто пе-
ребрасываясь въ противоположную сторону. — По моему, онъ по-
ступилъ, какъ настоящій оселъ, предложивъ свои услуги работать
даромъ для такихъ болвановъ, которые не въ состояніи даже и
оцѣнить его трудовъ. Да, хороши наши правовѣрные евреи —
ничего сказать!

— Но и-ръ Леонъ тоже правовѣрный еврей, — возразилъ Ма-
ленькій Самсонъ.

— Да, конечно, — задумчиво проговорилъ Пинхасъ. — Но онъ
какой-то совсѣмъ особенный человекъ и, признаюсь вамъ, я иногда
рѣшительно не понимаю его. Я зналъ только одного смѣлаго
итальянца, на островѣ Хіосъ, который отчасти напоминалъ мнѣ
его. И у того былъ такой же глубокій и серьезный взглядъ, какъ
у Леона, глаза котораго такъ крѣпко и любовно смотрятъ на сво-
ихъ измелчавшихъ братьевъ, какъ звѣзды небесныя на грѣшную
землю. Да, онъ славный человекъ и отлично владѣетъ перомъ.
Но лучше всего въ немъ то, что онъ смотритъ на вещи не съ
такой узкой точки зрѣнія, какъ большинство нашихъ правовѣр-
ныхъ евреевъ. Я люблю его тоже, какъ брата, и подъ часъ мнѣ
такъ и хочется обнять и расцѣловать его, — прибавилъ онъ дро-
гнувшимъ голосомъ. — Выньте-ка еще по ставяничку пива за его
здоровье.

Рафаэль весьма скоро убѣдился, что веденіе газеты сообща съ
комитетомъ было не только трудное, но совершенно невозможное
дѣло. Суровые блюстители еврейскаго правовѣрія просто одоле-
ли его своей придирчивостью, до нельзя осложняяшей его и безъ того
не легкую задачу. Второй номеръ стоилъ ему еще болѣе усилен-
наго труда и душевныхъ мукъ, чѣмъ даже первый, несмотря на
то, что предусмотрительный Глюкъ произвелъ радикальный пере-
воротъ въ своей типографіи, увеличивъ штатъ своихъ *незримыхъ*
рабочихъ заправскимъ и *видимыхъ* наборщикомъ и обзаведясь
болѣе удобной машиной для печатанія. Положеніе становилось про-

сте невнимательнѣе, и постоянно кроткій и терпѣливый молодой человекъ начиналъ чувствовать раздраженіе, доходившее почти до озлобленія. Передъ выходомъ второго номера газеты, онъ обомлелъ съ Пинкасомъ съ совершенно несвойственной ему рѣзкостью. Несчастный мѣсть, пострадавшій опять отъ козней своихъ заклятыхъ враговъ, нанесшихъ ему ударъ на этотъ разъ черезъ Маленькаго Самсона, на отрѣвъ отказавшагося отъ его предложенія написать комическую оперу для его труины, подѣ тѣмъ предложомъ, что это не угодно было кому-то изъ его богатыхъ и высокооставленныхъ покровителей, которыхъ былъ, разумеется, не кто другой, какъ членъ парламента, достопочтенный Гадесонъ, — явился въ самую возбужденномъ состояніи въ рабочую каморку Рафаэля и въ пароксизмѣ обуявшаго его гнѣва, принялся скакать передъ нимъ, какъ резиновый мячикъ. Напрыгавшись до снѣга и успокоившись немного, онъ началъ излагать уже въ болѣе связной формѣ причину своего посѣщенія.

— Я написалъ громовую статью противъ нашего недостойнаго представителя въ парламентъ, въ которой передаю всѣ его позорныя дѣла на судъ мотомства, — съ самымъ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ онъ. — Надѣюсь, что вы не откажетесь напечатать ее въ этомъ же номерѣ „Иудейскаго Стѣга“.

— Но, вѣдь, у насъ похѣщано уже ваше стихотвореніе, — отвѣтилъ ему Рафаэль.

— Чтожъ изъ этого? Я, вѣдь, не принадлежу къ числу нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналистовъ, гонимыхъ только за дешевой важной.

— Да въ газетѣ и мѣста больше нѣтъ. Номеръ ужъ подготовленъ къ печати.

— Ну, такъ велите выкинуть продолженіе разсказа Эбенезера, этого франтика въ синихъ очкахъ.

— Какое продолженіе? Этотъ коротенькій разсказъ кончился еще въ первомъ номерѣ.

— Въ такомъ случаѣ, нельзя ли будетъ вклинѣть какъ-нибудь мою разоблаченія въ вашу передовую статью?

— Это рѣшительно невозможно, — нечего и говорить объ этомъ. — Да не мѣшайте мнѣ, пожалуйста, Пинхась, — я тороплюсь дочитать эту страницу, чтобы сдать ее поскорѣе въ типографію.

— Ну, выкиньте наконецъ хоть нѣсколько объявленій, чтобы освободить мѣсто для моей статьи.

— И это опять такъ невозможно. У насъ и безъ того очень мало объявленій въ этомъ номерѣ.

Поэтъ попробовалъ было прибѣгнуть къ самому неотразимому изъ своихъ аргументовъ и съ умоляющимъ видомъ приложилъ указательный палецъ къ носу. Но Рафаэль даже и тутъ остался непреклоненъ и твердъ, какъ гранитный утесъ.

— Ну, пожалуйста, голубчикъ, — замскивающимъ тономъ заговорилъ опять Пинхась, — исполните ужъ мою просьбу хоть изъ дружбы ко мнѣ, хоть ради того, что я люблю васъ, какъ родного брата. Клянусь вамъ, что это первая и послѣдняя...

— Ну, такъ знайте же, что я не пожѣстилъ бы вашей статьи, если бы въ газетѣ и было мѣсто для нея, — съ досадою перебилъ его Рафаэль. — Говорять вамъ уйдите и не мѣшайте мнѣ работать.

Этотъ неожиданный окрикъ разомъ положилъ конецъ дальнѣйшимъ изліяніямъ поэта, и онъ, смиренно попросивъ въ займы два шиллинга, послѣшилъ оставить въ покоѣ раздраженнаго редактора. Но Рафаэль долго еще не рѣшался поднять глаза вверхъ, чтобы не встрѣтиться опять лицомъ къ лицу съ своимъ неотвязчивымъ пріятелемъ. Наконецъ, корректурныя формы были прочтаны и унесены Глюкомъ, явившимся за ними въ сопровожденіи единственнаго своего наборщика.

Въ пятницу, подъ вечеръ, Рафаэль въ раздумьѣ сидѣлъ въ своемъ редакторскомъ креслѣ, чувствуя себя въ такомъ же удрученномъ настроеніи, какъ несчастный мореплаватель, только что

потерпѣвнѣйшее крушеніе. У него опять было бурное объясненіе съ членами комитета, изболчившими его и на этотъ разъ въ ереси, вправшейся въ одно изъ послѣднихъ извѣстій, не прошедшее черезъ ихъ цензуру, — и категорически заявившими, что газета, которая ведется такъ небрежно и неуцѣло, не стоитъ даже и двухъ пенсовъ, и что поэтому самое лучшее будетъ совсѣмъ прекратить ея изданіе. Въ довершеніе всего и спросъ на къшедшій номеръ былъ весьма незначительный, что тоже возбуждало крайнее неудовольствіе въ издателяхъ, которые безпрестанно твердили, что деньги, затраченные ими на общественное дѣло, пропали даромъ, и поэтому благоразумно рѣшили не вносить остальной части условленной суммы. Это былъ первый житейскій урокъ, полученный молодымъ оксфордцемъ, смотрѣвшимъ до сихъ поръ на своихъ ближнихъ съ высоты воздушныхъ замковъ, которые онъ строилъ за стѣнами университета въ дружеской компаніи подобныхъ же ему идеалистовъ и мечтателей.

Даже и его вдохновительница, трубка, которую онъ машинально держалъ въ зубахъ, не вспыхивала и не дымилась, но походила на угасшій вулканъ. Червякъ сомнѣнія, начинавшій подтачивать его вѣру не только въ людей, но даже и въ спасительное дѣйствіе еврейскаго правовѣрія, причинялъ ему нестерпимыя душевныя муки. Охваченный чувствомъ горькаго разочарованія и недовольства всѣмъ окружающимъ, онъ какъ-то невольно началъ припоминать свой разговоръ съ Есфирью Ансель. Но тутъ, по какому-то случайному стеченію обстоятельствъ, дверь его камеры вдругъ отворилась, и онъ съ удивленіемъ увидалъ на порогѣ ея самого м-ра Генри Гольдсмита. Онъ быстро вскочилъ съ мѣста и бросился на встрѣчу къ своему неожиданному гостю, глянцевитое лицо котораго свѣтилось и сіяло самой дружелюбною улыбкой. Почтенный представитель Кенсингтонской синагоги любезно объяснилъ своему молодому пріятелю, что онъ завернулъ къ нему мимоходомъ, чтобы только доставить себѣ удовольствіе пожать ему руку.

— Значитъ, у васъ дѣло идетъ не совсѣмъ ладно?—спросилъ онъ, выслушавъ краткій рассказъ Рафаэля о постоянныхъ столкновенияхъ, происходящихъ у него съ членами комитета.

— Да, и я начинаю отчаяваться въ томъ, чтобы оно могло наладиться,—отвѣтилъ Рафаэль.

— А какъ вы думаете, имѣетъ ли газета какіе-нибудь шансы на успѣхъ въ будущемъ?

— Право, не знаю,—проговорилъ Рафаэль, съ усталымъ видомъ садясь на прежнее мѣсто.—Но во всякомъ случаѣ, едва ли она принесетъ какую-нибудь пользу, если будетъ издаваться по программѣ членовъ комитета. Я, конечно, понималъ всю важность вопросовъ о *коммерной* пиццѣ и о постройкѣ бань, но нахожу, что они смотрятъ на свою задачу съ слишкомъ односторонней точки зрѣнія. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь, такъ какъ они старѣе, опытѣе и практичнѣе меня, и въ добавокъ, они должны лучше знать тотъ общественный классъ, къ которому принадлежатъ ихъ читатели.

— Нѣтъ, вы совершенно правы,—съ жаромъ отозвался м-ръ Генри Гольдсмитъ.—Мнѣ тоже не понравились нѣкоторые изъ заявленій, сдѣланныхъ ими въ сегодняшнемъ номерѣ. Разумѣется, наши патріоты должны употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы спасти еврейство; но эти господа усердствуютъ ужъ не по разуму и могутъ поселить только раздоръ между своими единовѣрцами.

— Да и я боюсь, что дѣло кончится именно этимъ,—сказалъ Рафаэль, вынимая изъ рта трубку и тутъ только замѣтилъ, что она погасла.

М-ръ Гольдсмитъ съ силой ударилъ кулакомъ по столу.

— Такъ не бывать же этому!—съ самымъ рѣшительнымъ видомъ вскричалъ онъ.—Я готовъ даже купить эту газету, хотя бы только для того, чтобы не допустить ихъ испортить такое полезное дѣло.

Рафаэль весь встрепенулся и пристально взглянулъ на него.

— Ну, такъ какъ же вы мнѣ посоветуете?—продолжалъ

общинный представитель.—Само собой разумеется, что если бы я приобрѣлъ эту газету, то попросилъ бы васъ вести ее, какъ вы сочтете за лучшее.

— Разумеется, я былъ бы очень и очень радъ этому, — возразилъ Рафаэль, глаза котораго опять оживились, подѣ влияніемъ надежды—осуществить свою завѣтную мечту о служеніи ближнимъ.

— А какъ вы думаете—дорого ли запросятъ съ меня издателя за свою газету?

— Конечно, нѣтъ, — съ увѣренностью сказалъ Рафаэль. — Я думаю, что они будутъ очень рады хоть что-нибудь получить за нее, чтобы только сбыть ее съ рукъ. Они говорятъ, что она не стоитъ и двухъ пеньсовъ, и рѣшительно заявили, что не хотятъ тратить больше денегъ на ея изданіе. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, вставая съ мѣста, — я могу сейчасъ же переговорить съ ними объ этомъ, потому что они, вѣроятно, не разошлись еще изъ конторы Шлезингера.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскричалъ м-ръ Гольдсмитъ, усаживая его опять въ кресло. — Я долженъ предупредить васъ, что считаю за лучшее сохранить строжайшую тайну на счетъ того, что газета будетъ принадлежать мнѣ.

— Но почему же это? — скажите, пожалуйста.

— По многимъ причинамъ. Я, видите ли, не принадлежу къ числу пустыхъ фатовъ, поэтому желалъ бы послужить еврейству, не возбуждая о себѣ толковъ въ обществѣ. Кромѣ того держась какъ бы совершенно въ сторонѣ отъ изданія газеты, я, какъ влиятельный членъ различныхъ комитетовъ, могу быть весьма полезенъ ей по части общинныхъ объявленій. Наконецъ, какъ постороннее лицо, я могу свободно рекомендовать ее менѣе богатымъ друзьямъ и знакомымъ, такъ какъ я заранѣе увѣренъ, что она будетъ заслуживать самой лестной рекомендаціи.

— Но что же я долженъ сказать членамъ комитета?

— Да просто скажите, что вы сами желаете купить у нихъ

газету,—вѣдь они знаютъ, что вы можете позволить себѣ это удовольствіе.

— А почему бы мнѣ и въ самомъ дѣлѣ не купить себѣ

— Полноте, пожалуйте! Какъ будто вы не можете найти другого употребленія для своихъ денегъ!

Это было отчасти вѣрно, и Рафаэль не сталъ настаивать на своемъ, тѣмъ болѣе, что у него ужъ былъ обдуманъ планъ для наиболѣе полезнаго употребленія тѣхъ пяти тысячъ, которые были оставлены ему въ послѣдство его теткой. Несмотря на всю свою непрактичность, онъ во всякъ не согласился съ тѣмъ, что и-ру Гольдсмитъ тоже не грѣшно будетъ воспользоваться своими капиталами для блага еврейства. Правда, его смущала нѣсколько мысль о томъ, что осуществленіе комбинаціи, придуманной и-ромъ Гольдсмитомъ, съ цѣлью покупки газеты, сопряжено было съ чѣмъ-то похожимъ на обманъ; но вѣскіе аргументы почтеннаго джентльмена, горячо доказывавшаго ему, что въ этой невинной мѣрѣ не было ничего общаго съ настоящимъ обманомъ, подѣйствовали на его здравый смыслъ и въ концѣ концовъ успокоили его чересчуръ строгую совѣсть.

Простившись съ своимъ гостемъ, побѣждавшимъ зайти къ нему опять черезъ часъ, Рафаэль въ самомъ радужномъ настроеніи направился въ контору Шлезингера для переговоровъ съ членами комитета. Но первый его шагъ на принципъ чисто практическихъ сношеній съ своими ближними привелъ его къ такому же грустному разочарованію въ нихъ, какъ и первая попытка совѣстнаго служенія съ ними человечеству. Члены комитета, услышавъ о его желаніи возвать ихъ отъ тягестваго бремени изданія газеты, которая только развораля ихъ, сначала точно отиѣли отъ удивленія, а потомъ подняли гвалтъ и принялись осматривать его грубыя насильстванія.— Неужели онъ воображаетъ, что они допустятъ его распространять ересь между ихъ единовѣрцами? — кричала она, энергично потрясая кулаками въ воздухъ. Но когда они поняли, наконецъ, что онъ нѣветъ намѣреніе не даромъ за-

владѣть газетой, а купить ее на чистыя деньги, то цѣна „Иудейскаго Стяга“, не стоявшаго, часъ тому назадъ, и двухъ пенсаевъ, вдругъ поднялась до двухъ сѣть фунтовъ стерлинговъ. — Репутация газеты на столько уже установилась, — хорошъ повторили члены, — что слѣдующій номеръ они собираются выпустить въ двойномъ количествѣ экземпляровъ.

— Да, вѣдь, вы сами не изтратили на нее даже и сорока фунтовъ, — замѣтилъ имъ до нельзы изумленный Рафаэль.

— Что вы, что вы! — воскричалъ Дукормань. — А вы считайте-ка, чего стоили намъ однѣ уличныя афиши.

— Нѣтъ, мистеръ Лоонъ, вы смотрите на это дѣло не совсемъ такъ, какъ подобало бы вполне безпристрастному человѣку, — вставилъ Де-Ганъ, юркій умъ котораго былъ изощренъ еще изученіемъ Талмуда. — Я не стану подводить итога нашимъ надержкамъ, но считаю не лишнимъ напомнить вамъ, что онъ былъ бы гораздо значительнѣе, если бы мы платили жалованье нашему редактору, а этого расхода вамъ никакъ не слѣдовало бы выписывать изъ вида.

Рафаэль былъ такъ ошеломленъ такимъ неожиданнымъ выводомъ, что только съ недоумѣніемъ развелъ руками.

— Неужели вы хотите отнять у насъ лѣвой рукой то, что сами же дали правой? — прибавилъ мудрый представитель комитета, въ горестномъ раздумьи покачивая головой. — Признаюсь, я никакъ не ожидалъ отъ васъ этого.

— Но вы же увѣрили, что газета не стоитъ и двухъ пенсовъ, — пробормоталъ Рафаэль.

— Да поймите же, что мы отказываемся отъ будущихъ барышей въ вашу нельзу, — пояснилъ ему Шлезингеръ.

Въ концѣ концовъ, Рафаэль согласился уплатить имъ сто фунтовъ, и почтенныя джентльмены, соблазненные перспективой немедленной получки весьма крупныхъ барышей съ затраченныхъ ими капиталовъ, благоразумно рѣшились отказаться отъ будущихъ барышей въ пользу Рафаэля. Сверхъ того, дальновидный Де-Ганъ заключилъ

съ Рафаэлемъ условіе на счетъ того, чтобы „Иудейскій Статъ“ продолжалъ служить органомъ *кооперативнаго* кооперативнаго общества въ теченіе цѣлаго полугодя, весьма вѣрно разсчитавъ, что если газета продержится до тѣхъ поръ и дѣла ея найдутъ успѣшно, то новый ея владѣлецъ сочтетъ за лучшее не измѣнять ея направленія. Такимъ образомъ, члены комитета въ этой сдѣлкѣ не позабыли своихъ интересовъ, выговоривъ себѣ, кромѣ денежнаго вознагражденія, также право бесплатно пользоваться печатнымъ органомъ въ продолженіе, быть можетъ, многихъ лѣтъ его благополучнаго существованія, такъ какъ, въ глубинѣ души, они нисколько не сомнѣвались въ искренности благочестія Рафаэля. Въ добавокъ къ этому, они могли быть совершенно спокойны на счетъ того, что ихъ имена никогда не будутъ вычеркнуты изъ списка бесплатныхъ подписчиковъ, и молодой издатель, какъ истинный джентльменъ, будетъ высылать имъ свою газету даромъ.

М-ръ Генри Гольдсмитъ, вернувшійся черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ, хотя и нашолъ, что покупка газеты обходится ему не такъ дешево, какъ онъ разсчитывалъ, но не выразилъ своему усомни-
 жоченному никакого неудовольствія на счетъ этого и сказалъ только:

— Ведите дѣло какъ можно экономнѣе. Я позабочусь, чтобы у васъ было болѣе приличное и комфортабельное помѣщеніе и найму вамъ дѣльнаго комиссіонера для объявленій. Во всемъ же остальномъ соблюдайте самую строгую экономію.

Лицо Рафаэля просіяло отъ удовольствія.

— На счетъ этого будьте покойны, — весело отвѣтилъ онъ.

— А какое вознагражденіе вы получали за свои труды?

— Да никакого. Я работаю даромъ.

М-ръ Гольдсмитъ пытливо взглянулъ на молодого человѣка и, подумавъ немного, проговорилъ:

— Ну, я люблю вести дѣла на чистоту, поэтому желалъ бы, чтобы вы получали опредѣленный гонораръ — хоть по гиней въ недѣлю. Такъ, знаете, ради успокоенія совѣсти. А если вы

вздумаюте уйти отъ меня, то должны будете по крайней мѣрѣ за мѣсяць предупредить меня объ этомъ; то же самое обѣщавъ и я вамъ, если захочу уволить васъ. Ха, ха, га! Такъ, значить, мы съ вами заключили формальное условіе, какъ настоящіе дѣловые люди.

Рафаэль опять весело улыбнулся, и „дѣловые люди“ крѣпко пожали руки другъ другу.

— Миссъ Ансель тоже, вѣроятно, не откажетъ вамъ въ своемъ содѣйствіи, — продолжалъ и-ръ Гольдсмитъ. — Это замѣчательно умная и даровитая дѣвушка, и я увѣренъ, что она займетъ со временемъ блестящее положеніе въ ютъ-эндскомъ обществѣ. А знаете ли, вѣдь, я вытанилъ буквально изъ грязи эту интеллигентную дѣвушку?

— Да, я слышалъ объ этомъ и почувствовалъ къ вамъ еще большее уваженіе за этотъ благородный поступокъ. А какъ здорово миссъ Ансель?

— Ничего — здорова. Да вы зайдите къ намъ сами, чтобы переговорить съ нею на счетъ ея сотрудничества въ газетѣ. Въ будни она уходитъ иногда въ музеи, по воскресеньямъ же ее всегда можно застать дома. А всего лучше будетъ, если вы зайдете къ намъ какъ нибудь запросто — прямо къ обѣду, — выдоставите этимъ величайшее удовольствіе м-съ Гольдсмитъ.

— Отъ души благодарю васъ, — съ жаромъ отозвался Рафаэль, прощаясь съ общиннымъ совѣтникомъ, по уходѣ котораго онъ снова принялся рассказывать вѣдь и впередъ по своей крошечной каноркѣ.

Его вѣра въ людей была возобновлена, скептическія сомнѣнія улеглись, и онъ опять возобновилъ свой мысленный разговоръ съ Есфирью Ансель, который былъ прерванъ на самомъ интересномъ мѣстѣ появленіемъ его помощника, постоянно улаждавшего себя своими любимыми ариями.

— Самсонъ, вашъ гонораръ увеличенъ на цѣлую гинею за каждый номеръ, — заявилъ ему Рафаэль безъ всякихъ предварительныхъ объясненій.

Веселый котикъ тащъ и замеръ на губахъ Маленькаго Самсона, моноколь вынать изъ 'глаза, и онъ, 'какъ' подвешенный, эффектно упалъ на мягкую грудь нераспроданныхъ номеровъ „Иудейскаго Стяга“.

Пер. С. Федоровичъ.

(Продолженіе будетъ).

КАНУНЪ 7 ІЮНЯ 1875 ГОДА ¹.

(БЫЛЬ).

Узкая Рѣзницкая улица губернскаго города N была еще погружена въ глубокой сонъ. Изъ-за края отроговъ карпатскихъ горъ, охватившихъ городъ кольцомъ, стало подыматься, по ясной лазури неба, майское солнце, которое, пропуская въ промежуткахъ между домами яркія полосы свѣта, разстилавшіяся серебрястыми лентами поперекъ улицы, золотило вер-

¹ Государь Императоръ, по положенію комитета объ устройствѣ евреевъ. Высочайше повелѣть соизволилъ: „сдѣлать чрезъ правит. сенатъ распубликованіе, что, по истеченіи 20 лѣтъ, никто не можетъ быть опредѣленъ въ равнины и учителя еврейскихъ предметовъ, кромѣ кончившихъ курсъ въ еврейскихъ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ, высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и получившихъ изъ тѣхъ или другихъ заведеній узаконенныя свидѣтельства или аттестаты“. Это Высочайше утвержденное 3 мая 1855 года положеніе комитета объ устройствѣ евреевъ, распубликовано 7 іюня 1855 года.

Затѣмъ 3 п. Высочайше утвержденного 4 мая 1859 г. положенія того же комитета, объявленнаго сенату министромъ юстиціи, гласить: „Въ 1875 же году привести въ полное дѣйствіе указъ 7 іюня 1855 года, по которому чрезъ 20 лѣтъ домашними учителями могутъ быть исключительно только евреи, обучавшіеся въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ“.

См. сборн. постановл. по мин. нар. проsv. т. 3 1855—1864 г. изд. 1865 г. СПб., стр. 29, 276 и 352.

Съ своей стороны считаемъ долгомъ присовокупить, что въ дѣлѣ образованія евреевъ вообще и борьбы съ маламедскимъ институтомъ въ особенности замѣтны вѣчныя скачки, вѣчныя полумѣры и крайняя непослѣдовательность, чѣмъ и объясняется безуспѣшность мѣропріятій въ той и другой сферѣ.

Такъ напр. мин. нар. проsv., создавъ въ 1873 году, взаимѣвъ закрытыхъ, безъ особенной надобности, раввин. училищъ и низшихъ еврейскихъ школъ 1 и 2 разрядовъ, новую систему еврейскихъ школъ, не могло не знать о существованіи вышеприведенныхъ указовъ. Не изслѣдовавъ достаточно причины безуспѣшности борьбы съ маламедствомъ, въ теченіе 30 лѣтъ, прежнихъ школъ системы гр. Уварова, министръ въ 1873 г. сочло нужнымъ упразднить два раввинскихъ училища, „пережившія“, по его мнѣнію, „свою задачу“, возлагая всѣ свои надежды на создаемыя имъ школы и учителей, которыхъ когда-то дадутъ учительскіе институты; помощью послѣднихъ можно будетъ „парализовать практику маламедовъ“, допотопные приемы которыхъ при обученіи юности, несмотря на двадцатилѣтнее существованіе и низшихъ школъ, и институтовъ, не только остаются во всей своей силѣ, но существованіе хедеровъ, за этотъ періодъ времени, еще болѣе окрепло. Безуспѣшность борьбы съ маламедскимъ институтомъ и отсутствіе рациональныхъ

хушки домовъ и куполы церквей. Царившее на улицѣ безмолвіе было вдругъ нарушено появленіемъ изъ разныхъ переулковъ, прилежавшихъ къ Рѣвницкой, отдѣльныхъ группъ евреевъ, о чемъ то жарко спорившихъ между собою, жестикулируя и передвигаясь, въ своемъ увлеченіи, съ мѣста на мѣсто. У спорившихъ замѣтны были подъ мышками лѣвыхъ рукъ чѣмъ-то набитые разноцвѣтные мѣшки, спитые изъ краевъ сукна. Впрочемъ, у двоихъ оказались мѣшки и изъ телячьихъ кожъ. Одинъ мѣшокъ былъ изъ бѣлой кожи съ черными пятнами, другой—изъ безукоризненно красной¹.

О чемъ собственно спорили эти евреи,—трудно было развѣдать, такъ какъ воѣ годосили вмѣстѣ, перебывая другъ друга. Время отъ времени только слышны были вырывавшіяся изъ устъ спорившихъ отдѣльныя слова «смотрятель», «указъ», «асифа» (собраніе).

Группы, состоявшія изъ 3—4 человекъ и, отдаленныя другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи, стали, незамѣтно для себя, сливаться и сосредоточиваться около одной болѣе значительной группы, среди которой выдавался довольно высокій, не особенно полный, приятной наружности еврей, который отличался отъ другихъ еще и тѣмъ, что его костюмъ носилъ слѣды моднаго покроя. Капотъ не доходилъ, какъ у другихъ, до пятокъ, а былъ нѣсколько короче, штаны на выпускъ, сапоги доснились отъ свѣжей ваксы. Шея была охвачена чернымъ шелковымъ платкомъ, на которомъ красовались выложенные края воротника бѣлой рубашки. Изъ-за обшлаговъ капота виденъ былъ и жилетъ, наглухо застегнутый вплоть до шелковаго платка. И въ то время, какъ головы другихъ были покрыты, не по сезону, круглыми плюшевыми плоскодонными шапками, описываемый нами еврей носилъ довольно щегольской суконный картузь. Черная съ просѣдью борода его, какъ и торчавшіе изъ нодъ картуза нѣсколько подстриженные волосы, были тщательно причесаны, тогда какъ бороды

способовъ при веденіи этой борьбы вызвали къ жизни послѣдній новый законъ о меламахъ отъ 1 марта 1893 г. въ силу котораго устранены всякія формальности, съ которыми сопряжено было получение званія мелама. Нельзя не отмѣтить еще и того, что мин. нар. проsv. въ 1873 г. полагало справедливымъ, въ видахъ привлеченія къ педагогической дѣятельности лучшихъ силъ еврейскаго юношества, даровать послѣднему и права государственной службѣ.

Асторъ.

¹ Въ такихъ мѣшкахъ, называемыхъ „Talissack“, евреи хранятъ молитвенныя принадлежности, какъ-то: талисъ (шали), т'филинъ (филактеріи), молитвенники, псалмы и др. богослужебныя книги.

и болтавшіеся по обѣимъ сторонамъ лица клоки волосъ, именуемые пейсами, окружившихъ его евреевъ подвергались, какъ видно было, дѣйствию гребенки исключительно по пятницамъ, когда носители этихъ бородъ и пейсовъ посѣщаютъ баню.

Вообще внѣшній обликъ этого еврея, отражавшій, какъ въ зеркалѣ, его мировоззрѣніе, свидѣтельствовалъ о его глубокомъ убѣжденіи въ томъ, что покроей платья и нѣкоторыя уступки въ этомъ отношеніи духу времени не могутъ вліять на религиозное настроеніе, вытекающее изъ тайниковъ сердца. Онъ держался принципа талмудистовъ: милосердый требуетъ только чистаго сердца.

Этотъ высокій еврей, по имени Меллахъ-дерь-Лангеръ или, какъ другіе его величали, просто Меллахъ Литвакъ, по профессіи меламедъ, служилъ, какъ можно было замѣтить, центромъ притяженія какъ для своей, такъ и для всѣхъ остальныхъ группъ, состоявшихъ исключительно изъ мѣстныхъ меламедовъ.

Меллахъ, какъ опытный ораторъ, собирался убѣдительною словомъ разъяснить своимъ коллегамъ значеніе ожидаемаго ими дня—7 іюня. Какъ «Taliszák», которые меламды бережно держали подъ мышкой, такъ и замѣтная торопливость въ движеніяхъ и разговорахъ свидѣтельствовали о томъ, что люди эти, по пути въ молитвенные дома, сошлись на неминуемой Рѣзаницкой улицѣ случайно и, разбившись на группы, стали обсуждать между собою свои меламедскія дѣла.

Когда вокругъ Меллаха сгруппировалось большинство меламедовъ, онъ обратился къ послѣднимъ со слѣдующими словами: «Рабойсай! (господа). Скоро, слава Бегу, и праздникъ «шевуотъ» (пятидесятница), а мы ровно, ровно ничего не предпринимаемъ. Далеко-ли до 7 іюня? Дни наши сочтены. Я долженъ вамъ заявить, что крайне сожалѣю, что принялъ на себя роль посредника между вами и зрителемъ училища. Вѣдь зритель—«да продлятся дни и годы его»—кромѣ добра никогда намъ ничего не сдѣлать. «Даль бы Богъ мнѣ такой годъ, какой онъ человекъ». Вы забыли прошлые, пасхальные «бенъ-газманимъ»,¹ когда зритель, возмущенный мыслью препятствовать вербовкѣ меламдами учениковъ, уступилъ нашимъ общимъ просьбамъ и моимъ увѣреніямъ, что немедленно послѣ пасхи будетъ собрана наша «асифа» для об-

¹ Полугодовые семестры еврейскаго учебнаго года—во время пасхи и осеннихъ праздниковъ «куши», въ которые хедера обновляются учениками.

сужденія плана дѣйствій. по преобразованію нѣкоторыхъ хедеровъ въ частныя мужскіе пансіоны еще до наступленія 7 іюня. Смотритель ждетъ не дожидается нашей «асифы». Знайте, мы играемъ съ огнемъ, какъ бы намъ не обжечься! Чѣмъ могу я оправдать наше бездѣйствіе, наше равнодушіе къ своимъ собственнымъ интересамъ. Вѣдь что значитъ пансіонъ? Тотъ-же хедеръ, въ которомъ дѣти часа два въ день будутъ обучаться, подъ руководствомъ учителя, русской грамотѣ—чтенію и писму. Развѣ это такъ худо, развѣ нашъ «схарьимудъ» (плата за ученіе) отъ этого уменьшится? Ничуть. А мы, о наши грѣхи...

Тутъ ораторъ былъ прерванъ на полусловѣ.

Неожиданно для всѣхъ, слушавшихъ Мелаха съ напряженнымъ вниманіемъ, въ группу вбѣжалъ привезистый, коренастый, довольно еще молодой человѣкъ, положившій конецъ проповѣди Мелаха.

— Какъ ничего не теряемъ,—воскликнулъ съ пафосомъ случайный ораторъ, Юсифъ Харифъ.—Если мы добровольно отлажемся отъ своихъ хедеровъ и замѣнимъ ихъ какими-то пансіонами,—продолжалъ онъ, причеми сардито шкюнулъ,—то это равносильно тому, что наложить своей собственной рукой ножъ на горло. Мы все теряемъ. Во-первыхъ, пансіонами... о эти пансіоны!—сказалъ Харифъ, поднявъ правую руку вверхъ и угрожая кому-то указательнымъ пальцемъ:—пансіонами могутъ воспользоваться очень немногіе изъ нашихъ мелаамдовъ, обученіе будетъ сосредоточено въ рукахъ двухъ, трехъ, много десяти мелаамдовъ, а насъ слава Богу цѣлыхъ 65 и всѣ сыты одѣты и обуты. Во вторыхъ, не всякій мелаамедъ—я первый—согласится промѣнять хедеръ на пансіонъ, который вовсе «не тотъ-же хедеръ»,—замѣтилъ Харифъ, передразнивая выраженіе Мелаха.—Пансіонъ,—продолжалъ Харифъ,—далекъ отъ хедера, какъ земля отъ неба. О судьбѣ нашихъ хедеровъ знаетъ уже и ребъ Фалекъ—«да продлятся дни и годы его»—вовсе не считающій 7 іюня такимъ страшнымъ днемъ, какъ его рисуетъ ребъ Мелахъ, который, пожалуй, самъ не прочь поступить въ школу. Считаю долгомъ еще присоветовать, что только ребъ Мелаху можетъ казаться, что мы ничего не дѣлаемъ. Нѣтъ, мы дѣлаемъ возможное, мы вовсе не спимъ. Вотъ напримѣръ, я видѣлся съ Менделе Бердичеверъ, который увѣряетъ и готовъ подкрѣпить свои слова «присягой» надъ «талесъ и тфилинъ», что относительно 7 іюня ожидается

какая то депеша. Поэтому, господа, нечего тутъ околачиваться, время не стоитъ, солнце довольно высоко и мы, заболтавшись, можемъ, пожалуй, «ойвер-криас-шмо сайн», онездать молитвой, что будетъ хуже всякихъ пансіоновъ. Моли́ться, моли́ться, закончилъ Харифъ скороговоркой и ободряющимъ тономъ.

Юси Харифъ, какъ видно, анализировалъ предполагаемыя реформы съ экономической и религіозной точекъ зрѣнія. Слова его громомъ поразили какъ самого Мелаха, такъ и его слушателей. Минута была критическая. Слушатели, поводя глазами то въ сторону смущеннаго Мелаха, то въ сторону удалявшагося Харифа, не знали какъ тутъ быть: слѣдовать ли за Юси Харифомъ, или снова стекаться подъ знамя Мелаха, который, замѣтивъ замѣшательство своей аудиторіи, бормоталъ про себя что-то невнятное, махнулъ энергически рукою и, со словомъ «этъ», рванулся впередъ и сталъ тоже удаляться, оставивъ своихъ коллегъ въ сильномъ недоумѣніи.

— Этотъ Харифъ,—заговорили нѣкоторые пришедшіе въ себя смѣльчаки,—чортъ знаетъ, что делаетъ. У него все пустяки. Указъ не указъ, разъ Менделе Бердичеваръ живъ. Важная персона Менделе, ожидающій какихъ то денегъ. Отъ кого ждетъ онъ депеша? Отъ самого министра, что ли? Люди забываютъ слова нашихъ мудрецовъ—миръ имъ—«не полагайтесь на чудеса».

— Мои бѣдствія и все, что мнѣ приснилось прошлою ночью, на его голову,—запампалъ дряхлый беззубый старичекъ, опираясь на посохъ своими костлявыми руками, при чемъ неизвѣстно было въ чью сторону адресовано это проклятіе: въ сторону ли Мелаха или Харифа, или же имъ обѣимъ вмѣстѣ.

— Дѣло ясное,—продолжалъ старикъ.—Пришла на насъ «гзейра». Ну что-жъ гзейра, такъ гзейра. Мы, слава Богу, пережили на своемъ вѣку,—указалъ онъ рукою на свою сѣдиную убѣленную голову,—много и еще не такихъ «гзейресей». Проидеть и эта гзейра, а мы, евреи, останемся евреями, кончить свою тираду старикъ, стукнувъ носомъ о мостовую, въ подтвержденіе высказанной имъ истины.

Пренія меламедовъ, брошенные будто на вѣтеръ, возымѣли свое дѣйствіе. Они равнесены были ими по всѣмъ модельнямъ и разжигали страсти. Больше другихъ молельнъ волновался и шумѣлъ приходъ такъ называемой «Концеръ-Клаузъ», въ которомъ сосредоточены были ярые противники

всякихъ новшествъ въ дѣлѣ обученія дѣтей вообще и открытія предполагаемыхъ частныхъ пансіоновъ въ особенности.

Тутъ должны мы замѣтить, что во многихъ городахъ и мѣстечкахъ югозападнаго края существуютъ молельни отъ имени господствовавшихъ въ былыя времена падиговъ, послѣдователи которыхъ «хасидимъ» группируются то въ одной, то въ другой молельнѣ, смотря къ какому знамени они принадлежатъ. Нашъ Мелакъ деръ-Лангеръ, какъ выходецъ изъ Литвы, считался «миснагидомъ», протестантомъ, и отправлялъ молитву въ «Литовскомъ приходѣ». Другіе же меламеды, участвовавшіе часъ тому назадъ въ преніяхъ подъ открытымъ небомъ, принадлежали къ разнымъ приходамъ.

Существеннаго различія между «хасидимъ» и «миснагидимъ» собственно нѣтъ. Одно и то же богослуженіе, одни и тѣ же религіозно-нравственные принципы, и отличаются другъ отъ друга развѣ тѣмъ, что хасидимъ, считая своего падику мужемъ праведнымъ и святымъ и слѣдовательно болѣе приближеннымъ къ Богу, придерживаются еще въ молитвахъ ритуала «сфардимъ», а миснагидимъ, отвергая святыхъ угодишковъ, читаютъ молитвы по ритуалу «аскиназимъ», т. е. молитвы у тѣхъ и другихъ нѣсколько иначе расположены ¹.

Итакъ, меламеды разсѣялись и были поглощены молитвенными домами, въ которыхъ богослуженіе прекратило на время всякіе споры. Улица же, служившая ареной для спорящихъ, закинула своей обычной жизнью, и майское солнце спокойно и величественно совершало по безоблачному небу свой путь, взирая равнодушно съ своей высоты на всѣ тревоги и волненія, происходящія на согрѣваемой имъ землѣ...

Во главѣ движенія противъ преобразованія хедеровъ стоялъ, разумѣется, староста (габе), «Кецкерь-Клаузь», почтенный ребъ Фалакъ, съ личностью, общественнымъ положеніемъ и дѣятельностью котораго считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей.

Дородный, высокаго роста мужчина, съ окладистой бѣлой, какъ лунъ, бородой, съ широкимъ выдающимся лбомъ, въ которомъ искрились умные темноглубые глаза подъ густыми сѣдыми бровями, ребъ Фалакъ напоминалъ собою скорѣе библейскаго патриарха, чѣмъ скромнаго обитателя провинціальной глухой мѣстности богоспасаемой «черты». Ребъ Фалакъ, не-

¹ См. Исторію хасидизма Дубнова. Восх. 1889—1890 г.

смотря на свой солидный 62 лѣтній возрастъ, былъ всегда, по своему, изящно одѣтъ. Длинный, стараго покроя, камлотовый капоть, съ раскрытымъ воротомъ и обшлагами, обнажавшими поросшую съдыми волосами грудь, охваченъ былъ въ талии широкимъ шелковымъ чернымъ кушакомъ. Безукоризненной бѣлизны воротникъ рубахи покрывалъ собою воротъ капота. Лѣтомъ носилъ онъ мягкую поярковую съ широкими полями шляпу. Панталоны изъ лѣтней желтаго цвѣта матеріи были подвязаны ниже колѣнъ. Вѣлые чулки, плотно прилегавшіе къ ногамъ, обутымъ въ легкіе лакированные башмаки, обнаруживали крупныя формы икръ. Говорилъ ребъ Фалекъ груднымъ пріятнымъ баритономъ, ходилъ тихо, плавно выходя, при чемъ правую руку, вооруженную чернымъ тяжелѣнскимъ посохомъ, съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ, то отодвигалъ отъ себя, то граціозно приближалъ къ себѣ. Такимъ образомъ одна пріятная наружность ребъ Фалека способна была внушить къ себѣ уваженіе, возроставшее въ глазахъ всѣхъ знавшихъ его ближе сознаниемъ еще и того, что онъ и глубокий знатокъ еврейской религіозно-богословской литературы, и обладаетъ значительнымъ состояніемъ, что и составляло его превосходство надъ окружающею его средой, дѣлами которой онъ авторитетно руководилъ.

Въ жизни своихъ единовѣрцевъ р. Фалекъ игралъ видную роль. Въ трудныхъ случаяхъ религіозно-бытового свойства какъ и за совѣтами по коммерческимъ предпріятіямъ обращались обыкновенно къ р. Фалеку. Какъ богатый арендаторъ оброчныхъ статей и владѣлецъ лучшихъ въ окрестностяхъ мельницъ, р. Фалекъ, по торговлѣ, давалъ лучшіе совѣты, которые очень высоко цѣнились его согражданами какъ евреями, такъ нерѣдко и неевреями. Р. Фалекъ считался также всѣми евреями судьбою миротворцемъ. Возникшія между сторонами брачующихся молодыхъ людей недоразумѣнія улаживались р. Фалекомъ къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ. Приданное молодыхъ вносилось на храненіе, до брака, опять таки въ кассу того же р. Фалека и, надо отдать ему справедливость, онъ никогда не пользовался хранившимися на его рукахъ чужими деньгами. Въ назначенный для выдачи день онъ не только по первому востребованію возвращалъ капиталы полностью, но эти капиталы возвращались вкладчикамъ въ тѣхъ же процентныхъ бумагахъ или денежныхъ знакахъ, въ какихъ они вносились на храненіе. Неудивительно послѣ этого, что

р. Фалекъ доминировалъ надъ всеми явленіями общественной жизни, начиная съ приданнаго брачующихся и кончая перипетіями въ мірѣ меламадовъ.

Въ описываемое нами утро мы видимъ р. Фалека плавно выступающаго изъ «Копцеръ-Клаузъ», со своимъ громаднымъ «Талесваекъ» подъ мышкой лѣвой руки; правую же, въ которой онъ держалъ свой посохъ ниже набаддашника, то откидывалъ въ пространство, то опять приближалъ къ себѣ, по своему обыкновенію. По обѣимъ сторонамъ провожали его два мелама, изъ коихъ одинъ съ заложенными сзади руками видимо прислушивался къ разговору, который велъ другой, жестикую правую руку, тогда какъ лѣвая покоилась у него за пазухой. Другіе же меламады, по окончаніи утренней молитвы, разошлись по своимъ хедерамъ поучать юношество слову Божію, рѣшивъ перенести театръ дѣйствій вечеромъ въ «Копцеръ-Клаузъ», гдѣ въ присутствіи р. Фалека будутъ гласно обсуждать свое щекотливое положеніе въ виду надвигающагося грознаго, роковаго 7 юня.

И дѣйствительно, вечеромъ того-же дня, когда хедера, съ заходомъ солнца, были закрыты, меламады поспѣшили въ «Копцеръ-Клаузъ», который на этотъ разъ былъ почему-то ярче обыкновеннаго освѣщенъ. Народу собралось много. Въ ожиданіи прихода р. Фалека въ молитвенномъ домѣ стоялъ невообразимый гамъ и шумъ. Одни причали «что такое представляетъ собою дер-Литвакъ, дер-Лангеръ», другіе—«плевать намъ и на зрителя, котораго бояться нечего», еще другіе—«Менделе Бердичеверъ—хвастунишка, его обѣщанія никогда не сбываются» и т. п. Но вотъ послѣдовалъ ударъ деревянной ручной лопаткой о туго набитую кожанную подушечку, послѣ чего раздался возгласъ «шамеса» (служки) «шатъ!» Все притихло въ мгновеніе ока. Тихо, неслышными шагами вошелъ въ молельню р. Фалекъ и прямо направился къ восточной стѣнѣ, у которой занялъ свое мѣсто съ правой стороны анаоя. Канторъ началъ читать нараспѣвъ вечернюю молитву «мааривъ». По окончаніи молитвы по всему залу пронесся глухой шумъ. Меламады, отрядивъ отъ себя двухъ депутатовъ, имѣющихъ вести переговоры съ р. Фалекомъ, устремились за своими депутатами поближе къ мѣсту, гдѣ восѣдалъ р. Фалекъ. Депутаты, заставъ р. Фалека нѣсколько задумчивымъ съ отодвинутой на затылокъ шляпой и напѣвающимъ себѣ что то въ носъ, ударяя въ тактъ пальцами правой руки въ сложенный

кулакъ лѣвой, не рѣшился нарушать настроеніе р. Фалека, до тѣхъ поръ пока послѣдній не произнесъ: «ничего, ничего, говорите».

Тутъ депутаты стали велагать предъ р. Фалекомъ свои чаянія и надежды, свои опасенія и ожидаемыя отъ нихъ послѣдствія. Р. Фалекъ слушалъ со вниманіемъ, не измѣнивъ, впрочемъ, ни положенія своей шляпы, на своихъ бѣлыхъ выколенныхъ рукахъ, которыми онъ продолжалъ постукивать то въ стоявшій предъ нимъ столикъ, то одной о другую.

Меламды, стоявшіе среди своихъ депутатовъ въ разныхъ позахъ, съ жадностью ловили каждое слово своихъ представителей, въ доклады которыхъ вмѣшивался то одинъ, то другой изъ присутствующихъ.

Выслушавъ меламдовъ, р. Фалекъ, надвинувъ шляпу на лобъ и запустивъ мизинецъ лѣвой руки въ кулакъ, поднялся съ своего мѣста и, принявъ позу настоящаго оратора, сказалъ:

— Я выслушалъ, ваши, рабойсай, жалобы и вполне сочувствую вашей скорби. Вы волнуетесь по поводу предстоящаго закрытія хедеровъ. Оно и понятно. Хедера — это вашъ хлѣбъ, которымъ вы и ваши семейства кормитесь. Знаю, что между вами есть и такіе, какъ Мелакъ Литвакъ, которые, забывая Бога, уговариваютъ васъ замѣнить хедера какими-то пансіонами. Этому не быть докопѣ живъ будетъ одинъ изъ послѣдователей цадика блаженной памяти.

Тутъ р. Фалекъ, вынувъ изъ задняго кармана капота краснаго цвѣта съ желтыми каймами фулярный платокъ и прикрывъ имъ, при помощи обѣихъ рукъ, кончикъ носа, высморгался, чихнулъ раза два и продолжалъ:

— Ваши опасенія, повѣрьте, преувеличены. Еще покойный Ици-Бейръ¹ изъ Кременца преповѣдывалъ въ своихъ книжкахъ организацію новыхъ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Но и его желанія, слава Богу, остались желаніями, а его слова, «подобно мякинѣ разгонимы были вѣтромъ», какъ

¹ У евреевъ принято величать другъ друга, особенно лицъ, извѣстныхъ своими знаніями и ученостю, титуломъ „ребъ“ (равви). Этотъ титулъ сохраняется за учеными и послѣ ихъ смерти, когда только произносятся ихъ имена, чего ортодоксальная фанатическая партія не соблюдаетъ по отношенію лицъ, ратовавшихъ за просвѣщеніе и прогрессъ своего народа, которому несвятили асю свою являвъ. Такимъ борцомъ, писателемъ, печальникомъ народа, признавъ передовыми евреями, Исаакъ-Беръ-Левинзонъ, проведшій весь свой вѣкъ въ Кременцѣ. Имя и память этого достойнаго мужа въ полномъ пренебреженіи у ортодоксовъ-фанатиковъ, лищающихъ его титула „ребъ“.

говорить царь Давидъ (Пс. Гл. I, 4). Такъ будетъ и нынѣ. Въ хедерахъ, — сталъ возвышать свой голосъ убѣжденный р. Фалекъ, — и только въ хедерахъ, въ ихъ настоящемъ видѣ, таятся заложники правобѣрнаго іуданскаго. Изъ хедеровъ выходили и будутъ выходить охранители слова Божьяго, тогда какъ изъ новыхъ школъ, какъ напр. изъ раввинскихъ училищъ, получаемъ богоотступниковъ, распространяющихъ ересь среди юношества. Нѣтъ, мы знаемъ куда гнуть наши «берлинцы», ихъ «шмадотикъ» нами извѣданы¹. Поэтому нечего волноваться, нечего шумѣть, «хавакъ замаць!» (крѣпитесь). Заявленіями же Мендале Бердичеверь вовсе не слѣдуетъ пренебрегать... Ступайте по домамъ и займитесь своимъ дѣломъ».

Меламды, приободренные словами р. Фалека, вышли изъ «Коцкеръ-Клаузъ» съ сияющими лицами, въ полной увѣренности, что все устроится, уладится и гроза ихъ минетъ.

Въ те время, когда въ «Коцкеръ-Клаузъ» ораторствовалъ р. Фалекъ, на квартирѣ смотрителя училища происходили своего рода совѣщанія. Мелакъ, почему-то не сомнѣвавшійся въ успѣхѣ предстоящаго переворота, собралъ 5—6 меламдовъ, которыхъ онъ считалъ своими единомышленниками, и побудилъ ихъ отправиться къ смотрителю на совѣщаніе, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы выяснить взаимныя другъ къ другу отношенія, установить размѣръ вознагражденія преподавателямъ общихъ предметовъ и время занятій въ пансіонахъ, равно и программы учебныхъ предметовъ. Словомъ, на этомъ совѣщаніи предстояло, такъ сказать, оформить внѣшній и внутренній режимъ преобразуемыхъ хедеровъ.

На совѣщаніи, къ крайнему прискорбію смотрителя, обнаружилось однако, что не всѣ присутствовавшіе раздѣляютъ взгляды Мелакъ на предстоящія преобразования. Нѣкоторые изъ нихъ скептически относились къ предпріятію, чего не скрывали и предъ смотрителемъ.

— Мы можемъ, — заявили скептики, — своимъ участіемъ въ настоящемъ засѣданіи, о которомъ всѣ другіе меламды уже знаютъ, очень много повредить себѣ: мы потеряемъ свой престижъ въ глазахъ народа и, не достигнувъ цѣли, можемъ оказаться на мели, т. е. безъ пансіоновъ и безъ учениковъ.

— А, возразилъ энергически Мелакъ, — они говорятъ устами

¹ «Берлинцами» ортодоксы называютъ изучающихъ Библию по переводу и комментаріямъ Моисея Менделсона, вообще послѣдователей школы послѣдняго. «Шмадотикъ» означаетъ замаскированное стремленіе къ пресвѣщенію.

Юси-Харифа, который успѣлъ внушить имъ безотчетный страхъ. Знаемъ, откуда вѣтеръ дуетъ, чѣмъ все это пахнетъ. Я, признаться, — сказала подобострастно Мелахъ, наклонившись всѣмъ туловищемъ въ сторону зрителя, — былъ слишкомъ откровененъ, объявивъ меламамъ, что не всѣ хедера будутъ преобразованы въ пансіоны. Это и вворвало Юси-Харифа. Развѣ вы не видите, что г. зритель — «да продлятся дни и годы его», удостоивъ насъ своимъ присутствіемъ, хочетъ вамъ объявить, что ваши хедера будутъ преобразованы въ пансіоны.

— Вы, р. Мелахъ, — замѣтилъ зритель нѣсколько раздраженно, — слишкомъ много позволяете себѣ говорить отъ моего имени. Я еще не знаю, чьи собственно хедера и сколько именно будутъ преобразованы въ пансіоны. Пока я очень радъ тому, что нами достигнуто полное соглашеніе во всемъ, что касается преобразованія хедеровъ, участь которыхъ будетъ рѣшена завтра. Вѣрно только то, что мы имѣемъ за собою много друзей, сочувствующихъ нашимъ начинаніямъ и готовыхъ насъ поддерживать на засѣданіи, и что мы заручились благорасположеніемъ и содѣйствіемъ полиціймейстера, общавшаго пригласить въ засѣданіе и двухъ-трехъ меламадовъ изъ вашей среды, на которыхъ мы указали ему, какъ на людей вполне благонадежныхъ.

— Гм! — замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ меламадовъ Гершъ-Хишимъ, заика. — Такъ то такъ, все, кажется, обстоитъ благополучно, получены даже повѣстки, приглашающія явиться къ полиціймейстеру къ 11 часамъ утра. Но какъ и чѣмъ объяснить то, что вчера вечеромъ, около 10 часовъ, видѣли, какъ Менделе Бердичевъ вышелъ изъ воротъ полиціи...

— Такъ что-жъ, перебилъ его сердито зритель. — Такія выдумки и сплетни, распространяемыя нашими противниками, не заслуживаютъ вниманія. Полиціймейстеръ, искренно сочувствующій дѣлу просвѣщенія нашихъ евреевъ, ничего общаго съ такими отъявленными мошенниками, какъ Менделе Бердичевъ, имѣть не можетъ. Итакъ, господа, до свиданія; совѣтую до засѣданія ни съ кѣмъ ни о чемъ больше не говорить и не прислушиваться къ разнымъ сказкамъ и баснямъ. А тамъ увидимъ чья возьметъ, — закончилъ самоувѣренно свою бесѣду съ меламами нашъ идеалистъ-зритель.

Только что состоявшееся засѣданіе, исходомъ котораго зритель, казалось, былъ доволенъ, не прошло безслѣдно. Тутъ, думалъ про себя зритель, что нибудь да кроется,

если меламды, не стѣняясь, могутъ проявлять, въ его присутствіи, такой упорный скептицизмъ, такой страхъ предъ неожиданными дѣйствіями какого нибудь Мендела Бердичевара, проходящаго яркою нитью по всему фону созданнаго имъ меламедскаго вопроса.

Меламды же, на видъ покорные и даже благодарные за привлеченіе ихъ къ участию въ организаціи пансіоновъ, были убѣждены въ томъ, что воздвигаемое смотрителемъ зданіе не имѣетъ прочнаго основанія и несомнѣнно обрушится, раздавивъ собою лѣтѣмья смотрителемъ надежды, чему собственно они будутъ очень рады.

Такимъ образомъ обѣ стороны, стремясь къ противоположнымъ цѣлямъ, съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали рокового засѣданія у полиціймейстера, исходъ котораго долженъ былъ принести однимъ побѣду, другимъ поражение...

Тревожно провели ночь воюющія стороны. Настало давно ожидаемое утро. На площади предъ домою полиціймейстера расхаживали группы меламедовъ, таинственно перешептываясь между собою. По озабоченнымъ лицамъ меламедовъ видно было, что нервы ихъ въ сильномъ напряженіи. Обитатели св. града едва ли съ большимъ напряженіемъ ожидаютъ появленія изъ Ватикана звонка, возвѣщающаго избраніе папы.

Между тѣмъ къ дому стали подъѣзжать и подходить приглашенные въ засѣданіе. У парадныхъ дверей стоялъ прилично одѣтый лакей, указывавшій приглашеннымъ на дверь, ведущую въ кабинетъ начальника. Кабинетъ былъ на этотъ разъ декоративно убранъ и вся его обстановка вполнѣ отвѣчала торжественному случаю. Посреди комнаты стоялъ длинный, зеленымъ сукномъ покрытый столъ, на которомъ разложены были листы чистой бумаги и карандаши. Вокругъ стола разставлены были вѣнскіе стулья, а во главѣ предсѣдательское кресло, обитое сафьяномъ. Чернильный приборъ со звономъ блисталъ на своемъ мѣстѣ. Услышавъ всё за столъ и стали ожидать появленія полиціймейстера. Часы пробили 12, затѣмъ и полчаса перваго, а полиціймейстера все еще не было. Нѣкоторые изъ приглашенныхъ домохозяевъ, среди которыхъ приглашенный р. Фалекъ блисталъ своимъ отсутствіемъ, стали терять терпѣніе и все чаще и чаще поглядывали на свои часы, какъ вдругъ, около двухъ часовъ, распахнулись двери и полиціймейстеръ въ форменномъ облаченіи, при всѣхъ своихъ регаліяхъ и съ телеграммой въ рукѣ, торжественно вошелъ въ

кабинетъ. Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и полиціймейстеръ, раскланявшись привѣтливо во всѣ стороны, занялъ свое председательское кресло, пригласивъ всѣхъ сѣсть на свои мѣста.

Безъ всякихъ предисловія, онъ прямо приступилъ къ дѣлу, открывъ засѣданіе слѣдующей рѣчью:

«Я очень радъ, что на мою долю выпалъ такой пріятный жребій завершить знаменательный актъ въ жизни вашихъ соплеменниковъ, способности, энергія и сила воли которыхъ признаны всѣми. Наше правительство искренно жаждетъ вывести евреевъ изъ невѣжества и фанатизма, въ которомъ они косяются вѣками, и указать имъ новые пути, по которымъ они должны слѣдовать рука объ руку со своими согражданами на пользу общаго для всѣхъ отечества, дать имъ возможность увѣрить свѣтъ и пользоваться сладкими плодами просвѣщенія. Я увѣренъ, что раньше или позже завѣтныя желанія передовой интеллигентной части народа осуществляются, хотя на сей разъ, къ крайнему моему прискорбію, — прибавилъ онъ въ мнѣрномъ тонѣ, вслѣдъ за такимъ высокопарнымъ вступленіемъ, — я долженъ заявить, что, по распоряженію высшихъ властей, осуществленіе указа 7 іюня 1855 года, относительно закрытія хедеровъ, отсрочено до 8 мая 1877¹. Правда, это не за горами... Вы меня извините, что лишены были возможности своевременно предупредить васъ, господа, объ этомъ распоряженіи, чѣмъ отнялъ у васъ нѣсколько часовъ времени, затраченныхъ вами непроизводительно. Считаю засѣданіе закрытымъ». Съ этими словами полиціймейстеръ, раскланявшись опять весьма привѣтливо, удался, оставивъ всѣхъ присутствовавшихъ въ положеніи гоголевскихъ властей, пораженныхъ вѣстью о прибытіи настоящаго ревизора.

Вотъ финалъ траги-комедіи въ которой наши просвѣтители играли такую смѣшную, жалкую роль...

Молча поднялись приглашенные со своихъ мѣстъ, молча разошлись въ разныя стороны, какъ люди никогда ничего

¹ Срокъ этотъ приуроченъ къ моменту, въ который, по положенію отъ 24 марта 1873 г., приступлено было къ закрытію еврейскихъ училищъ 1 разряда и открытію новыхъ школъ системы гр. Д. А. Толстого. Если даже считать такое совпаденіе во времени случайнымъ, то во всякомъ случаѣ, съ иотенновеніемъ прежнихъ школъ и съ возникновеніемъ новыхъ, заключающихся въ себѣ по своей организаціи еще меньше явленіиныхъ силъ, чѣмъ ихъ предшественницъ, для борьбы съ междоустрояемъ, указъ 7 іюня 1875 года, казавъ въ Лету, потерялъ всякое практическое значеніе.

общаго между собою неизвѣвпіе и другъ друга никогда не знавшіе...

На поворотѣ въ одну изъ улицъ, изъ за угла выскочилъ Менделѣ Бердичеверъ, заглянувши смотрителю саркастически въ лицо.

М. Винштокъ.

Отъ редакціи. Приведенная былъ есть посмертное произведеніе бывшаго еврейскаго учителя, безвременно скончавшагося недавно Исаака Моисеевича Винштока, вызванное по всей вѣроятности новыми послѣдними законами о меламдахъ. Пользуемся случаемъ помянуть добрымъ словомъ этого до самоотверженія добросовѣстнаго дѣятеля на поприщѣ просвѣщенія еврейскаго юношества, идеалиста стараго закала, несмотря на всякія претерпѣвныя имъ разочарованія. Миръ праху этому вѣчному труженнику, всю жизнь мечтавшему лишь о благѣ и просвѣщеніи еврейской массы.

СЕНДЕРЪ ГЛАТЪЙЗЪ.

РОМАНЪ К. Э. ФРАНЦОЗА.

Переводъ съ рукописи.

VII¹.

Сендеромъ овладѣло чувство страха, когда онъ возвращался въ гостиницу. Издали уже онъ увидѣлъ громадную красную афишу, — вотъ она, виновница его несчастья. Однако поровнявшись съ воротами, онъ остановился и прочелъ афишу. Она походила на вчерашнюю, не было только воззванія къ евреямъ, но за то вкратцѣ было воспроизведено вчерашнее обращеніе Шенау къ публикѣ, съ еще болѣе двусмысленнымъ отгѣнкомъ. „Эта тварь готова сдѣлать все, что отъ нея потребуютъ“, — подумалъ Сендеръ съ чувствомъ не то состраданія, не то презрѣнія. Впрочемъ, на афишѣ было еще пригвчаніе, относившееся только къ христіанамъ, именно: „Билеты можно получать у бенефициантки, въ отелѣ Гурковсалъ, комната № 3, лично. Дружественный приѣмъ“.

Когда онъ вошелъ въ столовую, чтобы позавтракать, онъ засталъ тамъ Кенена у стола возлѣ окна. Онъ уже рисовалъ кисточкой при помощи шаблона афиши для Борщова. Съ приниженою привѣтливостію онъ поклонился Сендеру:

— Звонъ набата, кажется, прекратился. Вы, надѣюсь, можете завтра ѣхать.

Сендеръ пожалъ плечами и сказалъ:

¹ См. „Восходъ“, кн. V, 1895 г.

— Но въ Борщавъ я ни въ какомъ случаѣ не поѣду.

Маленькій человѣчекъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— И хорошо едѣваете,—отвѣтилъ онъ почти радостно.—Я уже серьезно началъ беспокоиться. Повѣрьте, Бирезъ сказалъ правду. Это былъ бы только первый шагъ къ гибели, и отъ него вамъ слѣдуетъ воздержаться. Кто знаетъ, можетъ быть за нимъ послѣдовалъ бы второй и третій.—Онъ говорилъ съ такою горячностью, что Сендеръ былъ удивленъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ и принялся за завтракъ.

— Не за что благодарить,—отвѣтилъ Кенонъ послѣнно.— Не стоить,—повторилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я долженъ вамъ сказать это. Меня радуетъ ваше рѣшеніе не ради васъ только,—онъ смутился и покраснѣлъ,—но также и ради меня... То, что я вамъ признаюсь въ этомъ, должно служить мнѣ наказаніемъ за мое безуміе. Итакъ, я радъ, что вы не хотите играть Шейлока у Стэндера, потому что онъ обѣщалъ мнѣ эту роль, а если не мнѣ, то кому играть.

Сендеръ промолчалъ. И что могъ онъ на это возразить? Кенонъ угадалъ его мысли.

— Безуміе, скажете вы. Вчера вы меня видѣли. Правда, я не всегда играю такъ отчаянно. Но тутъ еще этотъ злополучный гримъ... Я придумалъ его очень хорошо, но онъ мнѣ не удался. Это можетъ случиться и съ лучшимъ актеромъ, не правда-ли? Не къ чему врать!—вдругъ переимѣнилъ онъ тонъ, заговоривъ съ большимъ жаромъ:—я играю всегда серьезно, всегда. И все-таки это безуміе, скажете вы. Да, добрый-лишій господинъ: все-таки.—И онъ глубоко вздохнулъ.

— Хорошо, что вы это сознаете,—утѣшалъ его Сендеръ.— А относительно гримировки вы правы.

— Нѣтъ, и въ этомъ я не правъ,—возразилъ Кенонъ.— Если бы я былъ на что-нибудь годенъ, то мнѣ простили бы даже мой носъ. Въ тому же я долженъ быть благоразумнѣе и понять, что такой носъ нельзя исправить при помощи гримировки.—Онъ

почти простоналъ.—Вѣдь это не одинъ носъ; ихъ у меня нѣсколько. Но знаете ли, что меня въ особенности огорчило? Что меня называли: Контъ. Вамъ этого не понять. Кто одаренъ такими носомъ, тому должно бы быть это безразлично.—Онъ опять простоналъ.—У того, такъ сказать, или на лицѣ изображенъ...

— Да вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего поворнаго; право-же,—вставилъ Седеръ.

— Разувѣтся, ничего. И тѣмъ не менѣе... Какъ художникъ, я до известной степени дорожу своимъ эстетическимъ именемъ... Какъ художникъ... нѣтъ, какъ актринка... И все-таки, и все-таки! Но я знаю, кто со мною сыграетъ такую штуку. Это—Гогенейхтъ. Не говорили ли онъ и вамъ, что меня зовутъ собственнѣ: Контъ?

— Не помню,—отвѣтилъ Седеръ, набѣгая сплетень.—Но я очень хорошо помню, что вы сами мнѣ это говорили.

— Вамъ... Вы—товарищъ по ремеслу, да къ тому же еврей. Но публикѣ этого неслѣдуетъ знать; а для нея Амадей Коленъ и хочу, чтобы она меня знала только подъ этимъ именемъ. Вы смѣетесь? Вы правы. И Гогенейхтъ правъ, что сдѣлался моимъ смертельнымъ врагомъ. Я вѣдь вамъ говорилъ: у меня неотвратимая идея опять сыграть Франца Моора. На этотъ разъ я думаю, что дѣло пошло бы на ладъ, и все-таки знаю, что не пойдетъ. Публика будетъ смѣяться и бросать въ меня всякой вонючкой, какъ это разъ уже случилось. Но я не сдаюсь, и когда братъ мнѣ опять приметъ деньги, какъ это было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ—онъ иногда нѣтъ состраданія присылаетъ мнѣ нѣсколько гульденовъ,—то я подкуплю директора, чтобы онъ отнялъ у Гогенейхена эту роль. Стикеръ одинъ разъ уже взялъ деньги, а роль оставилъ Гогенейхену. Это было очень благородно. Не правъ ли Гогенейхтъ, что онъ меня ненавидитъ?

— Что это за личность?—спросилъ Седеръ.—Онъ мнѣ очень не понравился.

Маленькій человечекъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Теперь онъ во всѣхъ отношеніяхъ негодяй. Но онъ сдѣлался такимъ только за послѣдній годъ. Прежде у Надлера онъ былъ куда лучше, хотя онъ также не любилъ поминать о томъ, что тогда онъ назывался Максомъ Буте и что онъ прежде былъ подмастерьемъ у цирюльника въ Лейпцигѣ. Оваривъ онъ былъ всегда, но вообще не дурной человѣкъ, очень ловкій, для цирюльника очень недурно умѣетъ говорить, и какъ актеръ, не безъ дарованія. Негодяемъ онъ сдѣлался только здѣсь: здѣсь все только ложь и обманъ.

— Это я замѣтилъ уже по афишѣ, — сказалъ Сендеръ чисто-сердечно. — Какъ вы, человекъ честный, можете писать такіа афиши? — Онъ ждалъ какого-нибудь поясненія или оправданія. Но ошибся.

— Афиши? — спросилъ Кененъ съ возмущеніемъ. — Что находите вы въ нихъ дурного? Афиши превосходны. Могу смело сказать: ни у одной труппы въ Галиціи нѣтъ такихъ афишъ. Безъ нихъ мы всѣ давно бы умерли съ голода.

— Можетъ быть, — возразилъ Сендеръ съ раздраженіемъ. — Но вѣдь это откровенно, что вы, напримѣръ, вчера составили на одной сторонѣ очень лестную для евреевъ афишу, а на другой — возбудили недружелюбныя чувства противъ нихъ. — И онъ передалъ ему разговоръ съ сосѣдомъ по спектаклю.

— Ну вотъ. И они еще говорятъ о подстрекательствахъ! — Кененъ съ горечью улыбнулся. — Нужно ли подзадоривать христіанъ противъ насъ? Впрочемъ, этого я и не дѣлаю. Я просто указываю имъ, что пьеса написана противъ евреевъ. Это необходимо, потому что иначе никого изъ нихъ не заманить въ театръ. Въ тому же вѣдь вы сами замѣтили, что есть и лестныя для евреевъ вещи, и я ихъ слова не вычеркнулъ (вѣдь я также драматургъ, — прибавилъ онъ съ гордостью), — изъ того, что говорить въ нашу пользу.

— И все-таки это нечестно, — возразилъ Сендеръ. — И почему въ пьесѣ для христіанъ четыре, а для евреевъ пять актовъ,

почему у Моментала для христіанъ семнадцать, а для евреевъ сто семьдесятъ орденовъ, почему для христіанъ деревня находится въ Штиринѣ, а для евреевъ просто сказано, что они, можетъ быть, сами се знаютъ?

— И это спрашиваете вы? — воскликнулъ Кененъ. — Потому что еврей любителю, хочеть получить за свои деньги больше и любить яркія краски. — И онъ пояснилъ докторальнымъ тономъ: — Мы, евреи, народъ восточный, съ сильно развитымъ воображеніемъ.

Сендеръ пожалъ плечами. — Я остался при своихъ мнѣніи, — рѣзко проговорилъ онъ. — Впрочемъ, тамъ еще много такого, чего я никакъ понять не могу. Почему вы даете мужскимъ статистамъ и тѣмъ, кто играетъ двойныя роли, еврейскія и христіанскія имена, какъ это и слѣдуетъ, между тѣмъ какъ женщины по обѣимъ сторонамъ играютъ христіанскія имена?

Кененъ усмѣхнулся. — Это очень тонкая штука, которую я придумалъ, — сказалъ онъ съ гордостью. — Еврей, повторяю, любителю, и поэтому я выбралъ имена, очень распространенныя въ нашемъ городкѣ: Кофъ, Левя, Зильберштейнъ, Гиритъ. И вотъ когда является какой нибудь Зильберштейнъ подъ видомъ полового, то еврейскіе интересно посмотреть, что будетъ, потому, что здѣшняго старшину зовутъ Зильберштейномъ. Съ другой стороны никто изъ нихъ не повѣритъ, чтобы честная еврейская женщина выступила на сценѣ, и поэтому было бы бесполезно давать статистамъ еврейскія имена... Это тонкая штука, добрыйшій господинъ, и она служить большой прищанкой.

Сендеръ больше не возражалъ. На него производила странное впечатлѣніе эта двойственность, это притворство и гордость, эта щепетильная честность и изощренное плутовство. Молча приблизился онъ къ столу Кенена и прочелъ афишу, предназначенную для Борцова. Дирекція театра была обозначена такъ же, какъ на первой афишѣ. Это такъ его разозлило, что онъ всплилъ.

— Господинъ Кененъ, — сказалъ онъ: — вы такъ хорошо и съ признательностью отзывались о Надлерѣ; зачѣмъ же вы крадете у

него имя? Со стороны, предназначенной для евреевъ, на афишѣ значится даже: „Директоръ Надлеръ, теперь онъ называется Стиклеръ“. Можно подуматъ, что Надлеръ перемѣнилъ фамилію.

— Это ужъ не моя вина, — утѣрялъ маленькій человѣчекъ. — Тутъ я исполняю приказаніе Стиклера. Это очень важно, въ особенности для евреевъ, среди которыхъ Надлеръ очень популяренъ. А вѣдь я ѣмъ хлѣбъ Стиклера.

— Но вѣдь всему есть предѣлъ. Вотъ хотя бы вчерашнюю непрямичную рѣчь вы не должны были изображать, хотя бы онъ вамъ десять разъ приказывалъ.

— Этого потребовала *она*, — процитала Бененъ.

— Шенау?

Маленькій человѣчекъ кивнулъ головой, сильно покраснѣлъ и низко наклонился надъ столомъ.

— Что *она* приказываетъ, я долженъ исполнить... Еслибы она мнѣ сказала: „Конечнъ, бросьтесь въ Днѣстръ“ — я бы это сдѣлалъ.. И — онъ тяжело выдохнулъ — это было бы для меня далеко не такъ тяжело, какъ писать такіа афиши отъ ея имени...

— Боже! — воскликнулъ Сендеръ. — Что вы говорите?

Ему вдругъ стало ясно, чѣмъ завлекъ къ себѣ Стиклеръ этого несчастнаго. — Вы любите эту тварь? — спросилъ онъ.

Бененъ ничего не отвѣчалъ. Только дыханіе его ускорилося, и на бумагу скатилась крупная слеза, которая, слѣзавшись съ тушью, расплзлась по ней пятномъ. — Извините, — пробормоталъ онъ: — но это выше моихъ силъ... Я уже давно не говорилъ объ этомъ съ человѣкомъ, ко мнѣ расположеннымъ. Въ они только издѣваются надо мною, и они, конечно, правы...

Онъ отвернулся и уткнулся лицомъ въ уголъ. По судорожнымъ движеніямъ плечь Сендеръ угадалъ, что несчастный рыдаетъ. Онъ хотѣлъ сказать ему что нибудь въ утѣшеніе, но эта любовь казалась ему слишкомъ отвратительною и непонятною.

Наконецъ маленький человѣчекъ успокоился.

— Я знаю, что вы думаете, — сказалъ онъ: — „его настоячи-

вое стремленіе быть актеромъ—безуміе; но любить такую особу, любить всей душой, это просто—ношность^а. И все-таки отъ этого мнѣ также не изгнаться никогда. Однажды добрякъ Надлеръ сказалъ мнѣ: „Я возлагаю надежду только на то, что горячка долго не продолжается“. Но съ тѣхъ поръ прошло уже три года...

— Три года!..

— Да. Тогда это только началось. Весною 1850 г... Мы были въ Лайбахѣ... Тогда она только что пріѣхала къ намъ съ Виркомъ. Онъ былъ ея любовникомъ, но не первымъ... Вообще я не думаю, чтобы этотъ несчастный былъ много виновать. Для этого онъ слишкомъ благороденъ и великодушенъ. Онъ разорился изъ-за женщинъ, а онѣ скорѣе его эксплуатировали. Трудно, конечно, повѣрить, что онъ въ свое время былъ одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ актеровъ и красавецъ-мужчина и къ тому же не такъ давно. Еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ первымъ любовникомъ на сценѣ вѣнскаго Буртеатра, и онъ еще не старъ: ему всего сорокъ пять лѣтъ. Но женщины, добрый господи, женщины! Онъ имъ всемія пожертвовалъ: и положеніемъ, и здоровьемъ, и талантомъ. Развратникъ, скажете вы, и по дѣломъ ему. Конечно, это такъ. Но все-таки глубоко жаль человѣка, особенно, когда подумаешь, чѣмъ онъ еще былъ три года тому назадъ въ Лайбахѣ! Ради него Надлеръ тогда пригласилъ Шенау: она была еще начинающая. Ея настоящая фамилія: Элиза Шютцъ. Она — дочь тропаускаго чиновника. На семнадцатомъ году ее обольстил какой-то офицеръ, и съ тѣхъ поръ она надала все ниже и ниже. Наконецъ Виркъ познакомился съ нею во время своихъ гастролей и увезъ ее съ собою. Нечего и говорить, какъ хороша она была тогда. Я былъ всегда равнодушенъ къ женщинамъ, но въ нее влюбился съ перваго же взгляда до безумія. Разумѣется, она поднала меня на смѣхъ, но несмотря на это, а также несмотря на то, что я скоро замѣтилъ, что она обманываетъ Вирка, я все больше влюблялся въ нее. Такъ продолжалось два года. Талантъ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и порочность,

очень развалился. Что я тогда выстрадалъ,—объ этомъ не могу и говорить. Наконецъ Надлеръ мнѣ сказалъ: „Пока вы будете при театрѣ, вы не образумитесь“,—и тому подобное. Но Стиглеръ уговорилъ меня: „Поѣдемъ со мною (въ первый и единственный разъ онъ говорилъ тогда со мною на „ти“, морзавецъ): ты будешь видѣться съ нами каждый день; соперниковъ у тебя не будетъ“. И что же вышло? Еще годъ пятки... О, господинъ, дорогой господинъ, едва ли кто другой выстрадалъ такъ много.

Сендера глубоко растрогала этотъ рассказъ: никогда не встрѣчалъ онъ такого безумнаго гора.

— Этому надо положить конецъ,—сказалъ онъ.—Я поговорю съ Надлеромъ: можетъ быть онъ васъ пригласитъ опять. Тогда у васъ хоть будетъ утѣшеніе, что вы останетесь при театрѣ.

Коненъ схватилъ его руку.—Благодарю васъ,—сказалъ онъ.— Вы добрый человекъ. Надлеръ, можетъ быть, изъ состраданія согласится исполнить вашу просьбу. Но... теперь ужъ поздно.

— Теперь?

Коненъ зашатался. Лицо его сдѣлалось мертвенно блѣдно, и онъ скалъ кулаки такъ крѣпко, что ногти врѣзались ему въ мясо. Съ опущенными глазами онъ прошепталъ едва слышно:

— Все эти годы я только и думалъ: „Еслибъ мнѣ удалось хоть одинъ разъ обнять ее, можетъ быть, все безуміе прошло бы“... И вотъ вѣскольکو мѣсяцевъ тому назадъ... ми были въ Коломбѣ... братъ прислалъ мнѣ денегъ...

Онъ глухо зарыдалъ и закрылъ лицо руками.

— Теперь поздно... Теперь я готовъ былъ бы совершить преступленіе, чтобы опять добыть денегъ...

— Ужасно!—прошепталъ Сендеръ. Онъ отвернулся, не находя даже словъ. Коненъ также умолкъ.

Дверь отворилась, и въ коннату вошелъ Гегенхайнъ. Съ распростертыми объятіями направился онъ къ Сендеру.

— Душа моя, дружище, ледоходъ благоприятствуетъ намъ. Ты долженъ ѣхать съ нами въ Боршцовъ... Говорю тебѣ...

Но Сендеру было не въ силахъ слушать его болтовни; онъ поспѣшилъ удалиться. Когда онъ проходилъ мимо № 3 онъ встрѣтился какъ разъ лицомъ къ лицу съ Шенау, одѣтой въ то же свѣтлое платье, въ какомъ она была наканунѣ вечеромъ.

— Здравствуй, юноша, — привѣтствовала она Сендера, потрепавъ его по щекамъ. — Есть у тебя билетъ на сегодняшній спектакль? Постой, я тебѣ его подарю.

Она вернулась въ свою комнату, а Сендеръ, словно опасаясь отъ страшной опасности, убѣжалъ къ себѣ и заперся на задвѣжку.

Къ полудню, однако, онъ вынужденъ былъ сойти внизъ. Но ему подали обѣдъ въ отдѣльную комнату и онъ строго приказалъ половому не говорить объ этомъ актерамъ. Однако Шенау все-таки его отыскала. Не успѣлъ онъ добѣсть своего обѣда, какъ она вошла въ комнату въ сопровожденіи директора.

— Вотъ онъ, бѣглецъ! — воскликнула Стиклеръ. — На этотъ разъ вы отъ насъ не увернетесь.

— Нахаль! — воскликнула съ своей стороны Шенау. — Какъ убѣжалъ онъ отъ меня! И къ этому вообще не привыкла. Развѣ я въ твоихъ глазахъ такая безобразная?

Сендеръ пробормоталъ въ замѣшательствѣ, что онъ не хотѣлъ ее безноводить. — А въ Борщовъ, — прибавилъ онъ: — я ни въ какомъ случаѣ не поѣду.

— Та-та-та! — воскликнула Шенау. — Если я захочу, то на своемъ поставлю.

Но Стиклеръ сталъ его упрямить. — Почему же нѣтъ? Вѣдь вамъ раньше середи не перебхать Дибетръ. Проведете ли вы это время здѣсь или въ Борщовѣ, — не все ли равно для васъ и для за-шего директора? А у насъ вы можете играть, заработать деньги и заручиться благосклонностью публики.

— Все равно, я не могу ѣхать, — отвѣтилъ Сендеръ. — Къ тому же вѣдь я еще вчера вамъ говорилъ, что не могу рутаться, что справлюсь съ ролью.

— Прекрасно. Такъ мы васъ прѣвзаменуемъ. Тильдохтъ, вели воѣмъ собраться наверху, а Кенону принести книгу.

Стиклеръ взялъ Сендера подъ руку и потащилъ къ двери. Сендеръ не зналъ, какъ поступить: согласиться ли читать или убѣжать. Онъ уже готовъ былъ рѣшительно отказать, какъ вдругъ въ комнату вошелъ Биркъ. Видъ у него былъ все еще утомленный, хотя болѣе бодрый, чѣмъ наканунѣ.

— Уступите, — сказалъ онъ ему: — что вы отъ этого потеряете? Я видѣлъ въ этой роли большихъ артистовъ, наприимѣръ Лудвига Девриена, и еще недавно Дависона. Вытъ можете, я могу принести вамъ нольку кое-какими указаніями... Надлеръ неоднократно говорилъ мнѣ о васъ, и вы меня интересуете.

Сендеръ уступилъ. Они отправились въ залу. Актеры разшѣстались въ партеръ, Стиклеръ занялъ мѣсто на сценѣ съ книгою въ рукахъ возлѣ Сендера, чтобы читать другія роли. У Сендера сердце билось такъ сильно, что онъ дышалъ съ трудомъ. Онъ зналъ свою роль наизуотъ, какъ утреннюю молитву, да и партеръ Маріанъ очень хвалилъ его за исполненіе, тѣмъ не менѣе ему казалось, что онъ не въ состояніи будетъ промолвить ни слова.

Однако, дѣло пошло на ладъ. „Три тысячи думатовъ... Хорошо“... — эти начальныя слова онъ пробермоталъ еще почти невнятно. Но постепенно голосъ его становился тверже, онъ принялъ ту же интонацію, которую онъ себѣ усвоилъ въ монастырѣ, а затѣмъ и осанку, и жесты. Онъ исполнялъ роль все лучше и лучше, онъ самъ это чувствовалъ. Авторы, сидѣвшіе въ партерѣ, склонили другъ къ другу головы и перешептывались; онъ зналъ, что это были не насмѣшки. Стиклеръ очевидно былъ пріятно удивленъ, и когда Сендеръ произнесъ длинную рѣчь, обращенную къ Антонію, онъ принялъ въ истинное изумленіе. „Чортъ побери!“ — воскликнулъ онъ, — и далъ рожнику взволнованный голосомъ.

Когда первая сцена кончилась, онъ схватилъ Сендера за руку и сказалъ: — Молодой человекъ, гдѣ вы этому научились?

Всѣ апплодировали, за исключеніемъ Кенона и Бирка. Ма-

ленькій человѣчекъ сидѣлъ, поидкнувъ головой, а Бартъ весь выпрямился; глаза его блестѣли, но онъ не произнесъ ни слова.

Еще больше впечатлѣнія произвела слѣдующія сцены. Все сидѣло становилось Сендеръ, и слова таять и лились съ его усть. Когда онъ дошелъ до словъ: „Если это никого не насчититъ, то насчититъ моя жажда мести“, — мѣсто за второю его особенно хвалилъ патеръ Маріанъ, онъ забылъ, гдѣ и что онъ, и чувствовалъ себя только Шейлокомъ, евреемъ на Ріальте въ Венеціи.

Но какъ разъ въ концѣ рѣчи, гдѣ Шейлокъ говоритъ: „Злобой, которой вы меня обучаете, я вспоминаюсь“... — онъ чуть-было не сбился. Слова замерли у него на устахъ, кровь прилила къ сердцу: весь поблѣднѣвъ и съ испуганными глазами смотрѣлъ онъ въ партеръ. Случайно взглянулъ онъ туда и увидѣлъ... Малку. Это была не Шенау, а настоящая Малка, которую онъ такъ passionately любилъ. Съ серьезнымъ лицомъ, выражавшимъ глубокое вниманіе, съ глазами, устремленными на него, сидѣла молодая актриса, — это была не она, это была Малка... Съ трудомъ оторвалъ онъ взглядъ отъ нея и уже болѣе смертнѣлъ въ ея сторону... Только въ концѣ суда увѣренность снова вернулась къ нему.

— Молодой человѣкъ, да вы большой актеръ, — сказалъ ему Отвилеръ, когда Сендеръ кончилъ. — И вы не рѣшаетесь сыграть Шейлока въ Ворицовѣ?... Изъ тысячи начинающихъ найдется одинъ такой, какъ вы.

Другіе также приближались и поздравляли Сендера. Грончо и болѣе всѣхъ говорилъ Гоговайхенъ. Онъ собирался обвѣсть Сендера, когда подошла Шенау.

— Попрядорки свой языкъ, — обратилась она поводитительно къ своему жениху. — Отойди, Онъ не нуждается въ твоей похвалѣ. — На ея лицѣ появилась непримичная серьезная, даже жесткая черточка. — И въ моей также. Проверивъ это, она повернулась и ушла. Съ изумленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ Сендеръ и затѣмъ началъ пошатъ глазами Бенриа. Маленькій человѣчекъ все еще неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, сложивъ голову на грудь.

— Какъ хотите, а я васъ до нущу! — воскликнулъ Отклеръ. — Хотя одинъ разъ я хочу жить такого автора въ моей труппѣ. Вамъ почти можно учиться.

Тутъ подошелъ Биркъ. — Напретивъ, — рѣшею просеверилъ онъ. — Въ театральскомъ отношеніи ему еще много надо научиться, но не въ этомъ дѣлѣ... Вы можете научиться. Если съ васъ не выйдетъ ничего замечательнаго и великаго, то прѣрета тутъ не при чемъ. Вспомните это. Надѣюсь, что вы когда нибудь скажете дашникъ товарищамъ на Бургтестру: „Мнѣ сказалъ это Биркъ за нѣсколько недѣль до своей смерти“...

Онъ пошелъ головой и, жатаясь, пошелъ изъ комнаты.

— Пять гульденовъ, Бурландеръ! — воскликнулъ Отклеръ. — Даровой провадъ, даровое помещеніе. На одинъ вечеръ.

Но Сендеръ вырвался отъ него и убѣжалъ въ свою комнату. Тамъ онъ пресидѣлъ два часа на чреслахъ въ бычьишия сардановъ, съ пылающими щеканн, съ головою, отуманенною мечтани и полной душою. Никогда потомъ онъ не забудетъ этого отношенія.

VIII.

Гулъ набата востановилъ его думать въ себя. Къ его протяжнннгу, какъ волн, звукамъ приближался гулъ, непроницаемый грохотъ, словно шума гигантскаго водопада. Сендеръ бросился на улицу по направлению къ рѣкѣ, „Рѣка вскрывается! Рѣка вскрывается!“ — гремятъ сотни водопадовъ.

Какъ ошеломленный, смотрѣлъ Сендеръ на развертывавшееся передъ нимъ величественное зрѣлище. Бастионъ походилъ на полуостровъ, далеко вдававшійся въ море. Когда ураганъ разнтрается шль старъ, онъ бужуветъ тамъ водопада, какъ эта дикая торная рѣка, которая, разливъ сневышавшую ее жору на бесчисленное множество ручьевъ, мелеоса ихъ по своему теченію, то высоко поднимая ихъ, то погружая въ глубину и разбивая ихъ въ дребезги. Наметра на безостановочно движнцій дашъ, окутывавшій все далекое пространство даль бы дикой, можно было ясно

различить сверху рѣку, и на ее поверхности возмывавшіяся, колыхавшіяся, беспорядочно нагроможденные другъ на друга блаватныя, зеленоватыя и темныя глыбы льда. Что за очертанія, что за краски! Вотъ, тихо покачиваясь, движется тонкій, даже изощренный стержень изъ свѣтло-голубаго кристалла, и вдругъ онъ наталкивается на сѣрье, поуклюжее чудовище, опрокидывается и разлетается на куски. Вонъ тамъ плавно и спокойно движется гигантская плоская глыба, устранивъ и толкая все всторѣхъ на своемъ пути, пока наконецъ сама не натолкнется на маленькій, тонкій рифъ, быть можетъ, на подводный камень и останавливается. Вторая глыба, слѣдовавшая за нею, надвигается на нее, на вторую третью, затѣмъ четвертую; онѣ нагромождаются другъ на друга до тѣхъ поръ, пока камень не подается, и все зданіе распадается. Между ними быстро плывутъ, словно рыбы, длинныя кусочки льду; играя, медленно несутся рѣдкими шаровидными кудрями, а на нихъ надвигаются безформенныя горы.

Среди всей этой массы льда, принимавшей смѣлыя разнообразныя очертанія, видѣлись всевозможныя предметы, унесенныя водою: стволы деревьевъ, лодки, соломенные крыши, бревна отъ мостовъ, кровать, на которой еще лежали тифлитъ съ подушками, пустая люлька, изъ которой матери, можетъ быть, во-время удалося вырвать ребенка, а можетъ быть, и его унесло волнами...

Какая ли сильно было впечатлѣніе, которое производило это зрѣлище, однако шумъ, сопровождавшій его, внушалъ просто ужасъ. Стукъ, трескъ, шипѣнье, грохотъ, — непрерывный, оглушительный, словно міръ долженъ былъ рушиться и все созданное руками человѣка погибнуть...

Сендеръ по призыву другихъ также заткнулъ себѣ уши пальцами, но — странное дѣло! — теперь онъ какъ будто слышалъ этотъ шумъ всѣмъ своимъ тѣломъ, онъ принималъ въ него такъ сильно, что руки невозможна снова опускались.

Среди этого хаоса зучка людей храбро отставала дѣло рукъ своихъ отъ грозившаго ему разрушенія. Дома, расположеннаго внизу,

«Были теперь луты, а что тамъ еще оставалось живого, то уже безповоротно погребло,—поэтому саперы направили всё свои усилія на спасеніе моста. Онъ еще стоялъ на нѣтъ и былъ поднятъ на столько высоко, что волны и небольшіе куски льда могли свободно проходить подъ нимъ; но большія ледяныя глыбы собирались возлѣ него и кристаллы въ сплошныя массы. Странное и въ то же время возмущенное зрѣлище представляли эти синія блузы и черныя каски, мужественно работающіе по волѣ въ водѣ и рубившіе топорами глыбы льда. Но имъ удавалось откалывать сравнительно лишь небольшіе куски, между тѣмъ какъ гора все росла и росла, и тотчасъ же прибывало все плотнѣе къ мосту...

Вдругъ на бочкахъ поднялись десятки рукъ, и всё указало по направленію къ мосту: что тамъ собирались дѣлать саперы, что это значить? На мосту были устроены нескількіе подмостки и къ нимъ прикрѣплена длинная раздвижная лѣстница, достигавшая до вершины ледяной горы. Нѣсколько людей взобрались на нее, легли кивками на вершину горы и поехали дальше. Что они тамъ дѣлали, трудно было различить сквозь дождевую дымку. Затѣмъ они поползли назадъ и взобрались обратно на мостъ. Всѣ саперы отошли отъ этого мѣста къ передней части моста. Затѣмъ раздался оглушительный трескъ, гигантская гора покачнулася, нѣсколько глыбъ вылетѣло на воздухъ, гора опустилася и рухнула. Саперы потрусили въ воду икну въ непроицаемъ для воды футлярѣ, и теперь они уже опять стояли на мосту.

На этотъ разъ опитъ удался, но чѣмъ онъ кончится въ слѣдующій разъ? Сверху уже надвигались новыя массы льда, еще белѣе грѣяныя. Онѣ видѣлись еще неясно, такъ какъ наступали сумерки. Фигуры солдатъ на мосту были также плохо видны. Близилася ночь, эта спутница всякаго несчастія.

Съ трепетомъ смотрѣлъ Сендеръ внизъ. Какъ ни былъ онъ заинтересованъ судьбою моста, однако до сихъ поръ онъ все думалъ о себѣ лично. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его отгѣснили назадъ. Раздался трубный сигналъ; страдъ пѣхоты ~~опередилъ~~

бастіонъ и медленно отодвигала толпу по направлению къ городу.

Когда Сандеръ очутился въ узкой улицѣ, его кто-то облепнулъ. Онъ оглянулся: это были адвокаты.

— Плохо дѣло, г-нъ Курландеръ. Бастіону не угрожаетъ опасность; его очистили чтобы укрѣпить на немъ ракетный станокъ для сшибленія моста; но уцѣлѣть ли мостъ,—это еще вопросъ. О томъ, чтобы разобрать его, уже поздно думать.

На обратномъ пути Сандеръ обдумывалъ свое положеніе. Если мостъ будетъ снесенъ водою, то ему придется выжидать въ городѣ цѣлую недѣлю: средствъ у него для этого не хватить. Никакой другой помощи, какъ отъ Надлера, ему ничего ожидать. Стало быть, ему необходимо обратиться къ нему. Онъ это и сдѣлаетъ, какъ только снесетъ мостъ. Надлеръ ему не откажетъ. Обратиться къ нему конечно не несчастіе, но все таки тяжело.

Вернувшись къ себѣ, онъ принялся сушить свое промокшее платье у печи. Его расположеніе духа было очень унылое, особенно потому, что у него возобновилась боль въ груди. Мало ли было однако этому удивляться? Вѣдь онъ провалялся подлѣ на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ. Въ театръ онъ рѣшилъ не идти. Но по мѣрѣ того, какъ время приближалось къ семи, когда назначено было начало спектакля, онъ становился все непріятнѣе. Чѣмъ ему было наполнить время и къ тому же... пропустить представленіе, это казалось ему почти грѣхомъ.

Ровно въ семь часовъ, онъ былъ уже у каски и бралъ себѣ билетъ. „Темесварская жемчужина“, одѣтая на этотъ разъ въ костюмъ г-жи Зефиръ изъ „Чертнаго Фидуса“, рѣшительно отказывалась взять плату—сорекъ крѣпкороль.

— Вы нашъ товарищъ: къ тому-же мѣста всѣ почти раскуплены, но многіе по всей вѣроятности не придутъ...

Онъ вынулъ изъ кармана и вошелъ въ театръ. Публика было действительно очень мало, и до самаго окончанія спектакля не собралась половины. Когда заигралъ оркестръ,—сиделка, флейта,

контрабасъ и турецкій барабанъ, — она, сидя передъ занавѣсомъ, предаваясь мечтамъ о Бургтектрѣ, давно давеча въ своей комнатѣ... Однако, когда занавѣсъ вѣсився, она весь превратилась въ слухъ. Игра Стинлера въ роли Финса: вѣско не показалась ему величней; какъ когда-то Юттъ, но за то третій актъ „Марія Стюартъ“ сильно заинтересовалъ его. Правда, Елизавета (Линденъ) и Мортиноръ (Готсвейденъ) были отратительны, но глядя на Шенау, онъ опять долженъ былъ сказать себя: „Жаль ея, оченъ жаль“. Вѣдвико Кашна въ роли „Надмота“ опять привѣтствовали свѣсомъ. Послеъ того, какъ были исполнены другой фарсъ „бессмертнаго“ Жоцбу съ Оттилеромъ, Готсвейденомъ и Шенау, должны были начаться декламации и пѣсни. Не едва проговорила Шенау первая строфа „Нарчати“, какъ вдругъ раздался звукъ набата, нѣсколько рѣзвилъ ударовъ, и затѣмъ все смолкло.

Нублина вспомила и бросилась къ выходу. Вѣсь поняла, что означали эти короткіе удары: мостъ былъ разрушенъ. „И трое санеровъ погибше!“ — слышала Сендеръ уже въ воротахъ. На улицѣ говорили уже о десятѣ санеракъ. Ночь была безпростафилъ, и дождь лилъ какъ изъ ведра. Сендеръ вернулся домой.

Въ столовой не было еще никого изъ авторовъ. Она теропливо проглатала нѣсколько кусковъ, спросила у палового чарниа и перо и пошла въ свою комнату писать письмо Надлеру. „Да, да, Москаль, — писалъ онъ собакѣ, — теперь мы должны просить денегъ, входить въ долги“.

Едва успѣлъ онъ написать нѣсколько строкъ, какъ кто-то постучалъ въ дверь, и прежде чѣмъ онъ сказалъ: „вѣдвико“, — онъ увидѣлъ Шенау. Вѣсь вскинувшись, онъ вскочилъ.

— Не краснѣйте, — сказала она: — и не прогоняйте меня. Я вѣсь не укушу, даже не имѣю охоты пофлювать. — Она проговорила эти слова полу-шутя, полусерьезно, но затѣмъ, затворивъ за собою дверь, она продолжала уже въ серьезномъ тонѣ:

— Я пришла въ вѣсь по порученію Стинлера. Вамъ извѣстно, чему онъ отъ вѣсь хочетъ. Это человекъ дрянной, но свое

слово онъ дерзнуть. Впрочемъ, въ противномъ случаѣ ему пришлось-бы нѣтъ дѣло со мною. Мостъ сдѣланъ, и здѣсь вы истратите свои послѣдніе гроши, если только: они у васъ есть. Вашъ отказъ былъ бы неблагодаренъ. Чего вы собственно боитесь? Трушны? Отъ одного раза вы не запачкаетесь. Мелка! — Она рѣзко засмѣялась и потомъ заговорила опять серьезно: — Я вамъ ничего не сдѣлаю. Если бы я хотѣла, вы были бы черезъ двѣ минуты у ногъ моихъ здѣсь, — сказала она съ угрозою въ голосъ, указывая на полъ: — и могли бы о насковомъ взглядѣ. Но я не хочу этого. Какова бы я ни была, но одно внушить мнѣ уваженіе, это — талантъ. „Ты ошибаешься, — сказала я Стиллеру: — его я не возьму на свою совѣсть“. Итакъ, что ему сказать?

— Что я не пойду, — отвѣтилъ Сандеръ твердымъ голосомъ, но избѣгая смотрѣть на нее: сдѣла ея онъ не боялся, но не могъ устоять передъ ея серьезнымъ видомъ. Лицо у нея было теперь опять такое же, какъ во время пробы. — Извините, но я не могу...

— Почему же? Трушна васъ пугаетъ? Но это не должно васъ останавливать. Вѣдь и величайшіе актеры начинали съ этого...

— И этикъ кончали, — прервалъ онъ. — И сколько погубило такихъ образомъ дарованій, изъ которыхъ могло бы все что выработаться! Мой учитель рассказывалъ мнѣ много такихъ приговоровъ, о которыхъ онъ вычиталъ въ одной книжкѣ.

— За приговорами нечего обращаться къ книгамъ, — рѣзко засмѣялась она: — живой приговоръ вы видите теперь передъ собою. Но что вамъ до этого за дѣло?

Онъ опустил глаза. — Я не знаю, — сказала онъ тихо. — Мнѣ страшно... Но если вы сами видите... что вы... У васъ большой талантъ — голосъ его звучалъ все увѣреннѣе и дружественнѣе — а ваша жизнь здѣсь не можетъ доставлять вамъ удовольствія... Вы могли бы играть на большой сценѣ. Отчего вы ушли отъ Надлера? Это очень жаль... Но вѣдь еще не поздно...

— Вы ошибаетесь, — возразила она: — теперь поздно... Я застряла въ грязи по самое горло, со всѣми конями помислами. Я

уже не могу разучить ни одной роли: эти дивныя мысли тутъ какъ тутъ. И какъ только на сценѣ я отдаюсь своей роли, тогда вдругъ забывъ бросить взглядъ въ партюру... Это, впрочемъ, ужъ неудивительно! на мнѣ уже столько грязи, столько грязи...

— Не говорите этого, — сказала онъ умоляющимъ голосомъ: — это такъ грустно... Но если бы вы повали на диванъ сейчасъ. Можете бытъ, къ Надлеру...

— Онъ меня не возьметъ. И онъ драги. Я уже какъ-то писала ему изъ Хоростова. Въ то время одна себя, такъ же, какъ вы теперь, старалась поставить меня на путь истинный... одна дѣвушка... дочь тамошняго трактирщика...

Сендеръ встреонулся.

— Вы, можете бытъ, ее знаете? спросила она. — Ея зовутъ, кажется, Зальменфельдъ.

— Да, — отвѣтилъ Сендеръ: — мнѣ случалось встрѣчаться съ нею. Это хорошая, умная дѣвушка.

— Да, это правда, не только лицомъ красивая. Она говорила такъ интересно, точно книга. Но все-таки она добрая дѣвушка. Такъ вотъ, но ея настоянню, я писала Надлеру. Никакого отвѣта. Тѣмъ не мѣнѣ дѣлательно подѣляю надеждъ я сдѣлала еще попытку. На этотъ разъ я получила — каторжническій отвѣтъ.

— Однако, если я его поврону... вѣдь таланты такая рѣдкость... — сказала Сендеръ робко.

— Благодарю васъ. Но это было бы бесполезно... И такъ, что передать отъ васъ директору? Мнѣ уже пора... Сегодня опять уйдеть въ отдѣльной домнатъ. — У нея снова вырвался жороткій, рѣвскій смѣхъ. — Вы видите, что Надлеръ былъ правъ.

Неприятное чувство овладѣло имъ. — Я не поѣду, — отвѣтилъ онъ. Она покачала головой. — Но право же, это совершенно безразудно. Подумайте хорошенько до завтрашняго утра. Намъ отвѣдать назначенъ въ шесть часовъ, но намъ едва ли выбраться раньше восьми. До свиданія!

Она протянула ему руку. Онъ корѣшительно коснулся ея паль-

цель. Но она удержала его руку и горячо сказала. — Прощайте. Мы еще ли еще раз увидимся. — Голосъ ея дрогнулъ. — Висъ нехотъ; нѣ доведется разсказать... Вадоръ, — прерывающа ея тономъ: — черезъ годъ жена не будетъ въ живыхъ... Прощайте.

Онъ вышелъ. Глубоко взволнованный Сандеръ смотрѣлъ ей вслѣдъ и затѣмъ, прижавшись за письмо въ Надюру, долго не могъ дописать его. Онъ чувствовалъ большую усталость, но спать онъ все-таки не могъ. Въ тому же въ его ушахъ безпрестанно раздавался ея рѣзкій, отрывистый смѣхъ.

На другой день его разбудилъ стукъ въ дверь. Виле семь часовъ. „Стиклеръ“, — подумалъ онъ и встаетъ.

Это былъ действительно Стиклеръ.

— Коллега... Слышите? Не притворяйтесь ничего. Любезный Курлендеръ. Шесть гульденовъ, если нужно. Но только ядешь.

Сандеръ нехотъ.

— Семь гульденовъ.

Затѣмъ онъ слышитъ, какъ Стиклеръ удалился съ бранью.

Послѣдно одинокъ, Сандеръ прочитаетъ свои утреннія молитву и торжественно поздравляетъ.

— Все авторы были очень недовольны, что вы отказались взять съ меня, — слышитъ ему хандеръ. — Только Келенъ поручилъ вамъ сказать, что вы хорошо поступили.

Сандеръ поспѣшилъ на почту, чтобы отправить записку писаво. Когда онъ объяснилъ, что желаетъ вѣстие дополнительную плату, то чиновникъ отвѣтилъ ему съ улыбкой:

— Ну, это бесполезно. Мы можемъ отправить письмо только черезъ Галичъ или Коломну. Оно не будетъ въ Черновцахъ раньше четырехъ дней.

Сандеръ испугался. Объ этомъ онъ не подумалъ!

— Въ такомъ случаѣ я отправлю телеграмму, — сказалъ онъ.

Онъ принялся составлять телеграмму, но въ своемъ смущеніи не могъ найти краткихъ выраженій и все начиналъ съяснова.

— Ступайте домой, — обратился къ нему чиновникъ, — и со-

ставьте тамъ телеграмму. Пропущенія отъ этого никакого не будутъ. Велѣдентіе наводненія пострадала также и телеграфная линия. Поэтому мы должны послать денегъ большими обходами черезъ Венгрію и Трансильванію. Вотъ и тутъ лежитъ цѣлая куча служебныхъ денегъ, которыхъ нельзя отправить.

Сендеръ ушелъ глубоко опечаленный. Небольшо шлоя его направились по знакомой дорогѣ къ бастиону. Недалека, уезжая, онъ гроботъ и носокъ волкъ. Ледоходъ на весь протяженіи рѣки, куда только хваталъ глазъ, былъ въ пейномъ разгарѣ. Среди ледяныхъ глыбъ то и дѣло мелькали бревна и обломки. Отъ моста уцѣлѣлъ одинъ столбъ, къ которому была прикрѣплена цѣпь; другой столбъ свалился въ рѣку. Дождь прекратился и уже не застилалъ безпредѣльнаго воднаго пространства.

Медленно пошелъ онъ обратно къ кюстиницѣ и остановился у воротъ. Въ это время мимо него проходила Грицко. Онъ остановился, снялъ шапку, почесалъ за ухомъ и сказалъ наизусть:

— Извините, пожалуйста, господинъ... но мнѣ бы хотѣлось спросить... Не вы ли... извините... негодяи-евреи въ Барнавъ, переодѣвшіеся въ актера? Я долженъ его арестовать.

Сендеръ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ; но смелость придавала ему мужество. — Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — Тебя ухитилъ уже вчера вечеромъ въ Львовъ.

— Слава Богу, — сказалъ Грицко радостно. — Господинъ бургомистръ будетъ также очень радъ. „По закону, — говоритъ онъ Эмльберштейну, — я не имѣю никакого основанія для ареста и этихъ только нажму себя клеветы.“ Что барновскіе евреи хотѣтъ, этого еще недостаточно“. Не такъ какъ Эмльберштейнъ настаиваетъ — онъ просилъ еще третьяго дня и опять сегодня — то онъ наконецъ сдѣлался. „Пожалуй, — говоритъ онъ, — мы арестуемъ этого молодца и препроводимъ къ вамъ, въ Барновъ. Грицко, — говоритъ онъ, — тебѣ теперь все равно нечего дѣлать; вѣдь мостъ снесло“. Итакъ, онъ теперь во Львовѣ?

— Да, — отвѣтилъ Сендеръ: — онъ уѣхалъ на почтовыхъ. Если вы туда телеграфируете, то можете его еще задержать.

— Это нуль дѣлать еврей. Намъ по должности это уже не касается. „Я ково новаго дѣла, — говоритъ Эмилберштейнъ. — Никто, кромя хавиды, объ этомъ не знаетъ, и народъ ничего не подозреваетъ“. А вотъ и проищаль... ха-ха-ха! Очень вамъ благодаренъ, господишь.

Онъ съелъ соломонную идию, отвѣдилъ поклонъ и ушелся.

Съ глубокимъ вздохомъ посмотрѣлъ Сендеръ ему вслѣдъ. Затѣмъ онъ бросился въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ готовъ былъ къ отъѣзду. Онъ положилъ одинъ гульденъ на столъ. Это была плата за комнату, — больше она ни въ какомъ случаѣ не могла стоить. Осталось только выйти изъ дома незамѣченныиъ. Онъ прескочнулъ на черную лѣбенницу, а за нимъ послѣдовала собака, словно вѣдая, въ чемъ дѣло, поджать хвостъ. Черезъ дворъ промелькнулъ онъ на улицу и, не обращая вниманія на направленіе, лишь бы вырваться изъ вередъ, пошелъ куда глаза глядятъ. Наконецъ онъ очутился у какой-то заставы.

— Куда идетъ эта дорога? — спросилъ онъ у сторожа.

— Въ Вермелъ, — отвѣтилъ тотъ.

Съ минуту Сендеръ колебался, затѣмъ пошелъ дальше. „Внѣ сомнѣнь, это самый лучший исходъ, — подумалъ онъ. — Цѣль гульденовъ у меня еще осталось; если гульденовъ мнѣ заплатить Стиллеръ. Въ такомъ случаѣ мнѣ не зачѣмъ будетъ телеграфировать Надлеру. При нѣкоторой бережливости этихъ денегъ мнѣ хватитъ, чтобы доѣхать до Чертевицъ. А такъ какъ въ трактирѣ извѣстно, что я отказался ѣхать съ гренадой, то въ Борщевѣ меня искать не стануть“.

К. Францъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЙ ДЯДЯ РЕВЪ ШЕВСЕЛЬ-ЭЙЗЕРЪ.

РАЗСКАЗЪ.

V.

Дядя жилъ рядомъ съ синагогой. Полуразвалившаяся избушка его напоминала скорѣе сарай, чѣмъ человѣческое жилище. Когда я, въ сопровожденіи старика, приблизился къ его жилищу, я засталъ его у дверей избушки, безъ сюртука; съ засученными рукавами въ борьбѣ съ громаднѣйшимъ гусемъ, котораго онъ готовился зарѣзать для праздника. Сколько ни напрягалъ дядя усилій, ему никакъ не удавалось сладить со своею жертвой. Гусь, видимо, не почиталъ для себя особой честью служить праздничной пищей святому рабби и изо-всѣхъ силъ отбивался отъ дяди. Въ неравной борьбѣ дядя выбивался изъ силъ; въ особенности, когда гусю удалось расправить свои крылья, которыми онъ сталъ немилосердно и жестоко хлестать по лицу.

— Рива!.. Рива!.. — занычалъ дядя. — Ради Бога, скорѣе ко мнѣ на помощь, а то гусь умертвитъ твоего рабби.

Но раньше, чѣмъ подоспѣла Рива, на помощь дядѣ бросился сопровождавшій меня старикъ и моментально освободилъ дядю отъ жестокой расправы гуся.

— Нѣтъ, это не гусь... Это самъ нечистый. Видѣли, какъ онъ меня обработалъ?! Еще минута и не быть мнѣ живымъ... Разбойникъ!.. Настоящій разбойникъ!..

Дядя былъ настолько растерянъ и даже перепуганъ и съ лица его лился такой потъ; словно его чѣмъ либо окатили, что никто бы не догадался, что причина всему этому глупый гусь, а не настоящій разбойникъ. Но еще больше растерялся

¹ См. „Восходъ“, кн. V.

дядя. когда виновникъ происшествія вдругъ расправилъ крылья и полетѣлъ.

— Держи!.. Держи!.. — закричалъ дядя не своимъ голосомъ.

— Держи!.. Держи!.. — раздался женскій голосъ рядомъ съ нимъ невзрачно откуда появившійся миниатюрной старушки.

Все это было такъ комично, что я не выдержалъ и захоталъ во все горло. Тутъ только замѣтилъ меня дядя и, отказавшись отъ погони за гусемъ, съ величайшимъ изумленіемъ уставился на меня.

— Что, дядюшка, не узнаете?

— Не узнаю... Не могу узнать... Какъ будто видѣлъ когда-то...

Я назрала себя. Дядя бросился обнимать меня, къ великому недоумѣнню сопровождавшаго меня старика, все еще не мирившагося съ моимъ близкимъ родствомъ съ святымъ раббл.

— Рива!.. Рива!.. — запищала дядя высокимъ дискантомъ. — Брось гуся... Смотри, какого гостя Богъ намъ послалъ...

— Такъ онъ въ самомъ дѣлѣ вашъ племянникъ?.. Настоящій племянникъ? — перебилъ дядю старикъ.

— Какъ-же!.. Какъ-же!.. Племянникъ... И дорогой племянникъ, — съ непритворною радостью заликовала дядя въ отвѣтъ.

Подожла тетя Рива. Это была старушка микроскопическая, уступавшая въ ростъ даже дядѣ, рядомъ съ которымъ она казалась маленькой дѣвочкой. На необыкновенно сморщенномъ микроскопическомъ личикѣ ея выдѣлялись огромные черные глаза, которые несмотря на ея годы (ей было около 80 лѣтъ) сохранили юношескій блескъ и кромѣ того выдѣлялся ея тонкій, заостренный и длинный носъ. Своимъ лицомъ, какъ и дядя, она смахивала на птицу и имѣла много общихъ чертъ со своимъ мужемъ; такъ, что не знай я, что врано мной мужъ и жена, я принялъ бы ихъ за брата и сестру.

Тетя устала на меня свои большіе глаза и радостно взвизгнула.

— Никакъ, это сынъ брата Моше?

— Угадала! — подтвердилъ дядя, кивнувъ головой.

— Какое сходство!.. Я бы и на улицѣ узнала его... Вылитый братъ. Точно такимъ же красавцемъ былъ и Моше въ его годы...

И тѣя повисла (въ буквальный смыслъ: я была вдвое выше ея) мнѣ на шею и стала цѣловать.

Когда восторги свиданія прошли, она грустно покачала головой и жалобно прощала:

— И кто бы могъ подумать, что сынъ моего брата будетъ брить бороду... Что скажете мѣсточко, когда узнать, что онъ мой родной племянникъ? Какой это будетъ срамъ, да и грѣхъ вѣдь какой большой, — въ Писаніи прямо сказано: «не прикасайся къ бородѣ своей».

— Въ Писаніи сказано: «не сбрѣй конца своей бороды» — считъ дядя первымъ своимъ долгомъ восстановить правильно библейскую цитату, а потомъ со вздохомъ прибавилъ: — Это онъ не по своей волѣ, радѣ не видишь: онъ съ кокардой, значить — чиновникъ, а чиновники, по закону, должны брить бороды. Такъ-то, такъ, жена...

— Охъ, охъ, охъ, — проронела тетя. — И зачѣмъ онъ въ чиновники пошелъ, могъ бы жить, какъ все еврей... въ нашемъ законѣ... Грѣхи, грѣхи!..

— Если не по своей волѣ, то грѣхъ не такъ великъ, къ тому законъ царя всемогъ такъ же обязательенъ, какъ законъ Царя Небеснаго, — авторитетно закончилъ онъ и строго посмотрѣлъ на жену.

Меня наконецъ ввели въ пѣбу, которая состояла изъ одной просторной и свѣтлой комнаты и другой маленькой и полутемной. Просторная комната отличалась простой, первобытной обстановкой. Въ серединѣ стоялъ длинный, некрашенный, ничѣмъ не прикрытый столъ изъ мѣстнаго дуба, окруженный скамейками и табуретками. У восточной стѣны красовался маленький, потемнѣвшій отъ времени, кюль, зашпанный неопредѣленнаго цвѣта занавѣскою и вмѣщавшій въ себѣ свитокъ Св. Торы. Весь передній уголъ буквально былъ заваленъ рукописями и старинными манускриптами, вокругъ всей комнаты были устроены полки въ два ряда и все онѣ были

установлены множествомъ фолантовъ Талмуда и раввинской письменности въ крѣпкихъ, старинныхъ переплеткахъ, на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣны; висѣли пучки различныхъ высушенныхъ травъ. Направо отъ входа огромная печь съ лежанкой, и то и другое безъ всякой окраски, топились на славу и въ комнатѣ стояла такая жара, что дышать было трудно. Рядомъ съ печкой, на длинной и низкой скамейкѣ, въ удивительномъ порядкѣ была разставлена равная невзрачная утварь неприхотливаго хозяйства тети, начиная отъ громаднаго мѣднаго чайника, тщательно вычищеннаго и блиставшаго всеми цвѣтами радуги, и оканчивая кастрюлями, горшками и преогромной сковородой; вся эта посуда была разставлена въ образцовомъ порядкѣ и, повидимому, всякая мелочь имѣла свое разъ навсегда определенное мѣсто.

— Жара какая, — прервалъ я неловкое молчаніе, когда дядя усадилъ меня за столъ.

— Неужели жарко? — удивился дядя.

— И даже очень, просто дышать невозможно...

— А мы и не чувствуемъ. Что значитъ привычка, — висѣшалась въ разговоръ тетя, которая, повидимому, все еще продолжала находиться въ угнетенномъ состояніи, благодаря бритвѣ, не пощадившей моей бороды.

— Что же, Рива, ты не выполняешь обязанности доброй еврейской хозяйки, — опять перебилъ дядя вторично наступившее неловкое молчаніе. — Накорми гостя то. Онь, вѣроятно, проголодался...

— Сейчасъ, сейчасъ... — заторопилась тетя.

Пока тетя накрыла скатертью половину стола и разставляла предо мною различныя закуски, я невольно подумалъ о томъ, что напрасно пожаловалъ къ своимъ родственникамъ и что, кромѣ оторченія и стѣсненія своей особой, имъ ничего не доставилъ. Тетя не умѣла, а, можетъ быть, даже не желала скрыть, какъ ей это было неприятно. И въ самомъ дѣлѣ. Привѣчалъ родной племянникъ, который не только былъ одѣтъ не по-еврейски, но даже съ бритой бородой. Что подобныя утѣсы имѣли уже мѣсто среди евреевъ, она слыхала, но слухамъ этимъ никакого значенія не придавала, считая таковыя плодомъ досужей фантазіи праздныхъ людей: И вдругъ, она вочію

убѣдилась, что ужасы эти существуютъ въ действительности и ея родной племянникъ представляетъ собой подобный ужасъ. Какъ женщинѣ, ей было труднѣе скрывать свои чувства, чѣмъ дядѣ, имѣвшему гораздо большіе понятія о влияніяхъ, коснувшихся Израиля. Какъ-бы то ни было, я чувствовалъ, что своимъ прїездомъ нарушилъ миръ и спокойствіе моихъ первобытныхъ родственниковъ и очень этимъ сокрушался.

Хотя душевное недовольство тети не повліяло на обильное угощеніе, но я положительно не могъ прикоснуться къ разнообразнымъ оригинальнымъ и давно невиданнымъ закускамъ и блюдамъ, до которыхъ въ сущности былъ большой охотникъ. Последнее обстоятельство совершенно вывело тету изъ себя.

— Что-же?—взвизгнула она.—Если ты ужъ совсѣмъ сдѣлался «гой» и даже наши кушанья тебѣ не по нутру, то не зачѣмъ было къ намъ прїѣзжать... Долженъ былъ знать, что мы, слава Создателю нашему на небесахъ, праведные евреи—«трефной» пищи тебѣ предлагать не можемъ...

— Что вы, что вы, тетя? Я такой же еврей, какъ и вы и «трефнаго» никогда не ѣлъ...

Тетя недовѣрчиво покачала головой и произнесла болѣе мягкимъ голосомъ:

— Въ такомъ случаѣ, не обижай хозяйку,—кушай, какъ слѣдуетъ...

Я попалегъ на угощеніе противъ своей воли, тетя, какъ принято выражаться, кусокъ не лѣвъ въ горло; вато, по мѣрѣ того, какъ, насылая свой аппетитъ, я уничтожалъ цѣлыя горы закусокъ, личико моей птицеобразной тети все болѣе и болѣе прояснялось. Она съ видимымъ удовольствіемъ слѣдила за мной, а съ меня потъ градомъ катилъ и отъ неимоверной жары въ комнатѣ, и отъ неимовернаго, искусственнаго аппетита, который, въ угоду тети, я старался возбудить въ себѣ. Скоро я, однако, спасовалъ; тетя, казалось, только что вошла во вкусъ гостепріимной хозяйки, когда я ужъ былъ лишень физической возможности разыгрывать голоднаго.

— Тетя, не могу... Ей Богу, не могу больше, — вмѣлился я.

— Ну, еще кусочекъ... Ну, сдѣлай это для меня... Авось, не захвораетъ отъ этого маленькаго кусочка...

На тарелкѣ оцупился кусокъ холоднаго жаркого въ добрый фунтъ. «Что же это такое, — подумалъ я, — она закормить меня качеть?»

— Охъ, не могу... Никакъ не могу, — простоналъ я жалобно.

— И не надо больше, — пришелъ мнѣ на помощь дядя, который не принималъ до сихъ поръ никакого участія въ моимъ угнетеніи и вообще все время не произнесъ ни звука.

Я благодарно улыбнулся ему.

— А ты скорѣе начинай послѣ-трапезную молитву и этимъ прекратишь всѣ дальнѣйшія попоминанія жены закормить тебя на смерть... Страхъ, какъ моя старушка любитъ закармливать людей. На ея совѣсти не одна жертва въ этомъ смыслѣ...

Дядя добродушно замѣчая, тетя вся зардѣлась румянцемъ, какъ ребенокъ, а я поспѣшилъ исполнить его совѣту: приступилъ къ послѣ-трапезной молитвѣ, громко и отчетливо, съ подобающимъ благоговѣніемъ, произнесъ каждое слово.

Не успѣлъ я произнести заключительное слово молитвы, какъ, громко вскрипывая, тетя двинула мнѣ на шею и начала дѣловать.

— Слава Богу... Слава Богу... — произнесла она вняливо прерывающимся голосомъ. — Думала, ты совершеннѣйшій «гой». Помилуй — одѣтъ христіаниномъ, борода сбрита, гвоздь (кожарда) торчитъ на шаклѣ... Однимъ словомъ «гой» да и только... А какъ сталъ молиться, сердцемъ своимъ почувствовала, что ты еврей, настоящій еврей. Ну, слава Богу... Слава Богу... — заключила она тѣмъ же прерывающимся внясомъ, молитвенно подняла вверхъ руки и, вся зардѣвшись отъ внутренняго удовольствія, быстро ускользнула изъ комнаты.

— Обошлось, — добродушно усмѣхнулся дядя. — Наконецъ, жена тебя признала евреемъ и отъ родства съ тобой ужъ не откажется. Признаться, мнѣ и самому жутко стало, когда бросилась въ глаза твоя совершенно не еврейская виѣшность. Да, тяжело мириться съ этимъ... Маринетъ звѣзда Даранія и исчезаютъ обычаи дѣдовъ и прадѣдовъ.

Онъ такъ глубоко вздохнулъ, что мнѣ стало жаль его.

— Вѣроятно, — продолжалъ дядя, — ты хочешь теперь отдохнуть?

— И даже очень,—подтвердилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, заберись на чердакъ, тамъ свѣжее, недавно сжогенное сѣно, пахнетъ славно, отлично выспишься. Только боюсь,—съ непривычки голова у тебя заболитъ отъ сильнаго запаха...

— Я къ этому запаху привыкъ и люблю его.

— Ну, и отлично. Пойдемъ.

Мы вышли въ сѣни и по приставной, ветхой лѣстницѣ взобрались на чердакъ. Тамъ, дѣйствительно, было хорошо послѣ жарко натопленной комнаты. Ароматическій запахъ свѣжаго сѣна и чуть замѣтный сквознячекъ, благодаря неисправности крыши, благотѣльно подѣйствовали на меня и я вдохнулъ полной грудью. Дядя заботливо уложилъ меня.

— Отдыхай,—произнесъ онъ.—Только имѣй въ виду, долго спать не дамъ тебѣ: надо для праздника въ баню сходить. Ну, спи!.. спи!.. А я пойду воевать съ гусемъ... Его уже поймали, разбойника... Охъ, охъ, охъ...

Дядя началъ спускаться съ лѣстницы, продолжая охать. Вѣроятно, перспектива вторичнаго единоборства съ гусемъ не особенно ему улыбалась.

Несмотря на усталость, я долго не могъ заснуть. Меня занимало впечатлѣніе, которое произвелъ мой прїѣздъ на тетю. Несомнѣнно, обычное теченіе мирной жизни первобытныхъ людей было нарушено. Хорошо-ли я поступилъ, что пожаловалъ къ нимъ? Положимъ, нѣсколько сгладить первое впечатлѣніе мнѣ удалось, но сдумѣю ли я и впредь успокаивать ихъ, когда предстану предъ лицомъ всего мѣстечка? Какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, не осрамить моихъ стариковъ на всю жизнь? Какая осторожность должна быть мною соблюдена не только въ поступкахъ, но въ словахъ и движеніяхъ. Простые люди чутки къ малѣйшей фальши и подлаживаться къ ихъ жизни чрезвычайно трудно человѣку, выросшему въ иной средѣ и при другой обстановкѣ. Вѣдь тутъ всякое лыко будетъ поставлено въ строку, а я такъ не привыкъ стѣсняться и сдерживаться. Несомнѣнно придется лгать на всякомъ шагу, притворяться. Я вспомнилъ, какъ уже успѣлъ солгать тетѣ, увѣряя ее, что никогда не пробовалъ трѣфной пищи. Но тутъ раз-

мышленія мои были прерваны ясно доходившимъ до меня разговоромъ снизу.

— О, Шебсель-Эйзеръ... Ой, мой рабби, простишь ли мнѣ, что сынъ моего родного брата такъ непохожъ на еврея? Простишь-ли мнѣ этотъ срамъ? — послышался плаксивый голосъ тети, въ которомъ было такъ много затаеннаго горя и муки, что меня всего передернуло. — Ой, мой рабби, не ставь мнѣ въ вину, что осрамила твои сѣдины...

— Успокойся, моя «ребецень» (раввинша)... Успокойся, жена моя... Я не вижу тутъ твоей вины... Ты неувѣтственна за сына своего брата... Къ тому, твой племянникъ не одинъ такой... Много въ Израилѣ теперь такихъ народилось... Времена такія настали...

— О, горе намъ... Горе намъ,—перебила тетя.

— Не ропщи, моя «ребецень», — продолжалъ дядя. — Никто, какъ Богъ: это Онъ караетъ насъ за грѣхи наши и посылаетъ испытанія своему народу, но настанетъ день и опять возсіяетъ звѣзда Израиля. Не надолго же отдалился Господь отъ избраннаго народа своего... Будемъ молиться, жена, и уповать, — милость Его не знаетъ границъ и неисчерпаема!...

Въ послѣднихъ словахъ его послышалось такое глубокое убѣжденіе, которое прямо подѣйствовало на тетю успокоивающе, что явственнно выразилось въ ея голосѣ, когда она перебила мужа: — Да, да, будемъ молиться и надѣяться!..

— Постарайся, — продолжалъ дядя, — скрыть отъ племянника свое горе: онъ нашъ гость, — не надо его огорчать. Если онъ къ намъ пріѣхалъ, значить, онъ насъ любитъ и не гнушается нами, значить, несмотря на наружность, сердце у него настоящее, еврейское... Къ тому, сама слышала, какъ онъ славно умѣетъ молиться... Возблагодаримъ Бога и за это и не будемъ роптать...

Послышались чужіе голоса, которые помѣшали дальнѣйшей интимной бесѣдѣ моихъ стариковъ. Это мѣстечковые евреи явились къ своему рабби со своими нуждами. Въ теченіе получаса поребывало много народу, мужчинъ и женщинъ. Я съ жаднымъ любопытствомъ прислушивался ко всему, что происходило въ избѣ. Какъ разнообразны были дѣла, по которымъ являлись къ дядѣ: то старая еврейка излагала свою бѣду, за-

ключавшуюся въ томъ, что въ зарѣванномъ для праздника пѣтухѣ оказалось переломленное крыло, и съ трепетомъ ожидала приговора дяди: надо-ли считать пѣтуха «трефнымъ» или «кошернымъ»; то молодуха стыдливо налагала предъ нимъ нѣкоторыя ненормальности своего состоянія; то нѣкоторые голоса, стараясь другъ друга перекричать, раздавались по поводу имущественнаго дѣла—въ два друггивещенныхъ; то большыя и страждующіе являлись за лѣкарствомъ... Однимъ словомъ, самыя разнообразныя дѣла и дѣлишки, касавшіяся всевозможныхъ интересовъ жизни заброшеннаго мѣстечка, развертывались предо мною и самъ дядя предсталъ предъ моими глазами въ видѣ полновластнаго вершителя судебъ руководимой имъ «кегиле» (общины). И какъ просто и безхитростно справлялся онъ со всѣми дѣлами, съ которыми къ нему обращались. Всѣхъ и каждого онъ выслушивалъ, не перебивая, до конца; входилъ въ малѣйшія подробности и произносилъ свои безапелляціонныя рѣшенія и совѣты, которые принимались не только безпрекословно, но и съ благоговѣніемъ. Авторитетъ его былъ такъ великъ, что его не пытались оспаривать даже въ имущественныхъ дѣлахъ, а его медицинскіе совѣты и религіозныя указанія положительно принимаясь, какъ «законы съ горы Синая». Такимъ образомъ дядя выѣщаль въ своей особѣ для мѣстечковыхъ евреевъ не только руководителя религіозныхъ интересовъ, но олицетворялъ собой и врача, и судью, и вообще, какъ уже было замѣчено, общепризнаннаго вершителя судебъ мѣстечка...

Весь этотъ шумъ, разумѣется, разогналъ мой сонъ. Но вотъ въ избѣ все успокоилось. Чужіе голоса больше не раздавались и слышно было только, какъ тетя хлопотала около печки, готовясь къ наступающему празднику. Еще прошло немного времени, и я услышала нискъ дяди, который одобрительно, монотонно, съ классическимъ напѣвомъ приступилъ къ итенію Таммуда. Подъ этотъ одобрительно монотонный классическій напѣвъ, подѣйствовавшій на меня убаюкивающе, я, наконецъ, заснула...

VI.

Два дня я провела подъ кровомъ дяди: я буду всегда съ удовольствіемъ вспоминать объ этихъ дняхъ. Я чувствовала

себя въ эти дни вырваннымъ изъ обычныхъ рамокъ жизни и перенесеннымъ въ другой, до сихъ поръ невѣдомый, но во всякомъ случаѣ оригинальный и, пожалуй, лучший міръ. Какъ все кругомъ было ново, первобытно, даже немножко дико, но ва то своеобразно и просто.

Проспалъ я очень долго и дядя разбудилъ меня предъ самымъ вечеромъ, когда нужно было отправиться въ синагогу на молитву.

— Надѣюсь, хорошо выспался? — заботливо спросилъ дядя.

— Даже очень хорошо.

— Ну, теперь одѣвайся по праздничному и пойдемъ въ синагогу.

— А вы уже готовы? — спросилъ я, не успѣвши еще порядкомъ протереть глаза и повѣывая.

— Посмотри на меня хорошенько и увидишь... Ну, конечно, будетъ тебѣ нѣжиться... Въ голосѣ дяди послышалось легкое нетерпѣніе.

Я, наконецъ, пришелъ окончательно въ себя и осмотрѣлъ фигуру дяди съ ногъ до головы. Онъ былъ очень наряденъ. Длинный «лапсердакъ» изъ чернаго атласа, достигавшій до самаго пояса, блестѣлъ и лоснился; цвѣтной понесъ кокетливо охватывалъ его талію, рыжіе башмаки игриво сверкали изъ-подъ «лапсердака», и когда съ ниву, благодаря суетливой подвижности дяди, расплзнулись полы «лапсердака», то весело выглянули на свѣтъ Вожій бѣлоснѣжные чулки и нанковые штаны. Но больше всего меня, конечно, поразила громадная бобровая шапка, въ которой положительно утопала дядина голова. Положимъ, боберъ очень украсилъ дядю, но вѣдь онъ не подходилъ къ сезону и въ іюлѣ мѣсяцѣ дядя врядъ ли нуждался въ такой шапкѣ.

— Ахъ, — не выдержалъ я, — какъ же это вы, дядюшка, такъ?... И такъ жара, а вы еще бобровую шапку...

— Для праздника, — выразительно подчеркнул мнѣ въ отвѣтъ дядя.

— Причемъ тутъ праздникъ?... Въ такую жару такая шапка мученіе...

— Не грѣши, — перебилъ дядя. — Шапка праздничная, а ее и надѣлъ для праздника...

Противъ такого аргумента возразить было нечего. Я молча спустился за дядей съ чердака, въ вебу, гдѣ, насъ, встрѣтивша въ праздничномъ нарядѣ тети. Разумѣется, праздничная чалма на ея микроскопической головкѣ котая, какъ и бѣровая шапка дяди, возбуждала во мнѣ недоумѣніе, но я уже не пытался вслухъ выразить свои мысли на этотъ счетъ, заранее увѣренный, что отвѣтомъ послужитъ «неопровержимый аргументъ»: «чалма праздничная и для праздника одѣвается». Одно только скажу, что тети, благодаря чалмѣ, имѣла видъ преумерительный и мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы не расхохотаться.

— Поспѣши... Пора въ синагогу... встрѣтила меня тети.

Я, по ея указанію, пошелъ въ темную комнату и приступилъ къ своему туалету. Когда же онъ былъ готовъ и я вторично очутился предъ дядей, то тети и слѣдъ прощать: она ушла въ синагогу.

Дядя осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и глубоко вздохнулъ.

— Вамъ не нравится мой праздничный костюмъ?

— Какой же онъ праздничный!... Онъ христіанскій, а не праздничный, — вторично вздохнулъ дядя.

Мы отправились въ синагогу. Баранъ и еврейки, подававшіеся намъ по дорогѣ, почтительно кланялись дядѣ и сплясывали меня съ нескрываемымъ любопытствомъ. Въ особенности женщины положительно пожирали меня глазами и великое недоумѣніе выражалось на ихъ лицахъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже рты раскрывали и такъ и застывали въ невозможныхъ позахъ съ раскрытыми ртами. Внезапнѣе, которое производила моя особа, не скрылось отъ дяди и было ему очень неприятно, что онъ и выражалъ глубокими вздохами, чуть слышно произносилъ:

— Соблазнъ!... Охъ, охъ!... Соблазнъ!...

Въ синагогѣ мое появленіе было встрѣчено глубокимъ молчаніемъ и долгое время никто не отваживался привѣтствовать меня «шоломъ алейхемомъ», пока дядя, обратившись къ ближайшему сосѣду, не произнесъ:

— Что же это, Соломонъ, неужели я долженъ напоминать вамъ, что привѣтствовать гостя вмѣняетъ намъ въ обязанность св. законъ?

— Случай такой исключительный... пробормоталъ въ сму-

щеніи Соломонъ. — Гость такъ смахиваетъ на «чужого»... Я, право, принялъ его за «гоя»... Простите меня, рабби...

И сконфуженный Соломонъ робко подаль мнѣ руку и произнесъ установленное привѣтствіе. За нимъ стали подходить ко мнѣ по очереди всѣ евреи, какъ взрослые, такъ и дѣти, и, подавая руки, дружески привѣтствовали меня и поздравляли дядю съ пріѣздомъ племянника. Лишь только послѣдній еврей исполнилъ свою обязанность относительно меня, какъ раздался у амбона голосъ кантора и вечерняя праздничная служба началась...

Дядя, повидимому, былъ очень удрученъ и приступилъ къ молитвѣ съ замѣтнымъ замѣшательствомъ, и только, когда раздался пріятный теноръ кантора, громко произносившаго: «Насъ Ты избралъ изъ всѣхъ народъ, возвысилъ насъ надъ всѣми языками и освятилъ насъ»... только тогда дядя окончательно пришелъ въ себя и сталъ вторить кантору неистовымъ визгомъ, сильно раскачиваясь всѣмъ туловищемъ и осыпая стѣну, къ которой онъ стоялъ лицомъ, ударами крѣпко сжатыхъ кулаковъ. Къ концу молитвы онъ пришелъ въ такой экстазъ, что ударилъ стѣну нѣсколько разъ даже лбомъ... Долго еще послѣ того, какъ заключительный «Аминь» былъ произнесенъ, дядя продолжалъ раскачиваться съ закрытыми глазами и сжатыми кулаками и, среди наступившей тишины, взоры всѣхъ присутствующихъ съ благоговѣніемъ были обращены на него. Но вотъ дядя обернулся лицомъ къ молившимся, глаза его открылись, блаженная улыбка охватила его и раздался его визгъ:

— Гутъ іомъ товъ, раббосай!...

— Гутъ іомъ товъ!.. Гутъ іомъ товъ!.. (съ добрымъ днемъ праздника), загудѣла вся синагога и стали расходиться.

Когда мы возвратились домой, тетя вся улыбающаяся встрѣтила насъ на порогѣ и дядя привѣтствовалъ ее:

— Гутъ іомъ товъ, моя ребечень!.. (моя раввинша).

— Гутъ іомъ товъ, мой рабби!..

Мы вошли въ избу, которая была великолѣпно освѣщена 5-ю сальными свѣчами въ высокихъ мѣдныхъ шандалахъ на столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью. На самомъ видномъ мѣстѣ лежали два хлѣба, прикрытые полотенцемъ, и рядомъ съ хлѣбами стоялъ затѣйливой формы графинъ съ изюмнымъ

виномъ, мѣстнаго изготовленія. Тетя подала дядѣ мѣдный тавъ и мѣдную же кружку съ водой для омовенія рукъ. Послѣ дяди и мы съ тетей помыли руки и усѣлись за праздничнымъ столомъ. Дядя сначала, стоя, произнесъ молитву надъ виномъ, потомъ усѣлся, благоговѣйно переломилъ праздничные хлѣбы, подалъ мнѣ и тетѣ по «амейцъ» (по куску бѣлаго хлѣба) и традиціонный, праздничный ужинъ начался по освященному обычаемъ порядку: сначала появилась на столѣ фаршированная щука, затѣмъ «локшентъ» (супъ съ ланшой), супное мясо было подано въ видѣ отдѣльнаго блюда съ хрѣномъ; «цимесь», удавшийся на славу, былъ гордостью кулинарнаго искусства тети и она заставила меня истребить его до послѣдняго кусочка; наконецъ, въ видѣ десерта, была подана жирная грудинка изъ «цимеси», отличавшаяся необыкновеннымъ румянцемъ и прозрачностью и которую, несмотря на то, что я ужъ былъ сытъ по горло, по настоянцію тети все таки долженъ былъ отвѣдать. Въ промежуткахъ между блюдами дядя распѣвалъ псалмы и тетя, подавая къ столу и возясь около печки, вторила ему, подсказывая громко тексты, хотя онъ въ этомъ конечно вовсе не нуждался. Когда заключительная молитва, послѣ ужина, была произнесена и было убрано со стола, тетя поманила меня за собой и мы вышли изъ избы и усѣлись на заваленкѣ.

— Не надо мѣшать моему рабби, — сказала она. — Онъ будетъ теперь читать Тору и Талмудъ до самаго отхода ко сну, а мы съ тобой потолкуемъ.

Вечеръ былъ прекрасный. Въ воздухѣ стояла необычайная тишина и чуть-чуть замѣтный вѣтерокъ слабо колыхалъ листья единственной березы, торчавшей у самой заваленки. Послѣ немовѣрной комнатной жары, я сталъ жадно вдыхать въ себя воздухъ полной грудью.

— Ты еще не хочешь спать? — спросила тетя.

— Помилуйте, я такъ хорошо выспался днемъ.

— Ну, и отлично. Мы, значить, можемъ вдоволь наговориться. Ну что же братъ Моше? Постарѣлъ ужъ я думаю? Вѣдь ужъ около сорока лѣтъ его не видѣла... Совсѣмъ мальчишомъ былъ, когда разстались.

— Вѣдь папа быть уже тогда женатъ, — перебилъ я. — Значить, не мальчикъ...

— Это ты по нынѣшнему судишь... Тебѣ ужъ какой годъ пошелъ?

— Двадцать третій.

— Вотъ, видишь, а еще не женатъ... нехорошо быть старымъ «бахуромъ» (холостикомъ), глубоко вздохнула она. — Отецъ твой женился на 13-мъ году, по закону... Конечно, онъ былъ еще мальчикомъ и продолжалъ учиться у моего рабби послѣ свадьбы...

— И дядя продолжалъ его по четвергамъ съѣчь за малосиѣшность, — перебилъ я со смѣхомъ.

— Конечно, мой рабби, случалось наказывать его и послѣ свадьбы и я не понимаю, что ты тутъ находишь смѣшного, обидѣлась тетя. — Ребенка не наказывать нельзя! — произнесла она съ убѣжденіемъ. — Тебя видно пороли мало, а что изъ этого вышло? Ничего хорошаго...

Я вторично засмѣялся.

— Смѣйся... Смѣйся... упавшимъ голосомъ заговорила тетя. — Конечно, все на выворотъ пошло... Перестали мы жить жизнію дѣдовъ и прадѣдовъ и гоняемся подражать во всемъ «гоямъ»... Если все такъ пойдетъ, то скоро настоящаго еврея и днемъ съ огнемъ не сыщешь.

— Значить, я, по вашему, не настоящій еврей?

— Какой-же ты настоящій? — перебила она съ сокрушеніемъ и запальчивостью. — Ну, самъ на себя посмотри. Платье на тебѣ христіанское... Вороды нѣтъ... Вотъ, кокарда у тебя на шапкѣ... Развѣ такіе бывали прежде еврей? Ты, вѣдь, на насъ страхъ нагналъ своимъ появленіемъ... Все мѣстечко перенугалъ... Въ первый разъ въ жизни увидѣли такого еврея, какъ ты. Хорошо это развѣ, когда еврей теряетъ «целемъ элогимъ» (Божіе подобіе)? И развѣ тебя можно назвать настоящимъ евреемъ, когда на двадцать третьемъ году жизни даже не женатъ... Могла-ли я думать, что родной мой племянникъ будетъ такимъ...

Въ голосѣ, которымъ были произнесены ея послѣднія слова, звучало такое неподдѣльное горе, что мнѣ стало глубоко жаль старушку и я перебилъ ее съ жаромъ:

— Вы напрасно такъ сокрушаетесь, дорогая тетя. Не судите по наружности: я такой же еврей душою, какъ и всякій другой въ нашемъ мѣстечкѣ. Я исполняю все требы, молюсь по три раза въ день по установленію, и отъ заповѣдей нашей святой Библии никогда не отступала и не отступлю. Что же до моей женитьбы, то у меня имѣется уже невѣста и чрезъ полгода моя свадьба...

Всю эту тираду я произнесъ убѣдительно; горячо и заключилъ ее тѣмъ, что обнялъ старушку и расцѣловалъ ее.

— Прости, если обидѣла тебя,—произнесла она послѣ непродолжительной паузы и морщины на ея широкоскинномъ личикѣ совершенно разгладились.—Вѣдь у меня душа божья, понимаешь?... Вѣдь, ты сынъ моего родного брата... Ну, слава Богу!... Слава Богу, что душа-то твоя въ самомъ дѣлѣ еврейская...

И она въ свою очередь обняла меня и крѣпко поцѣловала. Теперь я почувствовалъ, что между нами состоялось полное примиреніе и тетя вполнѣ признала меня своимъ племянникомъ.

— Хорошо ли вамъ живется, тетя?—спросилъ я, чтобы перемѣнить направленіе разговора.

— Конечно, хорошо... У насъ все, слава Богу!...

— А много дядя получаетъ жалованья?

— Сколько намъ нужно, столько получаетъ... Когда всѣ дѣти были при насъ, дядя получалъ даже больше четырехъ рублей въ недѣлю, а теперь получаетъ полтора рубля.

— И вамъ хватаетъ?

— Куда намъ столько денегъ? Молоко у насъ свое: видѣль, какая славная козочка у насъ; картофель, овощи—свои; домашняя птица своя... Куда же намъ много денегъ расходовать? У насъ, разумѣется, больше полтинника въ недѣлю остается...

— Значить, вы копите и у васъ капиталы есть?

— Ну, копить намъ зачѣмъ же? Тутъ у насъ бѣдные есть,—мы имъ помогаемъ... Иногда, вотъ, внукамъ или внучкамъ подарки посылаемъ. —Тетя глубоко вздохнула.—Все у насъ, слава Богу, только иногда хотѣлось бы на дѣтей поглядѣть...

— Съѣздили бы къ нимъ въ гости.

— Что ты, что ты... Какая я путешественница!.. Съ тѣхъ поръ, какъ поселилась адѣсь, ни разу нигуда не выѣзжала: нельзя же моего раббн одного оставить, кто же объ его обѣдѣ будетъ думать, объ его отдыхѣ, когда я буду въ отсутствіи.

— Ну, дѣти къ вамъ могутъ прійхать погостить.

— Нѣтъ, не могутъ — далеко живутъ. Младшій сынъ, Бендетъ, ближе всѣхъ отъ насъ и то больше ста верстъ будетъ... Какъ же можно требовать, чтобы онъ прійхалъ повидаться?

— Значитъ вамъ скучно?

— Что это такое скучно?—успавилась на меня тетя.

— Ну грустно... Не по себѣ... старался я объяснить.

— Какъ можно? Что ты... Мнѣ съ моимъ раббн, съ моимъ хозяйствомъ всегда хорошо, весело... Нечего мнѣ Бога гнѣвать: можетъ-ли быть жизнь лучше моей. Вѣдь я «ребецень» (раввинша), — заключила она съ гордостью.

Во все время нашей бесѣды изъ избы доносился къ намъ голосъ дяди, который читалъ нараспѣвъ Талмудъ. Тетя отъ времени до времени прислушивалась къ полудикому напѣву и блаженно улыбалась.

— А долго еще дядя будетъ читать?—перебилъ я наступившее молчаніе.

— Не знаю... Случается до утра читаетъ. Это какъ ему вздумается.

— Скажите, тетя, дѣти ваши хорошо пристроены?

— Отлично. Лучше и не надо... Старшая моя Зальда вышла за сына богатаго подрядчика, который взялъ ее не только безъ приданнаго, но еще насъ одарилъ: къ свадьбѣ онъ заказалъ для раббн новый лапсердакъ изъ такой дорогой матеріи, что ему и до сихъ поръ износу нѣтъ. Сорокъ лѣтъ прошло, а лапсердакъ точно вчера спитъ и какъ онъ идетъ моему раббн. Одаривали насъ и прочіе, когда вступали въ родство съ нами. Вотъ, новомодный бурнусъ, что одѣла для молитвы, получила отъ отца моей невѣстки Хавы... Ты завтра осмотри бурнусъ хорошенько при дневномъ свѣтѣ... Какая матерія!... Какой удивительный цвѣтъ!... Ну, а доброта и говорить нечего, выдающаяся... Тоже вѣдь больше тридцати лѣтъ ношу

и тоже нѣтъ износу. Вообще,—закончила тетья съ гордостью,— грѣхъ намъ было бы на Бога жаловаться, всякій за честь считалъ съ нами породниться, и всѣхъ нашихъ дѣтей на расхватъ разобрали люди богатые и знатные. Даже моя однеглазая Ципе и та вышла за богатаго и знатнаго человѣка...

— И много у васъ внуковъ?

— Много...

— Сколько?

— Не считала. Самъ знаешь, грѣхъ считать. У меня правнуки и пра-правнуки есть... Однимъ словомъ, намъ только Бога хвалить надо... Что это,—встрепенулась тетья.— Ничкакъ мой рабби спать собирается.— Она съ минуту прилушывалась.— Такъ и есть, пересталъ читать... Ну, теперь и намъ съ тобой пора на покой. Спокойной ночи, племянникъ.

Она быстро поднялась и юркнула въ избу, а я забрался на свой чердакъ.

. VII.

На слѣдующій день я проснулся отъ громкихъ ударовъ большого молота, которые раздались по наружной стѣнѣ избы. Это мѣстечковый старшій служка синагоги будилъ правовѣрныхъ евреевъ къ молитвѣ. Онъ съ разсвѣтомъ обходилъ все мѣстечко, останавливался у каждой избы, изъ всей силы ударялъ тяжелымъ, общественнымъ молотомъ по ставнямъ и каждый разъ громко выкрикивалъ на всю улицу:

— «Инь шуль арайнь... (въ синагогу)... Иденъ (еврей), инь шуль арайнь!»...

Когда я спустился съ моего чердака, мои старики были уже совсѣмъ готовы, чтобы отправиться въ синагогу. Оба были въ своихъ лучшихъ праздничныхъ нарядахъ: дядя въ своемъ удивительномъ «лапсердакѣ» изъ дорогой матеріи, который онъ получилъ въ подарокъ лѣтъ 40 тому назадъ, по случаю свадьбы его Зельды, а тетья—въ своемъ новомодномъ бурнусѣ, подарокъ невѣстки Хавы, который соперничалъ своими достоинствами въ теченіе тридцати лѣтъ съ знаменитымъ «лапсердакомъ». И тетья и дядя оба встрѣтили меня съ сіяющими улыбками.

— Здравствуй, здравствуй племянничекъ,—радостно при-

вѣстивала меня тетья. — Гутъ, юмъ-тебъ (добрый праздникъ) тебѣ... Ну посмотри, какіе мы съ моимъ рабби франты. Ну, признайся, преувеличила я вчера, когда рассказывала тебѣ о его удивительномъ лапсердакѣ и о моемъ новомодномъ бурнусѣ? Ну, посмотри, хорошенько посмотри; вѣдь это одинъ восторгъ, одна прелесть... И она водчкомъ быстро завертѣлась предъ моими глазами, чтобы дать возможность осмотрѣть новомодный бурнусъ со всѣхъ сторонъ.

— Что за цвѣтъ... что за доброта... и какъ спать?... Знаменитый Дайба изъ увѣднаго города смастерилъ. Жаль только, что былъ сдѣланъ безъ мѣрки и очень уже длиненъ... да и широко немножко... Такихъ маленькихъ раввиншъ, какъ я, могло бы въ немъ помѣститься пара. Ну, да это ничего... За то онъ по самой послѣдней модѣ, по самой послѣдней...

— Щеголиха она у меня, — добродушно усмѣхнулся дядя. — Тридцать лѣтъ прошло и до сихъ поръ, каждый разъ, когда надѣваетъ новомодный бурнусъ, вѣтъ конца восторгамъ...

— На то женщина, — перебилъ я.

— Прямо отъ Евы ведетъ свой родъ, — шутливо произнесъ дядя.

— Я и за тебя рада, что владѣешь такимъ параднымъ лапсердакомъ, — какъ бы оправдываясь, произнесла тетья. — Повернись вотъ такъ, — она завертѣла мужа предъ моими глазами. — Пускай онъ и лапсердакъ осмотритъ со всѣхъ сторонъ и скажетъ свое мнѣніе...

— Оставь... Что за вадоръ такой... нашла чѣмъ хвастать — платьемъ, — нравоучительно, строго произнесъ дядя, вырываясь изъ рукъ жены. — Ты лучше добрыми дѣлами хвались.

— Ну, не сердись, мой рабби, не сердись, — оправдывалась тетья. — Вѣдь я женщина, только женщина.

— Пора въ синагогу, — строго перебилъ дядя и направился къ выходу. Я хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но тетья удержала меня за руку.

— Ну, что? Каково... — хвастливо обратилась она ко мнѣ. — Вѣдь это такое платье, такое платье... Не на всякомъ шагу увидишь...

И она уставилась на меня, ожидая моей похвалы. Призваться, положеніе мое было не изъ завидныхъ. Все время

вышеописанной сцены мнѣ стоило большого труда удерживаться отъ душившаго меня хохота. И тетя и дядя были настолько уморительно смѣшны въ своихъ уредливыхъ балахонахъ, въ которыхъ они оба буквально утопали, и, кромѣ того, эти балахоны настолько были схожи между собою по своему фасону, что я, право, не понималъ, почему тетя величаетъ платье мужа лапсердакомъ, а свое—новомоднымъ бурнусомъ. По моему, это были или два новомодныхъ бурнуса, или два лапсердана, и какъ тотъ такъ и другой могли съ одинаковымъ эффектомъ украшать любого изъ супруговъ.

Когда я очутился въ синагорѣ, все мѣстечко было уже въ полномъ сборѣ и канторъ выкрикивалъ вступительную молитву. Скоро началась и настоящая служба, которую описывать не стану: она общезвѣстна; но не могу не остановиться на двухъ инцидентахъ во время службы, которые были вызваны мною и которые не только примирили мѣстечко съ моею особой, но даже внушили мѣстечковымъ евреямъ ко мнѣ любовь и благоговѣніе, что, понятно, несказанно обрадовало моихъ стариковъ, въ особенности тетю.

Первый инцидентъ произошелъ во время великаго торга...

Старшій синагогальный служба ударилъ трижды въ доски. Наступила тишина.

— 10 злотыхъ (пятнацтынныхъ) за «могень»... раздался громкій голосъ аукціониста.

— 12....

— 14...

— 16... надбавляли голоса. И такъ какъ больше надбавки не было, то торгъ за первую главу закончился.

— 12 злотыхъ за «леви»... 12 злотыхъ за «леви»... Кто больше?!... 12 злотыхъ за «леви»...

Аукціонистъ выждалъ нѣсколько минутъ и, такъ какъ никто не надбавлялъ, то убитымъ голосомъ самъ сбавилъ цѣну на половину.

— 6 злотыхъ за «леви»...

— 7... послышался голосъ и на этомъ и закончили.

Дальше торгъ шелъ съ гораздо большимъ успѣхомъ, такъ какъ въ немъ имѣли право участвовать всѣ міряне и когда

«шнши» были проданы за 30 золотыхъ, дядя наклонился къ моему уху и спросилъ:

— Ты намѣренъ купить «мафтиръ»?

— Непремѣнно.

— Такъ не нутайся кажущихся большихъ цѣнъ. У насъ въ обычаѣ платить только четвертую часть провозглашенной въ синагогѣ цѣны за «алие»... (призывъ къ Торѣ).

— Значить, за «шнши» придется платить только $7\frac{1}{2}$ золотыхъ?

— Именно: не больше и не меньше...

— Зачѣмъ же такъ дѣлають?

— Для важности, красеты и приличія.

Я принялъ къ свѣдѣнію сообщеніе дяди, и когда очередь дошла до «мафтира» и аукціонистъ «для важности, красеты и приличія» громко крикнулъ на всю синагогу:

— 25 золотыхъ за «мафтиръ»... 25 золотыхъ за «мафтиръ»!... Кто больше?...

Я послѣ нѣкоторой паузы громко же крикнулъ:

— Двѣсти.

Въ синагогѣ произошло нѣчто, никакому описанію не поддающееся. Взоры всѣхъ молящихся не то съ удивленіемъ, не то съ испугомъ устремились на мою особу. Аукціонистъ положительно поблѣднѣлъ отъ неожиданности, а дядя въ замѣшательствѣ наклонился къ моему уху и прошепталъ:

— Ты, должно быть, нечаянно проговорился о такой крупной цѣнѣ?

Между тѣмъ аукціонистъ, какъ вкопанный, хранилъ молчаніе и не рѣшался повторить предложенный мною кушъ за «мафтиръ», до того оглушающее подѣйствовало на него огромность этого куша. Пауза вышла очень длинная и очень забавная. Но тутъ выступилъ на сцену «габай» (синагогальный староста) и, устремивъ на меня взглядъ, полный упрека,скомандовалъ аукціонисту:

— Повидимому, тутъ вышло недоразумѣніе... Начинай торгъ сначала.

— 25 золотыхъ за «мафтиръ»!... опять раздался голосъ аукціониста.

— 200, — повторилъ я опять громко.

Опять произошло замѣшательство и «габай», обратившись ко мнѣ, произнесъ съ уворивной.

— Мы въ синагогѣ, и такая шутка — грѣхъ.

— Помилюйте, какая же тутъ шутка?

— Развѣ вы серьезно намѣрены внести завтра вечеромъ въ кассу синагоги 50 злотыхъ? спросилъ «габай».

— Не только намѣренъ, но съ удовольствіемъ внесу, отвѣтилъ я съ улыбкою.

— Вотъ такъ «гвиръ» (богачъ)... послышался гогось и вся синагога стала взирать на мою особу съ нескрываемымъ благоговѣніемъ.

— 200 злотыхъ за «мафтиръ»!... торжественно провозгласилъ аукціонистъ и съ улыбкой продолжалъ по установленной формѣ. — Кто больше?... Онъ проницески осмотрѣлся кругомъ и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: — За вами!...

По синагогѣ пошелъ шепотъ, который не прерывался во все время чтенія Торы, несмотря на многократные призывы къ «тишинѣ» синагогальнаго старосты, который то и дѣло стучалъ своими досками.

Но еще больше изумленія и восторга вызвала моя особа среди молящихся, когда, призванный къ Торѣ, я показалъ свое искусство въ пѣніи и артистически, по всѣмъ правиламъ искусства, громко, внятно и отчетливо пропѣлъ соло стариннымъ синагогальнымъ напѣвомъ какъ вступительныя, такъ и заключительныя молитвы къ «мафтиру». Этимъ своимъ умѣніемъ пѣть я завоевалъ всеобщую симпатію и разсѣялъ всякія противъ себя предубѣжденія. Однимъ словомъ, я окончателно былъ признанъ «истымъ» евреемъ, несмотря на бритый подбородокъ и короткое платье и даже кокарду. Разумѣется, не только моя тетья, но и дядя былъ въ восторгѣ, что я сумѣлъ такъ зарекомендовать себя мѣстечку.

Когда молитва кончилась и мы вышли изъ синагоги, то я имѣлъ случай убѣдиться, сколь великъ былъ восторгъ мѣстечковыхъ евреевъ по многочисленнымъ привѣтствіямъ съ одной стороны и по слѣдующей, разыгравшейся сценѣ, которая доказала мнѣ, что и старая Харламовна, въ теченіе сорока лѣтъ занимавшая при синагогѣ немаловажный постъ «шабесъ-гоіе» (субботная истопница) и знавшая толкъ въ еврейскомъ бого-

служения не хуже любого еврея, тоже переполнилась къ моей особѣ благоговѣйнымъ восторгомъ.

— Родимый, ты мой!... Желанный! — остановила она меня на синагогальномъ дворѣ. — Утѣшишь ты меня. Право утѣшишь...

— Чѣмъ это?

— Какъ же?... Помилуй!... Сколько ни слыхала въ жизни, какъ евреи мафтируютъ, но такого отличнаго мафтира, какъ ты отзвонилъ, слышать не доводилось. Это былъ не мафтиръ, а прямо такая почтовый козакочликъ... Я рада, очень рада, что ты такой удачливый... умный... Такой хорошій еврей...

Старая Харламовна какъ-то особенно крякнула, приветливо поклонилась мнѣ и исчезла.

VIII.

По установившемуся въ мѣстечкѣ обычаю, всѣ мужчины прямо изъ синагоги повалили съ первымъ праздничнымъ визитомъ къ своему рабби. Самъ рабби важно выступалъ во главѣ толпы, умышленно замедляя свой шагъ, чтобы дать тетѣ достаточно времени приготовиться для приѣма многочисленныхъ гостей. Когда, наконецъ, мы прибыли въ квартиру дяди, я была наумлена хозяйственной распорядительностью моей тети: въ какой, относительно, короткій промежутокъ времени она успѣла приготовиться къ приѣму такой многочисленной толпы народа. Вся большая комната была уставлена длинными столами, прикрытыми скатертями и на нихъ красовались цѣлыя груды «нихлахъ» (лепешки). Въ серединѣ каждаго стола горделиво высилась бутылка, на одну треть наполненная наомнымъ виномъ мѣстнаго производства и рядомъ съ бутылкою торчалъ классическій шкаликъ. Сама тетьа скромно, съ опущенными долу глазами встрѣтила гостей. Первый привѣтствовалъ ее самъ рабби.

— «Гуть юмъ товъ», моя ребечень; — произнесъ онъ.

— «Гуть юмъ товъ»... Гуть юмъ товъ — загудѣла вслѣдъ за нимъ толпа.

— Гуть юмъ товъ, мой рабби... Гуть юмъ товъ коголь (община) — отвѣтила тетьа на привѣтствіе.

Всѣ заняли мѣста вокругъ столовъ. Разумѣется, почетное

мѣсто у главнаго стола занялъ самъ рабби. Онъ налилъ себѣ бокаль изюмнаго вина, громко произнесъ установленную молитву, пригубилъ бокаль и передалъ его мнѣ. Я послѣдовалъ примѣру дяди, т. е. только пригубился къ бокалу и передалъ его по очереди. Бокаль перешелъ отъ одного къ другому и такимъ образомъ совершилъ путешествіе вокругъ всего стола. Всѣ къ нему пригубились и все-таки, къ концу концовъ, больше чѣмъ на половину въ немъ осталось вина. Дядя бережно, не проливая ни единой капли, влилъ обратно остатокъ въ бутылку. То же самое и въ такомъ же порядкѣ совершилось одновременно и за другими столами, за которыми молитвы надъ виномъ произносили самые почетные изъ гостей.

— Теперь, когда въ честь святаго праздника мы вкусили вина сладкаго, винограднаго, со вкусомъ рая, попробуйте и горькаго, — торжественно произнесъ дядя: — ну, евреи, прешу не церемониться въ моемъ домѣ, — пейте и насыщайтесь во славу праздника...

Онъ налилъ себѣ изъ шкалика рюмку, произнесъ молитву и на этотъ разъ болѣе не пригубился къ рюмкѣ, а скорѣе вдохнулъ въ себя сивушный запахъ и при этомъ на его типчеподобномъ лицѣ появилась такая гримаса, словно онъ проглотилъ растопленный металлъ.

— Бррр... произнесъ онъ самодовольно, — необычайной крѣпости напитокъ... Отвѣдайте, дорогіе гости. Онъ веселитъ душу еврея, что и требуется для святаго праздника.

И рабби передалъ рюмку ближайшему сосѣду и она пошла по рукамъ.

— Что вы, ребъ Моше, такъ хлебнули много, — замѣтилъ одинъ старикъ другому. — Забываете, что еще предстоитъ угощеніе во многихъ домахъ? Если будете такъ усердствовать съ самаго начала, то, пожалуй, и ньянымъ напьетесь, а это будетъ «хилуль іомъ товъ» (оскверненіе праздника).

Старый Моше побагровѣлъ отъ стыда и чуть слышно произнесъ:

— Изъ чего вы взяли: я только пригубился. .

— Хорошо пригубился, — похрюмки отхлебнулъ.

— Ну ужъ и поль... Вамъ показалось. — Онъ поднялъ рюмку на свѣтъ и продолжалъ: — посмотрите, евреи, тутъ и

теперь больше половины, а до меня еще сколько члѣовѣкъ шло?

— Будеть, будетъ, еврей, — съелъ своимъ долгомъ дядя прекратить препирательства. — Ну, что жъ, хлебнуть ребъ Моше немножко больше, — не велика бѣда. — Да будетъ ему сіе на здорѡвье, а вы, вотъ что: закусывайте, чѣмъ Богъ послалъ...

На закуску буквально набросились, челюсти заработали на славу: все, что наготовила тетья, уничтожалось съ изумительной быстротой. Тетья, то и дѣло, бѣгала, суетилась и подавала новыя закуски. Когда, наконецъ, все было истреблено до конца, дядя произнесъ заключительную молитву и вся толпа мигомъ поднялась со своихъ мѣстъ и во главѣ съ дядей направилась съ праздничнымъ визитомъ къ старостѣ синагоги. Тамъ повторилась таже самая церемонія съ тѣми же угощеніями. Отъ старосты все мѣстечко отправилось къ «шохету» (рѣвнику скота), отъ рѣвника — къ кантору, а затѣмъ къ остальнымъ почетнымъ обывателямъ мѣстечка. Однимъ словомъ, въ первый день праздника обошли ровно половину мѣстечка, а другую половину, по физической невозможности, отложили до слѣдующаго дня.

Когда, около четырехъ часовъ дня, мы попали домой, то были настолько утомлены, что праздничный обѣдъ остался на столѣ не тронутымъ, къ великому огорченію тети.

— Готовишь, готовишь для сятаго праздника и все пропадетъ, — жалобно произнесла она. — И затѣмъ только гуся напрасно зарѣзала!..

— Гуся мы зарѣзали въ честь праздника, а что съѣсть его намъ придется послѣ праздника, — это ничего не значить, — успокоилъ ее дядя. Сейчасъ послѣ обѣда отправились въ синагогу къ ранней вечернѣ, которая продолжается не долго и по окончаніи ея дядя началъ проповѣдь скучную, длинную и безсодержательную, которая продолжалась вплоть до поздней вечерни, т. е. до захожденія солнца и появленія звѣздъ на небѣ. Когда, наконецъ, кончилась и вечерняя молитва, мы отправились съ дядей домой ужъ вдвоемъ, безъ провожатыхъ.

Опять тетья насъ встрѣтила на порогѣ и дядя привѣтствовалъ ее «гуть іомъ товомъ», опять усѣлись мы за столомъ

для праздничнаго ужина и опять отъ утомленія не могли проглотить ни куска. И все таки блюда чередовались блюдами и къ каждому изъ нихъ я былъ вынужденъ дотрогиваться, въ противномъ случаѣ оскорбилъ бы хозяйку и праздникъ. Съ какой радостью очутился я на своемъ чердакѣ, и сказать не могу. Я растянулся на свѣжемъ снѣгѣ и подъ заунывный, монотонный голосъ дяди, — который и на этотъ разъ, несмотря на крайнее утомленіе, послѣ ужина приступилъ къ чтенію Талмуда, — крѣпко заснулъ.

Слѣдующій день праздника прошелъ точь въ точь, какъ первый съ той только разницей, что возвратившись съ дядей изъ синагоги послѣ вечерней молитвы, мы не нашли на столѣ праздничнаго ужина, ибо съ появленіемъ звѣздъ праздникъ кончился и чрезъ нѣсколько часовъ, чтобы успѣть утромъ къ урокамъ, я выѣхалъ изъ мѣстечка.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Однажды, когда я занимался въ классѣ, сторожъ пришелъ сказать, что меня спрашиваетъ какой то еврей. Я вышелъ къ нему и узналъ въ немъ «шохота» мѣстечка, гдѣ равниствовалъ дядя. Онъ подалъ мнѣ письмо отъ дяди, которое приведу здѣсь дословно:

«Дорогой племянникъ, да свѣтитъ звѣзда твоя среди

Израиля вѣчно и да продлятся дни твои. Аминь!

Съ недоброю вѣстью прихожу я къ тебѣ. Вспомнилъ Господь обо мнѣ, рабѣ своемъ и посѣтилъ Онъ меня. Моя дорогая жена отошла въ вѣчность. Господь взялъ ее къ себѣ въ лоно праведныхъ, — такова была Его святая воля. Не ропщу я на Создателя и не падаю духомъ, но я въ ничтожествѣ моемъ ощущаю великую горестъ и, если ты можешь на нѣсколько дней пріѣхать ко мнѣ теперь, то доставишь великое утѣшеніе осиротѣвшему дядѣ своему.

Пребываю къ тебѣ съ любовью, твой дядя

Шебсель-Эйзеръ, раввинъ».

Письмо это огорчило меня до слезъ, но ѣхать сейчасъ, несмотря на все желаніе, не могъ. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ раньше чѣмъ такая возможность представилась. Все время у меня изъ головы не выходилъ осиротѣлый дядя и всѣми силами стремился къ нему. Но вотъ, желанный отпускъ полученъ на цѣ-

лыхъ пять дней и я нанявъ знакомаго читателя возницу, поѣхалъ въ В. Всю дорогу я не могъ заснуть, все думалъ о сиротливомъ положеніи старика-дяди и сочинялъ планы для его утѣшенія. Самымъ подходящимъ для меня представлялось уговорить его оставить мѣстечко и отправить его къ кому либо изъ его дѣтей на покой. Въ самомъ дѣлѣ, что жъ ему одному доживать свой вѣкъ? Вѣдь некому не только ухаживать за нимъ, на даже и приглядѣть, а годы его ужъ вѣдь такіе... Вотъ какими мыслями былъ я занятъ всю дорогу, пока не пріѣхалъ въ мѣстечко.

Было около 8 часовъ утра, когда моя телега остановилась у знакомой, полуразвалившейся избы. Я быстро соскочилъ и вошелъ въ первую комнату.

— Кто вы будете? — осмотрѣла меня съ ногъ до головы высокая еврейка, лѣтъ 45, съ толстымъ, мясистымъ носомъ и румяными щеками.

— Дяди дома нѣтъ? — отвѣтилъ я вопросомъ на вопросъ.

— Ахъ! — засуетилась еврейка. — Такъ, значить, вы нашъ племянникъ, котораго рабби такъ нетерпѣливо ожидалъ?

— Да, я племянникъ рабби Шебсель-Эйзера...

— И мой!... перебила меня еврейка.

— Какъ вашъ?

— Очень просто: двѣ недѣли тому назадъ я обвинчалась съ твоимъ дядей по закону Моисея, Исаака и Якова; значить, — я теперь твоя тетка, а потому позволю привѣтствовать тебя по родственному.

И она раскрыла мнѣ свои объятія. Я отскочилъ, какъ ужаленный, и страшная злоба закинула во мнѣ противъ этой женщины, такъ скоро занявшей въ этой избѣ мѣсто моей покойной тети, и противъ дяди, который такъ скоро измѣнилъ памяти жены, съ которой прожилъ болѣе 60 лѣтъ. Еще болѣе вскипѣла во мнѣ злоба, когда въ верхнемъ отдѣленіи этой чужой еврейки я узналъ знаменитый «новомодный» бурнусъ покойной тети, оказавшійся на ней совершенно въ пору. Моя злоба и мое негодованіе были такъ сильны, что я рѣшилъ немедленно убѣжать, не повидавшись даже съ измѣнникомъ-дядей; но, сдѣлавъ шагъ къ выходу, я очутился съ послѣднимъ лицомъ къ лицу.

— «Шолемъ-aleyхемъ», дорогой мой, — радостно запищала

дядя. — Какъ я радъ!... Какъ я радъ!... Лицо его дѣйстви-
тельно радостно улыбалось. — Ну, поцѣлуемся....

— Оставьте меня!... сердито произнесъ я.

Дядя недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня.

— Что съ тобою?

— Со мною ничего. А вотъ вы, должно быть, на ста-
рости лѣтъ съ ума сошли... Не ожидалъ я этого отъ васъ.
Никакъ не ожидалъ!...

— Говори толкомъ: отчего ты сердился?

— Помилуйте, всю жизнь прожилъ съ тетей, любилъ ее...
дѣтей выростили я... и не успѣлъ ее похоронить, какъ по-
спѣшили жениться на другой... Вѣдь вамъ около 90 лѣтъ...
Какъ вамъ не стыдно!...

— Такъ ты объ этомъ, — прервалъ меня съ вздохомъ
дядя. — Ну такъ эти вещи ты не понимаешь. Если бѣ ты
понялъ, то не сердился бы.

— Тутъ нечего понять — еще больше рассердился я. —
Вы — старикъ, одной ногой стоящій на могилѣ... Незачѣмъ
было жениться и осквернять память тети.

Но тутъ я прямо таки не узналъ дядю; онъ весь момен-
тально преобразился: глаза у него заблистали, волосы оцѣт-
нились и онъ, какъ будто, выросъ.

— Не говори глупостей, — произнесъ онъ властно. — Не
я, а ты оскорбляешь память покойницы, да печѣть она въ
лонѣ праведныхъ. Я поступилъ по закону... И если бѣ
твоя тетя возстала изъ гроба, она одобрила бы мой посту-
покъ. Ты развѣ забылъ, что въ Св. писаніи сказано: «не-
хорошо человѣку быть одному»... И развѣ я смѣлъ закона не
исполнять?!... Къ тому, возвращаясь въ пятницу вечеромъ изъ
синагоги домой, въ свой осиротѣвшій домъ, мнѣ бы пришлось
привѣтствовать «гуть-шабесомъ» чужую еврейку, прислугу...

Аргументы дяди были настолько справедливымъ, что я тутъ
же согласился съ нимъ и примирился, но съ новой тетей,
щеголявшей въ «новомодномъ» бурнусѣ покойницы, я прими-
риться не могъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я уѣхалъ изъ В. и больше
никогда не видѣлся съ дядей Шевоаль-Эйверомъ.

С. Керенъ.

ИЗЪ ПСАЛМОВЪ ДАВИДА.

Тебѣ, о праведный Господь,
Хвала и слава на Сионѣ!
Къ тебѣ стремится духъ и плоть;
Ты жизнь вершишь въ святомъ законѣ.
Блаженъ, кого Ты самъ избралъ,
Кого насытилъ божьимъ хлѣбомъ,
Кого Твой храмъ укрылъ какъ небо —
И путь къ спасенью указалъ.

Услышь прибѣгнувшихъ къ Тебѣ
Со всѣхъ концовъ земли печальной.
Ты слышишь — жалобъ отъ далекихъ
Изнемогающихъ въ борьбѣ!
Да укрои сердца людей! —
Ты, жизнь подъявший въ небосводахъ,
Ты, укрощавшій шумъ морей,
Шумъ водъ и арыхъ мятежей
Тобой колеблемыхъ народовъ.

Да будутъ знаменья Твои
Для беззаконныхъ устрашеньемъ!
Ты знаменосные ручки
Наполнилъ блескомъ и стремленьемъ.

Ты прахъ измученной земли,
 Во дни ея горячей жажды,
 Вспойль дождями не однажды,
 Чтобъ всходы зрѣли и цвѣли!

Надъ недостойными грозя
 Грозами вѣщями Твоими, —
 Полна дарами всеблагими
 Твоя безсмертная стезя!
 Блаженъ избранника удѣлъ, —
 Ты утучнилъ его пустыни,
 И вмѣсто громоносныхъ стрѣлъ
 Духъ беззащитнаго одѣлъ
 Въ броню сияющей святости!...

1895.

К. Фофановъ.

ГАЗЕЛЬ.

Изъ „Еврейскихъ мелодій“ Байрона.

Въ горахъ Иудей досель
 Рѣзвится на волѣ газель;
 И звонко журчащій ручей
 Поить ее влагой своей,
 Сбѣгая съ отвѣсныхъ стремнинъ
 Въ таинственный сумракъ долинъ.

Когда-то Израиля дѣвъ
 Въ горахъ раздавался напѣвъ;

Какъ дикая серна робка,
И такъ же стройна и легка,
Красавица горной тропой
Спѣшила къ ручью за водой.

Израиля жалкихъ дѣтей
Счастливые пальмы степей:
Здѣсь корни пустили онѣ,
Въ далекой, чужой сторонѣ
Не жить и не цвѣсть имъ — вдали
Отъ почвы родимой земли.

Отчизны лишь мы лищены;
Въ могилу не лягутъ сыны,
Гдѣ кости отцовъ ихъ лежать.
Во прахѣ — Израиля градъ,
И палъ, и врагомъ оскверненъ
Солима блистательный тронъ.

Н. Григоровичъ.

Будущность еврейских земледѣльческих колоній въ Палестинѣ

ВЪ ЗАВИСИМОСТИ ОТЪ РАЗНЫХЪ СИСТЕМЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

„On ne réussit en agriculture qu'à la double condition—de faire bien et de faire ce qui convient; de le faire en outre en temps utile, en proportion convenable, avec des moyens en rapport avec les résultats visés“.

(Въ земледѣліи можно имѣть успѣхъ только при двойномъ условіи: дѣлать хорошо и дѣлать то, что нужно; дѣлать кромѣ того, во-время, въ должной пропорціи, употребляя при этомъ тѣ средства, что вполне соответствуютъ результатамъ, достиженіе которыхъ желательно).

F. Covert, Les entreprises agricoles.

О еврейскихъ колоніяхъ въ Палестинѣ такъ много говорилось на страницахъ «Восхода» и другихъ еврейскихъ органовъ, что лишь особымъ причинамъ въ состояніи побудить кого бы то ни было вернуться къ этому вопросу. Во всѣхъ разсужденіяхъ о еврейской колонизаціи въ Палестинѣ нами замѣчены нѣкоторые весьма крупныя пробѣлы. Прежде всего, надо отмѣтить тотъ въ высшей степени любопытный фактъ, что въ нашей специальной еврейской прессѣ почти нѣтъ вовсе отзыва агрономовъ о сельскохозяйственной дѣятельности евреевъ въ Палестинѣ, а тѣ, что имѣются, носятъ характеръ случайности и не затрагиваютъ глубоко колонизаціоннаго дѣла вообще. Объясняетъ это тѣмъ, что у насъ еще почти нѣтъ своихъ агрономовъ, и въ особенности такихъ, что

прожили бы хотя короткое время въ Палестинѣ. Страннымъ, правда, кажется то обстоятельство, что еврей, которыхъ считаютъ правителями до мозга костей, сочли возможнымъ въ данномъ случаѣ обойтись безъ специалистовъ-агрономовъ, но объяснить это должно исключительно тѣмъ, что они считаютъ сельское хозяйство такимъ простымъ дѣломъ, которое изучать нечего. Еврей, хотя бы никогда не видѣвшій поля, полагаетъ, что разъ простой неотесанный мужикъ въ состояніи заставить землю платить ему должную дань, то возможное ли дѣло, чтобы *евреею* было это не по силѣ? А вотъ тотъ еврей, что разъ на своемъ вѣку засадилъ небольшой огородъ картофелемъ, тотъ считаетъ себя уже вполне агрономомъ. За такое самоиѣніе многіе въ Палестинѣ заплатились очень жестоко, заплатились не отдѣльными только личностями, работавшія за свой счетъ, но и цѣлымъ обществомъ, довѣрившія своимъ делегатамъ какъ покупку земли, такъ и ея обработку. Въ данномъ случаѣ были забыты слова знаменитаго баснописца: «Вѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ!» И многія нареканія по адресу Палестины имѣютъ своимъ основаніемъ неумѣлость людей, взявшихся не за свое дѣло. Дома—портной, сапожникъ, меламедъ, факторъ и т. д., и т. д., онъ въ Палестинѣ... нѣтъ, гораздо раньше, въ тотъ моментъ, когда только у него являлось желаніе *похитить* въ Палестину, уже считалъ себя заправскимъ земледѣльцемъ, чуть ли уже не агрономомъ; а если онъ въ родномъ городѣ, въ Россіи, игралъ видную роль въ качествѣ общественнаго дѣятеля, то ему, разумѣется, довѣрялись капиталы цѣлаго общества и онъ *устранивалъ* колонію! Помните, что же можетъ быть легче, какъ *купить землю*? Были бы только деньги. И какое надобно умѣніе, чтобы развести виноградникъ? Ровно никакого! Мы могли бы въ доказательство привести цѣлый рядъ фактовъ, но... оставимъ это пока въ сторонѣ а займемся вопросомъ, имѣющимъ, по мнѣнію нашему, весьма важное значеніе. Только изрѣдка и то какъ бы мимоходомъ былъ затронутъ вопросъ о значеніи той или другой системы сельскаго хозяйства для извѣстной колоніи, но мы нахѣрены вопросъ этотъ обобщить и показать, какое значеніе онъ имѣетъ для всего колонизаціоннаго дѣла. Я считаю себя вправѣ въ данномъ вопросѣ «снѣтъ свое сужденіе имѣть» не только потому, что потратилъ лучшіе годы на подготовленіе себя къ агрономической дѣятель-

ности въ спеціальному учебному заведеніи, но также потому, что практически работалъ на поляхъ Св. Земли и верхомъ на конѣ извѣздилъ страну вдоль и поперекъ, и знаю ее какъ свои пять пальцевъ. А теперь, въ глухомъ уголкѣ восточной Россіи, при другой обстановкѣ и иныхъ климатическихъ условіяхъ, поглощенный всякаго рода заботами сельскохозяйственнаго характера, я рѣшилъ подѣлиться съ читателями «Восхода» своими мыслями о важнѣйшемъ по моему мнѣнію вопросѣ, касающемся колонизаціи Палестины. Я могъ удѣлить этому немногія минуты досуга и, имѣя въ виду чисто практическія цѣли, я старался сдѣлать статью понятной для всѣхъ, ничуть не стремясь поразить кого бы то ни было «ученостью». Я буду себя считать вполне вознагражденнымъ за потраченное время, если трудъ мой заставитъ хоть нѣкоторыхъ колонистовъ посмотреть на свое хозяйство съ той точки зрѣнія, съ которой я смотрю на него, ибо тогда и голосъ мой не останется гласомъ вопиющимъ въ пустынѣ. А теперь, читатель, приступимъ къ дѣлу.

Въ высшей степени любопытенъ характеръ сельскохозяйственной дѣятельности евреевъ въ Палестинѣ. Васъ поражаетъ съ одной стороны принявшее столь огромныя размѣры виноградарство, а съ другой—почти полное отсутствіе пахотныхъ полей. Удивляться этому приходится въ особенности потому, что русскіе евреи, прибывшіе въ Палестину съ цѣлью стать земледѣльцами, не имѣли *никакою* понятія о разведеніи виноградниковъ. Правда, многіе или вѣрнѣе—подавляющее большинство не имѣло никакого понятія о сельскомъ хозяйствѣ вообще, но при всемъ томъ хлѣбопашество было имъ по крайней мѣрѣ извѣстно по наслышкѣ. Въ чемъ же, невольно задаешь себѣ вопросъ, заключается причина такого быстрого развитія виноградарства въ колоніяхъ въ ущербъ другимъ отраслямъ земледѣлія? Вызвана ли она какими нибудь климатическими и почвенными условіями, или же экономическими соображеніями?

Всѣмъ извѣстно, что первыми стали разводить виноградники колонисты Ришонъ-Леціона послѣ первыхъ же неудачъ въ области хлѣбопашества.

Г-нъ Е. Хисинъ въ своей статьѣ: «Изъ дневника палестинскаго эмигранта» отмѣчаетъ подъ числомъ 15 февраля 1895 г. слѣдующее: «Въ настоящую зиму колонисты принялись въ боль-

шихъ размѣрахъ разводить виноградники. Земля наша (т.-е. земля колоніи Ришонъ-Леціонъ, гдѣ Г. Хисинъ былъ тогда колонистомъ), вѣгодная для хлѣбопашества, въ высшей степени удобна для садоводства, такъ какъ для перваго нужна хорошая, жирная почва, между тѣмъ какъ виноградники требуютъ песчаной». ¹

Изъ этихъ строкъ выходитъ, что колонисты Ришонъ-Леціона оставили хлѣбопашество и перешли къ плантаціямъ исключительно вслѣдствіе качества пріобрѣтенной земли. Сообщение г. Хисина вполне подтверждается фактами. Когда земля была куплена, никто изъ ришонцевъ вѣроятно и не думалъ о виноградникахъ: всѣ предполагали заняться хлѣбопашествомъ. Но гдѣ, что и когда сѣять? На эти вопросы наши пионеры отвѣтовъ дать не могли. Земля куплена и volens-polens нужно было приступить къ работѣ. Руководители далеко не стояли на высотѣ своей задачи и колонистамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только подражать арабамъ. Какъ и слѣдовало ожидать, результатъ получился плохой. Дѣло въ томъ, что земли въ Палестинѣ сильно истощены безпрерывными посѣвами безъ удобренія и безъ пара. Арабъ, никогда не уваживающій своего поля, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдко даетъ ему и отдохнуть: послѣ озимаго дѣлаетъ яровой посѣвъ, затѣмъ снова озимый, опять яровой и т. д. При этомъ земля обрабатывается самымъ примитивнымъ способомъ—небольшой и скверной сохой, пахущей очень мелко; борона вовсе не употребляется, такъ что сплывъ вѣка раздѣливается и вывѣтривается верхній тонкій слой почвы, вершка въ два, и неокрѣпшимъ корнямъ растений представляется самимъ пробивать себѣ дорогу глубже въ землю и черпать оттуда еще сохранившіяся минеральныя и органическія богатства, которыми отсталый, рутинный земледѣлецъ упорно отказывается ихъ снабжать.

Урожай на такихъ поляхъ обыкновенно плохій: колось мелкій, зерно тощее, солома низкая, да и «колось отъ колоса не слышать двичьяго голоса».

Мѣстами же, гдѣ арабъ хоть нѣсколько старательнѣе обрабатываетъ свое поле, урожай обыкновенно бываетъ выше средняго, а у нѣмцевъ прямо хорошій. Нѣмецъ въ ходъ пускаетъ плугъ и хорошія бороны, регулярно уваживаетъ поле и употребляетъ

¹ „Восходъ“ 1889. VII. Стр. 7.

хорошія сѣмена, не забывая при этомъ, что рациональный плодосиѣвъ также играетъ великую роль въ хозяйствѣ. Всего этого наши новички-колонисты понимать не могли, да въ тому же и земля Ришонъ-Леціона, къ несчастью, оказалось мало подходящей для хлѣбопашества, особенно въ первое время пользованія ею. Нужно было потратить слишкомъ много труда и времени, чтобы превратить ришонскую землю въ болѣе или менѣе пригодную для посѣвовъ пшеницы, особенно ту часть ея, которая въ тому же на большую глубину имѣетъ песчаную подпочву. Правда часть ришонской земли, если и не вполне пригодна для посѣвовъ пшеницы, вполне хороша для ячменя, картофеля, люцерны и т. д., но такими тонкостями въ то время некому было заниматься, и когда, поработавши годъ—другой, колонисты получили плохіе урожан, они стали подумывать о другихъ отрасляхъ земледѣлія, могущихъ дать большіе доходы, и... остановились на виноградарствѣ! Думали не долго и еще скорѣе было принято рѣшеніе приступить къ дѣлу. Почва Іудеи вообще и Ришона въ частности какъ нельзя лучше благопріятствовала такому рѣшенію, и колонисты взялись энергично за посадку виноградниковъ и вели дѣло это какъ умѣли. Но умѣли всѣ плохо. Первые плантаціи были неудачны, однако дѣло на этомъ не остановилось. Выписывались, или доставались книги, трактующія объ этомъ предметѣ, и быстро прочитывались. Добытыя такимъ образомъ знанія тутъ-же примѣнялись на практикѣ; учились также на сторонѣ: въ школахъ Микво-Израиль и у нѣмцевъ. Вскорѣ на помощь колоніи подошѣлъ баронъ Ротшильдъ, и тогда только появились и улучшенныя земледѣльческія орудія и хорошія лозы французскихъ виноградниковъ, впоследствии также и американскихъ, гарантирующихъ плантатора отъ страшнаго бича—филлоксеры. Присланы были и садовники-французы, но, въ сожалѣнію, подборъ ихъ былъ сдѣланъ крайне неудачно: ибо между ними было немало такихъ, что о садоводствѣ имѣли самое смутное представленіе. Это все были люди случая. Мы не говоримъ уже о томъ, что французы вовсе не имѣли причинъ сочувствовать колонистамъ; какъ служащіе барона, они думали лишь о своихъ собственныхъ интересахъ и потому врядъ-ли принесли какую либо существенную пользу колоніи. Однако, благодаря огромной энергіи, затраченной колонистами и большимъ капиталамъ, вложеннымъ въ дѣло Ротшильдомъ,

мы теперь видимъ въ нѣкоторыхъ колоніяхъ не только хорошіе, но прямо образцовые виноградники.

Перейдя такимъ образомъ къ плантаціямъ виноградниковъ, рижонцы совершенно отрушились отъ хлѣбопашества. Этотъ фактъ имѣлъ важное значеніе въ судьбѣ другихъ колоній, основанныхъ вблизи Рижонъ-Леціона. Невыгода заниматься хлѣбопашествомъ (вслѣдствіе полученныхъ одного - двухъ плохихъ урожаевъ) стала аксіомой. При основаніи новой колоніи уже не было и рѣчи о хлѣбопашествѣ, а дѣлались расчеты и смѣты на плантаціи виноградниковъ и подводились итоги доходамъ съ каждой лозы, начиная съ четвертаго года и дальше. Доходы росли въ какой то восходящей прогрессіи. Всѣмъ извѣстно, что всѣ эти расчеты и смѣты оказались совершенно вѣрными на бумагѣ и совершенно невѣрными на дѣлѣ. И несмотря на это, до послѣдняго времени всѣ бредятъ плантаціями, а о хлѣбопашествѣ, за весьма немногими исключеніями, никто и слышать не хочетъ.

Въ магометанской странѣ, гдѣ громадное большинство населенія спиртныхъ напитковъ не употребляетъ, трудно рассчитывать на значительный сбытъ винограднаго вина на мѣстѣ. Сосѣднія же по сушѣ и ближайшія по морю страны либо съ преобладающимъ магометанскимъ населеніемъ, или же съ избыткомъ производятъ вино у себя дома. Въ Европѣ, напр., почти вездѣ возстановлены виноградныя плантаціи, опустошенныя два десятка лѣтъ тому назадъ безошадной филлоксерой. Переизбытокъ винограднаго вина далъ себя особенно почувствовать во Франціи въ этомъ году, гдѣ сборъ винограда былъ чрезвычайно обиленъ. Въмѣсто того, чтобы послужить въ пользу владѣльцамъ плантацій, этотъ необыкновенно обильный сборъ винограда поставилъ ихъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. И было надъ чѣмъ задуматься: обильный урожай требуетъ вѣдъ массы рукъ, а онѣ чрезвычайно дороги; къ тому же въ погребахъ нѣтъ достаточнаго мѣста ни для выдѣлки, ни для выдержки вина; посуды тоже не хватаетъ и, въ концѣ концовъ, цѣны на вино небывало низкія, да и покупаютъ его неохотно. Особенно пришлось пострадать югу Франціи, гдѣ выдѣлываются такъ называемыя «les gros vins», простое столовое вино, и гдѣ помѣщичьи и крестьянскія хозяйства почти исключительно основаны на виноградарствѣ. Тридцать

лѣтъ тому назадъ трудно было даже предвидѣть такой кризисъ. Все шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ: плантаторъ производилъ вино, коммерсантъ покупалъ и перепродавалъ его, всѣ шли и всѣ были довольны,—пока не явилось маленькое, почти микроскопическое насѣкомое, называемое филлоксерой, которое произвело очень большой экономическій переворотъ въ рассматриваемой нами отрасли земледѣлія.

Найдённое въ первый разъ во Франціи въ 1868 году, оно къ концу 1884 года окончательно уничтожило 1.000,000 гектаровъ виноградниковъ, кромѣ 664,511 гектаровъ большихъ, изъ которыхъ можно считать 200,000 погибшихъ, такъ что все количество погибшихъ до этого времени виноградниковъ равняется 1.200,000 гектаровъ, т. е. половинѣ всѣхъ французскихъ плантацій ¹.

Вмѣстѣ съ постепенной гибелью виноградниковъ стало возрастать количество ввозимаго вина изъ другихъ странъ, не пострадавшихъ еще въ это время отъ филлоксеры. Такъ, въ 1875 году ввозъ обыкновенныхъ винъ и изюма, который также шелъ на выдѣлку вина, былъ на сумму—обыкновеннаго вина: 8.351,741 фр., изюма: 5.755,614 фр., въ 1887 — же году онъ былъ уже на сумму:—обыкновеннаго вина: 545.000.000 фр., изюма: 98.000.000 ².

Вмѣстѣ съ тѣмъ стала развиваться фальсификація винъ; самой невинной была—добавка воды, а слѣдовательно и красящихъ веществъ. Арманъ Готье говоритъ, что изъ 60 милліоновъ гектолитровъ вина, употребляемыхъ Франціею ежегодно, 20 милліоновъ были фальсифицированы посредствомъ изюма, сахара, пивета (результатъ броженія виноградныхъ остатковъ съ примѣсью воды) или простою прибавкою воды ³.

Теперь же, когда почти всѣ погибшіе французскіе виноградники восстановлены посредствомъ плантаціи американскихъ лозъ (въ одномъ Герольдскомъ департаментѣ — *département de l'Hérault*—къ 1891 году было уже засажено 130,000 гектаровъ ⁴), да не только французскіе, но и другіе—итальянскіе etc., теперь—

¹ Rapport de M-r le Directeur de l'Agriculture, présenté à la Commission Supérieure du phylloxera pour l'année 1884, in libro: „Les insectes de la vigne“ par Valéry Mayet. Montpellier. Coulet. 1890, page 58—59.

² Ibid., p. 60.

³ Armand Gautier. La sophistication des vins. Paris. 1884. 3-e éd. p. 3.

⁴ G. Foëx. Courscomplet de Viticulture. 1891. 3-e éd. p. 686.

нигдѣ не ощущается недостатка въ винѣ, а наоборотъ, вездѣ есть переизобиліе его. Не нужно еще упускать изъ виду, что при-
нявшая такіе огромные размѣры фальсификація винъ и въ на-
стоящее время почти не убавилась, такъ какъ производство та-
кого вина обходится чрезвычайно дешево, и ему легко вслѣд-
ствіе этого конкурировать съ натуральными винами.

Могли бы имѣть сбытъ тонкія вина, стоящія по нѣскольکو
рублей бутылка, но производство ихъ въ Палестинѣ невозможно,
въ виду того, что броженіе всегда происходитъ ненормально и
рѣдко вполне оканчивается. Тогда какъ самою лучшею темпера-
турой для броженія винограднаго сусла считается температура
между $+20^{\circ}$ и $+25^{\circ}\text{C}$. и уже посредственною между $+25^{\circ}$ и $+35^{\circ}$,
намъ лично не разъ приходилось наблюдать въ погребѣ «Зин-
роузъ-Якова» температуру броженія $+38^{\circ}$ и даже $+40^{\circ}$. Между
тѣмъ, начиная съ 30° , вино, хотя и содержащее большое коли-
чество алкоголя, склонно къ порчѣ ¹.

При температурѣ въ 45° броженіе совершенно останавливается,
хотя ферменты при этой температурѣ живы ², а по Блакенгорну
и Морицу ферменты остаются въ бездѣйствіи, если температура
поднялась до 40° не постепенно, а быстро ³.

Въ виду же чрезмѣрно возвышенной температуры при броже-
ніи, въ результатъ получается вино, которое невозможно долго
выдерживать и которое не можетъ имѣть бузета, а послѣдній, какъ
извѣстно, составляютъ необходимую принадлежность каждаго тон-
каго вина.

Кромѣ трудности сбыта вина, нужно еще принять въ расчетъ
и то обстоятельство, что исключительное занятіе плантаціями вино-
градниковъ стоитъ очень дорого и положительно не годъ силу
нашимъ колонистамъ. При томъ ждать четыре года, пока будетъ
первый сборъ винограда, не получать за это время абсолютно
~~никакого~~ дохода со своей земли и, наконецъ, получивъ виноградъ,
не знать куда его дѣвать и что съ нимъ дѣлать, — согласитесь,
что это несообразно съ разумными требованіями сельскохозяй-
ственной экономіи, и вообще житейской. Вотъ, напр., колонія Ка-

¹ Traité de la vigne et de ses produits. L. Portes et F. Ruysen. Paris, Octave Doin, 1888. T. II, p. 210.

² Traité de l'art de faire le vin. D-r Frédéric Cazalis. 1890, p. 34.

³ Blakenhorn et Moritz. Ann. der Oenologie. III. 1 Heft.

тра, гдѣ имѣются прекрасныя виноградники, стоявшіе колонистамъ массу времени и усилій, виноградники, дающіе уже хорошій сборъ. Кажется, колонисты уже у пристани, они должны собирать плоды своихъ трудовъ; но нѣтъ: у нихъ до сихъ поръ не имѣется погреба и негдѣ выдѣлывать вина, а погребъ долженъ стоять большихъ денегъ, а гдѣ ихъ взять? Въ такомъ же положеніи очутится и Рекевотъ, и Хедера, гдѣ въ настоящее время также имѣется большое количество виноградниковъ, а погреба на горизонтѣ не замѣчаются...

Вино же вообще такой продуктъ, который легко можетъ портиться и во время его выдѣлки и послѣ, во время выдержки, особенно въ такой странѣ, какъ Палестина, гдѣ температура еще очень возвышена во время сбора винограда (іюль—августъ), а норча вина можетъ повести къ полному раззоренію плантатора.

При томъ же и лозы подвержены многимъ болѣзнямъ, которыя сильно убавляютъ количество винограда и отражаются на качествахъ его. Къ счастью, въ Палестинѣ этихъ болѣзней еще немного, но онѣ несомнѣнно современемъ появятся, такъ какъ до сихъ поръ продолжаютъ ввозить изъ Европы виноградныя лозы, съ которыми въ ковшѣ концовъ завезутъ всевозможныя криптогамическія болѣзни. Правда, условія борьбы съ ними уже извѣстны въ Европѣ, но колонистамъ въ Палестинѣ онѣ надѣлаютъ не мало бѣды, если застигнуть ихъ въ расцвѣтъ.

Несмотря на все вышеизложенное, мы вовсе не имѣемъ въ виду высказаться противъ занятія виноградарствомъ, но хотимъ предостеречь настоящихъ и будущихъ колонистовъ Палестины отъ излишняго увлеченія имъ. Мы хотѣли бы обратить ихъ вниманіе на то, что основывать хозяйство исключительно на одной какой-либо культурѣ чрезвычайно опасно для каждаго колониста въ отдѣльности и для всего колонизаціоннаго дѣла вообще: вѣдь при неблагоприятныхъ условіяхъ для данной культуры урожай можетъ быть нуль. Извѣстенъ случай, когда земледѣлецъ, увлекшись какою-либо культурой, давшей ему разъ или два хорошую прибыль, въ третій разъ засеявъ тѣмъ-же все свое поле, не собиралъ и сѣмянъ.

При филлоксерномъ кризисѣ, о которомъ мы выше говорили, тысячи помѣщиковъ и десятки тысячъ крестьянъ, у которыхъ хозяйство было основано исключительно на виноградарствѣ, были

разворены въ конецъ, и потребовалось двадцать лѣтъ упорной борьбы, чтобы они могли оправиться, да и оправились то они только благодаря правительству, потратившему на это дѣло многіе милліоны. Это при плантаціяхъ виноградниковъ. Но вотъ вамъ другой примѣръ: недавніе голодные годы въ Россіи. Они намъ ближе извѣстны по ужасному тогда положенію крестьянъ, когда къ мукѣ примѣшивалась мякина, кора, когда лошадь, корову продавали за 3—5 рублей, чтобы купить два-три пуда муки, когда люди буквально умирали съ голоду. Прошло два-три года, и какъ картина измѣнилась! Необыкновенный урожай прошлаго года сильно повліялъ на цѣны въ томъ смыслѣ, что немнѣжно ихъ понизилъ. На хлѣбномъ рынкѣ затишье, хлѣботорговцы жалуются на застой, помѣщики—на низкія цѣны, и только одинъ крестьянинъ торжествуетъ: онъ сытъ, онъ снова обзавелся скотомъ, у него корма много. Онъ продаетъ только ту часть хлѣба, на которую есть спросъ и которая, слѣдовательно, хорошо оплачивается: горохъ, просо, льняное и коноплянное сѣмя и т. п., онъ продаетъ кромѣ того еще свой трудъ, за который получаетъ хорошія деньги, такъ какъ въ немъ нуждаются. Болѣе того: крестьянинъ предпочитаетъ покупать теперь у помѣщика кормъ скоту, такъ какъ онъ дешевле, и оставлять на гумнѣ немолоченымъ свой хлѣбъ, котораго у многихъ хватить на два года.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ быстро хлѣбопашецъ можетъ оправиться послѣ неурожая, или вообще неблагоприятнаго года, сравнительно съ плантаторомъ. Ему снова легко устроиться, если у него уцѣлѣли сельско-хозяйственныя орудія и лошадь.

Поэтому, когда колонистъ селится на новомъ мѣстѣ, первой заботой его должно быть обзаведеніе необходимѣйшимъ инвентаремъ для *посѣва*: лошадью, плугомъ и бороною. Земледѣльцы-переселенцы обыкновенно забираютъ свои старыя орудія съ собою, зная по наслышкѣ, какъ трудно обзавестись всѣмъ этимъ на новомъ мѣстѣ. Сдѣлавъ первый посѣвъ, поселенецъ спокоенъ уже за будущій годъ: у него будетъ чѣмъ прокормить семью и лошадь, будетъ что и продать, и тогда онъ приступаетъ къ прочному устройству своего домашняго хозяйства, своего «home».

Въ основу эксплуатаціи земли колонистомъ должно быть положено хлѣбопашество, которое и обезпечитъ его существованіе. Безусловно необходимо, чтобы у него въ амбарѣ постоянно былъ

достаточный запасъ пшеницы и ячменя, по крайней мѣрѣ на годъ, до новаго урожая, а на гумнѣ довольно сѣна и яровой соломы для прокорма лошадей, коровъ и овецъ и озимой—для подстилки имъ; остальные продукты хлѣбопашества: дурра, кукуруза, картофель, сезамъ etc. и излишекъ пшеницы и ячменя, если таковой имѣется,—пойдутъ въ продажу на покрытіе различныхъ хозяйственныхъ и домашнихъ расходовъ.

Но колонистъ не долженъ и тутъ впасть въ крайность: *одно хлѣбопашество*, т. е. хозяйство, основанное исключительно на культурѣ злаковъ, врядъ ли доставить ему всегда столько, чтобы семья была сыта, обута, одѣта, да и про черныи день что либо оставалось. На это тѣмъ болѣе трудно надѣяться, что большинство нашихъ колонистовъ владѣетъ *небольшими* участками земли, и потому необходимо искать средства увеличить по возможности доходность имѣющейся земли. И чтобы этого достигнуть, необходимо поступить слѣдующимъ образомъ: часть поля отвести подъ плантанціи виноградниковъ и посадку деревьевъ, подъ бояру и огородъ, другую—занять кормовыми травами; не слѣдуетъ забывать и молочнаго хозяйства, и откармливанія скота, всегда сообразаясь съ характеромъ почвы и мѣстности, гдѣ земля находится.

Колонистъ долженъ имѣть, по нашему мнѣнію, *minimum* 12 гектаровъ (около 130 дунамовъ) земли, чтобы устроиться и жить безбѣдно, не нуждаясь въ посторонней помощи. *Maximum'a*, конечно, быть не можетъ, хотя было бы нежелательно, чтобы колонистъ - земледѣлецъ, т. е. колонистъ, обрабатывающій свою землю лично, съ помощью взрослыхъ членовъ своей семьи или съ помощью одного наемнаго рабочаго, владѣлъ участкомъ болѣе, чѣмъ въ 25—30 гектаровъ, ибо и при такомъ участкѣ необходимо уже, чтобы семья состояла по крайней мѣрѣ изъ трехъ мужскихъ рабочихъ и 3—4 женскихъ.

Перейдя за этотъ *maximum* тридцати гектаровъ, мы будемъ имѣть уже дѣло не съ *колонистомъ-земледѣльцемъ*, но съ *земле-владельцемъ*. Разница здѣсь понятна: въ послѣднемъ случаѣ колонистъ самъ уже работать не будетъ, ибо *все* его время должно неминуемо уйти на то, чтобы всѣмъ распорядиться и за всѣмъ присмотрѣть. Это уже будетъ помѣщикъ, который, въ такомъ случаѣ, долженъ обладать солиднымъ капиталомъ для

веденія своего хозяйства и о которомъ мы здѣсь распространяться не станемъ.

При небольшомъ-же участкѣ земли, въ 12—15 гектаровъ, колонисту необходимо распредѣлить свою землю слѣдующимъ образомъ:

1—2 гектара подъ виноградники,
 1—2 „ „ плодовня деревья,
 1 „ „ подъ усадьбу, т. е. подъ домъ, дворъ, огорода и гумно; все же остальное—подъ хлѣбопашество.

Виноградныя лозы должны *обязательно* быть изъ *американскихъ* сортовъ и затѣмъ прививаться различными европейскими сортами, по желанію владѣльца.

Изъ деревьевъ прежде всего нужно рекомендовать миндальныя и оливковыя: первыя ранѣе другихъ приносятъ доходъ, притомъ и миндаль имѣетъ хорошій сбытъ и легко сохраняется, а вторыя чрезвычайно долговѣчны и могутъ дать въ Палестинѣ, при хорошей, конечно, обработкѣ, самое тонкое масло, которое не уступитъ настоящему прованскому.

Изъ другихъ деревьевъ заслуживаютъ вниманія фиговныя, абрикосовыя и персиковыя. Современемъ, надо надѣяться, нетрудно будетъ ввести огненную сушку плодовъ для вывоза за границу.

Если семья колониста большая (женщины, дѣти отъ 10 лѣтъ), то можно совѣтовать ему кромѣ плодовыхъ посадить одинъ гектаръ тутовыхъ деревьевъ, что дастъ ему возможность заняться шелководствомъ при помощи женщинъ и дѣтей и въ такое именно время, когда и тѣ и другія обыкновенно свободны отъ другихъ работъ.

Деревья должно сажать на дальнее другъ отъ друга разстояніе, метровъ на 10 во всѣ стороны, и тогда первые годы можно будетъ между ними дѣлать посѣвы, которые вполнѣ рекомендуются при условіи уваживанія земли.

Остальная земля дѣлится на четыре или пять по возможности равныхъ полей, смотря по тому, рѣшить ли колонистъ завести у себя четырехпольное хозяйство или пятипольное. Больше пяти полей на такомъ маленькомъ участкѣ заводить неудобно; трехпольное же слишкомъ невыгодно, такъ какъ въ такомъ случаѣ ежегодно цѣлая треть поля не воздѣлывается и остается въ пару!

Эксплоатація земли не должна быть хищническою, таковою,

какою мы ее видимъ у арабовъ. Эти послѣдніе владѣютъ землею на общинныхъ началахъ, причѣмъ происходятъ очень частыя передѣлы, сопровождающіеся всевозможными злоупотребленіями со стороны шейховъ, вѣдающихъ дѣла общины. Повятно, что при такихъ условіяхъ феллахъ старается выжать какъ можно больше изъ земли, которою ему приходится пользоваться очень короткій срокъ, но зато, передавая ее другому феллаху-односельчанину, получаетъ въ свою очередь не менѣе истощенный участокъ. Нежеланіе затрачивать свои труды и средства на улучшеніе земли тутъ легко объясняется боязнью не быть вознагражденнымъ за понесенныя затраты до новаго передѣла, когда ему опять попадетъ истощенный участокъ. Владѣніе землею на правильныхъ, хорошо организованныхъ общинныхъ началахъ имѣетъ за собою безспорно много хорошаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ страдаетъ и большими недостатками, такъ какъ тутъ возможны разнаго рода злоупотребленія.

Между существующими уже въ Палестинѣ еврейскими колоніями нѣтъ ни одной на общинныхъ началахъ, — каждый колонистъ имѣетъ свой отдѣльный участокъ, строго заключенный въ свои границы, занесенныя на планъ, — а потому оставимъ пока въ сторонѣ обсужденіе преимуществъ и недостатковъ хозяйства, основаннаго на общинныхъ началахъ.

Владѣя своимъ опредѣленнымъ участкомъ земли, колонистъ долженъ не только не истощать его, не только поддерживать его плодородіе въ той степени, въ которой оно было въ моментъ пріобрѣтенія, но всевозможными средствами способствовать его улучшенію. Каждый земледѣлецъ знаетъ болѣе или менѣе эти средства, а тѣ—что подобросовѣстнѣй по возможности ими пользуются: хорошія и во время сдѣланныя вспашки и бороновки, уважаніе и искусственное удобреніе, рациональныя сѣвообороты и періодическіе отдыхи, когда земля ничѣмъ не засѣяна и отъ нея ничего не требуется—вотъ въ краткихъ словахъ все, что безусловно необходимо для достиженія благихъ результатовъ.

Вспашка очень важная операція въ земледѣдіи, до того важная, что у французовъ выработалась пословица «bonne culture vaut demi fumure», т. е. хорошая обработка равняется полъ удобренію. Вывѣтриваніе нижнихъ слоевъ почвы, выставленныя наружу, разрыхленіе ея, хорошее смѣшеніе различныхъ ея слоевъ,

уничтоженіе сорныхъ травъ, закапываніе навоза и удобрений, закаливаніе сѣмянъ, наиболѣе правильное распредѣленіе сырости все это есть результатъ хорошо сдѣланной вспашки. Для хлѣбопашества употребляются главнымъ образомъ двоякаго рода вспашки: поверхностныя, на 8—10 сант., и обыкновенныя, на 20—25 сант. Эти вспашки дѣлаются различными плугами: первая небольшимъ, легкимъ плугомъ, который можетъ быть также употребленъ для частыхъ перепашекъ виноградниковъ; вторая — болѣе тяжелымъ одно—двухъ или трехлемешнымъ плугомъ, требующимъ уже обыкновенно пару лошадей и болѣе. Эти оба плуга необходимы каждому колонисту.

Бороновки дѣлаются болѣе или менѣе энергичныя, смотря по характеру почвы, и предназначаются для раздробленія комьевъ, оставшихся послѣ вспашки, выдергиванья сорныхъ травъ, покрытія сѣмянъ и т. д. Боронь должны быть или деревянныя съ желѣзными зубьями или же всѣ желѣзныя. Каждый колонистъ долженъ ихъ имѣть по крайней мѣрѣ двѣ.

Подъ плантаціи виноградниковъ земля подготавливается иначе: дѣлается глубокая вспашка, сантиметровъ въ 50—60, ручная или плужная. Ручная вспашка предпочтительнѣе, такъ какъ земля разрабатывается въ такомъ случаѣ лучше, но она обходится дорого, если нанимать рабочихъ, и слишкомъ медленна, если дѣлать ее самому—одному или даже двумъ—для устройства большой плантаціи. Приходится чаще прибѣгать къ помощи очень большого плуга, который однако стоитъ дорого и требуетъ много лошадей (8—9 паръ), что не подъ силу колонисту—земледѣльцу. Можно совѣтовать колоніи in сопроге приобретать такіе плуги и общими усиліями подготавливать такимъ образомъ свою землю подъ плантаціи.

Земля подлѣ плантаціи должна быть совершенно выдѣленной и находиться внѣ посѣвныхъ полей: она должна быть непременно или окопана канавой, или окружена живой изгородью изъ кактусовъ, колючей мимозы или подобнаго кустарника. Участки виноградниковъ отдѣльныхъ колонистовъ должны быть строго разграничены и отдѣлены пробѣжными дорогами для удобнаго циркулированія повозокъ. То же необходимо сказать и о тѣхъ участкахъ, что заняты плодовыми деревьями.

Уборка хлѣба производится серпомъ, косою или жнеей. По-

слѣдняя недоступна по своей дороговизнѣ отдѣльнымъ колонистамъ, но можетъ быть приобретаема цѣлою колоніей или отдѣльными группами. Однако серпъ и коса всегда преобладаютъ въ малыхъ хозяйствахъ, и при уборкѣ хлѣба всѣ члены семьи принимаютъ участіе въ работѣ. Это самый важный, давно ожидаемый моментъ, который всѣ встрѣчаютъ съ радостной надеждой на изобиліе, на будущее благополучіе, моментъ, который сильно заставляетъ биться сердце пахаря,—это результатъ годового труда, многихъ усилій и волненій. Если женщинамъ и дѣтямъ слишкомъ трудно жать, они вяжутъ снопы и складываютъ ихъ въ копны.

Такимъ образомъ количество земледѣльческихъ орудій, необходимыхъ колонисту, владѣющему участкомъ въ 12—15 гектаровъ, невелико: двѣ повозки, два плуга, двѣ бороны и разныя мелкія орудія—лопаты, киръ и (въ каменистыхъ почвахъ), піоши, секачъ для подрѣзки виноградниковъ, грэффуаръ для прививки ихъ, садовая пила, топоръ, грабли, вилы и т. п. При покупкѣ сѣялокъ, косилокъ, жней, молотилокъ, вѣялокъ и др. орудій—цѣлою группой земледѣльцевъ расходъ на каждую семью будетъ невеликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представится возможнымъ общими усиліями быстро сжать, обмолотить, переветать и просортировать весь урожай.

За то живой инвентарь составляетъ уже большую статью расходовъ. Кромѣ двухъ лошадей колонисту необходимо имѣть одну или двѣ коровы и нѣсколько овецъ. За исключеніемъ работы, что будутъ производить лошади, молока, масла и шерсти, которыя дадутъ коровы и овцы, и за исключеніемъ ежегоднаго приплода, въ распоряженіи колониста останется немалое количество навоза при разумномъ стравливаніи корма и озимой соломы на подстилку скоту, навоза, который играетъ первостепенную роль во всякомъ хорошемъ хозяйствѣ. Унаваживаніе земли для полученія хорошаго урожая такъ же необходимо, какъ необходима питательная пища человѣку для того, чтобы пользоваться хорошимъ здоровьемъ. Унаваживаніе дѣлается ежегодно или, какъ то обыкновенно бываетъ, каждыя три-четыре года. Количество навоза, употребляемаго для удобренія одного гектара, находится въ извѣстной зависимости отъ качества и характера почвы. Можно въ среднемъ считать, что четыре головы крупнаго скота, дадутъ достаточное количество навоза для удобренія одного гектара. Такимъ образомъ, колонистъ, владѣющій 15-ю гектарами земли, при удабриваніи еже-

годно четвертой части своего поля, долженъ будетъ имѣть около 15 валовъ крупнаго скота, что ему положительно не подъ силу, такъ какъ въ данномъ случаѣ у него не хватаетъ ни корма, ни соломы для подстилки въ хлѣвахъ и конюшняхъ, ни, наконецъ, просторка, чтобы размѣстить въ нихъ весь свой скотъ.

При такихъ обстоятельствахъ прибѣгаютъ къ искусственному химическому удобренію, употребленіе котораго отчасти замѣняетъ живой инвентаръ (пополняя собою недостающее количество навоза), и кромѣ того, увеличиваетъ плодородіе почвы, вызываетъ усовершенствованіе культуры. Искусственное удобреніе всегда имѣетъ слѣдствіемъ улучшеніе хозяйства, ибо вызываетъ усиленное разведеніе корнеплодовъ, кормовыхъ травъ и масляничныхъ растений, болѣе интенсивное молочное хозяйство, скотоводство и т. д.

Во многихъ мѣстахъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны введеніе искусственнаго удобренія, усовершенствованныхъ машинъ и орудій встрѣчаетъ, какъ всякое новаторство вообще, массу противниковъ, особенно въ крестьянской средѣ. Неизвѣстность и рутинность играютъ тутъ важнѣйшую роль. Намъ же этого опасаться нечего. Еврей-колонистъ въ Палестинѣ стоитъ въ отношеніи умственнаго развитія много выше русскихъ и даже другихъ крестьянъ, а о рутинѣ не можетъ быть и рѣчи здѣсь уже потому, что земледѣліе для него дѣло новое: охотно принимаетъ и приметъ онъ, испытаетъ и приложитъ къ дѣлу всякое усовершенствованіе, которое можетъ подвинуть его хоть на одинъ шагъ впередъ въ предпринятомъ имъ трудномъ дѣлѣ. Еврей стремится въ прогрессъ и относится съ глубокимъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ къ наукѣ и къ людямъ науки, и потому мы обязаны воспользоваться этими счастливыми сторонами его характера.

Здѣсь не мѣсто распространяться о возможныхъ сѣвооборотахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Палестины, ибо это завлекло бы насъ слишкомъ далеко на почву спеціальныхъ агрономическихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что цѣлью нашей было лишь начертать планъ, выполненіе котораго безусловно необходимо для того, чтобы плантація Палестины шла усѣбно.

Свое поле колонистъ долженъ, по возможности, обрабатывать лично, совмѣстно съ другими членами своей семьи. А земля лишь

тогда хорошо вознаградить его, если онъ отдастъ ей всё свои помысли и силы, любовно станеть относиться къ своему занятію, неусмынно будетъ заботиться о своей лошади, веровѣ, своихъ земледѣльческихъ орудіяхъ и всякой хозяйственной утвари. Дично намъ приходилось уже видѣть въ Палестинѣ такихъ земледѣльцевъ, и мы твердо убѣждены, что современемъ заговоримъ о нихъ не какъ объ исключеніяхъ, а какъ объ обыкновенномъ типѣ; исключеніемъ будетъ небольшое число нерадивыхъ.

При участіи въ 15 гектаровъ и при наличности двухъ взрослыхъ мужскихъ рабочихъ въ семьѣ, колонистъ можетъ успѣть ежегодно (кромѣ всѣхъ работъ по хлѣбопашеству) приготовить піошемъ подъ плантацію виноградниковъ $\frac{1}{2}$ гектара и $\frac{1}{2}$ гектара подъ посадку деревьевъ. Такимъ образомъ, въ первые четыре года онъ лично засадитъ свой виноградникъ, посадитъ также необходимое количество деревьевъ *безъ всякихъ расходовъ на рабочія руки*, и, когда онъ сдѣлаетъ свою послѣднюю плантацію, первая начнетъ приносить ему плоды.

Землю, предназначенную подъ плантацію, но въ первые годы еще не занятую ею, колонистъ непремѣнно долженъ засѣять чѣмънибудь, во 1-хъ потому, что она такимъ образомъ лучше разрабатывается и очищается отъ сорныхъ травъ, и потому во 2-хъ, что всякій клочекъ земли неосѣянный не только не приноситъ дохода, но требуетъ расходовъ въ видѣ налоговъ и проц. на капиталъ. Первые четыре года, когда колонистъ будетъ устраивать свои плантаціи, онъ будетъ сильно занятъ и у него найдется весьма мало свободнаго времени; послѣ же, когда его собственная земля будетъ приведена въ порядокъ и хозяйство приметъ правильное теченіе, онъ всегда сможетъ 50—60, а можетъ быть даже и больше, рабочихъ дней удѣлить работѣ на сторонѣ и, если близъ такихъ колоній съ малымъ надѣломъ будутъ основываться крупныя имѣнія, какъ существующія теперь Рекавотъ, Хедера, Эйнт-Зейтунъ, гдѣ требуется большое количество рабочихъ рукъ, колонистъ охотно пойдетъ туда работать вмѣстѣ съ лошадью, что для него будетъ большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

Мы не сомнѣваемся, что и крупныя владѣльческія хозяйства скоро поймутъ свою ошибку—основаніе большихъ виноградныхъ плантацій и измѣнять способъ воздѣлыванія своей земли, а когда они, наконецъ, рѣшатся завести у себя и пахатныя поля, и луга

для сѣнокоса, и молочное хозяйство, и откармливаніе скота etc., etc.; тогда имъ придется запасаться рабочими руками не на одинъ зимній сезонъ, какъ это теперь дѣлается при виноградныхъ плантаціяхъ, а на круглый годъ. При этихъ условіяхъ деньги, затраченные на воздѣлываніе полей, перестанутъ переходить въ руки арабовъ, которые сотнями работаютъ зимою во всѣхъ колоніяхъ, а всѣ снопа останутся у евреевъ-колонистовъ и еврейскихъ рабочихъ, матеріальныя условія которыхъ при возможности работать круглый годъ рѣзко измѣнятся къ лучшему. Еврейскій рабочій въ Палестинѣ никогда не жаловался на трудность работы, но за то намъ часто приходилось слышать отъ него жалобы на невозможность найти работу лѣтомъ, несмотря на всѣ его стараніе и желаніе трудиться. Еврей-рабочій выполняетъ свое дѣло гораздо лучше араба, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется сообразительность; онъ лучше оберегаетъ скотъ и орудія, на него можно всегда положиться, надъ нимъ не нужно стоять съ палкой и понукать его, и если еврей-рабочему платить за трудъ больше, чѣмъ арабу, то потому лишь, что онъ въ полномъ смыслѣ слова того заслуживаетъ.

Мы не можемъ закончить нашей статьи, не вернувшись еще разъ къ вопросу о древоводствѣ. При самомъ началѣ основанія колоній было очень мало обращено вниманія на посадку деревьевъ. Объ этомъ приходится только сожалѣть. Въ объясненіе такого печальнаго факта приводить то обстоятельство, что долго-моль ждать плодовъ. Намъ особенно удивляетъ слышать такіа разсужденія изъ устъ еврея, который всѣ свои помысли отдастъ дѣтямъ. Правда,—долго, но вѣдь не бесконечно долго. Такъ напр. оливковое дерево, одне изъ очень медленно растущихъ, начинаетъ давать плоды черезъ 12—15 лѣтъ и даже раньше. Гдѣ же тутъ вѣчность? Всякій можетъ и долженъ надѣяться увидѣть плоды отъ посаженнаго имъ дерева! Вотъ напр., если бы колонисты въ первые годы своей осѣлости посадили по естнѣ—другой деревьевъ, какой видъ теперь имѣли бы Ришонъ Леціонъ, Песахъ-Тивва, Экронъ, Зихронъ-Яковъ и другіе ветераны колонизаціи и сколько пользы они извлекали бы ежегодно отъ этихъ деревьевъ?.. Впрочемъ, въ послѣднее время стали обращать больше вниманія на эту отрасль сельскаго хозяйства. Благоклонностью колонистовъ въ особенности пользуются мин-

дальныя и шелковичныя деревья. Намъ кажется, что слѣдовало бы расширить плантаціи оливковыхъ деревьевъ, какъ по причинѣ ихъ доходности и долговѣчности, такъ и по ихъ нетребовательности. Они растутъ и на хорошей глинистой почвѣ и на тощей, песчаннистой и даже известковой; растутъ и въ долинахъ и на возвышенностяхъ, и находятъ себѣ пріютъ даже между скаль.

Не нужно еще унустать изъ виду, что распространение плодовыхъ деревьевъ и деревьевъ лѣсныхъ породъ способствуетъ оздоровленію мѣстности, и что поэтому каждый насаждающій деревья оказываетъ услугу всему краю и будетъ пользоваться особою благодарностью со стороны не только ближайшаго потомства, но и отдаленнаго. Мы думаемъ, что было бы полезно, если бы «Общество вспомошествованія евреямъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ въ Сиріи и Палестинѣ» видало въ обязанность каждому колонисту, пользующемуся пособіемъ съ его стороны, посадить извѣстное количество деревьевъ, добросовѣстно ухаживать за ними и возрастить ихъ.

Нѣсколько другой характеръ должны принять и постройки, необходимыя колонисту. Не нужно забывать, что всѣ затраты, дѣлаемыя въ сельскомъ хозяйствѣ, болѣе или менѣе продуктивны; покупка навоза и удобреній, земледѣльческихъ орудій, необходимаго живого и мертваго инвентаря, улучшенныхъ сѣмянъ, скота для откармливанія—все это вносить, или по крайней мѣрѣ можетъ и должно вносить свою лепту въ общее благосостояніе хозяйства. Одна лишь затрата, затрата на постройки, не продуктивна. Постройки несомнѣнно представляютъ собою капиталъ, даже часто очень солидный, но жертвнй, неподвижный. Но такъ какъ совершенно безъ построекъ обойтись нельзя, то нужно стараться расходовать на нихъ какъ можно меньше, не забывая однако, что онѣ должны соотвѣтствовать своему назначенію.

Лучшимъ типомъ домовъ въ существующихъ уже теперь колоніяхъ намъ кажется тотъ, который имѣется въ Катрѣ. Необходимо только внести одну существенную прибавку: подъ домомъ непремѣнно дѣлать погребъ. Этими будутъ достигнуты двѣ цѣли: во 1-хъ домъ будетъ суше и, слѣдовательно, гигиеничнѣе, что чрезвычайно важно вообще и въ Палестинѣ въ особенности (извѣстно, что въ высокихъ домахъ и во вторыхъ этажахъ люди

меньше подвержены лихорадкѣ), и во 2-хъ каждый колонистъ сможетъ въ своемъ погребѣ выдѣлывать то количество вина, которое онъ получитъ со своихъ 1—2 гектаровъ, поставивъ въ немъ нѣсколько небольшихъ бочекъ; въ немъ же онъ сможетъ и выдерживать свое вино. Каждый колонистъ, если онъ только хорошій хозяинъ, приметъ необходимыя мѣры для огражденія своего погреба отъ излишняго притока теплоты и защититъ его отъ солнечныхъ лучей, будетъ содержать его въ чистотѣ и порядкѣ. При небольшихъ, сравнительно, затратахъ можно такимъ образомъ избѣгнуть тѣхъ вопросовъ о постройкѣ погребовъ, что составляютъ теперь злобу дня во всѣхъ колоніяхъ и разрѣшеніе которыхъ чрезвычайно затруднительно.

Вмѣсто стропившихся до сихъ поръ каменныхъ конюшенъ нужно будетъ ставить каменный амбаръ, но не у дома, а дальше, позади сада и огорода, гдѣ и отвести мѣсто для гумна; тамъ-же будетъ складываться въ стогѣ сѣно и въ ометы солома, дабы на случай пожара жилия постройки не сдѣлались жертвой пламени.

Материаломъ же для конюшенъ и хлѣбовъ вмѣсто камня можетъ отлично служить саманный кирпичъ или земляной, производство котораго чрезвычайно дешево и легко на мѣстѣ. Зданіе же изъ такого кирпича достаточно прочно, хорошо защищаетъ какъ отъ сырости, такъ и отъ дѣйствія жгучихъ лучей солнца и въ концѣ концовъ принесетъ колонисту ту же пользу, что и каменное.

Кромѣ того, думаемъ мы, можно было бы замѣнить дѣлаемые нынѣ крыши изъ марсельской черепицы соломенными, по крайней мѣрѣ на надворныхъ постройкахъ, замѣнить ихъ не потому, чтобъ онѣ были прочнѣй или красивѣй,—нѣтъ, опять таки въ виду экономіи: марсельская черепица привозится изъ Франціи и стоитъ очень дорого; соломенная же крыша вмѣстѣ правда большой недостатокъ въ пожарномъ отношеніи, но если ее хорошо сдѣлать, вмѣстѣ съ глиной, то она будетъ и красива и довольно огнеупорна.

Итакъ, превратить большую часть своего участка въ пахотное поле и лишь незначительную долю его засадить виноградниками и деревьями, обрабатывать свою землю по возможности лично, пользуясь наемнымъ трудомъ лишь въ крайнемъ случаѣ, какъ можно меньше затрачивать на постройки и довести до

мінімумъ непроезводительные расходы, стараться зарабатывать на сторонѣ въ свободное время, приучать къ работѣ дѣтей съ десяти или по крайней мѣрѣ съ двѣнадцатилѣтняго возраста, — вотъ условія, выполнение которыхъ, по нашему мнѣнію, необходимо, если колонистъ въ Палестинѣ дѣйствительно проникнется желаніемъ завоевать себѣ независимость. Только такимъ образомъ онъ сумѣетъ прочно устроиться и выйти изъ подъ опеки, учрежденной надъ нимъ отдѣльными благотворителями и цѣлыми обществами. Занятіе хлѣбопашествомъ — условіе *à priori* для прочнаго устройства колонистовъ и для успѣшнаго хода всего колонизаціоннаго дѣла. Таково наше глубокое убѣжденіе и мы надѣемся, что въ этомъ современемъ убѣдятся и сами колонисты и всѣ тѣ, которые не безразлично относятся къ судьбѣ нашихъ братьевъ, добывающихъ въ потѣ лица хлѣбъ насущный на поляхъ Св. Земли.

Инженеръ-агрономъ Ааронъ Брагинъ.

Январь, 1895

С. Сосновка, Пензенской губ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КЪ ИСТОРИИ МѢРЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ И НЯВВОСНИТАНІЯ ИВРЕВЪ.

По поводу книги А. Вѣлецкаго: *Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I.* Изданіе журнала «Русская Школа». Цѣна 1 рубль. С.-Петербургъ. 1894. 160 стр.

Книга г. Вѣлецкаго представляетъ, въ сущности, критику, и критику строгую, той системы образованія евреевъ, которую создалъ и проводилъ въ жизнь извѣстный министр народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ. Другой цѣли, какъ подвергнуть критикѣ систему графа Уварова, авторъ, повидноному, не имѣлъ. Если бы авторъ желалъ представить своимъ читателямъ очеркъ исторіи правительственныхъ мѣръ по образованію евреевъ вообще, то ему не слѣдовало останавливаться на царствованіи императора Николая I, а довести ее до нашихъ дней. Последніе 40 лѣтъ этой исторіи не менѣе поучительны во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ первые 50 лѣтъ. Къ тому же и оцѣнка дѣятельности Уварова могла бы быть сдѣлана съ большей основательностью, если бы авторъ рассматривалъ ее съ точки зрѣнія послѣдствій, обнаружившихся во время царствованія Александра II.

Матеріалы, которыми пользовался авторъ для своего сочиненія, отчасти тѣ же, которыми пользовались уже и другіе историки образованія евреевъ (главнымъ образомъ, сборникъ по министерству народнаго просвѣщенія и всеподданнѣйшіе отчеты министра народнаго просвѣщенія), отчасти новыя, до сихъ поръ не опубликованныя. Автору, по его служебному положенію, доступенъ былъ архивъ канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, и онъ обильной рукою черпалъ изъ него матеріалы для характеристики отношеній учебной администраціи къ нарождающимся еврейскимъ школамъ и для выясненія фактическаго состоянія, въ какомъ находилось это дѣло въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Донесенія попечителей округа министру,

счетов их по округу, сообщения преподавателей, директоров училищ и других представителей учебного начальства, анкеты различных училищ в начале 50-х годов профессора Мушинского, — все это весьма ценный материал, и автора нельзя не поблагодарить за то, что он сдѣлалъ его хотя отчасти доступнымъ для лицъ, интересующихся дѣломъ образованія евреевъ.

Трудъ автора получилъ бы, конечно, еще большее значеніе, если бы въ него вошли бы еще нѣкто материалы, почерпнутые изъ архивовъ двухъ друзей учебнаго округа черны есѣдовцы: Киевскаго и Одесскаго, а также и Юрьевского (Дорожскаго). Тогда, можетъ быть, выводы автора получились бы нѣсколько иные, и его нельзя было бы упрекнуть въ односторонности, неизбежной при разсужденіи одной тождо, и къ тому небольшой, части подлежащаго изученію матеріала. Вѣдь въ Одесскомъ и Киевскомъ округахъ дѣло распространенія правительственныхъ школъ могло пойти иначе, чѣмъ въ Вилевскомъ, и даже тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя приведены въ книгѣ г. Вилецкаго относительно этихъ мѣстностей, даютъ основаніе думать, что такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Автору слѣдовало бы скорее назвать свой трудъ: Очеркъ истории насажденія еврейскихъ училищъ въ *Вилемскомъ учебномъ округѣ* въ царствованіе императора Николая I, или еще правильнѣе — критикой учебной системы гр. Уварова по распространенію образованія среди евреевъ съ точки зрѣнія результатовъ, обнаружившихся при проведеніи этой системы въ *Вилемскомъ учебномъ округѣ*.

Въ чемъ же заключается критика системы одного изъ лучшихъ нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія?

Главный упрекъ, который дѣлаетъ в. Вилецкій Уварову и его послѣдователямъ, заключается въ томъ, что, учреждая школы для евреевъ и привлекая изъ всѣхъ мѣстъ въ общія учебныя заведенія, правительство не принимало въ то же время никакихъ мѣръ къ распространенію образованія среди христіанскихъ неимущихъ сословій. Въ такой политикѣ г. Вилецкій усматриваетъ даже серьезную опасность для впрочемъ, не еврейскаго, населенія, которое, по крѣпости своему, не могло оказывать достаточнаго сопротивленія болѣе развитой и вооруженной нѣкоторыми элементами еврейской массѣ. Авторъ выражаетъ даже постыдное удовольствіе, что правительственные мѣры по распространенію образованія среди евреевъ увеличивались въ общенъ лишь слабымъ успѣхомъ.

Но при этомъ авторъ забываетъ, что и графъ Уваровъ, и другіе дѣятели по образованію евреевъ были въ сущности лишь исполнителями

Высочайшей воли императора Николая I. На стр. 5 книги г. Вильскаго мы читаемъ: «Одной изъ причинъ серьезнѣйшъ и дѣлоспособнѣйшъ дѣръ къ «исправленію» евреевъ самъ государь считалъ тогда распространеніе между евреями образованія. *Соотвѣтственно этому* вопросы объ образованіи евреевъ пріобрѣтають при императорѣ Николаѣ I чрезвычайно важное значеніе въ глазахъ русскаго правительства и сильно занимають его въ теченіе всего долгаго царствованія этого императора».

Цѣлью всѣхъ дѣръ, предпринимавшихся императоромъ Николаемъ I по отношенію къ его еврейскимъ подданнымъ, было обращеніе ихъ къ производительному труду и выведевіе ихъ изъ глубины нравственнаго униженія, въ которую брошено было все еврейское населеніе Западнаго края антигосударственной, безправнаго политическаго польскаго правительства или, лучше сказать, польской шляхты.

Кто мало или никакъ не знавалъ съ истощенными законами, издававшимися для евреевъ при императорѣ Николаѣ I, тотъ, конечно, не замечаетъ этого государя въ особомъ расположеніи къ евреямъ. Это не мешало ему однако стремиться къ умственному и нравственному возрожденію еврейскаго племени путемъ образованія и приобщенія его къ европейской культурѣ съ тѣмъ, чтобы впоследствии, когда возрожденіе это совершится, надѣлать его всѣми правами прочіихъ русскіхъ подданныхъ, освободивъ его отъ всѣхъ ранѣе издававшихся для него ограниченій. И это не было только идеальнымъ порывомъ великодушія, это было также и здравый расчетъ прозорливаго государственнаго человѣка. Нельзя было безъ опасности для всего государства оставлять въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Европой нѣсколько милліоновъ подданныхъ на самой ужасной ступени моральнаго униженія, въ безпросвѣтной мглѣ неволи, безъ знанія государственнаго языка, безъ нѣмногого сознанія связи съ остальной Имперіей. Не слѣдуетъ забывать, что евреи, составлявшие большую половину всего городского населенія Западнаго края, представляли все-таки единственный элементъ, на который могло опереться правительство въ случаѣ какихъ либо замышляемыхъ въ Польшѣ.

Но какъ достигнуть этой цѣли? Намлучшимъ средствомъ признано было распространеніе среди евреевъ русскаго языка, воспитаніе молодого поколѣнія въ русскіхъ школахъ, ведъ вліяніемъ русскіхъ учителей и товарищей-учениковъ.

Ничего лучшаго нельзя было тогда придумать. Надо было воспользоваться крупною непонятною ошибкою бывшаго польскаго правительства и надменной польской шляхты, которая предпочитали держать евреевъ въ

полномъ невѣжествѣ и не допускали ихъ въ свои школы, да и вообще насколько не заботились объ образованіи народа. Вслѣдствіе этого еврейская масса осталась совершенно чуждой политическимъ идеаламъ Польши; за долгое время своего господства надъ Западнымъ краемъ польское правительство не создало даже ничтожной группы интеллигентныхъ, образованныхъ евреевъ, которые, приобщившись къ польской культурѣ, стали бы цѣнить ее и могли бы считать себя гражданами Польши. Масса же, грубая и дикая, всегда остается массой, которая руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ инстинктами страха или разврата, и требовать отъ нея разумной и преданной любви къ отчезству, конечно, невозможно.

Поэтому нельзя не признать правильнымъ рѣшеніе правительства въ царствованіе Николая I послѣдить мирнымъ завоеваніемъ *сердца* еврейскаго населенія, чтобы обратить всё его *духовенъ окомъ* на слушеніе русскому народу и русской государственной идеѣ. Когда впоследствии русское правительство подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, среди которыхъ не послѣднюю роль играли, можетъ быть, интриги скрытыхъ польскихъ патриотовъ, опасавшихся привлеченія массы евреевъ на сторону русскаго правительства, стало враждебно относиться къ евреямъ и отступило отъ ранѣе намѣченной политики постепеннаго уравненія евреевъ въ правахъ съ прочими русскими подданными, нѣкоторые публицисты недаромъ вспоминали объ этой эпохѣ. Такъ, М. Н. Катковъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ статей, въ которыхъ убѣждалъ русское правительство вернуться къ прежней плодотворной политикѣ. «Въ числѣ русскихъ подданныхъ,—писалъ онъ,—есть до двухъ милліоновъ лицъ, родившихся и воспитавшихся на русской землѣ, призываемыхъ къ защитѣ ее въ рядахъ нашего храбраго воина, несущихъ на себѣ всё государственныя и земскія повинности и не имѣющихъ права считать *сею* Россію своимъ отечествомъ. На какомъ же основаніи имъ не хотишь признавать этихъ уроженцевъ русской земли русскими гражданами, не хотишь *дать отечество*, которое они могли бы *любить* не изъ страха, а *по влеченію сердца*, и желанію во что бы то ни стало держать ихъ въ исключительномъ владѣніи» («Моск. Вѣд.» 1864 245). «Вопросъ о евреяхъ въ Россіи—отнюдь не маловажный вопросъ... Въ самомъ дѣлѣ, для Россіи отнюдь не все равно, будутъ ли евреи тянуть въ ее сторону или въ сторону польскихъ патриотовъ». (1865 г., № 198). Когда нѣкоторыя газеты того времени стали рѣзко высказываться противъ евреевъ, тотъ же Катковъ не замедлилъ указать на серьезную опасность такой проповѣди неважистинства съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ Россіи. Привѣтствуя заявленія образованныхъ русскихъ

евреевъ о необходимости полнаго усвоенія русскаго языка изъ единообразія въ Россіи и считая усвоеніе это чрезвычайно важнымъ факторомъ обрусенія всего Западнаго края и нравственного закрѣпленія его за Имперіей, Катковъ не безъ основанія опасался, что антисемитическими выходками, особенно если онѣ будутъ исходить отъ оффиціальной гавани, въ лицѣ «Виленскаго Вѣстника», процессъ широкаго завоеванія всего городского населенія края не можетъ быть надолго остановленъ къ величайшему вреду Россіи. По иныиъмъ тѣмъ же вліятельнаго публициста, на окраинахъ Россіи необходимо было дѣять еще въ виду то, что противъ культуры образованія и языка германскаго предстояло бороться русскими языкомъ, русскою школою и русскою культурою. Дать эти орудія въ руки населенія Западнаго края, а особенно, наиболѣе дѣятельной его части — евреевъ, значило поставить преграду грозному для славянъ «Drang nach Osten». «Приобрѣсти въ пользу Россіи въ Западномъ краѣ почти весь процвѣтшій городской классъ его, преимущественно состоящій изъ евреевъ, продолжалъ далѣе Катковъ,—это былъ бы по истинѣ великій шагъ впередъ на пути къ обрусенію, указавшій Верховной Власти, это значило бы сослужить великую службу дѣлу государственнаго единства Россіи».

Результаты политики сближенія еврейскаго населенія съ населеніемъ центральныхъ губерній на повѣіе русскаго языка и русской школы не замедлили сказаться во время польскаго мятежа 1863 года. Несмотря на левкія выгнриванія поляковъ съ евреями, соблазнительныя обѣщанія полнаго уравненія въ правахъ съ поляками и всѣческіе подходы, а съ другой стороны и угрозы кнѣзю, евреи не поддались этимъ посуламъ и остались въ громадномъ большинствѣ вѣрныя русскому отечеству. Справедливость этого удостовѣрена оффиціальными послѣдствителями событій 1863 г., польовникомъ генеральнаго штаба С. А. Райковскимъ. На Райковскаго возложено было, по Высочайшему повелѣнію, собраніе свѣдѣній и категоріальное относительно управленія Западнымъ краемъ а мятежа 1863 г., для чего ему были отприты армия Кіева, Варшвы, Варшавы. Въ статьѣ своей «Польскія мятежи Западнаго края въ мятежѣ 1861—63 г.», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1869 г., Райковскій подтверждаетъ, что евреи обнаруживи въ эту смутную эпоху тусклое преданности Россіи, что они въ «сущности были на русской сторонѣ». «Не рѣшался на открытое сопротивленіе польщизнѣ,—пишетъ далѣе Райковскій,—вслѣдствіе сомнѣнія въ энергической поддержкѣ съ нашей стороны, евреи Западнаго края упорно уклонялись не только отъ всякой роли въ

концентрация, но не отъ вселенной общности, съ наемни». Дама тогда, когда должна прямо требовать участия евреевъ въ бунтѣ, евреи круто отклоняли отъ работы; и, конечно, не оставались безъ всякаго анимациа.

Авторъ упомянутой выше книги, г. Баландинъ упустилъ изъ виду это чрезвычайно важное обстоятельство, лежащее въ основу правительственныхъ мѣръ по распространенію образованія среди евреевъ, и поэтому весь смыслъ ея остался для него загадкой.

Устраивая школы для евреевъ, въ которыхъ они научались русскому языку и знакомились съ русской литературой, думавшая и въ общія учебныя заведенія, гдѣ преподавателями были русскіе учителя, правительству представляло чрезвычайно важную дѣлу — образованія Западнаго края; къ тому же, слѣдуетъ принять во вниманіе, что всѣ эти мѣры не стоили правительству ни одной копѣйки, что всѣ училища создавались на счетъ специальныхъ сборовъ, въ еврействѣ и проч. слѣдовательно, русскій народъ некакимъ матеріальнымъ жертвъ на это важное государственное дѣло не несетъ.

Конечно, если бы правительство рѣшилось еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія открыть сразу значительное число училищъ для всѣхъ податныхъ сословій Западнаго края, — это было бы истиннымъ благодѣяніемъ для этихъ сословій. Но правительству пришлось бы затратить на это нереальные деньги, въ колѣснѣхъ, превышающихъ тогдашнія финансовыя силы государства.

Вѣдь и теперь еще на народное образованіе тратится ничтожная часть государственныхъ доходовъ.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что одновременно съ устройствомъ училищъ для еврейскихъ дѣтей не стали заводить школы для дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ. Но какъ только крестьяне были освобождены и дѣло народного образованія передано было въ руки закона, русская земля стала покрываться множествомъ народныхъ училищъ для крестьянскихъ дѣтей и городскихъ училищъ для дѣтей ищущихъ и ремесленниковъ. Такіе образцы, то неравенство въ ядрѣ дѣлѣ, которое такъ возмущаетъ г. Владкина, существовало лишь очень короткое время, всего около 10—15 лѣтъ. Затѣмъ не только никакихъ преимуществъ еврейское населеніе въ отношеніи средствъ къ образованію сравнительно съ прочимъ населеніемъ болѣе уже не имѣло, но, напротивъ того, въ послѣднее время еврейскому юношеству стали открываться доступъ къ общему образованію, что является, конечно, полнымъ отрицаніемъ всей прежней политики правительства по отношенію къ евреямъ.

Г. Вілецкій не противникъ образованія евреевъ. Но «это шибко, еврей, какъ и всѣмъ русскимъ пожеланнымъ, давомъ необходимомъ право на образованіе» (стр. 42). Онъ сомнѣвается только, чтобы Высочайше указанная цѣль исправленія и перевоспитанія евреевъ могла быть достигнута тѣми средствами, которые указаны были графомъ Уваровымъ. Г. Вілецкій полагаетъ, что еврейскія училища давали еврейскому элементу не полное, законченное образованіе, а полубразованіе, которое онъ считаетъ болѣе опаснымъ для общества, чѣмъ кругое невѣжество (стр. 40).

Онъ полагаетъ, что образованіе, которое получило большинство еврейскихъ дѣтей въ первоначальныхъ училищахъ, было совершенно не достаточно для того, чтобы подъ воздействием его еврей могъ переродиться, утратить носившіяся черты своего характера и чтобы съ него могли возникнуть, окрѣпнуть и развиться силы и охота послужить на благо отечества рука объ руку съ согражданами-христіанами (стр. 160).

Но, говоря это, г. Вілецкій, самъ того не замѣчая, становится въ ряды людей, проповѣдующихъ необходимость упраздненія первоначальныхъ народныхъ школъ, отрицающихъ всякую пользу грамотности и видящихъ большой вредъ для общества въ образованіи народной массы. Этого ли желаетъ г. Вілецкій? Видь, если стать на его точку зрѣнія, что «недостаточное образованіе зачастую содѣйствуетъ развитію въ человѣкѣ не нравственныхъ принциповъ, приживленіе которыхъ къ жизни дѣлаетъ человека вреднымъ, даже опаснымъ для общества» (стр. 40), то слѣдовало бы признать всѣ народныя школы развѣдчиками вреднымъ и опаснымъ для общества людей. Громадное большинство учащихся дѣтей получаютъ, конечно, только элементарное образованіе, далекое, повѣтъ, недостаточное, сравнительно съ курсомъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Оканчивать эти послѣднія удастся лишь ничтожному меньшинству дѣтей. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, что всѣ прочія дѣти, научившіяся только грамотѣ и первымъ правиламъ арифметики, — будущіе вредные и опасные люди?

Г. Вілецкій забываетъ, что даже одна престая грамота, которая даетъ возможность пречитать нѣсколько хорошихъ книжекъ, возвышаетъ человека не только умственно, но и *вредетвенно* на недостижимую высоту, сравнительно съ человѣкомъ безграмотнымъ, который, въ сущности, мало чѣмъ отличается отъ дикаря.

Но словамъ автора выходитъ, что первоначальное образованіе даетъ грамотному одно только развитіе и превосходство умственное надъ человѣкомъ безграмотнымъ, способствуя лишь большому порабощенію послѣдняго чернымъ,

но не даст моральникъ утешенья. Не если бы даже это было и такъ, то по отношенію къ сарацинъ нѣ эти сообщенія теряютъ всякое значеніе. Далеко въ токъ, что граноту еврейства и нѣкоторую усиленную дисциплину получать и получаютъ всакій еврей и даже въ правительственныхъ школахъ, въ хедорѣ или у домашняго учителя. Уже въ саду одного этого, хотя и специально-религіознаго, образованія еврей, съ точки зрѣнія г. Вальскаго, можетъ быть признанъ опаснымъ и вреднымъ для общества. Правительственныя школы, чрезъ которыя проходятъ еврейскія дѣти, не могли уже, следовательно, прибавить что-либо къ существующему вредному результату; ихъ вліяніе съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ могло быть только благотворнымъ. Знакомясь съ русскою литературою, хотя бы по образцамъ, попадающимъ къ хрестоидію, съ русской исторіей и географіей, еврейскій юноша воспринималъ идеи, которыя заставляли его прозвѣрнуть ранѣ усвоенныя имъ знанія и мысли, а главное, вызывали въ немъ сознаніе принадлежности къ обширному государству, имѣющему свою исторію, не менѣе поучительную, чѣмъ исторію Израиля, связи съ народомъ, имѣющимъ свои воззрѣнія, свои идеалы, свои нравы и обычаи. Онъ узнаетъ, наконецъ, о существованіи и многихъ другихъ народовъ и несомнѣннымъ результатомъ этого знакомства съ прочими міромъ должно быть появленіе сознанія у еврейскаго юноши, что онъ не только сынъ своего племени, но и гражданинъ русскаго государства, имѣющій общее отечество съ другими племенами, населяющими русскую землю, и маленькая частица всего человѣчества.

Такія понятія могутъ, конечно, только просвѣтить и облагородить душу ребенка, а не внушить ей дурныя чувства. Следовательно, и съ этой стороны русская школа могла только принести добрые плоды не только для самихъ евреевъ, но еще больше для прочаго, нееврейскаго населенія.

О важномъ воспитательномъ значеніи русской школы для евреевъ писали въ свое время многіе выдающіеся русскіе педагоги. Вотъ что говорилъ, напр., извѣстный писатель и дѣятель по народному образованію въ Западномъ краѣ, бывшій профессоръ варшавскаго университета Николай Павловичъ Барсовъ: «Еврей,—писалъ онъ въ 1863 году въ изданной по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія книгѣ «Школы на Волыни и Подоліи въ 1862 г.»—доставленъ въ такое вѣдѣніе положеніе, которое прежде своею опасностью, теперь же неустроенъ и шаткостью, держитъ его постоянно на сторожѣ и заставляетъ его работать головой и придумывать способы огражденія... Воспользоваться этимъ готовымъ каче-

ствоитъ, дѣтъ умышленной работѣ больше благопріорное направленіе, чѣмъ настоящее изысканіе правды и непрѣмалыя средствъ пойти для себя, больше свѣтлую нишу, чѣмъ торговои и промисловонный обманъ,— вотъ задачи людей, въ рукахъ которыхъ судьба евреевъ и заселеннаго ими края... Въ силу этого общему образованію предстоитъ большая роль въ *просветительной реформѣ*, которая должна совершиться у евреевъ для ихъ пользы и для пользы русскаго государства. Самой природой своей она предназначена благотворно дѣйствовать на интеллектуальную жизнь, разрушать предрассудки, разбивать преграды, отдѣлившія застарѣлый фанатизмъ отъ міра науки и образованности... Предлагая всѣмъ, христіанамъ и нехристіанамъ, употребить все міры, какія только могутъ содѣйствовать поступленію еврейскихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія, Варсовъ предсказываетъ, что «образованіе положитъ *просветительныя ослѣпы* между еврейскими и христіанскими обществами». И такого значенія общеобразовательной школы для евреевъ былъ не одинъ Варсовъ.

Г. Вѣлецкій забываетъ еще одно обстоятельство. Известный, хотя сравнительно и небольшой контингентъ дѣтей, обучающихся въ начальныхъ школахъ, не ограничивается элементарнымъ образованіемъ, а стремится дальше въ среднія и высшія учебныя заведенія. Не будъ первоначальныхъ школъ, дающихъ столь противное г. Вѣлецкому полу-образованіе, не было бы и *огромнаго* образованныхъ евреевъ. Относительно же тѣхъ еврейскихъ юношей, которые прошли учебныя заведенія съ гимназическимъ курсомъ, а именно, относительно воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, самъ г. Вѣлецкій удостовѣряетъ, что полученное ими образованіе «възглядно въ нихъ тотъ духъ еврейской исключительности, который отрицаетъ всякую возможность усвоенія евреями воззрѣній и обычаевъ нееврейскихъ» (стр. 143).

Занявъ въ послѣдствіи мѣста учителей въ еврейскихъ школахъ, эти питомцы раввинскихъ училищъ, по свидѣтельству того же г. Вѣлецкаго, «не мало поработали и для распространенія между евреями болѣе правильныхъ воззрѣній на необходимость не ограничивать образованіе дѣтей предѣлами религіознаго обученія» (тамъ же). Оказывается, слѣдовательно, со словъ самого же г. Вѣлецкаго, что даже среднее образованіе, полученное въ еврейской школѣ, уже перерождало евреевъ, дѣлая изъ нихъ убежденныхъ носителей русскаго просвѣщенія и русскія нравовъ и проводниковъ ихъ въ темную еврейскую массу.

Слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ г. Вѣлецкому сожалѣть о томъ, что

графъ Уваровъ и его сподвижники посвящали столько вниманія дѣлу образованія евреевъ въ истинно-русскомъ духѣ?

Не мало мѣста въ своей книгѣ удѣлилъ г. Вѣлючій критикѣ учебной системы, введенной графомъ Уваровымъ въ еврейскія школы. Ми не станемъ отрицать, что при проведеніи этой системы допущено было не мало серьезныхъ и крупныхъ ошибокъ, не мало промаховъ, которые повредили успѣху многихъ правительственныхъ мѣръ. Одной изъ главнѣйшихъ ошибокъ можно считать попытки гр. Уварова сдѣлать еврейскія училища орудіемъ религіозной реформы у евреевъ. Уваровъ нечаялъ, что ему удастся въ самомъ непродолжительномъ времени разрушить авторитетъ Талмуда въ глазахъ евреевъ, если этотъ признаваемый зловернымъ предметъ будетъ исключенъ изъ курса училищъ, если всанѣтъ того ученія станутъ изучать Моисеево Пятикнижіе и пророковъ, и слѣченіемъ смысловъ Талмуда на Вѣдья съ подлинными текстами они убѣдятся въ ложности многихъ изъ этихъ смысловъ. Вслѣдствіи, однако, Уваровъ считъ болѣе полезнымъ ввести преподаваніе Талмуда въ курсъ еврейскихъ училищъ, но не въ полномъ видѣ, а въ вывлеченіяхъ, не заключающихъ въ себѣ ничего вреднаго и опаснаго съ точки зрѣнія христіанской морали и политики. Затратены были громадные сумми изъ собраныхъ съ евреевъ на устройство училищъ налоговъ для изданія всякаго рода учебниковъ, руководствъ и компендіумовъ, которые должны были замѣнить подлинныя тексты Талмуда.

Эта стремительность въ такомъ трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ, какъ реформа укоренившейся въ народѣ системы религіознаго образованія, при известной къ тому же, воспитанной вѣками гонимой, кинтальности евреевъ по отношенію ко всякому налѣйшему внимательству правительства въ область ихъ религіозныхъ воззрѣній, не могла, конечно, привести ихъ къ чему доброму. Она способна была скорѣе задержать распространеніе правительственныхъ школъ, чѣмъ привести желаемые плоды. Министерству народнаго просвѣщенія едва ли слѣдовало брать на себя несвойственную ему роль религіознаго реформатора еврейскаго народа. Просвѣщеніе само по себѣ преобразовало бы во многихъ мировоззрѣніе евреевъ, открылъ имъ уму болѣе широкіе горизонты, болѣе высокія задачи, чѣмъ тѣ, которыя ставила имъ необходимость постоянной борьбы съ житейскими невзгодами. Сюда должно было еще присоединиться вліяніе иной среды, иныхъ людей, болѣе развитыхъ и образованныхъ, съ иными воззрѣніями и взглядами. Умчающаяся молодежь, вѣдь, такъ легко подчиняется влѣдвіемъ окружающей среды—товарищей и учителей. Не даромъ еврейскіе ортодоксы такъ

боялись общеобразовательной школы, видя въ ней грядущую опасность для еврейской самобытности.

Стремленіе Уварова сдѣлать школы орудіемъ религиозной реформы евреевъ объясняется тѣмъ, что онъ въ известной степени увлекся призракомъ германскихъ евреевъ, которыхъ просвѣщеніе привело къ образованію такъ называемой новоидейской секты (Reformirte Juden). Къ сожалѣнію, Уваровъ не принялъ во вниманіе весьма важнаго обстоятельства, а именно, что тамъ, въ Германіи, реформа старо-еврейскаго исповѣданія была дѣломъ рукъ самихъ евреевъ, принадлежавшихъ къ убѣжденію въ необходимости этой реформы подъ вліяніемъ воспринятой ими въ школахъ нѣмецкой культуры; правительство же германское никакого участія въ этомъ дѣлѣ не принимало. Уваровъ своимъ вниманіемъ хотѣлъ лишь ускорить ходъ событій, но въистотого онъ, въ сущности, задержалъ его. Несмотря, однако, на эти и другія ошибки, неизбѣжныя во всякомъ новомъ дѣлѣ, въ общенъ дѣятельность графа Уварова должна быть поднута добрымъ словомъ какъ еврейни, такъ еще болѣе и любящими свое отечество русскими людьми.

На касаясь недостатковъ учебной программы устроенныхъ Уваровымъ еврейскихъ училищъ, все же надо сказать, что система привлеченія евреевъ къ общему образованію чрезъ посредство специально для евреевъ устроенныхъ особыхъ училищъ въ основаніи своемъ была правильна. Когда, 30 лѣтъ спустя, казенныя еврейскія училища въ министерство графа Толстого подверглись значительнымъ преобразованіямъ, министерство народнаго просвѣщенія въ составленной тогда объяснительной запискѣ къ новому закону о еврейскихъ училищахъ отдало полную дань справедливости этой дѣятельности Уварова и находило, что и мысль, положенная въ основаніе изложенной системы графа Уварова, была совершенно вѣрна и, какъ отзывался онъ самъ, приваровлена къ современному ея положенію вещей и къ тогдашнему умственному состоянію большинства евреевъ.—Для доставленія еврейскому мношеству правильнаго элементарнаго образованія, основаннаго на народно-русскихъ началахъ, и для направленія такихъ образомъ евреевъ въ общія учебныя заведенія требовалось прежде всего учрежденіе для нихъ особыхъ училищъ, которыя, научая ихъ русскому языку и русскому складу понятій, постепенно подготавливали бы ихъ къ поступленію въ общія учебныя заведенія ¹.

Намъ остается теперь остановиться на самомъ важномъ упрекѣ, кото-

¹ Журналъ мин. нар. проsv. за 1873 г., ч. 166, кн. 2, апрѣль, стр. 32—31.

Но, къ сожалѣнью, дѣло ограничилось двумя-тремя воссозданиями между собою иברי; послѣ первыхъ же шаговъ правительство остановилось на неизменномъ пути, а вскорѣ и совѣтъ двинулось назадъ, вернувшись къ старой системѣ награжденія всевозможныхъ ограниченій дѣятельности евреевъ. Много ли тогда при такихъ условіяхъ сдѣлать школы въ смыслѣ исправленія характера еврея и направленія его къ производительному труду? Чѣмъ могъ заняться окончившій школу еврей, какъ не тѣмъ же мелкимъ торговствомъ и факторствомъ, какими занимались его отцы и дѣды? Могъ ли онъ даже избѣгнуть обычныхъ, допустимъ, мало симпатичныхъ приемовъ своей дѣятельности, оставаясь въ той же средѣ и обстановкѣ? Немногочисленность евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ пресловутой черты осѣдлости, происходящая отсюда невѣроятная, буквально неопостижимая, ожесточенная конкуренція во всѣхъ видахъ городского промысла — вынуждаютъ этихъ бѣдняковъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы раздобыть хотя нищенскій, грошовый заработокъ для своихъ голодныхъ ребятишекъ.

О страшной нищетѣ еврейской массы въ чертѣ еврейской осѣдлости свидѣтельствуютъ рѣшительно всѣ исследователи этого края: офицеры генеральнаго штаба; известный писатель Афанасьевъ-Чубинскій, отправленный въ 1856 г., по инициативѣ Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича на югъ Россіи, съ цѣлью описать бытъ жителей, обитающихъ по Днѣпру и Дѣбютру; участники этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ и пр.

Оставаясь на обычныхъ обвиненіяхъ, раздающихся противъ евреевъ, одинъ изъ участниковъ этногр.-статист. экспедиціи, г. Чубинскій, объясняетъ происхожденіе несимпатичныхъ чертъ еврейскаго характера вліяніемъ надвигавшихъ для нихъ законодательныхъ ибровъ. «Отстраненіе евреевъ отъ земледѣлія—привело ихъ къ исключительно калітереснымъ занятіямъ... Ограниченіе правъ въ проявленіи экономической дѣятельности и ограниченность территоріи ихъ жительства—шордали обманъ, лживость и пр.»¹

Когда послѣ еврейскихъ погромовъ ивѣстныя органы печати стали кричать о разореніи народа еврейна, М. Н. Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ негодованіемъ воскликнулъ: «Въ западномъ краѣ дѣл-

¹ Труды экспедиціи, т. VII, выд. I, ч. 1, стр. 4.

ствительно господствуют страшная, поразительная нищета, но эта *нищета не хрустальная, а серойокая*» (1882 г., № 94).

Вотъ гдѣ, слѣдовательно, источникъ всѣхъ тѣхъ проявленій дѣятельности еврея, изъ-за которыхъ г. Вилецкій называетъ его вреднымъ членомъ. Голодъ, нищета—толкаютъ его на всякія униженія и плутни, безъ которыхъ ему не заработать на хлѣбъ своей многочисленной семьѣ. Голодъ же и нищета въ свою очередь порождаютъ тѣмъ крайне тяжелыми условіями жизни, въ которыхъ еврей поставленъ наданными для него законами. Образование можетъ въ значительной степени способствовать исправленію и переводу евреевъ, но коренное измѣненіе ихъ быта и нравовъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ тѣмъ удалены будутъ бесчисленныя преграды, поставленныя на жизненномъ пути еврея и лишающія его всякой возможности отдаться честному труду и полезной дѣятельности. Такъ думали, такъ говорили и такъ писали и министры рускіе, и другія лица съ высокими официальными положеніемъ, и уважаемые русскіе писатели, и наиболее вліятельные органы періодической печати. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1858 г. министръ внутреннихъ дѣлъ графъ С. С. Ланской докладывалъ Государю: «Справедливость требуетъ сказать, что одною изъ причинъ *бѣдности* большей части еврейскихъ обществъ надлежитъ считать тѣ *ограниченія правъ*, которыя протѣстовавали доселѣ обниженію евреевъ съ господствующимъ населеніемъ и *преграждали имъ путь къ образованію* и улучшенію матеріальнаго быта» (Журн. и-ста внутр. дѣлъ за 1860 г., ч. 41-ая, стр. 61). Такое же мнѣніе высказывалъ объ ограничительныхъ законахъ протѣвъ евреевъ пресидиумъ графа Ланского по министерству внутрен. дѣлъ, графъ П. А. Валуевъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1861, 62 и 63 гг. Иная программу министерствѣ по отношенію къ евреямъ, графъ Валуевъ докладывалъ Государю, что «министерство заботится только о распространеніи между евреями нравственнаго и умственнаго образованія, ослабленіи фанатизма и предрасудковъ и постепенной *оттѣнкой ограниченій, препятствующихъ обниженію ихъ съ соподставляющимъ населеніемъ*» (стр. 196—197 «Отчета»). При обсужденіи проекта закона о дарованіи евреямъ-резекленникамъ права повсемѣстнаго жительства въ Имперіи, графъ Валуевъ заявлялъ, что «привлеченіе ихъ по другимъ мѣстностямъ, гдѣ они теперь не имѣютъ права жить и гдѣ будутъ составлять значительное меньшинство, совершенно исчезающее въ массѣ коренного населенія, послужитъ къ *скорѣйшему слитію ихъ національныхъ особенностей*». (П-о П. С. З. № 42 264).

Также и еврейскій комитетъ, председательствующій графокъ Д. Н. Влудовичъ, по поводу существовавшихъ для евреевъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ограниченій въ ремесленной промышленности, высказался, что «подобныя ограниченія *противодѣйствуютъ стремленію правительства относительно обращенія евреевъ къ полезному труду и несовмѣстны съ общими государственными выгодами*» (тамъ же).

Спеціально по вопросу о тѣсной связи иѣвъ къ распространенію образованія среди евреевъ съ общими положеніемъ евреевъ иѣбется комитетный отзывъ члена совѣта мин. нар. просв., тайн. сов. А. Ф. Постельса, который командированъ былъ въ 1864 г. по Высочайшему повелѣнію, въ разныя губерніи для осмотра еврейскихъ училищъ и затѣмъ представлять подробный отчетъ о сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ и внесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ. Въ отчетѣ этотъ А. Ф. Постельсъ высказалъ и свои мнѣнія о причинахъ, препятствующихъ усѣбу правительственныхъ иѣвъ, и о способахъ достиженія поставленной правительствомъ цѣли. На первый планъ и онъ ставитъ существующія въ законѣ ограниченія правъ евреевъ.

Отдѣлъ своего отчета о казенныхъ еврейскихъ училищахъ Постельсъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «И я долженъ подтвердить, что какія бы жертвы и усилія правительство ни употребило на улучшеніе казенныхъ училищъ, конечная цѣль ихъ учрежденія все-таки не будетъ достигнута, *мека евреи останутся слюченными въ тѣсныхъ предѣлахъ настоящей ихъ осѣдлости и при настоящихъ условіяхъ ихъ жизни*. Независимо отъ того, что эта замкнутость, лишая ихъ возможности расширить кругъ своей торговой и промышленной дѣятельности, погружаетъ ихъ въ *бѣдность*, которая увеличивается со дня на день, она препятствуетъ снѣжанію ихъ съ русскими, которому безусловно должно предшествовать сближеніе съ ними, а этого то именно сближенія и недостаетъ, такъ какъ въ большей части заводныхъ губерній господствующій элементъ польскій и во многихъ мѣстностяхъ численность еврейскаго населенія значительно превосходитъ христіанское, особенно же русское. Всѣ заботы правительства объ устроеніи образованія евреевъ, объ освобожденіи ихъ отъ суевѣрій, предрасудковъ и національныхъ особенностей, объ улучшеніи ихъ матеріальнаго состоянія и, наконецъ, о снѣжаніи ихъ съ русскими населеніемъ, могли бы быть устроены въ короткое время, безъ жертвы со стороны правительства и безъ всякаго насилія, если бы данъ имъ болышій просторъ для жительсва разбросаніемъ селенія безпрепятственно по всей Россіи»... (Журн. мин. нар. просв. за 1865 г.; ч. 126; прилож., стр. 64—65).

Въ такомъ же смыслѣ высказывались множество разъ и «С.-Петербургскія Вѣдомости» за время редактированія ихъ В. О. Корнень, и «Московскія Вѣдомости», когда передовыя статьи писалъ въ нихъ М. Н. Катковъ, и «Голось», и «Порядокъ», и «Русскія Вѣдомости», и другіе органы періодической печати. «С.-Петербургскія Вѣдомости», напримеръ, заявляли: «Для рѣшенія еврейскаго вопроса, для просвѣщенія массы евреевъ, для приданія ей руководительнаго въ государствѣ значенія, накопецъ, для волнаго слитія ея интеллигенціи съ общерусскою интеллигенціей нѣтъ и не можетъ быть другихъ средствъ, кромѣ *расселенія и образованія*»... «Для того, чтобы положить прочное начало двумъ важнѣйшимъ факторамъ еврейскаго возрожденія — образованію и расселенію, необходимо немедленно приступить къ измѣненію тѣхъ законовъ, которые ограничиваютъ еще пребываніе евреевъ вслѣдъ сословія въ городкахъ Имперіи». (1872 г., № 103).

«Трудно представить себѣ, писалъ Катковъ въ «Моск. Вѣд.», до чего доходитъ конкуренція между мелкими торговцами, ремесленниками и прочими промышленниками изъ евреевъ въ городкахъ и иррелативнаго западнаго края Россіи и наихъ ужасающихъ размѣровъ достигаетъ нищета между ними, — нищета, которая не только способствуетъ сохраненію доброй нравственности даже и въ христіанскомъ населеніи, — которая принуждаетъ евреевъ нередко обращаться къ нечестнымъ способамъ приобрѣтенія и при всей ихъ робости братья даже за опасный промыселъ контрабандистовъ. Было бы дѣломъ истиннаго человеколюбія и истиннаго разумнаго расчета — социального, финансоваго и вообще политическаго — не оставлять ни въ самихъ, ни весь западный край въ такихъ ненормальныхъ экономическихъ условіяхъ»... («Моск. Вѣд.» за 1865 г. № 91).

Закоуъ 1861 года, предоставившій право повсемѣстнаго жительства евреямъ, получившимъ ученую степень, Катковъ считалъ недостигающей цѣли полумѣрою и полагалъ необходимымъ уничтожить черту осѣдлости не только для лицъ съ высшимъ образованіемъ, но и для другихъ евреевъ. «Волею правильное расселеніе евреевъ въ Россіи, — писалъ Катковъ въ № 148 «Моск. Вѣдомостей» за 1865 г., — не только не можетъ быть соображено съ тою или другою степенью образованія, достигнутого отдѣльными лицами изъ евреевъ, но оно само есть необходимое предварительное условіе для того, чтобы начатки общаго образованія водворились между евреями...» Катковъ указываетъ далѣе на то, что законъ о дарованіи евреямъ права повсемѣстнаго жительства можетъ быть непріятенъ только «ревнителямъ еврейской старины и замкнутости». «Они боятъся, что

масса евреевъ, болѣе или менѣе разовьившись по Россіи и по образованію облизившись съ русскими, уйдетъ нѣтъ подъ нѣтъ исключительнаго вліянія и освободится отъ той замкнутости, въ которой они хотѣтъ держать свое племя. Дѣло казенныхъ еврейскихъ училищъ, въ глазахъ ревнителей еврейской старины, связывается въ одно съ послѣдствіями предоставленія евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи. И дѣйствительно, если эта существуетъ, и дѣло еврейскихъ училищъ увѣчивается полнѣе успѣхомъ, начатки общаго образованія водворятся въ массѣ евреевъ, если только они не будутъ оставаться скученными въ одномъ мѣстѣ.

Такъ смотрѣть на еврейскій вопросъ человѣкъ, державшіяся какъ извѣстно, строго консервативныхъ возрѣній. Но къ нему примыкаемъ въ этомъ отношеніи и выразители прогрессивныхъ стремленій русскаго общества: «Голосъ» и «Порядокъ». «Что, спрашиваетъ «Голосъ» (1881 г. № 117), дѣлать евреямъ въ чертѣ нѣтъ осѣдлости для обезпеченія себѣ насущнаго пропитанія? Ремеслами и торговлею они, по общему свидѣтельству, занимаются такъ даже черезъ нѣру; заниматься земледѣліемъ не даютъ нѣтъ возможности самъ законъ... Голодъ—безпощадный двигатель человѣка, и нельзя удивляться, если еврей, поставленный нѣтъ возможности честнаго труда, позволяеть себѣ прибѣгать и къ несовсѣмъ невольничьимъ средствамъ добыванія куска хлѣба. Притомъ, если законъ предоставляетъ еврею всѣ права лишь по приобрѣтеніи нѣтъ званія купца 1-й гильдіи, то развѣ этихъ самыхъ не разжигаются въ немъ всѣ страсти наживы?»

Говоря объ испытанной на практикѣ «системѣ скучиванія» евреевъ и о горькихъ плодахъ ея, которые нееврейское населеніе «жужжать теперь вѣстѣ съ еврейскимъ», «Порядокъ» указываетъ, между прочимъ, что національныя особенности евреевъ обостряются тѣмъ болѣе, тѣмъ больше обособлены они, т. е., тѣмъ больше они скучены. «Милліонное еврейское населеніе Россіи, говоритъ въ этой статьѣ, не можетъ долѣе оставаться ни скученнымъ, ни обособленнымъ... Еврей долженъ быть поставленъ въ общія условія гражданской жизни, чтобы современно сдѣлаться русскимъ гражданиномъ. Въ этой нравственной и общественной задачѣ нѣтъ возможности выйти изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ вращался до сихъ поръ еврейскій вопросъ... Свободное расселеніе евреевъ, какъ и всѣхъ русскихъ подданныхъ по всей Имперіи, было бы однимъ изъ самыхъ насущныхъ нѣтъ въ этомъ направленіи. Но эта нѣтъ должна быть дополнена другою, не менѣе важною и тѣсно связанною съ общими вопросами о народномъ образованіи въ Россіи. Каждый еврей долженъ проходить въ

дѣятельность, русскую гражданскую, первоначальную народную школу; получая дома: «одна только первоначальное религиозное образование» (1881 г., № 121).

«Необходимо открыть евреямъ доступъ во всѣ сферы общественной и государственной дѣятельности и признать за ними право жить и поселиться, гдѣ угодно, въѣзду того чтобы держаться нѣтъ за прилавокъ и на ограниченной территоріи», читаемъ мы въ другой редакционной статьѣ того же «Порядка» (1881 г., № 125).

Приведенныя выписки можно было бы дополнить еще многими другими, но и эти уже достаточно, чтобы показать, съ какими значительными единодушными высказывались по интересующему насъ вопросу русскіе люди самыхъ различныхъ положеній, самыхъ противоположныхъ убѣжденій и лагерей. Всѣ они одинаково считали вредною и еврейской нищеты, и еврейской обособленности, и дурнымъ чертъ еврейскаго характера — тяготѣніемъ на этотъ народъ законодательными ограниченіями сферы жителства и дѣятельности. Всѣ они предвидѣли для исправленія, просвѣщенія евреевъ и сближенія ихъ съ кореннымъ населеніемъ одно и то же средство — *образованіе вмѣстѣ съ уравненіемъ съ правами съ прочими подданными Имперіи.*

Если бы вскорѣ послѣ устройства казенныхъ еврейскихъ училищъ правительство издало законъ о дарованіи права повсемѣстнаго жителства и полной свободы дѣятельности всѣмъ окончившимъ правительственную школу, то связанныя съ эпохою графа Уварова нѣры по распространенію просвѣщенія среди евреевъ и преобразованія ихъ быта несомнѣнно узычались бы еще болѣе полнымъ успѣхомъ, — и тогда самъ собою разрѣшился бы весь еврейскій вопросъ, до сихъ поръ ждущій своего разрѣшенія. И эта вѣчно зіяющая рана на государственномъ организмѣ Россіи не закроется до тѣхъ поръ, пока евреи будутъ оставаться въ нѣмнѣшнемъ своемъ ненормальномъ правовомъ положеніи, которое создаетъ изъ нихъ народъ пролетаріевъ со всеми отличительными особенностями нищихъ.

Г. Вѣлецкій, какъ педагогъ, судилъ о нѣдрахъ, предпринимавшихся правительствомъ для образованія евреевъ, исключительно съ учебной точки зрѣнія и поэтому искалъ причинъ неуспѣха этихъ нѣдръ въ недостаткахъ организаціи еврейскихъ училищъ, въ ошибкахъ, допущенныхъ при составленіи учебныхъ программъ, въ отступленіяхъ отъ устава и пр. Но въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ перевоспитаніе цѣлаго народа, едва ли правильно судить по одній лишь частностямъ выполненія учебнаго плана. Приходится, конечно, смотрѣть на дѣло глубже и шире. Лишь охвативъ

всѣ стороны вопроса—политическія, экономическія и бытовыя, можно уяснить себѣ причины жизни. Лишь тогда мысленно дать правильный отвѣтъ, какіи мѣрами возможно достигнуть намѣченной полноты тѣмъ извѣстной цѣли исправленія сиротъ. Отвѣтъ этотъ, какъ оказывается въ приведенныхъ нами отзывахъ русскихъ людей, получается: одинъ, въ сущности, очень простой: прежде, чѣмъ преступать и исправлять народъ, надо сдѣлать его свободнымъ отъ тѣхъ путъ, которые дѣлаютъ его дурнымъ, вреднымъ и некультурнымъ. Раньше или позже, — мы въ это глубоко вѣримъ, — иномъ это станетъ общинъ достоинствомъ русскаго народа, который такъ мало сочувствуетъ положенію сиротъ лишь потому, что мало знаетъ о немъ. «Знать — вотъ что нужно прежде всего, писалъ незабвенный Щегиревъ (Салтыковъ) по поводу еврейскихъ погромовъ 1882 года, а знаніе несомнѣнно приведетъ за собой и чувство чуждости. Въ этомъ чувствѣ, какъ въ гармоническомъ дѣломъ, сливаются тѣ вѣщности, благодаря которымъ отношенія между людьми являются прочными и добродѣтельными. А иномъ: справедливость, сознаніе братства и любви» *.

Г. Вольке.

* („Отечественныя Записки“ за 1882 г., № 8—„Юльское вѣданіе“).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Zion. Monatsschrift für die nationalen Interessen des Jüdischen Volkes. Erster Jahrgang, № 1, 1895. «Сіонъ» ежемѣсячный журналъ, посвященный національнымъ интересамъ еврейскаго народа. Годъ первый. № 1).

О выходѣ этого «журнала» было ослѣщено въ послѣднѣмъ номерѣ тихо скончавшагося органа берлинскихъ палестинцевъ «Jüdische Volkszeitung». Новый журналъ ничѣмъ не отличается отъ этой покойной своей родительницы, развѣ только форматомъ, да еще, пожалуй, тѣмъ, что д-ръ Вирбаумъ наконецъ устыдился своего дѣтства и уступилъ свои лавры молодому редактору д-ру Леве (Loewe). Новый редакторъ приступилъ къ дѣлу безъ всякихъ предисловій. Первая статья, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ ему самому и посвящена вопросу, который всѣмъ, даже отчаяннымъ ультранаціоналистамъ, до смерти надоѣлъ: «Der Nationalismus» von Dr. Heinrich Loewe. Все это такъ старо и скучно, такъ много уже говорено было на эту тему, что право пора перестать.

Въ этой книжкѣ лишь начало статьи, но г. Лева, при добромъ желаніи, слухнетъ «говорить» на эту тему не одинъ годъ. И для кого пишется эта жиденькая статья? Ни для кого не секретъ, что «Selbstemancipation» скончалась отъ недостатка подписчиковъ; ея преемница умерла той-же болѣзью и мы не имѣемъ основанія думать, что «Zion» будетъ имѣть большій успѣхъ. Пора бы этимъ чудакамъ успокоиться и укротить свой редакторскій и писательскій зудъ. Такіе органы, какъ «Zion», приносятъ лишь вредъ палестинскому и національному дѣлу, въ особенности въ Германіи, гдѣ къ прессѣ предъявляютъ весьма высокія требованія. Не спасетъ этого «органа» и статья Герша Гильдесгеймера «Die Palästina-Forschung», хотя она написана живымъ слогомъ и легко читается. Г. Г. совершенно основательно упрекаетъ своихъ единовѣрцевъ въ

равнодушн къ научнымъ вопросамъ, касающимся Палестины.—Затѣмъ начато перепечатываніе письма одного еврея D. V. H. въ редакцію «Orient» Письмо помѣщено въ 1840 г., и, насколько можно судить по началу, заключаетъ въ себѣ призывъ къ евреямъ воспользоваться печальнымъ положеніемъ турецкой имперіи и усилленно колонизировать Палестину. Какъ историческій документъ письмо представляетъ интересъ, но его слѣдовало бы напечатать цѣликомъ, а не дѣлать на части. Этимъ заканчивается первая половина журнала (16 страницъ), а вторая (тоже 16 стр.) заключаетъ въ себѣ нѣкія замѣтки, носящія грочскія названія: 1) «Nachrichten aus Palästina» 2) Sprechsaal, 3) Litterarische Umschau 4) Die nationale Bewegung 5) Chronik. Всѣ онѣ имѣютъ такой же характеръ, какъ и въ «Selbstemanzipation» и «Jüdische Volkszeitung», и имъ абсолютно не знаемъ, зачѣмъ понадобилась эта метаморфоза. Г. Гальдсгейнеръ—недалекъ «Jüdische Presse» и, если онъ захочетъ на самомъ дѣлѣ дѣйствовать въ національномъ духѣ, такъ ему не затѣмъ писать въ чужомъ органѣ, а вы, господа, «какъ ни сидитесь, все въ музыканты не годитесь»...

Ал. Брагинъ.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ «ВОСХОДА».

Вновь поступившія въ редакцію книги отбѣчаются ~~_____~~

Контора «ВОСХОДА» принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на периодическія изданія и высылаетъ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

I. БОГОСЛОВІЕ И ФИЛОСОФІЯ.

Дейтшъ, Э., бібліотекаръ Британскаго музея. Талмудъ. Этюдъ. Пер. съ 7-го изданія. Изд. третье. А. В. Нандау. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Деличъ, Фр., проф. Слово правды о Талмудѣ (по поводу соч. А. Роллинга «Талмудическій еврей»). Перев. съ 7-го нѣм. изд. Н. Ворисовъ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Каценелленбогенъ, С. А. Монсеево вѣроученіе для еврейскаго юношества въ 2 частяхъ и IV отдѣлахъ. Ч. I. Допущенная Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для учен. евр. вѣроисповѣданія четырехъ низшихъ классовъ гимназій. Ц. 1 р. 85 к., съ пер. 2 р.

— Ч. II. Ц. 1 р.

Лурье, С. Страница изъ Талмуда. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Флассфедеръ, Д. Ш. Карен и ихъ ученіе объ иновѣрцахъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.,

Хольсонъ, Д. А. Проф. О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Историческое изслѣдованіе по источникамъ. 2-ое совершенно переработ. изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., на вел. бумагѣ 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Цигельманъ Н. Л. Законоучитель для учениковъ іуд. вѣроисповѣданія, обучающихся въ спеціальныхъ евр. училищахъ и общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Шахрай, Л. Русское слово еврейскими дѣтями. Хрестоматія для евр. школъ. Изд. 2-ое, одоб. Учен. Ком. М. Н. Пр. Ц. 40 к., для учащихся 35 к., Шперкъ. Система Синозы. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

— Метафизика мировыхъ процессовъ Основы. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

II. ИСТОРІЯ.

Бершадскій, С. А. Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. т. I: Документы и речесты къ исторіи литовскихъ евреевъ (1888—1850). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.—Т. II. Документы и речесты къ ист. лит. евреевъ (1550—1569). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Градоскій, Н. Д. Отношенія въ еврействѣ въ древней и современной Руси. Часть I. Мотивы историко-національныя. Съ точки зрѣнія русско-православной. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гретцъ, Г. проф. Исторія евреевъ. Т. V. Отъ времени заключенія Талмуда (500 г.) до эпохи расцвѣта еврейско-испанской культуры (1027 г.). Пер. со 2-го нѣм. изданія 1871, съ прибавленіями. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Гретцъ. Исторія евреевъ. Т. X. Отъ эпохи голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ. 1618—1760 г. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Я. Гаркави. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Гретцъ. Популярная исторія евреевъ. Въ трехъ томахъ. Пер. съ нѣм. Изданіе И. М. Шварцмана. Выпускъ

I. Ц. 40 к., съ пер. 50 р.—II Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—III и IV Ц. 50 к., съ пер. 65 к.—V и VI Ц. 50 к., съ пер. 65 к.—VII и VIII Ц. 50 к., съ пер. 65 к.—IX и X Ц. 50 к., съ пер. 65 к. Всѣ 10 выпусковъ, составляющихъ 1-й томъ, 2 руб. 80 коп. съ пер. 3 р. 15 к.—XI и XII Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Дубновъ, С. М. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. Ц. 35 к., съ пер. 45 к.
Карпелесъ, д-ръ Густавъ. Исторія еврейской литературы отъ начала библейской эпохи до нашихъ временъ. Переводъ подъ редакцію и съ пріичаніями доктора-восточныхъ языковъ А. Я. Гаркави. Цѣна 6 р. Для подписчиковъ «Восхода» — 5 р. съ персылкой.

Флмсфедеръ, Д. И. д-ръ. Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

III. ЗАКОНОВѢДЕНІЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА.

Зейблеръ И., д-ръ философіи. Противъ «книги Кагала» Брафмана. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Канторовичъ Я. А. «Юридическая бібліотека».

Вып. I. Честь въ философіи и въ правѣ. Проф. I. Экинштейнъ. Ц. 80 коп.

Вып. II. Литературная собственность (съ приложеніемъ воиъхъ постановленій дѣствующаго законодательства о литературной, художественной и музикальной собственности, вместе съ разъясн. по кассан. рѣш. Сената). Я. Канторовича. Ц. 80 к.

Вып. III. Общественное мнѣніе. Проф. Ф. Гольцендорфа. Ц. 80 коп.

Вып. IV. Женщина въ правѣ (съ приложеніемъ воиъхъ постановленій дѣствующаго законодательства, отно-

сящихъ до лика женскаго пола). Я. Оронича. Ц. 1 р. 60 к.

Кутанскій процессъ. Дѣло о похищеніи и умерщвленіи еврейки крестьянской дѣвочки Сарры Юсифовой Модавава. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Моддерманъ, В., проф. Ревиніи римскаго права. Пер. съ нѣм. А. Канинка, подъ ред. проф. С.-Петербургскаго университета Н. Л. Дювервуа. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Моргулисъ, М. Г. О давности владѣнія недвижимостью по Талмудскому праву. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Мышь, М. И. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Ц. 2 р. 70 к., съ пер. 3 р.

Оршанскій, И. Г. Русское законодательство о евреяхъ. Очерки и исследование. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Риль, В. Г. Гуманизмское общество. Переводъ съ шестого нѣмецкаго изданія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Самойловичъ, Г. О правахъ ремесленниковъ-евреевъ. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Шерешевскій, И. И. О книгѣ Кагала. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

IV. БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Антарова, И. В. Изъ жизни воспитаннаго. Евреи и жидаы. Очеркъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

— Дѣвчѣны сны. Повѣсть. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Барнштейнъ, А. Повѣсти. Мандель Рабборъ. Фейсала. Магдаля. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Вогровъ, G. I. Memoiren eines Juden. Zwei Theile. Aus dem Russischen ubersetzt von M. Ascharin. Цѣна за обѣ части (вместѣ 4 руб.) 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Издается только на нѣмецкомъ языкѣ. Русское изданіе «Записки Еврея» издается лишь

въ незначительномъ числѣ экземпляровъ и стоитъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Богровъ, Г. И. Еврейскій манускриптъ (набѣется всего нѣсколько экземпляровъ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Гарриетъ, Э. М. Заблудшій. Романъ. Пер. съ англ. А. Каррикъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ге, Н. Г. Софія Малютъ. Между старымъ и новымъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Герцбергъ-Френкель, А. Польскіе евреи. Рассказы, очерки и картины. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ подъ ред. Петра Вейнберга (съ призываніями и біографіями).

Вып. I. Гете.—Вып. II. Шекспиръ.—Вып. III. Мольеръ.—Вып. IV. Данте.—Вып. V. Шиллеръ.—Вып. VI. Шериданъ.—Вып. VII. Софоклъ.—Вып. VIII. Байронъ. Цѣна каждаго выпуска 50 к., съ пер. 60 к.

Леванда, Л. О. Очерки Прошлаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Льдовъ, К. Н. Саранча. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Мандельштамъ, I. Женщины тургеневской поэзии и прозы. Съ приложеніемъ статьи: Нѣсколько словъ объ И. С. Тургеневѣ. Ц. съ пер. 25 к. (вмѣсто 75 к.).

Мордовцевъ, Д. Л. Великій расколъ. Ист. романъ, въ 2 частяхъ. Изд. 2-ое. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

— Жертвы вулкана. Ист. романъ изъ послѣднихъ дней жизни Помпеи. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

— Между Сиддой и Харабдой. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Неглуховскій, Ф. К. Современное. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Ормешинъ, Элиза. Мирта. Ист.

повѣсть. Пер. съ польскаго А. И. Онуфровича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рабиновичъ, О. А. Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. Каждый томъ отдѣльно 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Ротшильдъ, В. Въ духѣ времени. Романъ изъ современной жизни. Пер. А. Каррикъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Филипповъ, Л. Яковъ Тирадо. Ист. романъ. Пер. П. Вейнберга. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Французъ, К. Э. Повѣсти и рассказы. Пер. подъ ред. Петра Вейнберга. Содержаніе: I. Шейлокъ изъ Варюва.—II. Дитя искушенія.—III. Баронъ Шнуль.—IV. По закону высшему.—V. Эстерка Регина.—VI. Ликъ Христа.—VII. Два Спасителя.—VIII. Везъ надписи.—IX. Изъ-за яйца.—X. Черный Авраамъ.—XI. Народный судъ.—XII. Пфаллеръ въ Варювѣ.—Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Мальиона. Трагическая исторія. Пер. П. Вейнберга. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

— Юдней Трахтенбергъ. Повѣсть, пер. А. Г. Каррикъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., въ изящн. переп. 1 р. 85 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Фругъ, С. Р. Стихотворенія. 1881—1889. Изд. 2-ое, т. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р., на вел. бумагѣ и въ изящномъ переплетѣ—5 р. съ пер.

Хинъ, Р. М. Ослуэты.—На старую тему.—Не ко двору.—Наташа Криницкая.—Макарна. Ц. на вел. бумагѣ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Шекспиръ. Тимонъ, принцъ датскій. 2-е испр. изданіе. Пер. и приобщеніе къ условіямъ современной сцены А. Московскаго. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

— Отелло, негръ венеціанскій. Съ предисловіемъ и антикритикой. Пер. и приѣвненіе къ условіямъ современной сцены А. Московскаго. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Эберстъ, Г., проф. Іисусъ Навинъ. Романъ изъ библейской эпохи, пер. С. О. Дзѣпровскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Янтарева, Р. А. Мараны (изъ времени испанской инквизиціи). Повесть для юношества. Ц. 75 к.

Ярошевскій, С. О. Граница. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Выходцы изъ Межополя. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

V. ПУБЛИЦИСТИКА.

Л. М. Брамсонъ. Поѣздка въ южно-русскія колоніи. Ц. 25 к.

Еврейскій вопросъ въ Россіи. Безпристрастный взглядъ индивида. Цѣна 10 коп.

Канторъ, Л. Подвиги дилетантизма. Отповѣдь псевдоученому памфлетисту. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Лапинъ, Е. Настоящее и будущее еврейской колонизаціи въ Аргентинѣ. (Докладъ, читанный въ Центральномъ комитетѣ Евр. Кол. Общества Ц. 50 к., съ пер. 65 к.)

Леруа-Бодье, А. Евреи и Антисемитизмъ, пер. Э. К. Ватсона и Г. И. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Лурье, С. Дяткивизмъ и новѣйшій антисемитизмъ. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Лютостанскій. Современный взглядъ на еврейскій вопросъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Мамасевичъ. Национализмъ и космополитизмъ. Ц. 50 к., съ пересылкой 60 коп.

— О консервативн. и прогрессивн. началахъ. Цѣна 50 коп., съ пер. 60 коп.

Моргуломъ, М. Г. Вопросы еврейской жизни. Собраніе статей. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к., для подписчиковъ «Восхода» 30%, уступки.

Оршанскій, И. Г. Евреи въ Россіи. Очерки экономическаго и общественнаго быта русскіхъ евреевъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Прайсъ, Г. М. Русскіе евреи въ Америкѣ. Очерки изъ исторіи, жизни и быта рус. евр. эмигрантовъ въ Сѣв. Америкѣ (1881 — 1891 г.) Цѣна 1 рубль.

Протопоповъ, В. И., протоіерей. Объ употребленіи еврейни христіанской крови для религиозныхъ цѣлей. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Scharif, H. A. Tragikomisches aus dem Leben. Ц. 25 к., (виѣсто 75 к.) съ пер. 35 к.

Эми. Что дѣлать евреямъ? Нѣкоторые сужденія о евреяхъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

VI. ГИГИЕНА-ПЕДАГОГИКА.

Ганъ, И. К. Надо-ли бояться гроза и молніи? Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Правила и программа для поступающихъ въ приготовительный классъ гимназій иprogимазій въ домства мн. народ. просвѣщенія. Ц. 10 к.

— Тетради для грамматическаго разбора, № 1. Цѣна 5 к., съ пер. 10 к., (заказн. 15 к.).

— Тоже № 2. Цѣна 5 к., съ пер. 10 к., (заказн. 15 к.).

— Тоже № 1 и № 2 виѣсто Ц. съ пер. заказн. 25 к.

— Звани проиванія. Ц. 30 к., съ пер. 45 в.

— Спутникъ правописанія. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

— Тѣлководитель газетъ и журналовъ. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

— Полный словарь буквы В. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Май, Карл. Самоучитель англійскаго языка. Краткое руководство къ изученію англійскаго языка, содержащее въ себѣ: грамматику, разговоры и пр. Съ 13-го значительно дополненнаго вѣм. изд. перевелъ И. М. Ш. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

Месювский, А. Американская система обученія иностранннмъ языкамъ д-ра Ричарда С. Резенталя, съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго произношенія. 1) Образцовый самоучитель французскаго языка. Цѣна пространному изданію 3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80 к. Общедоступное изданіе 75 к. съ пер. 1 р. 2) Образцовый самоучитель вѣмецкаго языка. Цѣна полному курсу 3 р., съ перес. 3 р. 40 к. 1-й выпускъ 40 к., съ пер. 50 к. 3) Образцовый самоучитель англійскаго языка. Вышелъ 1-й выпускъ (отдѣльно не продается). Подписная цѣна на полный курсъ изъ десяти выпусковъ 3 р., съ пер. каждаго выпуска заказ. 4 р.

Mieskowski's Lehrbuch zur praktisch-theoretischen Erlernung der russischen Sprache. Preis 3 Rub.

Пликусъ, проф. Гигіена волосъ и средства противъ преждевременнаго сѣдвнія и выпаденія ихъ. Изданіе 3-е. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Bransen, Alfred, d-г. Зубы нашихъ дѣтей во время ихъ проростанія. Совѣтъ матерямъ. Съ вѣм. пер. и дополненъ А. Казарновскій. Съ 27-ю

рисунками въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Лауферъ, I. M. Зубной врачъ. Искусственные зубы. Популярное изложене болѣзней зубовъ и десенъ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Тиктинеръ. Ветеринарный врачъ Рѣка домашннхъ животннхъ и птицъ по еврейскому обычаю. Ц. 50 к. съ пер.

VII. СБОРНИКИ, СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Еврейская Библиотека. Историко-литературный сборникъ. Изданіе А. Е. Ландау. 8 томовъ, I, II и III томы вышли *вторымъ изданіемъ*. Ц. каждому тому 2 р. 50 к., всѣмъ 8 томамъ всѣмъ 16 р., съ пер.

Каганъ, И. Я. Новый законъ о маламдакѣ... Съ позднѣйшими разъясненіями М. Н. П. съ приложеніемъ относит. къ нему статей уложенія о нак. и формы прошеній о выдачѣ свидѣтельства на званіе маламеда. Ц. 15 к., съ пер. 20 к., заказнымъ 25 к.

Д-ръ Кноллеръ. Краткій курсъ грамматики древне-евр. языка, обработка Г. Генкаль. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Лауферъ, I. M. Зубной врачъ. Сборникъ законовъ, правилъ, постановленій и распоряженій правительства для зубныхъ врачей, дантистовъ и учениковъ, съ указаніемъ официальныхъ изданій, и краткій медицинскій латино-русскій словарь. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Памятная книжка для евреевъ на 5655 г. отъ сотворенія міра (съ 19-го сентября 1894 по 7-ое сентября 1895 г.) въ 14 отдѣлахъ. Ц. 40 к. съ перес. 55 к., на лучшей бумагѣ 50 к., съ пер. 65 к.

Саремъ. Сборникъ исторій, лите-

ратури и общественной жизни. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданского шрифта (1708 г.) по Декабрь 1889 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Словъ Еврейскій палестинскій сборникъ. Изд. В. Вармана. Выпускъ 1-й. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Уставъ гражданского судопроизводства и Правила о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подѣловочныхъ

Земскихъ Начальниковъ и Городскихъ Судьявъ. Съ приложеніемъ таблицъ сроковъ, алфавита, образцовъ прошеній и краткаго наставленія къ веденію гражданскихъ дѣлъ. Ц. 1 р. 25 к.

Экономическая хозяйка. Какъ нужно нитаться.—Химическій разборъ състныхъ припасовъ.—Рецепты кушаній, и напитков.—Полезныя свидѣнія по части чистки кружевъ, матерій, посуды и пр.—Гигіена кожи лица и рукъ. Сост. А. Суворова. Ред. врачъ И. И. Гончаровъ. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Прим. Подписчики «Восхода» за пересылку не платятъ, а прибавляютъ лишь на заказъ 10 к. на каждую посылку, не превышающую 4-хъ фунтовъ.

ВЪЗЕМЛЯРЫ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ.

„ВОСХОДА“

1881—1894 гг.

ПРОДАЮТСЯ ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО НИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

«Восходъ» за 1881 г. полный . . .		2 р. 50 к.	БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ:	
»	» 1883 » » . . .	2 » 50 »	»	»
»	» 1884 » I—VII вкл. 1 »	50 »	»	»
»	» 1885 » I—VIII » 1 »	50 »	»	»
»	» 1886 » безъ III вкл. 2 »	25 »	»	»
»	» 1887 » IV—XII вкл. 1 »	50 »	»	»
»	» 1888 » полный . . .	2 » 50 »	»	»
»	» 1889 » IV—XII вкл. 2 »	— »	»	»
»	» 1890 » IV—XII » 2 »	— »	»	»
»	» 1891 » полный . . .	4 » — »	»	»
»	» 1892 » » . . .	5 » — »	»	»
»	» 1893 » » . . .	6 » — »	»	»

Всѣ эти годы выстѣ за 25 р. (ви. 33 р. 50 к.) *безъ пересылки.*

За пересылку налагается платежъ, смотря по ея стоимости на почтѣ или желѣзной дорогѣ. При выпискѣ должны быть высланы всѣ деньги (за исключеніемъ стоимости пересылки). Выписка съ **НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.**

Отдѣльныя книжки: 1881—1889 гг. по—р. 50 к. съ пересылкой.

» » 1891—1892 » — » 75 » » »

» » 1893—1894 » 1 » — » » »

3 2044 024 244 055

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
7 4 1987 973
7 4 77 H
SEP 1

DEC 15 1994
DEC 6 1994
BOOK DUE
CANCELLED

